

АННА ШНАЙДЕР
**Сердце
ВОЛКА**

Annotation

Их разделяет почти сто лет. Они волки-изгнанники, отрекшиеся от клана и стаи. Волки, так и не принявшие свою суть. Волки, так и не сумевшие стать волками... Их разделяет почти сто лет, и возможно, что они никогда не встретятся. Кроме как... во сне?..

- ○ [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОКЛЯТИЕ ДЛЯ ОБОРОТНЕЙ](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДВЕ СУДЬБЫ](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Эпилог](#)
-

Анна Шнайдер
Сердце волка

**❧ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОКЛЯТЬЕ ДЛЯ
ОБОРОТНЕЙ ❧**

Глава 1

*... Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя,
Или, может быть, когда умрём,
Мы в тот лес направимся вдвоём.*

Н. Гумилёв

Глава первая

Рональда

Над лесом вставало солнце.

Я смотрела на небо, лёжа на небольшом пригорке, и улыбалась. Я больше всего любила час рассвета, когда можно просто молча полежать в одиночестве, ни о чём не думая, ни о ком не беспокоясь, забыв про собственную жизнь, потому что, глядя в рассветное небо, кажется, что всё это совершенно неважно.

Ветер шелестел листьями деревьев, заставляя их перешептываться между собой. Скосив глаза, я наблюдала, как из норки вылез тушман — маленький пушистый зверёк-грызун — и принялся с упоением тереть глазки-бусинки, чтобы прогнать сонливость и умыться. С каждой минутой воздух всё больше светлел, и я уже могла разглядеть и пространство вокруг себя, и деревья, обступившие меня со всех сторон, словно они желали меня обнять. Забавно, ведь кроме них вряд ли найдутся охотники до объятий со мной.

Над лесом полилась тихая, мелодичная песнь какой-то маленькой птички. Прислушавшись, я узнала трели калюжницы — эта крошечная птица с красным брюшком и забавным жёлтым хохолком на голове больше всего любила петь именно на рассвете, словно желая поприветствовать начинающийся день.

Наконец, солнце выглянуло из-за верхушек деревьев и на миг ослепило меня. Я улыбнулась. Оно делало так каждое утро, а я радовалась — думала, что солнце играет, подмигивает мне, подбадривает... И никогда заранее не жмурилась, чтобы не пропустить тот, самый первый, лучик света, который заглянет мне в глаза. Поймав это приветствие от наступающего дня, я с наслаждением потянулась, не вставая с прохладной почвы, чувствуя, как трава щекочет голые пятки...

Я бы очень хотела быть столь же прекрасной, как и это утро, и природа вокруг меня. Но я, к сожалению, не была такой. Иногда мне казалось, что это должны замечать и лесные животные, и рыбы, и даже деревья — но они не замечали. В отличие от моих сородичей, да и меня самой. Я терпеть не могла смотреться в зеркало, да и что хорошего я бы увидела там? Низкую и нескладную полную девушку со светлыми волосами, настолько жидкими, что голова напоминает ощипанную курицу. Нос — толстый, мясистый, как пяточок у свиноматки. Огромные губы, из-за которых меня когда-то прозвали жабой. Хотя уши не торчат и зубы ровные, и на том спасибо.

Единственная красота — глаза. Они у меня голубые, как лепестки лесной фиалки, очень редкого лесного цветка. И если бы они находились на каком-нибудь другом лице, может, и ничего, но на моём смотрится, как насмешка природы. Тем более, что у всех нормальных оборотней глаза жёлтые. Точнее, они становятся жёлтыми после первого обращения. А до этого могут быть самыми разными. И то, что мои глаза до сих пор остаются голубыми, говорит только об одном...

— Рональда!

Я вздохнула. Ну вот, начинается. А я так надеялась полежать здесь ещё хотя бы десять минут.

— Рональда! Рональда, ты слышишь меня? Отцу срочно нужна твоя помощь!

Я хмыкнула. Ну конечно, кто бы сомневался.

— Иду, Сильви.

Над моим голосом природа тоже поиздевалась. Нет бы сделать квакающим, как у настоящей лягушки! А он у меня обычный, красивый даже.

Я встала с земли, отряхнула юбку, нацепила башмаки, а затем сошла с пригорка и направилась навстречу сестре.

Увидев меня, Сильви как всегда нахмурилась.

— Ну где ты пропадаешь? Каждый раз так! Неужели ты не можешь подойти поближе к Поляне?!

Я пожалала плечами, и она поджала губы.

— Пойдём. Отец просил привести тебя как можно скорее. — Она развернулась и поспешила прочь, а я молча последовала за ней.

Сестра, в отличие от меня, унаследовала замечательную во всех отношениях внешность нашей матери. У Сильви прелестные кудрявые волосы цвета золота, ярко-жёлтые глаза, изящный рот и стройная фигура. Она выше меня на целую голову и сумела впервые обратиться в тринадцать лет, как и положено. Сильви очень сильная самка, не смотря на свой возраст. Сейчас ей всего восемнадцать.

Кроме неё, у меня есть ещё одна сестра. И двое братьев. Я — самая старшая, мне двадцать два года. И все мы — дети главы клана белых волков, или, как его называют у нас, оборотней, калихари.

Я думала, отец будет встречать нас с Сильви у входа в деревню, как обычно, но нет. Видимо, случилось что-то действительно серьёзное.

Вместо того чтобы повернуть к дому калихари, сестра вдруг повела меня в ближайшее строение. Значит, раненых даже не стали тащить в усадьбу. Хм...

— Да шевелись ты! — зашипела Сильви, сверкнув ярко-жёлтыми глазами. Я, по своему обыкновению, ничего не ответила.

Возле дома, к которому мы шли, резко и неприятно пахло свежей кровью. Запаха было много, воздух им просто пропитался...

Дверь распахнулась.

— Рональда!

Я моментально остановилась, чуть присела и опустила голову — так у нас полагалось приветствовать любого из трёх глав кланов.

— Калихари.

Я никогда не называла его отцом.

— Пойдём. — Я и опомниться не успела, как он вдруг развернулся и вошёл в дом. — Джерард не смог вовремя остановиться...

Больше отец ничего не сказал, но мне больше и не требовалось.

Джерард — старший из моих братьев. И самый неуравновешенный. Он, конечно, ара — так называют сильных, крупных самцов, — но пока не может понять, что быть ара — это тяжёлая работа, а не игра в «догони, поймай, укуси».

Суть любого оборотня — двойственность. Двойное сознание. Есть человек, а есть волк. И чем сильнее твой внутренний волк, тем сложнее его контролировать. Настоящий ара должен быть прежде всего не сильным хищником, а сильным человеком, чтобы подчинить своего волка. Процесс «подчинения» занимает от пяти до десяти лет. По крайней мере обычно так и происходит. Но Джерард мучается уже чуть больше восьми, а подвижек всё нет и нет. Отец думает — это из-за его вспыльчивости. Возможно, он прав, и прежде, чем подчинить своего внутреннего волка, брату придётся побороться с собственным характером.

В комнате, куда завёл меня калихари, царил настоящий разгром: на полу валялись черепки от разбитой посуды, куски окровавленной ткани, ещё какой-то хлам, неподдающийся опознанию. А у окна стояла кровать, на которой и лежал он — получеловек-полуволк, с ног до головы вымазанный собственной (а может, и чужой) кровью.

Он не двигался.

— Я дал ему сонного зелья. Рональда, это Нери, сын Кендры...

Я только вздохнула. Всё понятно. Кендра — ближайшая подруга моей дражайшей матушки, и понятное дело, обе очень расстроятся, если я не сумею помочь бедолаге.

Что ж, ладно...

Я подошла ближе к постели и почти сразу оцепенела. Да, Джерард, подкинул ты мне работёнку.

— Калихари, — я обернулась к отцу, — нужна очень хорошая верёвка или куски длинной, крепкой ткани. Пошлите Сильви в мою хижину, пусть принесёт с полки три бутылочки. Одна зелёная, другая красная, третья синяя. Надеюсь, она не перепутает, от этого зависит жизнь Нери.

Отец молча кивнул и вышел из комнаты, а я вновь повернулась к раненому. Случай был сложный и практически безнадёжный.

Когда Джерард, потеряв над собой контроль, начал трепать Нери, как куклу, бедняга то ли от боли, то ли от отчаяния и страха, решил перекинуться обратно в человека. В результате он застрял посреди трансформации. Вывести из этого состояния вообще очень сложно, а тут ещё такие ранения...

Многие думают, что регенерация спасает оборотней практически от любых повреждений. Но это заблуждение. Во-первых, в течение десяти-двадцати лет с момента первого обращения она почти не работает, а только формируется, а во-вторых, если оборотню отрубить голову, она точно на место не прирастёт. Ну и даже обладая такой мощной регенерацией, как калихари, выздоровление после тяжёлых ран требует много времени и жизненных сил.

Удастся ли мне вытащить Нери из лап Дариды, я не имела понятия. Но попробовать стоило, и вовсе не потому что я боялась гнева матушки или хотя бы жалела этого молодого оборотня. Я уверена, когда он очнётся, то и видеть меня не захочет, как и все остальные, кого я лечила. Мне просто было интересно, смогу ли я...

— Вот, — сказал калихари, заходя в комнату. В руках у него были три бутылочки и крепкая верёвка. — Тебе нужна помощь, Рональда?

— Нет, — я покачала головой. — Выйдите, пожалуйста.

Несколько секунд отец просто смотрел на меня пронзительно-жёлтыми глазами. Желтее они только у дартхари — нашего Вожака.

— Хорошо, — кивнул наконец и вышел из комнаты.

Я сразу же бросилась к Нери и приступила к делу. Сначала привязала его руки и ноги к крепким крюкам, торчащим прямо из стены — подобные есть в любом доме оборотней на случай, если придётся силой усмирять разбушевавшегося волка и связывать его, — а затем усилила узлы заклинанием.

Содержимое красной бутылочки первым делом отправилось в рот Нери, зубы которого я еле разжала, чтобы напоить его обезболивающим — именно это зелье хранилось у меня в бутылочках красного цвета. Теперь нужно было понять, что делать дальше, и я, приглядевшись, решила, что всё же буду помогать оборотню превратиться обратно в человека — тело Нери сейчас больше напоминало человеческое, чем волчье. Поэтому я, натерев его

заживляющей мазью из зелёной бутылочки и с удовлетворением заметив, что раны стали медленно, но затягиваться, села рядом на кровать и положила ладони ему на глаза.

Раньше для раненых молодых оборотней приглашали человеческого мага-лекаря из ближайшей деревни, но уже шесть лет его функции выполняю я. Я умею работать с магией Света и Тьмы, хотя, признаться, чародейка из меня довольно слабая. Но в клане белых волков я — единственная, кто умеет колдовать. Оборотни и не должны этого уметь, наша магия — это сама возможность превращаться из человека в волка и обратно. Какой-либо другой магией оборотни владеют очень редко. Я в числе этих «счастливиц». Возможно, именно поэтому я так и не смогла обратиться...

Поморщившись, я постаралась освободить голову от лишних мыслей и сосредоточиться.

Постепенно ладони начали светиться. Сначала совсем слабо, но потом всё сильнее и сильнее. Я подняла Нери веки и направила этот слепящий свет прямо в его зрачки.

Оборотень дёрнулся.

— Нери! Ты слышишь меня? Нери! Это твоё имя, тебя так зовут. Ты видишь свет, Нери? Иди на него! Иди к нему! Давай, Нери!

Он дёрнулся ещё раз, потом зарычал и громко, протяжно завыл. Ох, надеюсь, сюда никто не явится после этих его трелей...

— Иди к свету, Нери! Иди сюда!

Оборотень задрожал, но ничего по-прежнему не происходило. Его только сильно трясло, как в лихорадке. Я продолжала звать его по имени ещё несколько минут, но...

Да, так мы до вечера провозимся.

Тогда я, наклонившись, поцеловала его в губы — мне нужно было как-то пробудить его человеческую сущность... хотя бы таким примитивным способом.

— Давай, Нери. Иди ко мне.

Странно, но этот поцелуй оборотню понравился. Он довольно заурчал и подался вперёд, словно требуя продолжения.

— Нет уж, Нери. Иди к свету, и получишь ещё. Обещаю.

Сначала он зарычал, а потом... Я и моргнуть не успела, как оборотень, стремительно вытянувшись, стал человеком, но почти тут

же взвыл от боли, которая должна была раздирать его на части даже несмотря на обезболивающее.

Нери распахнул жёлтые глаза и посмотрел прямо на меня. Я улыбнулась. Как хорошо, что он сейчас не видит, кто перед ним, а то бы с испуга обратно в волка перекинулся.

— Всё хорошо, Нери, — сказала я и быстро влила ему в рот содержимое маленькой синей бутылочки. Это было крепкое сонное зелье вперемешку с заклинанием, запирающим оборотня в одной из ипостасей, в данном случае в человеческой. И как только он закрыл глаза и затих, я встала с постели и вышла из комнаты.

— Как он, Рональда? — услышала я сразу, как оказалась за дверью.

Голос отца дрожал. Волнуется, значит. А обо мне он никогда не волновался. Ни разу в жизни.

— Хорошо, калихари.

Я не стала смотреть ему в глаза, не взглянула я и на Джерарда — он стоял тут, рядом с отцом и нервно заламывал руки. Прошла мимо недовольной, как и всегда, Сильви, и вышла из дома незнакомых мне оборотней.

Не знаю, сколько времени я лечила Нери, но небо уже стало нежно-голубым, как лепестки лесной фиалки, воздух ощутимо потеплел, утратив утреннюю прохладу. И я, не оборачиваясь, направилась к себе — за пределы деревни клана белых волков, где я жила вот уже шесть лет в маленькой деревянной хижине, потому что была отверженной.

— Рональда! — крикнул позади меня Джерард. Я остановилась, но не обернулась.

Я услышала тяжёлые, гулкие шаги брата за спиной. Он подошёл почти вплотную, и от этого мне стало неуютно.

— Ты не хочешь повернуться ко мне лицом?

Его голос был злым. Впрочем, как и всегда.

— Не хочу.

— Ронни...

— Хватит. — Я не выносила, когда меня называли этим детским именем. — Говори, зачем я тебе понадобилась.

Несколько секунд Джерард молчал.

— С Нери действительно всё в порядке?

— Да.

— Тогда почему ты не хочешь посмотреть на меня?

Вздыхнув, я всё же обернулась.

— Это не имеет никакого отношения к выздоровлению Нери. Хватит нести чушь. Если это всё, я пойду.

Когда-то давно я очень любила эти тёмные жёсткие волосы, острый нос, резкие скулы... Только тогда его глаза были карими. А сейчас — жёлтые и злые.

Губы Джерарда сжались в тонкую ниточку, а потом он резко развернулся и пошёл прочь от меня, слегка прихрамывая.

— Джерард!

Он обернулся, и в выражении его лица мелькнуло что-то странное.

— Держи, — я кинула ему крошечный пузырёк с зельем, усиливающим регенерацию. — Выпей или намажь больное место. Перестанешь хромать.

Когда я выходила из деревни, брат всё ещё стоял на месте, сжимая в руке пузырёк с зельем, и смотрел мне вслед.

Я возвращалась к себе в хорошем настроении. До следующих игрищ две недели, и за это время меня наверняка никто не побеспокоит. Если только роды нужно будет принять или простуду у какого-нибудь маленького оборотня вылечить.

В воздух взмыла стайка вечно чирикающих силиц. Этих жизнерадостных птичек было полным-полно в той части леса, которую я считала своей.

Шесть лет назад я ушла из родной деревни и поселилась в лесу. Эта земля ещё считается Арронтаром — землёй оборотней, — но сюда редко заходят мои сородичи. Однажды я слышала, как парочка молодых волчат лет десяти-двенадцати в разговоре назвали это место Жабьим лесом.

В презрительном отношении оборотней ко мне нет ничего странного. Все оборотни красивые, крепкие, спортивные, я же — маленькая, толстая, с отвратительным носом и жуткими большими губами, производжу на них отталкивающее впечатление. Так было всегда. Я вижу в глазах окружающих меня оборотней лишь одно презрение с тех пор, как мне исполнилось три года. Думаю, оно было и

раньше, просто именно в этом возрасте я начала понимать, за что и почему.

И сейчас я шла по узенькой, наполовину заросшей тропинке к своей хижине, между делом собирая со всех ближайших кустов в передник — он у меня с большими, глубокими карманами — красную сморокву. Эти маленькие ягоды — прекрасное средство от простуды. В обычном виде они ядовиты, но при должной обработке становятся настоящим спасением в зимнее время года.

Подойдя к своей хижине, я громко свистнула. И почти сразу, широко зевая во весь зубастый рот, с крыльца поднялся Элфи — мой хати. Вообще-то щенка хати дарят всем оборотням сразу после первого обращения, которое я так и не прошла, как ни пыталась. Однако Элфи почему-то сам признал меня. Он сбежал из коробки, в которую засунули щенков перед игрищами, и прибежал ко мне. Когда остальные оборотни опомнились, Элфи уже успел лизнуть меня в нос — это значило, что он признал во мне хозяина. И было поздно что-либо делать — скорее небо рухнет на землю, чем хати предаст того, кого однажды лизнул в нос.

— Вставай, соня, — я улыбнулась и потрепала Элфи по лохматой голове. Он у меня большой, гладкошерстный, треугольные ушки вечно стоят торчком, шерсть серая, а глазки голубые. В общем, красавец. Такие хати считаются элитными. Я знаю, что похожего много лет назад дартхари подарил императору Эдигору Второму... а мне вот Элфи достался случайно. Но это, пожалуй, лучшее, что случилось со мной за всю жизнь.

— Я уже успела сходить в деревню и вылечить там одного молодого дурака, который решил поиграть сегодня ночью с моим братцем. А ты всё дрыхнешь, Элфи. Будем завтракать?

— Р-ры, — кивнул хати, и я, ещё раз погладив его по пушистой голове, направилась к хижине.

Понятия не имею, кто и когда её построил. Старая, покосившаяся набок, некоторые брёвна наполовину сгнили... Когда я её нашла, она заросла мхом по самую крышу и поначалу мне казалось, что жить здесь нельзя. Но выбора у меня не было, так что я всё подлатала, помыла, укрепила заклинаниями и почистила. Если хочешь жить в тепле, дом приходится сильно отапливать — буквально пара часов, и тепло уходит в никуда. А осенью иногда начинает протекать крыша.

Но это не беда. Моих познаний в магии и умений обращаться с деревом хватает, чтобы заделывать дыры.

Я нашла эту хижину шесть лет назад, когда однажды убежала из деревни. Точнее, её нашёл Элфи, хвостиком следовавший за мной в лес.

Я помню тот вечер так ясно, будто он был вчера. Стояла ранняя осень, шёл проливной дождь, я плакала и мчалась непонятно куда, не обращая внимания на то, что уже давно промочила ноги. Элфи тыкался холодным носом мне в ладонь и тихонько, жалобно повизгивал, чувствуя моё состояние. И вдруг он ринулся вперёд с громким тьявканьем...

— Элфи! — закричала я, подняла промокшую юбку и побежала за хати.

Сначала я думала, что передо мной просто какой-то холм или пригорок. Только потом различила торчащую вверх печную трубу и поняла, что это старый, заросший деревянный дом.

Стремительно темнело, поэтому я начала искать вход в него, чтобы поскорее забраться внутрь и больше не мокнуть под дождём. Помог, опять же, Элфи. Оглушительно тьявая, он привёл меня к двери, выскочившей из петель и грохнувшейся на пол, как только я к ней прикоснулась.

Внутри оказалось настолько сыро, что я подумала — возможно, здесь даже сырее, чем снаружи, но тем не менее вошла и огляделась. Посреди комнаты стояли только стол и старое, насквозь вымокшее кресло, которое я на следующий день торжественно сожгла на улице. Но на столе, к моему удивлению, даже нашлась посуда. Глиняные горшок и кувшин, деревянная тарелка и обыкновенная металлическая вилка. Я пользуюсь всем этим до сих пор. Не знаю, кому принадлежала эта посуда и кто жил в хижине, но подозреваю, что он был так же одинок, как и я.

Стекло в одном из окон было выбито, поэтому внутрь намело столько мусора, особенно старых осенних листьев, что я решила — пола здесь нет вообще, под ногами земля. Хорошо, что ошиблась.

Тем не менее, в хижине было уютно. Теперь-то я понимаю — эта развалина показалась мне уютной только потому что в ней не было никого, кто мог бы громко воскликнуть: «Жаба!» — и бросить в меня камень.

Ту ночь мы с Элфи провели на столе, прижавшись друг к другу и дрожа от холода. Именно тогда я и решила, что буду тут жить...

...Тряхнув головой, я отодвинула в сторону воспоминания о событиях шестилетней давности и вошла в дом.

Теперь здесь всё по-другому. Только стол — тот самый, я поставила его между двумя окнами. Слева от двери у меня огромный и длинный шкаф, наполненный книгами и разными банками-склянками с травами, мазями и зельями. Справа — печка, рядом импровизированная кровать, похожая на птичье гнездо (впрочем, её можно назвать и так, ведь я «сплела» своё ложе из тонких, гибких прутиков удивительного дерева ирвис, растущего только в Арронтаре) и шерстяное одеяло для Элфи.

Прошло минут двадцать, прежде чем я вынесла на крыльцо, где мы с Элфи любим завтракать, дымящийся горшок с ароматной кашей, две миски и кувшин с прохладным морсом из погребца. Морс я сварила вчера, набрав полную корзину клурики — сейчас как раз время для этой летней и очень вкусной ягоды.

На крыльце, под крышей, чтобы сберечь от дождя, у меня всегда стоят плетёные креслице и столик. Их я тоже сама сплела из ирвиса. Это было трудно, но в конце концов у меня получилось. Да и времени у меня предостаточно. Никто не беспокоит страшную жабу в её лесу.

Но только мы с Элфи сели завтракать, как я услышала неподалёку знакомый голос.

— Рональда!

По тропинке, явно двигаясь в сторону моего жилища, шагал калихари. Элфи заворчал, увидев его, но я успокаивающе погладила хати по макушке, и он успокоился.

— Калихари, — я встала и почтительно наклонила голову, стараясь не заглядывать отцу в глаза. У него, когда он на меня смотрит, вечно на лице такая брезгливость и презрение, что просто тошно становится.

Некоторое время калихари молчал, изучая всё вокруг себя. Ну конечно, впервые же к дочери «в гости» явился, чего бы не поглядеть, как я тут живу-поживаю.

— Если не возражаете, я вернусь к завтраку, — сказала я и, не дожидаясь ответа отца, вновь села в кресло и начала есть кашу.

— У тебя нет второго кресла? Или хотя бы стула? — Его голос был недовольным.

Я покачала головой.

— Нет, калихари.

— Могла бы держать... Вдруг кто-нибудь придёт... — проворчал отец, и я ухмыльнулась.

— Кто же ко мне придёт? Лесной олень? — Мой голос просто сочился сарказмом, и я думала, что отец в ответ на эти слова тоже скажет что-нибудь обидное, но он почему-то промолчал.

Я спокойно доела свой завтрак, выпила большую кружку освежающего морса и только потом, встав, обратилась к своему «гостю»:

— Слушаю вас, калихари.

Я по-прежнему не смотрела отцу в лицо. Мой взгляд блуждал где-то в районе его рук, но и по ним было видно, что он нервничает.

— Ты не сказала, как нужно лечить Нери.

Я пожала плечами.

— Пусть проспится хорошенько. Как проснётся — накормить, можно дать общеукрепляющее на всякий случай. Больше ничего. К следующим игрищам будет как новенький, но подпускать к нему Джерарда я всё же не советую. Впрочем, вам виднее, калихари.

Отец вздохнул и нервно сжал пальцы.

— Я пришёл к тебе, чтобы поговорить о нём.

Вот тут я удивилась.

— О Джерарде?..

— Да, Рональда. О твоём брате.

Я сжала зубы.

— У меня нет братьев. Так же, как и сестёр. Я отреклась от всех шесть лет назад. От родственников и от стаи. Вы и сами знаете, калихари.

Несколько секунд я слышала только его тяжёлое дыхание. А потом отец заговорил... и каждое слово причиняло мне боль.

— Я обратился к одному лекарю-человеку... Хотел понять, что происходит с Джерардом. Ещё никогда ара не пытался так долго подчинить своего волка. Обычно все молодые самцы-ара справляются за пять лет, Джерарду не удалось и за восемь. Это ненормально, так не должно быть. И тот лекарь... он сказал, что это из-за тебя, Рональда.

В груди что-то кольнуло.

— Я практически не вижусь с Джерардом, вы ведь знаете, калихари.

— Да, я знаю. Но дело не в этом. Лекарь сказал, он винит себя в том, что случилось с тобой. Чувство вины, боль, невозможность исправить давят на него. Именно поэтому Джерард до сих пор не стал полноценным ара.

Чувство вины... боль... Ну конечно. Так я и поверила. Видимо, именно это он ощущал, когда кидал в меня камни.

— Что вы хотите от меня, калихари?

— Поговори с ним. — Голос отца был почти умоляющим. — Скажи Джерарду, что ты не винишь его. Что ты его простила.

Я невесело улыбнулась.

О Дарида, и этот оборотень пришёл к своей отверженной дочери, от которой когда-то отрёкся, чтобы попросить за того, кто когда-то сам громко кричал: «Жаба! Жаба!» — и швырял в меня булыжники. Шрам от одного такого, брошенного Джерардом, до сих пор красуется у меня на виске.

— Это всё, калихари?

Отец сделал шаг вперёд, но почти тут же остановился и застыл.

— Ты... скажешь?

Я не выдержала — подняла голову и посмотрела ему в глаза.

Ожидание, надежда... Да, он действительно очень любит Джерарда.

— Я скажу. А теперь, пожалуйста, уходите.

Он с облегчением улыбнулся, а потом кивнул, развернулся и пошёл прочь от моей хижины.

Когда высокая подтянутая фигура отца скрылась среди деревьев, я села на пол рядом с Элфи и тихо заплакала.

Глава 2

Рональда

Я помню день, когда он родился.

Мне тогда едва исполнилось два года, но я всё равно помню. Потому что я с нетерпением ждала, когда же наконец из маминого живота вылезет мой драгоценный братик.

Я скакала по комнате, прижимая к груди какую-то игрушку, и напевала, наблюдая за снующими туда-сюда взрослыми. Тогда я была не в силах понять — что-то идёт не так. Встревоженные лица, громкие крики, бледный отец...

Джерард застрял и никак не хотел вылезать наружу. Повитуха — старая женщина-оборотень из нашего клана — делала всё возможное, но достать ребёнка никак не получалось.

Во всей этой суете меня совершенно упустили из виду. Впрочем, так часто бывало. Я уже тогда росла довольно страшненькой и была настоящим разочарованием как для матери, так и для отца. Прошмыгнув между ногами взрослых, я подобралась к кровати и, вытянув шею, увидела потное, покрасневшее лицо матери. Её живот показался мне просто огромным. И ещё я каким-то невероятным образом почувствовала, что она никак не может разродиться...

Тогда я рванулась вперёд, изо всех сил подтянулась и положила ладошки на мамин живот. Конечно, не сверху, а сбоку.

— Выходи! — закричала я и, зажмурившись, направила сквозь руки такой поток энергии, что через пару секунд от слабости повалилась на пол.

— Рональда! Что здесь делает Рональда?! — закричал отец, но в тот момент повитуха вдруг охнула:

— Ребёночек... Он выходит, калихари!

Это был день, когда проснулась моя сила. Я помогла Джерарду родиться.

Я помню сияющие глаза отца, когда он прижимал к себе новорождённого сына, помню смех мамы. Помню, как повитуха сказала, что ребёнок остался жив только благодаря девочке, но все вокруг лишь отмахнулись. Если до рождения Джерарда родители хотя бы изредка обращали на меня внимание, то после перестали замечать совсем. Они погрузились в его воспитание полностью, предоставив меня самой себе. Однако находиться рядом с братом мне разрешали. И я помню, как впервые наклонилась над спящим, недавно родившимся Джерардом...

Он был прекрасен. Несмотря на красную кожу и скрюченные ножки и ручки. Он казался мне самым прекрасным существом на свете, никогда в жизни — ни раньше, ни позже — я не чувствовала ни к кому такой всеобъемлющей, бесконечной, трепетной любви и нежности.

И в тот момент, когда я в первый раз склонилась над Джерардом, брат открыл свои тёмно-карие глаза и улыбнулся мне.

— Привет, Джерри, — прошептала я, опуская маленький пальчик в люльку. Джерард загукал и ухватился за него, плотно сжав в кулак. Он делал так постоянно... в течение десяти лет. Брат не мог заснуть, если я не сидела рядом, держа его за руку.

Всё исчезло, когда мне исполнилось двенадцать. Но тогда я этого не знала. Я просто была счастлива. А ещё я думала, что у меня наконец появился тот, кто будет любить меня по-настоящему, а не как родители. И первое время моё желание сбывалось.

Видя мою преданность Джерарду, родители позволяли сидеть, гулять и разговаривать с ним, читать ему книги. Постепенно я научилась кормить и переодевать брата, и в дальнейшем зачастую делала это вместо мамы.

Я просыпалась ещё до восхода солнца, быстро одевалась и бежала в комнату Джерарда. Он сразу начинал тянуть ко мне ладошки и я, смеясь, усаживала его на деревянный стульчик, кормила специальной смесью — у матери почему-то никогда не было молока — а потом мы одевались и шли на утреннюю прогулку. В любую погоду, солнце, дождь, снег или ветер — всё это не имело значения. Если было холодно, просто одевались теплее.

Оборотни растут быстрее людей, и я научилась читать в два с половиной года. Мы с Джерардом с удовольствием проводили время в

библиотеке, читая сказки и рассматривая большие энциклопедии с красивыми картинками. Именно тогда и началось моё увлечение природой, животными и растениями. Я запоминала рисунки и выискивала то, что видела в книгах, во время прогулки, радуясь этому, как ребёнок... Впрочем, я ведь и была ребёнком.

Джерард называл меня Ронни. Поначалу это так смешно у него выходило — «Лонни». А себя он величал «Джелли». Но я никогда не смеялась над его картавостью, только старалась сделать так, чтобы он побыстрее научился выговаривать все буквы.

Мне было четыре, а Джерарду два, когда родилась Сильви.

Я никогда не понимала, по какому принципу родители выбирали имена всем нам. Рональда на старом наречии — «надежда», Джерард — «стремительный», а Сильви — «прелестная». Но так или иначе, они угадали. Сестра действительно была прелестной с самого первого дня, Джерри поражал своей энергичностью и бойким характером, а я...

Я жила надеждой.

Сразу после рождения Сильви мама ушла от отца, забрав её с собой. Что случилось у них с калихари, я по сей день не знаю, но почти два года мама и Сильви жили отдельно, в деревне чёрных волков. Иногда она приезжала навещать Джерарда, а меня в это время запирали в своей комнате.

Мне было шесть, а брату четыре, когда мама и Сильви вернулись в нашу жизнь. На самом деле те два года, что они жили в деревне чёрных волков, были для нас замечательными. Отец часто отсутствовал, и мы могли делать, что душе угодно. Я в то время практически переселилась в комнату брата. Мы постоянно были вместе.

Идиллия кончилась с приездом матери и сестры. Мама, соскучившись по Джерарду, практически отняла его у меня. Она стала уезжать вместе с ним и Сильви в гости к своим подругам под предлогом того, что её дети «должны играть со сверстниками» и, конечно, никогда не брала меня с собой.

Я помню своё отчаяние однажды утром, когда прошла неделя с отъезда мамы, Джерарда и Сильви. Сестру я тоже очень любила, пусть меньше, чем любила Джерри, но у меня практически не было времени на то, чтобы её узнать. Сильви поначалу тянулась ко мне, ей

нравилось играть с нами и слушать, как я читаю сказки, но после первого же посещения маминых подруг она резко отстранилась.

— Там говорили такие ужасные вещи про тебя, Ронни, — шептал тогда верный Джерри, роняя слёзы мне в ладошку. — Такие ужасные... Зачем?..

У меня разрывалось сердце, но я не знала, что сказать и как объяснить брату, почему меня не любит никто, кроме него?

А в то утро, спустя неделю после их отъезда, я впервые за последний год решила выйти в деревню. Одна. Мы с Джерардом обычно играли в саду дома калихари, а если шли в деревню, то вместе с кем-то из слуг. Но мне не хотелось тогда видеть кого-то рядом с собой, и я пошла одна.

До того дня я не понимала до конца всю глубину неприязни к себе. Маленькая, полненькая, большегубая девочка...

Спустя полчаса мне в спину прилетел первый камень.

— Жаб! — прозвенел чей-то голос позади.

Я обернулась и еле успела уклониться от нового камня, летевшего мне прямо в лицо.

А потом я побежала.

Они бежали следом, свистя и улюлюкая — целая компания из мальчиков и девочек примерно моего возраста. Я бежала, как дикий зверь, плутая между домами, надеясь только на свои натренированные забегами с братом ноги...

Несколько раз я падала, но быстро вскакивала и продолжала бежать дальше, потому что понимала — нельзя останавливаться. Сердце колотилось, как бешеное, когда я добежала до усадьбы калихари и скрылась за воротами. Тяжело дыша, обернулась... и тут же встретилась взглядом с отцом.

Именно тогда на меня снизошло настоящее откровение. То, что было прежде, не шло ни в какое сравнение с тем, что я почувствовала, когда увидела жёлтые глаза отца, полные презрения, неприязни и... досады.

Я была позором для калихари. Он презирал меня. Он хотел, чтобы те дети забили меня камнями до смерти. Я знала, что такое уже случалось с другими оборотнями, родившимися такими, как я — уродами.

В тот момент вопрос: «Почему ты не скажешь, чтобы они оставили меня в покое, папа?» — застыл у меня на губах.

Я выпрямила спину, стараясь не заплакать, и склонила голову в почтительном поклоне.

— Калихари, — спокойно сказала я и прошла мимо отца, не поднимая глаз.

Больше я никогда не называла его папой. Раньше я думала — родители испытывают ко мне хотя бы капельку нежности... Но я ошибалась. Никакой нежности, лишь презрение.

У меня остался только Джерард. Сильви против меня настроила мама и её подруги, но брат пока не поддавался... пока...

Они уезжали всё чаще и всё на подольше. Я скучала. В усадьбе было совершенно нечего делать, и поэтому рано утром, пока в деревне все спали, я уходила в лес. Несколько раз на обратном пути меня засекали и гнали, как дикое животное, но постепенно я привыкла к таким гонкам и начала воспринимать их спокойно.

И я никогда не боялась.

А в лесу мне было хорошо. Я искала знакомых по энциклопедиям птиц и зверей, собирала растения и цветы, чтобы потом сварить из них какое-нибудь интересное зелье или сделать духи. Недалеко от деревни я нашла замечательное, чистое, небольшое озеро с прозрачной водой — мне нравилось сидеть на его берегу и, свесив ноги, болтать ими в воде, пока пальцам не становилось совсем холодно. Вода в озере в любое время года была практически ледяной, наверное, из-за каких-то подземных ключей.

Иногда, когда я чувствовала особенно дикое отчаяние, я купалась до посинения и стука зубов. Это помогало мне справиться с мрачными мыслями и вновь смотреть на мир, не испытывая ненависти к нему.

Когда возвращался Джерард, всё менялось. У меня снова появлялось своё солнце... свой смысл жизни.

Он взахлёб рассказывал о том, что видел в гостях, и я иногда жалела о том, что никогда не смогу поехать вместе с братом куда-либо.

Однажды утром, когда мне было около десяти лет, мы с Джерардом сбежали из дома и весь день гуляли по лесу. Я зарисовывала растения в маленький альбом, Джерард носился за каким-то грызуном по поляне рядом с озером, и было так хорошо, что от счастья у меня перехватывало дыхание.

Но на обратном пути мы попали в засаду. Нас поджидали семь маленьких оборотней — мальчишек и девчонок. Я хорошо знала их всех, некоторых даже по именам. Но я была не уверена, что они знают, как зовут меня.

— Жаба! — один из них успел только раз крикнуть моё прозвище, и я тут же схватила Джерарда за руку.

— Бежим!

Клянусь, мы никогда не бегали так быстро раньше. Но в тот раз я волновалась... волновалась за брата. Больше жизни я боялась, что с ним что-нибудь случится. И моё волнение не прошло даром — в один прекрасный момент мне в спину влетел камень, я споткнулась и упала в грязь.

— Беги! — я пыталась отпихнуть Джерри в сторону, но брат продолжал держать меня за руку.

— Не трогайте её! — закричал он, бесстрашно шагнув вперёд и выпятив грудь.

Один из мальчишек, на вид старше его года на четыре, засмеялся.

— Дурачок! Отойди в сторону. Потом ещё спасибо скажешь.

Джерард нахмурился.

— Нет!

— Ну как знаешь... — пробормотал парень, поднимая руку с камнем. Я приготовилась броситься вперёд, чтобы спрятать брата за своей спиной, но это не понадобилось.

— Сдурел? — воскликнула одна из девочек, повиснув на руке мальчишки. — Это же старший сын калихари! Позор на наши шкуры, если ты попадёшь в него!

— Он защищает жабу! — огрызнулся парень.

— Он ещё маленький! Потом поймёт, что её существование позорит всех оборотней клана.

Вмешательство девчонки спасло нас, и мои обидчики, неуверенно переглянувшись, отступили, напоследок прошептав что-то типа: «Мы тебя ещё достанем». Но мне было всё равно. Я знала, что ещё не раз встречу с ними.

— Почему они обижают тебя? — прошептал Джерард, помогая мне подняться. Я постаралась улыбнуться.

— А ты разве не видишь, какая у тебя сестра, Джерри?

— Какая? — прошептал брат. Лицо у него было бледное.

— Посмотри внимательнее. И вспомни, какими были те ребята... Высокие, стройные, красивые. Я — маленькая и толстенькая. Видишь, какие у меня большие губы? И нос какой ужасный. За это они меня и не любят.

Несколько секунд брат рассматривал меня так, будто впервые увидел. А затем сказал:

— Но... я люблю тебя, Ронни...

— Я тоже люблю тебя, Джерри. Но я всегда буду такой... жабой. Помни об этом.

Зачем я так сказала? Наверное, потому что понимала — однажды какой-нибудь камень попадёт в цель.

Прошли ещё два года, прежде чем случилось то, чего я так боялась. Мама тогда увезла Джерарда, Сильви и нашего нового брата — Арента — почти на четыре месяца в гости к подруге из клана чёрных волков. А когда они вернулись... я не узнала Джерарда.

Брат стал молчаливым и замкнутым. Он больше не звал меня к себе в комнату, чтобы поболтать или почитать книжку, не засыпал, взяв меня за руку. Он вообще, кажется, не хотел со мной разговаривать.

А потом прилетел тот камень.

Я тогда шла по деревне, возвращаясь из леса. Были сумерки. И практически в полной тишине из-за угла прилетел камень, ударивший меня в плечо.

Я обернулась и увидела Джерарда. Он стоял в компании с остальными оборотнями, мучившими меня всю жизнь, и улыбался. Я никогда не видела у него такой улыбки...

— Бей жабу! — закричал кто-то.

А я стояла и смотрела на Джерарда. На эту его улыбку, на карие глаза, тёмные волосы, узкое лицо моего обожаемого брата... И понимала, что потеряла его навсегда.

Я не чувствовала ударов, пока один из камней не попал в грудь, вышибив дух. Я упала на землю и подняла руку, пытаясь заслониться от полетевших в меня камней...

В тот раз я сильно пострадала. Наверное, они бы убили меня, если бы их не спугнул какой-то взрослый оборотень, проходивший мимо — он вдруг встал на мою защиту, прогнал моих обидчиков и отвёл к лекарю. Кажется, это был мужчина, но я совсем не помню его лица.

В то время мне оставался год до Ночи Первого Обращения — ночи, когда молодой оборотень впервые пытается обратиться. У девочек это происходит на тринадцатый, а у мальчиков — на двенадцатый дни рождения. Весь тот год я только и делала, что бегала от оборотней, мечтавших, по-видимому, чтобы я не дожила до него. Но я дожила. О чём теперь очень жалею.

Во время обряда надо выйти в центр Поляны, раздеться, выпить специальное зелье и попытаться обратиться. Я прочитала кучу книг про первое обращение: как его правильно пройти, какие должны быть мысли и эмоции, что ты будешь чувствовать... Но всё равно — когда я вышла в центр Поляны и начала раздеваться, меня захлестнула паника.

Они смеялись. И я понимала, почему. Я обладала настолько несовершенным телом, что стыдилась его, хотя оборотни обычно не стесняются наготы. Я старалась не обращать внимания, но не могла — смешки доносились со всех сторон, у меня дрожали руки...

— ТИХО! — прогремел над Поляной чей-то голос. От него веяло такой силой, что мне немедленно захотелось упасть на колени. Я сразу поняла, что он принадлежит дартхари.

До того момента я ни разу не видела нашего Вожака. Поэтому не смогла обуздать своё любопытство и обернулась — дартхари стоял за моей спиной.

Он был почти таким, как в моём воображении — высокий, мускулистый, если не сказать, мощный, с совершенно седыми волосами до плеч и ярко-жёлтыми глазами.

И когда я в них заглянула... Я не знаю, что это было, но мне показалось, будто надо мной разверзлись небеса и молния пронзила всё тело от макушки до пальцев ног.

Кажется, я даже перестала дышать. Меня охватывал необъяснимый, но очень ощутимый трепет. Теперь я понимала, почему наши женщины говорят о дартхари с такой страстью в голосе.

Вожак тоже смотрел на меня, но на его лице не отражалось никаких эмоций. Даже неприязни, что было удивительно.

— Продолжай, — сказал он тихо, но я услышала. — Обряд ещё не закончен.

Пока я раздевалась, никто больше не смеялся. Но я понимала — это только потому что так приказал Вожак, никто бы не осмелился его послушаться.

Я разделась. Одна из девушек-оборотней поднесла к моим губам кубок со специальным зельем, вызывающим трансформацию, я выпила и раскинула руки, ожидая, что сейчас начнётся обращение, но...

Ничего. Я не чувствовала ни-че-го. О Дарида, я больше чувствовала, когда родился Джерард... и когда он бросил в меня свой первый камень.

Пустота. Только слёзы текли по щекам.

На Поляне стояла тишина. Все ждали. Я боялась открывать глаза...

А потом я услышала шаги. И я знала, кто идёт ко мне... С тех пор, как я впервые заглянула в его ярко-жёлтые глаза, я всегда чувствовала его присутствие так ясно, будто он был частью меня.

Подойдя ко мне вплотную, дартхари положил руки мне на плечи. Я ждала, что он скажет: «Ты — позор для всех оборотней», но Вожак сказал иное.

— С этой минуты Рональда, дочь калихари белых волков, находится под моей защитой. Каждый, кто посмеет обидеть её, будет отвечать за свой проступок на поединке со мной.

От удивления я широко распахнула глаза. И почти сразу пожалела об этом — мне бы хватило и загоревшейся, как от прикосновения к огню, кожи под его ладонями на моих плечах. А когда я ещё и глаза открыла...

Теперь всё горело и внутри меня самой. Особенно — в сердце.

А лицо дартхари было непроницаемо.

— Все присутствующие поняли моё слово?

Присутствующие ответили нестройным хором голосов:

— Да, дартхари...

А потом он отпустил мои плечи, отвернулся и зашагал на своё обычное почётное место. Я же схватила одежду в охапку и побежала прочь с Поляны, домой — в то время я ещё называла усадьбу калихари домом — где заперлась в комнате, упала на кровать и почти сразу уснула...

Я не знаю, чем можно объяснить то, что случилось со мной в ночь после того, как я не прошла своё первое обращение, но... так или иначе, именно тогда я впервые увидела его во сне.

Никогда раньше у меня не было таких реалистичных снов. Я шла по лесу к озеру. Стоял яркий летний день, и я почему-то была в белом платье, хотя у меня никогда не водилось белых платьев.

Вокруг было так красиво! Конечно, наш лес вообще замечательный, но в том, самом первом сне он стал совершенно необыкновенным. Листва на деревьях и трава казались ярче, воздух — чище и прозрачнее, вода в озере была тёплой и нежной. Я с удовольствием погрузила в неё ноги, сев на берегу.

Я просто сидела и смотрела на солнечные блики на воде, стаю рыбок в озере, цветы на другом берегу, чувствуя, как меня наполняет умиротворение. Всё было хорошо, правильно... и этот мир — в моем сне — любил меня по-настоящему. Так, как никто из родных. Теперь и Джерард... Я потеряла его... Но во сне эта мысль не успела даже родиться, она сразу умерла. Кажется, здесь не было места плохому. Здесь существовало и находилось только хорошее.

Но в моей жизни хорошего было не очень много, поэтому я просто сидела на берегу и смотрела на воду. А потом я вдруг почувствовала, что рядом со мной кто-то есть. Этот кто-то сидел слева, тоже опустив ноги в воду, и молчал.

Странно, но его присутствие почему-то не разозлило и не взволновало меня. Наоборот — я знала, что так и должно быть. Мне не было тревожно, только спокойно и радостно.

Тот, кто был рядом, понимал меня. Я сама не осознавала, откуда взялась эта мысль, но верила — это правда.

Я не знаю, сколько мы сидели вот так. Вода в озере ласкала наши ноги, наших пальцев касались солнечные блики, в небесной вышине тихо пела какая-то птица... Когда пришло время, я посмотрела на того, кто сидел рядом со мной.

Это был юноша лет восемнадцати со светлыми, почти золотыми волосами, ярко-голубыми глазами и ласковой улыбкой. На щеках и носу я заметила россыпь веснушек.

Я тоже улыбнулась, и тогда он взял меня за руку. Некоторое время мы смотрели друг на друга, а потом я спросила:

— Кто ты?

Он ответил:

— Дэйв.

Я кивнула, и больше мы не разговаривали. Смотрели на воду и рыб, слушали ветер, играющий в кронах деревьев, и пение невидимых птиц. Иногда смотрели друг на друга — просто для того, чтобы улыбнуться...

Мне никогда не было так хорошо, как в том сне.

Просто я знала, что дома.

Просыпаться было больно. Я не хотела уходить из сна, который был моим домом, я боялась, что больше никогда не увижу золотоволосого мальчика по имени Дэйн. Но чем сильнее я цеплялась за свой сон, тем дальше он уходил. И в конце концов мне пришлось открыть глаза и вернуться в реальный мир.

Я не прошла обряд. Я не смогла обратиться в волчицу... Что теперь? Я не знала. Я никогда не слышала об оборотнях, не прошедших первую трансформацию. Что будет дальше? Мне дадут второй шанс? Или нет?

Я вспомнила дартхари и его слова: «С этой минуты Рональда находится под моей защитой»... Зачем он так сказал? Теперь никто не осмелится бросить в меня камень.

Теперь никто не осмелится бросить в меня камень! Сердце яростно забилося, когда я осознала, что можно перестать прятаться. Больше не нужно бегать!

Потом, гораздо позже, я иногда жалела о заступничестве дартхари. Быстрый бег от преследователей помогал мне справиться с мрачными мыслями, теперь же, когда бегать было не от кого, я всё больше погружалась в уныние.

Двое суток после той ночи я не выходила из комнаты, не ела и не пила. Я не могла — да и не хотела — видеть «родных», не желала слышать их голоса, наполненные презрением.

Я думала, тот сон с Дэйном будет единственным, но я ошиблась. Он приснился мне и на следующую ночь. Мы по-прежнему сидели рядом, смотрели на озеро и не разговаривали. И только на третью ночь Дэйн прервал молчание.

— Тебе нужно выйти из комнаты, Ро. — Его глаза были серьёзными.

Я ничуть не удивилась тому факту, что Дэйн всё знает — так и должно было быть. Он действительно знал обо мне всё... и всё

понимал.

— Почему Ро? — улыбнулась я. — Меня никто не называл так раньше.

Дэйн пожал плечами.

— Но ведь это хорошо, что никто не называл, правда?

В реальности его слова причинили бы мне боль, вызвав воспоминания о Джерарде. Но здесь не существовало боли. А может быть, он просто не пускал её.

— Правда, Дэйн.

Он тоже улыбнулся, и мы вновь замолчали на несколько минут, наблюдая, как маленькая птичка с красными крыльями — я знала, что она называется либри — пьёт нектар из самого сердца цветка розовой водяной лилии.

— Пожалуйста, выйди из комнаты, — тихо повторил Дэйн, когда либри отлетела от лилии и умчалась ввысь.

Я молчала, и тогда он взял меня за руку.

— Пожалуйста, Ро.

Я подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Скажи... этот сон — правда?

Он рассмеялся, и от этого смеха, который я слышала тогда впервые, в моей груди возникло что-то очень тёплое.

— Правда... Ро, а что это вообще такое — правда? Для тех оборотней, которые называют тебя жабой, это прозвище — правда. Они верят в него, когда кидают в тебя камни.

Получается, правды не существует? Есть только наше отношение и наши поступки.

— Этот сон — правда для нас с тобой, Ро.

В тот момент мне было достаточно этого объяснения, поэтому я просто закрыла глаза и прижалась щекой к тёплому плечу Дэйна.

Проснувшись утром, я решила, что действительно пора заканчивать добровольное затворничество. В конце концов, разве я могу столкнуться с чем-то новым? Презрение, ненависть, агрессия — всё это мы уже проходили. Только вот проявлять свою агрессию моим обидчикам теперь официально запрещено.

Первым, с кем я встретилась на лестнице, выйдя из комнаты, был калихари. Я остановилась и поклонилась отцу, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Рональда, — голос калихари был наполнен показным равнодушием, — тебе приказано явиться в усадьбу дартхари как можно скорее.

Я не успела ничего спросить — отец поспешил уйти.

В усадьбу дартхари... Я раздумывала над тем, что могло понадобиться Вожаку от меня, позора клана белых волков, пока шла по деревне, в противоположную от моего любимого Северного леса сторону, где находилась резиденция дартхари. Это место ещё называют Сердцем леса. Великая Поляна находится недалеко от усадьбы дартхари, деревня белых волков, откуда родом я — на севере, чёрные обитают на юго-западе, а серые — на юго-востоке. Когда-то были ещё рыжие волки, но они вымерли уже давно. Почему, никто не знает.

Слова Вожака о том, что я нахожусь под его защитой, подействовали на жителей деревни. Теперь вслед мне не летели камни и оскорбительные слова... только взгляды. Но взгляды не способен запретить даже дартхари. Как и мысли, впрочем. И эти взгляды действовали не хуже камней. Особенно когда я увидела Джерарда. Он стоял рядом с компанией детей подруг матери и смотрел на меня так, будто я сделала что-то ужасное. Будто я предала его.

Я отвернулась, потому что выносить такое отношение к себе брата была не в силах. Если бы я могла вернуть его любовь, то сделала бы это, не колеблясь. Пусть в меня вечно бросают камни, только бы он вновь относился ко мне так, как раньше.

Я очень хорошо помню тот день после заступничества дартхари, когда я впервые прошла по деревне совершенно свободно. Выпрямив спину, я двигалась вперёд, не смотря ни на кого, гордая и одинокая. Остальные оборотни молчали, только сверлили меня взглядами.

Мне очень хотелось расплакаться, но я знала, что не должна этого допустить.

Я ненавидела себя даже больше, чем они. Не за внешность — я ненавидела себя за то, что ничего не могу с этим поделать.

Мне стало лучше и свободнее, когда вышла из деревни и оказалась на лесной дороге, ведущей к усадьбе дартхари. Я ни разу ещё не была в этой части Арронтара, поэтому постаралась отогнать от себя грустные мысли и огляделась по сторонам.

Здесь росли в основном ирвисы — большие и сильные деревья с тонкими, но гибкими и крепкими ветками, которые очень ценились во

всём Эрамире. К одному такому дереву с невероятно широким стволом я и подошла. Положив ладонь на кору, покрытую мхом, я закрыла глаза и сосредоточилась...

Энергия леса текла в руку через одно из самых старых деревьев в этой части Арронтара. Лес шептал что-то ласковое, утешающее... Я не могла разобрать слов, но знала и чувствовала — в отличие от оборотней, он любит меня, потому что у него нет глаз. Он смотрит в душу.

Моё путешествие к усадьбе дартхари продолжалось около двух часов. Я не торопилась, часто останавливалась и рассматривала что-нибудь или кого-нибудь. Когда я набрала в передник целую кучу лепестков шинги и испачкала платье тягучей смолой ирвиса, то вдруг вспомнила, что не просто гуляю, а собираюсь в резиденцию дартхари! Я даже застонала, когда поняла, в каком виде приду туда — подол испачкан смолой, ботинки пыльные и грязные, передник полон лепестков шинги, а они же безумно вонючие!

Я чуть не повернула назад, но почти сразу опомнилась и пошла дальше. Вряд ли дартхари есть хоть какое-то дело до того, как я выгляжу. Кроме того, выглядеть хорошо я не могла по определению.

Когда из-за поворота дороги показалась усадьба Вожака, я остолбенела. Я слышала, что она сказочно красива, но такого не ожидала: построенная целиком из светлого дерева, с величественными голубыми куполами (тоже деревянными), усадьба казалась ненастоящей, игрушечной. А ещё она будто бы была нерукотворной частью самого Арронтара, а не просто зданием.

Резные столбики между окнами, ставни, купола — словно продолжение неба... Я не могла посчитать этажи, потому что усадьба состояла из нескольких строений, соединённых между собой на разных уровнях.

Центр выдавался вперёд и венчался небольшим куполом. Это был вход. У подножия большой и широкой лестницы замерли четыре оборотня в светлой форме с синими пуговицами и гербом Арронтара — солнцем, встающим над лесом, — на груди. Двое из них были из клана чёрных волков, и по одному из остальных кланов.

Кстати, любой оборотень — даже такой, как я — способен по запаху определить, к какому именно клану относится сородич. Этой способности никто не учит, она похожа на инстинкт.

— Доброго дня, уважаемые зоры, — поздоровалась я. — Мне сказали...

— Имя? — буркнул один из стражников, смерив меня цепким взглядом.

— Рональда, дочь калихари Винарда, клан белых волков.

Они тут же расслабились.

— Пойдёмте, зора. Я провожу вас, — сказал стражник из клана серых волков, подхватив меня под локоть и помогая взбираться по лестнице.

Внутри усадьбы было ещё красивее, чем снаружи. Мягкие шерстяные ковры под ногами (кажется, даже мирнарийские, а ведь мирнарийцы славятся своими великолепными изделиями из шерсти, на которые они, правда, заламывают безумные цены), красивые вазы, полные цветов, на каждом шагу, картины на стенах, и запах... Потрясающий запах дерева, который источала сама усадьба.

Меня так восхищало всё вокруг, что я даже забыла поволноваться перед встречей с дартхари. И когда мой провожатый распахнул одну из дверей, чуть не упала, наткнувшись взглядом на фигуру нашего Вожака.

— Пришла зора Рональда, дартхари, — сказал стражник, поклонившись мужчине, что стоял у окна. Я опустила глаза сразу, как только мы вошли в комнату, оказавшейся библиотекой — огромные стеллажи с книгами занимали всё пространство от пола до потолка.

— Да, спасибо, Риш. Можешь идти, — услышала я голос дартхари, от которого сердце тут же бешено забилося.

О Дарида! Пожалуйста, пусть он не заметит, какой трепет вызывает у меня... Я не перенесу ещё и этого унижения!

Когда стражник удалился и закрыл за собой дверь, я услышала, что дартхари отошёл от окна, и с каждым его шагом мне всё сильнее хотелось развернуться и убежать, куда глаза глядят...

— Подними голову и посмотри на меня, Рональда.

Я зажмурилась изо всех сил.

— Я недостойна, дартхари.

— Недостойна чего? — Его голос был мягким, он обволакивал меня, дарил ощущение тепла, надёжности, уверенности...

— Смотреть на вас, дартхари.

Несколько секунд он молчал, а потом подошёл вплотную и приподнял кончиками пальцев мой подбородок...

Я не знаю, как это получилось, но я открыла глаза. Сама.

— Не нужно так думать, Рональда.

Кожа горела от его прикосновения. Но я не хотела, чтобы он отпускал меня. И изучала все черты лица дартхари почти с жадностью...

Ярко-жёлтые, ярче, чем у остальных оборотней, глаза, спокойные, как вода в моём любимом озере. Совершенно седые, почти белые, волосы до плеч. Губы не слишком тонкие, но и не такие, как у меня.

И сила... Сколько же в нём силы! Я знала, сколько силы в моём отце, но в дартхари её было раз в десять больше!

— Разве я не права? — шепнула я еле слышно. Он улыбнулся.

— Нет. Вопрос о том, кто чего достоин, вообще один из самых сложных, и наши с тобой сородичи решают его просто и незатейливо.

— Сила, — опять прошептала я, и дартхари кивнул.

— Верно. У меня она есть, у тебя... почти нет. Но у тебя есть кое-что другое. Скажи мне, Рональда, какой магией ты владеешь?

Я удивлённо моргнула.

— Магией Света и Тьмы. Но... совсем немного... Откуда вы знаете?

Дартхари опустил руку с моего подбородка на плечо, и я могла отвести взгляд... но не хотела.

— Вижу и чувствую. Скажи, ты развиваешь свои способности?

Я покачала головой.

— Нет, конечно. В доме калихари нет ничего по магии, кроме одной крошечной брошюрки о зельях.

— Хочешь научиться?

— Чему? — От неожиданности я не сразу сообразила.

— Колдовать. Если хочешь, можешь приходить в мою библиотеку хоть каждый день. Здесь, — дартхари указал на один из стеллажей, — очень много литературы по магии Света и Тьмы. Пока считаешь самостоятельно, а через пару месяцев я найму тебе учителя. Хочешь?

Я не верила своим ушам. Учиться магии... Я мечтала об этом с самого детства! Но среди оборотней не было магов...

— Зачем это вам, дартхари?..

Он улыбнулся так тепло, что у меня немедленно перехватило дыхание.

— К чему гробить твой талант, Рональда? Маги нужны нам, а если ты будешь хорошо учиться, то через несколько лет сможешь стать лекарем.

Он не сказал этого, но я и так поняла — как-то надо жить, чем-то заниматься, ведь неизвестно, смогу ли я когда-нибудь обратиться. А лекарь — почётная профессия... по крайней мере я буду заниматься тем, что люблю.

— Значит, я могу приходить сюда в любой день?

— Да, можешь.

— А я... не помешаю вам, дартхари?

Вожак рассмеялся.

— Разве может помешать такая маленькая девочка?

Почему-то это замечание меня обидело. Какая же я маленькая? Тринадцать лет, и толстушка, к тому же... Ростом не вышла, конечно, но тем не менее — не совсем уж клоп...

А ещё... я относилась к нему так... трепетно...

А он вдруг — маленькая девочка...

Невероятно, но дартхари каким-то образом почувствовал, что меня задела его слова, потому что сказал вдруг совершенно серьёзно, спрятав улыбку:

— Не обижайся, Рональда, просто мне намного больше лет, чем тебе. И даже чем твоему отцу.

От удивления я глупо открыла рот.

Раньше я никогда не задумывалась о том, сколько лет нашему дартхари.

— Но вы совсем не выглядите старым, — нахмурилась я, изучая его совершенно ровное, без единой морщинки — если не считать уголков глаз — лицо.

— Просто я сильный оборотень и буду жить очень долго. Как эльфы.

Через несколько минут я выходила из библиотеки, и, сойдя с крыльца, обратилась к одному из стражников:

— Извините, зор...

— Да? — Он обернулся, и я с удивлением заметила, что в его взгляде нет даже тени презрения. Хорошо же Вожак их воспитал.

— Скажите, а... как зовут нашего дартхари? У него есть имя?
Оборотень, кажется, едва сдержался, чтобы не расхохотаться.

— Конечно, есть, как и у всех. Его зовут Нарро.

Нарро...

Внутри меня что-то сжалось, когда я поняла, что имя нашего дартхари означает «вера»...

Глава 3

Рональда

После заступничества дартхари жить стало намного легче. Но взгляды нервировали, поэтому я предпочитала либо сидеть в комнате и читать взятую в библиотеке Вожака книгу, либо пропадать в усадьбе.

Там я действительно никому не мешала. Я всегда знала, когда дартхари в Арронтаре, а когда нет, а не было его достаточно часто. Но даже когда Вожак был в усадьбе, виделись мы редко. А если и виделись, то он в основном просто вежливо кивал и улыбался. Впрочем, мне и этого хватало, чтобы потом вспоминать об этой встрече целый день.

Однажды, на третьей неделе штудирования стеллажей по магии Света и Тьмы, я впервые застала в библиотеке кого-то ещё. До того момента я считала, что сюда никто не ходит, кроме дартхари.

Посреди комнаты, листая книгу, стояла женщина-оборотень из клана белых волков, не слишком сильная и довольно старая. Волосы, скрученные в тугий пучок на затылке, были когда-то светлыми, но теперь уже наполовину поседел. На лице я заметила сеть мелких морщинок — явный признак приличного возраста.

Оборотни живут около ста пятидесяти лет. И чем сильнее оборотень, тем дольше будет продолжаться его жизнь. Этой женщине было, наверное, лет сто, не меньше.

— Доброе утро, зора, — негромко поздоровалась я.

Она подняла голову от книги, и я даже вздрогнула, потому что никогда не видела раньше таких лиц у оборотней. Горько опущенные уголки губ и очень печальные, какие-то виноватые глаза...

Увидев меня, женщина улыбнулась без всякой враждебности.

— Здравствуй. Ты Рональда?

— Да, — кивнула я, про себя подумав, что это довольно глупый вопрос — вряд ли во всей стае найдётся ещё хотя бы одна такая же

страшная девушка.

— А меня зовут Лирин.

Это имя означало «песня».

— Очень приятно, — ответила я настороженно. — Я вам не помешаю, зора Лирин?

— Можно просто по имени. И конечно же нет, ты не помешаешь. Нарро... то есть, дартхари просил сказать, что завтра к полудню в библиотеку придёт твой учитель магии. Ты сможешь быть здесь?

— Что?.. — я охнула. — О Дарида! Конечно, я непременно приду! Лирин рассмеялась.

— Нарро говорил, что ты обрадуешься.

Она называла дартхари просто по имени... Это была огромная честь. Интересно, кем ему приходится эта женщина? Точно не жена, Вожак не женат.

Мне было настолько любопытно, что я брякнула:

— А вы... кто ему? Я имею в виду... Вы просто по имени дартхари называете... Извините... — вконец смутилась я, заметив, как погрузнела Лирин.

— Я старший советник, — вздохнула она. — Странно, что ты не знаешь. Никогда не обращала внимания, кто стоит слева от дартхари на всех игрищах? Впрочем, о чём это я... Конечно, ты не обращала. Никто не обращает. От Нарро невозможно глаз отвести, верно, Рональда?

Лирин сказала это совершенно беззлобно, скорее, дружелюбно, но я тем не менее всё равно покраснела.

Я хотела что-то ответить, но она, кажется, и не ждала ответа, потому что сразу отвернулась и взяла со стола книгу, которую листала при моём появлении в библиотеке, а затем протянула мне.

— Возьми. Нарро сказал, ты захочешь просмотреть её до завтрашнего первого урока. Он прав?

Это был учебник «Основы лекарского дела». И автор...

— О Дарида! — воскликнула я. — Учебник Эллейн Грант! Я мечтала его заполучить, даже искала в библиотеке дартхари...

— Теперь он твой, — улыбнулась Лирин. — Вообще-то весь тираж ушёл в Гротхэмскую академию целительства, Нарро специально для тебя просил Эллейн подарить ему хотя бы одну книжку из её личных запасов.

«Специально для тебя...» Как же это замечательно звучало!

Так я начала учиться магии. Упор мой учитель — звали его Карвим — делал на лекарское дело, таково было пожелание дартхари, но и другой магии мы уделяли внимание. Учитель Карвим постоянно жил в пригороде Лианора — так называется столица Эрамира, нашей империи, — и считался одним из самых хороших целителей столицы, ко мне он приезжал два раза в месяц почти на целый день.

Это был дружелюбный, лысый, невысокий старичок с тёплыми карими глазами и руками, которые умели творить настоящие чудеса. Карвима умиляло моё искреннее восхищение его способностями, он говорил, что пройдёт совсем немного лет, и я стану лекарем не менее высокого класса, чем он.

Лирин я встречала чаще, чем дартхари. Постепенно я научилась называть её просто по имени. Мне было легко с ней. Наверное, потому что в её глазах никогда не было неприязни. Только печаль.

Примерно каждые три месяца я пробовала вновь пройти Ночь Первого Обращения. Но эти попытки были тщетными. Правда, надо мной теперь никто не смеялся.

После второй такой попытки случилось то, что я до сих пор считаю чудом. Когда остальным прошедшим первое обращение юным оборотням «раздавали» щенков хати, я стояла в стороне, наблюдая, как Джерарду достался красивый рыжий щенок. И вдруг...

Он возник, словно ниоткуда. Просто оказался у моих ног. И я, опустившись на колени, хотела отнести его обратно, к тем, кто его действительно заслуживал... к прошедшим первое обращение...

Но Элфи решил иначе, лизнув меня в нос, как только я взяла его на руки.

Я видела лица остальных оборотней, когда они поняли, что произошло. И до сих пор помню тихий, но твёрдый голос дартхари:

— Щенок хати останется у Рональды. Он сам выбрал её. И теперь тоже находится под моей защитой. Все услышали моё слово?

В тот момент, с трудом оторвав взгляд от лица Вожака, я чуть скосила глаза и увидела рядом с ним Лирин. Она действительно стояла слева от дартхари и смотрела на него так, что я сразу поняла: Лирин любит его. В глазах этой женщины светилось искреннее и невероятно сильное чувство... но почему-то очень печальное. Не знаю, дартхари

виновен в печали Лирин или совсем не он, но я видела, что по какой-то причине она очень несчастна.

В дальнейшем я несколько раз пыталась расспросить её, что случилось, но Лирин каждый раз уходила от ответа.

Однажды, возвращаясь после очередного урока с Карвимом, недалеко от усадьбы дартхари я наткнулась на одного юношу-оборотня. Он был всего на пару лет старше меня (мне в то время было четырнадцать), довольно высокий, светловолосый и желтоглазый, я сразу почувствовала в нём ара. И сильного.

Да и смотрел он на меня, как остальные жители деревни клана белых волков — словно на... жабу. Только вот он был чёрным волком.

— Кто это у нас здесь? — сказал парень с откровенной насмешкой в голосе. — Маленькая уродина...

Я задохнулась от неожиданности: меня давно никто не оскорблял открыто. Смотрели, скрежетали зубами, но запрет дартхари был законом для всех.

Тут оборотень схватил меня за локоть, причём так сильно, что я зажмурилась от боли.

— А ты знаешь, о чём просил твой отец, а, жабочка? — Он улыбнулся какой-то поганой, злой улыбкой. — Калихари вчера приходил к дартхари, жабочка... И просил... как думаешь, о чём он мог попросить Вожака, а?

Эти его «а?» страшно раздражали.

— Пусти! — зашипела я, пытаюсь вырваться.

— Калихари умолял дартхари сделать тебя волчицей, жабочка. А Вожак отказался. Никому ты не нужна, понимаешь, а? Ты такая страшная, что тобой ни один оборотень никогда не заинтересуется, жабочка.

Услышав всё это, я застыла.

Отец... просил... сделать волчицей...

Неужели это правда?

— А хочешь, я сделаю? — зашептал новый знакомый мне на ухо. — Хочешь? Давай, а? Это будет даже интересно. Тебе понравится, жабочка...

— Лоран!

Я так задумалась об отце и его просьбе, что не почувствовала, как обычно бывало, приближения дартхари.

Его высокий холодный голос, казалось, заморозил даже воздух вокруг. И юноша, сжимающий мой локоть, немедленно отпустил его и выпрямился. А потом обернулся и наклонил голову, сказав:

— Отец...

Этот жуткий хам — сын дартхари?! Какой кошмар.

Вожак сделал несколько шагов вперёд, остановился и с размаху треснул Лорана по лицу так, что юноша немедленно упал. Я охнула, а из глаз моего нового знакомого брызнули слёзы.

— Если ты ещё раз подойдёшь к Рональде ближе, чем на расстояние в два шага, я публично выпорю тебя, Лоран, — дартхари говорил тихо и совершенно спокойно. — Если ты ещё раз посмеешь оскорбить её, я изгоню тебя из стаи, невзирая на то, что ты мой сын. Ты понял, Лоран?

Юноша встал и выпрямился, из последних сил пытаюсь сохранить собственное достоинство. Правда, у него это не очень получалось.

— Да, отец.

— Неверный ответ. — Глаза Вожака рассерженно сверкнули.

Лоран вздохнул.

— Да, дартхари, я всё понял.

— Хорошо. Тогда брысь отсюда.

Услышать слово «брысь» для любого оборотня — оскорбление, которому нет равных, ведь его обычно говорят кошкам. И потому я понимала, почему Лоран выглядел так, будто дартхари его как минимум жестоко избил. Сын Вожака, видимо, не привык к оскорблениям, в отличие от меня.

Когда Лоран удалился, я заметила, что дартхари по-прежнему смотрит на меня, и в его взгляде была напряжённость.

— Что он тебе сказал, Рональда?

— Я думала, вы слышали... — прошептала я, не в силах отвернуться.

— Нет. Но зная сына, я могу предположить. Вчера Лоран подслушал мой разговор с твоим отцом. Про него шла речь?

— Да, — я моргнула, с ужасом ощутив, что на глаза наворачиваются слёзы.

— Рональда, — дартхари вздохнул, — что тебя задело больше, скажи? То, что сделал твой отец, или то, что сделал я?

Я задрожала.

«Сделать волчицей»... Так говорили о девушках, которые становились женщинами. Это значило, что отец просил дартхари лишиться меня девственности, говоря человеческим языком.

Некоторые оборотни считали, что слабым самкам полезно спать с сильными самцами — сила девушки увеличивается. Отец, видимо, думал, что я смогу обратиться, если дартхари...

Но вопрос Вожака... Что меня больше задело... О Дарида, от отца я уже давно не ждала ничего хорошего, но дартхари... Я боялась признаться даже самой себе, что всегда жду встречи с ним и на игрища хожу только из-за него.

Как это глупо.

Я вздохнула и опустила голову, не в силах ответить что-либо членораздельное.

Тогда он подошёл совсем близко, как тогда, в библиотеке, и, прикоснувшись кончиками пальцев к моему подбородку, заставил приподнять голову.

— Рональда, — сказал дартхари тихо, — постарайся понять своего отца. Он очень хотел бы, чтобы ты обратилась, но его предложение — не выход. Ты понимаешь?

Я кивнула.

— Что же касается меня...

Дартхари осторожно коснулся большим пальцем моей нижней губы, и я тут же потеряла способность дышать.

— Я просто считаю, что это неправильно.

Я сглотнула.

— Но у вас много детей от совершенно разных женщин...

— Ты верно сказала, — он улыбнулся. — От женщин. А ты — девочка.

Кажется, у меня задрожала нижняя губа.

— Я, наверное, кажусь вам отвратительной...

— Ты ошибаешься. Никогда не берись судить о том, что о тебе думает кто-то другой.

— А что думаете обо мне вы?

— Я думаю, — дартхари осторожно погладил меня по щеке, — что тебе нужно расти и учиться. Ты торопишь время. Никогда не торопи время, Рональда.

Вожак давно не стоял так близко ко мне, и теперь я изучала его лицо... в который раз. Каждый раз я находила там что-то новое. Вот и сейчас я вдруг поняла — нечто общее было между дартхари Нарро и его первым советником, зорой Лирин, нечто общее в выражении глаз.

— Не торопить?..

— Да, Рональда. Время всё расставляет по местам. И лечит.

— Я тоже умею лечить, — буркнула я, наверное, ещё раз доказав Вожаку, какой на самом деле ребёнок.

— Верно, — он кивнул. — Вы с ним союзники. И когда-нибудь вместе вылечите одну очень хорошую девочку с большим добрым сердцем.

— Кого? — я нахмурилась, и дартхари улыбнулся.

— Тебя, Рональда.

Это был наш самый длинный разговор. И я помню каждое слово, каждое выражение его лица, прикосновение тёплых пальцев к моим губам и щеке.

Глупо, но эти воспоминания делают меня ближе к дартхари Нарро. Так мне кажется, во всяком случае.

Эту мою тайну знает только Дэйн. Я всегда рассказывала ему абсолютно всё... впрочем, то, о чём не рассказывала, он всё равно откуда-то знал. Я старалась не думать об этом, но порой не получалось, и тогда я понимала, что Дэйн — всего лишь фантазия, порождение моего сознания, а на самом деле его не существует.

Но в конце концов, так ли уж это важно? Засыпая каждый день, я знала, что увижу своего друга во сне. И сон этот будет прекрасным, ярким и настолько настоящим, что я буду искренне счастлива там. Дэйн ведь сказал, что правда — это то, во что ты веришь. И я верю в него... в нас.

— Почему ты приходишь не всегда, не каждый день? — спросила я его однажды, когда мы прогуливались по лесу и плели венки из осенних листьев.

— Я прихожу тогда, когда нужен тебе, — ответил Дэйн. — Ты сама зовёшь меня. Просто не замечаешь этого.

Я действительно не замечала. Наверное, этот крик о помощи был настолько глубоко спрятан в моей душе, что его действительно никто не слышал, кроме Дэйна.

— Ты существуешь?

Он улыбнулся.

— Я — прошлое, Ро. Ты — настоящее.

Я не понимала, что это значит, но, когда Дэйн взял меня за руку, подумала, что это неважно. Прошлое, настоящее, будущее... Сон существует вне времени и пространства, не в прошлом и не в будущем, и в нашем сне мы были вместе.

Хотя иногда мне очень не хватало присутствия Дэйна в реальной жизни.

Я вздохнула и поёжилась, погружаясь в дальнейшие воспоминания...

Тогда шёл дождь. Он лил с самого утра, не прекращаясь ни на секунду. Под ногами противно чавкало, когда я сквозь сплошную стену из воды бежала к усадьбе дартхари за новой книгой, которую посоветовал мне учитель Карвим.

Я всегда любила дождь, а вот остальные оборотни, наоборот, предпочитают не высовываться из дома, в то время как с неба льют потоки воды. Мне нравилось, что на улицах деревни почти никого нет, а те, кто есть, смотрят не на меня, а под ноги, полностью игнорируя присутствие ненавистной жабы.

Мне в ту пору уже исполнилось шестнадцать. В Арронтаре начиналась осень, деревья облетели почти наполовину, и идти по такой погоде к усадьбе дартхари было не слишком приятно. Ветер задувал под юбку, ноги я промочила, а к концу прогулки ещё и носом начала хлюпать.

Вожака не было в усадьбе, хотя из самого Арронтара он не уезжал. Я разочарованно вздохнула, поднимаясь по лестнице в библиотеку — в такой холодный день мне хотелось его видеть, как никогда раньше.

Как оказалось, не одной мне.

В библиотеке я обнаружила Лирин и огромного, совершенно белого хати.

Лири́н, как обычно, стянула волосы в пучок на затылке, и на фоне окна казалось, что на голове у женщины большая пушистая шапка. Это было бы смешно, если бы от её силуэта не веяло такой тревожностью, что я поёжилась.

Услышав тихий скрип двери, хати сразу обернулся и негромко зарычал.

— Ч-ш-ш, Вим, — сказала Лири́н, не отрывая взгляда от унылого пейзажа за окном. — Это Рональда.

Удивительно, но хати моментально замолчал, будто знал моё имя и кто я такая.

— Добрый вечер, Лири́н, — поздоровалась я. — А это ваш?..

— Хати? Нет. Вим принадлежит Нарро.

Я с интересом разглядывала собаку Вожака. Я никогда не видела таких хати — белый, как снег, и очень пушистый, он казался большим облаком, залетевшим в библиотеку по ошибке. А глаза у Вима были ореховые. В сочетании с белой шерстью это смотрелось очень красиво.

— Никогда не видела таких... — прошептала я. — Пушистый... и белый...

— Ну, раньше Вим не был белым. Он просто старый уже, поседел. Когда-то был просто серым. А вот пушистость... конечно, это редкость для хати, но такие щенки иногда рождаются. Правда, обычно их топят.

Я поперхнулась.

— А Вима почему не...

— Повезло.

Голос у неё был напряжённым, да и сама она казалась натянутой, как струна. И всё время смотрела в окно.

— Лири́н... что-то случилось?

Женщина вздохнула, и плечи её опустились.

— Ничего, Рональда. Ничего не случилось.

Я покачала головой.

— Неправда. Я никогда не видела вас такой... тревожной.

Я подошла к окну и встала рядом. Лири́н на меня даже не посмотрела, ни на секунду не отводя взгляд от дорожки, ведущей в лес. На улице было пасмурно, солнце почти не выходило из-за туч, и в свете его тусклых лучей лицо женщины казалось каким-то особенно бледным. Словно оно принадлежало не живому, а давно мёртвому существу.

— Он ушёл туда один, — прошептала вдруг Лирин. — Опять. Не взял меня... Никогда он не берёт меня с собой, никогда... Как я ни умоляла, как ни просила... Я так боюсь... Боюсь, что однажды он не вернётся...

— Кто? — Сердце будто чья-то невидимая рука сжала, когда я поняла, о ком говорит Лирин.

— Мой... Нарро...

Я вздохнула. «Мой»... Я бы никогда не посмела назвать дартхари своим. Впрочем, я же не знаю, какие отношения у них с Лирин, почему она смотрит в окно так, будто потеряла самое главное в жизни.

— А куда он ушёл?

— В Западный лес.

Я потрясённо моргнула. В Западный лес... Но сейчас же осень! И туда могут нагрянуть аксалы! Никогда заранее не знаешь, когда они прибегут, в начале или в конце сезона. Правда, за последние тридцать лет их набеги стали намного меньше, но не исчезли совсем.

— Зачем? Лирин, зачем он пошёл туда?!

Она улыбнулась.

— Рональда, неужели ты думаешь, численность нападающих на нас аксалов с каждым годом сокращается сама по себе? Это благодаря Нарро. Он уходит в Западный лес перед набегом всегда почти на сутки. Я не знаю, что он там делает, но их действительно становится всё меньше и меньше год от года.

Лирин устало наклонила голову и прикоснулась лбом к оконному стеклу.

— Почему он до сих пор не женился? — выпалила я вдруг вопрос, который давно мучил меня.

— Что?.. — Лирин очень удивилась, даже повернулась ко мне лицом. — Рональда... Я не думаю, что мне стоит обсуждать это с тобой.

— Почему?

— Я не могу говорить о личной жизни Нарро. Считаю, он не женится, потому что пока не нашёл себе подходящую пару.

— Подходящую?.. В каком смысле?

— Во всех смыслах. И больше ни слова на эту тему, прошу тебя. Когда-нибудь ты всё поймёшь сама... я надеюсь.

Возвращаясь в дом родителей, я думала о том, что сказала мне Лирин. Конечно, я волновалась из-за дартхари и Западного леса, но... если он делает так уже давно, почему что-то должно случиться с ним именно сейчас? С какой стати? Другое дело — поведение Лирин. Я видела в ней много нерастраченной любви, будто она хотела подарить её Вожаку, а он... не принимал. Так ли это?

И насчёт «подходящей пары»... Во всех трёх кланах было очень много сильных женщин-оборотней, и некоторые даже рожали от дартхари.

Наверное, людям это кажется странным, но так уж заведено у нас, оборотней. Добрачная близость в волчьем облике никем не порицается, наоборот, считается «полезной». Особенно если один из партнёров намного сильнее второго. Соответственно, желающих... хм... провести ночь с дартхари действительно очень много. И от подобных связей порой появляются дети.

Это интересный парадокс. Дети у оборотней рождаются только после физической близости в волчьем облике, соответственно, у человека и оборотня не может быть потомства. И подобная связь, как я уже говорила, не порицается, а вот спать в человеческом облике можно только с законным мужем или женой. Правда, в эти моменты детей зачать невозможно.

Мне это всегда казалось странным. Но традиции есть традиции. В облике волка ты можешь быть с кем угодно, а вот в человеческом — только после свадьбы.

Иногда самки (самцы гораздо реже) и после замужества хотели проводить ночи с кем-то ещё, кроме законного мужа. Такое желание обычно испытывали слабые самки (мы называем их анта) к самцам-ара. Особой популярностью, конечно, пользуется дартхари. Но прежде чем прийти к нему с подобной «просьбой», женщина должна попросить разрешения у собственного мужа.

Я знала, что Вожак соглашается на связь только с такими самками. Молодым и незамужним он всегда отказывает. Думаю, дартхари понимает, насколько в таких случаях велика вероятность того, что молодая девушка влюбится в него. Да и зачем ему далеко ходить, достаточно хотя бы на меня посмотреть...

Калихари, конечно, поступил странно, когда попросил Вожака сделать меня волчицей, ведь я не умею обращаться. Наверное, именно

это и сказал дартхари отцу. Закон — он один для всех. Даже для Вожака.

На меня вообще ни один оборотень не посмотрит, как на желанную женщину, потому что любой самец чувствует самку и обращает внимание только на равных по силе или более сильных. А такие, как я... У людей считается преступлением заглядываться на детей, и я для оборотней — всё равно что ребёнок. Я не пахну самкой, соответственно, не могу вызвать ни в ком физическое влечение. Ни один оборотень не согласится взять меня в жёны.

... Дома на двери своей комнаты я обнаружила записку от Джерарда. Это было удивительно, ведь последние несколько лет мы с ним почти не общались.

«Рональда!

Пожалуйста, приходи на Поляну, мне нужно с тобой поговорить.

Джерард»

Почему я ничего не заподозрила? Почему сразу побежала на место встречи, только быстро поменяв накидку, защищающую от дождя? Почему не взяла с собой Элфи?..

Наверное, тогда я ещё доверяла Джерарду. И даже обрадовалась.

Я помню, как мчалась к Поляне, не обращая внимания на дождь, и сердце бешено колотилось. Я думала, брат хочет помириться. Думала... ох, чего я только не думала.

Тот вечер окончательно убил мою веру в оборотней. В брата и всю семью. И в жизнь.

Когда я вышла на Поляну, начинался вечер. День и так был тёмный, солнце почти не выглядывало из-за туч, а теперь становилось всё темнее с каждой секундой. Джерард уже был здесь, стоял посреди Поляны лицом ко мне. Один. И когда я подошла ближе, брат улыбнулся.

— Привет, Ронни.

Ему недавно исполнилось четырнадцать, и с каждым годом Джерард становился всё красивее. Впрочем, так бывает со всеми оборотнями.

— Здравствуй. Ты хотел меня видеть?

— Да, — он кивнул. — Пойдём, я кое-что покажу тебе.

Джерард направился к Древнему Камню, и я последовала за ним.

Древний Камень — обычный большой булыжник, который лежит посреди Поляны. Никто не знает, откуда он тут взялся, и говорят, что раньше, много сотен лет назад, Камень светился. Но сейчас он выглядит просто обычным серым камнем.

— Джерард? Что ты хотел мне показать?

И как только я спросила это, из-за Камня вышел Лоран.

В тот момент сердце у меня упало. Страшно не было, нет... Дело было вовсе не в страхе. Просто я в очередной, и теперь уже в последний раз разочаровалась в брате.

— Пришла всё-таки, а? — ухмыльнулся сын Вожака. — А я думал, ты умнее окажешься.

В следующее мгновение Джерард схватил меня за руки, заломил их назад и так приложил лбом о поверхность Камня, что искры из глаз посыпались.

— Я держу, Лоран, давай.

Я напряглась, пытаюсь вырваться — на слова и уговоры решила не тратить — но Джерард, конечно, был намного сильнее. Он прижимал меня обеими руками к Камню, а Лоран пытался задрать мокрую юбку. Я пихала его ногами, но ничего не помогало — через несколько секунд юбка всё равно оказалась у меня на голове, полностью закрыв лицо, и сын Вожака выпущенными когтями разорвал мне исподнее. Холодный воздух вперемешку с дождём коснулся обнажённых бедёр.

Я не кричала. А смысл? Поляна находится не настолько близко к деревне или усадьбе дартхари, чтобы кто-нибудь мог меня услышать. Страх я не чувствовала, только холод... и к горлу подступала тошнота.

Я ничего не видела из-за юбки, накинутой на голову. Джерард по-прежнему держал мои руки и наклонял вперёд так низко, что заплетённой косой я касалась земли. Наверное, хотел, чтобы Лорану было удобнее меня насиловать.

— А ты тут симпатичная, — услышала я глумливый голос сына Вожака.

— Прекрати, — зашипел на него Джерард. — Давай быстрее.

— Боишься? — засмеялся Лоран. — Никто её не хватится...

Я почувствовала, как внутренней стороны бедра коснулось что-то очень горячее, и задержала дыхание, боясь, как бы меня не вырвало.

Почему-то в тот момент я подумала о Дэйне. Вспомнила, как мы сидели возле озера, опустив босые ноги в воду, и смотрели на распускающиеся розовые лилии. Это были одни из самых красивых цветов, появляющихся летом на воде. Они источали прекрасный запах, напоминающий мне что-то очень сладкое, но свежее... Он наполнял мои лёгкие и был таким аппетитным, что я начинала облизывать губы, а Дэйн смеялся.

В памяти яркой вспышкой возникли его глаза. Голубые и ласковые, как вода в озере.

А вслед за этим воспоминанием меня чуть с ног не сбило, потому что на Поляне вдруг появился дартхари. Я не видела его, но почувствовала. Так же, как Лоран с Джерардом — силу Вожака невозможно не почувствовать.

Оба испуганно вскрикнули, и брат тут же меня выпустил. Я выпрямилась и поправила юбку дрожащими руками, а потом подняла глаза и...

Никогда больше — ни раньше, ни позже — я не видела ничего более страшного. Да и Лоран с Джерардом, думаю, тоже, потому что оба стали белыми, как снег.

Стоящий шагах в пяти от нас дартхари был в ярости. Я чувствовала его ярость, как свою, и мне хотелось упасть на колени. Сила Вожака была устрашающей, уничтожающей собственную волю, она подминала под себя, заставляя что-то внутри жалобно поскуливать.

Скулить я не умела... в отличие от Джерарда и Лорана.

Глаза дартхари светились ярко-жёлтым, губы широко раскрылись, обнажая острые, огромные клыки. А потом он зарычал так громко, что уши у меня заложило.

Это был призыв на собрание для всех оборотней. Противиться ему или проигнорировать его невозможно.

Я затрясла головой, чтобы избавиться от звона в ушах, а потом вновь посмотрела на Вожака. Только тогда я заметила, в каком он состоянии — штаны все в грязи, рубашка насквозь мокрая и облепила тело так, что видно, как под ней перекачиваются мышцы.

Но дартхари смотрел не на меня, а на Джерарда с Лораном, трясущихся от страха, стучавших зубами и непроизвольно поскуливающих.

— Щенки.

Я никогда не слышала у него такого голоса. Он рычал, как зверь... да и эти клыки, вытянувшиеся, словно у настоящего волка — я и не знала, что подобное возможно!

— Подойди сюда, Рональда.

Я вздрогнула. Впервые в жизни я боялась дартхари. Такого, как сейчас — очень боялась. Он, наверное, понял это, потому что взгляд Вожака смягчился, клыки уменьшились, и голос был почти нормальным, когда он сказал:

— Подойди. Не бойся.

У меня подкашивались ноги, пока я шла к нему. Я ждала чего угодно, только не того, что он сделал.

Дартхари взял меня за плечи и прижал к себе. От его руки под мою кожу полилось тепло. У меня даже кончик носа перестал быть ледяным, согрелся.

Между тем на Поляну прибывали оборотни. Они ничего не говорили, только удивлённо поглядывали на нас, особенно на меня. Ещё бы... дартхари по-прежнему держал руку на моём плече, словно защищая.

Я не знаю, как Вожак понял, что на Поляне собрались все. Он просто неожиданно заговорил.

— Помнят ли собравшиеся здесь, что я сказал о Рональде, дочери калихари Винарда из клана белых волков?

— Да, дартхари, — прогремел нестройный хор голосов.

— Сегодня двое из стаи нарушили слово, данное мне. Лоран и Джерард, что вы можете сказать в своё оправдание?

Дартхари не стал рассказывать, что именно Лоран и Джерард хотели сделать со мной, и я была благодарна ему за это.

Я посмотрела на брата, по-прежнему бледного, как снег. Я была уверена — отец знал всё и, возможно, даже одобрял. Раз дартхари не согласился, можно использовать его сына... тем более что Лоран вырос настоящей скотиной.

— Дартхари, — сказал Джерард, делая шаг вперёд, — я надеялся помочь Рональде. Ей ведь уже шестнадцать, а она до сих пор не может

обратиться...

— И ты надеялся помочь телу, уничтожая душу? Подумай об этом, мальчик. Лоран, что скажешь ты?

— Что я скажу? — фыркнул сын Вожака, нарочито храбрясь, хотя в его глазах при этом плескался страх. — А что я могу сказать, отец? Я не могу понять, зачем ты защищаешь эту жабу! Она ведь жаба! Она недостойна...

На несколько секунд над Поляной повисла тишина. А потом...

— Советники Лирин и Гранш, прошу вас подойти, — громко сказал дартхари, обводя толпу взглядом спокойных жёлтых глаз. Да, теперь они вновь были спокойными.

Лирин и ещё один оборотень, которого я несколько раз видела мельком в усадьбе, отделились от остальных и подошли к Вожаку. Лирин с тревогой посмотрела на меня, а Гранш одобряюще улыбнулся, отчего я немного растерялась.

— Прошу вас засвидетельствовать наказание для Джерарда и Лорана. Я говорил, что каждый, кто обидит Рональду, будет отвечать за проступок на поединке со мной. Джерард и Лоран, по итогам этого поединка вас ждёт изгнание.

— Нет!

Я не смогла удержаться от крика.

Вывернувшись из-под руки дартхари, я встала перед ним и заглянула ему в глаза.

— Рональда?

— Прошу вас смягчить наказание для моих обидчиков, — произнесла я тихо. — Они молоды и глупы, дартхари... Накажите их, но не изгоняйте из стаи.

Я сделала это ради Джерарда. И сама себя ненавидела за слабость. Да и Лоран... каким бы гадом он ни был, оборотню жить вдали от Арронтара очень трудно. Мы привязаны к лесу будто какой-то магической верёвкой.

— Если таково твоё желание, Рональда, я исполню его, — ответил дартхари. — Лоран и Джерард, на следующих игрищах вы ответите за свой проступок на поединке со мной. Исход не будет смертельным. И после поединка первый советник зора Лирин оденет на вас обоих амулет, запирающий вторую ипостась. Лорану запрещается

перекидываться год, Джерарду — три месяца. Лечить раны, полученные на поединке, также запрещается.

Я вздохнула. Конечно, я понимала, что дартхари наверняка потреплет и своего сына, и моего брата, и у них потом всё будет очень долго болеть, но... так или иначе, изгнание намного хуже.

Изгнание... Кажется, теперь я знаю, что нужно делать. Ещё месяц назад я ни за что не приняла бы подобное решение, но сейчас... стоит ли тянуть?

Перед тем как сказать это, я взглянула на отца, маму, Арента и Сильви. Они стояли недалеко от меня, среди других оборотней. Сердце сжалось от обиды, но я знала, что моё чувство никогда не будет взаимным. Пора перестать надеяться на любовь.

— Дартхари, — я опустилась на колени и подняла голову, чтобы посмотреть в глаза Вожаку, — я, Рональда, дочь калихари Винарда из клана белых волков, с этого момента и навечно, отрекаюсь от родных и всей стаи. С этого момента я перестаю считать себя оборотнем и прошу, чтобы вы подтвердили моё решение.

Что-то странное мелькнуло в глазах дартхари. Боль?

— Калихари Винард с семьёй, подойдите.

Отец, мама, Арент, Сильви и Джерард — все они встали рядом со мной, а после опустились на колени.

— Отрекаешься ли ты от своей дочери, Винард?

— Отрекаюсь, дартхари.

— Отрекаешься ли ты от своей дочери, Прайма?

— Отрекаюсь, дартхари.

Я сжала руки в кулаки. Отрекаюсь, отрекаюсь, отрекаюсь... Даже Арент произнёс это дрожащим голосом.

Всего одно слово, перечеркнувшее моё прошлое полностью. Как много... и как мало.

— С этой минуты и навсегда Рональда больше не принадлежит стае. Но по-прежнему остаётся под моей защитой. Того, кто посмеет обидеть её, ждёт смерть. Все услышали моё слово? Не изгнание, а смерть.

Я вздрогнула. Зачем он сказал это? Почему продолжает защищать меня?

— Собрание закончено. Можете расходиться.

Мои бывшие «родные» поднялись на ноги и поспешили прочь. Они уходили, не оглядываясь... да и мне пора последовать их примеру.

Я встала с колен, закрыла глаза на мгновение, а потом побежала прочь по направлению к Северному лесу.

— Рональда!

Теперь я могла не слушаться его приказов. Теперь он мне больше не дартхари... Только вот от этой мысли было так горько, что я заплакала, продолжая бежать всё быстрее, всё дальше и дальше в лес.

Именно в тот вечер я и нашла свою хижину. Вернее, как я уже упоминала, её нашёл Элфи. Он присоединился ко мне чуть позже, когда я мчалась сквозь Северный лес, стирая с щёк слёзы вперемешку с дождём. Не знаю уж, как Элфи почувствовал, что нужен мне, и особенно — как он вообще сбежал из усадьбы калихари, но так или иначе — хати нашёл меня очень быстро... и больше не покидал.

Когда я впервые уснула в своём новом доме, прямо на старом столе, мне приснилось, будто я продолжаю бежать по лесу. Всё вокруг было мрачным, над головой темнело небо, в кронах деревьев свистел холодный ветер. Я задыхалась, спотыкаясь, но старалась бежать как можно быстрее, чтобы никто не настиг меня.

Но он настиг. Догнал и обнял, прижал к себе, погладил по голове...

Я уткнулась в грудь Дэйна и разрыдалась.

— Ро, малышка...

Зачем я убегала от него? Сейчас, когда Дэйн обнял меня, я почувствовала, что его руки согревают и успокаивают.

— Ты убегала не от меня. Ты убегала от самой себя.

Ну разумеется... Ведь ты — это я...

— Ро, посмотри на меня.

Я послушно подняла голову.

Дэйн, ласково улыбаясь, осторожно стер с моих щёк слёзы, а потом, обхватив ладонями лицо, тихо сказал:

— Я — это не только ты, милая Ро. Я гораздо больше. Пожалуйста, не плачь.

Не дожидаясь ответа, он поднял голову и оглядел окружающий нас мрачный лес.

— Не нравится мне здесь. Думаю, ты не будешь возражать, если я сменю декорации.

Он вдруг засвистел совершенно по-птичьи. Я охнула, когда внезапно вместо жуткого тёмного пространства оказалась возле нашего любимого озера. Светило яркое солнце, и вода из-за отражавшегося в ней ясного неба казалась совершенно голубой, прозрачной.

— Дэйн... Это сделал ты?

Я почти забыла о своих горестях, оглядываясь по сторонам. Раньше сон никогда не менялся, оставаясь таким же, каким был в начале, и мы с Дэйном ни разу не перемещались, как сейчас.

— Я. Правда же, здесь гораздо лучше?

Я рассмеялась.

— Безусловно.

Несколько секунд мы молчали. Я рассматривала лицо Дэйна, силясь понять, почему он появляется в моих снах, обладая именно такой внешностью. Мне всегда больше нравились темноволосые оборотни, а Дэйн был светленьким. Да и оборотень ли он вообще? Я никогда не спрашивала.

— Не хочешь искупаться?

От неожиданности я вздрогнула.

— Что?..

— Давай, Ро, — Дэйн, улыбаясь, сделал шаг вперёд и положил руки мне на плечи. — Мы с тобой чего только ни делали, но ещё ни разу не купались в озере. Это неправильно. Смотри, какое оно замечательное.

— Но... Дэйн, в чём мне купаться? Не в платье же...

Он расхохотался.

— Это же сон!

Я рассмеялась вслед за ним.

Всего одна мысль — и вот, я уже стою перед озером в белом купальном костюме. И поначалу вся неприглядность внешнего вида меня совершенно не беспокоила... до тех пор, пока я не увидела полуголого Дэйна. Вот тогда я смутилась. Даже здесь, во сне, я ничего не могла поделать со своей внешностью — как была пирожком, так и осталась. Только раньше, когда мы просто сидели, гуляли или разговаривали, я не задумывалась над этим.

Как всегда, он всё понял.

— Ро, — Дэйн подошёл и взял меня за руку. — Зачем ты так плохо думаешь обо мне?

— Что? — я удивилась.

— Неужели ты думаешь, что я разочаруюсь в тебе, если увижу в купальном костюме?

Я вздохнула и покачала головой.

— Нет, Дэйн. Просто... ты красив, словно... словно бог, а я больше похожа на пирожок с мясом.

Его глаза заискрились смехом.

— Глупышка. Пошли лучше искупаемся.

Вода была очень тёплой, совсем не такой, как в реальности. Мы соревновались друг с другом, кто быстрее достигнет противоположного берега, кто глубже нырнёт, кто выше прыгнет. И Дэйн в очередной раз гнался за мной, а я изо всех сил молотила руками и ногами по воде, стремясь уйти от погони, когда он вдруг сделал то, чего никогда не делал раньше.

Догнав, он крепко обнял меня, привлёк к себе и поцеловал.

Пусть это было во сне, но... мой самый первый поцелуй был прекрасен.

Его губы были нежными и тёплыми. Он держал меня за талию, а я обнимала его за шею, чувствуя, как покрываются мурашками руки — то ли от капелек воды, то ли от самого поцелуя, который рождал в моей душе что-то очень горячее и трепетное.

— Всё будет хорошо, Ро...

Кажется, так он говорил между поцелуями, но я плохо его слышала — кровь шумела в ушах.

— Ты придёшь завтра?

Он улыбнулся и погладил меня по мокрым волосам.

— Конечно, приду. Если позовёшь.

— Позову...

Я не знаю, сколько времени продолжался этот сон. Он постепенно растаял, как туман, но когда я утром встала со стола, служившего мне постелью, то всё ещё чувствовала на губах вкус поцелуев Дэйна.

Наверное, это невозможно. Но я чувствовала...

Глава 4

Рональда

Первое время после случившегося я даже не помышляла о том, чтобы вернуться в деревню. Занималась тем, что заделывала дыры в хижине, ломала голову над проблемой выбитых стёкол и делала заготовки на зиму.

О том, что будет теперь, когда я отреклась от стаи, думать не хотелось. Слишком уж сильно болела эта рана. Как выживать в лесу одной, да ещё и зимой, я тоже старалась не думать.

На самом деле я просто надеялась, что не доживу до весны.

Эту мысль выбить из меня не мог даже Дэйн. Возможно, если бы он существовал в реальности...

... Я сидела на крылечке вместе с Элфи и плела из ирвиса своё будущее кресло, когда вдруг услышала рядом прозрачный голос Лирин.

— Рональда!

Я чуть не уронила всё на землю, увидев, как она, улыбаясь, торопливо идёт к моему обиталищу.

— Здравствуй, Рональда, — сказала она, подойдя ближе.

— Добрый день, Лирин, — я кивнула и тоже улыбнулась — на неё я не сердилась. — Что привело вас ко мне?

— Ты думаешь, я не могу прийти к тебе просто так? — мягко поинтересовалась она, и я покачала головой.

— Нет, Лирин. У вас не настолько много времени, чтобы ходить по гостям к отверженной девчонке.

— Но это не значит, что я не хотела прийти, — ответила она очень серьёзно. — Просто... он запретил, Рональда.

— Запретил? Но почему тогда?..

— Сегодня разрешил. Нарро поручил мне кое-что сказать тебе. Рональда... Ты не хочешь быть лекарем клана белых волков? А в

перспективе, возможно, и остальных кланов.

— Лекарем? Но...

— Карвим считает, что ты сможешь. Он научил тебя очень многому. Да и обучение у него ты продолжишь, он по-прежнему будет приезжать в Арронтар два раза в месяц.

От волнения я вскочила с места.

— Это правда? Я буду продолжать учиться?!

Лири кивнула.

— Верно.

— Но я ведь отреклась...

— Для Нарро твоё отречение ничего не значит.

— Что? — от удивления я едва дышала. — Но...

— Он не похож на остальных оборотней, — сказала Лири с такой любовью в голосе, что я моментально отошла от своего оцепенения. — Но не бери в голову. Лучше скажи, хочешь ли ты быть лекарем? За эту работу ты, конечно, будешь получать плату. Подумай, Рональда... Тебе ведь нужна одежда, обувь, кое-какая еда? Это отличная возможность.

— Лири, — я засмеялась, — но ведь вся деревня белых волков ненавидит меня, называет жабой. Они бы с удовольствием прибили меня, если бы не...

— Если бы не дартхари. Да, я знаю. Но теперь Нарро сказал, что любого, кто обидит тебя, ждёт смерть. Они не посмеют. Прошу тебя, подумай... не отказывайся сразу, хорошо? Я приду завтра за ответом.

Я кивнула, а Лири, опустив глаза, вдруг побледнела. Зрачки её расширились, отчего глаза стали почти чёрными.

— Что это?

Я посмотрела под ноги. Там, среди веточек ирвиса, лежала грубая, недоделанная дудочка. Я нашла её в первый же день почти на том самом месте, где она была сейчас. Я подумала, что эту дудочку, возможно, когда-то сделал тот, кто построил эту хижину. Вернее, он её не доделал. Не знаю, что ему помешало, но она была слишком грубо выстрогана, да и дудела плохо.

— Дудочка. Она валялась тут, под крыльцом. Наверное, её сделал бывший хозяин хижины.

Лири задрожала.

— Пожалуйста, Рональда... Пожалуйста, отдай её мне!

Сколько мольбы было в её голосе! Ни разу в жизни я не видела старшего советника дартхари в таком состоянии.

— Хорошо.

Я наклонилась, подняла дудочку и протянула женщине. Она сразу схватила её и прижала к груди, закрыв глаза и как-то странно, прерывисто вздохнув.

Посмотрев на лицо Лирин, я увидела, что по её щеке скатилась маленькая слезинка.

— Спасибо, Рональда, — прошептала она и улыбнулась. — Ты даже не представляешь, что сделала сейчас для меня. Спасибо.

— Не за что, — я пожала плечами. Интересно... может быть, Лирин знала того, кто жил в этой хижине? Я очень хотела спросить её об этом, но почему-то не посмела. Наверное, просто боялась услышать ответ.

А когда Лирин пришла на следующий день, я сказала ей, что согласна стать лекарем клана белых волков.

Вот так всё и началось. И продолжается уже шесть лет. Шесть лет я регулярно бегаю во все три деревни — да, со временем я стала лечить ещё и чёрных, и серых волков — и борюсь с простудой, принимаю роды, облегчаю боли в спине... За эту работу я получаю небольшие деньги. На них покупаю одежду и обувь, хлеб, иногда молоко. Ещё из трав, грибов, фруктов и ягод я делаю различные настойки, которые продаю всем желающим. И, конечно, продолжаю учиться магии.

Неделю назад приезжал учитель Карвим и попросил меня попробовать сделать амулет. Я раздумывала о том, какой амулет буду делать, когда вдруг услышала чей-то громкий крик в стороне от дороги, ведущей в усадьбу. Принюхавшись, я с удивлением поняла, что оборотнем в той стороне и не пахнет. Наоборот... тот, кто кричал, был человеком. Кажется, мужчиной.

Заинтересовавшись, я пошла вглубь леса, ориентируясь на запах чужака. Обоняние у меня всегда было хорошее, несмотря на то, что я уже не имею права считаться оборотнем.

Я угадала — это был мужчина. Обеими ногами он застрял в замаскировавшемся под овражек болотце, а над ним, ехидно хихикая, прыгала на ветке шалунья. Эта маленькая птичка частенько заманивает

зазевавшихся путников своим чарующим голосом в различные ловушки, а потом смеётся, подражая человеческому смеху.

Я, прищурившись, наблюдала за чужаком издалека. Тёмные волосы чуть выше плеч, глаза карие, большие, фигура спортивная. Высокий. Одет во всё чёрное. На правой руке — кольцо с гербом императора.

Всё ясно. Почётный гость дартхари решил прогуляться по лесу и, конечно, погнался за шалуньей. И где только воспитывают таких необразованных лордов? Шалунья, при всём её замечательном внешнем виде, птичка очень опасная. Она и утопить может...

— Добрый день, — сказала я, выходя из кустов на свет. — Вам помощь не нужна?

Мужчина резко обернулся, отчего не удержался на ногах, накрепко завязнувших в болоте, и плюхнулся спиной в грязь. Я кинулась к нему, не дожидаясь ответа. Связала в воздухе материальную ниточку из магии Света, обернула её вокруг талии чужака, дёрнула — и вот, он уже стоит рядом со мной, весь грязный, и отдувается.

Даже сейчас, весь в болотной тине с ног до головы, он был очень красив. Только лицо казалось мне уставшим, а глаза грустными.

— Спасибо, — сказал чужак, улыбнувшись мне. — Если бы не вы, не знаю, что бы я делал. Дурацкая ситуация...

Он смотрел на меня совершенно нормально, без всякого презрения.

— Не за что. Вам следует запомнить, лорд, что не стоит бегать за шалуньей по лесу. Её шутки бывают жестокими.

— Я постараюсь не забыть, — мужчина смущённо улыбался. — У меня всегда были плохие оценки по ботанике.

— По... чему? — губы у меня задрожали. — По ботанике?..

Не выдержав, я громко расхохоталась. Прижимая к животу ладони, я смеялась так, как, наверное, не смеялась ни разу в жизни. Чужак присоединился ко мне спустя несколько секунд, когда сообразил, почему я веселюсь.

— Ой... не могу... по ботанике... Ох... — Я вытерла наворачнувшиеся на глаза слёзы.

— Кажется, я выставил себя круглым дураком, да, зора?

Это его обращение заставило меня замолчать и моментально прогнало улыбку с губ.

Какая я, кдохлым кошкам, зора...

— Нет, — ответила я, вздохнув. — Всё в порядке. Это я вела себя непочтительно. Простите, лорд.

Мужчина наклонил голову, вглядываясь в моё лицо. Интересно, что он там заметил? Или наконец сообразил, что таких страшных оборотней не бывает?

— Простите, если я обидел вас. Кажется, я просто чего-то не знаю... или не понимаю. Как вас зовут?

— Рональда. А вас, лорд?

— Называйте меня Грэм, Рональда. Без всяких лордов. Просто Грэй.

— Вы гостите в усадьбе дартхари?

— Верно, — он кивнул. — Пожалуй, мне сейчас стоит вернуться туда. Нужно смыть всю эту тину, пока меня не приняли за какое-нибудь чудовище.

Мне казалось, Грэя не приняли бы за чудовище, даже если бы он с ног до головы вымазался сажей, слишком уж он был красив.

Я вызвалась проводить мужчину до усадьбы, и когда мы вышли на ровную дорогу, оказалось, что Грэй выше меня почти на полторы головы. Но, тем не менее, разговаривать с ним было легко. Наверное, потому что в его глазах я не видела даже тени сомнения. Он будто бы не замечал, рядом с какой уродиной находится.

— А вы — Старший лорд или Младший?

— Старший.

— Значит, герцог.

— Значит. — Он почему-то очень развеселился, услышав это моё замечание. — А вы, Рональда, какая волчица?

— Никакая. — Я решила ответить честно.

— Как это? — Грэй, кажется, удивился, потому что неожиданно остановился посреди дороги. Я обернулась и посмотрела ему в глаза.

— Разве вы не видите? У всех оборотней глаза жёлтые, а у меня голубые. Так что я никакая не волчица.

— Значит, вы человек?

— Нет, — я рассмеялась. — Я никто. Не думайте об этом, Грэй. Мы с вами наверняка больше никогда не увидимся, так что... зачем

вам забивать себе голову?

— Так вот что мне показалось странным в тебе! — Он вдруг хлопнул себя по лбу. — Ты воспользовалась магией, чтобы вытащить меня из болота! Но ведь оборотни не умеют...

Я начинала злиться. К тому же, он ещё и на «ты» перешёл.

— Прощайте, — сказала я, разворачиваясь обратно к хижине. Но Грэй не дал мне уйти, схватив за руку.

— Не злись, — сказал он мягко, не сделав больше никаких резких движений, чтобы меня удержать. — Я не хотел тебя обидеть. Честное слово.

— Обещайте, что больше не будете говорить на эту тему.

— Обещаю.

Я кивнула и продолжила путь в усадьбу вместе с Грэем. Он сдержал слово и больше ничего не спрашивал у меня. Просто шёл рядом и напряжённо о чём-то думал, хмуря брови.

После того как мы вошли в усадьбу, Грэй направился смывать тину и водоросли, а я поспешила в своё святилище — библиотеку. Там было пусто, и я вздохнула с облегчением. Я чувствовала, что дартхари где-то здесь, поэтому нужно поскорее закончить с домашним заданием учителя Карвима и уходить.

Я подошла к одному из стеллажей, в котором хранились книги об амулетах, и в задумчивости провела кончиками пальцев по корешкам. Где же это... Вот! «Амулеты для начинающих». Карвим говорил, чтобы я попробовала сделать нечто из первой главы.

Я отошла к столу, села в кресло и, открыв книгу, принялась читать.

В первой главе автор долго и пространно рассуждал о том, что такое амулет. По его словам, им мог быть любой предмет, в который создающий вложил определённый смысл и силу, чтобы он работал. В качестве примера предлагалось сделать амулет, заговорённый на удачу.

Что за ерунда! Я чуть было не захлопнула учебник. *«Возьмите любой предмет (лучше всего камень), наполните его энергией чистого Света — это и будет амулет, заговорённый на удачу».* Интересно, с какой стати? А если камушек Тьмой наполнить? Наоборот, неудачи будут преследовать?

Я уже начала рассерженно фыркать, как вдруг уткнулась взглядом в дальнейший текст...

«Вы уже смеётесь? Или действительно пытаетесь создать подобный амулет? Не пытайтесь. Я пошутил. Для того чтобы приманить удачу, не обязательно наполнять камень какой-либо энергией, достаточно просто верить в то, что этот камень будет её приносить.

Удача, равно как и невезение — понятия абстрактные. На них не бывает амулетов. Точнее, вы можете объявить любой предмет таким амулетом, но в действительности он им, конечно, не станет.

Амулеты можно создать только на что-то конкретное. Например, амулет, оберегающий от огня. Амулет переноса. Амулет против эмпатии. Этот, кстати, считается самым популярным. Почему, я могу только гадать. Эмпаты — явление редкое».

Не знаю, сколько времени я читала книгу, настолько погрузилась в текст и увлеклась. Создание амулетов оказалось занятием очень интересным, не менее интересным, чем изготовление лекарств и проведение операций.

Всё зависело от конечной цели. Если ты хочешь создать что-либо известное, например, амулет переноса — это один вариант. Схемы создания таких амулетов автор зарисовал в конце книги. Но задача учебника, насколько я поняла, была иной — научить выводить собственные формулы амулетов...

От волнения у меня пересохли губы. Всё почти как в математике — если ты понимаешь суть и логику, то можешь создать формулу амулета сам! Это несложно. Достаточно только понимать, что первично... И как он будет работать в конечном итоге.

Несколько лет назад, когда я рыла землю в поисках подземных грибов — они очень полезны для костей, особенно при переломах, — то наткнулась на необычный камень. Я знала, что такие камни называют ириалами. Они представляют собой давно засохшую и затвердевшую смолу ирвиса. Их находят очень редко, поэтому ириалы так ценятся. Ещё их называют Сердцем Арронтара. Хотя мне больше по душе другое название — Слёзы Арронтара.

Камень, который я нашла, был не очень большой, продолговатый, тёмно-жёлтый, и он так сильно походил на глаза дартхари Нарро, что я не смогла удержаться. Сделала вверху маленькую дырочку и повесила себе на шею. С тех пор не снимала...

Я сжала в руке свой ириал и изо всех дёрнула. Верёвка с громким треском порвалась.

Положив камень на листок бумаги, я вздохнула и задумалась.

Итак, у меня есть «предмет» для создания амулета — Сердце Арронтара. У меня есть цель — амулет от насильственного перевоплощения. Как его сделать? В учебнике не упоминалось ничего похожего...

С того дня, как я впервые увидела дартхари в волчьем облике, я стала бояться за него. Возможно, это глупо, но... Я знаю, оборотни уважают и признают силу, но её избыток должен вызывать у них зависть. И в дартхари Нарро силы очень много. Я даже не представляла, сколько, потому что обычно видела его в человеческом облике. Он редко перекидывался на игрищах, чтобы не смущать остальных, особенно самок. «От Нарро невозможно глаз оторвать», — так однажды сказала Лирин, и она была права.

Я осознала это в полной мере, когда пришла посмотреть, как Вожак будет трепать Джерарда и Лорана за их проступок. Наверное, я волновалась за брата. Не знаю. Во всяком случае, я в тот вечер спряталась на краю Великой Поляны, в кустах, и затаилась, дабы видеть всё, что будет происходить.

У них не было ни единого шанса. Когда дартхари снял с себя одежду и стал огромным белым волком, даже я, так и не прошедшая Ночь Первого Обращения, почувствовала его силу. Точнее, мощь. Вожак был раза в два больше других оборотней... и это только если судить по размеру его волчьего тела, но ведь важна ещё и внутренняя сила... А она просто потрясала.

В тот момент на Поляне не было ни одной обращённой самки, но тем не менее я заметила, как задрожали все женщины. А потом я учуяла в воздухе запах возбуждения. Сладко-пряный, он заставлял меня дрожать не меньше, чем остальных. Но я при этом чувствовала ещё и какую-то звериную ревность.

К моему удивлению, сам Вожак в тот момент не пах никаким возбуждением. И это было странно... Общему настроению поддались все. Кроме него.

Он спокойно порвал в ту ночь Джерарда и Лорана, и так, что я несколько раз чуть не выскочила из кустов на помощь брату. Я не

думала, что в той куче окровавленного мяса могла остаться жизнь. Но она там осталась...

Сам дартхари не получил ни царапины. Но с тех пор я начала бояться. Мне казалось, однажды какой-нибудь кучке оборотней надоест невозможность победить Вожака, и они решат убить его.

Я знаю, единственный способ победить дартхари Нарро — запереть его в человеческом облике, чтобы он не мог перекинуться и высвободить своего внутреннего волка. Человека, даже такого сильного, как Вожак, сможет победить и кучка слабых самцов.

Чтобы запереть любого ара в человеческой ипостаси, достаточно дать ему специального зелья. Нарочно подмешать его в пищу не получится — у зелья специфический вкус и запах, который почует любой оборотень. Да и чтобы эффект был, его нужно пить неразбавленным и в достаточно большом количестве, а не по две капли на тарелку с супом.

Так что вариант с зельем отпадает. Насильно напоить дартхари они тоже не смогут. Остаётся только заклинание. Заклинание, запирающее вторую ипостась. Так оно называлось. Я прочитала о нём всё, что могла найти. Оно было сложным, очень энергозатратным и удалось бы не каждому магу. Нужно владеть магией Тьмы и Крови. И я предполагала: для того, чтобы обезвредить этим заклинанием дартхари, понадобятся несколько подобных магов, но... мало ли? Мне казалось, рано или поздно найдутся охотники за головой Вожака.

Итак, что мы имеем? Амулет должен защищать владельца от заклинания, запирающего вторую ипостась. Заклинание это базируется на магии Тьмы и Крови. Значит, попробуем использовать Свет и Кровь. Основой станет заклинание для зелья, вызывающего трансформацию. Именно его используют на ритуале первого обращения. Это заклинание не относится ни к одному из видов магии, оно само по себе, потому что на самом деле это не заклинание, а чистейшей воды фольклор. Песенка на древнем наречии оборотней. Трансформацию вызывает зелье, а проговариваемые над ним слова — просто традиция.

Но пусть будет.

Автор учебника же пишет — если верить, то сбудется. Значит, буду верить.

Я начертила на коже ножом, который всегда носила с собой, древний символ Арронтара — два глаза. Звериный и человеческий.

Посмотришь, как обычно — человеческий, перевернёшь — звериный. Было больно, но ради дартхари Нарро я бы этим ножом могла и руку себе отрубить, даже не поморщившись.

Кровь моментально наполнила порезы и закапала на стол. Я крепко сжала в руке ириал и начала бормотать слова фольклорного заклинания, одновременно стараясь наполнить камень чистой энергией Света.

Почему-то в тот момент, когда я изо всех сил пыталась превратить бесполезный, но очень красивый камушек в амулет, я вспомнила, как впервые столкнулась с дартхари после своего ухода из стаи.

Я ведь избегала его. Я ходила в усадьбу только если чувствовала — Вожака там нет. Гранш, которого я встречала тогда чаще, чем Лирин, смеялся и говорил, что я трусишка.

Я помню — это был первый весенний день, но снега намело по самую макушку. Он шёл с самого утра, пушистый и очень красивый. Я решила быстренько сбежать в усадьбу за одним справочником по травам Арронтара, нацепила самую толстую шерстяную накидку, на ноги надела тяжёлые, но тёплые сапоги, и побежала в Сердце леса, к резиденции дартхари. Элфи остался в хижине.

Я совершенно не чувствовала Вожака, поэтому спокойно взбежала вверх по лестнице, поздоровавшись с стражниками, и протопала по коридору, ведущему в библиотеку. Топала я громко, оставляя за собой грязно-мокрые следы, а бежала быстро, и уже перед самой библиотекой, на углу, врезалась во что-то большое и очень твёрдое.

От удара с меня слетел капюшон накидки, и от неожиданности я чуть не села, потому что оказалось — врезалась я в дартхари. Я даже сказать ничего не смогла, только рот открыла и глаза вытаращила.

Я по-прежнему его не чувствовала. Хотя вот он — рядом, сжимает мои плечи большими руками.

Выглядел дартхари очень плохо. Лицо было каким-то серым, под глазами круги. В тот момент я впервые осознала, что он действительно уже стар по меркам оборотней.

Но тем не менее, я не могла перестать смотреть на него.

— Рональда, — произнёс дартхари и улыбнулся.

От этой улыбки повеяло теплом. Словно вдруг весна наступила.

— Я очень рад нашей встрече, — продолжил он. — Полгода тебя не видел. Ты выросла, Рональда.

И как только он сказал это, я поняла одну вещь.

Я действительно выросла. И вместе со мной выросла моя любовь к нему. Из любви маленькой девочки она стала любовью женщины.

Именно этого я так боялась. Именно поэтому избегала встреч с Вожакон.

Но от себя не убежишь, верно?

— Я... — голос меня не слушался. — Я... простите... я вам тут наследила...

Он рассмеялся.

— Не страшно. Хотя зора Катрима, конечно, будет бурчать. Но это ничего, она часто бурчит.

Зору Катриму я не знала, поэтому, наверное, спросила:

— Почему?

— Характер, — опять засмеялся дартхари. Почему-то с каждой секундой его глаза светились всё ярче и ярче... Вот только круги под ними никуда не исчезали.

— Я вас совсем не чувствовала... Я думала, вас нет в усадьбе...

Наверное, это прозвучало как оправдание. Я даже хотела опустить голову, чтобы больше не видеть его. Но не могла.

— Меня и не было. Я вернулся недавно, даже переодеться ещё не успел. Но я рад, что всё так получилось. Я давно хотел увидеть тебя.

— А... — Когда Вожак сказал это, внутри меня всё задрожало, и я вновь едва не упала. Но он чуть сильнее сжал мои плечи, и я удержалась на ногах. — А... почему я вас не чувствую?

— Ты обычно чувствуешь меня? — с интересом спросил дартхари.

Кажется, я покраснела.

— Да. И сейчас я до сих пор не чувствую... Хотя вот он вы...

— Это ты верно заметила — вот он я. — Вожак улыбнулся. — На мне амулет, Рональда. Дело в том, что меня чувствуешь не только ты, но и остальные оборотни. Особенно, конечно, Гранш и Лирин. А я, честно говоря, сейчас не расположен беседовать с кем-либо из своих советников.

— Вы устали?

Дартхари кивнул.

— Хотите, я сделаю вам тонизирующий чай?

— Спасибо, но как-нибудь в другой раз. Сейчас мне нужно просто выспаться. Правда, сначала я хотел кое-что тебе отдать. Раз уж ты мне сегодня встретила... и непонятно, когда встретишься в следующий раз.

Я покраснела ещё сильнее, а Вожак, подхватив меня под руку, повёл в библиотеку.

Там он подошёл к одному из стеллажей, выдвинул несколько книг, что-то нажал сбоку на полке, и в задней стенке открылось маленькое потайное отделение, откуда дартхари достал небольшую растрёпанную и замусоленную книжку.

— Вот. Держи, Рональда.

Я посмотрела на обложку. Никаких надписей. Странно.

— Пожалуйста, береги её. Второго экземпляра не существует.

Сказав это, дартхари опустился на диван, а я с интересом открыла книгу.

Оказалось, что это не совсем книга. Скорее, рукопись. Она была написана вручную и сшита давно пожелтевшими от времени нитками. Аккуратным, немного витиеватым почерком на первом листе было выведено:

«Магия Разума. Неизвестная, но существующая».

Я задумалась. Учитель Карвим никогда не упоминал магию Разума. Да и я, сколько читала книг, нигде не видела этот термин.

— А что такое... — начала было я, но, обернувшись, моментально замолчала.

Дартхари спал. На краю дивана, свесив голову набок.

Во сне его лицо разгладилось и посветлело. Я улыбнулась, спрятала подаренную рукопись в нагрудный карман платья и подошла поближе к Вожаку.

Наверное, это было неправильно. Но... я не жалею. Это было удивительно — дотрагиваться кончиками пальцев до его волос, лба, щеки. Аккуратно, стараясь не разбудить, укрыть собственной тёплой накидкой и уложить на диван поудобнее. А потом, наклонившись, легко поцеловать в висок.

И теперь я, создавая для него амулет, вспоминала тот день. Прошло шесть лет... Я видела Нарро ещё много раз, но никогда не была так близко к ощущению собственного счастья, как в тот день.

Счастья, но и несчастья тоже. Потому что в полной мере осознавала глубину собственной любви к тому, кто на меня никогда не посмотрит. Я всегда буду для него всего лишь маленькой девочкой.

...Энергия Света утекала сквозь мою ладонь и оставалась в камне. Я сидела с закрытыми глазами, но откуда-то знала, что всё получилось. Амулет... мой первый амулет удался.

— Рональда!

Его голос вторгся в мои мысли, заставил распахнуть глаза.

Дартхари подбежал ко мне и схватил за плечи, а потом хорошенько встряхнул.

— Очнись! Немедленно перестань, Рональда!

Всё было, как в тумане...

Я хотела сказать ему, что у меня получилось. Что учителю Карвиму понравится. Но я сделала это не для учителя, а для него. Для того, кого я никогда не смогу назвать по имени.

Дартхари вырвал камень у меня из ладони, и я перестала вливать в него энергию. В тот миг я поняла, в чём была моя ошибка — я чуть не угрохала в амулет весь магический резерв, а это значило бы для меня верную смерть. Нужно уметь вовремя остановиться...

— Глупышка...

Я так и не поняла, сказал это дартхари или же мне просто послышалось — так или иначе, я потеряла сознание.

Я медленно падала в густую, клубящуюся со всех сторон тьму. И эта тьма, казалось, пытается превратить мою кровь в лёд. Мне было холодно, я не могла нормально дышать, я задыхалась, но продолжала падать.

Вокруг не было ничего и никого, кто мог бы мне помочь. Только тьма и холод, останавливающий не только ток крови, но и само движение мысли.

Внезапно чья-то горячая рука схватила мою ледяную ладонь. Во тьме мелькнули голубые глаза, а потом знакомый голос произнёс:

— Держись, Ро! Сейчас я вытащу тебя, только держись, не отпускай...

Я вцепилась в Дэйна изо всех сил, и мне чудилось, что из его руки в моё тело течёт что-то, напоминающее горячий чай из дух-травы в морозный зимний день.

Это была чистая сила. Свет. Он вливал в меня собственную силу, и тьма постепенно уходила, рассасывалась, исчезала. Теперь я ощущала биение сердца и могла вздохнуть полной грудью, не боясь, что она рассыплется на части, как разбитая ледяная сосулька.

— Что это было, Дэйн?

— Побочный эффект. Нельзя полностью сливать резерв. — Дэйн толкнул меня в грудь — не сильно, но вполне достаточно для того, чтобы я очнулась.

Открывать глаза я тем не менее не спешила, поняв — я сижу на чём-то очень тёплом и кажется, живом. И это «что-то»... Точнее, «кто-то»...

Я боялась поверить. И открыть глаза тоже очень боялась.

Я чувствовала, что нахожусь на коленях у дартхари, и он крепко прижимает мою голову к своей груди.

О Дарида! Что это были за ощущения... И дело было не только в том, что меня обнимал Вожак. Просто меня уже давно никто не обнимал. И от этих его объятий, от тёплых рук, от близости тела, у меня заболело сердце.

Но я всё-таки нашла в себе силы открыть глаза. Голова тут же закружилась, и наверное, в этот момент я как-то дёрнулась, потому что Вожак вдруг сказал:

— Я рад, что ты очнулась, Рональда. Сиди, не двигайся. Тебе нужно поесть и выпить чаю.

— Но... дар... дар... дар... — я хотела сказать «дартхари», однако язык совершенно не слушался.

— Помолчи. — Вожак только сильнее обнял меня, прижимая к себе. — Всё равно ты сейчас не сможешь сказать ничего вразумительного. Поэтому просто послушай. Рональда, ты уже не маленькая девочка. Ты изучаешь магию девять лет, это приличный срок. И тем не менее ты, как ребёнок, берёшься делать сложную вещь после первого же урока, когда ещё толком не понимаешь, как всё работает. Ты способная, я не отрицаю, и амулет, кажется, у тебя получился. Но если бы я не остановил тебя вовремя, ты могла бы погибнуть. Ты понимаешь это, Рональда?

Дартхари осторожно приподнял мою голову, и мне немедленно захотелось зажмуриться.

Он был так близко!

А ещё я чувствовала обжигающий душу стыд. Я действительно плохо подумала... точнее, я вообще не подумала.

— Простите... — прошептала я, глядя в его ярко-жёлтые глаза, наполненные сейчас укоризной.

Дартхари вздохнул и покачал головой.

— Ты думаешь, я сказал тебе всё это для того, чтобы ты попросила у меня прощения? Нет, мне не это нужно. Я хочу, чтобы ты поняла и запомнила — полное опустошение магического резерва означает смерть для мага. Ты сейчас подошла к самому краю, ещё бы чуть-чуть — и всё.

— Не думаю, что это хоть кого-нибудь огорчило бы... — пробормотала я тихо, но дартхари услышал.

— Это огорчило бы меня, Рональда. Смертельно огорчило.

Он говорил искренне, но я всё равно не могла поверить. Возможно, он неплохо относится ко мне, жалеет маленькую жабу, но... смертельно огорчило? Вряд ли.

Неожиданно дартхари поднял руку и погладил меня ладонью по щеке, а потом рассмеялся.

— Маленький дикий зверёк... Как же много нужно времени, чтобы понять, увидеть и поверить... Впрочем, разве может быть иначе? Я, наверное, хочу слишком многого. Я говорил тебе про время, Рональда, но сам забыл свои слова. А время не терпит, когда его торопят. Мне нужно помнить об этом.

Я не поняла ни единого слова, но дартхари, кажется, и не ждал, что я пойму. Он осторожно пересадил меня с колен на диван и тихо сказал:

— Сейчас тебе принесут чай и кое-какую еду. Пожалуйста, всё съешь и выпей, ничего не оставляй. И сегодня больше никакой магии, обещаю мне.

— Обещаю.

Вожак удовлетворённо кивнул, а потом вышел из библиотеки, и у меня не хватило сил на то, чтобы попросить его остаться ещё хотя бы на пару минут. И взять амулет, который я с таким трудом для него сделала.

Спустя какое-то время мне действительно принесли большую чашку с чаем и тарелку с салатом из овощей. Дартхари мог и не

просить меня ни о чём — я сама была такой голодной, что уничтожила всё до последней крошки и капельки.

Только после того как еда закончилась, я решила получше рассмотреть получившийся амулет.

Ириал выглядел удивительно после моих манипуляций. Он будто бы ожил, стал настоящим Сердцем Арронтара — внутри что-то пульсировало, словно пульс. А сам камень потеплел так сильно, что иногда казался обжигающе горячим.

А сколько в нём теперь было магии! Ну ещё бы, я ведь почти опустошила резерв... Правда, после обеда и лечения Дэйна я чувствовала себя более-менее нормально, но вот колдовать точно до завтрашнего вечера не смогу. Нужно подождать, пока магическая сила восстановится полностью, иначе можно опять улететь за грань. Только во второй раз мне будет уже не суждено вернуться.

Я убрала амулет в один из потайных карманов на липучках, чтобы он не вывалился где-нибудь по пути — носить чужой амулет не стоило, иначе потом, когда я всё-таки наберусь смелости, чтобы подарить его дартхари, он не будет работать в полную силу.

Когда я покидала усадьбу Вожака, день начинал клониться к завершению. Солнце золотило верхушки деревьев, напоминая мне о волосах Дэйна, где-то вдалеке слышалось чириканье чушек — эти небольшие птички своим пением всегда приветствуют наступающий вечер и грядущую ночь. Они чирикают, бултыхаясь в дорожной пыли, становясь от неё ещё более серыми и невзрачными, чем обычно.

По дороге домой на этот раз мне никто не попался. Всё было тихо, только ветер пел в кронах деревьев свои непонятные песни. Сегодня лес дышал спокойно, и от этого его дыхания мне стало так хорошо, что я начала еле слышно насвистывать одну из песенок, которой меня научил Дэйн.

Это было очень давно. Мы делали из листьев и веточек кораблики и пускали их плавать по озеру. Друг изображал из себя ветер — надувая щёки, он дул так сильно, что некоторые из корабликов достигали противоположного берега.

— Ты знаешь какую-нибудь песню, Ро? — спросил вдруг Дэйн.

— Нет, — ответила я, вплетая в нос одного из корабликов крошечный белый цветочек. — Знала, когда Джерард был маленьким. В основном колыбельные... Но теперь я уже ничего не помню.

— А я помню. Много хороших песен помню. Хочешь, научу? Только они на старом наречии оборотней. Но всё равно красивые.

Он действительно знал необыкновенно много замечательных песен. И голос у Дэйна был удивительный. Он звенел и переливался самыми разными цветами и красками, и будто постепенно растворялся в воздухе, впитываясь в окружающее пространство.

*— Мой голос — это ветер,
Тебе поёт он песни.
О крае, что так светел,
Что нет его чудесней.
Пусть он расскажет мне,
Без сказок мне не спится,
О том, как по весне
Летят оттуда птицы...*

Песни Арронтара. Так называл их Дэйн. В первую очередь потому что все они были от лица нашего леса. Он будто бы сам говорил с нами, рассказывал о своей жизни и, быть может, хотел, чтобы мы поняли что-то важное.

И теперь я пела одну из тех песен, с улыбкой наблюдая, как замолкают и прислушиваются птицы поблизости.

Это был мой маленький секрет. Я всегда хорошо ладила с животными, даже, можно сказать, умела понимать их речь. Я могла легко подобраться очень близко к любой птице или зверю и даже взять их на руки. А когда я пела, они слушали очень внимательно, некоторые даже прилетали или прибежали специально, чтобы послушать.

И если бы не та странная книга, которую дартхари однажды отдал мне, я никогда не узнала бы, отчего так происходит.

Глава 5

Рональда

— Рональда-а-а!

Возле хижины стоял и истошно вопил мальчишка лет двенадцати. Надо же, какой смелый — обычно те, кого родители посылали «за лекарем», орали: «Лека-а-арь!»

— Чего тебе? — поинтересовалась я, выходя из кустов. Увидев меня, мальчишка вздрогнул, но не отшатнулся. Действительно, смелый.

— Соседка наша, зора Арилла, рожает. Мама попросила сбегать за тобой.

Очень некстати... Мало ли, что пойдёт не так при родах, а во мне магии сейчас не больше, чем в любом другом оборотне.

— Тебя как зовут?

Мальчишка, кстати, ещё был необращённый. Значит, нет пока двенадцати. Глаза серые, волосы русые, очень красивый нос, две ямочки на щеках, одет просто — белая рубашка, грязно-серые штаны и самые обычные ботинки, которые носят все оборотни Арронтара — в них удобнее всего продираться сквозь лес.

Из небогатой семьи мальчик. И удивительно — смотрит на меня не неприязненно, а скорее, настороженно.

— Петер.

— Пойдём, Петер, поможешь мне.

— Куда? — Глаза вспыхнули тревогой и страхом.

— Не бойся, — я хмыкнула. — Я детей не ем. Донести мне поможешь всё необходимое, чтобы роды принять, хорошо? А то знаю я ваших рожениц — зачастую ни ткани нет, чтобы ребёнка запеленать, ни ножа острого, чтобы... Хм, ладно...

Петер, слегка побледнев, зашёл со мной в хижину. Я быстро собрала вещи, часть из них отдав в руки мальчику, погладила Элфи и,

наказав ему охранять дом, вышла на улицу.

— А откуда у вас такой хати? — выпалил Петер, оказавшись снаружи. Любопытный.

— Случайно повезло. А что, ты никогда раньше не видел моего Элфи? Я ведь довольно частый гость в деревне.

Мальчишка, кажется, слегка смутился.

— Ну... мы с мамой на краю деревни живём... Может, вы знаете...

Ну конечно, как я сразу не догадалась. Поэтому он и смотрит на меня без особой неприязни, ведь они с матерью тоже отбросы общества.

У оборотней — у всех, независимо от клана — считается позорным родить малыша незамужней женщине. Такое иногда случается... несмотря на то, что за молодыми самками следят и зелье от нежелательной беременности можно достать безо всяких проблем, да и стоит оно недорого.

Подобная настойка была одной из самых популярных. Именно из-за того, что на игрищах зачастую не только дрались. И итог в виде ребёнка устраивал далеко не всех. Одно дело — «соединиться» с оборотнем, чтобы, как здесь говорили, «взять часть его силы», а совсем другое — рожать. Поэтому многие родители предпочитали давать это зелье своим отпрыскам, ещё не подчинившим внутреннего волка, в качестве профилактики. Подростки неуравновешенны, и в этой ситуации многие предпочитали перебдеть.

Однако нежелательная беременность всё равно иногда случалась.

Некоторые девушки избавлялись от ребёнка, пока не узнали и не заклеями позором. Почему мать Петера оставила своего малыша, я не знаю, но факт в том, что сейчас им, скорее всего, живётся нелегко. Зарабатывать такие женщины могли двумя способами. Что-нибудь шить, вышивать или вязать, либо... торговать телом.

У оборотней не принято иметь близость в человеческом облике ни с кем, кроме законного мужа или жены, это порицается. Но некоторые игнорируют этот обычай. Причина проста — близость в человеческом облике приносит намного больше ощущений, чем в зверином.

— Твоя мама шьёт что-нибудь? — спросила я у Петера и, к моему облегчению, мальчишка кивнул.

— Да. Они с зорой Ариллой часто работают вместе. А зора Арилла вяжет очень красивые кружевные платки из пуха. Но она не только вяжет, ещё к ней ходят разные... Дают ей денег... Мама говорит, это плохо.

— У зоры Ариллы есть ещё дети?

Петер помрачнел.

— У неё была дочка. Умерла год назад. Может, вы помните? Она с дерева упала, вас тогда тоже позвали...

Я помнила. Помнила, потому что эта девочка была похожа на меня. Нет, внешне с ней всё было в порядке, просто её травили из-за матери — «шмары», как у нас называют таких продажных женщин.

Девочке было пять лет. Она залезла на дерево, спасаясь от преследователей, не удержалась, полетела вниз и сломала шею.

В деревне белых волков есть специальная улица для таких, как Арилла и мама Петера. Она находится в отдалении от остальных построек, дома там кривые и покосившиеся, но мусора нигде нет, а в огородах всегда много цветов и зелени. Лица у женщин, живущих здесь, похожи одно на другое — печальные и бледные, а спины у всех сгорбленные, словно под тяжестью собственных жизней.

Дом Ариллы был почти в конце улицы. Когда мы добрались до него, краешек солнца уже зашёл за верхушки деревьев.

— О Дарида! — прошептала встретившая меня маленькая женщина, так похожая на Петера, что я сразу поняла — это его мать. — Как хорошо, что вы пришли, Рональда! Арилле очень плохо и больно, я боюсь, она может потерять малыша... А она так его хотела... С тех пор, как погибла Кати, Арилла всё о ребёнке мечтает...

Я кивнула, забрала у Петера вещи и вошла в комнату, где на узкой кровати лежала роженица.

Дальнейшие события после слились в моём сознании в долгий ночной кошмар, продолжавшийся до рассвета. Без магии было очень тяжело, ещё и ребёнок шёл ножками, пришлось переворачивать, и я боялась не справиться. Карвим учил меня делать это и без магии, вручную, но теория — это одно, а практика — совсем другое.

Арилла разродилась перед рассветом, когда за окном начали сгущаться тучи, и в воздухе запахло будущим дождём. Я обмыла новорожденную, запеленала её чистой тканью и передала на руки матери. Женщина с нежностью дотронулась пальцами до щёчки

девочки, и малышка, словно почувствовав это прикосновение, открыла глаза.

Они были ярко-голубые и удивительно ясные.

Интересно, кто её отец? Какой оборотень согласился иметь близость в зверином обличье со «шмарой»? Случайная беременность исключена — любой волк всегда почувствует возможность самки понести, не заметить этого могут только очень молодые оборотни. Либо Арилла обманула какого-то юнца, либо кто-то сам согласился на связь с ней.

— Как назовёте?

Арилла, улыбаясь, подняла голову и ответила:

— Наррин.

Я вздрогнула. «Верная» на древнем наречии оборотней, это имя напоминало мне о Вожаке. Неужели?..

— В честь отца. Дартхари один не побрезговал дать мне ребёнка. После смерти Кати я была сама не своя, погибала от горя и тоски. Я просила их... тех, кто приходил ко мне, но все отказывались... Но однажды дартхари решил купить у меня платок для старшего советника, он хотел заказать сложную вязку... И тогда я набралась смелости... И попросила...

Значит, Вожак — отец этой девочки. Я помогла родиться его ребёнку.

Подняв руки, я посмотрела на ладони. Смогу ли я когда-нибудь рассказать кому-либо, что ощущала в ту минуту, когда поняла, что новорожденная — дочь дартхари? Смогу ли я объяснить, что чувствует любящая женщина, принимая в свои руки ребёнка любимого мужчины?..

Я покинула дом спустя десять минут. Петер вызывался проводить меня, но я отказалась.

Вышла на крыльцо и огляделась — тучи по-прежнему сгущались, и в воздухе всё так же чувствовался запах грозы. Что ж, дождь будет кстати после всех сегодняшних событий.

Оборотни разбегались с улицы: как и любые животные, они недолюбливали дождь.

Я подняла руку, и мне на ладонь упала большая, тяжёлая капля. Самая первая... ещё не дождь, только его преддверие. Прямо над

головой сверкнула молния, а потом раздался раскат грома.

Здесь, на краю деревни клана белых волков, есть очень интересные ворота. В них почти никто и никогда не выходит, да и не заходит тоже. Я не знаю, зачем их сделали. Там, за этими воротами, находится то, о чём много раз пел Дэйн в моих снах — Снежная пустыня.

Арронтар стоит на возвышении, причём довольно большом. Граница его — река Арра, опоясывающая это возвышение, окольцовывающая его. И на западе, в самом широком и глубоком месте реки Арры, растут небольшие кусты с вечно золотыми листьями. Там много цветов и высокой травы, а потом, за рекой, начинается территория Снежной пустыни — белого, как снег, песка. Она кажется бескрайней и вечной, но говорят, что за ней есть море. Правда, его никто не видел... по крайней мере никто из оборотней.

Теоретически, если выйти в ворота, находящиеся здесь, можно дойти до Снежной пустыни. И до Неизвестного моря. Только вот зачем кому-то туда идти?

Когда надо мной в очередной раз сверкнула молния, я заметила рядом с воротами чью-то тёмную фигуру, закутанную в плащ. Не может быть... Это же...

— Грэй!

Вообще-то я не собиралась кричать. Это произошло, скорее, от неожиданности.

Мужчина обернулся и, заметив меня, кивнул. Я подошла ближе.

— Наверное, это не моё дело, но что вы здесь делаете, Грэй? Вы заблудились?

Он засмеялся.

— Почему вы так решили, Рональда?

— Хм, — я хмыкнула. — Всех Старших лордов учат отвечать вопросом на вопрос?

— Вы угадали, — улыбнулся Грэй. — И этому нас учат тоже.

— И конечно, по такому искусству ваши оценки были куда выше, чем по ботанике?

— Несравнимо выше.

Мне очень нравились его глаза. Они напоминали о маленьком Джерарде. Такие же тёмные и глубокие.

— И всё-таки... вы не заблудились?

— Не совсем. Мне сказали, что здесь... м-м-м... есть гадалка.

Я закашлялась от неожиданности.

— Кто-кто?.. Гадалка? Ну-у-у, это кто-то с вами пошутил. На этой улице живут прекрасные швеи и... ещё кое-кто, но гадалок совершенно точно нет. Обратни вообще не гадают.

Конечно, Грэй соврал. Не мог он не знать, что в Арронтаре гадалок днём с огнём не сыщешь. Но раз соврал — значит, так надо. Значит, я лезу не в своё дело.

— Вам не холодно, Рональда? Такой дождь, а вы без накидки.

— Нет, совсем не холодно, я привыкла. А вы вроде бы начали называть меня на «ты». Передумали?

— Только если ты присоединишься ко мне.

Интересно, почему с ним так легко? Что такого есть в этом человеке, что с ним я забываю о том, кто я? О том, какая я? Может быть, это происходит потому, что он не оборотень?

— С удовольствием. Я сейчас возвращаюсь к себе, надо позавтракать, а потом хотя бы немного поспать. Всю ночь принимала роды. Если хочешь, заходи, позавтракаем вместе.

— Конечно, хочу.

Я ещё никогда никого не приглашала в свою хижину. Но Грэя мне хотелось пригласить — и я сделала это.

По дороге он несколько раз предлагал мне свой плащ, но я каждый раз отказывалась. Со мной под дождём точно ничего не случится, а вот он запросто может простудиться, человек всё-таки.

Элфи выбежал нам навстречу, помахивая хвостом. Бедняга меня просто заждался — ещё бы, всю ночь пропадала, оставила его одного.

— Познакомься, это Грэй, наш с тобой гость. Он хороший.

Элфи внимательно обнюхал ладонь мужчины, и, видимо, что-то в ней ему понравилось, потому что он чуть лизнул пальцы Грэя.

— Красивый хати. У императора похожий. Дартхари Нарро подарил ему щенка на тридцатилетие.

— О, так ты, оказывается, настолько хорошо знаком с императорской семьёй?

Дождь почти кончился, поэтому я решила расположиться на крыльце, под крышей. Грэй отказался сидеть в кресле и притащил себе в качестве сидалища здоровенное бревно, на которое я сверху

постелила кусок непромокаемой ткани, чтобы мой гость ничего себе не застудил.

Костром нам служила небольшая горелка с магическим огнём. Когда-то давно я хотела её ликвидировать, но по каким-то соображениям оставила. И хорошо — магии сейчас во мне едва хватило бы на слабую искру.

Сверху на горелку я поставила остатки супа, который сварила пару дней назад. Суп на завтрак — сомнительное удовольствие, но готовить кашу у меня не было сил, а Грэй сказал, что не против.

— Конечно, я хорошо знаком с императорской семьёй, — ответил Грэй, усаживаясь на бревно. — Я вырос вместе с наследным принцем Интамаром. Мне было десять, когда его высочество заметил меня, грязного и оборванного мальчика-побирушку, на улице. Ему тогда тоже было десять, и Интамар, недолго думая, притащил меня с собой во дворец.

— Император не оттащил его за уши? — хмыкнула я, помешивая суп большой ложкой.

— Нет. — Грэй понимающе улыбнулся. — Наоборот, было приказано меня отмыть и хорошенько опросить, дабы найти родителей. Оказалось, всё, что я помню — это улица, грязь и нищие. Тогда император разрешил Интамару оставить меня в замке.

— А как же титул Старшего лорда?

— С тех пор прошло уже двадцать лет, Рональда. Я дослужился. В шестнадцать стал Младшим, а пять лет назад — Старшим лордом.

Суп согрелся, и я осторожно разлила его по тарелкам. Элфи сразу сунул свой любопытный нос в одну из них. Так, эта тарелка, значит, будет моей...

— А за какие услуги — секрет? Держи суп.

— Спасибо. К сожалению, да, секрет.

Некоторое время мы оба сосредоточенно жевали, а потом Грэй вдруг сказал:

— Рональда... я так вкусно давно не ел. Вроде ничего особенного, но очень вкусно. Спасибо.

— Плохо вас там, в Лианоре, кормят, — фыркнула я, — раз тебе моя стряпня понравилась. Да и вон ты худой какой. Наверное, голодом морят.

Он рассмеялся и покачал головой.

— Может, просто готовят не настолько вкусно?

— В императорском замке? Так я поверила. Ты — большая врушка, Грэй.

Наверное, именно так проводят время обычные оборотни, люди, эльфы, гномы, орки, тролли... Болтая ни о чём, подкалывая друг друга, подтрунивая и улыбаясь. Со мной подобного не было уже очень давно.

Мы разговаривали около часа, обсуждая всё на свете — от магии до привычек моих сородичей, — и когда Грэй ушёл, я чувствовала себя почти счастливой. Но очень уставшей, поэтому уснула сразу, как легла в постель.

— Это был такой кошмарный день, Дэйн.

— Тс-с-с... Я знаю, знаю...

Он был здесь, как всегда. Возле нашего озера.

И сейчас я сидела на берегу рядом с ним и прижималась к его тёплой груди. Дэйн легко целовал мои волосы и гладил по голове, утешая.

— Я обещала, значит, я должна, понимаешь?

— Понимаю.

— Я хочу, чтобы он стал ара... Чтобы он справился со своими проблемами и победил наконец внутреннего волка...

— Ро... — Дэйн заглянул мне в глаза и погладил щеку кончиками пальцев. — А если Джерард никогда не станет ара?

Я оцепенела.

— Как... не станет?

— Это случается. Оборотень, не справившийся с внутренним волком, теряет силу.

— Но... почему Джерард? Это не может случиться с ним.

Дэйн покачал головой.

— Может, Ро. И ты должна быть готовой к этому.

Я зажмурилась.

— Я не хочу.

— Ро... посмотри на меня.

Как ему удаётся так легко заставлять меня делать то, что ему нужно, только с помощью ласкового голоса?

— Я тоже не хочу. Ты просто должна быть готова к этому. И понимать, что ты не виновата. Ни в чём не виновата, Ро. Что бы ни

случилось с Джерардом, ты будешь не виновата в этом.

Я печально рассмеялась.

— Ты повторяешь «не виновата», словно заранее знаешь, что я обвиню саму себя.

— Конечно, знаю. Ты уже сейчас это делаешь. Но это не так, Ро, поверь мне, если не хочешь верить себе. Ты не виновата. Никогда не была виновата и никогда не будешь.

Наверное, это прозвучит странно, но я поверила Дэйну.

— Я виновата только в том, что любила его. И люблю до сих пор.

Он кивнул, а затем улыбнулся и поцеловал меня.

С того дня, когда Дэйн впервые поцеловал меня, он делал это почти каждую ночь. И во сне я знала — всё правильно. Он имел право. Если не он, то кто?

— Ты поговоришь с Джерардом завтра?

— Да. Если наберусь смелости.

— Куда уж смелее? Ты у меня и так — сама смелость, Ро...

Мой смех отразился от воды в озере, взлетел в самое небо, растворился в его вышине и остался там, в стране снов, навсегда.

Утром следующего дня, когда я вышла из хижины, под ногами стелился туман. Он охлаждал кончики пальцев, заставляя поджимать их, чтобы хоть немного согреться.

Вода в озере меня чуть не заморозила, когда я прыгнула туда с разбега, чтобы вымыться. Последовавший за хозяйкой Элфи даже зафыркал, поняв, в какую прорубь я его заманила.

— Ну-ну, малыш, не ругайся, — засмеялась я, отжимая свои паклеобразные волосы. — Высохнешь и согреешься. Нам не привыкать.

— Ф-ф-ф-фыр-р-р, — Элфи вылез и хорошенько отряхнулся, обдав меня целым водопадом из брызг. Я натянула приготовленное бельё и платье, переплела косу и направилась в деревню белых волков. На этот раз Элфи составлял мне компанию.

Я уже тысячу лет не говорила с Джерардом. С братом... Надо же, я ведь отреклась от семьи и клана, но всё равно продолжала мысленно называть их всех, как и раньше, отцом, братом, сестрой...

Может, это ужасно, но мне было обидно, потому что я понимала — я-то продолжала называть их, как прежде, но они меня никогда не

считали родной. Это ощущение было сродни тому, что почувствовал бы каждый, если бы небо весило столько, сколько большая каменная гора. Мне хотелось взять перо и перечеркнуть собственные чувства, но я не могла. И отречение не помогло, нисколечко не помогло. Оно только убило во мне надежду на любовь, но саму любовь не уничтожило. Я по-прежнему продолжала вспоминать, как кормила и одевала Джерарда, как читала ему сказки, как он засыпал, сжимая мою руку. Я помнила первую улыбку Сильви и то, какими ярко-голубыми были когда-то её глаза. Я помнила, с какой нежностью и любовью отец и мама всегда смотрели на них, как они ими гордились.

Аренту было четыре года, когда я ушла из деревни, а младшая моя сестра, Каррен, родилась спустя ещё пять лет. Я сама принимала роды. Маленькая Каррен походила на прежнего Джерарда — такая же темноволосая и темноглазая, в отличие от нас с Сильви и Арентом.

В деревне белых волков уже кипела жизнь. Я чувствовала запах горячего хлеба и булочек, слышала звон стали в мастерской кузнеца, детский смех и плач, лай чужих хати, тихие шаги прохожих и хлюпанье воды, оставшейся после вчерашней грозы.

Постучав в ворота своего прежнего дома, я спросила, когда появился стражник:

— Могу ли я видеть зора Джерарда?

Интересно, как будет вести себя отец, если брат не захочет со мной разговаривать?

Но чуда не случилось. Спустя пару минут меня пропустили и провели окольными путями, через крыло для прислуги на второй этаж, где находилась комната Джерарда.

Взъерошенный, с сонными глазами и толком не одетый, брат выглядел забавно. И я бы обязательно улыбнулась, если бы не обстоятельства нашей встречи.

— Рональда?..

Он так удивился, что я мгновенно поняла — о моём приходе ему не докладывали. Видимо, доложили отцу. Что ж, это многое объясняет.

— Доброе утро.

В комнате брата ничего не изменилось. Только кровать теперь была крупнее. А так... Всё те же книжные шкафы и большой деревянный стол, за которым мы любили лопать лесные ягоды и читать книжки. И по-прежнему — трещина на одной ножке стола,

появившаяся, когда мы играли в кораблекрушение и он служил нам спасательной лодкой.

— Что привело тебя сюда?

Строгий, серьёзный... смешной.

Сказать правду или сделать то, что хочу?.. Очередную глупость... Сказать, что меня привела просьба отца?.. Или...

— Я пришла, чтобы поговорить с тобой, Джерард.

Почему мой голос не дрожит? Ведь внутри всё — абсолютно всё, даже сердце — дрожит от боли, обиды и унижения.

— О чём?

Пусть будет так. Пусть будет.

— О тебе. И обо мне. Я хочу сказать, что простила тебя, Джерард. Ты ни в чём не виноват передо мной. Перестань терзаться.

Я смотрела в лицо брату, когда говорила это. Как же оно вмиг изменилось... Из спокойного и даже холодного вдруг стало злым и насмешливым.

— Зачем ты врёшь, Ронни?

Я вздрогнула.

— Что?

— Зачем ты врёшь? — повторил Джерард, цедя слова сквозь зубы.
— Тебя об этом отец попросил, ведь так? Да? Он считает, этот разговор поможет мне наконец стать полноценным ара.

— Разве калихари не прав?

Джерард рассмеялся, а потом подошёл ко мне и схватил за руки. Это было так неожиданно, что я чуть не упала.

Брат сжал мои ладони очень сильно, но не больно, и прошептал:

— Ты ведь никогда не простишь меня, да? Никогда?

Я не понимала, что происходит, и просто смотрела на брата, на его искажившееся от отчаяния лицо, сверкающие глаза, горько сжатые губы...

— Ронни, скажи что-нибудь. Не молчи, пожалуйста!

— Я уже сказала...

— Ты врала. А теперь я прошу тебя сказать правду.

Казалось, внутри меня бушует и волнуется бескрайнее, бесконечное море. Так много чувств, мыслей, эмоций... Они набегали, словно волны, а потом растворялись.

И я впервые задумалась над этим. Смогу ли я когда-нибудь простить Джерарда? И не только Джерарда... Смогу ли?

Сколько времени понадобится обычному человеку, чтобы вычерпать море?

Вот и ответ на вопрос...

Брат увидел его в моих глазах.

— Я всё равно скажу... Ронни, я всё равно скажу, потому что, может быть, когда-нибудь ты вспомнишь этот день. Когда-нибудь, я надеюсь, ты вспомнишь... Я никогда не переставал любить тебя. С самого детства ты — мой солнечный лучик, моя обожаемая старшая сестра...

Я дёрнулась, пытаюсь высвободиться, но Джерард держал крепко.

— Послушай, прошу... Я был ребёнком, Ронни. Со всех сторон летели обвинения, я не понимал и половины, но злился на всех вокруг, что они не видят, какая ты хорошая, не любят тебя. Я не мог выразить этого словами, но теперь могу. Я злился не на тебя, я злился на них... Вот только срывался на тебе, потому что на других не мог. Они были старше и говорили, вроде бы, правильные слова... Я не знал, как защитить тебя. Ронни, я клянусь, я хотел защитить тебя, но я не знал, как!

О Дарида... Пусть он замолчит... Я не могу больше слышать...

Каждое слово — как кинжал в грудь.

— Я был ребёнком. Я поддался общему настроению... И однажды во мне появилась эта злость... Я люблю тебя, а они — нет. Они считают тебя недостойной моей любви. И это ты, ты виновата в том, что они так считают! Ты никак не можешь доказать им обратное, поэтому ты виновата!

Я дернулась.

— Ронни, послушай... Это были мысли ребёнка, маленького мальчика, и мне нечем гордиться, но я хочу, чтобы ты поняла. Я никогда не переставал любить тебя...

Я опустила голову и прошептала:

— Камни ты швырял тоже... по большой любви?

— Нет, — голос брата был полон горечи, — по глупости... большой глупости. Ронни, я очень жалею, не проходит и дня, чтобы я не жалел... Я уже давно всё понял и хотел поговорить с тобой, но не мог набраться смелости. Какой же я ара в таком случае?

Он замолчал, а я не знала, что сказать. Слов не было. Мыслей тоже.

— И в тот день... с Лораном... я просто хотел, чтобы ты смогла обратиться... Я знаю, это было глупо, но я... Ронни, ну скажи ты хоть что-нибудь!

В окно заглянул солнечный лучик и, пролетев через полкомнаты, рассыпался в волосах брата миллионом песчинок света.

Это было... трудно.

— Я знаю и понимаю всё, но... кто вернёт мне моего Джерри? Кто вернёт моего маленького брата, которого я любила? Кто вернёт мне ощущение счастья и уверенности в том, что он любит меня так же, как я его?

Джерард поднял наши руки и прижал мои запястья к своим губам. Он весь дрожал — с ног до головы, весь...

— Ты... жалеешь. Я знаю и понимаю. Но... что мне от этой жалости?.. Костёр разжечь? Каждый твой камень... убивал меня. И этого не изменишь. Наше прошлое останется таким навсегда, Джерард. Что тебе до моего прощения? Живи и радуйся. То, что было — прошло. Да и кого я должна прощать? Мой Джерри... он умер, как и Ронни. А ты, Джерард... не имеешь к нему никакого отношения.

— Ты ошибаешься. Джерри не умер, он здесь, перед тобой.

Я покачала головой и наконец смогла отнять у него свои руки.

— Нет. Он — здесь, — я прижала ладони к груди, там, где билось сердце. — Только здесь, и всё.

Голова у меня кружилась, и я, обернувшись, пошла к выходу из комнаты. Я больше не могла находиться здесь и продолжать этот бесполезный разговор.

Я уже была на пороге, когда мне в спину прилетел еле слышный шёпот брата:

— Я люблю тебя, Ронни.

В тот момент я поняла одну вещь. Не знаю, откуда пришло это понимание, но думаю, что я не ошиблась.

Джерард никогда не станет ара. Его сила перегорит в нём почти так же, как перегорела моя. С той лишь разницей, что брат умеет обращаться, в отличие от меня.

Я никогда не стану оборотнем, а Джерард никогда не станет ара. Такова наша цена за то, что мы предали друг друга.

Элфи ждал меня снаружи, у ворот, и как только я вышла, он сразу же бросился вперёд и уткнулся холодным мокрым носом в мою ладонь.

Какое спокойное, безмятежное небо. И тишина, даже птицы молчат. Только ветер шепчет... что?

Я зажмурилась изо всех сил, сдерживая слёзы, и прислушалась.

Ветер погладил меня по волосам, пощекотал щёки, высушил вскипевшую в ресницах влагу. Я так и не смогла разобрать слова, только знала, что Арронтар поддерживает меня.

Но как, скажи, как жить дальше? Что делать? Ведь это совершенно невыносимо. Иногда кажется, что я сейчас разорвусь на части. Зачем мне жить? Чего ради? Впереди точно такие же дни, наполненные одиночеством, и ничем, кроме него. Без малейшей надежды на любовь и понимание.

— Рональда...

Распахнув глаза, я увидела Грэя. Он стоял рядом, в паре шагов от меня, и просто смотрел.

У меня появилось странное чувство, будто он понимает, что я чувствую сейчас. Хотя Грэй не мог понимать, конечно, не мог... Ведь он про меня ничего не знает.

— Удивительные у тебя глаза, — сказал вдруг мужчина и улыбнулся. — Как небо. — Я не успела ответить — Грэй вдруг подошёл ближе и продолжил: — Я пришёл к твоему дому, чтобы поговорить, но тебя там уже не было. Тогда я пошёл сюда, в деревню, и узнал, что ты вошла в дом калихари. Рональда... у меня есть к тебе один вопрос. Точнее, предложение.

Грэй запнулся, а потом, глубоко вздохнув, продолжил:

— Завтра я уезжаю, возвращаюсь в Лианор. Не хочешь поехать со мной?

Никогда в жизни так не удивлялась.

— Я не шучу, Рональда. Завтра в полдень прямо от усадьбы дартхари я отправляюсь в столицу. Предлагаю тебе поехать со мной.

Я смотрела на Грэя и не понимала, что за чушь он несёт. Поехать с ним? Зачем?

— Зачем? — повторила я, всматриваясь в его тёмные глаза, бывшие сейчас абсолютно серьёзными.

— А зачем тебе оставаться здесь? Принимать роды и лечить от простуды, ловить на себе презрительные взгляды? Я слышал, как про тебя отзываются в деревне. В открытую не оскорбляют, конечно, благодаря дартхари, но между собой... Зачем тебе оставаться в Арронтаре? В столице ты сможешь заняться чем угодно. Сейчас там собираются открывать школу для человеческих магов, нужны учителя.

Я рассмеялась.

— Какой из меня учитель...

— Рональда, это неважно — учитель, лекарь, хоть швея. Там тебя никто не будет презирать только за то, что ты не похожа на остальных. Ты будешь свободна, по-настоящему свободна. Я уверен, знаний и умений у тебя хватит, чтобы нормально зарабатывать и содержать саму себя. Да и Карвим сможет помочь с работой.

— Ты знаешь Карвима? — я удивилась, и только когда Грэй рассмеялся, поняла, насколько глупым был этот вопрос.

— Конечно. После Эллейн Грант он — самый известный лекарь Лианора. Но поскольку герцогиня не всегда доступна для простых смертных, он, можно сказать, народный лекарь. Ну, так что, Рональда? Поедешь со мной?

Как странно... Грэй, совершенно чужой мне человек, предлагает уехать из Арронтара на пороге моего бывшего дома. Именно здесь я родилась, в этом дворе играла с маленьким Джерри в «догони, поймай, укуси».

Хочу ли я уехать отсюда?

Сердце сжалось.

— Зачем это тебе, Грэй?

— Неправильная постановка вопроса, — мужчина покачал головой. — Мне это ничего не стоит, так почему бы и нет? Я буду рад помочь, Рональда. Ты несчастна, и наверное, всегда будешь несчастна, если останешься.

— Думаешь, в Лианоре я стану счастливее? Там у меня никого и ничего нет.

— А здесь есть?

Этот вопрос был справедлив. Что есть у меня здесь?

Только сам лес. Но этого мало, чтобы быть счастливой.

Правда, ещё есть дартхари. Но он так «есть», что, в общем-то, без разницы, где при этом находиться — в Арронтаре или в столице.

Я опустила голову.

— Ты прав, Грэй. Есть лишь одно «но»... Любой оборотень может покинуть Арронтар только после разрешения Вожака.

— Рональда, — мужчина мягко улыбнулся, — что за глупости? Ты ведь отреклась от клана. Ты уже шесть лет как можешь делать, что хочешь.

Действительно. А я совсем забыла об этом. Наверное, потому что по-прежнему считала Нарро своим дартхари.

— Но мы вполне можем попросить у него разрешения. Не думаю, что он откажет. Пойдём.

И, схватив меня за руку, мужчина пошёл по направлению к выходу из деревни, а сзади, возбуждённо потявкивая, за нами скакал Элфи.

Зачем мы идём к усадьбе дартхари, я осознала только, когда мы уже туда пришли.

Всё это время Грэй что-то говорил, но я не слушала. Я пребывала в состоянии, сходном с известной столбнячной лихорадкой, когда больной не реагирует ни на какие внешние раздражители, просто пялится в пространство открытыми глазами, даже не мигает.

Возле усадьбы дартхари я наконец очнулась. Произошло это благодаря Лирин, вышедшей нам навстречу.

— Добрый день, — поздоровался Грэй. — А Нарро у себя?

Дартхари совершенно точно был в усадьбе. И как только я это осознала, то вздрогнула: внутри взорвалась паника. Я попыталась вырвать руку из ладони Грэя, но он только сильнее сжал пальцы.

Не хочу, не хочу, не хочу...

— Здравствуй, Грэй, — улыбнулась Лирин. — Не знала, что ты знаком с Рональдой. Да, Нарро пока в кабинете. Что-то срочное?

— Более чем, — кивнул мужчина. — Хочу попросить у него разрешения забрать Рональду с собой в Лианор.

Когда Грэй сказал это, Лирин резко побледнела.

— Забрать?..

— Да. — И, не дожидаясь, пока старший советник сформулирует следующий вопрос, он потащил меня вверх по лестнице. Я еле успела дать знак Элфи, чтобы ждал меня снаружи.

Где находится кабинет дартхари, я не представляла даже теоретически. Но мой конвоир, видимо, знал это очень хорошо, потому

что не тормозил на поворотах ни на секунду.

Постучавшись, Грэй замер, и только услышав тихое «Входите», распахнул двери и шагнул внутрь, увлекая меня за собой.

Вопреки моим ожиданиям, комната была небольшой. Перед окном стоял громоздкий деревянный стол, заваленный бумагами, слева — диван, обитый тканью салатного цвета, а справа — книжный шкаф. Интересно, что за книги держит здесь дартхари? Я с интересом покосилась на содержимое полок, но не смогла разобрать ни одного названия.

Когда мы с Грэм вошли, Вожак встал из-за стола. Его фигура на фоне окна была очерчена светом, волосы серебрились, и я даже зажмурилась на секунду.

— Рональда? Грэй?

Голос дартхари заставил что-то внутри меня задрожать, и теперь желание уехать казалось настолько глупым...

— Доброе утро, Нарро. Мы к тебе за разрешением. Я предложил Рональде завтра уехать вместе со мной в Лианор. И она сказала, что любому оборотню нужно твоё разрешение.

Я почувствовала, как Грэй чуть сжал мою руку. Он обращался к дартхари на «ты»... значит, он действительно близок императорской семье, ведь считается, что человек, называя Вожака на «ты», оскорбляет оборотней.

Несколько секунд дартхари молчал. А потом вышел из-за стола и подошёл ко мне вплотную.

Теперь, когда он стоял так близко, я была вынуждена взглянуть ему в лицо. Спокойное, как и всегда, только глаза светились ярче, чем обычно.

— Ты хочешь уехать, Рональда? — спросил он мягко.

Хочу ли я уехать?.. Нет, совсем нет. Я хочу не уехать, а просто стать счастливой.

— Да, хочу, дартхари.

— Почему?

Я глубоко вздохнула, и это было ошибкой.

Он стоял так близко, что я моментально учуяла запах, исходивший от тела дартхари Нарро. Этот запах всегда напоминал мне аромат коры ирвиса, разогретой солнцем земли, осенних листьев... самого Арронтара.

В глубине его жёлтых глаз вспыхнули и закружились ярко-голубые искорки. И в тот момент я поняла, почему на самом деле хочу уехать...

Точнее, убежать. От своей безнадежной любви.

— Вы... знаете это и так, дартхари.

Он чуть наклонил голову.

— Я хотел бы услышать это от тебя, Рональда.

Услышать от меня? Мне никогда не хватит смелости, даже если пройдет пятьдесят лет.

Дартхари продолжал смотреть на меня — спокойно, словно ждал, что я действительно всё расскажу. А потом вдруг улыбнулся. Эта улыбка показалась мне очень горькой и почему-то печальной.

— Правду говорить иногда гораздо сложнее, нежели лгать, да, Рональда?

В тот момент мне почудилось, что в комнате нет никого, кроме нас с дартхари.

Воздух загустел и стал осязаем — словно не воздух, а вода. Он вибрировал, как натянутая струна, и я почти слышала музыку. То ли внутри меня, то ли вокруг. И дышать... дышать было тяжело. Как будто все те камни, что когда-то бросали в меня, вдруг разом ударили в грудь.

Я совершенно забыла о Грэе... Я просто стояла и смотрела в глаза Вожака, пытаюсь понять его слова, мысли, чувства...

— Я никогда не лгала вам, дартхари, — прошептала я.

— Я знаю.

Он поднял руку, на мгновение коснулся кончиками пальцев моей щеки, а потом, резко отвернувшись, негромко произнёс:

— Хорошо. Я даю разрешение. Ты можешь забрать Рональду с собой, Грэй.

— Спасибо, Нарро.

Когда мы выходили из комнаты, дартхари стоял у окна, чуть опустив голову, и мне казалось, что он по-прежнему улыбается той грустной, горькой улыбкой.

Глава 6

Рональда

Остаток дня прошёл как в тумане. Грэй почти сразу убежал, сказав, что ему нужно уладить ещё кучу дел, Лирин, как только мы вышли из усадьбы, побежала внутрь, бросив на меня странный взгляд, который я так и не смогла расшифровать.

Я обошла лес, не веря, что завтра в полдень уеду из Арронтара. Навестила знакомых птиц и зверей, покормила их остатками пшена из деревни, перебрала вещи, кое-что постирала, упаковала в заплечный мешок самое необходимое, и только ближе к вечеру, усевшись на крыльце и обняв Элфи, задумалась.

Не слишком ли я доверяю Грэю? Я ведь почти ничего не знаю о нём. Впрочем, почему я не должна ему доверять? Он относится ко мне хорошо, да и зачем ему меня обманывать? Если только просто так, но не похож Грэй на человека, который издевается над окружающими просто из-за любви к искусству.

День постепенно догорал на западе ярко-оранжевым, как пламя костра, цветом. Я смотрела на небо, почти не мигая, так долго, что даже заболели глаза.

Так ли прекрасны закаты в Лианоре, как здесь?

Что я буду там делать?

Где я буду жить?

Смогу ли я забыть дартхари?

Я улыбнулась. Ответ на последний вопрос я знала совершенно точно.

Я повернулась и почесала Элфи за ухом. Верный хати смотрел на меня прозрачно-голубыми глазами очень серьёзно, будто понимал, что я чувствую.

— Мне нужно уйти сейчас, — прошептала я. — Подожди здесь, я думаю, это недолго... Но я должна проститься с ним. Ведь я не увижу

его больше никогда.

Вместо ответа Элфи лизнул меня в щёку, словно желая удачи.

Я почти бежала. Бежала сквозь свой лес, обогнула деревню белых волков, на одном дыхании пересекла Сердце леса, и вот — усадьба дартхари передо мной.

Солнце уже скрылось, сгущались вечерние сумерки. Я чувствовала, что Вожак тут, по-прежнему в кабинете. И, кивнув стражникам, взбежала вверх по лестнице.

Дверь распахнулась ещё до того, как я донесла до неё кулак, чтобы постучать.

Дартхари подхватил меня под локоть и почти внёс в комнату, потому что я от неожиданности застыла и едва могла пошевелиться.

Открыла рот, чтобы сказать давно приготовленную фразу, но поняла, что не могу вымолвить ни слова. Так и стояла, наблюдая, как Вожак закрывает дверь, ни на секунду не отпуская мой локоть, а потом тоже молча застывает, спокойно глядя мне в глаза.

В комнате горела лишь одна настольная магическая лампочка, в тусклом свете которой казалось, что по стенам бегают какие-то существа из древних сказок Арронтара.

— Вы знали, что я приду? — наконец смогла прошептать я.

— Я почувствовал, — дартхари тоже говорил очень тихо. — Я чувствую всех оборотней и всегда знаю, где они находятся.

— Но я ведь так и не смогла обратиться.

— Это не имеет значения, Рональда.

Приближалась ночь, а с наступлением темноты волчья сущность всегда становится сильнее. Вот и теперь я ощущала силу дартхари намного ярче, чем утром. Она почти сбивала с ног.

Его глаза напоминали луч теплого солнечного света, и мне безумно хотелось протянуть руку и коснуться его кожи в расстёгнутом вороте рубашки.

— Вы знаете о Наррин?

Секунду назад я не собиралась спрашивать об этом, но почему-то вдруг выпалила.

Уголки губ дартхари дрогнули.

— Знаю, конечно. Хороший, крепкий ребёнок. Спасибо, что помогла Арилле родить. Ты молодец, справилась даже без магии.

Мне было неловко задавать следующий вопрос. Я несколько раз открыла, а потом закрыла рот.

— Рональда, — дартхари по-настоящему улыбнулся, — ты можешь спрашивать у меня о чём угодно. Я разрешаю.

— Вы... — я выдохнула. — Зачем вы дали ребёнка Арилле?

— Я думал, ты сама догадываешься. Она умирала, сгорала от тоски. Младенец — единственное, что могло ей помочь.

Я задумчиво рассматривала его спокойное лицо. Неужели дартхари было не всё равно, что случится со «шмарой» Ариллой?

— Но девочку могут затравить почти так же, как Кати. Ту самую, которая упала с дерева.

Вожак покачал головой.

— Я не могу в одночасье изменить устои и предубеждения, складывавшиеся веками и тысячелетиями. Возможно, ты думаешь, что мне стоило бы просто приказать, взять этих женщин под свою защиту, как я когда-то взял тебя — но поверь, это не решило бы проблему. В тот день, когда мы с тобой впервые говорили здесь, в библиотеке, ты сказала, что недостойна. Эти женщины считают так же. И изменить их отношение к самим себе гораздо сложнее, чем поменять отношение к ним остальных оборотней. В подобной ситуации появление Наррин играет мне на руку. Никто не посмеет тронуть дочь дартхари. А сама Наррин, став постарше, поможет мне в борьбе с предубеждениями, и в первую очередь ради своей матери. Она будет ара, я чувствую это уже сейчас. — Он вздохнул, а я, наоборот, слушала, затаив дыхание. — Если хочешь добиться успеха, нужно действовать постепенно, а не рубить с плеча. И я не могу изменить заблуждения остальных оборотней одним мановением руки.

— А вы бы хотели?

— Я не просто хочу этого. Я считаю это своей главной задачей.

Дартхари больше ничего не сказал, не объяснил, почему это так важно для него, но мне и не требовалось. Расстегнув пуговицу на потайном кармане платья, я достала оттуда сделанный недавно амулет и, прижав его на секунду к груди, прошептала:

— Пожалуйста, возьмите, дартхари. Это амулет против насильственного обращения. Я пришла сегодня, чтобы отдать...

Он взял его из моих рук и поднёс к глазам. Свет лампочки, попав на ириал, красиво преломился, вспыхнул и угас где-то в центре камня,

словно играя в прятки.

— Спасибо, Рональда. Твоя работа впечатлила бы даже главного придворного мага Аравейна, поверь. О чём ты думала, когда создавала этот амулет?

На этот раз я смогла ответить.

— О вас.

Я хотела опустить голову, но дартхари не дал мне этого сделать, коснувшись моего подбородка.

— Ты боишься, что меня могут убить?

— Очень, — не уверена, что я всё-таки сказала это... но подумала точно.

— Почему?

Дартхари ждал ответа, по-прежнему не отпуская мой подбородок. Но я молчала.

— Не всё ли равно, что со мной будет? Тем более теперь, когда ты уезжаешь. Даже если убьют... появится другой дартхари.

— Нет, — я чувствовала, как дрожат губы. — Может быть, для всех остальных. Но для меня не может быть другого... не может быть... Пожалуйста, дартхари, не спрашивайте больше, почему. Вы ведь и так знаете. Вы должны понимать, что я... с самого первого дня... и всегда...

Голос сорвался, слёзы застилали глаза настолько, что я почти ничего не видела. Но это не помешало мне ощутить собственную беспомощность в полной мере, когда дартхари вдруг обнял меня.

— Ты очень смелая девушка, Рональда, — прошептал он, погладив меня по волосам. — Гораздо смелее, чем сама о себе думаешь. И намного смелее меня. Пожалуйста, помни, что всегда можешь вернуться в Арронтар. По крайней мере пока я жив. И спасибо тебе за амулет. А теперь беги. Удачи и... будь счастлива.

Дартхари на секунду коснулся губами моего лба, а потом помог выйти из комнаты и спуститься по лестнице.

Как я шла домой, не помню. Слёзы текли и текли, и с каждой слезинкой сердце болело всё сильнее.

Дома, обняв Элфи, я села прямо на пол, зажгла свечу, достала листок бумаги и написала первое, что пришло в голову.

Теперь, когда я осознала, что больше не увижу его, я поняла, насколько важно, чтобы он хотя бы прочитал то, что я никогда не

смогу произнести вслух.

«Спасибо, что защитили меня в Ночь Первого Обращения.

Спасибо, что позволили учиться магии и познакомили с Карвимом.

Спасибо, что спасли от Лорана.

Спасибо, что относились ко мне так, будто я обычный оборотень.

Я приходила сегодня, чтобы сказать всё это, но так и не смогла.

Если я когда-нибудь вернусь в Арронтар, то только ради вас. Я люблю вас, Нарро.

Простите, но мне так хотелось хотя бы раз назвать вас просто по имени.

Прощайте.

Рональда».

Утром я не стала закрывать дверь в хижину. Мне предстояло сделать ещё одну вещь, и я думала, что всё получится, ведь Лирин наверняка придёт прощаться со мной. По крайней мере я бы очень хотела, чтобы она пришла. Хотя бы для того, чтобы отдать письмо для дартхари ей, а не стражникам.

Элфи забеспокоился, когда я начала его расчёсывать. Но я же не могу ехать с грязным нечёсаным псом в одной карете? Одно дело — бегать по лесу, а другое — три недели томиться в дороге. А именно столько было отсюда до столицы.

— Ф-р-р, — сказал Элфи, пытаюсь увернуться от гребня.

— Тихо, малыш, — я рассмеялась. — Посиди спокойно. Ничего страшного не происходит, я просто хочу избавить тебя от трупов насекомых.

Элфи послушно замер, правда, продолжая при этом бешено вилять хвостом.

А я, расчёсывая его густую короткую шерсть, думала о том, куда мог подеваться Дэйн. Друг не пришёл сегодня ночью, хотя я звала его, впервые почувствовав собственный зов. Я звала его всем сердцем, всей душой... но он не пришёл.

Что, если он вообще больше не придёт? Что, если его появление напрямую связано с Арронтаром, а сегодня, когда я уеду отсюда, Дэйн исчезнет из моей жизни?

Мне бы этого очень не хотелось. Поэтому я знала, что буду искать своего друга и следующей ночью, буду кричать очень громко, и верила, что Дэйн всё-таки услышит и придёт.

Я попрощалась с Арронтаром на пути к усадьбе дартхари. Заплечный мешок, в который я сложила свои невеликие пожитки, тихо позвякивал у меня за спиной, под ногами трещали сухие веточки, за спиной я различала возню Элфи... Каждый день я слышала эти звуки на протяжении долгих лет, и теперь никак не могла осознать...

Всё?

Я задрала голову и посмотрела в небо.

Всю жизнь я сравнивала свои глаза с лепестками лесной фиалки. Но ведь они похожи ещё и на это небо.

Небо моего Арронтара.

Неважно, что со мной станет в дальнейшем, где я буду жить — я просто знала, что никогда не смогу забыть это небо, служившее мне утешением каждый день наполненной одиночеством жизни. Неважно, было ли оно безмятежно-голубым или тёмным от туч — так же, как любое существо, небо каждый день просыпалось и засыпало в разном настроении.

Сейчас оно прощалось со мной, касаясь ласковыми лучами щёк, заглядывая в глаза, целуя в губы...

— Не оставляй меня, Дэйн, — прошептала я, замирая посреди тропинки, прижав ладони к груди. Почему-то мне казалось, что друг услышит и поймёт. — Пожалуйста, не оставляй, Дэйн...

Поднявшийся неожиданно ветер закружил в воздухе несколько сухих прошлогодних листочков, взъерошил мне волосы и полетел куда-то по своим делам. С ближайших кустов сорвались птицы и взмыли в небо, всё выше и выше, напевая какую-то тихую песню,

которую знали только они одни... и, наверное, Дэйн — он знал всё, о чём пели птицы. Любые птицы.

— Просто прислушайся, милая Ро, — так он говорил. — Только слушай не ушами — сердцем...

И теперь я, прислушавшись, начала подпевать. Мой голос поднимался всё выше и выше в небо, пока не стал лишь воспоминанием и не растаял совсем.

Так я простилась с Арронтаром... навсегда.

До полудня оставался час, когда я пришла к усадьбе дартхари. Карету Грэя, в которой мне предстояло ехать к столице, я заметила сразу. Чёрная, не очень большая и неприметная, она стояла возле входа в дом Вожака. Рядом с ней топтались двое незнакомцев — огромный мускулистый тролль и рыжеволосый человеческий маг, высокий, но щупленький. Я глубоко вздохнула и, почувствовав щекочущий нос запах мокрой после дождя травы и сгоревшего костра, поняла, что этому магу, скорее всего, подвластны все четыре стихии — Вода, Огонь, Земля и Воздух. Такое среди человеческих магов — большая редкость.

Когда я приблизилась к карете, эти двое обернулись. Рядом друг с другом они смотрелись забавно — здоровенный тролль и subtilный маг. У тролля был мясистый крупный нос, чем-то похожий на мой, тёмно-каштановые волосы, подстриженные «под горшок», и небольшие, но цепкие чёрные глаза. Быстро оглядев его фигуру, я пришла к выводу, что у него с собой явно есть меч, большая металлическая цепь и кинжал. Это только то, что я смогла рассмотреть совершенно точно.

У мага из оружия был только меч. Но он и сам был неплохим оружием, как я понимала. А ещё этот человек поразил меня своими странными глазами — они были практически без радужки и зрачков, будто одни белки. Нет, если приглядеться, становилось заметно, что глаза у него просто очень светлые, кажется, голубые. И ресницы были настолько бледными, что их тоже не сразу разглядишь, так что глаза казались голыми.

Мага звали Лисс, а тролля Бугалон, и он оказался начальником охраны принца Интамара. Впрочем, я не сомневалась, что Лисс тоже имеет отношение к охранной службе наследника престола, но

подробностей не спрашивала. Только обменялась приветствиями и уже хотела отойти в сторону, чтобы не мешать, когда увидела спускающуюся с крыльца усадьбы Лирин.

Выглядела она... плохо. На бледном лице проступили морщины, и было заметно, что Лирин уже немолода. К тому же, бледность кожи оттеняло тёмно-коричневое строгое платье, застёгнутое под самое горло. Руки она, как обычно, сцепила в замок перед собой, и я заметила, с какой силой Лирин сжала пальцы...

Я никогда раньше не видела столько боли в её глазах. И седых волос будто прибавилось.

— Здравствуйте, — голос Лирин был тихим и хриплым, словно она долго плакала. — Если не возражаете... Рональда, я бы хотела поговорить с тобой.

— Конечно.

Через минуту, когда мы отошли в сторону, не слишком далеко, но и не близко, старший советник спросила:

— Ты действительно хочешь уехать, Рональда?

— Действительно, Лирин. Мне... жаль.

Я не знала, что ещё сказать по этому поводу, и получилось как-то глупо.

— Мне тоже, — прошептала женщина, зажмурившись на миг. — Мне тоже...

— Я не закрыла хижину сегодня утром. Оставила там все зелья. Пузырьки подписаны, и на какое-то время этого хватит... Передадите это дартхари? И ещё кое-что... — проговорила я, доставая своё нелепое письмо из кармана старых штанов, которые я решила надеть в дорогу.

Когда я вложила маленький конверт в руку Лирин, она слегка улыбнулась.

— Передать... да, смогу, Рональда. А сама ты с ним поговорить не хочешь?

Я покачала головой, и тогда женщина, вздохнув, неожиданно сказала:

— Я думаю, ты должна знать... Нарро отдал мне целую кучу прямых приказов, но забыл об одном. А я не стала напоминать.

Я удивлённо уставилась на Лирин. Советники были связаны с дартхари намного сильнее, чем остальные оборотни. Если Вожак

приказывает что-то стае, любой оборотень может нарушить слово, только за это придётся отвечать, и во многих случаях изгнанием или смертью. А если дартхари отдаст прямой приказ Лирина или Граншу, они будут не способны его нарушить, даже если очень захотят. Дело было в клятве Верности, которую оба советника давали на собственной крови.

— Если дартхари отдал вам приказ, Лирина, не нужно...

— Нужно. Скажи, Рональда, как ты думаешь, откуда у тебя Элфи?

— Что? — Я удивилась ещё больше. — А при чём здесь мой хати?

Ну, он сбежал...

Лирина засмеялась.

— Странно, что никто об этом не задумался. Ни разу за всю историю существования Арронтара ни один хати не сбежал, а тут вдруг — нате вам. Рональда, дартхари целый месяц натаскивал Элфи на твой запах, а той ночью я сама выпустила щенка, чтобы он нашёл тебя и лизнул в нос. Понимаешь? Это не случайность, а приказ Нарро.

В глазах у меня помутилось, а сердце подпрыгнуло и будто бы застряло в горле.

— Но... зачем? — выдохнула я.

Лирина отвела взгляд.

— Он просто хотел тебя порадовать.

Я не успела ответить, потому что женщина вдруг взяла меня за руку.

— Рональда... я не знаю, что будет дальше, я не провидица. Но я хочу, чтобы ты помнила — если когда-нибудь ты захочешь вернуться, то здесь, в Арронтаре, ты найдёшь по крайней мере двоих оборотней, которые будут рады тебя видеть.

— Вы и...

— Да. Я и Нарро.

Говоря это, Лирина вновь смотрела мне в глаза, и я чувствовала, что она не лжёт. Но... зачем дартхари подарил мне щенка? Порадовать? Зачем? Я ничего не понимаю...

И сердце болит.

— Почему вы так хорошо относились ко мне всегда, Лирина? — прошептала я, вглядываясь в светло-жёлтые глаза старшего советника. — Другие презирали, обижали, били, а вы — никогда. Почему?

Ответить она не успела.

— Рональда!

Голос Грэй заставил нас вздрогнуть, и Лирин моментально отпустила мою ладонь.

— Нам пора, Рональда! — кричал Грэй от самой кареты, махая мне рукой. Вторую он положил на загривок Элфи. Как интересно... Мой хати совершенно не любил чужих, а этого мужчину почему-то признал сразу.

— Пойдём, — тихо сказала Лирин, первой направляясь обратно.

Парой минут спустя привели и запрягли четвёрку крупных выносливых лошадей. Спереди, на облучке, уселись Бугалон и ещё один мужчина, воин и обычный человек, сзади примостился Лисс, а Грэй с Элфи запрыгнули внутрь. Грэй помог мне снять заплечный мешок, закинул его в сундук под сиденьем, а потом, вдруг что-то вспомнив, вновь выскочил из кареты.

Я высунулась из окна и увидела Лирин. Она печально улыбалась, стоя от меня на расстоянии вытянутой руки.

— Вы не ответили, — сказала я тихо.

Тогда женщина, вздохнув, расстегнула ворот платья и, потянув за показавшуюся цепочку, достала оттуда деревянную дудочку, которую я отдала ей шесть лет назад.

Надо же... Лирин носила эту дудочку вплотную к телу, как самую большую драгоценность.

— У меня был брат, Рональда, — произнесла женщина негромко, погладив шершавую, неровную поверхность дерева кончиками пальцев. — Он был похож на тебя. Полный *другой* магии, он родился не таким, как остальные оборотни. Его презирали, били, пытались убить. И я... делала это...

Я чувствовала себя так, будто в меня вновь бросают камни. И не кто-нибудь, а сама Лирин.

— Что с ним случилось?

Подняв руку, женщина вытерла глаза.

— Он уехал. Так же, как ты, Рональда. И... знаешь, я завидую Джерарду. Он успел попросить у тебя прощения. Пусть ты не простила его... Но он успел.

Глаза Лирин в тот момент светились таким страданием, что я с трудом выдерживала её взгляд.

— А я не успела. Не успела...

Свист, хлопок двери, топот ног, крик Грэя:

— Всё! Трогай, Кирк!

Я вцепилась в обивку кареты, что было сил. Туман перед глазами становился всё сильнее, я почти ничего не чувствовала и не видела.

Только фигура Лирин всё удалялась и удалялась...

Она по-прежнему сжимала в руке цепочку с дудочкой и смотрела на меня так, словно заново переживала тот день, когда она не успела.

— Лирин! — крикнула я, свесившись из окна кареты. — Он жив? Скажите мне, пожалуйста! Он жив?!

Простая деревянная дудочка была прижата к груди дрожащей ладонью, солнечный луч посеребрил седые, как снег, волосы...

Я не знаю, почему железная рука сжала моё сердце, а в глазах я чувствовала целую пригоршню песка, почему задрожали и подкосились ноги, когда я заметила, что Лирин покачала головой...

Глава 7

Дэйнар, Арронтар, примерно 100 лет назад

Он родился осенью. Листья с деревьев уже облетели и лежали мягким ковром на земле, небо было хмуро-серым, дул промозглый и неприятный ветер. Такие дни никогда не запоминаются, сливаясь в сплошное бесцветное полотно.

Его родителей звали Родэн и Мара. Они были одними из самых сильных оборотней клана белых волков, и многие возлагали на их первенца большие надежды — тогдашний калихари был уже стар, но до сих пор ему не находилось достойной замены. Родэн дважды бросал главе клана вызов, но проигрывал.

Дэйнара ждали. Некоторые уже тогда думали — когда-нибудь он станет калихари. Родэн и Мара поняли, что ошиблись, как только маленький оборотень увидел свой первый свет и громко закричал.

— Ох, — выдохнула повитуха, от неожиданности чуть не уронив ребёнка.

Мара молчала, глядя на новорожденного с ужасом.

— Что это? — с трудом вымолвила она через пару мгновений, ткнув пальцем в сына.

— Это горб, зора, — прошептала повитуха, вжав голову в плечи — она ужасно боялась наказания за то, что ребёнок родился именно таким. Но родители Дэйнара не стали наказывать её, просто отослали и отменили все торжества по случаю рождения сына.

Уже на следующий день стая узнала, что у Родэна и Мары родился горбатый мальчик.

Физический недостаток для любого оборотня — как проклятье. В этом своём внутреннем уродстве они были похожи на эльфов, только у тех, слава Айли и Дариде, никогда не рождалось некрасивых отпрысков. А у оборотней подобное случалось, пусть и нечасто.

Когда Дэйнар стал старше, он разгадал загадку своего уродства. Дело было в магии. Обычные оборотни ею не владели, если не считать магию превращений, то есть способность обращаться в волков. Но иногда, очень редко, рождались оборотни с магическими способностями, и эти дети были далеки от признанных в стае канонов красоты — маленькие, толстенькие, слишком высокие, альбиносы, горбуны... Видимо, так получалось из-за того, что магия превращений была несовместима с другими видами магии и вступала с ними в конфликт.

До Дэйнара судьбы подобных оборотней были похожи одна на другую — их всех забивали камнями, как только становилось понятно, что у них не получается обратиться.

— Может, утопить его? — тихо спросил Родэн у Мары, косясь на сопящего в колыбельке младенца с искренней неприязнью во взгляде.

— Нет, — покачала головой его жена. — Пусть кто-нибудь другой... Не нужно, Родэн... Такой грех ...

Оборотень вздохнул.

— Как назовём? Хотели Рэйнаром — «сильный» на старом наречии... Но этому ведь такое имя не подходит.

— Давай Дэйнаром, — сказала Мара. — Дэйнар — «мужественный».

— Издеваешься?

— Нет. Ему пригодится мужество, Родэн.

На том и порешили.

Мара не занималась первенцем, с рождения Дэйнар был передан на руки презиравшей мальчика няне. Позже, став старше, он вспоминал, как она водила его на прогулку в Сердце леса, туда, где жил тогдашний дартхари, и какие-то мальчишки лет пяти-семи громко кричали, завидев Дэйнара:

— Смотрите, горбун!

— Урод!

— У-у-у, чудовище!

Именно тогда Дэйнар впервые обратил внимание на чужие слова и понял, что они обращены именно к нему. Горбун, урод, чудовище... Много лет спустя, закрывая глаза, он слышал те злые голоса так ясно, будто эти мальчишки по-прежнему стояли очень близко и кричали оскорбления ему в ухо.

— Няня Монти, — сказал Дэйнар, подняв голову, — это они мне?
— Тебе, тебе, — бормотала няня, стискивая его руку так сильно, что мальчику стало больно.

— А... почему?

— Потому что это правда.

Няня Монти сказала «потому что это правда» так уверенно и твёрдо, будто это действительно была правда. Прошло много лет прежде, чем Дэйнар понял: правда — то, во что ты веришь. Но кроме этого слова существует ещё много других. Например, милосердие, доброта, сочувствие, справедливость. Дэйнар придавал бóльшее значение именно этим понятиям, потому что понятие правда — в том смысле, который поведала ему Монти — мальчику совсем не нравилось. Ему не нравилось чувствовать себя уродом и чудовищем только из-за горба. Всё его существо противилось этой правде с самого детства.

Когда Дэйнару исполнилось два года, родился его брат Рэйнар. А ещё спустя год на свет появилась Лирин, их маленькая сестричка. Именно они стали его самыми преданными мучителями. Когда Рэйнар и Лирин подросли, Дэйнару срочно пришлось искать укромное местечко, потому что брат и сестра организовывали целые банды по его поимке и избиению. Дети раскрашивали лица краской и бегали по деревне клана белых волков, свистя и улюлюкая, в поисках Дэйнара. Спрятаться мальчику никогда и никто не помогал, а если кто-то из взрослых замечал его, тут же выдавал Рэйнару и Лирин. Иногда Дэйнар проводил целые сутки напролёт, прячась в какой-нибудь щели между домами, без еды и воды, выбираясь наружу только с наступлением темноты, и голова у мальчика кружилась от слабости и недоедания.

Родителей Дэйнар почти не видел. У них тоже была своя правда — они называли его не иначе как *этот* и совершенно не желали даже смотреть на него, не то, что общаться с ним.

Один раз Дэйнар случайно подслушал разговор Родэна и Мары.

— Когда же его пришибут, — зло сказал отец. — Меньше проблем. Позор на наши шкуры.

— Не волнуйся, когда-нибудь это непременно случится, — вздохнула Мара. — Когда-нибудь он устанет убегать, сдастся... И мы освободимся от этого бремени.

— И за что это нам?

В тот день Дэйнар долго стоял перед зеркалом и рассматривал своё отражение. Ему тогда только исполнилось восемь, он был очень худым, но жилистым. И если встать лицом к зеркалу, горба совсем не видно... Зато видны ярко-голубые глаза, в глубине которых притаились горечь, обида и боль, большой рот, будто созданный для искренних улыбок, пушистые светлые волосы, россыпь веснушек на носу и под глазами... Дэйнар не понимал, чем он отличается от остальных мальчишек, до тех пор, пока не поворачивался к зеркалу боком.

Спина была искривлённой, как знак вопроса. На ней можно было пересчитать все косточки ребёр, а ещё — шрамы от метких бросков камнями.

Конечно, это было не очень красиво. Но разве он виноват, что родился таким? Дэйнару иногда хотелось подойти к родителям и сказать: «Может, это вас нужно забить камнями, а не меня, ведь это вы родили меня таким». Но подобные слова оставались у него в голове и никогда не выходили наружу. Это было бы слишком жестоко, а Дэйнару не хотелось быть жестоким. А ещё он понимал: никто не виноват в том, что он родился с горбом на спине. Именно поэтому мальчик не упрекал родителей. Только иногда ему становилось грустно, ведь их любовь оказалась настолько ничтожной, что её смог убить какой-то жалкий горб...

Это было намного хуже, чем удары сотней камней одновременно.

Лес в Арронтаре делился на Северный, Восточный, Южный, Западный и Центральный. Центральный лес был частью Южного (по-другому его называли Сердцем леса), он вёл напрямик к усадьбе дартхари и был самым проходимым из всех. На востоке земля — болотистая и неприветливая для некоторых незадачливых оборотней, ходить там надо было очень осторожно. Зато при благоприятном исходе можно было набрать целую корзину очень вкусных ягод и грибов. Водилась там и болотная голубика, самая ядовитая ягода во всём Эрамире, но собирали её оборотни редко.

В Западный лес никто из здравомыслящих обитателей Арронтара не совался. Именно через этот лес по осени в земли оборотней совершали набеги аксалы — не очень большие, зато обладающие скверным характером серые зверьки с острыми зубами. Они были

похожи на маленьких волков, только более ободренных и злых. Осенью аксалы почему-то убегали из Снежной пустыни, где обитали в остальное время года, и наводняли Западный лес. Набеги длились обычно не дольше недели-двух, однако это было настоящим испытанием для оборотней, так как на одного волка приходилось по пять-двадцать пустынных зверьков.

Аксалов можно было встретить в Западном лесу не только осенью — некоторые из них прятались в норах или под корнями деревьев, пережидая горячую пору охоты, и оставались в Арронтаре, не желая возвращаться в Снежную пустыню. Всех юных оборотней предупреждали, что в этот лес соваться не стоит. Но каждый год находилось несколько волчат, которые решали «потренироваться» и уходили в Западный лес. Иногда родители успевали спасти детей, но чаще всего затем находили лишь обглоданные косточки. Аксалы, несмотря на кажущуюся хрупкость, были очень сильными животными.

Больше всего Дэйнар любил Северный лес. Он не был таким окультуренным и величественным, как Южный, и под ногами ничего не хлюпало, как в Восточном, и не нужно было постоянно оглядываться, как в Западном. Если удавалось, Дэйнар предпочитал скрываться от «охотников за горбуном», как себя называли последователи Рэйнара и Лирин, именно в Северном лесу. Но иногда не получалось. В такие дни юные оборотни преследовали его до последнего, и входить в Северный лес значило обречь себя на гибель, потому что спрятаться в нём было не так легко, как в Западном.

Мрачность и зловещее недружелюбие Западного леса Дэйнар впервые обнаружил, когда ему было восемь. Накануне мальчик подвернул ногу, и удирать от истошно вопящей команды брата и сестры было очень непросто. Рисковать Дэйнару не хотелось, но... они не оставляли ему выбора.

Крики за спиной стихли, как только он побежал не прямо, в Северный лес, а налево, в Западный, дорога в который давно заросла мхом и травой.

— Ты куда? — услышал Дэйнар звонкий голос Лирин. — Стой, там же аксалы!

От этого замечания сестры мальчишка чуть не расхохотался. Надо же, аксалы... И чем это они страшнее его собственных сородичей? Тем, что могут сожрать?

Дэйн усмехнулся, углубляясь всё дальше и дальше в чащу. Пусть попробуют только! Подавятся.

Стояла середина лета, и пока мальчик двигался вглубь леса, ему основательно напекло макушку. Дэйнар остановился под каким-то деревом, вытер пот со лба и огляделся по сторонам.

Лес как лес. Только уж больно неухоженный, совсем дикий. И птицы не поют, не то, что в Северном. Неужели это всё из-за аксалов? И кстати, интересно, почему они не приходят в Северный лес? Никаких границ нет, вполне могли бы и туда добежать, однако не делают этого...

«Летать-то они не умеют, — подумал мальчик, широко улыбнувшись, — зато вполне способны лазать по деревьям!»

Немедленно отскочив от ствола, Дэйн встретился взглядом с небольшим зверьком, действительно напоминавшим маленького ободранного волка. Зверёк сидел на том самом дереве, от которого отскочил Дэйнар, и разглядывал мальчишку чёрными и очень умными глазами.

— Ну, здравствуй, — тихо сказал Дэйн, рассматривая его в ответ. — Значит, ты и есть аксал... Интересно, мальчик или девочка?

Зверёк недовольно заворчал, а потом, резко оттолкнувшись от ствола, прыгнул.

Почти сразу морда у аксала удивлённо вытянулась, ведь жертва, вместо того, чтобы нападать, кричать боевые кличи, выхватывать из-за пояса ножи или вилки (да-да, юные оборотни чаще всего именно с таким оружием охотились на аксалов), ну или хотя бы в панике спастись бегством... Вместо всего этого жертва звонко расхохоталась.

Зверёк приземлился рядом с Дэйнаром, настороженно разглядывая своего «соперника».

Мальчишка опять засмеялся.

— Ну и чего ты встал, как неродной? Иди сюда, я тебе сухарей дам, — сказал Дэйн и достал из кармана штанов горсть сухарей. Он всегда носил их с собой — это была его основная еда последние пять лет жизни. А пил он ледяную воду из своего любимого озера в Северном лесу.

Зверёк некоторое время неуверенно топтался на месте, но потом всё-таки медленно приблизился к Дэйнару и сунул острую мордочку в протянутую ладонь.

Мальчик опять рассмеялся, и тогда аксал решил попробовать неизвестное угощение.

Всего через несколько секунд Дэйнар вытирал о штаны облюнованные ладони.

— Ну и горазд же ты жрать, приятель, — восхитился он, пока зверёк просительно заглядывал в глаза мальчику и немного поскуливал, выпрашивая ещё лакомства.

Дэйнар догадывался о причине такого странного поведения аксала. Он давно заметил, что действует на птиц и зверей как-то странно. Стоило ему заговорить с кем-либо из них, как животное уже доверчиво подходило ближе, а от звука смеха маленького горбуна любой зверь становился ручным, давал себя погладить и взять на руки.

Почему так, Дэйнар не представлял. Он понимал — это какая-то магия, но какая именно... Книг по магическим искусствам в деревне белых волков не было совсем, а обращаться за ними к дартхари — что он, самоубийца?

Из-за такого поведения птиц и зверей Дэйнар не мог их убивать, чтобы хоть как-то утолить постоянный голод. Как можно убить существо, которое смотрит на тебя так доверчиво? Всё равно, что пронзить мечом ребёнка.

Дэйнар плюхнулся на землю рядом с аксалом и почесал зверька за ухом. Сначала он застыл — явно не привык к рукам, оно и понятно, — а потом заурчал, почти как кошка, отчего юный оборотень чуть не подпрыгнул в изумлении.

Сидя рядом с аксалом и поглаживая его по жёсткой шерсти, Дэйнар оглядывался по сторонам. Полянка, на которой он находился, мальчику понравилась, оставалось только найти убежище получше.

Спустя пару минут Дэйнар обнаружил недалеко дерево с большим дуплом на высоте примерно в пять его ростов. Мальчик легко забрался туда — при этом аксал следовал за Дэйнаром, как привязанный — и, найдя в дупле целый ворох сухих осенних листьев, хрустящих и мягких, как перина, почти тут же уснул.

После этого случая Дэйнар стал прятаться в Западном лесу пару раз в неделю. Он отлично выспался в дупле, и аксал всегда присоединялся к нему. Дэйнар не сразу понял, что его новый знакомый на самом деле самка, причём очень молодая. Мальчик назвал её Чарой.

Во время осеннего набега аксалов он увёл Чару в Северный лес, где привязал крепкой верёвкой к дереву и всячески успокаивал — она почему-то ужасно рвалась в Западный лес, даже пару раз укусила Дэйнара. Тогда же мальчик осознал: что-то не так с этими набегами аксалов. Что-то заставляет их бежать в Арронтар именно весной и осенью, и почему-то обязательно в Западный лес. В поисках разгадки этой тайны Дэйнар перелопатил все имеющиеся в доме отца и матери книги, но так ничего и не нашёл.

Зимой у Чары родились щенки, и мальчик стал чаще навещать в Западный лес, играя с выводком из трёх маленьких аксальчиков. Где их отец, Дэйнар не знал, но предполагал, что оборотни убили его осенью во время набега.

Мальчик тренировал детёнышей Чары с помощью своего смеха. Стоило ему зафыркать, как малыши прижимались к земле всем телом, а если Дэйнар начинал громко смеяться, то они тихонечко тьякали и скакали рядом.

Ухаживая за щенками Чары, юный оборотень обнаружил, что считает этих ободранных, нелепых, кривоногих малышей красивыми. Хотя нет, он прекрасно видел, насколько они малосимпатичны... но почему-то это не мешало ему любить их. Он любил бы их, даже если бы у них были горбы...

Так, постепенно, пролетели оставшиеся до Ночи Первого Обращения годы. Дэйнар вырос и вытянулся, и если бы не горб, он считался бы красавцем — таких прекрасных золотых волос и ярко-голубых глаз не было больше ни у кого в деревне.

Рэйнар и Лирин преследовали его с прежним рвением, и иногда им удавалось даже ранить брата, но не слишком сильно. Спасал Западный лес.

Чара рожала каждый год, обычно двух-трёх щенков, и они жили вместе с ней примерно полгода, а потом разбегались в разные стороны леса, где находили себе пару и начинали жить обособленно. В дни, когда повзрослевшие щенки уходили, Чара была особенно грустной, и мальчик залезал вместе с ней в своё любимое дупло, где тихо пел ей что-нибудь на ухо, пока они оба не засыпали.

За неделю перед Ночью Первого Обращения Дэйнара несколько раз чуть не убили, поэтому он почти перестал навещать в деревню.

Перетащив в Северный лес некоторые вещи, мальчик жил там, постоянно навещаясь к Чаре и страшась того, что вторжение аксалов может начаться именно тогда, когда Дэйнар впервые обратится, и он не сможет спасти её.

Именно поэтому накануне Ночи Первого Обращения мальчик перевёл Чару в Северный лес и привязал к дереву, как делал раньше. Волчица посмотрела на него понимающими чёрными глазами и заскулила, словно говоря: «Не ходи туда...»

— Я должен, — вздохнул Дэйнар, погладив её по голове. — Я должен хотя бы попытаться. Даже если не получится... я должен попытаться, Чара.

Мальчик понимал — если обратиться не выйдет, многие захотят убить его, как позор для всех оборотней. И Дэйнар был готов к этому.

Когда он вышел на Великую Поляну, чтобы пройти обряд, то ощутил на себе такое количество ненавидящих взглядов, что чуть не споткнулся. Вот была бы потеха для остальных...

Ему поднесли зелье, вызывающее трансформацию, мальчик закрыл глаза и попытался... честно попытался... Но ничего не происходило. Внутри была пустота, как будто Дэйн и не родился оборотнем. Как будто он был просто горбуном — и больше никем.

Он стоял, зажмурившись и раскинув руки, до тех пор, пока кто-то не закричал:

— Позор!

А потом стая взорвалась:

— Бей!

— Убить!

— Позор!

— Урод!

... Тогда Дэйнар открыл глаза и громко рассмеялся.

Оборотни — наполовину животные, и они отреагировали точно так же, как и остальные животные. Этот фокус мальчик уже проделывал с командой Рэйнара и Лирин, поэтому знал, что оцепенение будет длиться недолго.

Он побежал изо всех сил. Так, как давно уже не бегал. Не в деревню, к дому родителей, как сделал бы любой другой подросток на его месте... он побежал в Северный лес, к Чаре.

Но убежал Дэйнар недалеко. Ведь теперь он бежал не от кучки детей, а от целой стаи оборотней, и почти все здесь были взрослыми, а некоторые ещё и ара.

Первый камень, сбивший мальчика с ног, бросила Лирин. Дэйнар не понимал, откуда к нему пришло это знание, но он словно видел своих преследователей сквозь затылок... И заметил, как сестра с искажённым лицом метнула в него этот булыжник, попавший ему в щиколотку.

Ногу будто огнём обожгло. И он упал.

Больше ему ничто не могло помочь. Даже смех...

«Это конец», — подумал Дэйн, ожидая, что хотя бы сейчас на него наконец снизойдёт смирение. И он примет свою смерть так, как должен был сделать много лет назад, понимая, что горбун — это позор для оборотней, ценивших красоту не меньше, чем физическую силу.

Но вместо смирения в душе разгоралась ярость. И было обидно. Обидно, что Дэйнар столько лет боролся за жизнь только ради того, чтобы погибнуть после попытки впервые обратиться и стать тем, кем должен. По крайней мере мальчик думал, что должен... И только теперь понял — он ошибался.

Он не был им должен.

Он ненавидел их.

Он не хотел быть таким, как они.

И тогда Дэйнар громко закричал. Так громко, что слышно было, как звук его голоса достиг границы Арронтара и вернулся обратно вместе с эхом.

Впоследствии никто из присутствующих при этих событиях оборотней не мог понять, что произошло дальше. Потому что со всех четырёх сторон — из Северного, Южного, Восточного и даже из Западного лесов — на них полетели птицы. Большие и маленькие, с острыми когтями и длинными клювами, они, странно галдя, тёмной стаей накинудись на оборотней и стали бить их крыльями, клевать клювами, рвать когтями, словно взбесились.

Особенно пострадали те, кто попытался-таки убить Дэйнара. Парочке оборотней, что набросились на мальчика с дубинами в руках, крупные берилы — самые большие хищные птицы Арронтара — выклевали глаза.

Но и Дэйнару досталось. Правда, не от птиц. Окровавленный, с подбитым глазом, волоча по земле искалеченную камнями и дубинками ногу, маленький горбун дошёл-таки до поляны, где оставил Чару, и упал рядом с ней на перину из осенних листьев, сквозь звон в ушах слыша, как она тихонечко скулит и, кажется, даже плачет.

Когда Дэйнар проснулся утром следующего дня, он обнаружил, что Чара уже перегрызла верёвку и легла рядом, согревая его своим телом и вылизывая его раненую ногу.

Оглядевшись, мальчишка охнул — по всему периметру поляны, на каждом дереве, на каждой ветке, рядами и колоннами, сидели птицы.

Они охраняли его. Дэйнар сразу понял это. Они следили, чтобы никто из оборотней не пришёл к убежищу мальчика и не прикончил его во сне.

— Спасибо вам, хорошие мои, — сказал он тихо, поднимаясь на ноги. — Кажется, я теперь знаю, где мой дом. И моя настоящая семья.

Погладив Чару по голове, Дэйнар направился к озеру, чтобы смыть с себя грязь и кровь.

Тогда же он решил, что в деревню больше не вернётся.

Глава 8

Дэйнар, Арронтар, примерно 100 лет назад

О том, где теперь жить, Дэйнар задумался сразу после того, как смыл с себя грязь и промыл раны. В дупле, конечно, замечательно, но не зимой. После того как мальчик с таким трудом сбежал от оборотней, он совершенно не хотел околеть от холода. Зачем ему эта жизнь, Дэйнар не знал, но почему-то продолжал за неё цепляться.

А ещё после ночи на мокрых и не слишком тёплых листьях мальчишке очень хотелось выпить и съесть чего-нибудь горячего. Хорошо, что несколько лет назад Дэйнар додумался припрятать в Северном лесу котелок и собственноручно сделанную деревянную ложку.

Осень была в самом разгаре, поэтому с травами и ягодами было не так хорошо, как летом, но Дэйнар не зря бóльшую часть детства провёл в лесу — через полчаса он набрал всё необходимое, а ещё через полчаса развёл костёр и сварил суп.

Несолёный и недоваренный — Дэйнар так хотел есть, что не мог ждать положенный час для того, чтобы грибы разварились — этот суп показался мальчишке таким вкусным, что он чуть не проглотил его вместе с котелком.

Чара ласково лизала его руку и тихонько поскуливала.

— Нам с тобой надо решить, хорошая моя, — сказал Дэйнар, потрепав аксала по холке, — что же делать? Жилище на одну зиму, чтобы потом за весну и лето построить дом? Или строить его сразу? Хм...

Дэйнар почувствовал, что начинает расплываться в улыбке.

— Почему бы не рискнуть, верно? В конце концов, должно у меня хоть что-то в жизни получиться.

Как оборотни строят дома, Дэйнар представлял очень приблизительно. Но спросить было не у кого, поэтому мальчик решил

действовать по наитию.

Он нашёл, как ему показалось, неплохое место — не влажную низину, а небольшой и ровный пригорок — и прикоснулся ладонью к ближайшему дереву.

Из-под коры в руку Дэйнара полилось что-то очень тёплое и хорошее. Это была энергия леса.

— Помоги мне, Арронтар, — прошептал мальчик, жмуря глаза, — ты же видишь, я пришёл с миром. У меня нет топора, но мне нужны брёвна, чтобы построить дом. У меня нет лопаты, но мне нужно выкопать яму. Помоги мне, Арронтар, и я... я тоже помогу тебе. Когда-нибудь я разберусь с набегами аксалов, они перестанут вытаптывать Западный лес и убивать детей твоих...

В кронах деревьев, уже наполовину облетевших, зашумел ветер, словно Арронтар взволновали слова Дэйнара.

А потом тёплый воздух пощекотал щёку и волосы мальчика, прошептав на ухо:

— Помни — ты обещал...

Дэйнар обернулся, будто ожидая, что сзади кто-то стоит. Но нет — никого не было рядом, кроме Чары, дружелюбно помахивающей хвостом.

Неожиданно в воздух взмыли тысячи птиц, больших и маленьких. Дэйнар поднял голову, и неясный солнечный лучик, тёплый, как прошедшее лето, ласково коснулся его голубых глаз и разбился о радужку миллионом крошечных искорок.

— Фьюить-фьюить!

— Пью-ю-и-и!

— Чи-и-и-и!

— Кири-кири-кири!

— Тр-р-р-р!

— Чи-и-ить! Чи-и-ить!

Со всех сторон доносились птичьи голоса, словно птицы переговаривались между собой. Они были голосом Арронтара, и они доносили до других зверей просьбу Дэйнара. Лес пищал, звенел, скрипел и пел, и это было так странно и так прекрасно, что маленький горбун не выдержал и рассмеялся. Его смех вплёлся в эти голоса так, будто всегда был их частью и принадлежал лесу целиком и полностью.

Дэйнар не сразу поверил в то, что произошло дальше. Звери, прибывающие со всех концов леса, тащили поваленные деревья и толстые ветки, птицы несли маленькие веточки и пучки травы-мочалы — ею обычно заделывались щели между брёвнами — кто-то захватил с собой большие куски полужесткой смолы ирвиса, а кто-то радовал Дэйнара всевозможными ножами, вилками и прочим «оружием», когда-то потерянным на просторах Арронтара маленькими охотниками на аксалов. Были и большие ножи, правда, ржавые.

Несколько маленьких китров — юрких норных животных — принялись рыться в земле, и от усердия у них из-под лапок летели во все стороны камни и куски глины. Дэйну только оставалось присоединиться к ним и следить за тем, чтобы они не накопили лишнего.

Выглядывая порой из ямы, мальчишка жмурился от удивления — остальное зверьё быстро и профессионально помогало друг другу избавлять деревья от коры и лишних сучьев, всё те же неугомонные китры обрабатывали поверхность жёсткой корой ирвиса, чтобы дерево становилось гладким и пригодным для строительства.

Они словно знали, что нужно делать. Словно видели это уже много раз... А может, это не они видели — это лес видел и просто подсказывал им, как помочь Дэйнару. А заодно и ему самому подсказывал. Иначе он не справился бы.

Так или иначе, но дом получилось сделать за сутки. Конечно, магия тоже пригодилась — «рубил» брёвна мальчик именно с её помощью, с её же помощью укреплял крышу и стены дома. Разведя огонь, Дэйнар смешал в котелке смолу ирвиса с жёсткой травой-мочалой, а потом промазал этой смесью все щели, чтобы нигде не задувало.

Конечно, если бы Дэйн не был магом, им бы никогда не удалось построить дом, особенно поставить крышу, которая никак не хотела ставиться ровно, всё время норовила провалиться или хотя бы просто протечь. Да и если бы маленькому горбуну не помогали звери и птицы Арронтара, он вряд ли бы выжил. И вечером, когда Дэйнар наконец зашёл в свежестроенную хижину (правда, сил на стёкла у него в тот день не хватило), накидал на пол веток, аккуратно подсушил их и завалился спать, он чувствовал себя так, будто его целый день гоняла по деревне команда Рэйнара и Лирин.

Спать на ветках мальчику было не привыкать, только вот холодно. Одному боку было тепло — к нему прижималась Чара, а вот второму... Печку Дэйнар сделал из натасканных птицами камушков, которые цеплялись друг за друга благодаря специальному раствору из песка, воды и горячей жидкой смолы ирвиса. Но растопить печь маленький горбун не успел — так хотелось спать, что глаза закрылись ещё до того, как Дэйнар упал на свою импровизированную постель.

Проснувшись утром следующего дня, мальчик не мог поверить, что теперь у него есть собственный дом. Пусть он был кривоват, да и стёкол в окнах пока не наблюдалось, зато — он принадлежал ему, Дэйнару.

Но эйфория быстро схлынула. Во-первых, хижину нужно было отапливать, иначе он околеет. Во-вторых, следовало подумать о запасах на зиму, иначе непонятно, чем питаться — мясо животных Дэйнар не ел, да и не смог бы после того, как они спасли ему жизнь. В-третьих, где взять одежду?

Это была самая большая проблема. Рубашка, штаны и ботинки, которые оказались на Дэйнаре в Ночь Первого Обращения — их ему тоже вернули птицы, — находились в плачевном состоянии. Особенно рубашка. И если с отоплением всё понятно, запасы за оставшийся до зимы месяц он наберёт, то как быть с одеждой? Она ведь не растёт на деревьях.

Можно сделать ткань из холпиуса, но вот беда — он цветёт в середине лета, так что тут Дэйнар безнадежно опоздал. Следующим летом он исправит ситуацию... если доживёт. Но даже если доживёт, как быть с обувью? Тоже из холпиуса делать? Ткань, конечно, из него получается грубая, но не настолько, чтобы ботинки шить. Может быть, просто ноги обвязывать?

Дэйнар покачал головой и вздохнул. Оказывается, строительство дома было не самой сложной задачей...

Вдруг послышался негромкий стук в дверь.

«Неужели нашли?» — испугался мальчик, но спустя пару мгновений уже улыбался — в окно влетели несколько чирикающих силиц и возбуждённо запрыгали по полу рядом с ним. Чириканье это было не встревоженным, скорее, нетерпеливым.

— Что случилось, малышки? — засмеялся Дэйнар, направляясь к двери. Чара последовала за ним, сонно позёвывая.

Мальчик понял, что случилось, как только открыл дверь. На пороге лежали несколько рубашек и штанов, тёплая куртка, куча носков, перчатки, ботинки и сапоги. А на поляне перед хижиной сидели совершенно гордые берилы и один маленький китр. Тоже очень гордый.

— Вы чего?.. — охнул Дэйнар. — Стащили?..

— Чи-чи-чи! — возбуждённо запищали силицы.

— Фи-и-и-и! — подтвердили берилы.

— Тр-р-р-р! — фыркнул китр.

Мальчик покачал головой.

— Ай-я-яй... Ну разве так можно? Воровать нельзя! Нехорошо!

— Фью-ю-ю, — укоризненно вздохнул серый вокшун, от чего Дэйнар подпрыгнул — этот ночной хищник сидел прямо у него над макушкой. И в этом «фью-ю-ю» маленькому горбуну послушалось скептическое: «Ну да, конечно... Значит, воровать нельзя, а швыряться камнями можно?»

Дэйнар улыбнулся. Конечно, воровство — это плохо, но... в данном случае он почему-то не чувствовал угрызений совести. Подумаешь, какие-то пара рубашек да штанов. С оборотней не убудет, а ему жизнь спасёт.

— В который раз вы меня выручаете, — засмеялся мальчик. Тогда он ещё не знал, что часом позже звери и птицы натащат ему такое количество орехов, грибов и засушенных с лета ягод, что хватит до самой весны...

Так началась его жизнь отдельно от стаи. Первая зима была самой тяжёлой — продукты нужно было экономить, в окна нещадно дуло (как сделать стёкла, Дэйнар так и не придумал, поэтому закрыл проёмы окон ставнями, сплетёнными из ирвиса), а больше всего раздражало отсутствие тёплого отхожего места и горячей ванны.

Удивительно, но по брату и сестре маленький горбун даже немного скучал. И по маме с папой. Знал, что глупо... да и помнил ещё выражение лица Лирин в тот момент, когда она швырнула тот камень в его Ночь Первого Обращения.

Помнил, знал, понимал... Но скучал.

А иногда мальчик воображал, что однажды Рэйнар и Лирин придут к нему в гости, как настоящие брат и сестра, сядут на пол и будут пить с ним чай из крепких листьев дух-травы, и даже, может быть, попросят прощения...

В такие минуты Дэйнар смеялся. И только Чара, тут же начинавшая жалобно скулить, понимала, что этот смех отнюдь не весёлый, а очень печальный и горький.

Порой маленькому горбуну казалось, что он такой же зверь или птица, как и все остальные окружающие его живые существа. Первое время Дэйн часто говорил с ними, даже не задумываясь над тем, что действительно понимает эти «фью-ить», «чр-р-р», «пи-пи-пи» и прочие странные звуки. Понимает, даже когда они ничего не говорят, только смотрят.

Птицы и звери Арронтара отличались от оборотней почти так же, как дети отличаются от взрослых. Они были чище, наивней и намного добрее. Беззащитней. А ещё они почему-то называли Дэйнара Старшим.

Мальчик не знал, в какой момент понял это. «Наш Старший», просто «наш», «брат»... А перед тем, как маленький горбун навсегда покинул Арронтар, появилось ещё одно прозвище.

Хозяин.

Свою первую весну вдаль от стаи Дэйн встречал с надеждой в сердце. Он запланировал себе множество дел на лето и не отлынивал — сделал из холпиуса ткань, сшил из неё пару рубашек и штанов, да ещё и на кресло хватило. Это была, конечно, странная идея — мастерить кресло при отсутствии нормальной постели, но спать на ветках Дэйнар привык, а вот посидеть с Чарой на руках возле тёплой печки иногда хотелось.

Летом мальчишка наконец отмылся. Вода в озере была ледяной, но всё же не такой, как зимой, поэтому он смело нырял в неё два раза в день. Именно тогда маленький горбун настолько привык к холоду, что совсем перестал его чувствовать. И, как следствие, болеть.

Чара теперь почти не бегала в Западный лес. У неё родились щенки только следующей зимой, и это был её последний выводок по какой-то причине. Больше она не покидала Дэйнара, всюду хвостиком следовала за ним, словно охраняла.

За мальчиком так никто и не пришёл. Никто не охотился за Дэйнаром. Хотя он предполагал, что кто-нибудь точно попытался, но... разве кому-то хочется остаться без глаз?

Так текли годы. Они действительно текли, как вода — иногда Дэйн не сразу мог вспомнить, какая по счёту идёт весна и сколько ему лет. Ведь это действительно не имело никакого значения. Птицы и звери, окружавшие его, тоже понятия не имели, сколько им лет, и ничего, жили ведь без этого знания.

Стёкла в окна Дэйнар поставил на третье лето. Он так и не придумал способ сделать их при помощи магии — всё-таки его познания в ней были невелики, точнее, их почти не имелось — поэтому попросил птиц стащить для него несколько кусков стекла из деревни. Вот обработать их, придав нужную форму, у мальчика получилось.

Хотя в то время Дэйн уже переставал быть мальчиком. Только рядом не было никого, кто мог бы это оценить, а самому горбуну было безразлично. Дэйнар крайне редко рассматривал себя в отражении на водной глади озера, а если начинал вглядываться, то видел самого обычного мальчика. Он не замечал, что взрослеет. Не видел, какие у него красивые светлые волосы и синие глаза. Впрочем, Дэйнар не замечал и свой горб. Он вообще не думал о том, как выглядит.

Порой, когда ему казалось, что он разучился говорить, Дэйн садился на берег озера и начинал тихо петь. Пел он в основном старые песни оборотней, книжку с которыми нашёл дома когда-то очень давно. Песни там были простые, незатейливые, но очень добрые. Наверное, поэтому они так нравились Дэйнару.

Нравились они и остальным обитателем Арронтара. Если маленький горбун начинал петь, к озеру слетались птицы и сбегались звери. Они слушали, поражая мальчика серьёзностью своих глаз — будто Дэйн пел не просто незатейливые песни, а рассказывал им какие-то интересные истории.

Тем летом маленькому горбуну — впрочем, он уже не был маленьким — исполнилось восемнадцать.

Он сидел на берегу озера и пытался сделать из дерева дудочку, когда к нему вдруг подбежала взволнованная Чара и стала странно рычать, мотать головой и хватать его за край штанины. Такое

поведение было несвойственно волчице, поэтому юноша встал и пошёл следом за ней.

Аксал вела его в Западный лес. И не просто вела — она туда мчалась, при этом ещё и жалобно поскуливая, будто просила своего хозяина быть побыстрее.

И когда Дэйнар увидел то, из-за чего Чара так стремилась в Западный лес, сердце его упало.

Посреди небольшой полянки, окружённой густыми кустами, за которыми было не разглядеть Дэйнара и Чару, сражались Рэйнар и Лирин. Сражались против нескольких крупных аксалов, защищавших гнездо и щенков.

Очевидно, его брат и сестра решили «поохотиться» на аксалов — в руках у них были большие палки с жуткими шипами. Оружие опасное, но только когда ты умеешь им пользоваться. И если Рэйнар хоть как-то мог обращаться с ним, то Лирин вообще еле держала в руках свою палку.

В последнее время, из-за постоянного вмешательства Дэйнара, аксалы, осевшие в Арронтаре, не нападали на оборотней, даже если они забредали в Западный лес. Но в этот раз, видимо, не выдержали — Лирин и Рэйнар своими палками расковыряли нору целой семьи, где были и маленькие аксальчики. И, кажется, успели убить одного щенка. Именно поэтому взрослые животные так рассердились.

Рэйнар стоял чуть впереди, закрывая Лирин и воинственно размахивая «оружием». При этом в его глазах было столько паники, что её почувствовал бы даже не-оборотень... даже такой, как Дэйнар.

Лирин же просто тряслась от ужаса.

— Рэйни, у тебя кровь! — взвизгнула она, по-детски глупо дёргая брата за рукав. Рэйнар отмахнулся, не сводя напряжённого взгляда с рычащих аксалов.

Он действительно был ранен. Оторванный рукав рубашки, из-под которого была видна рваная рана, чумазое лицо, искажённое страхом — всё это увидел Дэйн в тот миг, когда выглянул из кустов, куда его привела Чара.

— Спасибо, милая, — прошептал юноша, потрепав аксала по холке.

Он вышел из своего укрытия и собирался вмешаться, но вдруг один из зверей, зарывчав, резко прыгнул вперёд, целясь Рэйнару в

горло. Останавливать аксала с помощью голоса Дэйн даже не пытался — знал, что не получится, звери были слишком раздражены.

А второй хищник собирался прыгнуть на Лирин.

Дэйнар колебался лишь долю секунды.

— Стой! — крикнул он, бросаясь на аксала, посягнувшего на сестру. Зубы зверя произвольно сомкнулись на руке горбуна чуть выше локтя, всё тело пронзила боль.

А потом Лирин страшно закричала.

Этот крик остался в его памяти на долгие годы, преследовал по ночам, приходя в сны вместе с резким запахом крови...

Первый аксал, прыгнувший на Рэйнара, достиг цели и вцепился мальчишке в горло. Хлынула алая кровь. Откинув от себя хищника, угрожающего жизни Лирин, каким-то небрежным жестом, Дэйнар кинулся к брату и оттащил вцепившегося в него аксала за холку.

— Уходите! — рыкнул он на остальных присутствующих здесь животных. — Быстро! Чара, уведи и успокой.

Какое-то время Дэйн слышал у себя за спиной негромкое рычание, словно аксалы не хотели слушаться, но затем всё стихло. Только тихонько всхлипывала Лирин, опустившаяся на колени рядом с Рэйнаром.

Положив руку брату на горло, Дэйнар сделал то, чему его никто и никогда не учил — направил сквозь собственную ладонь энергию Света, молясь про себя, чтобы рана затянулась...

Она не затянулась. Но кровь больше не лилась.

— Он жив, не хнычь, — сказал Дэйн, покосившись на Лирин. Глаза сестры, полные слёз, были очень красивого жёлтого оттенка.

Ара. Так же, как и Рэйнар.

— Жив? — Лирин прикоснулась кончиками пальцев к щеке раненого. — И... не умрёт?

— Откуда я знаю? — огрызнулся Дэйн. — Лучше помоги, один я его до деревни не дотащу.

«Надо же, я ещё могу говорить. А думал, что давно разучился», — вздохнул юноша, осторожно подхватывая Рэйнара на руки. Показалось, что брат ничего не весит, даже помощь Лирин не понадобилась.

— Пошли, — буркнул он, направляясь в сторону деревни белых волков. — Только уж не бросай в меня ничего, хорошо? А то я Рэйнара

уроню.

— Нет, ты что! — испуганно отозвалась у него из-за спины Лирин. — Дэйн, я...

— Какого дохлого кота вы вообще пошли в Западный лес? Зачем? Не суйтесь сюда больше, поняла? Тоже мне, героини.

— Мы... — девочка запнулась. — Мы тебя хотели найти...

— А-а-а, — Дэйн засмеялся. — И палками этими шипастыми забить? Дурачье.

— Дэйн... — в голосе Лирин юноше послышались слёзы, но он не мог обернуться из-за Рэйнара.

— Это неважно, палками или камнями, — поморщился горбун. — Я ушёл из стаи, я больше не появлюсь в деревне, так что забудь меня, как страшный сон. Забудь, слышишь? Не ходите больше в Западный лес. Никогда. Это опасно. Не для меня — для вас. Ты поняла?

Она не ответила. Дэйнар слышал, что Лирин плачет и размазывает по лицу слёзы. В сердце у него что-то дрогнуло, но почти сразу остановилось.

Это неважно. Он сейчас отнесёт Рэйни в деревню, уйдёт и больше никогда не увидит сестру.

Если бы не Лирин, Дэйнару не удалось бы пройти так далеко. Только благодаря ей он вошёл в поселение белых волков, добрался до дома родителей и, аккуратно положив тело Рэйнара на порог, уже собрался уходить, когда...

— Горбун убил Рэйни! — закричал кто-то из толпы, преследовавшей их с Лирин с того момента, как они вошли в деревню.

— Бей его!

— Да!

— Гони!

— Смерть уроду!

«Опять...» — подумал Дэйн, срываясь с места. Они ничему не учились... ничего не помнили. Вот и теперь сгорбленную спину юноши надёжно прикрыли птицы, слетевшие с деревьев в момент, когда в него полетел первый камень.

В очередной раз убегая из родной деревни, преследуемый воинственными воплями, где-то на краю сознания Дэйнару послышался отчаянный, полный горькой боли крик Лирин:

— Дэйн!!

Но нет, конечно, она не могла так кричать. Ему просто показалось.

Когда в сгорбленную спину брата полетели камни, она едва удержалась от того, чтобы не побежать за ним.

И вроде бы, всё было, как и раньше. Ничего нового. Светлые волосы, видные издалека, кривая спина, неяркая старая одежда... Да, всё было, как всегда. И тем не менее — кое-что изменилось.

Сердце. Её сердце. Оно отчаянно билось в груди, как в клетке, словно стремилось вырваться наружу и...

— Дэйн!!

Крик не помог. И слёзы, заструившиеся по щекам — тоже. Сердце не хотело успокаиваться.

Вокруг сновали оборотни, кто-то взял её за руку, Рэйнара понесли в дом...

— Лирин? Лирин, ты слышишь меня? Лирин!

Она словно очнулась.

— Отец! — воскликнула Лирин, хватая Родэна за рукав рубашки. — Он не убивал... Не убивал! Дэйн ничего не делал Рэйни, клянусь Даридой...

— Сейчас не до этого, дочка. Расскажешь потом. Пойдём в дом.

Дальнейшие события смешались в её голове и вспыхивали в памяти яркими картинками, не связанными между собой.

Слёзы мамы и отец, пытающийся её успокоить.

Лекарь-человек, пахнувший травами так сильно, что у девочки защипало в носу.

Бледный Рэйни на постели, с кровавой раной на шее, смазанной зельем, усиливающим регенерацию.

Несмотря на усилия человеческого лекаря, брат не приходил в себя. И рана на его шее отказывалась затягиваться.

— На когтях и в слюне аксалов — яд, которому сложно противостоять даже взрослому оборотню, а Рэйнар ещё очень молод.

Возможно, зелье вытянет яд. Но я не уверен. Если юноша переживёт сегодняшнюю ночь, будет жить.

Так сказал лекарь, покидая их дом. И пока родители провожали человека, Лирин прошмыгнула в комнату брата и села рядом с ним на кровати.

— Рэйни, — прошептала девочка, осторожно прикасаясь ладонью к лицу раненого. Бледный, с перевязанным горлом, он казался Лирин мёртвым, если бы она не ощущала тихое биение его сердца.

Брат не ответил. Тогда она решила, что будет сидеть с ним рядом до тех пор, пока Рэйнар не проснётся... и они не закончат то, что так неудачно начали.

Лирин не верила, что Рэйни может умереть. И поэтому застыла рядом, прислонившись спиной к стене и взяв брата за руку.

Она слышала тихие шаги родителей за дверью. В комнату заглянул отец и, увидев Лирин, несколько минут стоял на пороге, словно раздумывая. Но затем он вышел и оставил её наедине с братом.

Лирин и сама не заметила, как задремала, подперев щекой холодную стену. Она не отпускала руку Рэйнара даже во сне.

Прошло много часов, солнце скрылось за горизонтом, наступила ночь. Прохладный воздух, пришедший в комнату вместе с ней и лунным светом, заставил Лирин проснуться. У неё замерзли ноги. И не только замерзли, но и затекли.

И рука тоже... затекла.

Но когда Лирин захотела осторожно отнять свою руку у Рэйнара и поменять её на другую, то вдруг почувствовала, как брат едва ощутимо сжал её пальцы.

— Рэйни? — прошептала Лирин, наклоняясь над лицом мальчика. И почти тут же вздрогнула.

Его глаза были голубыми, как в детстве. В ярком свете луны Лирин видела это совершенно ясно.

Она помнила, что у оборотней глаза возвращаются к первозданному цвету только перед смертью.

— ... ин... — Рэйнар с трудом выдавил из себя какой-то невнятный звук. Но она поняла. Узнала своё имя.

— Тихо, пожалуйста, Рэйни, — прошептала девочка, с трудом сдерживая слёзы. — Тебе нельзя говорить. Горло... оно должно зажить.

Он вдруг улыбнулся. Лирин никогда раньше не видела у брата такой странной улыбки. Она не была ни весёлой, ни грустной, ни какой-либо ещё. Просто улыбка. Пустая, как тело без души.

А потом Рэйнар сказал чётко и спокойно, не запинаясь, словно у него совсем не болело горло:

— Обещай мне одну вещь, Лирин.

— Какую?

Он сжал руку сестры.

— Попроси прощения за нас обоих.

Лирин почувствовала, что плачет.

— Не говори так, Рэйни. Ты выздоровеешь и мы вместе пойдём к нему. Мы должны вместе...

Брат покачал головой.

— Я не успею. Пожалуйста, обещай мне, Лирин.

И тогда девочка, всхлипнув, прошептала:

— Обещаю, Рэйни.

Он улыбнулся, теперь уже по-настоящему радостно, и закрыл глаза.

Два дня кряду Дэйнар не находил себе места. Чара, чувствуя его состояние, ходила по пятам и тихонько поскуливала. Пытаясь отвлечься, юноша бродил по лесу, собирая всё подряд, постоянно нырял в озеро, надеясь на то, что ледяная вода выгонит ненужные мысли.

Как там Рэйнар? Выздоровел?

И Лирин? Может, она пострадала сильнее, чем ему казалось?

Дэйн вздохнул.

Глупо. Зачем он думает о них? Рэйнар и Лирин всю жизнь бегали за ним, мечтая прибить, а он теперь беспокоится. Так нельзя.

— Скажи, нельзя же так, да, Чара?

Аксал, вздохнув, положила голову Дэйнару на колени.

— И тем не менее, я не могу перестать думать о них... Что же мне делать, Чара?

— Ф-ф-ф, — ответила она, и никто, кроме Дэйнара, не смог бы расшифровать эти странные звуки.

— Думаешь? — юноша озадаченно почесал подбородок. — Пожалуй, ты права. Вот только пришибить могут.

— Р-р-р, — Чара поморщилась, и Дэйнар рассмеялся.

— Точно, не так уж это и просто, особенно если учесть меткость моих сородичей. Итак, решено.

Юноша вскочил на ноги и негромко, протяжно засвистел. Почти тут же в воздух взмыли несколько десятков самых разных птиц. Возбуждённо чирикавая и хлопая крыльями, они зависли над Дэйном, поднимая с земли тучи пыли.

— Поможете?

— Чи-и-и-и!

— Фью-ю-ю!

— Пи-пи-пи!

Дэйнар кивнул и, напоследок наклонившись над Чарой, тихо сказал:

— Сиди здесь. Что бы ни случилось. Хорошо?

— Р-ры.

Юноша улыбнулся и, развернувшись, направился напрямик в деревню белых волков.

Страха не было. Возможно, потому, что он чувствовал поддержку. Птицы, большие и маленькие, летели за Дэйнаром, и юноша ощущал их. Его друзья и семья. Они не подведут.

Погода в тот день была жаркой. Солнце нещадно нагревало землю до состояния раскалённой сковородки и кипятило воду в водоёмах, на небе полностью отсутствовали облака, но Дэйн чувствовал приближение грозы. Он понятия не имел, откуда к нему приходило это знание, но так было всегда.

Возле входа в деревню юноша притормозил. Сердце на мгновение тревожно сжалось, и Дэйнар несколько секунд наблюдал за клубами пыли, медленно оседавшими возле ворот — туда только что на полном скаку въехал какой-то беловолосый всадник.

Наконец, вздохнув, Дэйнар зашёл в деревню.

К его удивлению, заметили горбуна не сразу. Виноват был, по-видимому, тот всадник. Несколько оборотней смотрели ему вслед, открыв рот, поэтому Дэйну поначалу удалось прошмыгнуть незамеченным.

Он быстро шёл по улицам деревни к дому родителей, ощущая на себе удивлённо-недоуменные взгляды. Нападать оборотни пока не решались, вели себя настороженно и враждебно. Сам Дэйн старался ни на кого не смотреть, просто шёл к своей цели.

«Какая глупая идея всё-таки, — вздохнул юноша, когда раздался первый оскорбительный крик. — Опять придётся убежать, так и не узнав, что там с Рэйни и Лирин. Наивно было думать, что мне удастся дойти до родительского дома, избежав тумачков».

От первого камня Дэйнар увернулся. Затем на нападающую на него группу оборотней спикировали птицы, и юноша побежал. Он надеялся, что в доме родителей его не будут бить только за то, что он спросит, как себя чувствуют брат с сестрой. В конце концов, Лирин наверняка рассказала, что Дэйн не виноват в ранении Рэйни.

Большой и острый камень ударил в спину, в самый центр горба, и Дэйнара пронзила резкая боль. Он споткнулся и упал, слыша, как забились, зачирикали птицы в небе, как они кинулись на его обидчиков, различил несколько отчаянных криков со стороны оборотней, и уже собирался встать, как ещё несколько камней ударили его по голове, спине и рукам.

— Остановитесь.

Наступившая вслед за этими словами тишина оглушила Дэйнара.

Что случилось? Голос был незнакомым. И это явно не дартхари. Но даже если бы это был он, как объяснить тот факт, что затихли даже птицы Арронтара?

Посреди полного молчания чьи-то негромкие шаги показались Дэйнару подобными грому и молниям. Юноша повернул голову и открыл глаза, но рассмотреть до сих пор ничего не мог — от удара камнем по затылку вокруг всё переливалось яркими звёздочками.

— Почему вы бьёте этого мальчика? — произнёс тот же голос. Он был спокойным и тихим, полным достоинства. Дэйнар понял сразу, что говоривший мужчина не привык бросать слова на ветер. Зато привык, чтобы к нему прислушивались.

Было ещё кое-что, и Дэйнар осознал это только после второй фразы незнакомца.

Его голос звенел от магии. Никогда раньше горбун не слышал ничего подобного. Колоссальное количество разнообразной силы переливалось, переплеталось в этом голосе, как нити в ткани.

— Кх-м... — откашлялся кто-то из оборотней. — Он горбун, господин.

Господин. Не зор. Вероятно, маг был человеком.

— Я вижу, — в голосе неизвестного мага Дэйнару послышался холод. — Я спросил, почему вы бьёте этого мальчика.

Оборотни молчали. Странно, но Дэйнар понимал — они почему-то боятся ответить на вопрос мага. Точнее, они боятся того, что этот маг может с ними сделать за подобный ответ.

— Всё ясно, — неизвестный вздохнул. — В Арронтаре ничего не меняется... Идите-ка отсюда, уважаемые зоры.

К удивлению Дэйна, все молча послушались. Но юноша удивился ещё больше, когда маг тихо, нараспев, сказал на древнем наречии оборотней:

— Улетайте в гнёзда, птицы Арронтара. Я обещаю, что позабочусь о вашем Хозяине.

И птицы, негромко прочирикав слова благодарности, действительно сорвались с мест и улетели в лес.

Как только вокруг никого не осталось, маг подошёл к Дэйнару и на мгновение коснулся прохладными пальцами ко лбу юноши. Пляшущие огоньки перед глазами, головокружение и боль в тех местах, куда попали камни, тут же исчезли, и он смог наконец разглядеть того, кто спас его от очередного сомнительного приключения.

Юноша никогда раньше не видел человеческих магов, кроме, конечно, врачей, которые не были сильными чародеями, но в любом случае Дэйнар не сомневался — тот, кто стоял сейчас перед ним, человеком не являлся. Он был соткан из магии, он был самой магией, он казался ненастоящим, нереальным... Дэйнар не думал, что это возможно — чтобы в ком-то было так много силы. Хотелось зажмуриться, потому что подобное количество магии слепило глаза.

Дэйнар не сразу заметил, что выглядит его спаситель тоже очень необычно — он был высок и беловолос, как некоторые эльфы, но

эльфом всё-таки не был. По длинному, узкому и красивому лицу было невозможно понять возраст мага, но Дэйнар почему-то не сомневался, что ему очень много лет.

Удивительнее всего были глаза. Ярко-голубые и светящиеся изнутри. Будто голубой огонь.

— Здравствуй, — сказал маг, легко улыбнувшись. — Как тебя зовут?

— Дэйнар, господин, — ответил горбун, не в силах даже наклонить голову в почтительном приветствии, так его заворожили глаза незнакомца.

— Мужественный... Тебе подходит это имя. А меня зовут Аравейн. И можно без господинов.

Дэйн, конечно, не был образованным оборотнем, но это имя он слышал. Все его слышали. Легендарный и великий маг, считавшийся бессмертным, близкий друг императора Интамара, объединившего земли Эрамира. Единственный маг, способный работать с абсолютно всеми Источниками силы.

Дэйнар почувствовал, что начинает глупо таращить глаза.

Между тем Аравейн подал ему узкую длинную ладонь и помог подняться с земли.

— Куда ты направлялся?

— К дому родителей, — ответил юноша настороженно. — Пару дней назад брата и сестру ранили аксалы, я хотел узнать, как их здоровье.

— Аксалов?

— Нет, конечно, — Дэйн удивлённо покосился на Аравейна. — Брата и сестры.

Лицо мага дрогнуло.

— Интересно... — прошептал он. — Очень интересно. Как зовут твоих брата и сестру?

— Рэйнар и Лирин.

— И ты за них... переживаешь?

«К чему он клонит?» — подумал недоумевающий Дэйнар, но тем не менее, ответил:

— Конечно, переживаю.

Ему кажется, или глаза у Аравейна действительно засветились сильнее?

— Пойдём, я провожу тебя к дому твоих родителей.

— Не стоит беспоко...

— Ещё как стоит. Тебе небезопасно находиться в деревне.

Юноша вздохнул и кивнул, признавая правоту мага. Ещё неизвестно, чем бы закончилась его сегодняшняя вылазка в деревню, если бы не Аравейн.

Дэйн думал, что к дому родителей они будут добираться в полном молчании, но новый знакомый удивил мальчика. Маг расспрашивал горбуна обо всём — где он живёт, чем питается, с какими Источниками может работать. Юноша отвечал правду, потому что не видел смысла врать. Да и не боялся он Аравейна.

В нём не было зла. Дэйнар чувствовал суть окружающих его людей и животных с самого детства, только не сразу понял, что именно он ощущает.

Возле дома Родэна и Мары юноша на миг остановился, пытаясь унять разбушевавшееся не на шутку сердце. Он волновался. Что, если отец и мать будут обвинять его в случившемся? Что, если Рэйни не выжил?

Дверь распахнулась, как только Дэйнар постучал. Стоящий на пороге слуга вздрогнул, увидев горбуна.

— Здравствуйте, — только и успел сказать юноша, шагнув в коридор, — могу я видеть...

— Дэйн!!

Подняв глаза, он увидел, как по лестнице, ведущей на второй этаж, сломя голову бежит сестра. Но у подножия Лирин перехватил отец.

— Стой, Лирин.

— Папа! — закричала девочка, пытаясь вырвать руку из железных тисков Родэна. — Я должна...

— Увести, — кивнул оборотень появившейся служанке, передавая ей Лирин. — И не выпускайте, пока я не разрешу.

— Дэйн!! — девочка успела крикнуть ещё один раз прежде, чем её увели в другую комнату. И если бы Дэйнар не был занят в тот момент прокручиванием в голове будущего разговора с отцом, то он бы непременно заметил, сколько отчаяния было в голосе сестры.

Зато это заметил Аравейн, вошедший следом за юношей. Он проводил взглядом скрывающуюся в другой комнате девочку и

нахмурился.

— Зачем ты пришёл? — холодно спросил Родэн, даже не подумав пригласить старшего сына пройти дальше в дом. На Аравейна он не обратил ни малейшего внимания, так как не отрывал взгляда от Дэйна.

— Я хотел узнать, как себя чувствует Рэйнар. Его сильно ранили, — тихо произнёс юноша, в который раз повторяя про себя: «Плохая идея — приходить сюда... Очень плохая».

Родэн сделал небольшой шаг вперёд, остановившись на расстоянии вытянутой руки от сына, и процедил:

— Уходи. Ты — наше проклятье. Нас перестали уважать друзья и соседи, когда ты родился. Ты приносишь одни проблемы и неприятности, Дэйнар. Если бы не ты, Рэйни и Лирин не пошли бы в Западный лес и не нарвались бы на аксалов. Если бы не ты, Рэйнар был бы жив!

Что-то надорвалось в тот момент в душе Дэйнара. Натянулось и лопнуло, заставив всё внутри задрожать.

Нет. Этого не может быть.

Нет!

Это просто сон, просто плохой сон... Сейчас он проснётся, и всё будет по-прежнему.

Но Родэн продолжал говорить:

— Ты это хотел услышать? Рэйнар не дожил даже до утра. Лирин всю ночь сидела с ним, держала за руку, до самой его смерти. И я не позволю тебе говорить с ней, Дэйнар. С этого момента ты — не сын мне и Маре. Мы отрекаемся от тебя. Да услышат меня боги.

Он стоял, не в силах пошевелиться или вымолвить слово. Отрекаются? Но... за что?

За то, что родился горбуном?

За то, что сбежал из деревни, лишь бы не досаждать своим видом другим оборотням?

За то, что спас Лирин от неминуемой смерти?

За то, что принёс раненого Рэйнара к дому, а не бросил умирать в лесу?

Дэйн сжал кулаки изо всех сил, стараясь справиться с эмоциями, и вдруг почувствовал лёгкое, успокаивающее прикосновение к плечам.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, уважаемый зор, — тихо произнёс Аравейн. — Но, насколько я знаю, оборотень, отрёкшийся от

клана, может покинуть Арронтар без разрешения дартхари. Это так? Я не был здесь очень давно, возможно, правила изменились?

— Нет, — ответил Родэн немного удивлённо, — всё осталось по-прежнему. Но... простите... вы кто?

— Это совершенно неважно, — усмехнулся Аравейн, сжимая левое плечо Дэйнара. — Абсолютно не имеет значения. Вряд ли мы с вами когда-нибудь ещё увидимся. Прощайте.

Маг осторожно взял горбуна за руку.

— Пойдём, мальчик.

Уже на пороге Дэйнар не выдержал и всё-таки обернулся к отцу.

— На самом деле вы отреклись от меня давно. Наверное, когда впервые увидели и не смогли полюбить таким, какой я уродился. «Урод» и «уродился» похожие слова, да? И я тоже отрекаюсь от вас. И никогда не переступлю порог вашего дома. У меня нет больше родственников.

В последний раз окинув взглядом равнодушную фигуру отца, Дэйнар вышел на улицу — навстречу обжигающему солнцу и незнакомому беловолосому магу.

— Зря ты так, мальчик, — прищурился Аравейн, как только горбун подошёл к нему. — Вдруг передумаешь? Мало ли, что может случиться. Жизнь длинная.

Дэйн фыркнул.

— Даже если я передумаю, неужели вы полагаете, передумают они? Сомневаюсь.

Маг ничего не ответил, только легко улыбнулся.

— И не называйте меня, пожалуйста, мальчиком, — Дэйнар постарался скрыть, насколько сильно его задело это пренебрежительное обращение, но Аравейн всё понял и так.

— Прости. Дело не в тебе, мне абсолютно все мальчиками кажутся. Я слишком давно живу.

— Насколько давно? — горбун поднял на мага заинтересованные глаза.

«Любознательный. Это хорошо. И потенциал огромный. Форс будет в восторге...»

— Не считаю уже. А то начинаю расстраиваться.

Дэйн рассмеялся.

— Не расстраивайтесь. Вы отлично сохранились.

— Стараюсь, — усмехнулся Аравейн, но сразу же посерьёзnel. — Скажи, ты не хочешь уехать отсюда?

Юноше показалось, что маг бросил тяжёлый камень ему прямо в лоб. Какой странный вопрос... И что на него нужно ответить?

— Уехать? Куда?

— А тебе не всё ли равно, Дэйнар? Не думаю, что ты отлично разбираешься в картах Эрамира. Могу обещать — там живут нормальные люди, которые не будут презирать тебя. А ещё я найду тебе хорошего учителя. Ты ведь хочешь учиться магии?

— Учиться магии?.. — прошептал Дэйн, не веря своим ушам. Неужели сбудется его мечта — стать магом?.. Неужели в него перестанут кидать камни?! Неужели не будут провожать презрительными взглядами?..

— Именно. Учиться магии.

— А... почему не вы?.. Вы не можете меня учить?

С точки зрения Дэйнара, это был очень наглый вопрос, но Аравейн, кажется, не рассердился.

— Я тоже буду учить тебя. Но я не могу остаться на десять лет в том месте, куда мы поедem. Там живёт мой друг, он тоже прекрасный маг, а главное — специализируется именно на той магии, которой тебя нужно обучать.

— Э-э-э... — протянул Дэйн. — Я думал, что владею Светом и стихией Воздуха...

— Не только. Да и как ты можешь судить о том, чем владеешь, ты ведь в жизни ни одной книги по магии не прочёл.

— Одну прочёл, — возразил юноша, потупившись. — Детскую сказку, в которой рассказывалось, какие бывают маги.

— Ну так что? Ты согласен уехать со мной?

Дэйнар резко выдохнул.

А потом выпалил, зажмурившись, будто собирался броситься в ледяную воду:

— Да.

— По вашим законам я могу увезти тебя либо после разрешения дартхари, либо если ты отречёшься от клана. Что ты предпочитаешь?

Горбун не колебался ни секунды.

— Отречение.

В классическом варианте отречение должно было происходить на игрищах, в присутствии всего клана и дартхари. Но в ответ на это замечание Дэйнара беловолосый маг лишь презрительно фыркнул.

— Позёрство. Единственное, что тебе нужно — Сердце Арронтара.

— Э-э-э...

Аравейн закатил глаза.

— Вы называете его Древним Камнем.

У Дэйна подкашивались ноги, когда он вместе с магом вышел на Великую Поляну и направился к Камню, который Аравейн почему-то предпочитал называть именно Сердцем Арронтара и никак иначе.

Камень был большим, со взрослого оборотня ростом, и почти белым, с лёгким желтоватым оттенком. Когда Дэйн положил ладони на его поверхность, ему показалось, что она слегка нагрелась.

— Я, Дэйнар, сын Родэна и Мары из клана белых волков, с этого момента и навечно, отрекаюсь от родных и всей стаи. С этого момента я перестаю считать себя оборотнем и прошу... э-э-э... подтвердить моё решение.

На словах «подтвердить моё решение» Дэйнар немного замешкался. Вообще-то подтверждать должен дартхари, но здесь его вроде как нет... Однако этот факт, казалось, Аравейна совершенно не смущал.

Когда Древний Камень засветился мягким, чуть желтоватым светом, Дэйнар понял, почему магу не требовался дартхари. Видимо, его отречение подтвердил сам Арронтар.

Но, честно говоря, лучше бы это сделал дартхари. Юноша не хотел отрекаться от леса. Только от стаи.

— И что теперь?

— Теперь? А теперь беги в свою хижину, вещи собирай. Я пока коня хорошего подыщу. Ехать... довольно долго.

— А Чару можно будет взять?

— Чару? — Аравейн, казалось, очень удивился. — А это кто такая?

— Аксал.

Маг вздрогнул.

— Ты приручил аксала?!

— Я не приручал. Она мой друг. Самый лучший.

Несколько секунд Аравейн молчал.

А потом вдруг улыбнулся. И улыбка эта была такой радостной, что Дэйнар даже оглянулся, ища её причину. Однако вокруг, кроме него, никого больше не было.

— Отлично. Просто прекрасно, — только и сказал маг, продолжая улыбаться. Пожав плечами, юноша отправился собирать вещи.

Что значит эта улыбка, он спросит у Аравейна по дороге. Ведь она вроде бы будет длинной.

Ну и хорошо. Чем дальше от Арронтара — тем лучше.

Вот только... Почему кажется, будто он что-то забыл? Почему так странно сжимается сердце?

Наверное, потому что он наконец всё понял и смирился. Ему нет места здесь. Нет и никогда не будет. Во всём Арронтаре не найдётся ни одного оборотня, кто бы любил Дэйна.

Значит, пришло время попытать счастья где-то ещё.

И больше не вспоминать глаза сестры в момент, когда она швырнула тот, самый первый, камень в Ночь Первого Обращения.

И уж тем более не вспоминать, какими эти глаза были в день, когда она родилась и, улыбаясь, тянула к Дэйнару маленькие ручки.

Они уехали вечером, ещё до заката.

Вещей у юного горбуна было немного. Основное место занимала Чара, которую он усадил в кусок плотной ткани, обёрнутой вокруг тела на манер сумки. Аксал ворчала, но всё понимала и терпела любые издевательства над собой.

Уезжали они через западные ворота. Дэйнар удивился, но ничего не сказал Аравейну. Пусть будет Снежная пустыня. В конце концов, столько песен Арронтара посвящено именно ей, так почему бы и нет?

Отправившийся на запад Дэйн так и не узнал, что случилось в ту ночь. Ведь если бы они с Аравейном немного повременили с отъездом, всё могло бы быть совершенно иначе. Но... как случилось, так случилось.

Лириин сбежала из дома. Это было несложно — девочку не особенно охраняли, полагаясь на её благоразумие.

Сломав голову она мчалась в Северный лес, веря, что сможет найти там брата. Она бежала, ориентируясь только на чутьё, обострившееся в тот момент до предела, потому что ночное зрение у оборотней работает только в зверином обличье, а перекинуться Лириин не могла. Она ещё не подчинила внутреннего волка, а на таких оборотней надевают специальные браслеты, блокирующие вторую ипостась, которые снимают только на игрищах.

Лириин чуть не свернула шею, несколько раз зацепившись ногой за корягу и полетев на землю со всего размаха. Но девочка не обращала на эти падения ни малейшего внимания.

Прошлой ночью она не смогла увидеть Дэйнара, потому что оплакивала Рэйни. Но теперь пора. Пора сделать то, что уже давно нужно было сделать.

Каким образом нашла хижину брата, Лириин толком и не поняла. Возможно, по запаху... а может, как-то ещё.

Но это было уже неважно. Потому что Дэйнара в ней всё равно не оказалось.

Девочка заметалась вокруг дома, не зная, что делать дальше, не веря. Куда он мог уехать? И как он мог?!

Она чувствовала, что брат уехал навсегда, и это причиняло Лириин такую острую, звериную боль, что девочка почти не могла нормально соображать. Упала на землю рядом с крыльцом и горько заплакала, запустив пальцы в почву.

Неожиданно хлынул дождь. Он с силой ударил Лириин в спину, словно напоминая обо всех камнях, брошенных в брата за эти годы, и девочка завывала.

Земля под её руками становилась всё рыхлее, всё податливее. Лириин запустила в неё руки уже по локоть, будто хотела спрятаться, скрыться от струй дождя, хлеставших её, как кнутом.

«Я заслужила. Заслужила».

Всё тело сжалось в один большой, страдающий комок, который выкручивали, как половую тряпку. И казалось, что этому не будет конца.

И она вспоминала... вспоминала, как однажды Дэйн починил её любимую куклу, когда Рэйнар, за что-то рассердившись на сестру, оторвал игрушке руку. Как он кормил её с ложки, а когда Лирин не хотела глотать, ласково улыбался и говорил: «Кушай. Ты должна стать большой и сильной». И после этих слов она послушно ела.

Она вспоминала, как он пел им с Рэйнаром колыбельные перед сном. Каждый день разную, никогда не повторялся. И голос его звенел, успокаивал и уносил в страну ярких детских снов...

— Прости нас, Дэйн, — прошептала Лирин, прижимаясь лбом к холодной, мокрой и рыхлой земле. — Мы всё вспомнили. И поняли, когда подросли. Но, наверное, слишком поздно.

Она совсем замерзла из-за этого безжалостного дождя и пронизывающего до самых костей ветра. Но уходить не хотела. Лирин чудилось — пока она лежит здесь, запустив руки в землю по локоть, её каким-то образом что-то связывает с Дэйнаром. И он почувствует эту связь. И вернётся.

Пальцы на руках уже начинали неметь, когда Лирин прошептала:

— Пожалуйста, пусть он вернётся. Помоги мне вернуть его, Арронтар. Я знаю, ты слышишь... Прошу, помоги вернуть Дэйна!

Как только она сказала это, ветер задул сильнее. Так сильно, что Лирин показалось — он хочет уничтожить её.

Но потом девочка расслышала в жутком гуле, стоявшем у неё в ушах, слова:

«Я не смогу. Не с-с-с-смогу. Не с-с-с-с-смогу».

Задохнувшись от неожиданности, она вскочила на ноги.

Вокруг неё стояла крошечная тьма. Девочка видела только, как волнуются кроны деревьев на фоне более светлого по сравнению с ними неба. И дождь... он по-прежнему нещадно хлестал её тело.

Лирин изо всех сил сжала кулаки и прокричала в пустоту:

— Я сделаю всё, что ты скажешь. Всё! Хочешь, забери мою жизнь. Только помоги вернуть Дэйна!

Она даже не замечала, как прорвавшиеся наружу когти впиваются в кожу ладоней, как сползают по запястьям и рукам тоненькие струйки крови.

Новый порыв ветра чуть не сбил Лирин с ног.

«Ты действительно с-с-с-сделаешь вс-с-с-сё?»

— Да!

Она кричала так громко, как никогда раньше. Но почему-то не слышала собственного голоса, словно его поглощало окружающее пространство.

«Мне нужно с-с-с-сердце. С-с-с-сердце. С-с-с-сердце».

На миг Лириин застыла, пытаясь понять, что значит этот странный ответ.

И когда она уже отчаялась сделать это, кто-то невидимый словно коснулся висков, вложив в неё это знание.

— Значит, сердце, — прошептала девочка, прижимая к груди грязные, окровавленные ладони. — Хорошо. Я согласна.

«Ты уверена?»

На этот раз голос не оглушил Лириин, просто прошептал вопрос ей на ухо.

— Уверена.

«Поклянис-с-с-сь».

Лириин подняла голову как можно выше и закричала:

— Я клянусь тебе, Арронтар! Отныне и навсегда моё сердце принадлежит тебе...

Яркая вспышка молнии ослепила девочку, и она вновь упала на землю.

Странно, но теперь она больше не казалась Лириин холодной — будто бы чьи-то тёплые, родные руки обняли её за плечи, утешая и успокаивая... Но это продолжалось лишь мгновение.

А потом сердце как кинжалом пронзили. Раз, и ещё раз... Лириин выгнулась, из глаз вновь брызнули слёзы. Но она была готова к этому, и лишь сжала зубы, чтобы не закричать.

Ей нужно привыкать. Теперь так больно будет долго... Очень долго.

«Я заслужила».

— Вернись, Дэйн. Пожалуйста, вернись... — прохрипела она, вцепляясь в землю онемевшими пальцами, и зажмурилась, почувствовав очередную вспышку обжигающе горячей боли в сердце.

Потерявшая сознание Лириин уже не видела, как в небо взмыло огромное облако — это были птицы. Они совершили большой круг над тем местом, где лежала девочка.

А утром, вернувшись в деревню, Лириин поняла, что всего за одну ночь перестала быть ара. Всю силу будто бы смыло тем безжалостным

дождём.

Глава 9

Рональда

Небо в пригороде Лианора отличалось от неба моего Арронтара. Ночью в Арронтаре почти всегда появлялись звёзды, яркие и большие, они завораживали меня своим загадочным мерцанием. Остальное пространство — бархатно-чёрное и непроницаемое, но если прислушаться, можно было различить тихий перестук ночных трещоток, хлопанье крыльев больших птиц-хищников и шорох травы под маленькими лапками зверьков. А ещё ночью в Арронтаре как-то по-особенному пахнет. Раньше я никогда не обращала внимания на этот запах. Пока не уехала...

Здесь звёзды не такие большие и яркие. словно это вообще другие звёзды, как будто я попала в иной мир. И ночью я толком ничего не слышала — ни трещоток, ни шелеста травы, ничего. Не зря этот лес, тянущийся от Лианора до Эйма, замка Повелителя тёмных эльфов, называют Тихим. В отличие от Арронтара, я почти не чувствовала его дыхания. И в ночном воздухе ничем не пахло. Ну, если не считать ароматов какой-то трактирной еды и дешёвого пива с вином.

Наше путешествие продолжалось уже две с половиной недели, и завтра мы должны были наконец завершить его, прибыв в Лианор. Всё это время Грэй гнал карету, как безумный, останавливаясь в придорожных трактирах только на ночь, и в итоге мы доехали до столицы на три дня раньше.

Выезжая из Арронтара, я не представляла, на что подписываюсь. Я, привыкшая жить в лесу, вынуждена была по восемь-десять часов в сутки трястись в карете. Закрытое пространство для любого оборотня — даже такого, как я — подобно пытке. В лесу ветер постоянно перегоняет запахи. Стоит только сосредоточиться на чём-то одном, как

он уже уносит этот аромат прочь и приносит другой. А здесь, в карете...

Уже через три дня я выучила наизусть все оттенки запаха тела Грэя. Я знала, как он пахнет, когда хочет спать, когда ему жарко, когда он выпьет пива... В последний раз такое было со мной, когда я сидела с Джерардом. Но Джерард был моим братом, а Грэя я знала всего пару дней. Поэтому поначалу необходимость постоянно находиться с ним в одной карете меня немного раздражала. Виду я не подавала, но каждый раз по прибытии в трактир немедленно бежала мыться, потому что мне казалось — я сама пахну Грэем с ног до головы.

Но постепенно отношение менялось. Не знаю, как и почему, но я вдруг стала замечать, что больше не испытываю раздражения, находясь постоянно рядом с ним. Я начала сравнивать оттенки его запаха с тем, что чувствовала когда-то в Арронтаре, и с удивлением поняла, что он напоминает мне аромат кислого молока и свежеиспечённого хлеба. И примерно через неделю поймала себя на мысли, что запах этого мужчины действительно перестал раздражать, наоборот, теперь он наполнял меня спокойствием и умиротворением.

Наверное, дело было в наших отношениях. Путешествуя в одной карете, без разговоров не обойдёшься, и я не могла не заметить, как деликатен Грэй, насколько он угадывает моё настроение и желание (либо нежелание) разговаривать о чём-либо.

Он очень много знал. Ботаника и зоология оказались, пожалуй, тем немногим, в чём у моего попутчика были пробелы. В остальном Грэй проявлял чудеса эрудиции. Он рассказывал мне о городах и странах, где он был, в том числе и о Мирнарии. А уж количество сказок и легенд, которые знал мужчина, просто потрясали. Я слушала его часами, и мне чудилось, что я читаю какую-то дивную, безумно интересную книгу.

Потихоньку, день за днём, я узнавала всё больше и о самом Грэе. Я узнала, что ему тридцать лет и что он был женат, но жена его умерла при родах. Эдвину, его сыну, недавно стукнуло четыре года. И именно из-за мальчика мы так мчались обратно в столицу — Грэй ужасно волновался за него.

В общем, я привыкла к Грэю, как привыкают к удобным домашним тапочкам или горячей ванне каждый день. Когда я в первом же трактире увидела такую, то чуть с ума не сошла — всё-таки шесть

лет мытья в ледяной воде сделали своё дело. А вот спать на обыкновенной кровати мне поначалу было неудобно, ведь я привыкла к своему «гнезду», сплетённому из веточек ирвиса, а эти пушистые перины превращали меня в кисель.

С остальными спутниками отношения у меня тоже сложились. Их я видела гораздо реже, чем Грэй, но и этих часов мне хватило, чтобы подружиться со всеми.

Бугалон с удовольствием рассказывал о традициях троллей, Лисс делился секретами обращения с чуждой мне стихийной магией, а Кирк, как оказалось, великолепно умел играть на тагире и знал уйму интересных песен. Эти песни были о любви, дружбе, долге и войне, и я даже запомнила несколько, чтобы потом напеть Дэйну во сне.

Я так боялась, что он больше не придёт ко мне. В первую же ночь после отъезда из Арронтара я леглась спать со стучащими от страха зубами и бешено колотящимся сердцем, и поэтому, наверное, долго не могла заснуть, ворочалась. Да и мягкая постель не добавляла мне комфорта с непривычки.

И когда я в конце концов забылась, то увидела во сне Арронтар.

Босая, я шла по пушистому зелёному ковру из вьюн-травы — удивительного растения с мелкими белыми цветочками, распускающимися почти постоянно в течение весны и лета. Эти цветочки распространяли вокруг себя тонкий сладковатый запах, и я, почувствовав его, тихо засмеялась.

Вокруг было много солнца, зелени и света. Необыкновенно много — лес будто светился, во сне он был ещё более волшебным, чем наяву.

Роса холодила босые пятки. Я огляделась, силясь понять, в каком именно месте Арронтара оказалась, но так и не смогла определиться. А потом, прижав руки к груди и зажмурившись, я прошептала, пытаюсь вложить в свой голос всю силу чувства, которое я в тот момент испытывала:

— Дэйн...

Почти сразу я услышала тихие шаги рядом с собой, и задрожала, когда знакомые ладони обняли мои плечи.

Я боялась открывать глаза. Вдруг он исчезнет, как только я сделаю это?

— Ты здесь? — прошептала я.

— Здесь, Ро.

— Почему ты не приходил вчера?

— Я... не мог.

— Я так боялась, что ты больше не придёшь. Ведь я уехала из Арронтара. Так боялась...

Несколько секунд он молчал.

— Я тоже очень боялся, Ро.

Я распахнула глаза и впервые за всё это время сама потянулась к губам Дэйна.

Мне было нужно почувствовать их сладость, их нежность и теплоту, услышать его тихий голос, спрашивающий меня, почему я плачу, ощутить сильные руки на своей талии...

— Ты ведь не уйдёшь? Не исчезнешь? — спросила я, обнимая ладонями его лицо.

Он улыбнулся и прижался щекой к моему лбу.

— Я думал, как только ты покинешь Арронтар, наша связь порвётся. Но я ошибся. Есть кое-что, не позволяющее ей пропасть. И я думаю, так будет и дальше. Поэтому мой ответ — нет, я не уйду, Ро.

Я с облегчением вздохнула и рассмеялась.

Смогу ли я рассказать о Дэйне кому-нибудь? Маловероятно. Да и объяснить, что он значит для меня, я вряд ли сумею.

— Тебя что-то беспокоит, Ро?

Он всё понял... почувствовал, как всегда.

Я закусила губу и огляделась. Солнечные лучи играли в кроне стоящего неподалёку дерева, и я наконец узнала это место — именно здесь стояли мы с Лирином перед моим отъездом. Только во сне отсутствовал дом дартхари.

— Лирином... рассказала мне кое-что до того, как я уехала. Ты знаешь, кто такая Лирином? — Я подняла голову. Мне показалось — в лице Дэйна что-то дрогнуло, будто тень какого-то чувства, но почти сразу исчезло.

— Знаю.

— Шесть лет назад я подарила ей дудочку. Я нашла эту дудочку рядом со своей хижинкой. Лирином попросила отдать её, когда увидела. Я думала, дудочку сделал тот, кто когда-то жил в хижине, и я не ошиблась. Но ещё он оказался её братом.

Дэйн поднял руку и погладил меня по волосам.

— Зачем ей понадобилась эта дудочка?

— Лирин надела её на цепочку и теперь носит на шее. Она сказала, что её брат был таким же, как я, и она тоже презирала его и бросала в него камни. Я спросила, жив ли он. И когда она помотала головой... — Я запнулась, в очередной раз вспомнив, что случилось.

Это было самое странное. В тот миг я изо всех сил вцепилась в обивку кареты, а когда разжала руки, то увидела, что вместо ногтей у меня — волчьи когти, оставившие в обивке десять аккуратных дырочек.

Выпускать когти, не обращаясь, умеют только самые сильные ара, тогда почему это произошло со мной?

— Что тебя так удивило? Ты ведь оборотень, Ро, — улыбнулся Дэйн, выслушав меня.

— Но...

— Никаких «но». Ты — оборотень. Даже то, что ты не прошла Ночь Первого Обращения, не может этого изменить. Просто твой внутренний волк до сих пор спит, но он не исчез и не умер. А в тот момент ты разволновалась, вот он и выпустил когти. Ничего необычного.

Я смотрела на Дэйна, вытаращив глаза. Ничего необычного?! Я всю жизнь считала, что не обладаю внутренним волком!

Заметив моё состояние, Дэйн вновь обнял меня покрепче и поцеловал.

— Не думай об этом, Ро. По крайней мере пока. Ещё не время. А когда оно придёт, мы подумаем об этом вместе. Хорошо?

— Я постараюсь.

Он сдержал слово и с тех пор приходил почти каждую ночь, а если не приходил, то каким-то образом умудрялся оставлять мне весточки. Я неизменно попадала в Арронтар во сне, и если Дэйн не приходил, гуляла по лесу. Но больше не волновалась. Если он обещал, что не исчезнет, значит, так и будет.

Я не знаю, как Грэй делал это, но он каким-то образом умудрялся нравиться всем. Любой трактирщик, взглянув на него, вдруг начинал улыбаться и выделял нам лучшие комнаты. Я и сама замечала, что иногда, когда Грэй разговаривает с кем-либо, я смотрю на него, испытывая исключительно положительные эмоции. Один раз я

спросила у Грэя, не маг ли он, но он лишь усмехнулся и отрицательно покачал головой.

В конце концов я оставила в покое эту загадку. В одном я была уверена совершенно точно — Грэй хороший человек. А с остальным я как-нибудь потом разберусь.

Сегодня была последняя ночь в придорожном трактире, уже завтра мы прибудем в столицу. Я стояла возле открытого окна и, любуясь на тёмное, бархатное небо, вспоминала эту поездку.

Она была замечательной. Всё было настолько душевно... Песни Кирка, болтливый Лисс с фокусами стихийного мага, серьёзный Гал и... конечно, Грэй. Он был связующей нитью.

Мы договорились, что в Лианоре я временно поселюсь в его доме, а потом, когда накоплю достаточно денег — в том, что я быстро найду работу, Грэй не сомневался — переселюсь в собственную квартиру. Меня это полностью устраивало.

Я вздохнула и прислонилась лбом к оконной раме.

Я соскучилась по Дэйну. Его не было уже два дня. Он оставлял мне подарки на поляне рядом с озером — вчера это был венок из лесных фиалок, а позавчера — сплетённая из веточек ирвиса фигурка волка.

И теперь я очень надеялась, что сегодня ночью он придёт. Мне о многом хотелось с ним поговорить. И не только поговорить...

Лёгкий порыв ветра шевельнул занавеску, принеся с собой невесть откуда взявшийся запах коры ирвиса и осенних листьев.

А потом талии коснулись знакомые и родные руки...

Я вздрогнула.

— Тс-с. Не оборачивайся. Нельзя.

— Дэйн?..

Он засмеялся, и я вздрогнула ещё раз.

Как же так... Я ведь не сплю...

— Да, это я. Не оборачивайся, милая Ро.

От его губ, легко целующих мою шею, я ужасно нервничала и едва держалась на ногах.

— Я не смог бы прийти сегодня, — шептал Дэйн между поцелуями. — Но ты зовёшь меня, я слышу.

— Громко?

— Очень. Но ты всегда такая громкая. — Он крепче сжал меня в объятиях, зарываясь лицом в мои волосы. Дэйн всегда делал так во сне, но...

— Это ведь не сон... — прошептала я, борясь с отчаянным желанием обернуться.

— Не совсем сон, так будет вернее, Ро.

Я уже начинала сходить с ума от этих его губ и рук. Ощущения были намного острее и ярче, чем во сне. Там всё казалось спокойнее и мягче, а здесь...

— Дэйн... кажется, я горю.

Он потёрся носом о мочку моего уха, и я хихикнула.

— Поверь, это всего лишь маленький огонёк.

— А оборачиваться почему нельзя?

— Тогда я исчезну. А ты так хочешь меня увидеть? — Его голос стал таким лукавым, что я поневоле улыбнулась.

— Конечно, хочу.

Он рассмеялся.

— Это хорошо. А теперь рассказывай свои новости. Что тебя беспокоит, Ро?

Я гордилась собой, потому что смогла собраться, несмотря на отвлекающие меня руки и губы Дэйна, и рассказать о событиях последних двух дней и моих опасениях по поводу будущей работы.

— Не торопись. И не волнуйся. Работа сама тебя найдёт.

— Но...

— Ро, мне нужно уходить сейчас. Но завтра я приду в твой сон, и мы всё обсудим более подробно, хорошо?

Я разочарованно вздохнула.

— Не грусти.

— Дэйн... А если я обернусь с закрытыми глазами, ты, возможно, исчезнешь не сразу?

Его смех пощекотал мою щёку.

— Кажется, я знаю, что ты задумала.

Он выпустил меня из рук, и я, зажмурившись, резко развернулась, чтобы секундой спустя поймать своими губами жаждущие, нетерпеливые губы Дэйна, и ощутить у себя в груди настоящий лесной пожар.

Поцелуй продолжался всего несколько секунд, а потом Дэйн исчез, растворился, оставив в моих руках лишь пустоту. И только бешено колотящееся сердце и горячие, искусанные губы напоминали мне о том, что всё это мне действительно не приснилось.

Мы въезжали в Лианор на рассвете. Ночью немного похолодало, поэтому я куталась в большой шерстяной платок, одолженный мне Грэм, и украдкой подносила кончики пальцев к губам, чтобы согреть их. Но тем не менее постоянно высовывалась из кареты, дабы не пропустить ни мгновения.

Именно сейчас, сегодня, начиналась моя новая жизнь. В этом городе, скрытом за белой каменной стеной, из-за которой уже начинало показываться ярко-малиновое рассветное солнце.

Гал сказал лишь пару слов стражникам у центральных ворот, и, к моему удивлению, карету свободно пропустили. Только мне пришлось записать своё имя в большой книге и там же поставить «кروавую метку» — проколов палец, приложить его к листку бумаги рядом с подписью. Я знала, что благодаря этим меткам тёмные эльфы, владеющие магией Крови, находят преступников и просто потерявшихся, но как именно работает подобная магия, не имела понятия. В любом случае, благодаря хорошим отношениям с тёмными эльфами император Эдигор Второй изрядно облегчил себе задачу по поиску и поимке преступников. Насколько я помнила, люди магией Крови не владеют. Впрочем, не только люди. Её практиковали лишь тёмные эльфы.

Засунув проколотый палец в рот, я залечила ранку. Ворота перед нашей каретой распахнулись, и мы въехали в столицу.

Как и положено обычному городу, Лианор в этот час почти спал. Я покосилась на карту, которую мне когда-то зарисовал Грэй, прослеживая наш путь.

На карте, нарисованной моим спутником от руки, столица напоминала огромный цветок. Бутоном был императорский дворец с большим парком, находящийся в северной части города. Стеблем — центральная и самая широкая улица, которую местные жители окрестили императорской, именно потому что шла она от городских ворот до входа во дворец. Эту улицу примерно посередине пересекала главная площадь, где находились храмы наших богинь — Айли и

Дариды. Наибольшее сходство с цветком придавали более узкие улочки, расходящиеся в две стороны от «стебля» — императорской улицы. Назывались они, на мой взгляд, не очень оригинально. Те, что были слева, носили имя Айли (первая улица Айли, вторая улица Айли, и так далее), а те, что справа — Дариды.

Поначалу Кирк ехал по императорской улице, никуда не сворачивая. Дома здесь были большими и каменными (а в Арронтаре всё строили из дерева), причём камень был только светлых оттенков. В основном двух- и трехэтажные, с крышами из красной и коричневой черепицы и небольшими балкончиками на верхних этажах, эти дома меня очень впечатлили. Особенно я удивилась, заметив, что в Лианоре принято высаживать цветы на краю крыши, чтобы растение, развиваясь, росло сверху вниз, и цеплялось отростками за кирпичики стен. В Арронтаре это никому в голову не приходило. Но, должна признать, выглядело симпатично. Обыкновенная вьюн-трава, а какой эффект.

Дороги во всём городе тоже были вымощены светлым камнем. И, наверное, это сочетание светлых оттенков подарило мне ощущение, что город не стоит на земле, а парит где-то в воздухе.

— Мне здесь нравится, — прошептала я, сжимая пальцами обивку возле дверцы кареты.

— Я так и думал, — рассмеялся сзади Грэй. — Но погоди, ты ещё не видела дом, в котором будешь жить. И императорский дворец.

Я многого не видела... И откровенно раскрыла рот, когда мы проехали главную площадь с храмами Айли и Дариды. Они были очень разными, но при этом настолько величественными, какими, наверное, и должны быть настоящие храмы.

В Арронтаре в каждой деревне имелись небольшие помещения, где благословляли новорожденных или отпевали мёртвых. Полноценными храмами их назвать было нельзя.

Проехав главную площадь, мы некоторое время вновь катили по императорской улице, но затем Кирк повернул карету направо. «Тринадцатая улица Дариды» — гласил небольшой, немного покосившийся значок на первом же доме.

Узкая в начале, эта улица затем расширялась, и почти в самом её конце, по правую от кареты руку, я заметила большой деревянный дом. Да-да, именно деревянный. Двухэтажный, из хорошего, крепкого

светлого дерева. Крыша, правда, тоже была черепичной, но в остальном дом был целиком деревянным.

На первом этаже, перед входной дверью, красовалась большая резная табличка, гласившая: «Мастерская «Дартор». Изделия из дерева для души и тела».

Я улыбнулась. Так вот почему дом выстроен не из камня!

— Интересно, внутри этой мастерской тоже всё деревянное? — хихикнула я. Но почти тут же чуть не подпрыгнула, потому что Грэй ответил:

— Скоро узнаешь. Именно здесь я и живу, — и, высунувшись из кареты, мужчина громко, залихватски свистнул.

— Ты бы потише, мой лорд, — услышала я укоризненный голос Бугалона. — Они, небось, спят ещё.

— Ага, как же, спят...

Как только Грэй засвистел, со стороны деревянного дома послышался жуткий грохот, словно внутри кто-то уронил разом целую кучу кастрюль со сковородками.

— Вот, слышишь? А ты говоришь, спят!

Гал не успел ответить — входная дверь распахнулась, и оттуда с диким визгом выскочило нечто маленькое и взъерошенное, метнувшееся молнией почти под копыта лошадям. Хорошо, что они успели остановиться.

Вслед за этим маленьким и взъерошенным из дома выбежала девушка. Лет пятнадцати-шестнадцати на вид, высокая, и с волосами настолько белыми, что они казались седыми.

— Эдди, стой! — завопила она, тщетно пытаясь поймать маленькую молнию, уже скакавшую перед дверью в карету.

Грэй, рассмеявшись, вышел наружу и сразу был едва ли не сбит с ног собственным сыном.

— Папа-а-а-а!

Ух. У меня даже уши на миг заложило.

Между тем Грэй, смеясь, подбрасывал мальчика в воздух, ловил, а затем снова подбрасывал. Ребёнок радостно хихикал и смотрел на отца счастливыми глазами, которые были точной копией глаз Грэя — такие же тёмно-карие, тёплые, большие. Да и в целом Эдвин оказался очень похож на своего отца, только более румяный и взъерошенный.

Когда я, улыбаясь, вышла из кареты, мальчик вдруг замер в руках Грэя, а беловолосая девушка посмотрела на меня с явным интересом во взгляде.

— Папа? Это... — начал ребёнок, но закончить фразу не успел — входная дверь вновь распахнулась, и на улицу шагнули ещё два действующих лица — гном и светлый эльф.

Парочкой они были забавной. Гном, толстый просто до безобразия, в ширину явно больше, чем в высоту, рыжебородый; и высокий, худющий до состояния «набор костей для супа» эльф с длинными русыми волосами. Не знаю, что длиннее — борода гнома или волосы эльфа.

Оба были осыпаны деревянными опилками с ног до головы. Видимо, это и есть мастера-резчики по дереву. Как интересно... Эльф ведёт дела с гномом? Ни за что бы не поверила. Гномы считаются искусными кузнецами, но никак не краснодеревщиками.

— Грэй! Явился, не запылится! — гном расхохотался, раскидывая руки в приветственном жесте. Ну и ручищи у него... Почти как у тролля.

— Очень даже запылится, Тор. Приветствую, мастер Дарт. — Грэй наклонил голову, по-прежнему не выпуская из рук Эдвина.

Как интересно... Мой спутник назвал эльфа Дартом, но разве у эльфов бывают настолько короткие имена? Или это сокращение? А может, прозвище?

— Знакомьтесь. Это Рональда, я писал вам о ней. А вон там, из кареты любопытная мордочка выглядывает — её хати по имени Элфи.

Я удивлённо покосилась на Грэя. Писал? Обо мне? Интересно, что именно.

— Очень приятно, — пробасил гном, кивнув. — А меня зовут Торгис, можно просто Тор.

— Рад знакомству, — голос у эльфа был нежный, звонкий и слегка дрожащий. — Мастер Дарт. Тоже можешь обращаться ко мне по имени, Рональда.

Беловолосая девушка вздохнула.

— Грэй, а мне они опять ничего не сказали, представляешь? Добро пожаловать, Рональда. Я — Араилис, можно Ари. Я иногда... хм... ошиваюсь тут. В качестве няни этого вот бандита. — И она ткнула длинным тонким пальцем в Эдвина.

Араилис... Я наморщила лоб. Имя явно эльфийское, только Ари не эльф, а человек. И сильный маг, к тому же. Сильнее Лисса.

Между тем Грэй вознамерился представить меня сыну, который до сих пор сидел на его руках практически в виде каменного изваяния. Эдди смотрел на меня, приоткрыв рот от удивления и выпучив глаза. Любопытно... я тоже кажусь ему настолько страшной, как своим сородичам?

— Познакомься, это Рональда. Она теперь будет с нами жить.

Я улыбнулась, подошла ближе и протянула мальчику ладонь.

— Здравствуй, Эдди. Если хочешь, можешь называть меня Ронни.

Несколько секунд он рассматривал моё лицо, будто что-то искал там, а потом протянул руку, коснувшись маленькими тёплыми пальчиками моей ладони. И улыбнулся.

Так искренне и радостно, как мне уже давно никто не улыбался.

— Ну, вот и познакомились, — услышала я словно издалека голос Грэя. — А теперь пойдёмте в дом. Надеюсь, тот грохот, который мы слышали до того, как на улицу выбежал Эдди, не был грохотом упавшего котелка с кашей?

— Нет, — фыркнула Араилис, забирая мальчика из рук мужчины.

— Наш маленький ураганчик всего лишь уронил чан с опилками. Видишь, в каком состоянии Тор с Дартом.

— Ага. Ничего страшного. Это постоянно случается.

Выясняя о состоянии готовности завтрака, никто не обратил внимания на то, как Эдди, шагая рядом с Ари обратно в дом, обернулся ко мне и прошептал, почти не разжимая губ:

— Я так рад, что ты вернулась.

Я перестала бояться своего детского имени благодаря Грэю. Мужчина начал называть меня Ронни ещё во время поездки, причём это получалось у него как-то само собой, очень непринуждённо, и почему-то совсем не вызывало во мне неприятных воспоминаний. Возможно, потому что рядом со мной находился всего лишь Грэй.

И сейчас, когда я назвалась так Эдвину, то ничего не почувствовала, кроме искренней симпатии к этому маленькому мальчику. Интересно, почему он столь странно на меня отреагировал? «Я так рад, что ты вернулась». Моё появление в Лианоре трудно назвать возвращением. Что Эдди имел в виду?

Пока я размышляла над этими странностями, мы вошли в дом.

На первом этаже моего нового места обитания находились кухня и столовая, а всё остальное место занимали мастерская и лавка деревянных изделий. Здесь так сильно пахло деревом, что у меня даже немного голова закружилась. Похожий запах всегда стоял в любом доме Арронтара, особенно в усадьбе дартхари.

Интересно, как он там? Две с половиной недели я старалась не вспоминать о нём, хоть это и было очень трудно. Быть может, я смогу узнавать хоть какие-то новости о Нарро через Грэя? Он близок императорской семье, а Эдигор, насколько я знаю, дружен с нашим дартхари...

— Сделаешь завтрак, Ари? — услышала я сквозь смятенные мысли голос Грэя.

— Почему я? — возмутилась она. — Только из-за того, что я женщина?!

— Давай я тебе помогу, — предложила я, стараясь быть дружелюбной. — Вдвоём быстрее управимся. Грэй, покажешь Элфи мою комнату? Пусть пока обживается.

Хати ткнулся прохладным носом мне в ладонь. Я чувствовала, что он опасается оставлять меня одну в чужом доме, поэтому успокаивающе погладила Элфи по загривку.

Грэй кивнул и, прихватив моего хати за ошейник (который мы, кстати, приобрели всего несколько дней назад в одной деревне, как дань традиции — в Лианоре всем собакам полагалось надевать ошейники), помчался наверх. Бугалон, Кирк и Лисс поспешили за ним, взяв из кареты наши вещи. Тор и мастер Дарт, переглянувшись, тоже направились на второй этаж.

— Опять опилок на ковёр насыплют, — пробурчала Ари, и я улыбнулась. Вот ворчунья!

— Показывай, где тут кухня, — сказала я, поворачиваясь к девушке лицом. — И что мы, собственно, будем готовить?

Напротив входной двери располагалась большая и широкая лестница на второй этаж. Именно туда ушли все наши спутники. В коридоре стояли несколько пар домашних тапочек и тяжёлых рабочих сапог, на вешалках висела кое-какая одежда. Левая дверь, насколько я понимала, вела в мастерскую и лавку. А правая — в кухню и столовую. Туда и повела меня Ари, тяжело вздохнув.

— Не любишь готовить? — поинтересовалась я, услышав этот тяжкий вздох.

— Терпеть не могу, если честно, — вновь пробурчала она, толкая тяжёлую деревянную дверь, за которой оказалась большая столовая с длинным (естественно, деревянным) столом и кучей стульев. Больше в комнате ничего не было, если не считать нескольких горшков с полусохшими цветами на подоконнике и парочки картин на стенах.

Располагавшаяся на противоположной стене дверь вела на кухню. И я, привыкшая к одной-единственной каменной печке, застыла на пороге с открытым ртом.

Нет, печка тут тоже была. В дальнем левом углу, сложенная из светлого камня и украшенная разноцветными... хм, наверное, стёклышками. Никогда не видела ничего подобного. Причудливо подобранные цветные стёкла вместе составляли абстрактный узор — очень красиво.

Ещё здесь стояли два больших шкафа с резными дверцами, потом плита, длинный стол, широкая раковина, и в конце концов то, что убило меня практически наповал — огромный магический холодильный шкаф!

— О-о-о, Дарида... — прошептала я, таращась на это чудо. Холодильные шкафы — вещь очень дорогая. Дороже мирнарийских ковров и самого лучшего гномьего оружия. Потому что делать холодильные шкафы умеют очень немногие маги. Вернее, их практически не умеют делать — это ювелирная работа, требующая огромных знаний, внутренней концентрации и практически безграничного магического потенциала.

— Нравится? — ухмыльнулась Араилис, похлопав это чудо по дверце. — Мама подарила Тору на день рождения примерно пятнадцать лет назад. Говорит, целую неделю его делала. Мощь у него — ого-го! А уж вместимость! Сейчас заценишь.

— А-а-а... — Я никак не могла закрыть рот и перестать таращиться. — А-а-а... У тебя и мама — маг?

Да уж, глупый вопрос. Ясное дело, маг, иначе Араилис не родилась бы настолько сильной.

— Конечно, — кивнула девушка, распахивая дверцы шкафа. — И мама, и папа. Ну, как?

Пробормотав что-то неразборчивое, я сделала шаг вперёд. О-о-о! Магом какого уровня надо быть, чтобы ТАК работать с пространством?! Внутри холодильного шкафа оказалась целая комната! С кучей продуктов — я заметила овощи, фрукты, молоко, сыр, мясо, банки с салатами и вареньем...

— Ари, — я закашлялась, — а как зовут твою маму?

Девочка лукаво улыбнулась и закрыла холодильный шкаф.

А потом ответила:

— Эллейн Грант.

И схватилась за живот от смеха, столь глупым, видимо, был вид в тот момент у меня.

— Познакомишь? — спросила я чуть позже, нарезаая сыр. Ари, меланхолично помешивающая кашу, фыркнула:

— Нет уж! Сама прилетит, если захочет. Впрочем, можешь не волноваться — она захочет.

— Почему?

Неожиданно Ари развернулась ко мне лицом и сказала совершенно серьёзно:

— Потому что тебя привёз Грэй. Всё, что имеет отношение к нему, важно для мамы. Очень важно. Грэй, конечно, ничего и слышать о ней не хочет, но она всё равно продолжает беспокоиться о нём.

— Что значит, он не хочет слышать о ней? — нахмурилась я и немедленно поплатилась за невнимательность, чуть не оттяпав себе палец острым ножом.

— То и значит, что не хочет. Они поссорились. Четыре года назад. С тех пор даже ни разу не разговаривали.

— А из-за чего?

Странно. Грэй такой миролюбивый, как с ним можно поссориться? За две с половиной недели у нас не было и намёка на конфликт.

Ари вздохнула и почесала нахмуренный лоб свободной рукой.

— Мама принимала роды у жены Грэя, Лил. Он ничего не рассказывал тебе о тех событиях, да?

— Нет, — я покачала головой.

— Ну, это понятно. И не расскажет, наверное. На Эдвине было проклятье. Проклятье забирающего жизнь, слышала о таком? Его

невозможно снять, и Эдди должен был умереть, но Лил попросила маму перебросить это проклятье на неё, чтобы Эдвин остался жив. И мама исполнила её просьбу. Понимаешь, Рональда? Ты сама лекарь, должна понимать.

Я отвела глаза.

Да, я понимала. Понимала их всех — и бедняжку Лил, которая отчаянно хотела, чтобы её сын жил, понимала Грэя, который ненавидел женщину, убившую его жену. Но я также понимала и Эллейн.

У лекарей принято спасать не детей, а рожениц. Но когда перед тобой лежит человек, которого ты искренне любишь, и он просит и умоляет спасти ребёнка... Принять правильное решение очень трудно. Да и что это такое — правильное решение? Я видела Эдвина. Неужели убить такого замечательного мальчика — правильное решение?

— Грэй кое-чего не знает. Мама не сказала, а у меня не хватило духу признаться. Может быть, тогда... Хотя, конечно, вряд ли... Кого я обманываю?.. — бормотала Ари.

Только я хотела спросить, что всё это значит, как девушка, выключив огонь в плите, накрыла кастрюлю с кашей крышкой и повернулась ко мне.

— Готово. А у тебя?

— Тоже. Позвать всех?

— Нет уж, сиди. Я сама, — и Ари, вложив в рот несколько пальцев, оглушительно громко свистнула. Почти так же, как часом раньше Грэй.

Хм... Кажется, здесь это универсальный способ общения.

Завтракать пришли все, даже Элфи, специально для которого я нарезала варёного мяса и бросила его прямо в горячую кашу.

— Ура! Еда, — воскликнул Грэй, садясь за стол. Ари, как обычно, фыркнула.

— Ну ты как будто голодал весь этот месяц.

— Нет, только последние пару часов.

— Обжора.

Я улыбалась, слушая эту перепалку. Забавная всё-таки она девочка. Интересно, Эллейн тоже такая ворчунья?

Я накладывала кашу Тору, когда все вдруг замолчали. И я, подняв голову, обнаружила, что Араилис сидит, выпрямив спину, и глядит перед собой, не мигая, а в её светло-голубых глазах будто туман клубится.

— Ари?..

— Тс-с, — шикнул на меня гном. — Не мешай. Она у нас прорицательница. Видит сейчас чегой-то.

В который раз за сегодняшний день я открыла рот от удивления.

Прошло несколько секунд, и девушка, встрепенувшись, вновь улыбнулась. Из глаз исчез туман, они стали ясными и совершенно обычными.

— Я здесь, — сказала Ари, глядя при этом почему-то на меня. — Давайте завтракать?

Все спокойно кивнули и принялись за кашу, даже не пытаясь узнать, что именно видела девушка. Я же, усевшись на своё место между Грэем и Бугалоном, тут же спросила:

— Ари, а что было в твоём видении?

Вместо Араилис ответил мастер Дарт:

— Она не скажет. Никогда не говорит.

— Почему? — я недоуменно подняла брови, и Ари поморщилась.

— Потому что знать будущее — неправильно. Ни к чему хорошему это не приводит. Ты начинаешь мучиться, думать, можешь ли его изменить, и если да, то как...

— А можешь? — поинтересовалась я, и Ари, услышав этот вопрос, взвилась чуть ли не до потолка:

— Вот! Я ещё ничего не рассказала, а тебе уже интересно, можно ли изменить будущее. Нет уж, никаких предсказаний. Я один раз только отступила от своих принципов, до сих пор последствия расхлёбываю.

Я разочарованно вздохнула. Как жаль... а мне так хотелось хоть раз в жизни услышать настоящее предсказание. Ужасно интересно, какими словами они произносятся и насколько точно сбываются.

Заметив мою реакцию, Тор рассмеялся.

— Да, такая она вредина, наша Ари.

— Я не вредина! Это вы с Дартом — вредины. Вечно мне ничего не рассказываете, дар мой проверяете. И про Рональду не рассказали,

наверное, реакцию мою хотели посмотреть, да? А Грэй, между прочим, это предвидел и мне отдельное письмо написал!

Не выдержав, я хихикнула. Возмущённая Ари была очень смешной и походила на большую взъерошенную птицу. Грэй, Эдвин и Гал тоже улыбались, а Тор и Дарт хитро переглядывались — вот заговорщики!

Кирка и Лисса за столом, кстати, не наблюдалось — разошлись по домам. Интересно, почему Гал не последовал их примеру?

— Ари, — вдруг сказал Грэй очень тихо и серьёзно, — у меня к тебе просьба. Я бы хотел завтра встретиться... с императором.

Все присутствующие вздрогнули. И только Араилис, казалось, ничуть не удивилась.

— Ты не могла бы связаться и предупредить?..

Девушка легко улыбнулась.

— Конечно, я скажу.

— Ты знала? — спросил мастер Дарт, глядя на Ари исподлобья. А когда она кивнула, вздохнул. — Ну и как после этого на тебя не злиться, скажи?

Араилис не успела ничего ответить — в разговор вмешался Тор:

— Грэй, ты передумал из-за Нарро?

Услышав это имя, я почувствовала, как похолодели ладони. А сердце, кажется, пропустило несколько ударов.

— Я пока не передумал. Да, я говорил с Нарро, но дело не только в этом... Ещё рано делать выводы.

Тор кивнул и обернулся к Ари.

— А тебя я всё-таки когда-нибудь удавлю, — сказал гном, впрочем, вполне дружелюбно.

— Кишка тонка, — подмигнула ему девушка, засовывая в рот сразу три куска сыра. Заметив мой удивлённый взгляд, она пояснила: — После видений всегда ужасно хочется есть.

— Ага. Понятно, — пробормотала я.

Кажется, скучно мне здесь точно не будет.

После завтрака я направилась в свою комнату: обжиться.

Поднявшись по лестнице, я увидела длинный коридор. Здесь не было почти ничего, кроме ковровой дорожки, светильников (да-да, тоже деревянных) и нескольких ваз. Опять с полусохшими цветами.

Что у них тут за беда с растениями? Безобразие, надо срочно всё полить.

Справа от лестницы обнаружилась библиотека, комнаты Грэя и Эдди (смежные), причём комната мальчика была завалена игрушками так, что мне немедленно стало понятно — ребёнок не убирался здесь как минимум с тех пор, как папа уехал. А может, и вообще ни разу не убирался.

Напротив комнат Грэя и Эдди, рядом с библиотекой, была комната Гала. Удивительно, но он тоже жил в этом доме. А я думала, принц Интамар выделил Грэю охрану только на время поездки в Арронтар. Оказалось, нет.

Слева от лестницы я нашла ещё четыре спальни — Тора, мастера Дарта, свою и гостевую. Точнее, это должна была быть гостевая спальня, но использовалась она преимущественно как чулан. Количество втиснутого в небольшое пространство хлама потрясло даже моё богатое воображение.

— Гости у вас тут бывают редко, да? — пробормотала я, разглядывая две кровати, сложенные вместе «бутербродом».

— Почему? — удивился Грэй. — Просто на ночь остаются нечасто. А если раньше и оставались, то ночевали в твоей комнате. Пойдём, посмотришь на свои владения.

А там было, на что посмотреть...

Два окна! О Дарида, как же это меня порадовало. Я люблю солнечный свет и большие окна, да и в моей хижине тоже было два окна. На полу — палас, сплетённый из... ирвиса. Некрашенный, что добавляло ему прелести. У левого окна — кровать, застеленная нежно-голубым покрывалом, и настолько большая, что на ней запросто поместимся мы с Элфи. Между окнами небольшой комод с зеркалом, у правой стены — письменный стол, стул и шкаф для одежды.

Сделав несколько шагов, я в нерешительности остановилась посреди комнаты.

Неужели это всё — моё?

Наклонившись, я провела рукой по покрывалу. Мягкое, плюшевое...

В этот момент из-под кровати вылез совершенно счастливый Элфи и громко тьякнул:

— Р-ры-ыр!

Нравится, значит. Я улыбнулась.

— Ну как? — в голосе Грэя слышалось беспокойство. — Всего хватает? На окнах ещё нет штор, но мы непременно купим и повесим...

— Грэй! — рассмеялась я, оборачиваясь к мужчине. — Всё просто идеально! Спасибо тебе. Огромное. Не знаю, зачем ты всё это делаешь для совершенно чужой меня, но в любом случае — спасибо.

— Нет никакого любого случая, — он ухмыльнулся. — Я тебе совершенно бескорыстно помогаю. Ладно, я пойду, хотел немного размяться, а то за время поездки у меня, кажется, уже все кости срослись между собой. Отдыхай, Ронни.

Кивнув, я закрыла за ним дверь и подошла к окну. И практически тут же замерла, в который раз за сегодняшний день открыв рот...

Невероятно.

Нет, даже не так. Волшебно. Потрясающе. Прекрасно. Восхитительно.

Утром вдали клубился небольшой туман, но теперь он рассеялся, и я смогла увидеть то, что он скрывал от меня — дворец императора.

Выстроенный из такого же светлого камня, каким были вымощены улицы, высокий, с узкими, уходящими в самое небо башнями, он, казалось, был невесомым и парил над городом. Величественный...

От восхищения у меня перехватило дыхание.

Башен я насчитала семь. Одна по центру, крупнее других, и по три сбоку. Все с позолоченными крышами и шпилями с флагами Эрамира. Красно-золотыми флагами. Солнце, отражаясь от этих флагов и шпилей, слепило мне глаза.

Зелёное кольцо императорского парка, окружавшего замок, прекрасно дополняло картину. Интересно, каково это — жить в подобном дворце? Надо будет спросить у Грэя, он же там вырос.

Эдвин оказался похож на Джерарда в детстве — рано вскакивал, зато днём спал два раза — после завтрака, а потом после обеда. И пока малыш видел утренний сон, Ари убежала по делам, мастер Дарт и Тор пошли работать в мастерскую, а Грэй и Бугалон отправились во внутренний двор, сказав мне, что собираются немного

потренироваться. Я спросила, могу ли приготовить обед, и Грэй закивал, явно очень обрадовавшись этому предложению.

В холодильнике я нашла всё необходимое для густого, наваристого мясного супа и овощного второго блюда. На сладкое решила испечь пирожки со свежими ягодами.

Через некоторое время, когда по дому начал разноситься запах мясного супа, на кухню заглянули мастер Дарт и Тор, и носы у обоих находились в состоянии возбуждённого подёргивания.

— М-м-м, — протянул гном, поглаживая живот.

— О-о-о, — закатил глаза эльф, дергая себя за волосы, полные опилок. Я засмеялась.

— Кто у вас обычно готовит?

— Когда как, — пожал плечами Тор. — Иногда Араилис сподобится что-нибудь состряпать, но это чаще всего жрать невозможно практически. Бурда какая-то недосолёная.

— А если Ари нет или она не хочет готовить, то что?

— Ну-у, — протянул эльф, после чего они с Тором подошли ближе и сели на стулья. — Иногда кашеварю я или Тор, но редко, у нас времени не хватает. И сил тоже. Грэй готовит ещё хуже, чем Ари, он ножом может запросто голову отрубить, но вот нарезать им капусту... Так что чаще всего это делает Гал. Он вообще повар отменный.

Я чуть на пол от удивления не свалилась.

Троль? Отменный повар?! Да они же вообще ничего не готовят, всё сырое едят, даже мясо!

Куда я попала?! Гном — резчик по дереву, троль — повар... Может, эльф окажется цирковым артистом? Они вроде этот вид искусства на дух не переносят.

— Чего ты так тарачишься? Ну да, Гал прекрасно готовит. Бывают же исключения из правил, Ронни, — усмехнулся Тор.

Несколько минут мы молчали. Я переваривала информацию и лепила пирожки, а Дарт с Тором, кажется, просто отдыхали.

Надо им шапочки сделать непроницаемые. А то полные шевелюры опилок. Представив, как эльф с гномом по вечерам вычёсывают опилки из волос и бороды, я чуть не захихикала.

— Значит, ты выросла в Арронтаре? — вдруг спросил Тор. Я кивнула.

— Да.

— И к какому клану ты относишься?

— Ни к какому. Я отреклась от всех шесть лет назад.

— Тогда — в каком клане ты родилась?

Я долепила пирожки, выпрямилась, вытерла рукавом пот со лба и ответила:

— Я должна была стать белой волчицей. Но так и не стала.

Тор с Дартом переглянулись.

— Знаешь, — сказал гном, — а меня всё детство пнём дразнили. И это только самое безобидное прозвище. За то, что я к металлу не знал, с какой стороны подойти.

— А я был доходягой, — усмехнулся эльф, — а ещё слабаком. Как думаешь, за что?

Я, и так застывшая от этих признаний, совсем растерялась.

— Ну... Ты худой.

— А ещё?

— Э-э-э...

— Сразу видно, что ты эльфов не встречала. Во мне мало магии, Ронни. Точнее, её практически нет. Худоба — это полбеда, есть и такие среди моих сородичей, но вот почти полное отсутствие магии... В общем, весело мне не было. В результате я ушёл и живу здесь уже лет... Хм... Тор?

— Тридцать пять лет прошло, дружище, — хлопнул Дарта по плечу гном. — Когда я пришёл, ты лавку уже пяток лет держал, а с тех пор ровно три десятилетия минуло.

Я смотрела на них, чувствуя, как теплеет в груди.

Впервые в жизни я вдруг подумала, что не одна такая. Я — не исключительна. И от этого мне почему-то стало легче.

Раньше я никогда не задумывалась над такими вещами. Но теперь...

— Грустно это всё, — тихо сказала я и поставила пироги в печь.

Мастер Дарт и Тор посмотрели на меня и одновременно пожали плечами.

— Да теперь уж не особо, — спокойно ответил гном. — У каждого свой путь. И ты волен сам выбирать его, не оглядываясь ни на кого. А если ты не такой, как другие, это не обязательно плохо.

Я улыбнулась, вспомнив Дэйна с его рассуждениями о «своей правде». Передо мной сейчас находились два ярчайших её

представителя. Немагический эльф и гном-краснодеревщик.

Хотя я про саму себя забыла. Интересно, как меня следует называть? Недо-оборотень? Нет, пожалуй, это мне не по вкусу.

Вспомнился дартхари. Как он тогда сказал... «Хорошая девочка с большим добрым сердцем». К горлу подступил комок, и перед глазами вспыхнуло лицо Вожака.

Не думай, Рональда, не смей думать о нём.

— Ну вот, — преувеличенно бодро сказала я, — пироги в печи, осталось сделать второе. Тор, дай-ка мне во-о-о-он те овощи, пожалуйста...

Столько хороших слов о своей стряпне я не слышала ни разу в жизни. Правда, Тор говорил мало, больше ел, но лицо его при этом выглядело так, будто к нему явилась сама Айли и пообещала выполнить любое желание.

Араилис вообще заявила, что после такого обеда она на кухню больше не войдёт, «ибо это кощунство и издевательство над окружающими».

Гал попросил рецепты, а после того, как я сказала, что импровизировала, посмотрел на меня с таким уважением, что я немедленно покраснела с ног до головы.

Мастер Дарт и Грэй хвалили больше всех, особенно усердствовал хозяин дома. Как сказал мужчина: «Эдди никогда столько не ел!»

Мне очень нравилось, что для Грэя его сын важнее всего на свете. Я видела, какими глазами он смотрит на Эдвина. И меня это очень радовало, наверное, потому что я подобным вниманием со стороны собственных родителей была совершенно не избалована.

Сам же Эдди, спустившись к обеду, сел не на своё место, а мне на колени, чем поразил присутствующих до глубины души. Кроме, естественно, Ари, на которую тут же стали с подозрением поглядывать Тор и мастер Дарт.

— Вообще-то он не любит чужих, — шепнул мне удивлённый Грэй, и Эдвин тут же вскинулся:

— Она не чужая!

Мои брови поползли вверх, Араилис хмыкнула, а Эдди вцепился мне в ладонь так, будто боялся, что его сейчас заберут. Но никто не стал этого делать, и ребёнок просидел на моих коленях весь обед. Как

же это было приятно! Мальчик обнимал меня и брал за руку, а я позволяла ему всё хотя бы потому, что мне отчаянно не хватало тепла и ласки.

После обеда Эдвин около получаса спал, а я разбирала вещи. И как раз, когда я закончила, в комнату постучалась Араилис.

— Ронни! Не хочешь погулять с нами? Мы с Эдди в это время обычно ходим в императорский парк. Там очень красиво.

— Да, конечно!

Я обрадовалась. Парк — это прекрасно! Мне, последние шесть лет обитавшей в глухом лесу, было очень трудно постоянно находиться в помещении, пусть даже таком, как этот замечательный дом.

До императорского парка оказалось рукой подать. Попасть туда мог любой желающий. Парк состоял из двух зон — для всех и собственно для императорской семьи. Вот вторая зона была, конечно, закрытой, а по остальному пространству можно было гулять, сколько заблагорассудится.

Не могу сказать, что мне очень понравился парк. Я привыкла к лесу и слегка недоумевала, наблюдая высаженные прямыми аллеями деревья и кусты, искусственные клумбы и вазоны с цветами, фонтаны из белого камня и так далее. Всё было очень красиво, но... живая природа намного лучше.

Здесь не было дыхания. Парк был искусственным, мёртвым. Нет, тут тоже жили птицы, росла трава, в деревьях шумел ветер, но... Я не знаю, как объяснить то, что я чувствовала.

Арронтар — живой лес. У него есть душа, сердце, голос. Прикоснёшься к земле — и кажется, что там, внутри, кровеносные сосуды. А здесь просто были высажены деревья и цветы. Красиво. Но не более.

Мы обосновались на одном пустом холмике. Какое-то время просто сидели, наблюдая за играющим мальчиком — Ари создавала большие прозрачные пузыри, которые разбегались от Эдди, будто котятка, а он пытался их поймать, — а потом вдруг тихо сказала:

— Я хочу рассказать тебе кое-что. Чтобы, когда придёт время, ты не осуждала меня. Можно?

Удивительно, но обычно бойкая Араилис в тот момент показалась мне робкой и нерешительной.

— Да, разумеется.

Девушка вздохнула и почему-то сжала кулаки.

— Мой дар предсказателя начал развиваться, когда мне было двенадцать. Я рассказала только своё первое видение, Ронни. Только одно видение. С тех пор никому и ничего, потому что... потому что результат этого рассказа бегаёт сейчас перед тобой за мыльными пузырями.

— Эдди? — Я наморщила лоб.

— Да. Я очень испугалась в тот день, когда увидела кровь и смерть в своём видении. И побежала к маме, конечно же... Я рассказала ей всё, что смогла вспомнить.

Ари повернулась ко мне и посмотрела в глаза.

— Я рассказала, что ребёнок Лил, жены Грэя, умрёт. Про проклятье я тогда ничего не поняла, видела лишь, что мама спасает роженицу, а новорожденный умирает. И Лил отказывается от пищи, всё время плачет, не разговаривает... И в конце концов я увидела её похороны. Много белых цветов и Грэя с пустыми глазами. А на следующее утро он повесился.

Меня передёрнуло. Не хотела бы я быть провидицей. После подобных видений можно и с ума сойти...

— Я часто думаю о том, что бы случилось, если бы я не рассказала маме. Не всё из того, что я вижу, сбывается. Многое, но не всё. Я и сама была напугана, и маму напугала. Я кричала, что ребёнок не должен умереть, что мама должна сделать всё, чтобы малыш жил... И она сделала. Лил мертва, Эдвин жив, и у Грэя последние годы были не менее пустые глаза, чем в моём видении. Он рассорился с императорской семьёй, ушёл из замка и ни с кем не общался с тех пор.

— Так вот почему все так застыли, когда он сказал, что хочет встретиться с императором, — протянула я понимающе. — Интересно, почему передумал.

— Когда-нибудь ты это узнаешь, не волнуйся.

— Да я и не волнуюсь. Но я не совсем понимаю, зачем ты всё это мне рассказала.

— Я знаю многое из того, что случится в ближайшее время. Но ничего не расскажу. Пожалуйста, не обижайся на меня за это. Я хочу быть твоим другом, но у меня есть принципы, от которых я никогда не смогу отступить.

Ветер пошевелил длинные белые волосы Араилис. Она смотрела на меня очень серьёзно и немного взволнованно, а я думала о том, что впервые в жизни кто-то выразил желание стать моим другом.

— Знаешь... я очень рада, что всё-таки уехала с Грэм.

Девушка улыбнулась. Кажется, она прекрасно понимала, что это значит.

— Элли! Элли! — вдруг закричал Эдвин, и Араилис, вздрогнув, посмотрела на небо.

Над нами кружили две большие птицы. Одна была серо-чёрной, а другая ослепительно белой. Сделав несколько кругов, они резко спикировали вниз, и не успела я даже глазом моргнуть, как в нескольких шагах от нас с Ари появилась очень красивая рыжеволосая женщина в тёмно-зелёном платье. Кажется, именно она была белой птицей, потому что вторая, серая, села ей на плечо.

Все оборотни красивы, как боги. Но эта женщина... Она была красивее всех, кого я видела раньше. Тонкая, какая-то прозрачная кожа, большие зелёные глаза, чуть вьющиеся волосы удивительного цвета — они были даже не рыжие, а какие-то алые. Словно кровь. Распущенные, они слегка шевелились на ветру, будто живые.

Но всё это я заметила спустя несколько секунд, потому что поначалу поняла лишь то, что передо мной находится самый сильный маг из всех виденных мной раньше. Эта женщина — словно оживший Источник силы. Магия была у неё в каждой клеточке, в каждом волоске, она лилась из неё в таком количестве, что на миг я глазам своим не поверила.

— Привет, мам, — тихо сказала Араилис.

О Дарида! Так это же...

— Элли! — подбежавший Эдвин обнял женщину где-то в районе коленок. Герцогиня Эллейн Грант, главный дворцовый лекарь его величества и автор моего любимого учебника по лекарскому делу, засмеялась и погладила мальчика по волосам.

— Привет, малыш. Как там папа?

— Хорошо! — Эдди возбуждённо запрыгал. — А у меня вон кто есть теперь, смотри! Правда, она замечательная?

Мальчик указывал пальцем на меня.

— Да, Эдди, правда. Она замечательная. — Герцогиня, подняв голову, приветливо улыбнулась. — Побегаеть, пока я буду

разговаривать по-взрослому с Араилис?

Ребёнок хихикнул.

— Чихвостить будешь?

— Разумеется, — и женщина, махнув рукой, создала на небольшом расстоянии от нас большую водяную горку. Когда Эдди, восторженно пискнув, ринулся туда, я почувствовала, как напряглась Ари.

Улыбка Эллейн показалась мне немного ироничной, как только она перевела взгляд с Эдвина на собственную дочь.

— Ну? — произнесла герцогиня вполне ласково, чуть наклонив голову.

— Я опять что-то сделала не так? — В голосе Араилис чувствовалась обречённость.

Эллейн вздохнула, а потом сказала ещё ласковей:

— Зачем ты наложила на конверт с письмом для императора заклятие непроникновения?

Ого. Заклятие непроникновения — магия высшего порядка. Запечатываешь письмо на конкретного человека — и никто, кроме него, не сможет его открыть. Звучит просто, а на деле не у всякого мага получится наложить подобное. У меня, по крайней мере, точно не выйдет.

— Ну так секретная же информация, мам.

— Секретная информация, — протянула Эллейн и усмехнулась.

— Скажи-ка мне, Араилис, ты уверена, что наложила обычное заклятие непроникновения?

Девушка напряглась.

— Вроде... да.

— Вроде или да?

— Да!

— Значит, ты не планировала того, что произошло во дворце императора?

— Э-э-э... — Ари, кажется, слегка смутилась. — Нет. А что-то произошло?

Эллейн сложила руки на груди.

— Разумеется. Иначе я бы разговаривала с тобой совершенно в ином тоне. Если бы ты планировала случившееся, я бы похвалила тебя, Араилис. Хуже всего не то, что ты решила наложить заклинание,

которое мы изучали только один урок, а то, что ты не подозреваешь о своих ошибках. Скажи, чему я тебя учила?

Удивительно — герцогиня ни разу не повысила голос, но при этом стыдно стало даже мне.

— Думать о последствиях, — вздохнула Ари.

— Вот именно. *Думать*, Араилис! Когда создаёшь заклинание, ты всегда должна представлять, к какому результату оно приведёт. Тебе шестнадцать, а не шесть. Ошибки очень дорого стоят, Араилис.

— Я поняла, мам.

Мне было уже очень любопытно, что всё-таки случилось с этим несчастным письмом.

— Значит, ты не предполагала, что конверт укусит дворцового управляющего за нос?

Я почувствовала, как в горле завибрировал смех.

— Что?! — воскликнула Ари. — Нет, конечно!

— И острые зубы у него выросли тоже без твоего ведома?

— Мам, но зачем Тадеуш вообще полез открывать письмо?! Оно ведь было для императора! Ему не нужно было совать свой длинный любопытный нос не в своё...

— Араилис! — впервые Эллейн немного повысила голос. — У императора в тот момент было собрание кабинета советников! Когда зашёл Тадеуш, Эдигор попросил его открыть срочный конверт. На письме не было маркировки. Это ты тоже не планировала, Ари? На подобных конвертах всегда ставится предупреждение о заклятии непроникновения!

— Ой...

— Я понимаю, ты до сих пор не любишь Тадеуша, но зубастые письма — это слишком даже для тебя. Но и это ещё не конец.

— Не конец?.. — простионала Араилис, и Эллейн хмыкнула.

— Представь себе. У конверта выросли ноги, и он сбежал! Императору пришлось срочно выгонять из зала советников и лично ползать под столом, пытаясь поймать твоё послание!

— О-о-о...

— И когда Эдигору всё-таки удалось поймать твоё зубастое творение, знаешь, что оно сделало?

— А-а-а?..

— Оно *самовоспламенилось*, Араилис!

У Ари, кажется, в этот момент волосы на голове зашевелились.

Я же, не выдержав, всё-таки засмеялась. Эллейн, на секунду взглянув на меня, слегка улыбнулась, и я тут же поняла, что она не так сильно сердится на дочь, как хочет ей это показать. И кажется, я догадывалась, почему.

Герцогиня, вздохнув, подошла к Ари вплотную.

— Вот видишь, Рональда, сила — это не главное. Гораздо важнее то, что находится здесь, — и Эллейн, подняв руку, постучала Араилис кулаком по лбу.

Я вновь прыснула.

— Перед Тадеушем и Эдигором потом будешь извиняться сама. Меня сейчас волнует другое. Что было в письме?

Араилис принялась рассказывать о решении Грэя увидеться с императором. Я заметила, что у Эллейн чуть расширились зрачки от волнения, когда она услышала эту новость. А её птица захлопала крыльями и легко клюнула женщину в щёку.

Эта птица была очень странной. И не только оттого, что я никак не могла определить её вид, хотя знаю наизусть всех пернатых обитателей Эрамира, но ещё и потому что у меня не получалось почувствовать её. От всех живых существ идёт энергия жизни, это нормально. А от этой птицы она почему-то не шла.

И глаза у неё были серыми и умными, как у человека. Может, это и не птица вовсе?

— Замечательно, Ари, — тихо сказала Эллейн. — Эдигор и Дориана так надеялись, что он передумает... Я скажу им и сообщу тебе время встречи чуть позже. Рональда, ты не могла бы прийти завтра вместе с Грэем?

— Куда? — не поняла я.

— Во дворец, разумеется.

Я посмотрела на Эллейн с изумлением. Интересно, зачем мне приходиться во дворец вместе с Грэем? Что я там забыла?

Губы герцогини чуть дрогнули.

— Я говорила с Нарро, — сказала Эллейн мягко, но моё сердце всё равно остановилось на мгновение. — Я знаю в общих чертах, что ты умеешь, но хотела бы посмотреть сама. Тебе ведь нужна работа? Я могла бы помочь. Даже если ты не устроишь меня в качестве одного из

сотрудников будущей школы, я помогу тебе подобрать что-нибудь подходящее.

Про школу я уже слышала. Грэй рассказывал, пока мы ехали в карете. Эллейн давно мечтала открыть школу для человеческих магов именно в Лианоре и активно искала помощников в этом нелегком деле.

Я относилась к идее Грэя устроить меня туда преподавателем скептически. Ну какой из меня преподаватель? Я не настолько хороший маг, кроме того, я не человек.

Но просто прийти и хотя бы пообщаться с Эллейн... Нет уж, подобного шанса я не упущу.

— Хорошо. Я приду.

— Замечательно, — улыбнулась женщина, а потом вновь повернулась к Ари. — Да, кстати, Араилис... Завтра вечером ты должна будешь показать мне письменный разбор собственных ошибок, допущенных при накладывании заклинания непроницновения на конверт с письмом для императора.

Ари застонала.

— Но, мам!

— Пришлешь мне отчет в запечатанном письме. — И Эллейн, вновь улыбнувшись, стала белой птицей и взмыла в небо. Серая птица последовала за ней.

Когда они обе скрылись с глаз, Араилис тяжело вздохнула, и я сочувственно коснулась её руки.

— Строгая она у тебя.

— Со мной по-другому нельзя, — протянула Ари. — Мой магический потенциал требует постоянного контроля. Если бы не муштра мамы и папы, я бы могла случайно полстолицы разнести.

— Тебя и отец муштрует?

— Ну, не так сильно, как мама. Да у него и времени на это меньше. Он ведь главный дворцовый маг и личный наставник всех детей в императорской семье. Мама их только лечит, а он ещё и воспитывает.

— Погоди...

Нет, куда я попала? Такого просто не бывает!

— Твой отец — Аравейн?! Аравейн Светлый, самый известный и сильный маг Эрамира?!

Девушка кивнула и громко рассмеялась, увидев моё ошеломлённое лицо.

Глава 10

Рональда

Через пару часов после того, как мы вернулись с прогулки, пришло письмо от Эллейн, в котором она сообщала, что нас с Грэем будут ждать завтра во дворце к одиннадцати часам.

Даже когда Ари официально объявила это за ужином, я долго не могла поверить. Я пойду в императорский дворец?.. Нет, вряд ли я увижу Эдигора Второго, но сам факт. Жаба-Рональда во дворце императора...

Ужин, кстати, приготовил Гал, и мне пришлось признать — слухи о том, что тролли не умеют готовить, преувеличены. Один тролль точно умеет.

После ужина Араилис ретировалась, заявив, что если она не займётся отчётом для матери, завтра ей надерут уши. Мастер Дарт и Тор, закрыв магазин и мастерскую, ушли в какой-то трактир. Как выразился гном: «Выпить пива после тяжёлого рабочего дня». К ним присоединился и Гал. Так что в доме остались только я, Элфи, Эдвин и Грэй.

Пару часов Эдди показывал мне свои игрушки, а я под шумок пыталась навести хоть какой-то порядок в комнате мальчика. Грэй, замечая мои попытки, лишь хмыкал. Элфи спал в кресле и изредка приподнимал голову, если слышал какой-нибудь резкий звук.

Но вскоре Эдвин начал клевать носом, и мы с Грэем отправили мальчика спать. Удивительно, но укладывался он абсолютно спокойно, без капризов и требований что-нибудь почитать на ночь. Вспоминая проблемного в этом плане Джерарда, я диву давалась.

Только когда мы вышли из комнаты Эдди, спустились по лестнице и сели на кухне рядом друг с другом, я поняла, насколько устала.

— Хочешь чаю? — тихо спросил мужчина. Я кивнула. — Я чай делаю хорошо, гораздо лучше, чем обыкновенную еду. Есть её

невыносимо, а чай ничего, нормально получается.

Я хотела сказать, что не представляю, как чай можно испортить, но решила не обижать Грэя.

— Зато ты мечами здорово махаешься, — улыбнулась я. Их тренировку с Галом я видела днём из окна. — Наверное, с самого детства этим занимаешься.

— Угадала. С пяти лет. Гал, правда, согласился скрестить со мной меч только после того, как я перешагнул порог двадцатилетия.

Я хмыкнула. Ну да, всё понятно, я бы на его месте тоже боялась размазать собственного подопечного по стеночке.

— Чего хмыкаешь? — Грэй улыбался, разливая по чашкам дивно пахнущую заварку. — Он не смог победить меня за полминуты, как рассчитывал. С тех пор почти каждый день тренируемся.

С тихим шипением кипятилок полился в чашки.

— Эдди очень похож на тебя, — вдруг сказала я, наблюдая за Грэем. В неяром вечернем свете мужчина выглядел гораздо трогательнее, чем обычно.

— Я знаю, — он протянул мне чашку, — Эдди ничего не унаследовал от Лил, кроме парочки родинок.

Я сделала большой глоток и зажмурилась от удовольствия.

— Ох... как вкусно. Спасибо.

Некоторое время мы сидели молча, наслаждаясь горячим чаем, а потом я решила...

— Можно мне кое о чём спросить тебя?

— Конечно, Ронни.

— Почему ты передумал? Я имею в виду завтрашнее посещение дворца.

Он понимающе улыбнулся, ничуть не рассердившись на меня за этот вопрос.

— Ари уже обо всем тебе рассказала?

— Не думаю, что обо всём. Ты ведь знаешь её характер. Умрёт, но не расколется.

— Да уж, — он засмеялся. — Она такая. Но это, я думаю, к лучшему. Ещё неизвестно, что может натворить человек, узнавший о себе какое-нибудь плохое предсказание.

— Школа Старших лордов, да? — Я прищурилась. — Ну-ка не переводи стрелки на другую тему!

Грэй смотрел на меня весело и немного лукаво.

О Дарида, как же я рада, что уехала с ним... В Арронтаре никто не смотрел на меня так. В Арронтаре я никогда не чувствовала себя обыкновенной, не отверженной. Я всегда помнила и о своём маленьком росте, и о полноте, и о жутком носе и больших губах.

Рядом с Грэем я забывала об этом.

— Хорошо, Ронни, я отвечу. Но тогда и ты ответишь на один мой личный вопрос, ладно?

— Договорились.

Мужчина вздохнул и вдруг посерьёзnel.

— Когда умерла Лил, я обозлился на весь свет. Разорвал все связи с императорской семьёй и попросил Дарта с Тором принять меня в этом доме. Да, не удивляйся так, мастерская и магазин принадлежат не мне, а им. Я здесь тоже временный гость. Четыре года мы с Эдди так живём, и все вокруг пытаются уговорить меня передумать. А Нарро... Он просто спросил, зачем я наказываю живых. «Помнить о тех, кто ушёл — наша обязанность, но не обязательно при этом наказывать живых», — так он сказал. Мы долго говорили — о смерти Лил, о моём отчуждении, об императоре... Нарро не пытался навязать своё мнение, он лишь задавал вопросы. И я понял, что всем от моего решения хуже. В конце концов, в смерти Лил виновата лишь Эллейн, а я своим поведением наказывал всех.

— Значит, общаться с ней ты по-прежнему не хочешь?

Грэй на мгновение отвёл глаза.

— Нет.

Мне почему-то стало очень больно в тот момент.

Я вспомнила слова Ари о предсказании. Нет, я тоже ничего не расскажу Грэю. Ему от этого знания легче не станет, скорее всего, он ещё и на Араилис рассердится.

— Теперь мой вопрос. Можно?

Я кивнула.

— Ронни, скажи... Ты любишь дартхари Нарро?

Если бы словом можно было убить, я бы умерла в тот миг, когда Грэй сказал это.

Мне показалось, кто-то наложил на меня заклятье оцепенения. Я не могла пошевелиться, не могла вздохнуть и даже моргнуть. Не говоря уже о том, чтобы отвечать на вопрос.

Грэй смотрел на меня, и его тёмные глаза были тревожными.

Откуда он знает? Зачем спрашивает? И что делать, если я не хочу отвечать? Не хочу даже думать о дартхари Нарро. Мысли о нём причиняют такую боль, что я с трудом дышу.

Я медленно поднялась из-за стола, отодвинув чашку с недопитым чаем.

— Я пойду... — губы онемели, но я всё-таки смогла сказать это. Точнее, не сказать, а прохрипеть.

Уйти мне не дали. Грэй встал и взял меня за руку.

— Прости.

И всё. Больше он ничего не произнёс, только одно слово.

Я долго смотрела на него. Так долго, что заболели глаза.

А потом всё-таки прошептала:

— Очень люблю.

Я впервые сказала это вслух, и мне почудилось, что за окном я слышу тихий голос моего леса, его ласковое дыхание, его благословение.

Наверное, я никогда не избавлюсь от призрака Арронтара в своих мыслях...

— Я пойду спать, Грэй.

— Спокойной ночи, Ронни, — тихо сказал мужчина, на секунду чуть сильнее сжав мои пальцы, и ласково улыбнулся.

Удивительно, но я нашла в себе силы улыбнуться в ответ.

Заснула я почти моментально, прижимаясь к тёплому боку Элфи. Я ещё не научилась спать на широких кроватях, поэтому часто лежала в позе зародыша, забывая, что запросто могу выпрямиться и даже раскинуть руки, если захочу.

Вот и сейчас я свернулась калачиком и, обняв одной рукой Элфи, закрыла глаза.

Как и всегда, я не заметила, как оказалась там, в Арронтаре. Ласковые солнечные лучи коснулись моей кожи. Я шла по мокрой траве, приминая её босыми ногами, в белом платье и с распущенными волосами. Почему я здесь почти всегда в белом? И босая очень часто. Не понимаю...

Я огляделась. В нашем любимом озере отражалось чистое небо, по которому плыли два одиноких полупрозрачных облачка, похожие по

очертаниям на птиц. Я подошла ближе, села на берегу и опустила ноги в воду.

Как же хорошо... и спокойно.

Дэйн пришёл немного погодя, сразу же обнял и уткнулся носом мне в волосы. Я улыбнулась, услышав, как он глубоко вздыхает.

— Чем же я пахну? — спросила я, поднимая голову и заглядывая в родные глаза.

Дэйн засмеялся, наматывая на палец локон моих волос.

— Ты пахнешь моей Ро.

— И на что похож этот запах?

Мне было ужасно интересно, потому что я никогда толком не могла понять свой запах, хотя чужие разбирала хорошо.

— На весеннюю листву, — ответил Дэйн, наклоняясь к моему лицу и легко прикасаясь своими губами к моим. — А ещё, совсем немного, на сахарную карамель.

Он наконец поцеловал меня по-настоящему, и на несколько минут я полностью потерялась, растворившись в нём, как в небе.

— Расскажи мне, как вы устроились в Лианоре.

— М-м-м... Может, потом?

Он рассмеялся.

— Нет, боюсь, если мы сейчас не сделаем перерыв, я так и не узнаю последних новостей. А я не уверен, что смогу прийти завтра, Ро.

Мне сразу стало грустно, но я постаралась справиться с собой и принялась рассказывать всё по порядку.

Пока я рассказывала, лицо Дэйна всё время менялось. Оно то становилось весёлым, глаза смеялись, то почему-то мрачнело.

Когда я закончила, он привлёк меня к себе, обнял и погладил по волосам.

— Будь осторожна, Ро. Тот, кто наслал проклятье на Эдвина, ещё не найден и цели его остаются неизвестными. Поэтому, прошу тебя, не доверяй всем без исключения. Конечно, Элли и Аравейн близко, да и Араилис неплохой маг, но всё-таки... Тогда, четыре года назад, они тоже были рядом, но проклятье, тем не менее, проглядели. Никто не всемогущ.

— А я и не знала, что она и Аравейн... ну, вместе. Они женаты?

— Да. Уже лет двадцать как. Слышать об этом ты и не могла, герцогиня в учебниках не пишет свою краткую биографию. Ты не

только этого не знаешь. Например, вряд ли тебе известно, сколько лет Эллейн.

Я глупо захлопала глазами.

— И сколько же?

— Шестьдесят. А вот возраст Аравейна, кажется, не известен даже ему самому. Но думаю, он её старше как минимум в десять раз. И то и в двести. Всё может быть.

Я хихикнула.

— Так он почти на ребёнке женился.

Дэйн посмотрел на меня очень серьёзно.

— Иногда настоящую любовь приходится ждать очень долго, Ро.

Что-то заныло у меня в груди, когда я заглянула в голубые глаза своего друга. Но Дэйн уже сменил тему.

— И вот ещё что... Когда ты уезжала, рассказ Лирин настолько взволновал тебя, что твой внутренний волк впервые пробудился. Хотя это, скорее, не пробуждение, а... ну, скажем, лёгкое подёргивание уха во сне. Тем не менее, это важно. Конечно, твой внутренний волк может вновь уснуть, как раньше, но может и начать просыпаться. И что будет провоцировать его, просчитать невозможно. Ты ведь помнишь, чем опасно неконтролируемое обращение, почему на юных оборотней одевают амулеты, запирающие вторую ипостась.

Я вздохнула. Да, дальше Дэйн мог и не объяснять, я ведь была лекарем и знала о физиологии оборотней, наверное, почти всё. Только вот ни в одной книге не описывался случай, подобный моему.

Обыкновенным оборотням запечатывали вторую ипостась на ритуале в храме Айли с помощью специального зелья. Происходило это в первый месяц после рождения. А зелье, которое давалось в Ночь Первого Обращения, нейтрализовывало действие предыдущего и вызывало трансформацию. Что будет, если не давать ребёнку того, самого первого, зелья? Книжки об этом умалчивали, но я думала, что всё зависит от конкретного малыша. Сильные духом дети наверняка смогут справиться со своим зверем. Но слабых всегда больше. Поэтому новорожденным запирали вторую ипостась, чтобы избежать трагедий.

По этой же причине несовершеннолетним, но прошедшим Ночь Первого Обращения оборотням разрешалось перекидываться в волков

только на игрищах, снимая с себя амулеты, под присмотром взрослых оборотней и Вожака.

Неподчинённый внутренний волк — это опасно. Он хочет драться, бить, охотиться и убивать. Хочет крови. Если неподчинённый зверь захватит контроль над телом оборотня, он может кого-нибудь покалечить, и даже отправить за грань. В такие моменты твоя человеческая сущность будто отключается, теряется способность соображать.

С несовершеннолетними на игрищах это случалось часто. Хотя подобное бывает и со взрослыми оборотнями, но тогда должно произойти что-то из ряда вон выходящее и шокирующее.

Именно поэтому после игрищ у меня всегда было полным-полно пациентов.

— Получается, если меня что-то спровоцирует, я могу вцепиться кому-нибудь в глотку?

— Ты ведь и сама всё знаешь и понимаешь. Никто не способен предугадать, как поведёт себя неподчинённый внутренний волк.

Я вздохнула.

— Как же мне быть?..

Дэйн думал несколько минут.

— Я могу кое-что сделать. Правда, это сложно, и я никогда не делал ничего подобного, но попробовать можно.

— Ты сейчас о чём?

— Я могу замкнуть твоего волка на себя.

Пару секунд я пыталась понять, о чём он говорит, но признала своё поражение.

— Как это?

— Любой волк — животное, Ро. И твой не исключение. Пока у него нет хозяина, потому что ты его ещё не подчинила. Если я замкну его на себя, он будет признавать меня своим хозяином. Это не то же самое, что подчинение. В этом случае он сможет проявить себя только с моего разрешения. Даже если тебя что-нибудь поразит, он будет спать.

— Так это же отлично!

— В чём-то да. Но, во-первых, я не уверен, что получится. Во-вторых, процедура предстоит неприятная. В-третьих, это всё равно временная мера. Настоящей хозяйкой своего волка останешься ты, и

рано или поздно он это поймёт. Поэтому нам нужно будет подчинить его тебе до того, как ты впервые обратишься.

Вот тут я по-настоящему удивилась.

— Но, Дэйн... Обычно же всё бывает наоборот. Сначала — обращение, потом — подчинение...

— Ро, обычно оборотни проходят Ночь Первого Обращения в двенадцать-тринадцать лет. И эти оборотни не являются магами, как ты.

— Но как мне подчинять своего волка, если он будет замкнут на тебе?

— Во сне, конечно. У тебя всё получится, я уверен.

Некоторое время мы сидели молча. Я думала над всем, что сказал мне Дэйн, закусив губу. Привыкнув к мысли о том, что у меня нет внутреннего волка, я пребывала в состоянии небольшого шока. А ещё не могла отделаться от мысли, что, возможно, и не нужно ничего делать? Ну, подумаешь, выпустила один раз коготочки. Может, он вновь уснёт, и всё?

Нет, так нельзя. Если не уснёт, я могу причинить вред Грэю или ещё кому-нибудь.

— Я согласна, Дэйн. Замыкай.

Он вздохнул, а потом взял меня за руку.

— Ро... Это очень странная процедура. Я буду вынужден причинить тебе боль. И в конце мне придётся разорвать сон, при этом пробуждение тебе не понравится.

— Дэйн, — я засмеялась, — в меня до тринадцати лет бросали камни, в том числе собственный брат. Меня тысячу раз хотели убить. Меня презирали собственные родители, я отреклась от клана и уехала из Арронтара. Ты серьёзно думаешь, что я испугаюсь какой-то там боли?!

Он улыбнулся, но улыбка получилась слишком грустной.

— Нет, Ро, милая моя, я так не думаю. Я просто не хочу причинять тебе её, и всё.

— Но это ведь необходимо.

— Да. Необходимо.

Дэйн встал, потянув меня за собой.

Когда я, выпрямившись, взглянула ему в глаза, то вздрогнула, настолько напряжёнными они были.

— Пожалуйста, выполняй все мои указания, даже если они покажутся тебе бредовыми. И постарайся не волноваться, расслабься. Мне сначала придётся разбудить твоего волка, замыкать неразбуженного невозможно.

Ой, зря он это сказал.

— Не волнуйся, — Дэйн поцеловал меня в лоб и развернул спиной к себе. — А теперь давай помолчим несколько минут, мне нужно сосредоточиться.

Я стояла лицом к озеру и старалась дышать ровно и размеренно, чтобы успокоиться. В конце концов мне это действительно удалось. Наверное, потому что я вдруг вспомнила — там, сзади, Дэйн. А если я не могу доверять ему, то и никому другому тоже не могу.

И когда я успокоилась, то вдруг ощутила лёгкое прикосновение Дэйна пальцев к своей шее. Он убрал в сторону волосы и... начал растёгивать платье.

— Расслабься, — прошептал он еле слышно, когда я непроизвольно напряглась. Я сделала три глубоких вдоха, стараясь унять разбушевавшееся сердце.

Дэйн медленно растёгивал крючки на платье, и когда достиг последнего, аккуратно стянул его с моих плеч. Я оказалась обнажённой до пояса.

По коже побежали мурашки.

Дэйн водил кончиками пальцев по моей спине, и от каждого его прикосновения у меня подгибались ноги. А когда к пальцам присоединились горячие губы, я почувствовала, как в груди что-то разгорается. В глазах же, наоборот, потемнело.

— Дэйн... — простонала я, не зная толком, что именно хочу сказать.

— Молчи, Ро, — тихо сказал он и поцеловал меня в шею. — Подними руки.

Я послушалась и подняла вверх немного дрожащие руки, чтобы тут же чуть не свалиться на землю, потому что Дэйн накрыл своими ладонями мою грудь.

Когда он начал осторожно ласкать её, я задрожала.

— Дэйн...

— Не думай обо мне, Ро. Подумай о своём внутреннем волке, — голос его был хриплым и слегка дрожал.

О ком?

Я вообще не могла думать. Я хотела только чувствовать.

Чувствовать эти ласковые, осторожные руки, обжигающие губы, осыпающие поцелуями мою спину и шею, ощущать запах коры ирвиса, осенних листьев и разогретой солнцем земли. Запах самого Арронтара.

Жарко. Особенно внизу живота, будто калёным железом кто-то прикасается.

— Давай же, Ро, я так долго не выдержу... — Дэйн спустил платье ниже и запустил руку между моих ног.

В тот момент случились сразу две вещи.

Первая — я задохнулась.

А вторая...

Что-то внутри меня зарычало.

И я почувствовала её. Маленькую волчицу. Она была совсем крошечной, но уже забавно топорщила белую шерсть и яростно сверкала ярко-голубыми глазами. Грозный комочек шерсти.

И как только я почувствовала её, Дэйн полоснул меня чем-то острым по шее.

Резкая боль заставила меня отпрыгнуть в сторону и зарычать, теряя на ходу платье. Волчица внутри взбунтовалась, почувствовав боль и запах моей крови.

Сделав шаг вперёд, Дэйн ударил меня по лицу. И ещё раз. И ещё! Я упала, чувствуя, что начинаю звереть. В глазах всё больше мутнело. Маленькая волчица, рыча, захватывала контроль над моим телом.

А он даже не давал мне опомниться, продолжая хлестать по разным частям тела, и боль была обжигающей.

В конце концов я, не выдержав, кинулась на Дэйна, уступив маленькой волчице своё тело, которое сразу же после этого показалось мне ловким и гибким...

Не успела волчица опомниться, как он скрутил ей руки за спиной и повалил на землю лицом вниз.

— Будешь меня слушаться?

Она зарычала.

Тычок в землю. Больно!

— Будешь меня слушаться?

— Р-р-р!!!

Вновь лицом в землю. Из носа хлынула кровь.

— Будешь меня слушаться?

Он сильнее. Намного сильнее. Большой. Не справится.

На этот раз она медленно кивнула.

— Кто твой хозяин?

Волчица заскрежетала зубами.

Тычок в землю.

— Кто твой хозяин?

— Ты! — почти выплюнула она это признание.

Тогда он перевернул её лицом к себе и, впившись в губы поцелуем скорее жестоким, чем нежным, принялся грубо ласкать окровавленное тело волчицы.

Она застонала и, выпустив когти, запустила их ему в спину, порвав рубашку. Кровь намочила ткань, потекла по пальцам и запястьям... Волчица выгнулась и заскулила, подставляя под его ладони свою грудь, которую он резко сжал.

— Если посмеешь высунуться без разрешения — накажу. Поняла?

Она кивнула и, зарывав, принялась рвать на нём одежду. Но одно движение — и её руки оказались прижаты к земле.

— Прости меня, Ро, — прошептал он и, нежно поцеловав в лоб мечущуюся и рычащую девушку, перерезал ей горло выпущенными когтями.

Глава 11

Рональда

Впервые в жизни я проснулась от собственного крика.

Пот ручьями струился по лбу, тело болело, будто меня били палками, в горле першило...

О Дарида! Горло!

Я схватилась руками за шею. Ничего, никаких следов. Но зачем Дэйн во сне перерезал мне горло?

Догадалась я почти сразу.

«Самый верный способ проснуться — умереть». Так было написано в книге про магию Разума.

Я вспомнила, как вела себя, когда волчица захватила контроль над телом, и поморщилась. Единственное, чего я в тот момент хотела — это близости с Дэйном. Хотя нет. Ещё я хотела убить его. Но желание принадлежать ему всё равно было сильнее.

Сплошные инстинкты. Кошмар. Надеюсь, у Дэйна действительно получилось замкнуть это белое и пушистое чудовище на себе. И пусть у меня болело всё тело, я несколько не сердилась на Дэйна — если он сделал так, значит, именно так и было нужно.

Кстати. Почему у моей волчицы голубые глаза? Жёлтые же должны быть... Странно.

Боль потихоньку отступала, будто уходила обратно в сон. Я медленно поднялась с кровати и подошла к зеркалу. Мне хотелось удостовериться, что на теле не осталось следов «побоев» Дэйна.

В зеркале отразилась... я. Такая же, как всегда. Маленькая, полная и жуткая. Нет, никаких синяков или открытых ран, только лицо чуть бледное.

И тут я заметила...

Волосы!

Каким-то невероятным образом они чуть изменили цвет, сделавшись из грязно-жёлтых золотистыми. Почти как у Дэйна! Но и это было не всё. Они стали гуще примерно в два раза!

Я ошеломлённо протянула руку и перехватила пальцами это богатство. Откуда столько?! И как это возможно?

Я покачала головой. Нет, я рада, потому что с такими волосами я выгляжу чуть симпатичнее, чем раньше, но всё же — странно. Завтра спрошу у Дэйна, если он придёт.

Неожиданно раздался стук в дверь, а потом в комнату заглянул Эдди.

— Почему ты кричала? — прошептал он, глядя на меня с тревогой.

Кто кричал? Я? Ах, да...

— Сон плохой приснился, — я улыбнулась. — Не волнуйся. А что, громко кричала?

Он не успел ответить — с той стороны двери раздались чьи-то шаги, а потом я услышала голос Гала:

— Ронни? Ты в порядке?

Ну вот. Надеюсь, я не весь дом перебудила. Хотя Дарт с Тором наверняка ничего не слышали, после трактира дрыхнут без задних ног. Бугалон, хоть и пошёл с ними, вряд ли много выпил — я уже знала, что он предпочитает сохранять голову ясной.

— В полном. Просто сон плохой приснился.

— Значит, помощь не нужна?

— Да, всё отлично.

Я увидела часть руки Гала, которую он положил Эдди на плечо, намереваясь увести мальчика, но ребёнок вдруг спросил:

— Дядя Гал, можно, я пока тут побуду?

Я обалдела, и тролль, по-видимому, тоже.

— Но, Эдди...

— Я не буду мешать! — Мальчик посмотрел на меня умоляюще. — Пожалуйста! Можно мне остаться?

Когда на меня с такой мольбой глядят маленькие дети, я не могу отказать.

— Конечно, можно, Эдди, — я улыбнулась и протянула к нему руки. К моему удивлению, Эдвин с радостью подбежал и действительно обнял меня.

— Ладно, — вздохнул Бугалон, закрывая дверь. — Присмотри за ним, Ронни. И не забудь, что завтра вы с Грэем во дворец идёте, так что не залёживайся.

— Такое, пожалуй, забудешь... — пробормотала я, усаживаясь на кровать и пристраивая Эдди на коленках.

— Очень страшный был сон? — сочувственно спросил ребёнок, обнимая меня обеими руками.

— Бывают и пострашнее, — я погладила мальчика по темноволосой голове. — Не переживай, я в порядке. А вот тебе нужно спать, Эдди, а не сидеть у меня.

— Так давай будем спать! Только я хочу остаться с тобой!

Я уже открыла рот, чтобы возразить что-нибудь, но потом подумала — а, собственно, что тут такого?

— Ладно, — сказала я и, прижав к себе маленькое тело Эдвина, легла на постель.

От него пахло мылом и молоком, и этот аромат немного напоминал мне запах Грэя. Но всё-таки от отца Эдди пахло иначе. Мужчиной, не мальчиком.

И как же оказалось приятно лежать так, в обнимку, и чувствовать, как Эдвин тихо сопит мне на ухо.

Сердце затопила нежность.

— Ты такая тёплая, — прошептал мальчик, касаясь лбом моей щеки.

Я засмеялась.

— Конечно, тёплая. Я ведь живая.

Он поднял голову и очень серьёзно посмотрел мне в глаза.

— Правда?

Станный вопрос. Но в тот момент я почему-то над ним не задумалась, а спокойно ответила:

— Да, Эдди.

Он радостно улыбнулся и обнял меня крепче.

— Хочешь, я спою тебе колыбельную?

— Давай. Папа иногда поёт, но у него плохо получается. У Ари получается лучше, но она всё время хочет побыстрее закончить, и у неё выходит совсем не колыбельная. Под такие песни танцуют.

Я хихикнула. Да уж, вполне в духе Араилис.

— Обещаю, я не буду торопиться.

Я подтянула поближе одеяло и накрыла нас с Эдди. А потом, поцеловав мальчика в макушку, запела.

*— Где-то ветер дует
И, листву целуя,
Хочет нам с тобой рассказать,
Как уснуть мечтает,
Над землёй летая,
В кронах ветер ищет кровать.
Сон ему не снится,
Он летать стремится,
Не устал совсем он летать.
Ты же, мой хороший,
Хоть вы с ним похожи,
Должен по ночам отдыхать.
Ты ложись в кроватку,
Сон увидишь сладкий,
Самый лучший увидишь ты сон.
Пусть тебе приснится
Тот, кому не спится —
Ветер, что в деревья влюблён.*

Эдди уснул очень быстро, и я почти сразу последовала за ним.

Последним, что я запомнила до момента, когда провалилась в сон, были ласковые объятия Эдди и запах тёплого молока. Мальчик прижимался ко мне так искренне, что я и думать забыла о своём «жабьем» прозвище.

Оно осталось где-то очень далеко. Там, куда я никогда не вернусь.

Утром нас с Эдди разбудил Грэй, напомнив мне о том, что к одиннадцати надо быть во дворце. Мы с мальчиком быстро умылись, оделись и спустились вниз. Все остальные, кроме Аралис, уже сидели за кухонным столом и завтракали.

— Доброе утро, — поздоровалась я, садясь напротив Грэя, рядом с Тором и Дартом. К моему удивлению, Эдвин вновь залез ко мне на колени.

Вместо ответа я услышала тишину и, подняв глаза, наткнулась на изумлённые взгляды присутствующих.

— Что ты с волосами сделала? — наконец пробормотал Грэй.

Я почувствовала, что краснею.

Незадолго до этого, расчёсывая свою гриву перед зеркалом, я поняла, насколько умудрилась измениться за одну ночь только благодаря волосам. Мало того, что они стали гуще и поменяли цвет, так ещё и выросли, и теперь коса у меня была не до талии, как раньше, а гораздо ниже. Заканчивалась она на уровне бёдер.

— Ничего не делала. А что, я настолько плохо выгляжу? — я смущённо уткнулась взглядом в чашку с чаем.

— Нет. Наоборот.

Видимо, меня решили не мучить, потому что вопросов о волосах больше не последовало.

Ближе к десяти часам мы закончили завтракать и начали собираться в императорский дворец. И когда Грэй с Галом тихо переругивались между собой, потому что тролль хотел идти с нами, а Грэй считал, что он должен остаться здесь и присмотреть за Эдди — именно в этот момент в дом в прямом смысле слова ввалилась Араилис.

— Простите, я опоздала! — крикнула девушка, зацепившись ногой за порожек в проёме входной двери. Чтобы не упасть, Ари схватилась за стоявшую рядом со входом вешалку для одежды — и в результате грохнулась на пол вместе с ней.

Мастер Дарт поднял к потолку страдальческие глаза, а Тор, вздохнув, сказал:

— Двадцать пять.

— Что — двадцать пять? — поинтересовалась я, стирая с щёк Эдди остатки каши салфеткой.

— В двадцать пятый раз Ари эту вешалку сносит. Мы с Дартом всё ждём, когда же она её окончательно разломает.

— Через две недели. Доволен? — буркнула Араилис, заходя на кухню. Но гном не успел ей ответить, потому что Грэй воскликнул:

— Отлично! Ари, останешься здесь, присмотришь за Эдди. А Гал пойдёт со мной и Ронни во дворец.

Я ждала возражений, но, к моему удивлению, девушка просто кивнула. А заметив мой удивлённый взгляд, пояснила:

— Мне сейчас лучше с мамой не встречаться. Впереди тяжёлый вечер, ведь я так и не поняла, где напортачила с тем заклинанием.

— Чего ты там опять натворила, расскажи, — хмыкнул Тор, и Араилис, вздохнув, начала рассказывать. Судя по лицам гнома и эльфа, слушать такие истории им было не впервой.

Минут через пять мы с Грэм и Галом, попрощавшись с остальными, вышли на улицу и направились во дворец. От нашего дома до него пешком было минут двадцать-тридцать.

Я нервничала. Причём даже не могла понять толком, почему. «Это ведь только Грэй идёт к императору, а не ты», — уговаривала я саму себя, но ничего не помогало.

— Не переживай, Ронни, — услышала я тихий голос Грэя, а потом почувствовала лёгкое прикосновение пальцев к своему плечу. — Там не случится ничего страшного. И уж совершенно точно никто не будет бросать в тебя камни.

Я рассмеялась. Действительно, чего это я? Здесь ведь нет оборотней, здесь никто не смотрит на меня с презрением, здесь... я по-прежнему никому не нужна.

— Ты тоже нервничаешь, Грэй, — вдруг сказала я, подняв голову и посмотрев мужчине в глаза. Он не стал отрицать.

— Да. Но у меня другая ситуация. Эдигор и Дориана... — он запнулся, и тогда я продолжила сама:

— Они для тебя — как родные.

Во взгляде, которым меня окинул Грэй, я почему-то заметила чувство вины.

— Да, Ронни. И я не общался с ними четыре года. Хотя они не имели отношения к смерти Лил.

Мы медленно подходили к большим кованым воротам из ярко-жёлтого блестящего металла. Здесь кончался общедоступный императорский парк и начиналась территория собственно венценосной семьи.

Ворота были заколдованы — я не могла толком рассмотреть, что происходит там, за ними, видела лишь взмывающий в самое небо белоснежный замок. Он был уже так близко, что казалось, протяни руку — и дотронешься.

Стоявшие возле ворот стражники поклонились нам и распахнули створки.

Вглубь вела широкая дорожка, посыпанная светло-бежевой галькой, которая затем постепенно расходилась на множество более мелких дорожек. И меня, несомненно, очень бы восхитила и ровная по высоте трава, и разноцветные клумбы, и большой многоуровневый фонтан, если бы не...

— Араэу... — прошептала я восхищённо, от удивления останавливаясь, как вкопанная.

Я никогда не видела это легендарное растение светлых эльфов, только читала о нём в книгах. Небольшое, обманчиво хрупкое деревце с серебряной корой, вечнозелёное и вечноцветущее светло-розовыми (или светло-голубыми) цветами, считалось обладающим душой.

Не обращая больше внимания ни на Грэя, ни на Бугалона, я метнулась вперёд — туда, где у подножия небольшой, но широкой лестницы, ведущей в замок, росла араэу.

— Ронни, стой! — я ещё успела услышать крик Грэя, но поздно — протянув руку, я прикоснулась к серебристой поверхности дерева.

Мне тут же показалось, будто кто-то выключил весь свет. Полностью исчезли звуки и запахи. Я чувствовала только тёплую кору араэу, пульсирующую под моей рукой.

А потом кто-то звонко, напевно рассмеялся, и я потеряла сознание.

Я была ветром.

Я была разлита в его дыхании, я летела вместе с ним... туда, где навсегда осталось моё сердце.

Кроны деревьев, блеск водной глади, запах трав... И вот, наконец, я нашла то, что искала.

Спустившись, я ласково пошевелила невидимыми пальцами прядь алых волос, коснулась носа с россыпью мелких веснушек, поцеловала в щёку...

Маленькая девочка рассеянно потёрла её рукой и чихнула. Я улыбнулась и легко дунула ей в лицо, взъерошив чёлку.

— Ты чего чихаешь, малыши? Простыла? — услышала я вдруг позади себя знакомый голос и, обернувшись, застыла.

Память возвращалась.

Разве я могу забыть его? Нет, никогда.

Дартхари Нарро, ласково улыбаясь, опустился перед девочкой на одно колено и стёр пятнышко грязи с её щеки.

— Нет. Это ветер. Он опять играет со мной, — ответила она, подняв глаза к небу, будто надеялась что-то там увидеть.

— Так и должно быть, — сказал Нарро.

У меня в груди всё горело и болело, когда я смотрела на него. А ещё... что-то было не так, как всегда. Но вот только у меня не получалось определить, что именно.

— Почему?

— Он говорит только с теми, кто умеет слышать.

Девочка в задумчивости почесала кончик носа.

— И с мамой?

В глазах Нарро я заметила боль. Он вдруг подался вперёд и обнял девочку, погрузив большие ладони в её длинные волосы, так похожие на свежую кровь.

— Конечно. Твоя мама лучше всех умеет слышать ветер, малыши.

— Ронни!

Кто-то тряс меня за плечо. Я моргнула, и видение окончательно отступило.

Я по-прежнему стояла рядом с араэу и прижимала ладонь к коре. Странно... Я никогда не слышала, что это дерево вызывает галлюцинации.

— Ронни!

Я обернулась и улыбнулась обеспокоенному Грэю.

— Всё хорошо. Я просто задумалась.

Он с тревогой рассматривал моё лицо.

— Точно?.. Наша араэу обладает... хм... не очень покладистым характером. Может и веткой по лбу ударить. На моей памяти она только к Нарро благосклонно относилась.

Я сглотнула.

Но спросить ничего больше не успела: дверь замка открылась, и по лестнице начала спускаться Эллейн. Грэй сразу напрягся, а вот Гал, наоборот, расслабился, и даже слегка улыбнулся герцогине.

— Добро пожаловать, — сказала она, останавливаясь в паре ступенек от нас троих. — Грэй, император уже ждёт тебя в кабинете. Гал, тебе придётся подождать в малой гостиной. А Рональда пойдёт со мной.

Пока Эллейн говорила, я смотрела на неё, затаив дыхание.

Алые волосы! Такие же, как у девочки в моём видении. Вот только тот ребёнок точно не может быть герцогиней.

Я так задумалась об араэу и странном видении, что не сразу сообразила — мы уже в императорском дворце. А когда сообразила, начала оживлённо оглядываться по сторонам.

Нет, я не хотела бы здесь жить. Красиво, конечно. Повсюду дорогой, преимущественно светлый, камень. Лестница широкая, устланная красно-золотым ковром, везде стражники в мундирах, слуги снуют туда-сюда, почтительно приседая при виде Эллейн. Или Грэя? Я так и не поняла, кому они выражают своё уважение.

Всё здесь было такое величественное, что я поневоле почувствовала собственную незначительность. Подобная роскошь не для меня. Я больше люблю лес, кресло, сплетённое из ирвиса, деревянный дом...

Когда же я перестану сравнивать всё с тем, что у меня было в Арронтаре?

— Ронни, мне сюда. Я приду за тобой, когда закончу общаться... с императором. Не уходи без меня, хорошо?

Я кивнула. Грэй на мгновение коснулся рукой моего плеча, а потом обернулся и, махнув Галу, скрылся в одном из коридоров. Троль последовал за ним.

Оставшись без своих спутников, я почувствовала себя ещё неуютнее, чем раньше.

— Пойдём, Рональда. Нам на этаж выше.

Парой минут спустя перед нами распахнулась резная деревянная дверь, явив моему взору длинное, но не очень широкое помещение с двухъярусными шкафами, уставленными книгами.

Библиотека. Здесь пахло кожей, книжной пылью, деревом и ещё чем-то неуловимым, чем обычно пахнут страницы старых книг. Такой же запах всегда стоял в библиотеке усадьбы дартхари.

Из мебели в комнате были только два стола, поставленные в ряд друг за другом, несколько кресел и диван. Я подняла глаза к потолку и едва удержалась от удивлённого возгласа — он был расписан, и над ним явно работали лучшие художники империи. Разделённый на небольшие зоны, каждая из которых была посвящена своей расе, он казался настоящим произведением искусства.

— Это малая императорская библиотека, — сказала Эллейн, подходя к первому столу и пододвигая к нему пару кресел одним мановением руки. — Есть ещё большая, но она в другой башне. Советую тебе сходить туда как-нибудь. Садись, Рональда.

Я расположилась в кресле напротив герцогини и ответила:

— Кто же меня пустит в императорскую библиотеку? Туда же нельзя прийти просто так.

— Да, ты права, просто так нельзя. Но тебе можно, поверь. Независимо от того, возьму я тебя на работу или нет.

— Почему? — я удивилась.

На её губах появилась лёгкая улыбка.

— Ронни... можно называть тебя так? — дождавшись кивка, она продолжила: — Ты — гостья Грэя. А он очень близок императорской семье. Так что с посещением библиотеки проблем быть не должно. Но давай наконец перейдём к делу.

Как только Эллейн сказала это, я почувствовала лёгкий укол волнения.

Но потом посмотрела герцогине в глаза... И утонула в них. Зелёные, как листва в Арронтаре летом, они были спокойными и ласковыми.

— Дай руку.

Я протянула Эллейн ладонь, и она накрыла её своей. В ту же секунду я почувствовала, как сквозь каждую пору в коже льётся чужая сила. Она осторожно касалась моей, не причиняя ни боли, ни вреда.

Глаза Эллейн вспыхнули изумрудным светом, а потом она отпустила мою руку.

— Хорошо. Я всё поняла. Свет и Тьма, средний уровень. Всё, как и говорил Нарро. Я знаю, что ты умеешь, как лекарь, видела программу твоего обучения. Более того, я сама помогала её составлять.

Вот тут я удивилась. Эллейн помогала составлять программу моего обучения?.. О Дарида, если бы я знала!

Видимо, что-то было написано на моём лице, потому что герцогиня рассмеялась.

— Ронни, я не могла не заинтересоваться девочкой, ради которой Нарро лично приехал в Лианор за моим учебником. Конечно, я помогала ему. Ваш дартхари — один из моих самых близких друзей.

Ну зачем? Зачем они все постоянно его упоминают?..

— Как он там? — тихо спросила я, пряча глаза.

Эллейн почему-то промолчала, и когда я, выждав несколько секунд, подняла голову, то наткнулась на её понимающий взгляд.

— Меня в первую очередь интересуют не твои умения, как лекаря, и не уровень владения Светом и Тьмой. Мне нужен маг Разума, Ронни, — наконец произнесла герцогиня, так и не ответив на мой вопрос про дартхари. — Очень нужен. Нарро не стал рассказывать, что ты умеешь, а я очень хотела бы это понять. Поэтому... попробуй сейчас заставить меня сделать что-нибудь. Подчини меня.

Заметив мою неуверенность, Эллейн улыбнулась.

— Не бойся. Вряд ли ты добьёшься успеха, меня непросто подчинить. Но я хочу понять твой уровень. Это единственный способ.

С того дня, как дартхари Нарро подарил мне ту рукопись о магии Разума, я читала её почти каждый день. Изучала, тренировалась, экспериментировала... Конечно, я гораздо больше внимания уделяла урокам Карвима, потому что магия Разума, в общем-то, бесполезна в лекарском деле. За редким исключением, когда нет обезболивающего или твой пациент сумасшедший.

Автор рукописи утверждал, что подобная магия — это благословение земли, на которой родился маг. Получалось, что меня этим даром наделил Арронтар. Или проклятьем, тут уж как посмотреть.

Теоретически, зачатки магии Разума есть почти у каждого чародея. Например, мыслеречь, с помощью которой маги общаются

между собой мысленно. Это ведь чистейшая магия Разума. Да и вообще, самые известные открытия в магической науке делали именно маги Разума, так как они — что-то вроде учёных, только в среде волшебников.

Если сравнивать эту магию с любой другой, отличия будут очевидными. Никакого Источника. Сила Разума не может иссякнуть, пока сам маг либо не свалится от усталости, либо его не ударят чем-нибудь по голове, чтобы сознание потерял. Но и само влияние подобной магии тоже отличается от других. Например, нельзя с её помощью создать радугу, разжечь огонь или распилить дерево. Магия Разума имеет только одну цель, и эта цель понятна из названия. Она рассчитана только на живых существ.

Именно поэтому птицы и звери Арронтара так любили меня. Я воздействовала на них своей магией, поначалу даже не осознавая этого.

Магия Разума, по-моему, самая страшная вещь, которая только может быть. Наверное, поэтому подобные маги настолько редки. И никаких пособий по ней я так и не нашла. Кроме того, которое мне подарил дартхари.

Я никогда не использовала магию Разума во вред кому-либо. Но знала, что это возможно. И сейчас Эллейн просила меня о том, что я делала очень редко. Заставить кого-то выполнить твой приказ не так уж просто. Одно дело — успокоить, внушить, что боли нет, а совсем другое — подчинить. Именно так назывался этот раздел: подчинение живого существа.

Я никогда не задумывалась, как делаю это, в отличие от моментов, когда пользовалась Светом или Тьмой. Наверное, потому что Дэйн был прав, когда говорил мне, что я в первую очередь маг Разума, а уж потом всё остальное.

Я сжала кулаки, глубоко вздохнула и ударила Эллейн своей магией. В такие моменты мне казалось, что у меня из висков растут невидимые руки. В этот раз они, добравшись до герцогини, со всего размаха будто в каменную стену впечатались.

У меня даже голова загудела.

Эллейн поморщилась и потёрла лоб кончиками пальцев.

— Неплохо. Немного грубовато, конечно... Если бы я была обычным магом, ты бы мне сейчас весь мозг вынесла, Ронни.

Я криво улыбнулась.

— Нет. Вы бы просто перестали мыслить и помнить события, происходящие после подчинения. Но если бы я отпустила затем ваш разум, вы бы остались той же герцогиней Эллейн Грант. При желании, конечно, сознание можно изменить... Хотя ваше, наверное, нельзя.

Она рассмеялась, а потом вдруг предложила:

— Можешь называть меня Элли.

Я удивлённо моргнула, и тут двери библиотеки распахнулись, впуская в комнату какого-то мужчину.

Я почти сразу поняла, кто это. Слишком уж сильно Араилис была на него похожа. Такие же абсолютно белые волосы до середины спины, прямые и блестящие. Узкое красивое лицо и голубые глаза, которые оказались намного ярче, чем у Ари. У неё они были светлыми и, в общем-то, обычными. А у Аравейна глаза светились. Точнее, даже горели.

А ещё он был словно соткан из магии, так же, как и Эллейн. И теперь уже на его плече сидела та серая птица, которую я чуть ранее видела вместе с герцогиней.

— Я так и думала, что ты не выдержишь, — улыбнулась Эллейн.

Он хмыкнул.

— Конечно. Я слишком давно не видел *дэрри*. Здравствуй, Рональда, — Аравейн подошёл и протянул мне руку. Я пожалала её, ощутив на мгновение, как он прикоснулся к моему сознанию своим. Легко и нежно, и я не представляла, зачем это понадобилось главному магу империи.

— Здравствуйте, Аравейн.

— Я тебя умоляю, — он поморщился. — Я всё-таки не император. Так что говори мне «ты», пожалуйста.

Ещё один... И как, интересно, мне говорить этим двоим «ты»? Не легче, чем императору.

Между тем герцогиня продолжила:

— Возвращаясь к твоему заданию... Ты мне подходишь. Осталось определить, подходит ли тебе то, что я хочу тебе поручить.

Я так обрадовалась, что чуть не подпрыгнула. Эллейн же взяла со стола одну из папок и принялась в ней рыться, Аравейн подвинул кресло и сел с нами рядом, а птица перелетела с его плеча на стол и, ухватив клювом один из листков в папке, вытащила его наружу.

— О! — воскликнула герцогиня, хлопая по нему ладонью. — Спасибо, Линн. Без тебя я бы ещё час рылась в этих чертежах.

Птица очень смешно и совсем не по-птичьи фыркнула.

— Знаю, знаю. Надо порядок навести. Вот, Ронни, смотри, — и мне под нос сунули небольшой листок бумаги, на котором оказалась нарисована какая-то схема.

Я смотрела на неё, ощущая, как у меня постепенно от удивления расширяются зрачки.

— Школы магии, существующие в настоящее время, не обладают нормальной системой защиты, поэтому их периодически приходится ремонтировать. Ученики с нестабильным даром, путаясь с заклинаниями, могут разнести ползаведения. Помнишь Араилис с её самовоспламенившимся письмом? Это ещё самый безобидный сценарий. Я хочу создать школу, защищённую от подобных эксцессов. Её стены должны оберегать и самих учеников, и весь окружающий мир от недоученных магов. Помещение под школу мы уже построили. Сейчас я и несколько моих помощников составляем программу обучения, формируем библиотеку, пишем правила приёма и обучения. Но самая главная задача — это система защиты.

Я смотрела на листок, который мне дала Эллейн, затаив дыхание. И этому было несколько причин.

Во-первых, я никогда раньше не видела подобного применения магии Разума.

Во-вторых, я и не думала, что такое возможно.

И, наконец, в-третьих...

Пометки на листке были сделаны той же рукой, что и пособие, которое подарил мне дартхари.

— Кто это писал? — прохрипела я, дотрагиваясь до листка кончиками пальцев.

— Это писал самый сильный за всю историю Эрамира маг Разума, — ответил Аравейн спокойно.

— Но почему вы не обратитесь к нему?

— Мы обратились, — продолжила Эллейн. — И он помог нам разработать необходимое заклинание, но он не может сам воплотить его в жизнь. Для этого нужна ты. Ты сможешь мне, Ронни?

Несколько секунд я рассматривала схему заклинания, а затем подняла голову и тихо сказала:

— Да, помогу. Но с одним условием.

— С каким? — Эллейн, кажется, немного удивилась.

— Я хочу встретиться с тем, кто это написал.

Маги переглянулись, улыбнувшись друг другу.

— Разумеется. Ты обязательно увидишь его. Можешь не сомневаться, — произнесла Эллейн искренне и очень убедительно.

Я испытывала необъяснимое волнение, когда герцогиня отдала мне листок с заклинанием, сказав: «Подумай на досуге».

Я знала каждую завитушку в этом почерке. Я бы отличила его из тысяч похожих почерков, ведь пособие по магии Разума было моей настольной книгой. Я читала его каждый день. И тот, кто его написал, казался мне кем-то вроде родственной души.

Поэтому я так мечтала встретиться с автором рукописи.

— Ну что, — голос Эллейн прервал мои мысли, — думаю, тебе пора познакомиться с остальной командой. Кое-кого оттуда ты, правда, уже знаешь.

Герцогиня дотронулась до небольшого браслета на руке, и я узнала «переговорник» — магическое устройство для переговоров на расстоянии. Очень полезное магическое устройство, особенно для знати. Сил и умений для его изготовления нужно немного, стоит недорого, популярен невероятно. Конечно, на больших расстояниях не работает — даже у магии возможности ограничены.

— Ребята, можно заходить.

Из противоположного конца комнаты, к которому я как раз сидела лицом, донёлся какой-то шорох. А потом один книжный шкаф отъехал в сторону, и в библиотеку зашли трое мужчин.

Кое-кого из них я действительно знала.

— Лисс! — не удержалась я от радостной улыбки, заметив рыжеволосого шупленького мага, с которым путешествовала две с половиной недели.

— Привет, Ронни, — кивнул мне мужчина, и я встала из-за стола, чтобы поприветствовать остальных.

Первым шёл ещё один человеческий маг, кажется, Свет и Тьма, как и я. Он был одет в бежевую рубашку с закатанными по локоть рукавами и чёрные брюки из плотной ткани. Судя по гербу на ремне этих брюк, передо мной был один из лордов. Думаю, Старших. Да, точно, и императорское кольцо имеется.

В отличие от Грэя, сразу располагавшего к себе, этот человек, скорее, настораживал. Волосы у него были каштановыми и совсем короткими, а глаза — тёмно-карими, внимательными и серьёзными. И я заметила в них любопытство. Причём это любопытство было направлено именно на меня.

Мужчина улыбнулся, и его лицо мгновенно преобразилось, из холодно-настороженного превратившись в тёплое и дружелюбное.

Он протянул мне руку.

— Здравствуйте, Рональда. Меня зовут Ратташ.

Как только я коснулась его кожи, то на миг даже задержала дыхание, и видимо, моё состояние заметила Эллейн, потому что негромко рассмеялась.

— Да, Ратташ у нас — специалист по Свету и Тьме, Ронни. Лучший из всех, кого я знаю. Лисс, с которым ты уже знакома — стихийник. А Дрейк — маг Крови.

Я обернулась к третьему вошедшему, и мне моментально захотелось сделать шаг назад. А ещё лучше — спрятаться под стол.

На меня давно никто не смотрел с подобным презрением и даже какой-то брезгливостью. Хотя... почему же давно? Всего две с половиной недели прошло.

Разбаловалась ты совсем, Рональда.

А вообще, странно. Он ведь не оборотень, а...

— Эльф, — непроизвольно вырвалось у меня, и я заметила, как сузились его чёрные глаза. И волосы тоже чёрные, немного длиннее, чем у Грэя, ниже плеч. Кожа белая очень, даже, скорее, бледная.

И одет во всё чёрное. Интересно, у него траур, или просто любит чёрный цвет? Получается, всё, кроме кожи, тонких губ и ногтей на руках — чёрное.

— Нравятся эльфы?

Голос приятный, бархатный, с лёгкой хрипотцой. Я помнила, что тёмные эльфы — а этот, без сомнения, именно тёмный эльф — очень легко влюбляют в себя человеческих женщин как раз с помощью магии Крови. Чем-то она схожа с магией Разума, но, в отличие от последней, требует определённого Источника силы. И этим Источником может быть лишь Тьма.

— Я знаю только одного эльфа, мастера Дарта, и он очень нравится. — Я протянула руку новому знакомому. — Меня зовут

Рональда.

Его глаза сузились ещё больше. Интересно, ему-то я что сделала? Хотя... Конечно, как я сразу не догадалась. Эльфы ведь тоже любят красоту. Видимо, я своим внешним видом оскорбляю его чувство прекрасного.

Что ж... Я ему даже немного сочувствовала. Самую малость.

Но сочувствие это где-то растворилось, когда я поняла, что эльф игнорирует мою протянутую руку.

— Дрейк, — протянула позади Эллейн, но я не стала ждать, пока он пожмёт мою ладонь по просьбе герцогини. Опустила её и улыбнулась, а потом молча повернулась к Эллейн и Аравейну, и чуть не рассмеялась, заметив, что оба буравят эльфа укоризненными взглядами.

Теперь, когда у меня есть Грэй, Эдди, Араилис, Тор, Дарт и Гал... Да, теперь мне всё равно. Немного обидно, но не более.

— Всё в порядке, — сказала я. — Но мне хотелось бы знать, каковы наши дальнейшие планы.

Эллейн перестала испепелять глазами Дрейка и вновь обратила внимание на меня.

— Завтра в десять к мастерской Тора и Дарта подъедет карета. Она отвезёт тебя в здание школы. Там, на месте, и обсудим детали.

Только я открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, как в двери постучали.

Это оказался Грэй.

— Вы закончили? — спросил он, заходя в библиотеку сразу после стука, и все присутствующие склонили головы. — Я могу забрать Рональду?

— Да, можешь, — тихо ответила Эллейн, выпрямляясь.

— Она справилась?

Мужчина смотрел куда угодно, только не на герцогиню. Сама же она не отрывала от Грэя напряжённого, полного боли взгляда.

— Да, справилась.

Он кивнул, развернулся и вышел из библиотеки, на ходу бросив:

— Пойдём, Ронни.

Я посмотрела на Эллейн вопросительно.

— Вейн, пожалуйста, проводи их до выхода, — сказала она своему мужу. — А я пока... поговорю с Дрейком.

Я услышала, как эльф хмыкнул.

А Аравейн между тем взял меня под руку и вывел из библиотеки, и я едва успела пискнуть на прощание:

— До завтра!

— Можно мне кое-что спросить у вас?

Нет, это невероятно. Я иду по императорскому замку под руку с самим Аравейном. С ума сойти.

— Конечно, Ронни. И повторяю, можешь называть меня на «ты».

Я вздохнула.

— Ага, слышала. И вас, и Эллейн. Может, и императора тоже?

— Возможно, — маг улыбнулся. — Эдигор любит простое обращение и ненавидит расшаркивания. Если ты ему понравишься, запросто предложит называть себя на «ты».

Я ужаснулась.

— Я? Понравлюсь?! Да с какой стати ему вообще со мной знакомиться?

Улыбка Аравейна почему-то стала ироничной.

— Не отвлекайся, Ронни. Ты хотела что-то у меня спросить. Я жду.

Я поджала губы. Теперь понятно, у кого Грэй научился переводить в разговоре стрелки на другую тему.

— Араэу, — любопытство пересилило обиду. — Араэу, которая растёт во дворе замка.

— А что с ней?

— Раньше я читала об этих деревьях только в книгах, но никогда не видела. И в книгах не было ни одного упоминания о том, что прикосновение к араэу способно вызывать галлюцинации. А со мной сегодня это случилось.

— Вот как, — протянул Аравейн. — Любопытно. Что ж, я отвечу на твой вопрос... Араэу, как и любое другое существо, наделённое душой, непредсказуемо. Если тот, кто захочет прикоснуться к коре араэу, не понравится дереву, оно может и ударить. Наша араэу обычно всех дубасит так, что только успевай лечить. Особенно доставалось Ратташу, когда он маленьким был. Грэю в этом плане везло больше. Но если араэу понравится тот, кто к ней прикоснётся, в редких случаях она показывает ему то, что ей хочется. Я не знаю, что видела ты.

Иногда араэу показывает будущее, причём не всегда твоё, иногда — прошлое.

Я в задумчивости почесала переносицу.

— А как это можно выяснить?

— Единственный способ — спросить у неё самой. Не факт, что ответит, но попробовать стоит. По крайней мере Нарро она когда-то ответила.

Сердце будто чья-то невидимая рука сжала.

— А ему... — Я задохнулась, не в силах вымолвить ни слова, но Аравейн как-то понял, что я хотела спросить.

— Да, ему наша араэу тоже что-то показала. Он потом целую неделю ходил бледный и ни с кем не разговаривал, всё думал о чём-то. В конце концов спросил — и она ответила.

— А что именно он видел? — как только я произнесла это, мне стало стыдно.

Но Аравейн только головой покачал и не стал ничего говорить по поводу моего неуместного вопроса.

— Я не знаю, Ронни.

В этот момент мы подошли к выходу из замка, где уже стояли Грэй и Бугалон, и маг, попрощавшись, удалился.

Когда мы втроём покидали территорию дворца, я обернулась и ещё раз посмотрела на араэу. Дерево чуть колыхалось на ветру, и я могу поклясться, что одна из веток приподнялась и помахала мне на прощание так, будто была не веткой, а рукой.

— Как прошла встреча с императором? — спросила я Грэя, когда мы отошли на приличное расстояние от дворца.

— Хорошо, — вздохнул мужчина. — Я думал, будет гораздо хуже. Ожидал упрёков, обвинений... Но их не было. Они простили меня. Я ещё сам себя не успел простить, а они уже это сделали.

Я не очень понимала, о чём говорит Грэй, но решила не уточнять. Захочет — сам объяснит, а мне сейчас и так достаточно переживаний.

— А как тебе дворец? Понравился?

Я пожала плечами.

— Красивый. Даже очень. Но жить там... Я тебе сочувствую.

— Почему? — Грэй и Гал задали этот вопрос хором, и я улыбнулась.

— Потому что он слишком величественный. Поневоле ощущаешь себя каким-то маленьким, незначительным и жалким. По крайней мере я себя чувствую именно так. И спасибо, что не потащил меня к императору. Мне хватило встречи с Эллейн и Аравейном.

— А что, ты не хотела бы увидеть императора? — улыбка Грэя показалась мне напряжённой.

— Нет. Зачем?

Мужчина рассмеялся.

— Ронни, ты смешная. Тысячи представителей разных рас мечтают увидеть его и, например, попросить о чём-нибудь.

— Мне ничего не нужно от императора. И знакомиться я не хочу. Ни с ним, ни с кем-либо ещё из венценосной семьи.

— Но ты ведь уже знаешь меня.

— Да, но ты... Грэй, ты — свой. Понимаешь, я в жизни слишком часто чувствовала себя жалкой и ничтожной. Думаю, рядом с императором и его родственниками я буду ощущать себя именно так. Поэтому, пожалуйста, если не трудно, не знакомь меня с ними.

Повернувшись к Грэю, я поразилась, насколько белым вдруг стало его лицо.

— Что с тобой? — я испуганно сделала шаг вперёд, вглядываясь мужчине в глаза.

— Ничего, — он улыбнулся, но как-то очень натянуто. — Я... обещаю, что не буду знакомить тебя ни с кем из императорской семьи.

— Спасибо.

Наверное, мне следовало настаивать с вопросами и выяснять, почему мои слова так расстроили Грэя. Но я решила сделать это позже, когда мысли не будут занимать дартхари Нарро и араэу. Сейчас я всё равно не способна к утешению. Если только сразу шарахнуть Грэя магией Разума, но я для этого его слишком уважаю.

Обед прошёл тихо и мирно. Дарт и Тор были довольны — продажи шли хорошо — и голодны, как новорожденные волчата; Эдди на сей раз сел между мной и Грэем и периодически брал за руку то его, то меня; Араилис нервничала из-за невыполненного задания для Эллейн и потому почти ничего не говорила, и в результате переговаривались только Грэй, Гал и я. Точнее, они рассказывали

разные истории, в основном из бурного дворцового прошлого, а я слушала, старательно пытаюсь не скатиться в собственные мысли.

После обеда я уложила Эдди спать и сбежала. Конечно, не совсем так — я предупредила всех, что пойду гулять с Элфи в императорский парк. Грэй рвался со мной, но я честно сказала, что хочу побыть одна.

И это было правдой. Мне очень нравилось находиться с ними. Они были замечательными — все до одного. Но... мне нужно было подумать.

После обеда жара спала, стало прохладнее, небо затянуло тучами. Я села на вершине какого-то холма, наблюдая, как Элфи распугивает окрестных насекомых, носясь вокруг меня на бешеной скорости.

Поднялся сильный ветер — он качал высокие стебли трав на холме, где я сидела, волновал кроны деревьев и нагонял слёзы мне на глаза.

Впрочем, возможно, это был вовсе не ветер.

Я скучала. Я старалась не думать об этом — о Дарида, ты знаешь, как я старалась — но иногда это чувство становилось совершенно невыносимым. Хотелось выть. А ещё — вернуться. Разумом я понимала, что не могу вернуться — в Арронтаре у меня не было будущего — но сердце...

Я скучала. Скучала по ощущению присутствия дартхари здесь, рядом, стоит только полчаса пройти по лесу. Скучала по его седым волосам, строгому лицу с глазами, похожими на сверкающие ириалы, большим и крепким рукам...

Проще было бы сказать, по чему я не скучала.

Я улыбнулась и стёрла маленькую слезинку с щеки.

Я никогда не надеялась на какое-либо чувство с его стороны, кроме, возможно, жалости. И теперь, после рассказа Лирин, я понимала, откуда оно взялось. Ведь она, несомненно, поведала Нарро о своём умершем брате.

Но как же это было горько. Горько осознавать, что он никогда не увидит во мне женщину. Не только потому, что я не умею обращаться. Дартхари не называл меня жабой, но он ведь не мог не замечать моего уродства. Просто он, в отличие от остальных, не считал меня виноватой в нём.

И сегодняшнее видение, показанное араэу... Не знаю, о прошлом оно было или о будущем, да это, наверное, и не важно, ведь я не имею

к Нарро никакого отношения. И вообще я больше никогда его не увижу.

Но тогда зачем?.. Зачем было показывать именно это?.. Я только стала сильнее скучать.

Смогу ли я когда-нибудь забыть его?..

Я сидела в парке до наступления сумерек, а когда вернулась, Грэй, Араилис и Эдди сидели в столовой. Ари задумчиво рассматривала листок бумаги, что лежал перед ней, а мальчик что-то рисовал цветным карандашом в большом альбоме под руководством отца. Дарт с Тором всё ещё не закрыли магазин, а Гал, кажется, решил заняться ужином.

Увидев меня, Эдди соскочил с колен Грэя и побежал навстречу. Я нагнулась и взяла мальчика на руки. Он обнял меня за шею обеими руками, и я почувствовала такую нежность, словно... Словно это был мой собственный ребёнок.

Подняв голову, я заметила, что Грэй изучает меня с выражением крайней задумчивости на лице.

— Это безнадежно, — вздохнула Араилис, не отрываясь от листочка. — Я не могу понять, почему письмо так странно себя повело.

Я сделала пару шагов вперёд, села рядом с Грэем и передала ему Эдвина.

— Нагулялись? — спросил мужчина, вручая Эдди карандаш. Я покосилась на рисунок: в альбоме был нарисован корабль, но почему-то с красными парусами.

— Ну, Элфи всегда мало, он ведь привык в лесу целыми днями бегать. А...

Я не договорила, потому что посреди стола вспыхнуло алое пламя. Всего на секунду оно озарило кухонный потолок, а затем взорвалось миллионом ярких искорок, выплюнув из своего центра небольшое письмо в зелёном конверте.

Впервые в жизни я видела применение этого заклинания — «пространственное перемещение небольших предметов из точки А в точку Б» — до сих пор помню заголовок и испытанное удивление, когда я прочитала описание на странице. Одно из самых сложных заклинаний высшего порядка. Возможно, мне когда-нибудь удастся создать подобное, но только после долгих тренировок.

Это заклинание применялось магами, в основном, для обмена письмами. Энергии там требовалось немного, сложность была в структуре. Впрочем, работа с пространством — это сложнейшая магия.

Письмо в зелёном конверте, пролетев полстола по кривой траектории, упало перед Араилис. Пламя перемещения в ту же секунду исчезло, а девушка уставилась на послание с таким ужасом, словно точно знала — внутри проклятье.

— Открывай, Ари! — заявил Эдди, беспокойно елозя на коленях Грэя. — Интересно же!

— От кого оно? — спросила я, наблюдая, как девушка вскрывает конверт.

— От мамы, — вздохнула Араилис, разворачивая письмо. И почти тут же как-то странно пискнула.

— Что случилось? — поднял брови Грэй.

Глаза у Ари стали размером с тарелки.

— Мама... Подробно разобрала мои ошибки. Вот — на пяти листах. Меня сегодня не будут чихвостить, ура!

— Значит, будут чихвостить потом, — пожал плечами Эдди. — Чихвостка откладывается.

Я хихикнула.

— Точно, — Ари взъерошила волосы. — Вот, она пишет, что через пять дней я должна буду послать ей письмо, запечатанное заклятием непроникновения... Тут и про тебя есть, Ронни.

Я на мгновение испугалась, что мне тоже нужно будет послать подобное письмо Эллейн. Да уж, страх Ари перед строгостью матери оказался заразным.

— «Передай Ронни, на Двенадцатой улице Дарида есть неплохой магазин одежды».

— Хорошая идея, — кивнул Грэй. — Может, сходим вместе?

Я поморщилась. Хорошая-плохая... В новой одежде я буду смотреться не лучше, чем в старой. Ещё мама говорила, когда я была маленькой: «Лучшая одежда для Рональды — погребальный саван. Скроет все недостатки её фигуры».

Мне очень не хотелось бы видеть разочарование и неловкость в глазах Грэя.

— Спасибо, я сама, — ответила я, пытаюсь не выдать свои мысли, но, на секунду взглянув на сидящего рядом мужчину, осознала — он

всё понял. Уж не знаю, каким образом, но понял.

Между тем Араилис махнула рукой, вновь и вновь перечитывая письмо.

— Ладно тебе, Ронни! Идите вместе с Грэм и Эдди. Прогуляешься, развлечёшься. А Грэй у нас в тряпках хорошо разбирается, подскажет что-нибудь.

Я уже открыла рот, чтобы отказаться во второй раз, но тут заговорил Эдди.

— Пожа-а-алуйста, — протянул мальчик и посмотрел на меня так умоляюще, что я немедленно растаяла и сдалась.

— Ладно. Хорошо. Пойдём.

Это было странно.

Я редко покупала себе одежду в Арронтаре, а ту, что покупала, занашивала до дыр. А потом зашивала эти дыры и опять занашивала до следующих.

В общей сложности за шесть лет, прожитых в хижине, я покупала штаны раза два. Рубашки почаще, а курток у меня была всего пара, и обе я носила с шестнадцати лет, так как габариты мои с тех пор не изменились к лучшему.

Платье же я покупала лишь однажды. И по сей день помню презрительное лицо старого оборотня, помогавшего мне его выбрать.

Я непроизвольно вжала голову в плечи, когда мы зашли в лавку с одеждой. Мне казалось — сейчас вновь кто-нибудь хмыкнет и выйдет из магазина, звякнув колокольчиком в проёме входной двери.

Но в этот раз всё оказалось иначе. Продавец смотрел на меня, как на обычного покупателя, а не на грязь под ногами, другие посетители и вовсе не обращали внимания. И выбор здесь был гораздо больше, чем в Арронтаре, намного больше...

— Выбери, что тебе нравится, — засмеялся Грэй, заметив мою искреннюю растерянность перед лицом целой кучи штанов и рубашек. — И возьми в примерочную только эти вещи.

Я неуверенно закусила губу.

— М-м-м... А тебе самому что нравится? И Эдди, ты тоже что думаешь?

Отец и сын принялись в задумчивости изучать принесённую одежду. При этом у них были настолько похожие выражения лиц, что я

непроизвольно улыбнулась.

— Рекомендую эти две пары. А из рубашек — вот и вот, — сказал продавец, ткнув длинным пальцем в образцы.

— Да, неплохо, — кивнул Грэй. — Примеришь?

— Давай я сразу всё подберу, а то потом придётся возвращаться в зал, — возразила я. — Ещё, пожалуйста, непромокаемый летний плащ, желателен чёрный, и... м-м-м... да, и платье, пожалуйста.

— Какого цвета?

Я опешила. Цвета? Дохлый кот, какая разница?

— Такого же, как её глаза, пожалуйста, — пока я собиралась с мыслями, ответил Грэй. Я вновь опешила, а продавец кивнул.

— Прекрасный цвет, господин.

Когда он вновь удалился, я недовольно посмотрела на своего спутника и пробурчала:

— Зачем мне голубое платье, позволь узнать? Я хотела обычное рабочее.

Ответил Эдди.

— Ты в нём будешь красивой! Да, пап?

Я рассмеялась и покачала головой.

— Боюсь, это невозможно, и совершенно неважно, какого цвета будет платье, — пробормотала я тихо, чтобы Эдди не услышал.

Но услышал Грэй.

— Ты ошибаешься, Ронни.

Подняв глаза, я вдруг почувствовала, что краснею.

Он говорил серьёзно. И смотрел на меня именно так — серьёзно.

— Вот, госпожа, смотрите, выбирайте.

Я с усилием отвернулась и взглянула на принесённую одежду. С плащом всё было понятно — я просто взяла верхний, чтобы не мучаться, если не подойдёт, примерю другой. Но платья...

Голубые. Как мои глаза. Пять штук. Лежали на прилавке, и я неуверенно косилась то на одно, то на другое.

Я никогда не носила голубых платьев. Кажется, даже в детстве.

— Это! — вдруг воскликнул Эдди, ткнув в одно пальцем. На мой взгляд, оно ничем не отличалось от остальных, не знаю уж, почему он выбрал именно его.

— Хорошо, хорошо, — пробормотала я быстро, хватая плащ и платье. — Где здесь примерочная?

— Сюда, госпожа.

Мне захотелось срочно бросить одежду и убежать. *Госпожа!* Да он просто издевается.

Брюки, рубашки и плащ я выбрала быстро. Отложила в сторону, чтобы не мешали, и посмотрела на платье. Может, ну его? Пойду, попрошу обычное, серое или коричневое.

Я вздохнула и прикоснулась к нежной ткани.

Эльфийский шёлк. Это совершенно точно эльфийский шёлк. Представляю, насколько нелепо я буду смотреться в подобном...

— Ронни, — раздался между тем за занавеской голос Грэя, — если ты не выйдешь ко мне хотя бы в платье, я сам зайду и переодену тебя насильно.

Я испуганно вздрогнула.

— Подожди ещё пять минут. Я выйду, обещаю.

Снова вздохнув, я взялась за платье. Оно скользнуло по телу, словно было сшито специально на меня. Я медленно затянула шнуровку спереди, глядя в зеркало и чувствуя, как у меня непроизвольно открывается рот.

Платье подчёркивало мою большую грудь, облекая её при этом так, что она выглядела не такой уж большой. Завышенная талия скрывала не идеальный живот, а летящая, будто невесомая, юбка скользила по бёдрам... По моим толстым бёдрам, которые в зеркале казались не такими уж и толстыми.

Что-то во всём этом было. И я, поддавшись порыву, расплела косу, разделила волосы на две равные части и перебросила их вперёд.

«Живое золото». Так, кажется, называл мой... нет, калихари. Да, так называл калихари цвет волос своей жены, который унаследовала Сильви. Мои же волосы всегда были тусклыми, жидкими и напоминали неухоженную шерсть дикого животного.

Но не сейчас. Сейчас они струились по плечам и спине, словно настоящее сокровище.

Я нервно сглотнула.

— Можно зайти, Ронни?

Я кивнула, а потом, сообразив, что они меня не видят, прохрипела:

— Да.

В отражении зеркала я заметила, как рука Грэя откидывает занавеску и пропускает Эдди. А потом он и сам зашёл внутрь.

Они оба оцепенели, как и я поначалу. А потом Эдвин громко сказал:

— Ух!

Я попыталась улыбнуться, но толком не вышло.

— Тебе не кажется, Грэй, что я выгляжу... глупо?

Посмотрев на лицо мужчины, я вновь смутилась. Потому что он смотрел на меня так, будто...

Будто я была красивой.

— Нет, Ронни. Ты выглядишь замечательно.

Он сделал шаг вперёд и развернул меня лицом к себе.

Я замерла под его взглядом. Станным, манящим, тёплым взглядом, которым Грэй одаривал каждый сантиметр моего тела.

— Ты ошибаешься, полагая, что некрасива. Запомни это, Ронни.

— Ты правда так думаешь?

Он улыбнулся и кивнул.

— Да, Ронни, правда.

И я поверила ему. Его глаза не лгали.

Он действительно считал меня красивой. Неважно, что думают оборотни Арронтара. Неважно, что думаю я сама. Грэй считал меня красивой.

И впервые в жизни мне пришла в голову мысль...

Возможно, красота — это не внешние данные, а любовь, которую ты видишь в глазах того, кто тебе дорог?

Только там — твоё настоящее отражение. Не в зеркале, нет. Там. В глазах.

... А платье мы всё же купили. Может быть, я никогда его не надену, но это неважно. Я взяла его просто для того, чтобы запомнить день, когда я впервые поверила в собственную красоту.

Перед сном я почти целый час рассматривала листок, который дала мне Эллейн. Изучала плетение и структуру нитей заклинания, записывала в блокнот вопросы, пока не почувствовала, что глаза начинают закрываться.

Элфи уже тихо посапывал на своём любимом месте под кроватью, и я, быстренько умывшись и нацепив ночнушку, тоже улеглась, свернувшись, как и всегда, калачиком.

Интересно, что бы сказал дартхари, увидев меня в том платье?

Я вздохнула, закрыла глаза и прижала ладони к груди изо всех сил. Я вспоминала, как увидела его в первый раз. Вспоминала, как он сказал, что я могу изучать магию и приходить в усадьбу, когда захочу. Как исказилось его лицо, когда Лоран попытался меня изнасиловать. Как он улыбнулся, когда я столкнулась с ним однажды ранней весной, не ожидая встретить в усадьбе...

На месте сердца разгоралось пламя. Оно сжигало меня изнутри, заставляя ронять на подушку безмолвные слёзы.

Желание увидеть Нарро было таким сильным, что через мгновение мне показалось, будто кто-то вырвал душу из тела и теперь тащит её куда-то далеко — туда, куда она так стремилась.

Странный полёт длился всего несколько секунд, а потом я очнулась в незнакомой комнате. Под босыми ногами я чувствовала деревянные доски, как в доме Дарта и Тора, но я точно не находилась сейчас в их мастерской. Окно было одно, и очень большое, широкое. Распахнуто настежь, и в него заглядывала огромная луна. И звёзды.

Это были звёзды моего Арронтара!

Я вздрогнула и оглядела себя.

Ночнушка, босые ноги, распущенные волосы — перед сном я помыла голову — всё именно так, как и должно быть. Но... я ведь сплю? Или нет?

Передо мной стояла широкая кровать с балдахином, и я, заметив там чьё-то неподвижное тело, подошла поближе... чтобы тут же вздрогнуть от неожиданности и в испуге сделать несколько шагов назад.

На кровати, в одних только штанах, на спине, раскинув руки, спал дартхари Нарро.

Тяжело дыша, я переминалась с ноги на ногу, пытаюсь разобрать по полочкам скачущие в голове мысли.

Это сон? Как я здесь оказалась? Что сделать, чтобы вернуться назад? И наконец, раз уж я здесь очутилась... смогу ли я коснуться его?

Успокоив дыхание и бешено стучащее сердце, я решила, что терять мне нечего, и подошла ближе, а потом и вовсе села рядом.

Дартхари спал. Его грудь вздымалась спокойно и размеренно. Я заметила, что он действительно носит мой амулет — ириал переливался в неярком лунном свете, по-прежнему полный магии.

Я, как и всегда, чувствовала невероятную силу Вожака, почти сбивавшую с ног, и наслаждалась этим ощущением, прикрыв глаза.

О Дарида... Как же я по нему соскучилась!

Подняв дрожащую руку, я дотронулась кончиками пальцев до обнажённой груди Нарро. Кожа была тёплой и такой... настоящей. Будто не сон... Как странно.

Но от этого не менее чудесно.

Пальцы медленно заскользили по его груди, опустились на живот, потом снова поднялись... Шея, щека, уголки губ...

Я даже вздохнуть не успела — дартхари вдруг молниеносно схватил меня за протянутую ладонь, опрокинул на кровать и лёг сверху, заведя обе руки за голову и прижимая к себе так сильно, что я не могла пошевелиться.

— Это очень глупо, Рональда, — сказал он тихо, пощекотав дыханием мои губы.

От такой близости голова у меня закружилась, как у дурочек из любовных романов, которыми зачитывалась моя... нет, просто Прайма, жена калихари.

— Что? — еле смогла выдохнуть я, пытаюсь пошевелиться. Но куда там... Дартхари был способен победить любого ара из стаи, а уж меня он, думаю, и мизинцем убить сможет.

— Глупо, потому что ты впервые пытаешься переместиться при помощи магии Разума. Ты не изучила должным образом раздел в пособии, которое я дал тебе. Ты использовала свои силы спонтанно, что недопустимо, Рональда. Как ты собираешься возвращаться обратно?

Я оцепенела. Переместиться при помощи магии Разума? Я? О-о-о...

Какая же я дура...

Да, конечно. Я никогда не уделяла внимания этому разделу, потому что мне не к кому было перемещаться! А сейчас... Желание увидеть дартхари сработало, как якорь. Меня притянуло в Арронтар.

— Но... это ведь временный эффект... Я помню, там было написано.

— Верно, — кивнул дартхари. — Но при неправильном возвращении ты можешь погибнуть. Помнишь? Перемещение — самый сложный раздел. Способность, доступная единицам. Даже самые

талантливые маги Разума не справляются, а ты пока ещё, извини, совсем не профессионал.

Я смутилась, но ненадолго, потому что в голове билась отчаянная мысль: пусть будет, как угодно, главное — я увидела... прикоснулась...

В этот момент дартхари отпустил мои руки и, почти как я минутой раньше, дотронулся кончиками пальцев до моей щеки.

— Зачем ты пришла?

Я улыбнулась. Раньше я бы ни за что не ответила на подобный вопрос, но сейчас мне казалось, что всё это не совсем реально.

— Просто хотела увидеть вас.

— Так сильно, что смогла переместиться без малейшей тренировки?

Я не отвела взгляд.

— Да.

Дартхари задумчиво рассматривал моё лицо, и в темноте его глаза казались мне не жёлтыми, а какими-то совсем другими.

— У тебя не получится вернуться назад тем же путём, — сказал он тихо. — Есть только одна возможность... Обратный эффект сработает, если ты получишь то, за чем пришла. Чего ты хотела, Рональда?

Я вжалась в простыни, испугавшись собственного ответа, который уже почти сорвался с губ. Но дартхари не понадобились слова, он и так всё понял. Наверное, увидел по моим глазам или просто догадался.

— Хорошо, — он улыбнулся. — Только, пожалуйста, больше не используй магию Разума столь необдуманно. Это очень опасно. Обещаешь?

Я кивнула и вновь дёрнулась, но поздно — дартхари, наклонившись, поцеловал меня.

Да, именно этого я хотела больше всего на свете — узнать вкус его губ.

И в тот миг, когда я узнала это, что-то внутри меня запело. На сотни голосов, как ветер в кронах деревьев Арронтара.

Сердце остановилось, сжалось, а потом вновь застучало в груди, только быстрее и сильнее, чем прежде. И я всё поняла. Всё, до самой глубины души.

Забывать его...

Смешно.

Разве можно забыть небо?

Разве можно спутать искренность с наваждением?

Разве можно заставить ветер остановиться?

Нарро целовал меня так страстно, так по-настоящему, прижимая к себе обеими руками, что мне почти верилось в его искренность.

Я обнимала его за шею, чувствуя, что ещё немного — и я действительно исчезну, вернусь туда, откуда пришла сюда, в его спальню.

Пусть будет так.

Зато я узнала вкус его губ.

— Рональда...

Наверное, мне послышался этот полустон-полувздых, обронённый Нарро в то мгновение, когда я начала растворяться, отчаянно цепляясь за его сильные плечи.

Не мог он испытывать такую же горькую безнадежность, что и я.
Не мог.

Мне просто показалось.

Глава 12

Дэйнар, Снежная пустыня, около 80 лет назад

Вокруг всё было белым. Даже небо казалось какого-то белёсого оттенка — не голубое, а всего лишь слегка голубоватое.

Уже через час путешествия с Аравейном Дэйнару подумалось, что эта поездка не что иное, как необычный способ самоубийства. Юноше чудилось, что в ветре вместо песка летают острые иголки или даже кинжалы. Практически каждую секунду горбун чувствовал, как они впиваются в кожу, оставляя на ней небольшие, но неприятные кровоподтёки.

Песок был повсюду, и Дэйнар боялся открыть глаза. Ему не хотелось остаться ещё и без них. Чаре здесь тоже не слишком нравилось, но ей было немного легче хотя бы потому, что Дэйнар старался уберечь своего аксала от ранящего ветра. Дышать в Снежной пустыне, как юноша понял практически сразу, возможно было только через ткань, иначе в скором времени лёгкие окажутся полными песка.

— Постарайся сделать щит, — только и сказал Аравейн, невозмутимо наблюдая за мучениями Дэйнара. — Ты ведь владеешь стихией Воздуха, сотвори из него щит, непроницаемый для ветра. Воздушную стену.

Юноша хотел спросить, каким образом, но понял, что не сможет вымолвить ни слова — губы растрескались, слиплись между собой и болели.

Они с Аравейном уехали вечером, и ночью хотя бы не было жарко, но утром следующего дня начался настоящий кошмар. Дэйнару казалось, что его пытаются зажарить на раскалённой сковородке. Жарко было так, что он почти ничего не соображал. Нестерпимо хотелось пить, а ветер стал ещё неприятнее, ведь теперь он не только колол, но и обжигал.

Всю ночь юноша пытался сотворить воздушный щит. И только к полудню, когда жара стала невыносимой, у него это наконец получилось. Но, к сожалению, щит был преградой лишь для ветра, но не для солнца.

В тот момент, когда Дэйнар снимал с носа повязку, чтобы прочистить ноздри и сделать глоток воды, он заметил на горизонте небольшой кусочек зелени.

— Аравейн! — воскликнул горбун, и тут же схватился за нижнюю губу — кожа на ней лопнула, брызнула кровь.

— Я вижу, — маг кивнул. — Туда мы и идём.

Сам Аравейн выглядел совершенно иначе. Он не был усыпанным белым песком с ног до головы, ровно держался в седле и вообще смотрелся так, будто прогулки по знойной пустыне для него — типичный способ скоротать досуг. Даже лошадь под ним не казалась такой пришибленной, как кобыла Дэйнара.

Небольшой зелёный островок посреди Снежной пустыни — это было удивительно. И там оказалось прохладно!

Сев на траву возле маленького водоёма, окружённого деревьями, как забором, Аравейн достал из сумки хлеб, воду, сыр и куски какого-то сушеного мяса.

— На, поешь, — сказал маг, протягивая Дэйну еду. Юноша взял всё, кроме мяса.

— Спасибо, я мясо не ем.

К его удивлению, Аравейн лишь кивнул в ответ на эти слова и, открыв флягу с водой, приступил к трапезе.

— Вы считаете, это нормально? — тихо спросил Дэйнар, откусывая от бутерброда с сыром. — Оборотень, который не ест мясо. Охота для моих сородичей — это культ.

— Для оборотня, возможно, это ненормально, — хмыкнул Аравейн. — А вот для мага Разума — вполне обычно и закономерно.

— Для кого? — юноша поперхнулся бутербродом и, выплюнув на ладонь кусок пережёванного сыра с хлебом, воззрился на попутчика, вытаращив глаза.

Аравейн понимающе усмехнулся.

— Для того, кем ты являешься, Дэйн. Для мага Разума.

— А что это за магия такая? Я думал, что владею только Светом и стихией Воздуха...

Чара ткнулась мокрым носом Дэйнару в ладонь и, завиляв хвостом, проглотила пережеванный кусок. Юноша, спохватившись, взял у Аравейна сушеного мяса и протянул аксалу. Чара, рыкнув от удовольствия, принялась с упоением грызть свой завтрак.

— Нет, Дэйн. Свет и Воздух — приятное дополнение, но в первую очередь ты — маг Разума. Это дар, который ты получил от Арронтара.

Горбун слушал Аравейна, рассеянно поглаживая Чару по голове. И на секунду отвлёкся, когда на соседнее дерево села маленькая птичка с синей грудкой.

— Чир-ри, — позвал её Дэйн, и птичка, взмахнув крыльями, плавно спикировала вниз, усевшись у самых ног юноши. Он улыбнулся, отломил крошечный кусочек хлеба и протянул птице. Она начала клевать мякоть прямо с ладони.

Клюв у неё был тёмно-красный, как запёкшаяся кровь. На горле — маленькое жёлтое пятнышко, грудка синяя, с небольшим фиолетовым отливом, а сами крылья тёмные, почти чёрные. Птичка легко бы поместилась у Дэйнара в кулаке.

Красивая, в Арронтаре он таких не видел...

— Это и есть магия Разума, — тихо сказал Аравейн, наблюдая за горбуном.

Он поднял голову, и в его глазах, напоминающих холодную озёрную воду, отразилось непонимание.

— Это дикая птица, Дэйн, — улыбнулся маг.

— Э-э-э...

— Никогда дикая птица не подлетит к человеку и не примет еду с его руки. Приручить дикое животное вообще крайне сложно. А у тебя, мальчик мой, это получается легко и непринуждённо. Ты не замечаешь свою магию, как не замечаешь того, как ты дышишь.

Дэйнар совсем по-детски шмыгнул носом и озадаченно уставился на птичку, всё ещё клевавшую хлеб с его ладони.

— Ты просто захотел, чтобы она подлетела — и она подлетела. Благодаря этой магии ты умеешь общаться со всем животным миром Арронтара. Ты понимаешь их, они слушаются тебя. Это и есть магия Разума.

— Поэтому они называли меня Старшим? И... Хозяином?

— Нет. Совсем не поэтому.

Птица доклевала хлеб и, благодарно чирикнув, улетела по своим делам. Дэйнар отряхнул ладони и потянулся к фляжке с водой.

— Тогда почему?

— Потому что они любили тебя, Дэйн. Воздействие магии Разума не предполагает любовь. Симпатия и беспричинное доверие — да, но не любовь. Её вообще невозможно вызвать магией. И звери Арронтара любили тебя, искренне и бескорыстно, как способны любить только животные. Они сами выбрали тебя своим Хозяином.

— А если бы я не был магом Разума, они тоже могли бы меня выбрать?

— Да, — Аравейн кивнул, — только, возможно, для подобного доверия понадобилось бы гораздо больше времени.

Он достал ещё по одному куску хлеба и сыра и протянул Дэйнару.

— Так что твоё нежелание употреблять в пищу мясо вполне объяснимо. Съесть живое существо для тебе подобных — как если бы человек съел человека. Этому противится твоя суть, Дэйн.

Юноша облегчённо улыбнулся.

— Хорошо. А то меня в детстве за это лупили нещадно. И считали ещё одним доказательством моего уродства, все остальные-то оборотни любят мясо.

Взгляд Аравейна на миг стал острым, словно кинжал.

— Там, куда я тебя везу, подобного не случится. Да и твой будущий учитель тоже мясо не употребляет.

— Он маг Разума?

— Разумеется. Самый сильный в Эрамире. Впрочем, ты, если постарайся, когда-нибудь сможешь его превзойти — потенциал у тебя огромный. Ладно, засиделись мы тут с тобой. Давай, поднимайся, пора двигаться дальше. Если поторопимся, к вечеру будем в Нерейске.

— Где-где?

— В Нерейске. Пошли, я тебе по дороге расскажу, что это за место.

На сей раз маг пожалел Дэйнара и сам установил щит не только против ветра, но и против солнца. Так что им с Чарой стало намного легче передвигаться.

В дальнейшем горбун и беловолосый маг ещё дважды останавливались в подобных «зелёных уголках», вырастающих посреди пустыни как из ниоткуда.

— Аравейн, — на третий раз Дэйи не выдержал, — я не понимаю — как это возможно? Вокруг жара, песок, а здесь...

Маг рассмеялся.

— Снежная пустыня специально устроена так, чтобы при желании — при очень большом желании, разумеется — её можно было перейти. Эти оазисы — часть магии самой пустыни, Дэйи. Так же, как ваш Древний Камень — часть магии Арронтара. И они показываются только тем, кого пустыня готова пропустить вперёд. А вот если путник ей не понравится...

— Я понял, — вздохнул юноша. — Хорошо, что мы с вами ей приглянулись.

— Я был бы удивлён, если бы оказалось наоборот, — расхохотался Аравейн, и Дэйнар решил не уточнять, что именно его так рассмешило. Горбун не привык нравиться кому-либо. Даже пустыне.

— Итак, — между тем, продолжал вещать маг, ни на секунду не замедляя шага лошади, — Нерейск. Ты, разумеется, не мог слышать это название, оно мало кому известно. Это город, который находится посреди Снежной пустыни и живут там люди, называющие себя пустынниками.

— Только люди? — уточнил Дэйнар.

— Можно и так сказать, — губы Аравейна тронула лёгкая улыбка. — Этот город был основан очень давно несколькими Арронтарскими беженцами. Оборотнями, то бишь.

— Беженцами?..

— Что ты так смотришь? Да, беженцами. Неужели ты думал, будто все оборотни, рожденные такими, как ты, погибали? Или что все родители, братья, сёстры — вели себя так, как твои? Отнюдь. Некоторые не хотели мириться и убегали из Арронтара. Не все бежали в Снежную пустыню, но те, кто стремился именно сюда, попадали к пустынникам. Так что этот народ весьма любопытен, Дэйи. Потомки оборотней, потерявших внутреннего волка. Потомки не способных к обращению.

Дэйнар молчал несколько секунд, не в силах осознать...

Получается... существовали и другие, похожие на него, борющиеся за жизнь.

Но не этот факт так его поразил.

Неужели ты думал, что все родители, братья, сёстры — вели себя так, как твои?

Да, он действительно так думал.

— Значит, были родители, сбегаящие со своими волчатами? — тихо спросил юноша, изо всех сил стискивая ткань мешка, в котором сидела Чара.

— Были, — ответил Аравейн. — И братья, и сёстры, и возлюбленные. Но, как ты сам понимаешь, любой оборотень, находясь вдали от Арронтара дольше положенного, теряет внутреннего волка. Поэтому ваш дартхари никогда не уезжает дольше, чем на месяц. И все сбежавшие со временем перестали быть оборотнями. Даже те, кто умел обращаться.

Раздался громкий треск, и Дэйнар, от неожиданности подпрыгнув в седле, опустил голову — источник этого звука исходил от его рук.

Юноша тут же поднял ладони к лицу, ошеломлённо разглядывая выросшие из кончиков пальцев волчьи когти.

И если бы Дэйнару пришло в голову в этот миг оглянуться на Аравейна, он непременно заметил бы, какое облегчение отразилось на лице великого мага.

«Молодец, Лирин. Умница девочка. Я в тебе не ошибся».

— Что это? — выдохнул Дэйнар изумлённо.

— Разве ты не видишь? Когти.

Почему-то это невинное замечание полностью вывело его из себя.

— Коггггхххти? Какккхххие, к доххххлым кошшшкам, когггхххти?! — то ли прошипел, то ли прорычал юноша, сжимая кулаки так сильно, что по запястьям потекла алая кровь.

Его переполняла ярость. Ярость такая неистовая, что хотелось немедленно кого-нибудь убить. Зубами, когтями, и снова зубами... Причинить боль не меньшую, чем он сам испытывал все эти годы, пока жил в Арронтаре.

Какие когти?! Дэйнар знал, что не способен к обращению, что у него нет никакого внутреннего волка! Так какие когти?!

А самое главное...

Почему, почему, ну почему у кого-то были любящие родители, ради собственных детей бросившие Арронтар, а у него нет? Почему у кого-то были преданные братья и сёстры, а у него нет?

Почему его никто и никогда не любил?!

В душе что-то взвыло, а потом Дэйнар почувствовал, как чьи-то сильные руки стаскивают его с седла.

Это был Аравейн. Соскочив с лошади, он схватил юношу за грудки и поставил на землю, а затем плеснул в лицо холодной водой из фляги и залепил звонкую пощёчину.

— Успокойся! Слышишь меня, Дэйн? Успокойся!

Маг с тревогой смотрел в вытянувшееся, будто звериное, лицо Дэйнара, в его сверкающие от ярости глаза, и не знал, что ещё сделать, чтобы мальчик действительно успокоился.

Тогда Аравейн вздохнул и, прикрыв веки, потянулся к Дэйну разумом.

И как раз вовремя — юный оборотень уже начинал терять контроль над собой, когда вдруг услышал твёрдый, спокойный голос прямо у себя в голове.

Когда мы выходим за порог дома, то оставляем там многое — хорошее, плохое, счастливое или не очень. Так оставь же своё прошлое за порогом, Дэйн. Отпусти его. Я не прошу тебя простить их, я понимаю, что ты не сделаешь этого. Просто отпусти. Ты ничего не можешь поделать со своим прошлым, зато ты способен изменить будущее.

Его будто с размаху окунули в ледяное озеро. Ярость схлынула, гнев утих, и единственное, что он теперь чувствовал — это смертельную усталость, словно его целый день гоняли по деревне Рэйнар с Лирин.

— Спасибо тебе, Аравейн. Со мной всё хорошо. Поехали дальше. А то опоздаем.

Они подъехали к Нерейску, когда небо стало розовым, и солнце золотило песок, превращая его в сверкающий ковёр.

На горизонте показалось тёмное пятно. И Дэйнар уже успел подумать, что это очередной оазис, как вдруг солнце осветило высокий шпиль, стремящийся ввысь, словно копьё, воткнутое в землю.

— Нерейск? — оглянулся юноша на Аравейна, и маг молча кивнул.

Чем ближе они подъезжали, тем сильнее возрастало изумление Дэйнара.

Город оказался окружён не забором, как деревня белых волков в Арронтаре, и не стеной, как Лианор, а сплетёнными ветвями какого-то растения.

— Я называю это живой изгородью, — хмыкнул Аравейн, покосившись на ошеломлённое лицо Дэйнара. — Очень эффективно. Кстати, растение так и называется — нерейск. Отсюда и название города.

В высоту эта «живая изгородь» была примерно с трёх Аравейнов, а в ширину — с одного. Переплетённые между собой ветви угрожающе шевелились, выставляя наружу острые, длинные иглы, кончики которых были ярко-красными, и из-за этого казались вымазанными свежей кровью.

— И где здесь... э-э-э... ворота?

— Да где хочешь, — пожал плечами маг и спрыгнул с лошади.

Не дойдя до растения всего пары шагов, Аравейн медленно поклонился и произнёс:

— С миром пришли, с миром и уйдём, — и, протянув руку, проколол указательный палец одной из длинных иглок.

Дэйнар с удивлением наблюдал за тем, как растение, издав какой-то странный звук, похожий на урчание в сытом желудке, чуть раздвигает ветви. В результате в живой изгороди образовалась небольшая «дверь».

— Оно что, кровью питается? — тихо спросил юноша, когда они въехали в город и «дверь» за их спинами тут же исчезла.

— Что-то вроде того. Плотоядное растение. Хотя я бы сказал, что, скорее, всеядное. Ему со всего города объедки пищевые тащат — так в Нерейске решают мусорную проблему, — хмыкнул маг. — Соответственно, в город ни один непрошенный хищник из пустыни не попадёт.

— А они в пустыне водятся, хищники-то? — поднял брови Дэйнар. — Что-то я ни одного не видел...

— То, что ты не видел, не значит, что их нет. Не переживай, успеешь ещё познакомиться. А моя кровь для этой живой изгороди вроде как плата за вход в город. Где-то платят монетой, а в Нерейске вот — кровью. Но на самом деле, конечно, всё это не просто так, Дэйн. Я сказал: «С миром пришли, с миром и уйдём» — и если бы я солгал, растение бы почувствовало в моей крови вкус лжи.

— Не знал, что у лжи есть вкус.

— Конечно. И вкус, и запах. Причём оба весьма неаппетитные.

На Нерейск уже опускалась ночь, поэтому у Дэйнара толком не получилось ничего рассмотреть. Он понял только, что живут пустынные в домах небольших, каменных, и возле каждого дома заметил небольшой огород. Под ногами шуршал гравий, и это было существенным отличием от деревни оборотней, где вырос Дэйнар — там все дороги были земляными, изредка, в особенно грязных местах, клали деревянные доски.

Аравейн быстро двигался вперёд, не озираясь и не сверяясь с картой. Очевидно, он был в Нерейске не раз и не два.

Наконец они оказались перед большим садом, засаженным какими-то деревьями, источавшими тонкий медовый аромат, и кустами с большими белыми цветами. В дальнем конце сада, окружённого невысоким деревянным заборчиком, который запросто можно было перешагнуть, стоял небольшой домик, выкрашенный светлой краской. Из трубы на крыше шёл тонкий дымок.

Дэйнар не успел даже рта раскрыть, как Аравейн, широко ухмыляясь, перешагнул через забор и, подойдя к дому, начал колотить в дверь кулаком.

— Форс! Открывай, скотина!

Под ударами мага несчастная дверь ходила ходуном.

— Эй, Форс! Кончай жрать и открывай дверь, бездельник!

Дэйнар в задумчивости почесал Чару, удивлённо наострившую уши, и тут дверь распахнулась.

На пороге стоял мужчина. Росту он был небольшого, Аравейну где-то по плечо, зато упитанностью полностью компенсировал недостаток в нём. Юноше даже показалось, что в ширину мужчина больше, чем в высоту. Волосы у него были русые, короткие, и немного волнистые. Зато борода — по пояс, и усы торчали в разные стороны, будто наэлектризованные. Больше Дэйнар ничего рассмотреть не успел, потому что мужчина, раскинув широченные руки-лопаты, пробасил:

— Аравейн! Ах ты, старая седая псина!

— Боров бородатый!

— Трость синеглазая!

— Зверюга лохматая!

Толстяк на миг застыл, а затем обиженно протянул:

— Почему же лохматая? Я вроде недавно стригся.

Аравейн притворно вздохнул и обнял друга.

— И как обычно, бороду и усы решил оставить. Рад тебя видеть, Форс.

— И я тебя, Вейн. А кто это там стоит, что за мальчонка?

Дэйнар недовольно прищурился — «мальчонка»... В конце концов, ему уже восемнадцать!

— Твой будущий ученик, Форс. Дэйн, подойди-ка поближе.

Оборотень послушно приблизился к дому, ведя в поводу двоих лошадей — свою и Аравейна. Теперь, стоя на расстоянии вытянутой руки от Форса, Дэйнар мог рассмотреть его получше, хотя свет, лившийся изнутри дома, был не очень ярким.

Юноша чувствовал — перед ним маг, но природу его силы определить не сумел. Никто не учил Дэйна, как это правильно делать. Лицо у Форса было всё в застарелых шрамах, причём шрамы были явно от какого-то оружия. Один на лбу, другой шёл от левого виска по щеке к носу, третий, самый светлый и глубокий, пересекал правую бровь.

А глаза были словно чай из дух-травы — светло-карие, они иронично блестели, рассматривая Дэйнара.

— Здравствуйте... э-э... господин, — неуверенно пробормотал юноша, не представляя, как правильно обращаться к новому знакомому.

Форс хохотнул.

— Ну уж прям-таки и господин! Господином я, мальчик, и не был никогда. Так что зови просто по имени.

— Как скажете...

— И на «ты», конечно. Ну давайте-ка, гости дорогие, проходите в дом, чего на пороге толпиться. И аксала своего с собой бери. Твой же аксал, верно?

— Мой, — кивнул Дэйн. — Точнее, моя. Зовут Чарой.

Оборотень не заметил, как переглянулись Форс с Аравейном.

— Отлично, просто отлично... — пробормотал хозяин дома, впуская внутрь старого друга и будущего ученика.

Дэйнар взял Чару на руки и, переступив порог, в нерешительности остановился. Здесь было тепло и сухо, пахло смесью различных трав и

книжной пылью. Небольшой, ярко освещённый коридор был заставлен обувью и какими-то мешками, на стенах висела одежда, и свободен был только правый угол, где стояли зеркало и пуфик.

— Ну и чего ты застыл? В гостиную проходи.

Поставив Чару на пол, Дэйнар сделал шаг вперёд, оглядываясь по сторонам. Комната была большой, с двумя окнами, и на подоконниках оказался настоящий книжный склад. Впрочем, под подоконниками тоже лежали книги. Книги же были и в шкафах, уставленных по всему периметру комнаты. Исключение составляло пространство возле камина и дверей (их тут было целых три, не считая входной), ну и самый центр комнаты, где стояли диван, стол и несколько кресел. Правда, стол тоже был завален книгами, но не только — ещё там обнаружился большой чайник и несколько чашек, покрытых изнутри тёмным налётом, как дерево корой.

Аравейн расположился в кресле, а оборотень сел на диван, устроив Чару подле ног. Форс, открыв узкую дверь на правой стене, сразу пошёл туда и загромыхал какой-то посудой.

— Вейн, ништу будешь? — крикнул он.

— Спрашиваешь! — весело хмыкнул маг, и горбун немедленно спросил:

— А что такое ништа?

— Настойка такая. Помнишь деревья в саду Форса? Настаивается на их коре. Он ништу сам готовит, я такой вкусной больше нигде не пробовал.

— А мне можно? — спросил заинтересованный Дэйнар. Пробовать спиртные напитки ему не доводилось, да их почти и не было в Арронтаре — оборотни не слишком уважали алкоголь. Мясо, молоко, ягоды, грибы — да, а алкоголь не очень. Так же, как и традиционные человеческие сладости — шоколад и торты с пирожными.

— Можно. Только немного. Ништа очень крепкая.

Вернувшийся Форс нёс в руках бутылку из тёмного стекла, три стеклянных стакана и большую кастрюлю с овощным рагу. Выудив откуда-то из-под мышки две условно чистых тарелки, заявил:

— Я уже поел, и вам не мешало бы. Не стесняйся, Дэйн, бери, сколько хочешь. И для твоего аксала я сейчас чего-нибудь принесу, не оставлять же её голодной.

Оборотень стеснялся первые несколько секунд. Но, попробовав овощи, миг забыл обо всём — так было вкусно. А ещё Дэйнар действительно очень хотел есть.

Когда Чара увлечённо захрустела принесённой костью с мясом, Форс разлил по стаканам ништу и раздал её присутствующим. Дэйн не представлял, как пить спиртное, поэтому в первый раз хватанул слишком много и немедленно закашлялся. Юноше показалось, что он выпил живой огонь.

— Ну хоть не блеванул, — дружелюбно хмыкнул Форс, наблюдая за тем, как Дэйн таращит глаза и держится за горло. — Я, когда ништу впервые попробовал, весь обед обратно на тарелку вернул.

— А я икал потом полдня, — прищурился Аравейн, явно наслаждаясь настойкой. — И воду пил постоянно. Сушняк замучил.

Оборотень вытер слезившиеся глаза и с трудом вздохнул.

— Кошмар. Пожалуй, я её больше пить не буду.

— И зря, — поставив стакан на стол, Аравейн принялся за овощи. — Лучшее лекарство от последствий первого глотка ништы — второй глоток ништы. Так что давай, пробуй.

Маг оказался прав. Второй раз Дэйнар не закашлялся, совсем наоборот — приятное тепло пролилось по телу, наполняя каждую клеточку ленивой энергией.

Ништа пахла деревом, но на вкус была, скорее, как свежий, спелый фрукт.

— Итак, — сказал Форс, когда юноша допил, — теперь, пожалуйста, разъясните мне некоторые моменты. Во-первых, что ты умеешь, Дэйн? Во-вторых, чем бы ты хотел заняться здесь? В-третьих... Вейн, душка, а с чего ты решил, что я захочу его учить?

Услышав последнюю фразу, Дэйнар испуганно уронил вилку. Но Аравейн лишь рассмеялся.

— Я хорошо знаю тебя, Форс. Ты по-прежнему не теряешь надежды.

— Ошибаешься, — толстяк усмехнулся. — Я не надеюсь. Я верю.

Что-то удивительное почудилось Дэйну в голосе Форса, когда он произнёс: «Я верю». Шелест травы, порыв ветра, плеск воды... Что-то бесконечное и очень печальное. Но чудесное.

— Значит, возьмёшь его в ученики?

— Возьму.

Дэйнар поднял голову. Форс смотрел на него прямо и открыто, а в глазах его плясали язычки пламени от горящего камина.

— Расскажи-ка о себе, Дэйн, — произнёс он просто.

И юноша рассказал.

Спокойно, без эмоций. Он сразу понял, почему всё получилось так гладко — Форс был магом Разума, и моментально отсекал ненужные переживания. Поэтому Дэйнар говорил так, будто читал эту историю в книге, а не переживал самостоятельно.

А когда закончил, непроизвольно потянулся к стакану с ништой и, сделав маленький глоток, почувствовал, что проваливается в сон.

Когда Дэйнар уснул, двое магов некоторое время сидели молча. Аравейн потягивал настойку, прикрыв глаза, а Форс рассматривал оборотня, легко постукивая пальцами по поверхности стола.

— В нём очень много боли и обиды, Вейн, — наконец, сказал он тихо, не отрывая взгляда от Дэйнара.

— Я знаю.

— Ты действительно думаешь, он сможет? Справится со всем этим? Ты не привёз бы его ко мне, если бы не думал так.

Аравейн еле слышно вздохнул.

— Мало ли, что я думаю? Я не могу утверждать ничего со стопроцентной вероятностью. Но он сильный, действительно сильный. И не только как маг, но...

— Но и как личность, — кивнул толстяк. — Да, это я понял. Но что мне делать, Вейн?

Аравейн молчал несколько секунд, а затем встал с дивана и, подойдя к одному из шкафов, провёл кончиками пальцев по корешкам книг. И улыбнулся.

— Знаешь, Форс... У него никогда не было семьи.

— Ты думаешь, этого достаточно? — В глазах хозяина дома мелькнуло удивление.

— Пока да. А там посмотрим. В любом случае он должен всё сделать сам. Только тогда Сердце Арронтара вновь начнёт биться.

Глава 13

Дэйнар, Снежная пустыня, около 80 лет назад

Просыпаясь, Дэйнар чувствовал себя очень странно.

Ему было... мягко. Повсюду. Сверху, снизу, по бокам...

А ещё вокруг стояла полнейшая тишина. Никто не пел и не чирикал.

И только открыв глаза, оборотень вспомнил события предыдущего дня и осознал, где находится.

Он впервые за последние годы спал на нормальной кровати, застеленной чистым, пахнущим свежестью и мылом бельём. Под кроватью сопела Чара, в окно заглядывал утренний луч солнца, освещая небольшую комнатку, куда, по-видимому, перенесли Дэйнара Форс с Аравейном после того, как он уснул на диване в гостиной.

Комнатка явно использовалась хозяином дома, как чулан. На полу стояли корзины с какими-то склянками, по всем стенам были развешены полки с вездесущими книгами, а в углу Дэйнар заметил несколько мешков с неизвестным содержимым.

До двери юноша добрался с трудом, стараясь ничего ненароком не задеть и не повалить. Чара, позёвывая, следовала за ним. В гостиной юноша обнаружил спящего на диване Аравейна. Из комнаты с противоположной стороны слышался громкий храп — видимо, там отдыхал Форс.

Расталкивать магов он не стал, понимая, что они, скорее всего, разговаривали всю ночь и легли спать совсем недавно.

На улице Дэйнар нашёл туалет — простую деревянную кабинку с выгребной ямой — и колонку, откуда текла ледяная, но чистая вода. К холодной воде оборотню было не привыкать — да он, честно говоря, давно уже забыл о том, каково это — купаться в горячей, — поэтому он умылся и хорошенько напился. Есть не хотелось, всё-таки поужинали они поздно и плотно.

Приведя себя в относительный порядок, Дэйнар выпрямился и огляделся. Теперь, при дневном свете, он смог нормально рассмотреть владения Форса.

Деревянный дом был покрашен светло-бежевой краской, а вот крыша оказалась тёмно-зелёной. От дома к калитке в низком, до колен, заборе, шла дорожка, выложенная причудливым узором из камней. В саду Форса, кроме неизвестных оборотню деревьев и кустов, росли ещё цветы с ярко-оранжевыми лепестками и тёмной сердцевинкой. Кажется, именно они настолько сладко пахли — сейчас этот запах чувствовался ещё сильнее, чем ночью.

Дэйнар так задумался, разглядывая оранжевые цветы, что не сразу услышал чей-то тихий кашель.

Возле калитки стояла девочка лет тринадцати-четырнадцати. Девочка была самой обыкновенной — тёмные прямые волосы до пояса, глаза светло-карие, ореховые, и почти чёрное строгое платье с белым воротничком.

Необыкновенным было другое...

— Привет, — сказала она, дружелюбно улыбнувшись Дэйну. — Меня зовут Фрэн. А ты кто? И где дядя Форс?

Несколько мгновений юноша смотрел на неё, ожидая подвоха. Вот, сейчас, через секунду, её губы искривит насмешливая улыбка, а потом она произнесёт что-то типа: «Ну и урод!»

Время шло, но ничего не менялось. Девочка продолжала глядеть на Дэйна с тем же вежливым дружелюбием.

А потом он вспомнил, что больше не в Арронтаре.

— Кхм... Он ещё спит, — кашлянув, ответил Дэйнар.

Фрэн удивлённо подняла брови.

— Дядя Форс... спит? В такой час? Удивительно. Что-то случилось?

— Ничего особенного. Просто у него... кхм... гость.

Девочка вдруг радостно улыбнулась и даже хлопнула в ладоши.

— Гость? Неужели дядя Вейн приехал? Как чудесно! — И она, толкнув рукой импровизированную калитку, вошла в сад.

Дэйнар с растущим изумлением наблюдал, как Фрэн решительно шагает вперёд, напрямик к нему, и протягивает для рукопожатия узкую ладошку.

— Ты, наверное, приехал с дядей Вейном? Как тебя зовут?

Оборотень почувствовал, как в груди что-то завибрировало, словно потревоженная натянутая струна.

Фрэн остановилась рядом, продолжая улыбаться. И она смотрела Дэйнару в глаза.

Не на горб...

— Я Дэйн.

Ладошка у девочки была тёплой, сухой и немного шершавой, как у всех, кто много работает по дому.

— Я действительно приехал с Аравейном вчера поздно вечером. А он часто здесь появляется?

— Не очень. Последний раз был, если не ошибаюсь, два года назад, — неожиданно Фрэн вздрогнула, покосившись на что-то у Дэйнара за спиной. — Ой!

Обернувшись, он обнаружил Чару. Всё это время аксал, видимо, бродила где-то в саду, изучая незнакомую территорию, и вот теперь вернулась. Прижалась к ноге Дэйна, выпрашивая завтрак.

— Не бойся, — юноша улыбнулся. — Это Чара. Мой аксал. Она хорошая.

Глаза Фрэн совсем округлились.

— Твой аксал? Но...

Девочка запнулась, наблюдая, как Чара трётся о ногу Дэйнара, совсем как кошка.

— Что? — он улыбнулся, наклонился и почесал её за ухом.

Чара заурчала, завалилась на бок и подставила Дэйнару пузо. Юноша засмеялся, но, услышав тихие слова Фрэн, изумлённо застыл.

— Аксалов невозможно приручить. Они дикие. А ещё проклятые.

Девочка опустила на колени рядом с Чарой и неуверенно дотронулась кончиками пальцев до её живота. Аксал вновь заурчала и вытянулась сильнее, требуя продолжения ласки.

— Насчёт диких понятно. Но проклятые-то почему?

Фрэн пожала плечами.

— Я не знаю. Дядя Форс говорит, у всех зверей должен быть свой дом. У аксалов нет такого дома, их вроде как прогнали оттуда. Ну и прокляли. Встретившие этих зверей в пустыне выживают редко, и уж тем более, я никогда не слышала о прирученных аксалах.

«Наверное, дело в магии Разума, — подумал Дэйнар, нахмурившись. — Если бы не она...»

— Нет, Дэйн. На аксалов не действует магия Разума.

Оборотень и девочка вздрогнули и повернулись к говорившему.

Аравейн, ласково улыбаясь, стоял на пороге дома, и выглядел так, словно давно уже проснулся.

— Здравствуй, Фрэн. Ты выросла.

— Дядя Вейн! — Девочка вскочила с колен и, подбежав к магу, крепко обняла его. — Ты надолго к нам?

— Пока не знаю. Как твой отец?

— Хорошо! Но его опять укусил шаукдаш. Я за мазью к дяде Форсу пришла. Он скоро проснётся?

— Думаю, да, — кивнул Аравейн. — Впрочем, ждать тебе не придётся. Я брал мазь с собой в путешествие, могу поделиться запасами. — Маг, расстегнув небольшой карман у себя на поясе, вынул оттуда маленькую склянку из тёмного стекла.

Лицо Фрэн просияло.

— Спасибо! Я тогда побегу? Ладно? А то папа...

— Конечно, беги.

Девочка улыбнулась и со всех ног помчалась к калитке. Но, почти добежав до неё, остановилась и, обернувшись, сказала:

— Приходи к нам в гости, Дэйн!

Горбун с удивлением заметил, что лицо Фрэн слегка порозовело, и задумчиво пригладил волосы на затылке, наблюдая, как тоненькая, немного угловатая фигурка девочки бежит вниз по улице.

И только потом он осознал, что именно сказала Фрэн.

Никто и никогда не приглашал Дэйнара в гости.

— Знаешь, Аравейн, — он вновь опустился на колени и погладил Чару по тёплому боку, покрытому жёсткой шерстью, — а ведь она ничего не сказала по поводу моего горба...

Маг тихо засмеялся.

— А почему она должна что-то говорить?

Действительно, почему?..

Первая неделя, проведённая в Нерейске, была самой беззаботной неделей в его жизни. Он слушал разговоры Аравейна и Форса, читал книгу за книгой из библиотеки наставника, гулял по городу с Чарой и... просто наслаждался жизнью.

Никто не провожал его презрительным взглядом. Не пытался убить. Не говорил обидных слов. Окружающие относились к Дэйнару так, словно его горб был чем-то обычным. И только спустя неделю юношу перестало это удивлять.

Постепенно оборотень узнавал всё больше об истории, организации и устройстве города, в котором поселился. Во главе Нерейска стоял человек, которого жители называли старостой. Каждые пять лет горожане выбирали нового (или того же самого) старосту. Помогали ему в нелёгком деле управления городом десять мастеров. Жители Нерейска объединялись в гильдии по роду службы, и каждая гильдия выбирала собственного мастера. Стражники, кузнецы, охотники, животноводы, ремесленники, земледельцы, учителя, обслуга, врачи и, конечно же, маги. Кроме перечисленных мастеров, в управлении городом старосте помогали и двое жрецов богинь Айли и Дариды.

Дэйнар ничуть не удивился, когда узнал, что именно Форс — мастер гильдии магов.

Деньгами в Нерейске были блестящие рыбы чешуйки. Менее всего ценились чешуйки серебряные, чуть дороже были золотые, а самыми дорогими считались чешуйки алые, как кровь. Впрочем, чаще всего жители предпочитали совершать натуральный обмен. Поскольку город ни с кем не торговал, в каждой семье, как правило, были и животноводы, и земледельцы, и ремесленники.

Оборотень быстро стал известной личностью. Во-первых, из-за того, что приехал с Аравейном, а здесь его, как оказалось, знали все без исключения. А во-вторых, из-за Чары.

— Неужели это аксал?!

— И он тебя слушается?!

— А можно погладить?

Именно такие возгласы слышал Дэйнар первые несколько дней, пока жители города привыкали к присутствию Чары рядом с ним. Сама аксал поначалу дурела от количества внимания окружающих, но потом привыкла.

Дэйнар постепенно обживался в комнатке, выделенной ему Форсом, выгребал оттуда хлам, сортировал книги и убирал паутину из углов. И к концу первой недели он уже мог ходить по помещению, не рискуя переломать себе ноги.

Спать на обычной кровати он тоже привык. И каждую ночь видел сны, в которых возвращался в Арронтар. Чаще всего он летел вместе с ветром и, достигнув цели, пытался высушить слёзы на щеках невообразимо печальной девушки.

Только утром, просыпаясь с первым лучом солнца, он осознавал, кто именно снился ему этой ночью. И все последующие ночи тоже.

Первая седая прядь появилась в её волосах через неделю после ухода Дэйнара.

Она бы и не заметила, если бы не родители.

— Дочка? Что с тобой? — спросила мама на седьмой день за завтраком, указав на волосы. Посмотрев на своё отражение в зеркале напротив, Лирин молча пожала плечами.

Родители тщетно пытались расшевелить её, но она не хотела разговаривать.

После завтрака Лирин, так и не сказав матери с отцом ни слова, поспешила прочь из дома. И если бы они знали, куда и зачем направляется дочь, наверняка бы заперли Лирин в её комнате. Но они не знали.

День был прохладный, но девочка не чувствовала холода. Она просто шагала вперёд, к цели, не замечая ничего вокруг, в том числе и птиц, летевших за ней, будто шлейф.

У неё болело сердце. Постоянно. Лирин знала, что так будет, но не ожидала, что это окажется настолько мучительно.

Сердце в очередной раз кольнуло, как иголкой, и по щеке медленно сползла крошечная слезинка. Налетевший вдруг ветер прикоснулся к лицу Лирин невидимыми пальцами, словно пытался высушить слёзы, но девушка не обратила на это внимания, потому что из-за поворота показалась усадьба дартхари.

Лирин глубоко вздохнула, вытерла глаза рукавом и зашагала вперёд ещё быстрее.

— Добрый день, уважаемые зоры, — обратилась она к стражникам усадьбы. — Могу я видеть первого советника?

— Вам назначено? — прищурился один из оборотней. Лирин покачала головой.

— В таком случае назовите имя и цель визита, зора, и я передам советнику Рэнгару, что вы приходили.

Она только открыла рот, чтобы начать уговаривать стражников пропустить её в усадьбу, как вдруг с крыльца послышался спокойный голос советника:

— Не нужно, Брэнт, я приму эту юную зору.

Несмотря на сильную боль в сердце, Лирин почувствовала облегчение, когда советник кивнул девушке и, отвернувшись, зашагал в усадьбу.

Лирин много раз видела Рэнгара, но никогда не говорила с ним лично. Чёрный волк, он был советником более шестидесяти лет. Сначала вторым, а потом и первым. Рэнгар был уже стар, лицо его покрывала сеть мелких морщинок, волосы давно поседели. Невысокий, но крепкий, он не был сильным оборотнем.

Советник привёл девушку в свой кабинет и, усадив на диван, приказал явившемуся слуге налить Лирин чаю.

— О чём вы хотели побеседовать со мной?

Она на секунду замешкалась.

— Я хочу стать советником.

Чашка в руке Рэнгара тихонько звякнула.

Он поднял глаза и несколько секунд молча рассматривал Лирин.

— Сколько вам лет?

— Пятнадцать.

Он усмехнулся.

— Знаете, сколько раз в жизни я слышал подобное? Я хочу стать советником... Вы представляете, что это значит?

— Представляю, — прошептала Лирин, но старый оборотень не услышал её, продолжая говорить:

— Беспрекословное подчинение приказам дартхари. Никакой личной жизни. Совсем никакой, понимаете? У вас просто не будет на неё времени. Клятва Верности... Вы знаете, что это такое? Если дартхари скажет — иди, вы пойдёте. Если повелит умереть, вы умрёте.

И разорвать эту клятву очень сложно. Дартхари меняются, советники остаются... Вы понимаете?

— Понимаю, — ответила Лирин уже громче и твёрже.

И что-то в её голосе и взгляде заставило Рэнгара остановиться и посмотреть на девушку, слегка прищурившись. Она отличалась от всех, кто приходил к нему с той же фразой: «Я хочу стать советником». Он не видел в ней жажды власти и тщеславия.

— Как тебя зовут?

— Лирин.

Несколько секунд Рэнгар ещё размышлял, а потом всё-таки кивнул.

— Хорошо. Приходи каждый день к девяти утра. Стражников я предупрежу. У тебя будет несколько лет, чтобы передумать.

С губ девушки сорвался едва слышный вздох облечения.

— Чему ты радуешься? — поднял брови Рэнгар, вставая с дивана.
— Советники не принадлежат сами себе.

Лирин встала следом и, улыбнувшись впервые за эту неделю, тихо сказала:

— Я и так не принадлежу сама себе, зор Рэнгар, — и, коротко поклонившись, вышла из кабинета.

— Завтра я уезжаю.

Услышав это заявление из уст Аравейна на восьмой день его пребывания в доме Форса, Дэйнар искренне опечалился. За прошедшее время юноше начало казаться, что такое беззаботное существование продлится вечно.

— А когда ты вернёшься?

— Пока не знаю.

— Он кот, который гуляет сам по себе, — усмехнулся Форс, разливая по чашкам горячий, обжигающий губы чай. — Вернётся, когда захочет. Или когда придёт время.

Дэйн кивнул, взял в руки протянутую чашку и задумчиво посмотрел в тёмное небо.

Был поздний вечер, и они втроем сидели в саду дома Форса, постелив на траву лёгкое покрывало. В вышине постепенно загорались маленькие, но яркие звёздочки.

— Смотри, как сегодня хорошо видна Аррана, — Аравейн достал из кармана трубку, раскурил её и выпустил в воздух колечки серебристого дыма.

— Да-а-а, — протянул Форс. — Интересно, это хорошо или плохо?

— Аррана? — Дэйнар глотнул чаю и запрокинул голову. — Это ведь звезда-покровительница Арронтара? Я никогда не мог найти её в небе. Где она?

— Правильно, что не мог, — произнёс Аравейн. — Ты никогда не выезжал из земель оборотней, а увидеть Аррану там нет никакой возможности. Во-о-он она, самая яркая звезда сейчас.

В тот миг, словно расслышав слова беловолосого мага, звезда замерцала, и Дэйнар моментально заметил её.

Аррана действительно была самой большой звездой на небе в эту ночь. И свет, шедший от неё, был мягким и ласковым.

— Я всегда думал, что это просто сказка. Ну, про звезду. У оборотней много сказок и легенд, я полагал, Аррана — одна из них.

Аравейн, загадочно улыбаясь, выпускал в воздух колечки серебристого, пахнущего чем-то пряным и древесным, дыма.

— Аррана намного больше, чем просто легенда, Дэйн, — наконец сказал он тихо. — Намного больше... Ты ведь знаешь историю возникновения Арронтара?

Юноша нахмурился.

— Я точно читал об этом, но, честно говоря, помню плохо.

Аравейн понимающе кивнул, словно и не сомневался в ответе Дэйна, а потом повернулся к Форсу.

— Расскажешь?

Несколько мгновений маг молчал, запустив большую руку в длинную, спутанную бороду, и в его глазах отражались ночные звёзды.

— Мало тех, кто обращает внимание именно на эту историю, — заговорил наконец Форс негромко. — Кажется, что она ничем не отличается от прочих, но на самом деле это не так. Я не знаю точно,

сколько в ней правды, а сколько лжи, но по крайней мере то, что можно проверить — правдиво, Дэйн.

Это случилось очень давно, когда Арронтар был просто спящим лесом. В нём никто не жил, кроме птиц и зверей, и в том лесу никогда не ступала нога человека. Но однажды кое-что изменилось.

В нескольких днях пути от Арронтара была деревня. Обычная человеческая деревня. И жили в ней девушка Аррана и парень Тар. Они очень любили друг друга и мечтали со временем пожениться. Кем они были, как познакомились, почему любили друг друга столь крепко — об этом легенда умалчивает.

Ещё в деревне жила старая колдунья, и была у неё дочь. И дочь эта сильно влюбилась в Тара. Настолько сильно, что ни есть, ни спать не могла. Но парень ей взаимностью не отвечал, да и не замечал он дочери колдуньи, у него ведь была Аррана.

Разозлилась девушка на Тара, пошла к матери и попросила их обоих со свету сжить. «Пусть им никогда не будет счастья», — так она сказала. И колдунья выполнила просьбу дочери. Ночью, когда стусутился мрак, она произнесла древнее заклятье, превращающее человека в зверя.

Проснувшись утром, Тар и Аррана поняли, что стали волками. Никто не мог узнать их в новом обличье, половина деревни взяла оружие, чтобы убить непрошенных гостей.

Они бежали, спаслись с огромным трудом. Они хотели жить и быть вместе, и это чувство гнало их вперёд. Сутки они неслись, куда глаза глядят, и лишь к ночи, устав, остановились в первом попавшемся лесу.

Только наутро Аррана и Тар осознали весь ужас своего положения. Они стали волками, но продолжали мыслить, как люди. Они хотели есть, но не умели охотиться. Они хотели поговорить, но могли лишь рычать.

Как думаешь, какая мысль спасла их, Дэйн?

Когда Форс замолчал, юный оборотень не сразу понял, что он задал вопрос именно ему. А, осознав это, задумался.

Рядом тихо стрекотали насекомые, Чара под ногами аппетитно хрустела косточкой, Аравейн продолжал раскуривать пряно пахнущую трубку, а звезда по имени Аррана взволнованно сверкала в вышине, словно действительно ждала ответа Дэйнара.

— Они были вместе, — сказал юноша, улыбнувшись небу. — Пусть заколдованные, обращённые в волков, отверженные... но они были вместе.

Дэйн даже немного завидовал Арране и Тару. Неважно, существовали они или были лишь легендой — он завидовал им. Всю жизнь ему отчаянно не хватало кого-то рядом. Того, кто любил бы, несмотря на горести и невзгоды.

Аррана и Тар были друг у друга. И это единственное, что казалось по-настоящему важным Дэйнару.

— Верно, — продолжил Форс. — Они были вместе. И начали новую жизнь, как бессловесные волки. Тар вырыл большую нору под огромным светлым камнем на широкой, просторной поляне — эта нора стала их домом. Со временем они научились понимать друг друга без слов, только по взгляду.

Потом Аррана забеременела. И в ночь, когда родились их первые волчата, лес проснулся.

Форс улыбнулся, но Дэйнар, пока плохо знакомый с магией, лишь нахмурился.

— Я объясню, Дэйн, — не дожидаясь вопроса, заметил Аравейн, выпустив в небо очередное колечко дыма от трубки. — Такое иногда случается. В земле заключена огромная энергия, неисчерпаемая магическая сила, но у силы этой нет направления и нет цели, поэтому чаще всего она спит. Но бывает, что просыпается. И тогда случаются странные вещи. Огромная сила, дремавшая до того момента в Арронтаре, пробудилась в ту ночь, когда Аррана и Тар любили друг друга, как никогда прежде. Ведь их любовь выдержала жизненные испытания и нашла своё продолжение в рождённых Арраной первых волчатах. Искренняя любовь и уважение, которые они испытывали к лесу и друг другу, не оставило Арронтар равнодушным.

Иногда такое случается, Дэйн... Одна сила — сила любви — разбудила другую. А камень, под которым Аррана родила волчат, засветился. Они назвали этот камень Сердцем Арронтара.

Дэйнар шумно выдохнул.

— Назвали? Но они ведь не могли говорить...

Аравейн, усмехнувшись, кивнул Форсу, и тот продолжил рассказывать.

— Неужели ты думаешь, чары той глупой колдуньи продержались хоть секунду, когда проснулся Арронтар? Нет, они развеялись, как дым. Сила леса разрушила проклятье, наложенное на Аррану и Тара. Они вновь стали людьми... с одним маленьким «но». Аррана, Тар и все их будущие дети получили благословение леса. Теперь они могли в любой момент, когда захотят, превращаться в волков. Но по собственному желанию. Так начинается история Арронтара, Дэйн. С любви, разбудившей силу волшебного леса.

Дети первых оборотней росли, делились на белых, серых, чёрных и рыжих волков, строили дома и ухаживали за лесом. Именно в те времена появилось древнее наречие оборотней, язык, который придумали Аррана и Тар. Себя они называли «дартхари». Знаешь, что означает это слово, Дэйн?

Вопрос Форса поставил юношу в тупик.

Он действительно понятия не имел, что это означает. Даже не задумывался никогда...

— Дартхари — «двое хозяев». Калихари — «один хозяин», то есть, глава клана. Во главе клана тогда стоял один оборотень, а во главе стаи — двое. Пара, как Аррана и Тар.

Только Дэйн хотел сказать, что сейчас всё иначе, как Форс продолжил:

— И две звезды зажглись на ночном небосклоне в тот день, когда их обоих не стало. Возможно, это просто совпадение, но оборотни Арронтара дали имена новым звёздам в честь умерших дартхари. Аррана и Тар.

Дэйн запрокинул голову, чтобы ещё раз убедиться в том, что видел несколько минут назад.

— А где же вторая звезда? — спросил он тихо, всматриваясь в ночное небо. — Она ведь должна быть рядом? Или нет?

— Должна, — голос Форса был горьким. — Но её нет. Уже очень давно нет, Дэйн. Тар исчез с ночного неба в тот же миг, когда погасло Сердце Арронтара. Ваш так называемый Древний Камень на Великой Поляне. Тот самый, под которым Аррана родила первых волчат. И в отличие от Арраны, которую иногда всё же можно заметить отовсюду, кроме Арронтара, вторая звезда никому не показывается.

— Но почему? — спросил Дэйн с недоумением, продолжая смотреть на небо, где грустно мерцала одинокая звёздочка. Все

остальные маленькие светлые точки были от неё так далеко... — Почему?!

Форс молчал очень долго. Так долго, что юный оборотень оторвался от созерцания неба и посмотрел на мага.

Испещрённое шрамами лицо Форса застыло, словно маска. Ледяная маска безмолвия.

На вопрос Дэйна в итоге ответил Аравейн.

— В ту ночь, когда Аррана родила впервые, Арронтар подарил ей, Тару и всем их будущим детям своё благословение. Но однажды лес пожалел об этом.

— И уснул опять?

— Нет, — маг покачал головой. — Арронтар просто забрал своё благословение, не отнимая при этом вторую ипостась. Всё остальное вы потеряли, Дэйн. Или забыли, что в принципе почти одно и то же.

— А это... — юноша запнулся, — как-то можно вернуть? Вспомнить?.. И вообще, что именно мы потеряли? Ведь оборотни по-прежнему умеют обращаться, и они сильны... И почему лес так рассердился на нас?

— Слишком много «почему» на сегодня, — улыбнулся Аравейн, вытряхивая на землю пепел из трубки. — Пойдёмте в дом, уже пора спать. Я обязательно отвечу на твои вопросы, Дэйн. Обязательно отвечу... когда придёт время.

Утром следующего дня Дэйнар проснулся от того, что Чара восторженно вылизывала шершавым языком его лицо.

И как только он открыл глаза, то сразу понял — Аравейна в Нерейске больше нет. Каким образом Дэйнар почувствовал, что маг уже покинул город, юноша не знал. Но убедился в своей правоте, когда вышел из своей комнаты и нашёл на столе записку.

«Есть одна традиция, которую уже давно забыли все, кроме тех, кто живёт очень долго. Пожалуй, слишком долго, как я или Форс. Раньше, когда история Арронтара только начиналась, а Нерейска вовсе не существовало, оборотни уходили в Снежную пустыню в случае смерти кого-нибудь из близких. Неизвестное море, или, по-другому, Море Скорби — единственное место во всём свете, способное помочь справиться с ноющей тоской в сердце. У него своя, особенная магия.»

Я шёл именно туда, Дэйн, когда встретил тебя. Впрочем, я не жалею о задержке. Как говорит Форс, настоящих друзей не может быть слишком много.

Я не прощаюсь. Думаю, мы встретимся очень скоро.

Спорим, к моему возвращению ты не успеешь научиться ставить воздушный щит?»

Дочитывая последнюю строчку, Дэйнар вдруг осознал, что улыбается. Удивительно, но этим письмом Аравейну удалось прогнать грусть, возникающую каждый раз, когда он думал о том, что беловолосый маг, успевший стать за неделю по-настоящему родным, скоро уедет на неизвестный срок.

— Не переживай, — послышался позади голос Форса, уже бодрствующего, несмотря на ранний час. — Мы действительно скоро снова увидим эту старую седую псину.

— Кстати, — рассмеялся Дэйнар, оборачиваясь к наставнику, — а почему вы с Аравейном так странно здороваетесь друг с другом при встрече?

— Странно? — Форс на мгновение нахмурился, но тут же понял, о чём говорит оборотень, и фыркнул. — Ну, старая шутка. Мы когда-то давно, когда было нечего делать, поспорили. Решили выяснить, кто придумает больше извращённых оскорблений по отношению друг к другу. С тех пор и повелось.

— И кто победил?

Форс хмыкнул.

— Дружба, Дэйн. Дружба победила.

Маг отвернулся и начал рыться в шкафу с книгами, бормоча про себя что-то вроде: «Где же она... Нет, не то... И это тоже...»

— Ты меня магии Разума будешь учить?

— И ей, — кивнул Форс, не отрываясь от поисков в книжном шкафу. — Но пока тебе азы обычной надо преподавать... Я, вообще-то, стихийник, так что Свет тебе придётся самостоятельно изучать. Или Изорда попрошу, есть у нас тут такой специалист по части Света. Но ты, конечно, в первую очередь маг Разума, Дэйн, помни об этом.

Форс, зарывшись в шкаф с головой, не обращал ни малейшего внимания на книги, поминутно сваливающиеся сверху ему на макушку.

— А у тебя тут есть учебники? И по магии Разума?

Вместо ответа Форс воскликнул:

— Нашёл! — и наконец вылез из шкафа.

В руке он держал книгу под названием «Магия. Теоретические основы» — старый, толстый том с пожелтевшими от времени страницами и потрёпанной ленточкой-закладкой.

— Держи. На первое время это будет твоя настольная книга. Сегодня считаешь, завтра начнём практические занятия.

Форс отдал учебник Дэйнару и, отвернувшись к столу, начал искать что-то теперь уже на нём.

— Насчёт твоего вопроса про магию Разума... Не существует по ней никаких учебников. Я тебе попозже объясню, почему, ни к чему сейчас голову ещё и этим забивать.

— Не существует? — переспросил растерянный Дэйнар. — Но... как же я тогда буду учиться?

На губах Форса мелькнула лёгкая улыбка, которую оборотень непременно заметил бы, если бы не лохматая борода. Стараясь не потревожить царящий на столе вечный бардак, маг аккуратно вытащил из кучи непонятного хлама, больше напоминающего разрезанную на части книгу, несколько относительно чистых листочков бумаги, и протянул их Дэйнару.

— Как я уже говорил, учебников по магии Разума не существует. Но... — Форс подмигнул, — никогда не поздно их написать.

Пару мгновений оборотень продолжал растерянно таращиться на бумагу в своей руке, а потом улыбнулся, схватил со стола перо и, окунув его кончик в чернильницу, вывел на первом листке:

«Магия Разума. Неизвестная, но существующая».

Глава 14

Рональда

Той ночью, неосторожно переместившись в спальню дартхари, на обратном пути я попала в объятия Дэйна. Поначалу он ничего не говорил, просто заключил в кольцо рук и прижался губами к моей макушке.

Спустя пару минут его прорвало:

— Пожалуйста, Ро, не делай больше так. Я мог тебя потерять.

— Я нечаянно...

Дэйн вздохнул.

— Ро, посмотри на меня.

Я подняла голову и сразу утонула во взгляде его серьезных и родных глаз.

— Тебе нужно учиться жить без него. Ты понимаешь, о ком я говорю?

Я кивнула, чувствуя, как в груди что-то сжимается.

— Я знаю, это больно и трудно. Но нужно постараться, — и Дэйн, наклонившись, прижался своими губами к моим, стирая с них поцелуй Нарро.

И у него это получилось. Все тревожные мысли вылетели из головы, ноги задрожали, и спустя мгновение я почувствовала, что меня осторожно опускают на мягкую траву.

Мы были у озера, как обычно, и краем уха я слышала взмахи птичьих крыльев, плеск воды, чувствовала исходящий от цветущей вьюн-травы сладкий, медовый запах. Но, как это всегда и случалось, в такие моменты для меня ничего не существовало, кроме Дэйна.

Когда он оторвался от моих губ, я открыла глаза и улыбнулась.

— Спасибо.

— Ты не сердись за вчерашнее? — спросил он, с нежностью убрав от моего лица непослушную прядь волос.

— Нет, — я покачала головой, вспомнив, как мы впервые разбудили моего внутреннего волка. Вспомнила мягкие губы и руки Дэйна, ласкающие моё тело, а затем перерезавшие мне горло. — Я только не поняла, зачем нужно было... ну... нельзя было сразу начать бить? Она бы наверняка всё равно проснулась...

— Ро, волк, разбуженный при помощи насилия, намного более агрессивен и непокорен, чем волк, пробуждённый... иными способами. Прости, что причинил тебе боль, но другого способа замкнуть внутреннего волка не на хозяине этого волка я не знаю.

— Не страшно, — я рассмеялась. — Это ведь сон, так что никаких следов не осталось.

В глазах Дэйна что-то дрогнуло, а потом он поднял руку и прикоснулся к моей щеке.

— Это меня и спасает, — тихо сказал Дэйн, и только я хотела спросить, что он имеет в виду, как друг сменил тему, да так, что я ментально забыла, о чём хотела спросить.

— С сегодняшнего дня начнём пытаться подчинить твою волчицу. Я нервно кашлянула.

— Как?..

Дэйн улыбнулся.

— Не волнуйся. Во-первых, я буду полностью контролировать процесс, а во-вторых, это ведь сон. Так что тебе ничего не грозит, — подмигнул он мне.

С того дня мы только и занимались, что моим внутренним волком. Точнее, я пыталась наладить с ним... то есть, с ней — контакт.

Прежде чем подчинить, нужно раскрыть своего волка. Заставить его поверить тебе, выйти из укрытия, где он прячется. А главное...

— Главное, что ты должна понять, Ро, — говорил мне Дэйн, — почему твоя волчица прячется, не хочет показывать себя. Ты должна понять, почему не прошла Ночь Первого Обращения.

Легко сказать — трудно сделать.

Каждую ночь я ложилась на траву возле озера и под руководством Дэйна пыталась наладить контакт. Нужно было успокоиться, сосредоточиться и попытаться почувствовать свою волчицу.

И ничего не получалось. Точнее, волчицу-то я чувствовала, но это было примерно то же самое, что знать — внутри этой норки под

деревом живёт какой-то зверёк. Но как он выглядит и почему никогда не выходит на поверхность — непонятно.

А когда я пыталась вытащить эти сведения наружу, волчица забивалась глубже и глухо рычала.

— Мне кажется, она меня ненавидит, — сказала я Дэйну однажды, после того как очередная моя попытка претерпела неудачу.

Он только головой покачал.

С тех пор прошла неделя, но успехов я пока не достигла. По крайней мере в том, что касалось подчинения моей волчицы. Другое дело — работа на Эллейн. Она была очень интересной и увлекательной, и если бы не Дрейк со своей вездесущей вредностью, я бы летала от счастья, что получила её. Но он не давал мне расслабиться, постоянно придираясь и огрызаясь.

Изначально Эллейн предупредила меня, что график ненормированный и накануне вечером она будет объявлять, собираемся ли на следующий день или нет. И первую неделю мы работали очень плотно, но это и хорошо — я успела вникнуть в процесс.

Как объяснила мне герцогиня, мысль о школе для человеческих магов приходила в голову многим, но никто так и не решился взяться за осуществление этого проекта. Люди — единственная раса, у которых в магии творится полнейший бардак. Эльфы и орки заботятся о своих одарённых детях самостоятельно, а вот люди... Обучение в существующих школах и академиях платное, соответственно, бедный человек себе его позволить не может. И в результате мы имеем кучу толком не обученных магов. Некоторые перегорают в результате несчастного случая, другие в страхе запирают способности, третьи всю жизнь занимаются самообразованием. В общем, если ты — сын какой-нибудь деревенской лекарки, стать профессиональным магом тебе не светит. Гротхэмская академия магии — единственное заведение, где можно учиться бесплатно, но за это выпускник должен отработать на школу столько же лет, сколько он там обучался. Не всех такой вариант устраивает. Восемь лет в школе и ещё пять в академии многим кажется слишком большим сроком.

Школа — начальный курс обучения магии. Туда поступают дети от десяти лет, в зависимости от времени пробуждения дара. По

окончании обучения можно направиться в академию, чтобы достичь большего мастерства. Эллейн решила начать с организации школы, а потом уж и академия в перспективе возникнет, но пока думать о ней было рано. Сначала было нужно как минимум разработать систему защиты — то, чем занималась я.

В первый же рабочий день я поинтересовалась, могу ли задать вопросы автору заклинания, передав ему записку, и к моей искренней радости герцогиня сказала, что это возможно.

Разработанное неизвестным автором заклинание наделяло здание школы подобием Разума, чтобы в будущем оно могло защищать себя само. Выбирать, какой щит поставить, и как воздействовать на нарушителя спокойствия. Эффективно, но... у меня оставались вопросы. Я не понимала, зачем нужно замыкать это заклинание именно на маге Разума, да и где взять то колоссальное количество энергии, которое требовалось для завершающего этапа?

Правда, до завершающего этапа нам было ещё как до Арронтара пешком. А пока нужно было перенести в здание часть личности мага Разума... при помощи магии Крови и жизненной энергии подопытного. Вот это смущало меня гораздо больше всего остального — я была не уверена, что выживу после такого. Тем более, что на этом этапе моя жизнь будет полностью зависеть от мага Крови.

С каждым днём я всё сильнее убеждалась, что это вполне возможно. Дрейк вёл себя так, словно мечтал самолично свернуть мне шею. Я сдерживалась, старалась не хамить и даже голос ни разу не повысила, хотя он и пытался меня спровоцировать. Эллейн пробовала его урезонить, но даже у неё не очень получалось. На какое-то время эльф затихал, а потом заново...

Работу над заклинанием я вела в одиночестве. Точнее, я разрабатывала его вместе со своим невидимым учителем. Мы перебрасывались записками. Я задавала вопросы — он отвечал. Я снова задавала вопросы — он снова отвечал. Я переделывала отдельные строчки в заклинании — он смотрел и исправлял ошибки.

В первый раз, разворачивая записку, переданную Эллейн, я замерла и затаила дыхание, узнав знакомый почерк.

«Здравствуй, Рональда.»

Ты спрашиваешь, зачем замыкать заклинание на мага Разума. Всё просто. «Одушевить» неодушевлённое, не повредив собственный

разум и душу, может только такой маг. Я, наверное, мог бы разработать заклинание, замкнутое на другом маге, но не уверен, что в таком случае здание школы сможет самостоятельно выбирать способ защиты. Мы наделяем его в первую очередь Разумом, а не силой.

Я надеюсь, ты понимаешь.

Что же касается второго вопроса насчёт энергии — я пока и сам не нашёл на него ответ.

Можешь передавать письма с Эллейн, если хочешь, я отвечу, если смогу».

С тех пор я засыпала его вопросами с ног до головы. Ничего личного — только работа. Мне иногда безумно хотелось написать: кто ты? Как твоё имя? Как скоро я тебя увижу?

Но я не смела. Да и знала — не поможет. Я увижу его, только когда он сам этого захочет.

В общем, да — всё было бы замечательно, если бы не Дрейк.

Накануне мы с ним остались вдвоём. Это случилось впервые. Лисс был на дежурстве — он работал в службе охраны императорского замка — Ратташ уехал куда-то по делам, а Эллейн неожиданно сорвали с места, сообщив, что у двоюродной сестры Интамара принцессы Дженны начались роды.

— Я вряд ли вернусь сегодня, — сказала герцогиня перед уходом. — Вы тоже можете идти. Дрейк, только проследи, чтобы Ронни добралась до дома в целостности и сохранности. Очень прошу.

Я только головой покачала. Мне нужно было ещё кое-что сделать, и я уж точно не собиралась никуда уходить, пока не найду то, что хотела. Да и эскорт в виде Дрейка меня совершенно не прельщал.

Эллейн кинула на меня острый взгляд, но больше ничего не сказала, поспешив разбить амулет переноса, отправившись напрямик во дворец. И как только герцогиня исчезла в серебристо-серой дымке, я направилась к одному из книжных шкафов, где стояли энциклопедии по рунной магии.

— Ты куда? Эллейн же сказала — можно уходить!

Я провела пальцами по корешкам, разыскивая нужную книгу.

— Уходи, если хочешь. Я поработаю.

К сожалению, он молчал только пару секунд.

— Заполняешь пробелы в образовании в свободное от работы время? — Голос сочился ядом.

Я только глаза закатила.

— Ты бы хоть что-нибудь новенькое придумал для разнообразия. А то одно и то же каждый день — пробелы в образовании, дырка в голове, было бы чем думать... На одну тему — разными словами! Включи уже воображение, Дрейк!

По его отяжелевшему дыханию поняла — разозлился. Эх, надо было молчать... Тут сейчас нет Эллейн, чтобы его заткнуть.

— У меня достаточно богатое воображение, чтобы воочию представить, куда ты можешь идти вместе со своими заявлениями!

Я отыскала наконец нужную книгу и, довольно улыбнувшись, обернулась.

— Ну и куда же? Просвети меня, Дрейк! А то я прямо-таки теряюсь в догадках. Это всё пробелы в образовании виноваты.

Я даже рассмеялась, когда увидела лицо эльфа. Белое, на щеках — красные пятна, в глазах... ух! Короче говоря, мог бы — убил бы меня на месте.

— Думаешь, самая умная, да? — прошипел он в ярости. — Думаешь, я не вижу тебя насквозь? Думаешь, не понимаю, чего ты хочешь? Лживая тварь!

Я удивилась.

— Кто? Это что-то новенькое, Дрейк, браво. А кому и в чём я лгу, позволь узнать?

От этого вопроса эльф озверел окончательно — подскочил, выбил книгу из рук и схватил за плечи.

— Ай! Ты что делаешь! Больно же!

Я взглянула Дрейку в глаза и вздрогнула.

Да-а-а... Кажется, шутки кончились.

Это не простая неприязнь. Настоящая ненависть. Такая ненависть не может быть построена исключительно на моей восхитительной внешности. Тут что-то серьёзнее.

— Дрейк... — Я хотела его успокоить, поговорить нормально, но он не дал мне закончить, вновь зашипев:

— Думаешь, я не понимаю ничего? Да я тебя насквозь вижу! Таких, как ты, рядом с ним знаешь, сколько крутилось всегда? Он на тебя даже и не взглянул бы, если бы не эта твоя магия!

Эльф сильнее сжал мои плечи. Синяки будут знатные...

— Кто не взглянул бы? — Я попыталась уловить смысл в этом бреде.

Но Дрейк не обратил внимания на мой вопрос.

— Четыре года он ходил мрачнее тучи и толком ни с кем не общался. Я четыре года не видел его улыбки. И вдруг — возвращается из поездки... с тобой! Я поначалу думал — как ему могла понравиться такая уродина? И вдруг узнал, что уродина-то у нас с сюрпризом! Подчинила его, и радуешься, да? Так вот, ничего не выйдет! Грэй мой друг и я сделаю всё, чтобы он тебе не достался.

От удивления меня на мгновение парализовало.

О Дарида! Дрейк думает, что я...

Но это же нелепо!

Кажется, он собирался сказать что-то ещё, но я не желала слушать — вывернулась из его захвата, отскочила в сторону и прошипела:

— Почему ты так плохо думаешь о Грэе? «Как ему могла понравиться такая уродина» — зачем ты говоришь так о своём друге? Да, я страшила, каких ещё поискать, но при чём тут Грэй? Почему ты так плохо думаешь об Эллейн? Ты считаешь, она бы не распознала подчинённого Грэя? При длительном подчинении любовного типа объект подчинения не может надолго покидать мага Разума, иначе эффект пропадает. А я не вижу Грэя сутками. Даже если бы существовала Рональда, подчинившая Грэя, неужели ты думаешь, Аравейн и Элли не оставили бы от её замысла камня на камне? Неужели ты думаешь, они бы позволили так долго дурить всем головы? Зачем? Какой в этом смысл?!

Я думала, Дрейк скажет что-нибудь в ответ на мой возмущённый монолог, но он молчал, прищурившись и глядя на меня с презрением.

И мне вдруг стало его жаль. Наверное, он просто беспокоился о друге, но в этом беспокойстве почему-то оказался не способен включить мозги и хорошенько подумать.

— Сделай кое-что ради Грэя, прошу, — произнесла я тихо, поднимая с пола выбитую из рук книгу, и положила её на стол. — Только ради него, не ради меня. — Я похлопала ладонью по другой книге, лежавшей рядом. — Вот здесь есть раздел, посвящённый магии Разума. Страница триста пятьдесят пять. Прочитай его. Повторяю — ради Грэя.

Он вновь ничего не ответил, и я, вздохнув, развернулась и вышла из комнаты, понимая, что поработать сегодня всё равно уже не получится. И надеюсь, что Дрейк пересилит своё упрямство и послушается.

Книга называлась «Магические редкости», и та страница, о которой я упомянула эльфу, была переписана моим невидимым учителем в начало пособия. Я давно уже знала все слова оттуда наизусть.

«Магия Разума, пожалуй, самая страшная и разрушительная из всех. Сильный маг Разума может подчинить целый город. Может заставить забыть всё или наоборот, вспомнить то, чего никогда не случилось.

Но, как это обычно и бывает, природа придумала оберег от подобного рода магии.

Магия Разума — это благословение земли. И люди, и нелюди, получившие такое благословение, чисты душами. Именно поэтому мы говорим об «обереге» — маги Разума не способны на истинно плохие поступки. И если бы не этот факт, весь Эрамир, возможно, уже лежал бы на ладони какого-нибудь амбициозного мага Разума».

С тех пор я Дрейка не видела, поэтому не знала, прочитал он этот раздел или нет. И если прочитал, то какие сделал выводы.

Эллейн уже выдала мне половину зарплаты за первый рабочий месяц, и теперь я могла снять квартиру, освободив выделенную мне комнату в мастерской Дарта и Тора. Но я так и не сказала об этом Грэю. Когда я представляла, что не буду каждый вечер приходить сюда, обнимать Эдди, слушать забавные перепалки Араилис со всеми окружающими, видеть мягкую улыбку Грэя...

Я слишком долго жила одна. Слишком долго не ощущала человеческого тепла рядом с собой. И теперь мне отчаянно не хотелось терять недавно обретенное...

Погладив перед сном Элфи, я легла в постель и, укрывшись одеялом с головой, свернулась калачиком, как обычно.

Я почти физически почувствовала, как сон накатывает на меня, словно морские волны, погружает в свою глубину и растворяет в ней.

Дэйн уже был здесь. Стоял рядом с озером, и заходящее солнце золотило его волосы, превращая их в сверкающую корону. Я пошла

прямо к нему, чувствуя, как приминается трава под моими босыми пятками.

Я снова была одета в белое платье.

— Почему я так выгляжу здесь? — спросила я Дэйна, когда он шагнул вперёд и обнял меня.

— Как? — Лёгкое дыхание пощекотало шею.

— Босые ноги, белое платье. Я никогда не носила ничего подобного, да и босоногой по Арронтару почти не гуляла...

Друг рассмеялся.

— Ро, милая, этот облик выбирает твоё подсознание. Откуда же мне знать, почему ты выглядишь именно так?

— Но... — Я недоумевала. — Я думала, ты всё обо мне знаешь...

— Нет, Ро, отнюдь. Но я очень надеюсь, что когда-нибудь узнаю, — Дэйн увлёк меня за собой на траву и, улыбнувшись, прижал к своей груди.

Его сердце билось спокойно и гулко.

— Сегодня мы опять будем пытаться?.. — пробормотала я, обнимая его.

— Да, конечно. Ещё рано отчаиваться. Но сегодня я хочу попробовать другой способ.

Я подняла голову и удивлённо посмотрела на Дэйна. Он был серьёзен и сосредоточен.

— Какой же?

— Помнишь тот день, когда волчица впервые проснулась? Помнишь, что я делал?

Кажется, у меня округлились глаза.

— Но... Дэйн...

— Она отвечает на мои ласки, и не спрашивай, почему, прошу тебя. Возможно, ты сможешь всё-таки установить нормальный контакт и понять...

— Нормальный контакт?.. Дэйн, но я...

Я задохнулась от смущения. В прошлый раз я с трудом соображала, но и цель тогда была другой. Теперь же...

Мне слишком нравились его прикосновения — независимо от волчицы. Мне не хотелось, чтобы Дэйн их прекращал. Мне хотелось раствориться в собственных ощущениях — и всё.

И он хочет, чтобы я устанавливала какой-то контакт?!

— Ро, я понимаю. — Он взял моё лицо в ладони и заглянул в глаза. — Поверь, я разделяю твои чувства. Но сейчас мы должны сосредоточиться на другом. Пожалуйста, давай попытаемся.

Зажмурившись, я кивнула, и Дэйн вздохнул с облегчением.

— Открой глаза.

Я, как всегда, сразу послушалась. И задохнулась, увидев, с какой тревогой и нежностью смотрит на меня Дэйн.

— Что бы я ни делал, постарайся думать только о ней — о своей волчице. Помнишь один из уроков по магии Разума, где нужно отделить Разум от тела и отправиться в полёт? Вот и представь, что сейчас ты состоишь из двух частей — из тела, с которым я могу делать что угодно, и ты не будешь отвлекаться, и из Разума, который должен сосредоточиться на волчице. Ты понимаешь?

Я вновь кивнула. Я не спрашивала, что он собирается делать — доверяла полностью.

— Тогда закрой глаза.

Я послушно опустила веки, чувствуя, как Дэйн кладёт меня на траву и ложится рядом.

— Очисти свои мысли. И успокойся. Слушай ветер, Ро.

Несколько минут ничего не происходило. Я послушно сосредоточилась на дыхании ветра и глубоко дышала, не позволяя ни одной мысли — ни хорошей, ни плохой — достичь Разума.

А потом я почувствовала, как руки Дэйна заскользили вдоль моего тела, повторяя его контуры — легко, едва касаясь. Тёплые пальцы дотронулись до щеки, а следом погрузились в волосы, осторожно запрокидывая голову.

Я поняла, зачем, когда ощутила его губы на своей шее. Дыхание сбилось, на мгновение я потеряла контроль над собой, и Дэйн замер, словно понял моё состояние.

Пара секунд — и его губы заскользили вниз. Он чуть приподнял меня над землёй и начал расстёгивать крючки на платье, как в прошлый раз. А потом и стянул его, обнажив меня до пояса.

Когда я почувствовала губы Дэйна на своей груди, внутри что-то зашевелилось. Глухо заворчало, топорща белую, как снег, шерсть. И я вдруг увидела её мордочку — маленькую, узкую... волчью. Голубые глазищи сверкали яростно, но в то же время беззащитно.

Волчица вновь глухо заворчала и выпустила из крошечных лапок острые когти, царапнув, кажется, самую мою душу.

Это было удивительно. С одной стороны, я прекрасно чувствовала Дэйна и сладкую негу, охватывающую тело от его откровенных ласк, а с другой стороны, я будто погрузилась в ещё один сон. В сон, где мне виделась маленькая белая волчица, осторожно выглядывающая из темноты и нервно дёргающая ухом.

Ухо изнутри было нежно-розовым, и я улыбнулась.

— Здравствуй, — произнесла я мысленно.

Волчица фыркнула, но от меня не укрылось возбуждённое выражение её ярко-голубых глаз.

— Может, всё-таки познакомимся? Ведь я — это ты.

В этот момент Дэйн слегка укусил меня за сосок, и я чуть не вывалилась обратно в реальность от пронзившего тело ощущения. Даже глаза закрыла, чтобы было легче.

А когда вновь открыла, то обнаружила, что маленькая волчица стоит возле меня и топорщит белую шерсть.

— Хоч-ч-ч-чу, — заявила вдруг она, опускаясь на передние лапы и приподнимая заднюю часть тела.

— Чего? — нахмурилась я, чувствуя, как горит низ живота.

— Его-о-о, — протянула волчица. — Сильны-ы-ый. Мо-о-ой. Хоч-ч-чу!

Хм. Кажется, я поняла, о ком она говорит.

— А чего ещё ты хочешь, Ронни? — это имя сорвалось с моих губ быстрее, чем я успела что-либо сообразить. — Расскажи мне, чего ещё ты хочешь. Ты ведь часть меня, а я совсем не знаю, чего ты хочешь.

И тут я осознала, насколько хорошо Дэйн понимает меня — он моментально прекратил свои ласки и просто обнял, крепко прижав к себе. И это было правильно — ещё немного, и я бы превратилась в копию маленькой волчицы, и моей единственной связной мыслью было бы «хочу!»

Я наклонилась и протянула к ней руку. Несколько секунд она настороженно смотрела на неё, а потом всё-таки подалась вперёд и ткнулась лбом в мою ладонь. Шерсть была жёсткой и немного кололась.

В глазах волчицы неожиданно мелькнула такая тоска, что я, поддавшись порыву, опустила на колени и прижала к себе её

маленькое тело.

И она завывала. Горько, отчаянно, громко. Я прижала её к себе изо всех сил, согревая своим телом и чувствуя, что начинаю понимать...

— Представь, что ты спишь в доме, где тихо и тепло, — шептала я ей на ухо. — А потом просыпаешься и понимаешь, что тебе пора идти. А там, за дверью, снег, холод и никто тебя там не ждёт. Никому ты не нужна. И поэтому ты забиваешься глубже в норку и засыпаешь крепче...

Волчица кивнула и лизнула мою щёку.

— Вот почему я не прошла Ночь Первого Обращения. — Я погладила её по голове, продолжая говорить. — Ты не чувствовала любви и тепла, поэтому и не пришла. Не откликнулась на зов зелья, забила глубже... Значит, тебе нужна любовь, Ронни?

Она вновь кивнула и вдруг заплакала.

Воспоминания проносились перед моими глазами — одно за одним, одно за одним...

Вот я в три года разучиваю на день рождения отца весёлую песенку, залезаю на стул и самозабвенно пою — и вдруг встречаюсь взглядом с ледяными глазами калихари... А потом замечаю, что гости смотрят на меня так, будто перед ними какое-то безобразное чудовище. Соскакиваю со стула и убегаю...

Вот я иду по улице — сегодня мне исполнилось десять — и замечаю милого маленького мальчика лет шести. Улыбаюсь ему, а когда он вздрагивает и бросается прочь, моя улыбка постепенно тает...

Вот я бегу, как шальная, спасаясь от очередных преследователей, и острый булыжник попадает мне в спину, прожигая её огнём...

Вот я падаю в грязь от попавшего в висок камня, а поднимая глаза, вижу ухмыляющееся лицо Джерарда...

Вот я раздеваюсь, готовясь к первому обращению, и слышу вокруг себя смешки и улюлюканье...

... В конце концов я плакала вместе с волчицей, прижимая её к себе. Я оплакивала своё несчастное детство, презрение окружающих, предательство брата...

И почти пропустила тот миг, когда волчица исчезла в ослепительном свете. Но в то же мгновение поняла, что теперь нет никаких «я» и «волчица» по отдельности.

Теперь есть только я.

Я, Рональда, белая волчица.

Глава 15

Рональда

Когда я очнулась, Дэйн целовал мои мокрые от слёз щеки.

— Всё получилось, — улыбнулась я ему.

— Я знаю, — он кивнул и ласково погладил меня по волосам. —

Теперь нам остаётся только ждать. Ты подчинила свою волчицу, но никто не знает, когда она решит себя проявить. Не бойся, ты не сойдёшь с ума в момент обращения, будешь контролировать чувства и эмоции, хотя какое-то время придётся попотеть, привыкая к новому телу и новым ощущениям. Но ты справишься, Ро, я знаю.

Я кивнула и потянулась к его губам.

И в тот миг, когда Дэйн поцеловал меня...

Нет, раньше, конечно, тоже было очень приятно, но теперь!..

От нахлынувших эмоций я задрожала, словно лист на ветру, и крепче прижалась к Дэйну, будто хотела слиться с ним в единое целое.

— Ро...

— Дэйн...

Я застонала, а он зарычал.

И вдруг... треск, и по моим рукам заструилось что-то тёплое.

Я замерла, а Дэйн, оторвавшись от моих губ, засмеялся. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что произошло.

Оказалось, я порвала ему рубашку выпущенными когтями. А потом и с наслаждением впиалась в спину. Так что струившаяся по моим рукам жидкость была кровью Дэйна.

— Извини, — я смутилась.

— Не нужно извиняться, — он вновь засмеялся. — Это нормально и... и прекрасно, Ро.

— Да? — Я в ужасе уставилась на окровавленные ладони. — То, что я сделала тебе больно — прекрасно?!

— Мне не было больно. Ни капельки. — Дэйн поцеловал обе мои ладони и вдруг нахмурился. — Но я думаю, пару дней нам лучше не встречаться. Будешь спать без снов.

— Почему? — я так огорчилась, что чуть не заплакала.

Дэйн улыбнулся, погладил меня по щеке... И я почувствовала, что закрываю глаза и куда-то проваливаюсь.

— Потому что я слишком сильно тебя хочу, милая Ро, — прошептал он и легко поцеловал меня в губы.

А потом я проснулась.

Сердце стучало, как бешеное.

Неужели получилось?.. Неужели я смогла?.. О Дарида, впервые в истории оборотень подчинил внутреннего волка до обращения!

Я засмеялась, зарывшись лицом в подушку.

Пройдёт время, и однажды я смогу обратиться. Я стану белой волчицей! Такой же, как другие оборотни...

И тут я вспомнила, что отреклась от родственников и клана. Вспомнила, что больше не в Арронтаре, и никогда туда не вернусь. И неважно, стану я волчицей или нет — я не смогу забыть презрительное отношение к себе, каждый брошенный камень, предательство близких, и особенно — брата.

Теперь мой дом здесь. Здесь меня приняли такой, какая я есть, окружили теплом и заботой. Этого не было в Арронтаре, даже когда я была маленькой. Там я — отверженная, и всегда буду ею. Я всегда буду помнить об обидных словах, о причинённой мне боли, об отречении. Наверное, когда-нибудь я смогу отпустить своё прошлое. Но простить — нет. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу искажённое неприязнью лицо брата.

А здесь... Я вспомнила глаза Грэя в тот момент, когда мерила платье. Маленькие ручки Эдди, обнимающие мою шею. Слова Араилис: «Я очень хочу быть твоим другом». Ободряющую улыбку Гала, поддержку Дарта и Тора... Они приняли меня в собственном доме, хотя я была им совершенно чужой. Они приняли меня.

Здесь, в Лианоре, за прошедшую пару недель со мной случилось больше хорошего, чем за всю жизнь в Арронтаре.

Подчинение внутреннего волка — это, конечно, замечательно, но это было нужно только для того, чтобы не причинить вреда тем, кого я

полюбила. Мои так называемые «родные» никогда не узнают о том, что их жаба-Рональда всё-таки стала волчицей.

Я поднялась с постели. За окном разгорался рассвет, и в доме стояла полная тишина, нарушаемая только тихим шелестом колыхающихся на ветру занавесок. Я прижала руки к груди и засмеялась.

Мне было так хорошо сейчас. Мне никогда не было так хорошо раньше!

Волчица внутри меня фыркнула и свернулась калачиком. Ей тоже было хорошо.

Внезапно в дверь тихо постучали.

— Ронни?

Я узнала этот негромкий голос сразу.

— Грэй? — прошептала я, распахивая дверь. — Что-то случилось? Почему ты не спишь?

Погрузившись в собственные эмоции, я совершенно забыла о том, что на мне надето. И теперь, заметив немного ошарашенный взгляд мужчины, слегка смутилась.

Впрочем, ненадолго. Рубашка была почти до пола, вырез небольшой — почти платье, в общем. Я неуверенно поджала пальцы на босых ногах, раздумывая, что же делать. Захлопнуть дверь? Попросить отвернуться? Или оставить, как есть?

— Этот же вопрос я хотел задать тебе, — улыбнулся наконец Грэй, поднимая голову, чтобы взглянуть мне в глаза. — Почему ты не спишь, Ронни?

— Откуда ты... — начала я, но тут взгляд мужчины изменился.

— Что ты сделала со своим лицом?!

Я растерялась.

— Ничего...

— Да ладно! — Грэй взял меня за локоть и потащил внутрь комнаты, захлопнув входную дверь. Подвёл к зеркалу и заявил:

— Смотри!

Я послушно посмотрела на своё отражение, и тут же охнула от удивления.

В целом всё осталось по-прежнему. Голубые глаза, широкие дуги бровей, большие жабыи губы. Изменилось только одно. Но и этого оказалось достаточно, чтобы выглядеть иначе.

Нос, похожий раньше на пяточок, стал... обыкновенным. Даже, наверное, изящным. По крайней мере он казался мне именно таким.

Подняв руку, я с изумлением ощупала новое «приобретение». И как это понимать?!

— Ронни!

Я вздрогнула, вспомнив о Грэе. Повернулась к нему и наткнулась на полный возмущения взгляд.

— Что это за эксперименты с внешностью? Сначала волосы, теперь нос! Ронни, ты чем занимаешься в свободное время?

Я помотала головой, по-прежнему ощупывая нос.

— Ничем... Грэй, честное слово! Я не знаю, как так вышло... Тебе не нравится? — закончила я несколько растерянно, всматриваясь в рассерженное лицо мужчины.

Неожиданно выражение его глаз смягчилось. Грэй поднял руку и, перехватив мои пальцы, всё ещё пытающиеся оторвать новое «образование» на лице, тихо сказал:

— Перестань, а то уже натёрла так, что он у тебя покраснел.

Я смутилась, а Грэй улыбнулся.

— Ронни, понимаешь...

Он вдруг положил мою руку, которой я ранее терзала собственный нос, себе на грудь, а потом взъерошил мои волосы.

— Ты нравишься мне с любым носом. Тот или другой — это совершенно не важно. Я просто испугался, что ты проводишь какие-то магические эксперименты, а это может быть опасно.

— Нет, никаких экспериментов. Думаю, так действует магия оборотней. Магия трансформации. Понимаешь, сегодня ночью я подчинила внутреннего волка.

Я не ожидала, что он поймёт. Но Грэй меня удивил — на миг задержал дыхание, а потом улыбнулся и сжал меня в объятиях.

— Ронни, это же чудесно!.. — и прижался губами к виску.

Я рассмеялась и тоже обняла его. Прикосновения Грэя, даже его губы, опустившиеся с виска на щёку — всё это было приятно. Наверное, потому что я знала — он искренен со мной.

— Да, и теперь я когда-нибудь смогу превратиться в волчицу.

Он вдруг напрягся и чуть отстранился от меня.

— И тогда ты вернёшься в Арронтар?

Я удивилась, что он вообще спросил об этом. Будто бы знал, о чём я думала несколько минут назад...

— Нет.

С его губ сорвался вздох облегчения.

— Я думаю, пора идти, будить Эдди, — сказала я, понимающе улыбнувшись. — Только я, пожалуй, сначала переоденусь...

Грэй с лукавой улыбкой оглядел меня, заставив покраснеть.

— По-моему, и так хорошо! — и, рассмеявшись, выскользнул за дверь.

А я неожиданно поймала себя на мысли, что улыбаюсь. Причём сама не понимаю, почему.

Уже спускаясь вниз, я вспомнила, что так и не выяснила у Грэя, откуда он узнал о том, что я проснулась. Я ведь не производила никаких громких звуков — не хлопала дверью, не топала, не кричала. Так как он узнал?..

На кухне были только Грэй и Бугалон. Я узнала их голоса ещё издалека.

Вообще я не хотела подслушивать. Но так уж получилось — когда я приблизилась к кухне, они заговорили особенно громко.

— Почему ты не хочешь рассказать ей? Или хотя бы просто дай амулет! — горячился Гал. — Послушай меня, я ведь никогда не желал тебе зла!

— Я не могу, — судя по голосу, Грэй злился.

— Но почему?!

— Не знаю! Каждый раз открываю рот — и не знаю, как начать!

— Давай тогда я начну — я прекрасно знаю, как!

— Нет! — Грэй рявкнул так, что я подпрыгнула. — Я сам. Может быть. Когда-нибудь.

Даже не видя их, я почему-то представила, как Гал качает головой.

— Откуда в тебе эта слабость? Ты ведь и сам знаешь, что оттягиванием момента объяснения делаешь только хуже. И себе, и ей.

Молчание.

— Хотя бы дай амулет. Ты ведь иначе...

— Поздно, Гал. Я уже привык.

Молчание стало по-настоящему тягостным.

— Дурак! — вдруг припечатал Бугалон.

Грэй рассмеялся.

— Я знаю. Причём я и сам не заметил, как это случилось. Но, кхарт, ты даже не представляешь, на что она похожа... Как ключевая вода. Чистая, свежая... Порой я даже пьянею.

Интересно, о ком или о чём говорит Грэй с такой страстью?

Решив, что пора прерывать это бессовестное подслушивание, я зашла на кухню, натянув на лицо маску «а-я-ничего-не-знаю-просто-мимо-проходила».

— Доброе утро!

Ух, как они напряглись! И с чего, спрашивается?

— Насколько я помню, сегодня нам предстоит поразить воображение Рагташа и Дрейка? Они ведь придут в гости вечером? — спросила я беззаботно, усаживаясь на стул рядом с Грэем. — И чего будем готовить? Араилис подключим?

Услышав последнее предположение, тролль наконец расслабился и рассмеялся.

— Нет уж, иначе тебе потом придётся лечить дорогих гостей от последствий, вызванных её стряпней.

— Стряпня? Кто сказал, стряпня? Очень кушать хочется! — закричал Тор откуда-то из прихожей, да так, что я подпрыгнула.

— У-у-у-у! — раздался восторженный визг Эдди, а следом за ним оглушительный грохот и вопль Араилис:

— Эдди!! Прекрати немедленно! Элфи — не лошадь, чтобы на нём кататься!!

Мы с Грэем переглянулись, улыбнувшись друг другу.

Утро началось!

Сразу после завтрака Дарт и Тор открыли мастерскую и удалились встречать первых посетителей, а Грэй, Гал и Эдди ушли по делам на пару часов. Мы же с Ари обосновались на кухне — я делала тесто для пирогов к ужину, а она выполняла очередное задание от Эллейн.

— Симпатичный носик, — сказала девушка, улыбнувшись, когда я проходила мимо, чтобы отнести кастрюлю с тестом в тепло.

— Странно, что никто, кроме тебя и Грэя, не заметил, — засмеялась я.

— Все заметили, просто Грэй попросил не задавать тебе вопросов.

— Когда он успел?!

— О! — Ари рассмеялась. — Когда ему нужно, Грэй может успеть абсолютно всё. Одним жестом или даже взглядом столько всего передаст... Ты забываешь, где он рос.

— В императорском дворце, — я вздохнула. — Да, ты права, я всё время забываю об этом. Он, наверное, сейчас туда пошёл?

— Всё возможно, — пожалала плечами Араилис, но, судя по её лукавому взгляду, она точно знала, где в этот момент находится Грэй. Да, иногда я начала понимать Тора, который откровенно бесился каждый раз, когда осознавал, что она в курсе происходящего, но всё равно ничего не скажет.

— Очень жаль, что Грэй так и не позвал Эллейн. Я была бы рада её видеть, — вздохнула я. — Я просила его сделать исключение на сегодняшний вечер, но...

— Боль ещё слишком сильна, Ронни, — Араилис вновь взяла перо и склонилась над своими записями. — Слишком сильна...

В этот момент я несла к столу миску с нарезанными Галом овощами и, споткнувшись, чуть не упала.

Почему я поняла это только сейчас?..

Араилис подняла голову и спокойно взглянула на меня. Сцепила пальцы и положила их перед собой, а потом легко улыбнулась.

— Ты ведь знаешь, да? — прошептала я, изо всех сил стискивая миску с овощами. — Знаешь, кто наслал проклятье на Эдди? Ты не можешь не знать этого, Ари...

Она кивнула.

— Разумеется, знаю.

— Но... Ари!

— Хватит!

Глаза девушки внезапно стали такими холодными, что я повела плечами — вокруг словно снежинки закружились.

— Я уже объясняла это. И тебе, и остальным. Я ничего не рассказываю. Так будет лучше.

— Но если он попытается причинить вред Эдди ещё раз?

Несколько секунд она молчала, закусив губу, а потом начала говорить. Медленно, будто обдумывая каждое слово.

— Ронни, наша жизнь — не просто цепочка событий, это нечто большее. Любой из нас связан с кем-то другим. И если я расскажу

одно событие, всего лишь одно событие — возможно, оно затронет ещё чьи-то судьбы, кроме твоей собственной. Я приведу пример... Если бы я тогда не рассказала маме про своё предсказание, ты бы никогда не появилась в этом доме. Понимаешь?

Я нахмурилась.

— Нет.

— Лил была бы жива! О Дарида, ведь Грэй поехал в Арронтар не для того, чтобы поговорить с Нарро. Он хотел увидеть Неизвестное море. Море Скорби.

Я закашлялась.

— Если бы я не рассказала маме... Либо Лил и Грэй остались бы живы и со временем справились с горем, либо они оба умерли бы. Но в обоих случаях тебя в этом доме никогда бы не появилось. Понимаешь, о чём я говорю? Никто, даже я, не представлял, что моё предсказание заденет твою судьбу.

Я поставила миску с овощами на стол и, вздохнув, тихо сказала:

— Я очень рада, что оказалась здесь.

Взгляд Араилис смягчился. Она подошла ко мне и взяла за руку.

— Я тоже рада. Но так бывает всегда, Ронни. Одному плохо, другому хорошо. И я предпочитаю не вмешиваться в естественный ход событий.

— Значит, Эдди может погибнуть?

Рука Ари, сжимающая мою ладонь, чуть дрогнула.

— Я не могу сказать, — прошептала она. — Прости меня. Я предупреждала...

— Я понимаю тебя. И не обижаюсь, честно. Хорошо, давай не будем об этом. Но я ведь могу задать вопрос, не связанный с твоими предсказаниями?

— Конечно.

— Ты не знаешь, что такое *дэрри*?

К моему удивлению, Араилис расхохоталась.

С тех пор, как Аравейн произнёс это слово в моём присутствии при нашей первой встрече, я безуспешно искала его в различных книгах. Спрашивала у Эллейн, что оно означает, но герцогиня лишь улыбнулась и ответила что-то вроде: «Ты должна выяснить это сама».

Дело осложнялось тем, что времени на выяснение истины у меня совершенно не имелось. Да и где искать-то? Ни в одной книге,

находящейся в данный момент в здании школы, ничего подобного не содержалось.

— Ох, Ронни, — отсмеявшись, сказала Ари, вытирая рукавом платья заслезившиеся глаза, — честное слово, я бы с удовольствием объяснила тебе! Но боюсь, это всё испортит. Всему своё время.

Я недовольно засопела, и Араилис вновь рассмеялась.

— Ладно, я дам маленькую подсказочку, — она подмигнула. — Императорская библиотека.

— Что?

— Ищи в императорской библиотеке. Если не найдёшь и там, значит, не время.

Да уж, маленькая подсказочка. Я думаю, у этой библиотеки такие размеры, что искать я буду до конца жизни.

Но я найду. Непременно найду. Не знаю, почему, но я чувствовала — это что-то очень важное. Не менее важное, чем подчинение внутреннего волка и система защиты здания школы Эллейн.

Бугалон, Грэй и Эдди вернулись примерно за три часа до ужина. И, зайдя на кухню, мальчик сразу же выпалил:

— А я познакомился с бабушкой и дедушкой!

Ошеломлённая этими словами, я опустила на стул, краем глаза успев заметить быструю ухмылку Араилис.

— Это... — я кашлянула. — Прекрасно, Эдди. И как они тебе?

Гал с каменным лицом прошёл дальше и принялся завязывать фартук, оглядывая всё, что я успела приготовить.

Я подняла голову и посмотрела на Грэя, застывшего в дверном проёме. Он молчал, словно его сын только что не произносил ничего необычного. Действительно, что может быть необычного в знакомстве с дедушкой и бабушкой?!

Только их отсутствие...

— Они замечательные! — Эдди, сияя, как новенькая золотая монета, подбежал ко мне и уселся прямо на колени. — А почему ты не пошла с нами?

Я ласково погладила мальчика по волосам.

— Я готовила праздничный ужин, милый. У нас сегодня гости, помнишь?

Эдди кивнул, а потом оглянулся на своего отца и спросил:

— А бабушка с дедушкой придут?

Грэй выглядел так, словно только что выпил горькое лекарство и теперь его тошнит.

— Нет, Эдди. Сегодня они заняты. Придут в следующий раз. Ари... можешь отвести его наверх? Пожалуйста.

Я только рот раскрыла, чтобы спросить, зачем, как девушка спрыгнула со стула и моментально утатила Эдвина с моих коленок. И я неожиданно подумала о том, что в её даре есть и кое-что полезное для общества. Араилис не задавала лишних вопросов. Никогда. И она моментально поняла, что Грэю необходимо со мной поговорить. Я осознала этот факт только когда с кухни вышел ещё и Гал.

— Ты можешь ничего не объяснять, — произнесла я, как только шаги тролля стихли. — Правда, это абсолютно не моё де...

— А если я хочу объяснить?

Грэй подошёл чуть ближе, я же оставалась сидеть на стуле, почему-то нервно комкая пальцами край фартука.

— Ронни... — он взял другой стул и сел рядом. — Я не считаю тебя чужой, поэтому хочу, чтобы ты понимала. Только спроси что-нибудь, а то я не знаю, с чего начать.

— Тогда объясни, почему бабушка с дедушкой сегодня не придут на ужин. Еды вполне достаточно.

— Дело не в еде, — он вздохнул. — Ронни, ты сама не захочешь с ними знакомиться.

Я? Не захочу? Но разве я могу диктовать условия?

— Бабушку и дедушку Эдвина, — Грэй вновь вздохнул, — зовут Эдигор и Дориана.

Императорская чета...

— Как же я сразу не догадалась... Они ведь вырастили тебя.

Мужчина почему-то поморщился.

— Я поэтому и повёл сегодня Эдди во дворец. Я и так задолжал им четыре года, Ронни.

— Грэй! — не выдержав, я схватила его за руку. — Но это ведь глупо! Из-за меня лишать мальчика общения... Давай лучше уйду я?

Грэй вдруг накрыл мою руку своей и чуть сжал пальцы.

— Уйдёшь? Куда?

— Куда угодно! Да хоть в школу поеду, поработаю пока...

— Нет.

Услышав его голос, я вздрогнула. Это сейчас точно Грэй произнёс? Мой знакомый мягкий, добрый Грэй?

Нет, не он. Я поняла это, взглянув мужчине в глаза. Я никогда не видела у него таких глаз. Они были... как камень. Крепкие, решительные, несокрушимые. Сильные.

И губы сжал так, что их и не видно.

— Ты никуда не пойдёшь, Ронни, — сказал он тихо, но твёрдо. — Ты сегодня будешь здесь. Со мной. И с Эдди.

Это была не просьба — приказ. Грэй впервые приказывал мне!

Видимо, моё изумление этому факту отразилось на лице, потому что добавил он уже мягче:

— Пожалуйста.

Я улыбнулась.

— Какой строгий Старший лорд, — подняв руку, я дотронулась кончиками пальцев до его скулы. Черты лица Грэя тут же разгладились, глаза весело заблестели. — Конечно, я выполню любую вашу просьбу, лорд.

— Любую? — засмеявшись, он перехватил мою руку и придвинулся чуть ближе.

— В пределах моих возможностей, разумеется.

Кажется, Грэй хотел сказать что-то ещё, потому что глаза его сверкали уже совершенно по-хулигански, но возможности сделать это я не дала.

— А теперь брысь с кухни! А то праздничный ужин подгорит. Вон, пирожки уже издают из духовки предсмертные вопли.

— Слушаюсь и повинуюсь, моя леди! — Грэй, вскочив, отвесил мне шуточный поклон и действительно вышел из кухни.

А я, поворачиваясь к плите, в очередной раз поймала себя на том, что улыбаюсь. И вновь не могла понять, почему.

Глава 16

Рональда

Они должны были прийти к семи часам. Оставалось двадцать минут.

Я, прищурившись, строго оглядывала отражение в зеркале. Давно я не смотрела так долго на своё отражение. Может быть, потому, что смотреть было не на что?

А теперь что изменилось?

Волосы. Они сияли, как золото, мягкими локонами ложась на плечи, руки и спину. Я впервые в жизни распустила их, не стала закалывать или заплетать в косу. Это было странно, непривычно, но совершенно восхитительно.

Нос. Он был тонким и даже изящным, и моё лицо смотрелось гораздо лучше.

Но дело было не только во внешности. Я изменилась внутри, в душе. Нет, не из-за волчицы. Изменения начали происходить давно, наверное, как только Грэй увёз меня из Арронтара.

Рядом с ним я начинала верить в себя. Верить в то, что не обязательно всё время сравнивать себя с кем-то другим. Верить в то, что быть не такой, как все — это не так уж и плохо. Верить в то, что я достойна большего, чем пожизненные презрительные взгляды в спину.

Возможно, именно поэтому я смогла посмотреть на своё отражение прямо и открыто — впервые за много лет.

Я улыбнулась и покрутилась перед зеркалом. Сегодня я решила надеть то голубое платье, которое мы с Грэем и Эдди купили на прошлой неделе. И получила удовольствие, разглядывая собственное отражение!

Невероятно.

— Ронни? Ты готова? — раздался за дверью голос Грэя.

— Да, — я распахнула её и остановилась на пороге, с улыбкой заглядывая мужчине в лицо.

Восхищение, мелькнувшее в его глазах, заставило меня рассмеяться.

— Ты... такая... — он запнулся, подбирая слово.

— Какая?

Я слышала свой смех словно со стороны. Такой радостный, счастливый, звонкий. А потом вдруг вспомнила, что мне ни разу в жизни не делали комплимент.

И замерла, ожидая слов Грэя...

— Настоящая, — произнёс он с улыбкой, легко дотрагиваясь до моих волос. — Настоящая, Ронни.

— А ещё?

— Невероятная. Искренняя.

— А ещё?

Мы оба уже хохотали в голос.

— Ещё? М-м-м... Нежная, добрая, мягкая... И очень-очень красивая. Самая лучшая.

После всех этих слов у меня заболело сердце. Но не так, как раньше. Нет, совсем не так...

Эта боль была сладкой и приятной. Хотелось плакать и смеяться одновременно.

— Пойдём вниз? — Он улыбнулся, взяв меня под руку. — Ратташ и Дрейк придут через пару минут.

Я кивнула, вдруг поняв — что бы ни случилось этим вечером, ничему не удастся разрушить замечательное настроение, подаренное мне Грэем.

Они меня не узнали!

Это было забавно.

Ратташ и Дрейк, увидев меня рядом со своим другом, несколько секунд не могли связать эту Ронни с Рональдой в строгом тёмном платье, которая работала вместе с ними.

Выглядели они оба в этот вечер так, как подобает Старшим лордам. Тёмные парадные костюмы, белые рубашки, элегантные ботинки. Аккуратно торчащие краешки носовых платков из нагрудных карманов. И, конечно же, гербовые пряжки на ремнях. Серебряные.

— Добрый вечер, Рат, — Грэй по очереди поприветствовал обоих мужчин. — Здравствуй, Дрейк.

Они пожали друг другу руки, а уж потом обратили внимание на меня.

— Ну, с Рональдой вы оба знакомы... — сказал в тот момент Грэй, и я заметила, как у наших гостей округлились глаза.

— Очень рада, — произнесла я, стараясь не засмеяться. — Пройдёмте в столовую? Ужин готов.

Несколько секунд молчания — и Рат, откашлявшись, пробормотал:

— Да-да, конечно.

Судя по дрожащим губам Грэя, его эта ситуация тоже забавляла. Он взял меня под руку, кивнул друзьям и пошёл по направлению к столовой.

Там нас уже ждали остальные, включая Эдди, который, увидев гостей, радостно бросился им навстречу.

— Дядя Рат! Дядя Дрейк!

Лица мужчин расплылись в улыбках. Эльф подхватил Эдвина на руки, а Ратташ начал щекотать мальчишку, из-за чего тот залился ещё более громким хохотом.

Я в этот момент смотрела на Дрейка. Его хмурая физиономия разгладилась, чёрные глаза заблестели, а улыбка придала ему мягкости и какой-то беззащитности. Передо мной словно другой человек стоял. Точнее, другой эльф.

Он поднял голову и, наткнувшись на мой взгляд, вновь оцепенел.

Вопреки ожиданиям, вечер прошёл хорошо. Дрейк делал вид, будто меня не существует, разговаривая со всеми прочими и избегая встречаться со мной глазами. Я понимала — скорее всего, он делает это не потому что проникся выдержкой из книги, просто не хочет расстраивать друга.

Разговор тёк спокойно и непринуждённо. Я почти не вмешивалась, не желая привлечь внимание эльфа, но Грэй каким-то образом всё время умудрялся втягивать меня в беседу.

Я услышала много историй из их детства. Вспоминали в основном Гал, Ратташ или Грэй, а Дрейк отделялся короткими, незначительными фразами. Дарт и Тор, уставшие после рабочего дня,

больше ели, нежели разговаривали, Араилис же слушала, рассеянно улыбаясь, будто мысленно находилась не здесь.

— Драться нас учили Аравейн, Гал и Гром, отец Дрейка, — рассказывал Рат. — Причём Аравейн и Гром начали гонять нас почти одновременно, а Гал сильно позже, когда мы подросли. Больше всех доставалось, конечно, Интамару, поскольку положение обязывает, но и остальные должны были соответствовать.

— А как мы соревновались друг с другом, помнишь? — рассмеялся Грэй. — Всегда и во всём! Кто попадёт в мишень из лука большее число раз? Кто выстоит против Аравейна дольше десяти секунд? Кто сможет метнуть кинжал так, чтобы он воткнулся между камнями дворцовой стены?

— И кто побеждал? — поинтересовалась я.

— Когда как. Но чем старше мы становились, тем сильнее уступали Интамару. Да, Грэй? — По губам Ратташа скользнула какая-то странная улыбка.

— Наследник престола, — Грэй усмехнулся, — обязан быть лучшим. И он это понимал. Да и император никогда в жизни не дал бы ему забыть об этом. В плане воспитания Эдигор всегда казался мне похожим на Эллейн.

— Вот уж нет! — воскликнул Рат, весело сверкая глазами. — Не припомню, чтобы его величество когда-либо пугал меня так, как Элли.

— Что?..

Я перевела недоумевающий взгляд с Ратташа на Грэя.

— Эллейн? Пугала?

— О-о-о! — Они рассмеялись, и Грэй продолжил рассказывать: — Понимаешь, нашим воспитанием в основном занимался Аравейн, а Элли... она всегда была дворцовым лекарем. И к тому же, часто куда-то уезжала.

Ну разумеется. Она же учёный. Лучший справочник по растениям Эрамира принадлежит перу герцогини. Как бы она его написала, постоянно сидя во дворце?

— И с нами Элли всегда была милой и доброй, играла, рассказывала различные истории. Но однажды мы решили, что пора узнать страшную тайну. А именно, что Эллейн прячет в своей лаборатории. Нам было лет по десять, и это слово — лаборатория... Оно ласкало слух и вызывало неконтролируемый приступ

любопытства. — Грэй весело хмыкнул. — В то время Элли запирала её на ключ, если не считать небольшого охранного заклинания на магии Крови, которое Дрейк взломал в два счёта.

— Талант! — я искренне восхитилась, но эльф, кажется, решил, что это сарказм.

— Эллейн не думала, что кто-то полезет в её лабораторию. Там не было ничего интересного и тем более секретного, — процедил Дрейк, даже не посмотрев на меня. — А заклинание я убрал благодаря волосу, который накануне снял с её одежды.

Я решила не отвечать, всё равно не поверит. А ведь я прекрасно знаю, что только каждый десятый маг Крови может работать с волосами. Там ведь никакой крови нет.

— В общем, — продолжил Грэй, — зайти в лабораторию-то мы успели, а вот выйти... У Элли, естественно, охранное заклинание было поставлено, а в силу возраста никто из нас его даже не заметил. Дверь захлопнулась, окна закрылись ставнями, и мы оказались в полной темноте.

— Бедняги. И долго вы там просидели? — хмыкнула я.

— Не очень. Полчаса, наверное. Но за это время успели расколотить половину её реактивов — в темноте натыкались на столы постоянно. И когда Элли явилась и увидела всё это безобразие... — Грэй на секунду замолчал, словно вспоминая. — Мы её до этого совсем не боялись, Ронни. И даже когда нас закрыло в лаборатории, нисколько не испугались. Но потом, когда Эллейн возникла на пороге... Глаза её светились, а в волосах, кажется, даже молнии сверкали...

— И в воздухе запахло грозой, — сказала вдруг Араилис. Я улыбнулась: видимо, эту картину девушка тоже когда-то видела.

— Верно, — кивнул Грэй. — Но дальше было хуже. Не говоря ни слова, она махнула рукой, ставни открылись, Эллейн схватила нас... пятерых за шкурки и вылетела в окно. Вместе с нами, разумеется.

— Пятерых?..

— Я, Интамар, Рат, Дрейк и ещё его брат, Мирей. Он сейчас в землях тёмных эльфов. В общем, Эллейн зависла с нами над дворцом. Ты даже не представляешь, Ронни, как это было страшно — висеть так высоко, да ещё казалось, что она сейчас возьмёт и отпустит нас. А потом она начала говорить. Клянусь, меня в жизни так никто не

отчитывал, даже Аравейн. Причём она не кричала, спокойно всё, тихо, даже ласково...

— Но мурашки по коже бегают, — вновь вздохнула Ари.

— Точно. Говорила Эллейн минут десять от силы, но нам показалось — вечность, так жутко было. А потом опустилась вниз и...

— Превратила их в мышей, — на губах Араилис мелькнула лёгкая улыбка, а я вздрогнула.

— В мышей?!

— Да, — кивнула девушка. — За недопустимые поступки мама всегда превращала меня в мышь. Я поэтому и не люблю дворцового управляющего — он вечно пользовался случаем и гонял меня по замку мокрым веником. Думаю, с мальчиками мама сделала то же самое. Без спроса пробраться в чужую комнату — не важно, в чью — это недопустимый поступок.

— А Элли не боялась, что с вами что-нибудь случится? — поинтересовалась я у Грэя.

— Не думаю, — мужчина покачал головой. — Она никогда не стала бы подвергать опасности никого из нас, тем более Интамара. На каждой мышьиной шкурке наверняка стояло огромное количество охранных заклинаний.

— Само собой, — сказала Араилис. — Вот только в детстве ты этого не осознаешь, и тебе всё время кажется, что ещё немного — и этот ужасный мокрый веник опустится прямо на твой замечательный хвостик...

Я хихикнула.

— Чувствую, быть мышами вам не понравилось.

Грэй, Ратташ, Дрейк и Араилис одновременно скривились, и тут раздался голос Эдди:

— А я бы хотел, чтобы Элли превратила меня в мышонка. Это же самые настоящие приключения! Как в книжке, — и мальчик широко зевнул.

Я в ужасе покосилась на настенные часы.

— О Дарида!.. Грэй, ему давно пора спать. Пойдём, Эдди, я тебя уложу.

Ребёнок кивнул и обхватил обеими руками мою шею.

Я поднялась наверх, помогла мальчику умыться и переодеться, уложила в кровать и ещё примерно полчаса читала ему книгу. А потом,

когда Эдди уснул, лучше укрыла его одеялом и поцеловала в щёку, пахнущую свежестью и молоком.

Когда я спутилась вниз, Дрейк и Ратташ уже собирались уходить, и несмотря на то, что вечер прошёл хорошо, я вздохнула с облегчением. Эллейн передала через Рата, что собираться в школе мы будем только через два дня, а значит, я успею поработать над заклинанием самостоятельно, да и отдохнуть от поведения Дрейка мне не помешает.

— И я, пожалуй, пойду, — сказала Араилис после того, как за Дрейком и Ратташем закрылась входная дверь. Дарт и Тор к тому времени уже отправились спать, и в столовой оставались только я, Грэй, Ари и Гал. — Ронни, завтра меня не будет. Ты посидишь с Эдди?

— Конечно, — я кивнула. — Не волнуйся. А ты куда-то уезжаешь?

— Нет. Маме норматив сдаю. У меня своеобразный экзамен каждые месяц-два. Завтра целый день буду во дворце пропадать до самой ночи.

— Мне тоже нужно во дворец, — заметил Грэй, кинув короткий взгляд на Бугалона. — Ронни, обещай одна никуда не ходить, хорошо? Гал завтра должен пойти со мной, вы с Эдди останетесь вдвоём. Дарта и Тора я не считаю, они в магазине целый день будут сидеть.

— Ладно, договорились.

Я понимала беспокойство Грэя. Он потерял жену и теперь совсем не хотел потерять ещё и сына.

Я посмотрела на Ари. Лицо девушки было абсолютно спокойным, даже безмятежным. Неужели она не предупредит нас, если узнает о грозящей Эдди опасности? Я так до конца и не смогла в это поверить.

— Кстати, Ари, я хотела тебя спросить, — отогнав от себя невесёлые мысли, я улыбнулась. — Грэй с друзьями залезли в лабораторию Эллейн, а что сделала ты? Ты сказала: «В воздухе пахло грозой», и я решила, что на тебя она тоже когда-то очень сердилась.

К моему удивлению, все присутствующие, кроме Араилис, засмеялись. Сама же девушка страдальчески поморщилась.

— Ох, Ронни! Честно говоря, я бы не хотела вспоминать...

— Перестань! Я расскажу, — подмигнул мне Гал. — Понимаешь, Эдди, как и любой ребёнок, поначалу практически не выговаривал слова. И Ари так замучилась расшифровывать эти речи, что однажды, рассердившись, шарахнула его каким-то неведомым заклинанием, из-за которого он сразу перестал картавить и вообще стал говорить чисто, как взрослый.

— Но это же хорошо.

— Нет, — вмешалась Ари, продолжая морщиться. — Это было бы хорошо, если бы я сделала всё сознательно! А я не понимала, каким образом достигла такого эффекта. Могло бы получиться наоборот, понимаешь? Эдди бы перестал разговаривать вообще! И это в лучшем случае. Последствия таких спонтанных заклинаний всегда непредсказуемы. Мама в тот раз разозлилась на меня очень сильно. Это было действительно страшно, Ронни. Я так испугалась, что превратилась в мышь самостоятельно.

Грэй и Гал вновь рассмеялись, но я даже не улыбнулась — смотрела на Араилис. Девушке действительно было очень стыдно за ту свою ошибку. И она была права — всё могло закончиться намного печальнее.

— Не переживай. Это уже в прошлом. И с Эдди всё в порядке, — я улыбнулась Ари.

— Ладно, — она вздохнула, поглядев на заваленный грязной посудой стол. — Гал, может быть, мне остаться, помочь тебе вымыть?..

— Иди, — махнул рукой тролль. — Тебе завтра трудный денёк предстоит. Так что давай, шнырь во дворец. Ронни, Грэй, вы тоже идите спать, я тут и один справлюсь.

— Ты уверен? — спросили мы хором.

— Абсолютно. Уверенней не бывает. Давайте, валите отсюда и не мешайте мне убираться. Спокойной ночи.

Звонко рассмеявшись, Араилис потрянула головой и вдруг превратилась в снежно-белую маленькую птичку. Махнув крылом, птица-Ари вылетела в окно и растворилась в мраке ночного неба.

— Пойдём, Ронни. Не будем мешаться Галу под ногами. — Грэй подхватил меня под руку и вывел прочь из столовой.

Уже на лестнице я тихо поинтересовалась:

— А Интамар сегодня не пришёл по той же причине, что и императорская чета?

Рука Грэя на моём локте чуть дрогнула.

— А ты бы хотела, чтобы он пришёл?

Я пожала плечами.

— Он ведь твой друг. Рат и Дрейк пришли, Мирей в отъезде, а Интамар? Грэй, я не хочу мешать твоим отношениям...

— Ты не мешаешь.

Мы дошли до второго этажа, и мужчина развернулся лицом ко мне, сделал шаг вперёд и положил одну руку на моё плечо, второй продолжая придерживать за локоть.

— Как же не мешаю, если я...

— Я сказал. Ты. Не. Мешаешь.

Он произнёс это, чеканя каждое слово, будто приказ отдавал.

— Перестань. Хватит обвинять себя во всём на свете. Если он не пришёл — значит, занят.

— Иногда ты удивляешь меня, — я покачала головой. — Грэй, ты вроде добрый и мягкий, но порой бываешь жёстче некуда. И сейчас у меня такое чувство, будто я — солдат императорского гарнизона.

— Прости, — он улыбнулся, но глаза остались серьёзными. — Просто ты... Кхаррт, Ронни, я и так запутался! А ты своими вопросами путаешь меня ещё больше. Иди спать. Потом поговорим.

Грэй развернулся и скрылся в своей комнате так быстро, что я даже рот не успела открыть.

Стоявший возле меня Элфи ткнулся мокрым носом в ладонь и чуть слышно зарычал.

— Да, мой хороший, — вздохнула я, погладив хати по голове. — Я тоже не понимаю, какой дохлый кот его укусил.

Глава 17

Рональда

Ночью мне очень не хватало Дэйна. Я пришла к нашему озеру и долго сидела на берегу, любуясь игрой солнечных бликов на воде и танцем разноцветных рыбок. Садящиеся на озеро птицы чистили своё пёрышки, чирикали и улетали, а я всё сидела и ждала Дэйна.

Он предупредил, что не придёт, но я думала — вдруг передумает? И звала его. Звала, пока не уснула.

Подумать только — я уснула... во сне!

А проснувшись, обнаружила в руке букет лесных фиалок.

Зарывшись носом в цветы, я вдыхала их нежный, почти неуловимый аромат, чувствуя, как он успокаивает мою растревоженную душу.

— Спасибо, Дэйн, — прошептала я, веря — он услышит. — Ты всегда знаешь, что мне нужно.

Утром следующего дня я проснулась от ощущения, что по мне кто-то ползёт. Этот кто-то пах так вкусно, что мне немедленно захотелось позавтракать, даже в животе заурчало.

— Мама, — прошептал на ухо знакомый голос. — Проснись, мама.

Я улыбнулась, когда маленькие ручки обняли мою шею, а к щеке прижалось что-то мягкое и тёплое.

Стоп. Мама?

Какая мама?..

Я распахнула глаза и увидела перед собой улыбающееся лицо Эдди.

— Доброе утро, мама!

Яркий солнечный свет заливал комнату, где-то внизу слышался звонкий лай Элфи, а от Эдди сладко пахло свежим молоком...

— Мама? — переспросила я. Спросонок никак не могла понять, кого мальчик так называет.

— Ага! — радостно ответил ребёнок. — Мама. Давай, вставай! Папа просил тебя разбудить. Он сейчас уходит вместе с Галом. Ты долго спала!

В голове, как снежинки во время снегопада, кружились обрывки мыслей, и все они никак не вязались у меня со счастливым лицом Эдди.

Я села на постели, не выпуская мальчика из объятий, и тихо спросила:

— Милый... а почему ты называешь меня мамой? Кто тебе это сказал?

Ребёнок посмотрел на меня с недоумением.

— Никто. Я сам понял! Ты — мама! Папа говорил, что ты ушла и никогда больше не вернёшься! Но я знал, что так не может быть! И ты вернулась!

Эдди говорил это настолько искренне и радостно... А я...

Мне было стыдно. Стыдно, потому что, услышав в его устах слово «мама», я почувствовала такое ослепительное, обжигающее, абсолютное счастье...

— Эдди, — я обняла мальчика крепче, — мне жаль, но я не твоя мама.

Я должна была это сказать. Просто должна.

— Неправда, — он покачал головой, глядя на меня с укоризной. — Зачем ты врешь? Ты — мама. Я точно знаю.

Впервые в жизни я настолько растерялась.

— Эдди, милый... Давай мы поговорим об этом вечером с папой? Он тебе всё объяснит, хорошо?

Мальчик кивнул, вырвался из объятий и соскочил с кровати.

— Ага! А теперь вставай! И догоняй нас с Элфи! — Эдвин выбежал из комнаты вместе с хати, а я, встав с постели, первым делом посмотрелась в зеркало.

Никаких изменений во внешности. Вот и хорошо, пожалуй, это было бы уже слишком...

Я наведальась в ванную, умылась и надела обычное тёмно-коричневое платье с белым кружевным воротником, в котором ходила на работу. Заплела ставшие неожиданно густыми волосы в косу,

возвращаясь к привычному образу. Хотя даже так отражение не казалось мне привычным. Толстая золотая коса и удивительно изящный нос принадлежали незнакомой Рональде.

Спустившись вниз, я обнаружила Бугалона и Грэя уже в дверях. Эдди сидел на спине радостно виляющего хвостом Элфи и что-то громко вещал отцу, у которого, судя по бегающему взгляду, заканчивались и время, и терпение.

— Доброе утро, — сказала я громко, после чего все обратили на меня внимание. Эдди заулыбался, Гал кивнул, а Грэй едва слышно вздохнул.

— Наконец-то!.. Ронни, нам пора. Ты как, справишься одна?

— Разумеется, — я кивнула, сходя со ступенек и подхватывая на руки радостно засмеявшегося Эдвина. — Всё будет в порядке, не волнуйся, Грэй.

— Там на столе завтрак для тебя, — вмешался в разговор Гал. — А Эдди уже поел.

— Спасибо, — я благодарно улыбнулась троллю — после того, как Бугалон вчера перемыл всю посуду, я не думала, что в его силах будет ещё и завтрак приготовить.

— И помни, о чём я просил тебя вчера, — тихо сказал Грэй, заглядывая мне в глаза. Я крепче прижала к себе Эдди и снова кивнула.

Конечно, сидеть весь день дома — перспектива невесёлая, но что делать. Грэй, как я поняла, старался никуда не отпускать сына без магической поддержки Араилис.

Через пару минут Грэй и Гал ушли, а мы с Эдди направились на кухню, где я подогрела успевшую остыть кашу и быстро проглотила её, пока мальчик рисовал что-то на листке бумаги.

— Мама, — неожиданно позвал меня Эдди, — смотри!

Я послушно склонилась над мальчиком, не обратив внимания на то, как он меня назвал.

Рисовал Эдвин много и коряво, что вполне понятно для ребёнка четырёх лет, но иногда эти картинки поражали. Вот и сейчас его рисунок ударил меня прямым в грудную клетку, заставив задержать дыхание.

Три человеческие фигурки, кривые, но вполне узнаваемые, стояли на зелёной полянке под деревом, усыпанным ярко-красными плодами. А над деревом, в безмятежно-голубом небе, сияли два солнца.

Фигуркой слева был Грэй, я узнала его тёмные волосы до плеч — Эдди удалось изобразить их довольно похоже. Посередине мальчик нарисовал самого себя с улыбкой от уха до уха. А справа... справа стояла фигурка в голубом платье с толстой косой жёлтого цвета.

Эдди на рисунке держал нас обоих за руки.

— Нравится? — спросил мальчик с некоторой тревогой в голосе.

Я сглотнула.

— Милый... а почему у тебя на рисунке два солнца?

На лице у Эдди было написано крупными буквами: «Это же очевидно!».

— Вот это, побольше, — он ткнул пальцем в одно солнце, — мама. А это, поменьше, — ткнул в другое солнце, — её ребёнок. Всем детям нужны мамы!

Что-то задрожало внутри меня, в самой моей сути. Я почувствовала, как в уголках глаз вскипают слёзы, и осторожно дотронулась кончиками пальцев до плеча Эдди, чтобы секундой позже сжать его в объятиях, прижимая к груди тёмноволосую макушку.

Родная мама Эдвина никогда не обнимала его так. У неё просто не было возможности. А вот моя...

Сколько я ни копалась в воспоминаниях, не смогла вспомнить ни единого материнского объятия. Может быть, когда я ещё лежала в кроватке и могла только гукать, Прайма и брала меня на руки, но позже — нет, никогда.

Возможно, моя тяга к Эдди связана именно с этим? Подсознательно я ассоциирую его с собой, поэтому стараюсь дать мальчику любовь и нежность, которых была лишена?

«Выпрями спину и перестань сутулиться! — раздался в ушах презрительный голос Праймы. — Что за ребёнок! Мало того, что ты родилась такой жабой, ещё и вести себя нормально не умеешь! Сейчас же возьми в руки вилку и съешь всё мясо из тарелки».

«Затяни её потуже, Мирана. Может быть, хоть так она перестанет быть похожей на бочонок с ножками».

«Отрекаюсь...»

Интересно, перестанут ли воспоминания о прошлом тревожить меня? Поблекнут ли со временем?

Я задумчиво потёрла пальцами шрам на виске, оставшийся после одного из брошенных Джерардом камней, и криво усмехнулась.

Полдня мы с Эдди бездельничали – рисовали, играли и читали книжки. А после обеда к нам неожиданно нагрянул Ратташ, принеся с собой краткую записку от Грэя, в которой сообщалось, что вместе с ним мы можем пойти прогуляться с императорский парк. Нашей с Эдди радости не было предела! Хотя я всё же радовалась чуть меньше, но не потому что не хотела идти гулять – я боялась, что мальчик может назвать меня мамой при Рате, и придётся как-то это объяснить, оправдываться. Лучше бы всё-таки избежать подобного, поговорив сначала с Грэмем.

Мы с Эдди оделись потеплее — день выдался прохладный — и вместе с нашим сопровождающим вышли на улицу.

Рано утром прошёл дождь, и теперь трава и листья деревьев блестели от капелек воды. Дул сырой пронизывающий ветер, напоминая о приближающейся осени, небо было серо-белым, без намёка на тучи или солнце. Немного уныло, но при этом дышалось свободно и хорошо.

Мы вошли в императорский парк и двинулись по дорожке, ведущей к замку. Элфи и Эдди нарезали круги вокруг нас с Ратташем, и я всё никак не могла понять, кто за кем бежит. Впрочем, наверное, это было неважно.

Промокший светлый гравий, которыми были усыпаны дорожки, выглядел сейчас немного розоватым, и придавал окружающему пейзажу хоть какой-то свежести, добавляя ярких красок.

— Я был в Арронтаре всего два раза, — вдруг заговорил Ратташ, нарушая окружающее нас безмолвие, — в далёком детстве. Помню, какое он произвёл на меня впечатление. Прекрасный, тёплый лес, и не менее прекрасные, но такие холодные оборотни... Мне всегда не нравились твои сородичи, Ронни. Они казались высокомерными, чересчур гордыми собой, презирающими другие расы. Особенно людей, ведь они так несовершенны. Думаю, если бы мы не были гостями дартхари, оборотни относились бы к нам куда хуже. Особенно к Грэю. Он в подростковом возрасте был тощий, как жердь. И длинный.

Я улыбнулась, представив Грэя лет эдак в тринадцать. Да уж, наверное, это было забавное зрелище. Хотя любой человеческий

подросток не блещет красотой. Но оборотни, конечно, прекрасны в любом возрасте.

— У эльфов — и светлых, и тёмных — тоже есть нечто похожее в характере, но твои сородичи возвели подобное поведение в абсолют. Наверное, это связано с вашей звериной сущностью.

— Может быть, — я кивнула. — Я много думала об этом в детстве, Рат, но так и не пришла к однозначному выводу.

— В детстве? А теперь ты об этом не думаешь?

— Нет.

Несколько минут мы шли молча, наблюдая за Эдди, который, пыхтя, забирался на спину хати. Катание на «лошадке» с недавних пор стало любимой игрой мальчика. Элфи был только рад, да и я не возражала.

— Я не знал, что бывают такие оборотни, как ты, Ронни. Извини уж... но ты не похожа на своих сородичей.

Я обернулась к Ратташу и пожала плечами.

— Такая уродилась. Меня в Арронтаре даже жабой прозвали.

— Ты думаешь, я про внешность? — мужчина рассмеялся.

— А про что ещё?

— Ронни, — он вздохнул, — меня в детстве поразило отнюдь не внешнее совершенство оборотней. В конце концов, я у эльфов на подобную красоту насмотрелся, через какое-то время привыкаешь и она перестаёт впечатлять. Дело в другом. Ты тёплая, ты как живой костёр, источник ласкового, неиссякающего света. Честно говоря, я понимаю Грэя...

Ратташ запнулся, и я заметила, что он почему-то сжал кулаки.

— Рат, мне кажется, ты преувеличиваешь.

— Нет, — он покачал головой. — Можешь спросить кого угодно. Хоть Дрейка.

Я закашлялась.

— Нет уж, спасибо... Обойдусь.

Ратташ посмотрел на меня с иронией, но ничего не сказал.

В этот момент мы подошли к воротам, ведущим во дворец императора. Я уже собиралась пройти мимо, как вдруг подумала...

— Рат, — резко развернувшись, я схватила мужчину за рукав, — а ты можешь провести меня в библиотеку?

— В какую библиотеку? — он удивлённо вскинул густые чёрные брови.

— В императорскую.

Брови взмыли выше.

— Зачем?

— Надо, — твёрдо ответила я. — Сможешь?

— Да без проблем. Только следи за Эдди. Там много ценных книг.

— Кстати, — я прищурилась. — А сам-то ты чем занимаешься по жизни? Или это тоже тайна, как и обязанности Грэя?

— Нет, — мужчина рассмеялся и, подхватив меня под локоть, повёл по направлению к воротам в замок. — Отнюдь. Я просто ждал, когда ты сама спросишь.

Он на секунду замолчал, выдерживая паузу, а потом чуть наклонил голову и торжественным тоном произнёс:

— Разрешите представиться — герцог Ратташ Дарг-ван-Райш, советник по финансам его величества Эдигора Второго.

Ого!

— Ничего себе...

— На самом деле я стал советником всего два года назад, когда умер отец, — улыбнулся Рат, а потом обернулся и закричал: — Эдди! Элфи! Поворачивайте сюда! Мы идём во дворец!

— Ура-а! — завопил Эдвин. — Я увижу дедушку и бабушку!

Ох, нет. Надеюсь, подобной встречи я смогу избежать...

В конце концов, с меня вполне достаточно императорских советников.

Но с библиотекой я решила повременить, как только мы подошли ко входу во дворец. Араэу, растущее у подножия лестницы, повело себя как человек, заметив меня — подняло ветки и помахало ими, словно руками.

Я вздохнула. Что ж, раз я всё равно здесь...

— Рат, ты не подождёшь немного? Я... хотела кое-что проверить.

Увидев, куда я направляюсь, мужчина немедленно схватил меня за руку и помотал головой.

— Нет, Ронни, не подходи к этому дереву!

— А-а-а, — я рассмеялась. — Аравейн говорил, что тебе в детстве от него досталось. Не волнуйся, я уже трогала один раз эту араэу.

Просто хотела кое-что выяснить. Отпусти, пожалуйста.

Хвала Дариде, Ратташ не стал спорить, отпустив мою руку.

Дерево при моём приближении взволнованно заколыхалось, ветви закачались туда-сюда, одна даже легла мне на плечо, вызвав у Рата испуганный вздох. Эдди и Элфи стояли в этот момент рядом с ним и смотрели на меня без страха, скорее, с интересом.

Кора вновь была тёплой и пульсировала, будто где-то там, в толстом стволе, билось большое и сильное сердце.

На этот раз погружение оказалось совсем другим. Я осталась собой, стоящей рядом с араэу и прижимающей к его коре собственную ладонь, и в то же время провалилась куда-то, где не было ничего, кроме ласкового дыхания ветра и тихого серебряного смеха...

Женского смеха.

— *Здравствуй, Рональда,* — произнёс тот же серебряный голос, что секундой ранее заливисто смеялся.

— *Здравствуй.*

Я попыталась использовать магию Разума, чтобы понять, действительно ли существо, обитающее внутри араэу, разумно, но обнаружила, что не могу ничего сделать.

— *Интересно, что я такое?* — рассмеялась араэу, и я мысленно кивнула. — *Эльфы верят, что я — душа одного из представителей их народа.*

— Так и есть?

— *Не знаю. Если даже это правда, я не помню. Я родилась в тот миг, когда Эдигор посадил в землю моё зёрнышко. Я — чистая энергия. Я — сама магия. Я могу чувствовать каждое растение в Эрамуре, ведь все мы — братья и сёстры. Я могу увидеть любое место, где есть хоть одна травинка. Мы подобны паутине, связывающей в единую сеть всё пространство этого мира,* — араэу рассмеялась, и волосы у меня на затылке встали дыбом. — *Зачем ты пришла ко мне, Рональда? Хочешь увидеть того, кому отдала своё сердце?*

Я вздрогнула.

— А ты... можешь мне его показать?

— *Конечно. Я вижу его так же ясно, как тебя сейчас. Показать?*

— Нет!

Я крикнула это так громко, что сама зажмурилась.

— *О, я прекрасно знаю, что ты не хочешь его видеть. Думаешь, сможешь забыть и отвыкнуть. Надеешься, что получится... Наивная...*

Я сжала кулаки. Нет, это неважно сейчас. Я хотела спросить про другое.

— Ответь, пожалуйста... То, что ты показала в прошлый раз — прошлое или будущее? И какое отношение имеет ко мне?

— *Хорошо. Я отвечу.*

На несколько мгновений я погрузилась в полную темноту и тишину, словно у меня вдруг разом исчезли глаза и уши.

— *Я показала тебе это, чтобы, когда придёт время, ты сделала выбор, понимая, что именно можешь потерять. Прошлое или будущее — не скажу, потому что однажды ты всё узнаешь сама.*

Больше я ничего не успела спросить — туман перед глазами расступился, и я вернулась в реальный мир.

В библиотеку нас пропустили вместе с Элфи. Мне только пришлось попросить его идти возле ноги, чтобы не распугивать слуг. Впрочем, они почему-то не обращали на хати ни малейшего внимания.

— Привыкли, — пояснил Ратташ. — У императора тоже хати есть. Он обычно повсюду следует за Эдигором, но иногда и сам по себе слоняется. Ну что, вот мы и пришли.

Эдди, который до того момента подозрительно молчал, разглядывая дворцовое убранство и слуг, неожиданно воскликнул:

— Ого! — И я даже подпрыгнула.

Впрочем, я была с ним согласна. Действительно, ого...

Перед нами высилась огромная, наверное, в семь человеческих ростов, резная деревянная дверь. Вырезана на ней была птица, широко расставившая крылья, словно находилась в полёте. Каждое пёрышко было сделано так искусно, что птица казалась живой. Можно было рассмотреть малейшую деталь...

Острый клюв, хохолок на голове, большие крылья с причудливым рисунком на перьях, длинный пушистый хвост...

— Огненная птица, — вырвалось у меня.

Ратташ удивлённо кивнул.

— Верно. А ты знакома с эльфийскими преданиями?

— Немного.

— Что за птица? — спросил Эдди с любопытством. Я улыбнулась и ответила:

— Легендарная сладкоголосая птица, обитающая в землях светлых эльфов, чьё пение покоряло всех, когда-либо слышавших его. С невероятным трудом один из древних эльфийских князей поймал птицу, несмотря на её огненные перья, и посадил в клетку, дабы она своим сладкоголосым пением развлекала его гостей. Но, находясь за решеткой, она совсем не пела, да и перья её перестали гореть, она потускнела и начала чахнуть.

Эдди шмыгнул носом.

— Бедняжка.

— Не волнуйся. Князь выпустил её из клетки, птица улетела в лес и стала петь, как и раньше.

Услышав мою версию старого, как мир, сюжета, Ратташ только хмыкнул. Но не могла же я сказать ребёнку, что огненная птица умерла в заточении и с тех пор в землях светлых эльфов никто подобных удивительных созданий не видел.

И потом, это же просто легенда. Я уверена, на самом деле никаких огненных птиц не существовало. Обычная сказка, в Арронтаре тоже много таких.

Ратташ шагнул вперёд, подойдя к двери вплотную, поднял руку и приложил к одному из перьев на правом птичьем крыле своё кольцо с гербом императора. Вслед за этим послышался невнятный гул, а потом посреди двери появилась щель, и она начала постепенно расширяться, и расширялась до тех пор, пока не превратилась в небольшой проём шириной как раз с человека.

— Ух! — Эдди восхищённо хлопнул в ладоши. Я же попросту открыла рот, и Ратташ, обернувшись к нам, рассмеялся.

— Интересно, что с вами будет, когда мы внутрь зайдём, — усмехнулся мужчина, взяв меня под локоть. За вторую руку зацепился Эдвин.

— Сейчас и узнаем, — пробормотала я.

Дверь оказалась входом в башню. Далеко наверх и вниз вели широкие лестничные пролёты, змейкой вьющиеся вдоль стен. Всё пространство от пола до потолка было заполнено книгами, только на площадках каждого «этажа» стояли кресла и столы с настольными лампами. Сами окна, впускающие внутрь библиотеки немного

солнечного света (основное освещение поддерживалось магией), казались продолжениями книжных шкафов.

— Да это и за всю жизнь не прочесть...

— Не знаю, не пробовал, — хмыкнул Рат. — А ты что думаешь, Эдди?

— Здорово! А можно покататься по перилам?

— Нет!! — рывкнули разом мы с Ратташем, а Элфи возмущённо тьявкнул.

— Ну пожа-а-алуйста, — надулся Эдди, но мы были непреклонны.

— Нет, милый. Можешь просто побегать вместе с Элфи. Только осторожнее, ничего не свалите ненароком... Рат, посмотришь за ними, пока я буду искать?

Мужчина иронично на меня посмотрел.

— А я-то, наивный, надеялся, что ты откажешься от этой идеи, как только увидишь размеры императорской библиотеки.

— Может, и откажусь, — я пожала плечами, — но сначала хотя бы попробую.

— Ладно. Если что — стучи по перилам, я услышу, где бы ни находился. Эдди! Оставь в покое этот светильник, он не вынимается из подставки. Пойдём, я тебе лучше красивую книжку покажу со сказками.

— А картинки там есть?

— Конечно.

Они ушли наверх, а я нахмурилась, обводя глазами помещение. Всё оказалось сложнее, чем я думала. Надо было спросить, может, тут какой-нибудь путеводитель есть? Как ориентироваться-то? Рано я Рата отпустила...

Оглядевшись ещё раз, возле двери я обнаружила постамент, на котором лежала толстенная книга. В кожаной обложке, с ало-золотой закладкой и волнистыми, жёлтыми от времени страницами. Я подошла поближе и, замерев от волнения, открыла её.

Действительно, указатель. Алфавитный. Гномы, гоблины, горы, грибы...

Н-да. Страницы переворачивались тяжело, да и сама книга весила немало. Я с трудом долистала до буквы Д, но ничего похожего на *дэрри* там не было и в помине.

Ладно, пойдём другим путём. В конце концов, этот таинственный термин может и подождать. Куда важнее сейчас узнать...

Кажется, нашла... Тёмные эльфы, сектор А.

Так, и что это за сектор? Где мне его искать? Не вижу на лестницах никаких стрелочек с указателями...

— Вам помочь?

От неожиданности я подпрыгнула. Надо же было так задуматься, что даже со сверхчутьём оборотней не заметить приближение незнакомого человека!

Возле входной двери стоял темноволосый мужчина средних лет и смотрел на меня с лёгкой доброй улыбкой в глубине тёмно-карих глаз.

— Здравствуйте, — я улыбнулась и уже хотела представиться, когда он вдруг спросил:

— Вы что-то ищете в императорской библиотеке, Рональда?

Интересно, откуда он знает моё имя? И почему так странно одет? Мне казалось, что во дворец императора нельзя являться в настолько простых брюках и обычной белой рубашке, да ещё и небрежно расстёгнутой на две верхние пуговицы.

— Да, ищу. А вы... можете мне помочь?

— Думаю, да.

Он подошёл ближе, двигаясь с таким достоинством, силой и грацией, что это сделало бы честь и самому императору.

— Вы смотритель библиотеки? — вырвалось невольно. Мужчина улыбнулся.

— Можно и так сказать. Так что вас интересует?

— Тёмные эльфы. Тут написано, сектор А...

— Да, — он кивнул. — Всё верно. Сектор А. Пойдёмте, Рональда. И подал мне руку.

Мелькнула странная мысль: если я сейчас приму эту руку, то перейду какую-то невидимую черту, возврата из-за которой уже не будет.

Я протянула мужчине ладонь, а он, сжав её, развернулся и зашагал вниз по лестнице.

Чем дальше мы шли, тем больше страхов начинало меня одолевать. Куда я направляюсь? Да ещё и неизвестно с кем. Я ведь совсем не знаю, что это за человек и какими делами он тут занимается.

Но все эти страхи почему-то казались беспочвенными. Я не могла понять причину, но откуда-то знала — он не причинит мне вреда.

А ещё этот мужчина почему-то напоминал дартхари. Нет, не внешностью, скорее, внутренней силой и спокойной уверенностью...

— Вот мы и на месте, — произнёс он неожиданно, отпуская мою руку. — Загляните сюда, Рональда, на этой полке стоят общие справочники по тёмноэльфийской магии. Если вас интересуют проклятья, советую обратиться к крайней слева книге.

Я удивлённо вздрогнула.

— Откуда вы знаете?..

Ответом мне была ироничная улыбка и тихое:

— Догадался.

Мы находились, как я поняла, на нижнем этаже. Окон здесь не наблюдалось, пространство освещалось только магическими светильниками, и было прохладно. До костей не пробирало, но плечами я периодически зябко поводила.

Кажется, сектор А означал именно самый нижний уровень, первый этаж, если так можно выразиться. Другого объяснения у меня не было. Да и в целом никаких указателей здесь не имелось, так что несведущему человеку (или не человеку) разобраться тут жизни не хватит. Хотя, скорее всего, несведущих сюда просто не пускают, и мне, можно сказать, повезло.

Здесь пахло деревом и старыми книгами, и этот запах казался сырым и неприятным. Я провела пальцами по корешкам стоящих на указанной полке книг и остановилась на той, крайней слева. Она была обычной, не толстая, но и не тонкая, в тёмной обложке. Потускневшая надпись гласила: «Тёмноэльфийские проклятья. Справочник».

— Это одна из немногих книг на человеческом языке, — сзади послышался тихий скрип кресла: видимо, мужчина решил сесть. — Почти вся литература, посвящённая магии эльфов, пишется представителями этого народа на их собственном наречии. Книгу, которую вы держите в руках, написал человек, выросший при дворе одного из Повелителей тёмных эльфов. Это большая редкость.

Я отошла от шкафа и села во второе кресло. Положила книгу на маленький столик зелёного цвета и открыла первую страницу.

Я хотела проверить свою догадку. И теперь взволнованно перелистывала листок за листком, вчитываясь в наполовину стёртые

временем строчки. Никакого оглавления здесь не было.

Когда я добралась до середины, моё внимание привлекло изображение человека, из горла которого текла чёрная кровь. Хотя я и лекарь, но ни разу не видела ничего подобного...

Проклятье чёрной крови — одно из самых сложных необратимых смертельных тёмноэльфийских проклятий, созданных при помощи магии Крови.

Первый этап — прикрепление метки проклятья — проводится с помощью специального зелья, в которое подмешивается кровь мага, проводящего ритуал. Второй этап — наполнение метки силой — занимает неделю, во время которой маг каждую ночь заживо сжигает по одному новорождённому котёнку. В конце недели пепел от сожженных животных перемешивается с волосами проклятуемого. Третий этап — активация проклятья — требует ловкости и тщательной подготовки. Из пепла, смешанного с волосами, готовится зелье, которое должно попасть в кровь проклятуемого. Смерть наступает через двое суток после активации, а первые признаки наличия проклятья становятся заметны окружающим за пару часов до неё.

Способ избавления от проклятья чёрной крови неизвестен. Но тёмные эльфы, с которыми мне довелось пообщаться, утверждали, что он существует. Вероятнее всего, маг, снявший проклятье, погибнет сам.

Меня передёрнуло. Это как же надо ненавидеть того, кого проклинаешь, чтобы убить для достижения цели семерых котят! Впрочем, возможно, для магов Крови убийство невинных животных в порядке вещей. Судя по Дрейку, он этих котят каждый день на завтрак ест и даже не морщится.

Я перевернула страницу и застыла, увидев заголовок...

Сердце вздрогнуло и пропустило несколько ударов.

Проклятье забирающего жизнь по праву считается одним из самых жестоких тёмноэльфийских проклятий высшего уровня. Необратимое (магия Крови). Возможно наложение только на ребёнка, находящегося в утробе матери.

Прикрепление метки происходит, когда беременная проглатывает хотя бы каплю крови мага. Наполнение метки силой требует постоянного присутствия проводящего ритуал рядом с

женщиной — в кровь, попавшую в организм, следует по капле вливать энергию Смерти. Чтобы проклятье не вырвалось раньше времени, его закрепляют заклинанием, которое также читается каждый день.

Активация проклятья происходит в момент начала родов и усиливается, если лекарь применяет магию. Обнаружить заранее проклятье забирающего жизнь или снять его невозможно.

Я прижала ладонь к книжной странице, изо всех сил стараясь контролировать пытающиеся прорваться сквозь кожу волчьи когти.

Магия Крови. Я так и думала. Но... зачем?

— Я не понимаю, — прошептала я, на секунду зажмурившись. — Не понимаю...

— Чего ты не понимаешь, Рональда?

Я уже и забыла, что он здесь...

— Так не может быть, — я подняла голову и посмотрела мужчине в глаза. — Не бывает. Любое проклятье отнимает что-то у того, кто его накладывает. За боль нужно платить.

— Ты верно говоришь, — он кивнул. — Но такова наша природа. И эльфийская тоже, в сущности, они от людей не очень отличаются. Цель мнится нам настолько важной, что о средствах мы думаем не всегда. Кажется, что день расплаты никогда не настанет. А если и настанет... Что такое кусочек потерянной души по сравнению, например, с возможностью отомстить?

Кусочек потерянной души...

— Значит... именно это они теряют — душу?

— В том числе. Любое убийство уничтожает часть души, Рональда.

Я вздохнула.

— Всё равно не понимаю. Почему он так ненавидел Лил?

— Не обязательно именно Лил. Возможно, Грэй.

Такая мысль мне в голову не приходила.

— Нет. Всё равно не понимаю.

— Не ты одна, Рональда. Я сам ломаю голову над этой загадкой уже четыре года.

Он поднял руку и в задумчивости коснулся своего подбородка. На одном из пальцев я заметила кольцо с гербом императора, только оно было каким-то странным. Не таким, как у Грэя, Гала и всех остальных.

— Можно мне вопрос? — Я вдруг вспомнила, что ещё хотела найти в императорской библиотеке. В конце концов, Араилис советовала искать именно здесь, а уж к её советам стоит прислушиваться.

— Конечно, — он опустил руку на подлокотник кресла и посмотрел на меня, слегка прищурившись. В полумраке сектора А его серьёзные тёмные глаза казались абсолютно чёрными.

— Вы не знаете, что такое *дэрри*?

Интересно, сколько ещё раз я буду задавать подобный вопрос совершенно разным людям?

— Рональда, — к моему удивлению, мужчина тихо рассмеялся, — к сожалению, я могу дать тебе только одну маленькую подсказку.

Ещё один... подсказочник!

— Может, вы просто сразу...

— Нет, — сказал, как отрезал. — Просто ищи ответ в собственном сердце.

Я едва не застонала. Совет Араилис по поводу императорской библиотеки теперь казался мне верхом щедрости. Ищи в сердце... И что мне там искать? Кровеносные сосуды?

— Не сердись. Я очень хотел бы сказать, но не могу. Я дал слово.

Я не стала спрашивать, кому именно — всё равно ведь не ответит, поэтому просто вздохнула.

— Ладно. Попытаюсь разобраться. Может, мы пойдём наверх? Я немного замёрзла...

Мужчина кивнул, встал с кресла и вновь протянул мне руку, которую я теперь уже приняла, не колеблясь.

Когда мы прошли несколько «этажей», я услышала немного выше возбуждённый лепет Эдди и вспомнила о своих спутниках. Кажется, пора уходить отсюда... В конце концов, я хотела, чтобы мальчик подышал свежим воздухом, а не бродил по пыльной библиотеке.

И только я об этом подумала, как сверху раздался громкий истошный визг:

— Дедушка-а-а!!

По лестнице с оглушительным топотом сбежал Эдди... чтобы парой секунд спустя повиснуть на шее сопровождающего меня мужчины.

Я не сразу осознала, что именно крикнул мальчик. Точнее, понимание пришло в тот момент, когда Ратташ, спустившийся следом за Эдвином, вдруг поклонился и почтительно произнёс:

— Приветствую, ваше величество.

Я стояла в это мгновение рядом с креслом и резко вздрогнула, ощутив, как внезапно отросшие волчьи когти вонзаются в его обивку.

Как же я раньше не догадалась? Эта осанка, манеры, подозрительная осведомлённость обо всём происходящем, знание моего имени... И удивительная энергия, исходящая от этого мужчины. И странное кольцо... Конечно, оно не было таким, как у остальных Старших лордов, потому что это кольцо императора, а не его вассала!

— Здравствуй, Ратташ, — мне показалось, или голос его величества чуть дрожал от смеха? — ты очень вовремя. А я как раз думал, какими словами лучше представиться Рональде, чтобы она от меня сразу не сбежала.

Я смущённо опустила голову и постаралась незаметно вынуть когти из кресла.

— Ты не мог бы оставить нас втроем ненадолго?

— Да, конечно, ваше величество.

Голос Ратташа был полон уважения и бесстрастности. Мужчина поклонился и поспешил куда-то вверх. Элфи проводил его задумчивым взглядом, а затем подошёл и сел рядом со мной.

Дождавшись, когда шаги Ратташа окончательно стихнут, император улыбнулся и сказал:

— Ну, здравствуй, Рональда.

Последний раз я так смущалась, кажется, в тринадцать, когда впервые попала в усадьбу дартхари.

— Да... Я рада. Очень.

Он рассмеялся.

— Не слышу энтузиазма в твоём голосе. Впрочем, я тебя понимаю.

— Да? — Я подняла брови: вряд ли такое возможно. Выше императора в Эрамире никого нет. Как он может понимать меня?

— Ты не хотела знакомиться с императором, — ответил Эдигор, лукаво улыбаясь. — А я не желал им становиться. Но у тебя, в отличие от меня, есть выбор.

— Как же он есть, если мы уже познакомились...

— Знакомство можно с тем же успехом и прервать, Рональда, — его голос чуть похолодел. — Поверь, мне есть, чем заняться.

Я взволнованно закусила губу. Во мне сейчас боролись два противоречия: одно не желало иметь ничего общего с императором Эрамира, а другое...

Другое болезненно не хотело его разочаровывать.

— Давай посидим с дедушкой, — протянул Эдди. — Он хороший. Он тебе понравится, мам!

Ох.

— Простите, — прошептала я, глядя императору в глаза. И мне показалось, он понял, что я имела в виду. Я извинялась за слово «мама», произнесённое Эдди по отношению ко мне. Я не имела на это слово ни малейшего права. Ни морального, ни физического.

— Вот что, — император улыбнулся и взял Эдвина за руку, — давайте поднимемся чуть выше, я вам кое-что покажу. И расскажу заодно.

— Сказку? — обрадовался мальчик, а я замерла: император, рассказывающий сказки — это я совсем не могла представить...

— Вроде того, — Эдигор бросил на меня короткий ироничный взгляд и зашагал вверх по лестнице, не выпуская ладошку Эдди. Преодолев один «этаж», усадил мальчика на диван, затем подошёл к одному из книжных шкафов, вынул оттуда несколько книг, водрузил их на стол, сунул руку внутрь полки...

Раздался щелчок, а следом император вытащил наружу увесистый томик. Подошёл к дивану, на котором сидел Эдди, переместил мальчика себе на колени и наконец обратил внимание на меня.

— Иди сюда, Рональда, — он похлопал ладонью по сиденью рядом с собой. Пожалуй, непозволительно близко, и если я, не обладающая худыми бёдрами, туда сяду, это будет не очень прилично. — Не спорь.

Да, именно эти холодно-повелительные нотки я слышала пару раз в голосе Грэя. Значит, вот у кого он их отхватил...

Закусив губу, я приблизилась и села рядом с Эдигором. К моему облегчению, расстояние между нами всё-таки осталось. Толщиной с палец, но это лучше, чем ничего. Элфи, не отходивший от меня всё это время, улёгся внизу, под ногами.

— Дедушка-а-а, — подёргал императора за рукав мальчик, — а много здесь таких... м-м-м...

Эдди явно не мог подобрать слово, поэтому Эдигор решил ему помочь.

— Потайных отделений?

— Ага.

— Достаточно. Там хранится в основном то, что касается членов императорской семьи — альбомы с рисунками, письма, дневники. Это, — он похлопал по книге, — альбом с рисунками. Принцесса Лемена, моя племянница, вышедшая несколько лет назад замуж за Повелителя тёмных эльфов, всегда любила рисовать. И здесь есть кое-что, что я хочу показать в первую очередь тебе, Эдди.

Интересно, каким образом альбом дочери родной сестры императора может иметь отношение к мальчику?

Впрочем, размышлять о подобной странности мне не пришлось. Эдигор открыл альбом, причём попал сразу на нужную страницу — то ли точно знал, где находится тот самый рисунок, то ли долго тренировался.

С пожелтевшего листка бумаги на нас смотрела девушка лет двадцати. Она была невероятно красивой. Вьющиеся светлые волосы, кокетливый мягкий локон, падающий на лоб, румяные щёки — но румянец не вульгарный, а нежный — тонкая белая рука, касающаяся подбородка, голубые глаза.

Девушка смеялась. И смеялась так живо, что казалось, она сейчас сойдёт с листка бумаги и помчится по лестницам и коридорам замка.

— Это Лил, Эдди. Твоя мама, — тихо сказал император.

Я, прикрыв на миг глаза, усмехнулась.

Ребёнок молча рассматривал портрет, и на его лице не отражалось никаких эмоций после сказанных Эдигором слов. Возможно, он просто не понимает до конца?

— Которая ушла? — наконец спросил мальчик.

— Умерла, — поправил его император.

— Ари говорит, умерла — значит, ушла, и больше не вернётся.

— Ари верно говорит. Твой папа не показывал тебе портретов Лил, потому что ему было плохо и больно, когда она ушла. Хочешь, я расскажу тебе, какой была твоя мама?

Эдди кивнул, не медля ни секунды.

— Она была доброй и великодушной. Любила музыку, играла на нескольких музыкальных инструментах и прекрасно пела. Они с твоим папой выросли вместе и полюбили друг друга ещё в далёком детстве, собирались пожениться, когда вырастут, — по губам Эдигора скользнула мимолётная улыбка. Видимо, он вспомнил прошлое, когда мальчик и девочка, путешествующие пешком под стол, вдруг заявили, что когда-нибудь поженятся. — Взрослые смеялись, но со временем Грэй и Лил не изменили своего решения.

Я заметила, с какой затаённой болью император смотрит на портрет. Конечно, ведь он тоже наверняка хорошо относился к этой девушке, выросшей вместе с Грэем. И переживал за обоих.

— Она меня любила? — Я вздрогнула, услышав этот вопрос из уст Эдди. И судя по его негромкому, но твёрдому голосу, ответ на него был действительно важен для мальчика.

— Конечно, Эдди. Она очень тебя любила.

«Так любила, что отдала свою жизнь взамен на твою», — подумала я, невольно вспомнив о собственной матери. Может быть, Прайма любила меня хотя бы в то время, когда я ещё сидела у неё в животе? Наверное, ответ на этот вопрос я никогда не узнаю.

Да и не надо.

Эдди вдруг повернул голову и посмотрел прямо на меня. Так серьёзно, как смотрят взрослые люди — спокойно, испытующе, пытаюсь понять что-то очень важное.

А потом сказал нечто такое, от чего я окончательно растерялась.

— Она — мама, которая ушла. Ты — мама, которая вернулась.

Перед глазами у меня помутилось. Эдди протянул руки и обнял меня за шею, а я крепко прижала его к себе, силясь понять последние слова мальчика, и не зная, что теперь делать.

Я подняла голову и беспомощно посмотрела на императора. Я думала, Эдигор будет недоволен — мне казалось, он затеял этот разговор для того, чтобы Эдди осознал свою ошибку и перестал называть меня мамой. Но кажется, я ошиблась.

Император, глядя на нас, улыбался спокойно и ласково.

— Ваше величество... — прошептала я, даже не представляя, что хочу сказать.

— Не лишай его такой возможности, Рональда, — произнёс Эдигор негромко, а потом рассмеялся и дотронулся до плеча Эдди. — Повезло тебе, да? У всех одна мама, а у тебя две!

— Ага! — ответил мальчик, отрываясь от меня и оборачиваясь к Эдигору. — Дедушка, я есть хочу!

Улыбка императора стала шире.

— Я тоже, Эдди. Как ты относишься к тому, чтобы пообедать прямо здесь? — дождавшись кивка, мужчина дотронулся до амулета, висевшего на груди, и громко сказал: — Тадеуш, распорядись, пожалуйста, принести обед в библиотеку. Сектор Д. Побольше овощей и фруктов, и обязательно десерт.

— Слушаюсь, ваше величество, — отозвался чей-то голос.

Не прошло и десяти минут, как в библиотеку зашли две служанки в сопровождении строгого мужчины средних лет с благородной проседью в волосах. Расставив на столе несколько блюд с крышками и кувшины, девушки поклонились и поспешили прочь. Мужчина же задержался.

— Ваше величество... — Он немного замялся, наблюдая за Эдди, который с воодушевлением принялся открывать крышки и заглядывать в кувшины, приносившаяся.

— Да? — кивнул император, тоже наблюдая за мальчиком. — Говори, Тадеуш.

— Дело в том, что вас ищет его высочество принц Интамар.

Взгляд Эдигора на миг остекленел.

— Где он сейчас?

— В покоях принцессы Дженны.

— Передай ему, — император вздохнул, — чтобы ждал меня в малом рабочем кабинете. И найди Ратгаша. Он должен проводить домой наших гостей. Через сорок минут пусть спустится на первый этаж, к парадному входу.

Кивнув, дворцовый управляющий тоже удалился, а я невольно задумалась: неужели придворный этикет так прост? Всё-таки рядом со мной сидел император, а слуги ему толком даже нормально не поклонились! Нет, конечно, поклоны были, но, на мой взгляд, недостаточные. Хотя я не разбираюсь в придворном этикете, может, так и надо?

Видимо, эти мысли были написаны у меня на лице, потому что Эдигор сказал:

— Не удивляйся, Рональда. Я не слишком люблю расшаркивания. Отменить не могу, но ограничить в моих силах. На официальных приёмах всё иначе. Эдди! — укоризненно протянул император. — А ну-ка убери руки от этого пирожного. Сладкое едят на десерт!

Судя по лицу мальчика, он был не против кушать сладкое в качестве ещё и первого со вторым блюдом, но противные взрослые не дали.

Когда Эдвин съел суп и увлечённо застучал ложкой по тарелке, расправляясь с каким-то диковинным мясом с не менее диковинными овощами, я рискнула тихо спросить у Эдигора:

— А как же Грэй?

Он сразу понял, о чём я.

— Грэй взрослый мальчик, разберётся сам, — ответил император не менее тихо. — Не волнуйся, Рональда. Он уже наломал таких дров, что эти пара веточек с твоей стороны не будут столь заметными.

— Наломал дров? — удивилась я, и мужчина кивнул.

— Да. Четыре года затворничества не пошли на пользу его умственным способностям. Я теперь даже не могу с уверенностью сказать, чем кончится весь этот лесоповал, — он ухмыльнулся. — Но в одном я уверен: не терзайся, Рональда. Ты здесь ни при чём. Эдди сам сделал свой выбор.

— Но если Грэй будет против? — почти прошептала я. — Или... вдруг он надумает когда-нибудь жениться? Всё-таки Эдвин — его сын...

Я говорила путано, но император вновь всё понял.

— Эдди! — позвал он мальчика.

— Да? — ребёнок на миг оторвался от увлекательного содержимого тарелки и посмотрел на Эдигора.

— Обещай мне кое-что. Давай договоримся, что ты пока будешь называть Рональду мамой только при мне и бабушке, хорошо? Пусть это будет наш секрет.

— Ладно, — легко согласился Эдди, но почти тут же внёс коррективы: — И при Ари тоже.

— Конечно, — кивнул император, понимающе улыбнувшись. — Главное — не при папе.

— Ага. Ари говорит — он пока не знает, что мама вернулась.
Нет, пожалуй, я всё-таки её убью...

Глава 18

Рональда

Домой мы вернулись засветло, в отличие от Грэя и Бугалона. Они явились, когда я уже собиралась укладывать Эдди спать. Араилис, к моему сожалению, не пришла вообще. То ли Эллейн её совсем загрузила, то ли девушка почувствовала, что этим вечером встречаться со мной не стоит. Я помнила слова Ари насчет того, что она никогда и ничего не говорит, но всё равно не могла не сердиться.

Ратташ на ужин не остался, убежал, как только довёл нас с Эдди и Элфи до дверей мастерской. Стыдно, но я была даже рада — хотелось одиночества и хоть какого-то подобия тишины. И мы с Эдвином провели хороший вечер, рисуя и читая сказки. А когда Дарт с Тором закрыли магазин, я приготовила ужин и, откинувшись на спинку стула, вдруг осознала, что ужасно устала. И вроде ничего особенного не делала... Но чувствовала себя так, будто сутки принимала тяжёлые роды.

Поначалу я хотела уложить Эдди после прихода Грэя, но мальчик начал клевать носом, и я решила не ждать. Но только мы встали со стула и пожелали доброй ночи Дарту и Тору, как входная дверь открылась, впустив внутрь двоих мужчин.

Грэй тоже выглядел уставшим, но это не помешало ему крепко обнять сына и счастливо улыбнуться, чмокнув ребёнка в макушку. А Гал сразу прошёл в столовую, бормоча, что если он сейчас не съест что-нибудь, то начнёт грызть стены дома.

— Я собиралась укладывать Эдди, — сказала я, рассматривая тени под глазами Грэя. — Ты иди, поешь, там ужин...

Он не дал договорить.

— Спасибо, Ронни, но это попозже. Пойдём, помогу тебе его уложить.

Грэй сказал «помогу», но на самом деле сделал всё сам. Донёс Эдвина до комнаты, умыл, переодел и уложил в кровать. Я только стояла в дверном проёме и наблюдала за его действиями.

В неярком свете, льющемся из коридора, я могла наблюдать, с какой невероятной, всепоглощающей нежностью мужчина смотрит на сына. Я замечала, как расслабилось лицо Грэя, как глаза из тревожных стали ласковыми, а на губах появилась улыбка. Эдди был для него центром мира. Я видела это так же ясно, как солнце, сияющее с неба в безоблачный летний день.

На этот раз ребёнок уснул очень быстро, даже сказки не понадобилось. Всё-таки день был волнительный, полный новых впечатлений... Я и сама уже начинала клевать носом.

Но когда мы вышли из детской, по лицу Грэя вновь скользнула тень.

— Устал? — спросила я сочувственно. — Пойдём, я тебе хорошего чаю сделаю, тонизирующего...

— Спасибо, Ронни, — мужчина кивнул, но даже не улыбнулся, словно думал о чём-то другом.

Оказалось, пока мы укладывали Эдди, из столовой все ушли. Видимо, день был тяжёлым не только для меня и Грэя.

Пока я заваривала чай и накладывала ужин, мужчина молчал. Я и сама решила пока не рассказывать о встрече с императором. Может быть, завтра, а для сегодняшнего дня впечатлений и новостей вполне достаточно.

Грэй заговорил только после того, как съел половину ужина и выпил почти весь чай.

— Прости, что я сейчас такой. Отвык от дворцовой жизни, возвращение даётся мне тяжело.

— А возвращаться... так необходимо? — осторожно спросила я.

Он кивнул.

— Да, Ронни. Когда-то я поступил опрометчиво и эгоистично. Теперь пришло время исправить ошибку. — Он усмехнулся. — Но, клянусь Даридой, это не так просто, как я думал.

— А чем ты занимаешься там, во дворце? Ратташ сегодня рассказал, что он советник по финансам. А ты, Грэй?

Почему этот вопрос заставил моего собеседника настолько напрячься? Лицо застыло, губы сжались, кружка с громким стуком

опустилась на стол...

— Ронни, я...

В этот момент мужчина впервые за всё время нашего разговора посмотрел мне в глаза. И вдруг застыл, замолчав.

— Грэй?

Мне нравилось разглядывать его лицо, даже сейчас, когда оно было таким напряжённым. Скулы резко очерчены — а может, просто свет так падает? — желваки играют, в глазах — какая-то отчаянная решимость.

— Ронни... — Грэй вдруг подался вперёд и взял меня за руку, отчего я безмерно удивилась. — Я...

Он на секунду замолчал, словно собираясь с мыслями, а потом...

... А потом входная дверь с громким хлопком открылась, в коридоре послышались чьи-то тяжёлые шаги, и невидимый посетитель голосом Гала прокричал:

— Грэй! Я пива принёс, будешь?

На лице сидевшего напротив меня мужчины отразилась растерянность. Я мягко высвободила ладонь из его руки и тихо сказала:

— Я пойду спать, пожалуй. Вы посидите, расслабьтесь, не буду мешать. Спокойной ночи, — обратилась я к вошедшему на кухню Бугалону.

— Доброй ночи, Ронни, — ответил Грэй странно напряжённым голосом, а тролль просто кивнул, опуская на стол здоровенный бочонок с пивом.

— Если что, у меня есть хорошие капли от похмелья, — пробормотала я прежде, чем шагнуть за дверь. Но раньше, чем она полностью закрылась, я успела услышать негромкие слова Грэя:

— Гал... Я тебя сейчас прибью.

Что ответил тролль, я так и не узнала.

Я бежала по осеннему лесу. Мне под ноги летели листья — зелёные, красные, золотые. Запутывались в волосах, прикасались к лицу и рукам, пытаюсь, наверное, остановить меня.

А я всё бежала и бежала. Ветер гладил волосы, толкал невидимыми руками в грудь, играл белоснежной юбкой, нашёптывал что-то на ухо. Но как я ни старалась расслышать слова, ничего не получалось. И продолжала бежать дальше и дальше.

Я была босой, но холода почему-то не чувствовала. Вокруг всё переливалось от солнечного света, отражавшегося от золотых листьев, бывших повсюду — наверху, в кронах, и на земле, под ногами.

Я резко остановилась и закружилась вокруг своей оси, поднимая вокруг настоящий ураган из осенних листьев. Раскинув руки, я кружилась, кружилась, кружилась...

А потом почему-то начала смеяться. И чем быстрее кружилась, тем сильнее смеялась. В груди что-то клокотало, билось, искрилось, сверкало, ликовало...

— Ро...

Услышав этот голос, я резко остановилась и, продолжая смеяться, воскликнула:

— Дэйн!

Я даже не заметила, как очутилась у него в объятиях.

— Как я рада, что ты пришёл... Я думала, тебя не будет ещё несколько дней!

— Я тоже так думал, — он улыбнулся, обняв моё лицо ладонями. — Просто почувствовал, как ты соединяешься с волчицей, и захотел посмотреть...

— Соединяюсь с волчицей?..

— Да, — он кивнул. — Только что. Ты пребывала в гармонии единения с собой.

— Но я думала, что уже подчинила... И больше ничего не будет...

Дэйн засмеялся.

— Будет, конечно. Подчинение и единение — разные вещи. Подчинив внутреннего волка, оборотень учится сохранять себя и свой разум во время обращения. А единение... Как бы тебе объяснить... Это, как я уже сказал, гармония. Гармония с самим собой, с миром, с природой... с Арронтаром.

Я замирала, слушая его голос.

— Не думала, что в моей душе возможна гармония.

— Я тоже когда-то так считал, Ро.

Я хотела спросить, почему, но не успела — наклонившись, Дэйн захватил в плен мои губы, и я, как всегда, сразу расслабилась в его руках, растворившись в нахлынувших ощущениях.

Мы обнимались изо всех сил и целовались всё крепче, словно стремились влиться друг в друга, стать единым целым.

Единым целым...

Поднялся ветер, сильный, он охлаждал мою разгорячённую кожу, ласкал её, и его прикосновения напоминали легкие, порой почти невесомые касания Дэйна. Вокруг нас кружились листья — всё быстрее, быстрее, быстрее...

А потом я слышала музыку.

Это была совершенно чудесная мелодия, от которой по моим щекам потекли слёзы. Она проникала в самую душу, выворачивала её наизнанку, причиняла боль, но и лечила тоже. Прекрасная, чувственная, трепетная... я никогда не слышала ничего подобного. И не услышу, наверное.

Она рассказывала про нас с Дэйном.

И как только я поняла это, он вдруг разжал объятия и выпрямился. Музыка сразу прекратилась.

— Дэйн...

Я заглянула в его глаза и замерла. Они светились настолько ярко, что на одно мгновение мне даже стало больно, словно я встретилась взглядом с самим солнцем. Только глаза Дэйна были почему-то очень печальными.

— Невероятно, — он выдохнул и прижался подбородком к моей макушке, — он настиг нас даже во сне...

— Кто?

— Ро... — нежное прикосновение к щеке. — Пожалуйста, прошу тебя, давай постараемся пока воздержаться от поцелуев.

— Но, Дэйн...

— Прошу тебя.

— Хотя бы объясни, почему!

Я никак не могла понять, отчего так сердилась — подумаешь, какие-то поцелуи. Но...

— Я не могу, — Дэйн покачал головой. — Ты поймёшь всё чуть позже, обещаю.

Он снова обхватил ладонями моё лицо и заставил посмотреть себе в глаза.

— Я просто хочу, чтобы у тебя был выбор, малыш. Право выбора — это очень много. Я не хочу уподобляться эльфийскому правителю, запершему в клетку огненную птицу.

— Это ведь просто легенда, Дэйн! — Я рассмеялась, но он даже не улыбнулся.

— В любой легенде есть частичка правды. А иногда даже не частичка, а гораздо больше.

Дэйн наклонился и коснулся моих губ кратким, почти невесомым поцелуем, а когда я в ответ потянулась к нему сама, засмеялся и, отстранившись, переплёл мои пальцы со своими. Я разочарованно вздохнула.

— Ещё одна просьба, Ро. Если вдруг с тобой что-то случится — в реальной жизни, разумеется, а не во сне — зови меня. Мысленно. Так громко, как только сможешь. Хорошо?

Дождавшись удивлённого кивка, Дэйн удовлетворённо улыбнулся, а потом положил ладонь мне на глаза — и мир вокруг померк, исчез, растворился в подступающей темноте...

И до утра я спала без снов.

Всю следующую неделю я настолько погрузилась в работу, что почти не вспоминала ни встречу с императором, ни «маму» Эдди, ни собственное желание убить Араилис. Впрочем, последнюю я и не видела — уезжала из мастерской ещё засветло, а приезжала поздно, и к тому времени Ари уже успевала сбежать.

У меня не было возможности толком подумать о прочитанном в императорской библиотеке и поразмышлять над странным поведением Дэйна. Друг почти не появлялся в моих снах всю неделю, два кратких визита можно не считать. Я неизменно приходила каждую ночь к нашему озеру, плела цветочные венки, болтала ногами в прозрачной воде, но не звала Дэйна. Не знаю, почему, но во сне я чувствовала, что он всё делает правильно, и не злилась. А наяву у меня просто не было времени на обиды.

Я работала над заклинанием. Каждый день писала краткие записки его автору, и на следующее утро Эллейн приносила ответы. С остальными я почти не общалась — в одиночку рылась в литературе, посвящённой рунной магии, искала руны, которые могли бы помочь мне в достижении нескольких целей.

Первейшей целью стало закрепление заклинания. Как написал его автор, первоначально оно получилось очень «летучим», и если бы я не нашла выход, то пришлось бы проводить ритуал закрепления каждый год. Меня это не устраивало, поэтому я, как прилежная ученица,

искала возможность исправить заклинание. В итоге мы с невидимым учителем придумали такую замечательную штуку, что я просто была готова прыгать до потолка.

А вот второй целью стало кое-что куда более прозаичное. Я хотела остаться в живых. Хотела обезопасить себя по максимуму, чтобы Дрейк не мог воспользоваться ситуацией и по-тихому меня прикончить. Теперь, особенно после того, что я прочитала насчет проклятья забирающего жизнь, я совсем перестала доверять этому эльфу.

Спустя пять рабочих дней я наконец смогла вздохнуть с облегчением: кажется, я не подведу Эллейн. И заодно не погибну во время ритуала.

Вечером в четверг герцогиня преподнесла мне сюрприз, пригласив в школу учителя Карвима. Я совсем не ожидала его увидеть, и так обрадовалась, что чуть не кинулась ему на шею, и с радостью приняла приглашение навестить его в субботу, «если Элли не против».

— Конечно, не против, — засмеялась герцогиня. — Думаю, Ронни по лекарскому делу соскучилась, так что если ты ещё и приобщишь её, например, к принятию родов...

— В другой раз, — хмыкнул Карвим, а я уверила учителя, что в любом случае буду рада навестить его, даже если мы при этом будем лечить целый солдатский гарнизон от поноса.

В пятницу я рассказала Эллейн и остальным о своих разработках по системе защиты здания школы, и герцогиня, подумав, назначила ритуал на конец следующей недели. Я волновалась, но откладывать его ещё не видела смысла.

А ночью пришёл Дэйн. Мы лежали на берегу озера, слушали пение птиц и тихо разговаривали. Я поведала ему обо всём случившемся, даже о «маме» Эдди.

— Будь осторожна, — сказал он напоследок, легко коснувшись моих губ. Никаких страстных поцелуев мне теперь не доставалось, но я была рада и этим мягким ласкам.

— В отношении чего? — я улыбнулась, быстро чмокая Дэйна в щёку.

— В отношении всего. И помни, о чём я тебе говорил — зови, если что-то случится.

Я и не представляла, что возможность послушаться совета Дэйна представится мне настолько скоро.

Утром в субботу, захватив с собой Эдди, я отправилась в гости к учителю Карвиму. Вообще-то я собиралась пойти одна, но мальчик так раскапризничался, не желая расставаться со мной, что я не смогла ему отказать, да и Грэй был не против. Я знала, что Карвим любит детей, поэтому рассердиться не должен.

Мой учитель обитал в пригороде Лианора, но не там, где находилось здание школы Эллейн, а с противоположной стороны. Приём больных он осуществлял в главной городской больнице, правда, жители столицы знали и его домашний адрес. Учитель никогда не отказывал, если кто-то приходил к нему домой. Впрочем, подобным образом обязан поступать любой нормальный лекарь. Другое дело, что таких не слишком много.

Двухэтажный каменный дом показался мне похожим на комод. Толстенный и важный комодик с маленькими балкончиками на втором этаже, откуда вниз свешивались лиловые цветы. Входная дверь была зелёной, с золотым колокольчиком сбоку, и дверная табличка гласила: «Карвим Луро, лекарь высшей категории». Увидев это, я улыбнулась. Интересно, а какой категории я? Для того чтобы лекарю присвоили категорию, необходимо сдать кучу экзаменов в Центральной императорской комиссии по профессиональным вопросам. Там же можно получить лицензию на частную практику и направление на работу в городскую больницу.

Вот закончу сотрудничать с Эллейн — и подамся. Почему бы и нет?

— Здравствуй, Рональда! — Карвим встретил меня широкой улыбкой. — Проходи скорее! А-а-а... Кто это с тобой? Как вас зовут, молодой человек?

Эдди, кажется, немного смутился.

— Эдвин... Эдди.

Услышав это имя, учитель кашлянул и посмотрел на меня с удивлением. Не знаю, что он увидел в моём лице, но почему-то кивнул и вновь улыбнулся.

— Прекрасно, прекрасно. Заходите.

Уже в коридоре я почувствовала запах лекарств. Такой же запах исходил от тела (особенно от рук) Карвима, когда он приезжал учить меня. Этот запах настолько сильно ассоциировался у меня с Арронтаром, что я поневоле зажмурилась, пытаюсь скрыть непрошенные слёзы.

Мы поднялись по лестнице наверх, в небольшую уютную гостиную, и расположились на мягком диване в цветочек. Такими же — в цветочек — были и шторы в комнате. Да и вообще вся обстановка здесь навевала мысли о старой добропорядочной вдове, но никак не о моём строгом учителе.

— Не удивляйся, Рональда, — увидев, с каким изумлением я оглядываюсь, Карвим усмехнулся. — Иногда я безумно устаю от обстановки лекарственных кабинетов и больниц, где нет ничего, кроме голых стен. Порой хочется чего-нибудь настолько непохожего на привычное окружение... вот хотя бы таких цветочков.

— Я понимаю вас, учитель.

— Ну и отлично. Чай будете? Эдди, а ты любишь пирожные?

Услышав слово «пирожные», ребёнок возбуждённо подпрыгнул и захлопал в ладоши.

— Да-да-да! Очень люблю!

— Прекрасно. Тебя, Рональда, не спрашиваю. Знаю я вас, оборотней...

В результате для меня Карвим принёс блюдо с фруктами и ягодами. На другом блюде меньшего размера разместились небольшие разноцветные пирожные для Эдди.

Разлитый по большим чашкам чай приятно пах чажжелем. Небольшие шишки этого дерева собирались в Арронтаре в начале лета, засушивались и измельчались в порошок. Чай из чажжеля был одним из самых дорогих видов эрамирского чая, который я, конечно, пила довольно часто. На весь сезон мне хватало пяти-шести шишек, собранных и высушенных собственноручно.

Склонившись над чашкой, я вдыхала знакомый с детства аромат.

— Нравится?

Подняв голову, я наткнулась на лукавую улыбку Карвима.

— Да, учитель, спасибо.

На самом деле я не могла толком понять, нравится мне или нет. Потому что воспоминания об Арронтаре были всё-таки слишком

болезненными.

— Любимый чай дартхари, между прочим, — сказал вдруг Карвим, и я едва не уронила чашку.

Ну зачем?.. Я так старалась не думать...

— Что такое «дартхари»? — с любопытством спросил Эдди, слизывая крем с пальцев. Я перехватила его руку, вытерла её салфеткой и только после этого ответила:

— Не нужно так делать, милый, можно заболеть. Ты разве хочешь, чтобы у тебя болел животик?

— Не-е-ет...

— Тогда не облизывай пальцы.

— Ла-а-адно. Что такое «дартхари»?

— Так называют Вожака оборотней. Главного и самого сильного оборотня.

— Это его имя?

— Нет. Это титул, Эдди. Император — тоже титул.

Мальчик понимающе кивнул.

— Ага. А как его имя?

— Императора?

— Не-е. Дартхари.

С тихим стуком чашка вернулась на стол. Я улыбнулась Эдди, протянула руку и взъерошила его волосы, а подняв голову, обнаружила, что Карвим внимательно смотрит на меня.

— Нарро.

Имя пощекотало губы, словно кто-то коснулся их своим осторожным дыханием.

И на одно краткое мгновение я закрыла глаза, мысленно переносясь туда, в Арронтар...

Шёпот ветра в кронах деревьев, пение птиц, шелест травы и листьев под ногами, запах воды, зелени и разогретой солнцем земли. Лай Элфи, ощущение шероховатой коры ирвиса под моей рукой, вкус сладких летних ягод во рту...

Вздрагнув, я вынырнула из этого полусна.

— Имя — как рык, — сказал Эдди. — Нарро. Р-р-р!

Я засмеялась и окончательно пришла в себя.

— Так и должно быть. Он ведь волк, а не домашняя кошечка.

— Папа говорил, ты — тоже волк! Покажи!

Я на секунду задумалась, что бы такое придумать в качестве оправдания, как вдруг в наш с Эдвином диалог вмешался Карвим.

— Эдди, а ты любишь головоломки?

Мальчик тут же забыл про волков.

— Это такие игрушки?

— Верно, — учитель улыбнулся и, к моему удивлению, достал из-под стола большую коробку, заполненную деревянными брусочками.

— Вот, держи. Из всех этих деталей в итоге должен получиться большой замок. Тут и картинка есть. Хочешь попробовать собрать?

— Да!

В результате к собиранию замка Эдди подключил и нас с Карвимом. Правда, мы делали это не очень активно, больше переговаривались вполголоса.

Я рассказала учителю почти обо всём случившемся. Кроме того, что касалось моей волчицы и Дэйна, разумеется. Об этом я вряд ли смогла бы рассказать даже Грэю.

Хм... Даже Грэю... Когда он начал так много значить для меня, что я теперь думаю подобным образом? Даже Грэю...

Вздыхнув, я посмотрела в окно.

На землю медленно опускались сумерки. Я любила это время суток. Не светло и не темно, не жарко, но и не холодно... День будто замирал, брал передышку на недолгое время, и казалось, даже стрелки на часах тикают тише.

Ещё пара недель, и наступит осень. Моя первая осень без Арронтара.

— Как вы умудрялись приезжать ко мне два раза в месяц, учитель? Минимум две недели пути туда и две недели обратно, амулеты перемещений на такие расстояния не работают...

Меня занимал этот вопрос с тех самых пор, как мы приехали в Лианор. Посчитав, сколько времени нужно, чтобы добраться до Арронтара, я поняла — Карвим физически не мог это проделывать. Если только он жил не в столице.

— О-о-о, — учитель засмеялся. — Этот вопрос я задал Эллейн, как только она показала программу твоего обучения. Я-то считал, что чаще, чем раз в полгода, я не осилю ездить к оборотням. И тогда она дала мне вот это.

Карвим засунул руку за шиворот и вынул из-за ворота небольшой металлический медальон с тёмным камнем. Больше всего этот медальон напоминал серебряную монетку, к которой приклеили какой-то камушек посередине.

Но вязь символов подсказала мне, что это — амулет перемещений.

— Но... — я облизала внезапно пересохшие губы и повторила: — Они ведь не работают на такие расстояния...

— Верно, — кивнул учитель. — Но, Рональда, мы с тобой просто не успели изучить этот раздел. Знаешь, чем отличается амулет от артефакта?

Я нахмурилась.

— Артефактам не нужна подзарядка, в отличие от амулетов. Но зато при их создании нужно гораздо большее количество силы.

— Верно, но не совсем точно, девочка моя. Различий несколько. Первое, и самое главное — в отличие от амулета, артефакт делается для конкретного мага. Если им попробует воспользоваться кто-то другой, то, скорее всего, ничего не получится, а то и покалечиться может. Если, к примеру, снять амулет с поверженного врага, его вполне можно повесить себе на шею, и он будет работать, тогда как артефакт в лучшем случае станет безделушкой. И да, на изготовление подобного магического чуда нужно очень много силы. Подзарядка не требуется, потому что любой артефакт берёт энергию из собственного хозяина или окружающего пространства. Ты понимаешь, к чему я клоню, Рональда?

— Ну, — теперь я смотрела на «монетку», висевшую на шее Карвима, почти с благоговением, — Эллейн сделала вам артефакт перемещений, чтобы вы могли приходить ко мне два раза в месяц...

— Это понятно. Рональда... помнишь моё последнее задание?

— Последнее... — я нахмурилась. — Кажется, попробовать сделать амулет...

— Верно. Ты и попробовала. И я видел результат твоих трудов. Рональда... это не амулет. Неужели ты ещё не догадалась?

У меня перехватило дыхание.

— Значит, это...

— Да. Артефакт. Ты замкнула его на Нарро и вложила туда почти весь свой магический резерв. Даже Аравейн был впечатлён.

— А он тоже... видел?

— Разумеется.

Что значит «разумеется»? Каким образом? Нарро ведь не приезжал в Лианор!

Но задать этот вопрос я не успела.

— Знаешь, как ещё называют подобные артефакты? Амулеты сердца. Не каждый маг справится с изготовлением подобной вещи, для этого нужно по-настоящему выложиться. И творить можно только с чистым сердцем, по-другому никак. — Карвим немного помолчал, а потом добавил, словно устанавливал диагноз: — То, что ты сделала для дартхари — амулет сердца, Рональда. Сильнейший артефакт.

Я опустила голову, чтобы спрятать глаза. Странная ирония... Амулет сердца — и камень, который называют Сердцем Арронтара. Пусть мне больше нравится Слезы — так правильной — но всё равно...

— Он носит его? — голос был хриплым, и я кашлянула.

— Носит, конечно.

Неожиданно сонную тишину гостиной пререзал тонкий звон колокольчика. Мы с Карвимом разом вздрогнули. Неведомый гость продолжал нервно дёргать дверной звонок ещё несколько секунд, а потом забил в дверь кулаком.

— Лекарь! Откройте! Прошу, дело срочное!

Учитель вскочил на ноги. Я тоже попыталась подняться, но Карвим покачал головой, и я вновь опустилась на диван.

— Нет, Рональда, не стоит. Оставайся с Эдди. Я сам разберусь. Такое частенько случается. Наверняка какие-нибудь незадачливые охотники припозднились, или у кого желудок прихватило.

Я кивнула, и учитель, напоследок ободряюще улыбнувшись, вышел из гостиной. Я проводила его взглядом: мне почему-то было беспокойно.

— Мам.

Стряхнув с себя оцепенение, посмотрела на Эдди.

— Да, милый?

— Там, — мальчик ткнул пальчиком в пол, — плохие.

— Что? — я нахмурилась. — Ты имеешь в виду, им плохо?

— Не-е, — Эдвин энергично помотал головой. — Плохие. Злые. Они что-то сделать хотят... дурное. Обидеть дядю Карвима!

Я похолодела.

Откуда он знал, почему так думал?.. Рассуждать было некогда.

— Сиди здесь. Эдди, ты понял меня? Сиди! Не выходи из комнаты. А ещё лучше, спрячься где-нибудь и не высовывайся, пока я не позову. Хорошо?

Дождавшись кивка, я вскочила с дивана и сломя голову помчалась вниз.

Их было четверо. И как только я выскочила на лестницу, то сразу же поняла, насколько всё плохо.

Они вошли тихо, почти бесшумно. Не люди — тёмные эльфы. Маги Крови, все четверо. Карвим сам впустил их, сам открыл дверь...

И какой толк здесь от меня, если я никогда не пробовала подчинять больше одного мага за раз? Вот и сейчас, когда я попыталась разделиться на четыре части — о Дарида, ведь в пособии была глава по этой теме, почему я никогда не уделяла ей внимания?! — я чувствовала, как моя магия пролетает сквозь цель, словно не замечая её.

Подчинять по очереди? Попробую...

— Где девчонка? — спросил один из эльфов, делая шаг вперёд. Голос у него был хриплым и очень неприятным, а из-за большого чёрного плаща с капюшоном, накинутого на голову, лица было не разглядеть.

Учитель, ещё не осознавший серьёзности ситуации, удивлённо поднял брови.

— Девчонка?.. Господа, вы о чём? Где ваш больной? Может, вы меня с кем-то перепутали?

— Ничего мы не перепутали! — отрезал эльф, и в этот момент один из его сопровождающих поднял голову.

— Э! Да вон она, смотри, Раф!

Подчинить... Как?!

От страха я банально не могла сосредоточиться... Мысли разбегались в разные стороны, как трусливые насекомые.

— Рональда! — воскликнул Карвим, смекнувший, зачем пришли эльфы. — Быстро назад, в гостиную, и закрой дверь, она...

Раф взмахнул рукой, и учитель отлетел к стене. Болезненно сморщившись, прижал руки к животу — оттуда начала хлестать кровь, будто Карвима ранили мечом.

— Учитель... — прошептала я, делая шаг вперёд, и тут же застыла — чужая магия спеленала меня, как маленького ребёнка, не давая возможности даже пальцем пошевелить. И я бы непременно кулем упала с лестницы, если бы один из эльфов не подхватил меня на руки.

— Что будем делать? — спросил он, оглянувшись на Рафа. — Может, всё-таки?.. Она вроде ничего так...

Подошедший главарь хмыкнул и скинул капюшон. Меня передёрнуло: светлые, почти белые, волосы, прозрачные злые глаза, шрам через левую щёку... Ну и тип! Да я по сравнению с ним просто красавица.

— Да, вполне, — в его взгляде так явно читалась похоть, что меня замутило. — Вот только с магом Разума не стоит шутить, он же предупреждал.

— Да ладно, — ещё один эльф заржал, как конь, подходя ближе. — Какой из неё маг Разума, даже твоё заклинание не отразила.

Раф прищурился.

— Возможно, ты прав...

Я не могла двигаться, но всё чувствовала, хоть и не видела, что происходит. И ощутила, как Раф разрезал мне платье от горла до талии, распахнул его пошире, а потом, усмехнувшись, ухватил меня за грудь, сжав до боли.

Злые слёзы брызнули из глаз.

«Дэйн!»

Мне показалось, крик был не мысленным, а самым настоящим — даже в ушах зазвенело.

«Дэйн, помоги!»

Кажется, и секунды не прошло, когда всё вокруг застыло. Будто кто-то разом выключил все звуки, заставив замереть само время.

Я моргнула, и перед глазами за клубился туман, в котором я совершенно ясно увидела огромного белого волка с голубыми глазами. Волк чуть присел, словно готовясь к прыжку, а потом зарычал...

И время вернулось.

Раф и остальные три эльфа отлетели от меня к противоположной стене, заклинание рассеялось, и я смогла выпрямиться, безуспешно пытаясь запахнуть разрезанное платье. Получалось не очень хорошо.

— Ах ты, с-су... — Раф взмахнул рукой, что-то громко крикнул, и прямо передо мной мелькнуло нечто, напоминающее стрелу из сгустка Тьмы... которая завязла в невесть откуда взявшемся прямо у меня перед носом щите из Света!

«Ро, очнись! Я не смогу подчинить этих эльфов через тебя, магия Разума не действует на таких расстояниях, но я могу подсказать, как тебе сделать это самой! Только очнись!!!»

Голос Дэйна в моей голове звенел от гнева и волнения.

Раф направил в мою сторону ещё что-то, но щит поглотил и это заклинание. Другие эльфы тоже пытались пробить щит, но пока безуспешно.

И вдруг позади меня раздалось:

— Мама!

От ужаса сердце, кажется, перестало биться.

— Я же сказала сидеть в гостиной!! — закричала я в панике, краем глаза замечая, как злобно усмехающийся Раф запускает в сторону Эдди свою излюбленную стрелу из сгустка Тьмы, а щит Дэйна не настолько широкий, чтобы спасти мальчика...

Прыжок.

Какое странное ощущение...

Оказавшись возле Эдди — каким образом я смогла перепрыгнуть через всю лестницу?! — я обернулась и, смерив застывших в изумлении эльфов бешеным взглядом, прошипела:

— Не с-с-сметь! Это мой волч-ч-чонок!!!

Под конец шипение превратилось в рычание.

Я чувствовала, как удлиняются зубы, а ногти становятся когтями. Ощущала, как натягиваются, словно струны, мышцы...

Больно... Как же больно!

Я на миг зажмурилась, а когда открыла глаза, оказалось, что я стою на четырёх лапах и царапаю острыми и огромными когтями пол.

— Мама... — прошептал Эдди позади меня, и, услышав его голос, я действительно очнулась.

Значит, вот какво это — быть волчицей.

Я спрыгнула вниз, наслаждаясь плавностью и лёгкостью большого тела. Полюбовалась на физиономии эльфов, скривившиеся от страха, зарычала, и бросилась вперёд, на Рафа.

Крик, рывок, вкус крови во рту. Взмах лапой, треск костей, укусы, вопль боли — и тишина.

Я не убила их, нет. Но всего несколько секунд — и четверо эльфов лежали возле входной двери без сознания. Жаль, я даже не успела толком почувствовать азарт от охоты.

Может, пойти ещё поохотиться?

«Ро!»

Что это такое? В ушах звенит...

— Мама!

Эдди! Зарычав, я обернулась.

Охота была забыта. Мой мальчик бежал по лестнице, протягивая ко мне руки. Я прыгнула вперёд и позволила ему обнять себя за шею.

— Так вот, какая ты... Волчица... Белая... Мама... — шептал Эдди, восхищённо перебирая мою шерсть. Я рыкнула от удовольствия и облизала его лицо. Мальчик захихикал.

— Шершавый язык!

— Р-р-р! — подтвердила я, вновь вылизывая его лицо. Мой волчонок.

— Мам, — Эдди нахмурился, — дядя Карвим... Он...

На мгновение я застыла, а потом медленно повернула голову и уставилась в угол, где лежал истекающий кровью учитель.

«Перекидывайся назад, Ро. Мы спасём его, обещаю».

«Как, Дэйн?»

«Как перекинуться? Просто сильно захотеть...»

«Нет, — я мысленно улыбнулась, — как спасём?..»

«Сначала стань человеком».

Глубокий вдох — и вот, я поднимаюсь на слегка дрожащие ноги рядом с Эдди. Это оказалось уже не так больно, как первое обращение.

«Конечно. Теперь будет легче».

— Эдди, милый, не подходи близко, прошу, — я чмокнула ребёнка в щёку и направилась к Карвиму, не обращая внимания на собственную наготу. Стесняться тут некого, эльфы нескоро придут в себя.

На животе учителя была даже не рана — дыра. Не поможет и чистый Свет... Не затянется она так быстро. Да и крови он много потерял.

«Ро, — в голосе Дэйна слышалась улыбка, — в твоих жилах течёт лучшее лекарство на свете. Ты же оборотень. Оборотень, подчинивший внутреннего волка. Твоя способность к регенерации просто колоссальная, ведь ты ещё и маг... Понимаешь, о чём я?»

«Дэйн! — я задохнулась от волнения. — Моя кровь, конечно! Ты гений!»

Он засмеялся.

Я резко выпустила когти на одной руке и перерезала ими вены на второй. Несколько секунд кровь свободно текла на рану Карвима, а потом порез затянулся.

Так мы играли долго — я резала, регенерация срабатывала, я резала вновь. Но я не прекращала эту игру. Видела, что кровь впитывается в рану учителя, словно чудодейственный бальзам, замечала, как цвет лица становится более здоровым, дыхание выравнивается. И в конце концов, когда я уже едва дышала от усталости, на месте огромного пореза оставался лишь красный рубец.

— Спасибо, Дэйн, — прошептала я, поднялась на ноги и вернулась к сидевшему у подножия лестницы Эдди. Мальчик с опаской поглядывал на эльфов, но они всё ещё находились без сознания.

Надо, наверное, позвать на помощь, но я так устала...

Прижав к себе Эдди, я поцеловала его в лоб, макушку, щёки, глубоко вдохнула кисло-сладкий запах, исходящий от его тела, и улыбнулась.

— Ты — мой, — тихо сказала я. — Никому тебя не отдам. Никто не сможет причинить тебе вред, малыш.

Маленькие ручки обняли мою шею, тёплое дыхание коснулось ключицы.

— Мама.

— Да, — я с нежностью провела ладонью по мягким волосам Эдди. — Мама. Да, мой волчонок.

Волчица внутри меня тихо и довольно урчала. Казалось, что в ту секунду она вылизывает своим шершавым языком мою душу.

Теперь уж ей точно есть, ради кого выходить из своей норки.

Глава 19

Дэйнар, Снежная пустыня, около 80 лет назад

— Неужели ты не слышишь? Это похоже на музыку. Тук-тук... Тук-тук-тук... Тук... Сначала она была грустной, а теперь повеселела. Мне иногда даже кажется, что я могу разобрать слова...

Порой Дэйнару думалось, что Фрэн не четырнадцать, а четыре. Она вечно витала в облаках, придумывала различные истории, мечтала и фантазировала.

У него так не получалось. Но юноша с удовольствием слушал Фрэн, когда она погружалась в собственные мысли. В такие минуты девочка совершенно преображалась — на щеках появлялись ямочки, глаза мягко блестели, губы растягивались в улыбке. И Дэйн забывал обо всём, любуясь ею.

Фрэн была похожа на глоток свежей ключевой воды после душного и жаркого дня.

— Слышишь? Теперь он почти шепчет... Там-там... Тук-тук...

Они сидели на чердаке в доме отца девочки и слушали шум дождя. Это было их излюбленное место для встреч. Здесь Лирд — так звали отца Фрэн — хранил солому и старый хлам. Друзья обосновывались на чердаке очень часто, особенно когда родителя девочки не было дома, а отсутствовал он почти постоянно.

С момента появления Дэйнара в Нерейске прошло уже три месяца, начался «сезон дождей», как называл это время Форс. Почему наставник говорит о дожде во множественном числе, Дэйн не понимал, ведь он был один, и шёл не переставая несколько месяцев.

— Наверное, пустыня хочет пить, — говорила Фрэн, сверкая глазами в полумраке. — Это её способ напиться, понимаешь? Ей душно и жарко, вот она и напивается в сезон дождей.

Весь город считал Фрэн, дочь вдовца-рыбака, странноватой и блаженной. Но именно в её компании Дэйнар чувствовал себя лучше

всего. Он пробовал общаться с юношами-сверстниками, но не складывалось. Они ничего не замечали, а вот самому Дэйнару приходилось нелегко.

Он привык к одиночеству. Через пару часов общения любой собеседник начинал раздражать юного мага Разума. Хотелось уйти в пустыню и сунуть голову в песок, чтобы не слышать, не видеть, не вспоминать... Даже от Форса порой возникало желание спрятаться.

В такие дни спасала Фрэн. Дэйнар не знал, почему, но рядом с этой девочкой он действительно отдыхал. Ему нравилось слушать её голос, смотреть в глаза, прикасаться к шелковистым прямым волосам...

— Чего ты боишься, Дэйн?

Юноша так задумался, что не сразу осознал — Фрэн ждёт ответа на вопрос.

— Боюсь?.. В каком смысле?

Дождь застучал по крыше сильнее, даже доски затряслись.

— Я боюсь огня, — сказала Фрэн, вздохнув. — Ещё боюсь, когда папа сильно пьёт — давно-давно, когда я была маленькой, наш сосед много выпил, а поутру не проснулся. Но больше всего я боюсь...

Девочка запнулась и как-то помрачнела. Дэйнар подсел поближе и осторожно дотронулся до её плеча. Чара, сидевшая у юноши на коленках, ткнулась в руку Фрэн холодным мокрым носом.

— Больше всего я боюсь Гольца. Знаешь его, Дэйн?

Горбун нахмурился, припоминая.

— Гольц, Гольц... Сын старосты?

— Да. Он меня... трогает.

Дэйнар напрягся.

— Что?..

— Ну... это ничего. Ты тоже трогаешь. Это не страшно, Дэйн. Просто ты как-то по-другому трогаешь. А Гольц... Он нехорошо как-то делает, неправильно. И я... боюсь.

Фрэн слегка передёрнула плечами, отчего рука Дэйна съехала с них и бессильно опустилась на пол. Впервые на его памяти девочка выглядела настолько расстроенной.

— Так чего боишься ты, Дэйн? — Фрэн повернулась к своему другу и улыбнулась, но получилось не совсем так, как раньше — без

ямочек на щеках. — Ты, кажется, всё умеешь делать без малейшего страха!

Юноша вздохнул, вглядываясь в светло-карие глаза Фрэн. Поймёт, если сказать правду?..

— Я не боюсь ничего, подобного огню или воде. Единственное, чего я боюсь — потерять тех, кого люблю.

В её глазах дрожали огоньки. Всего лишь свет из-под двери, отражающийся в зрачках, а как красиво...

— Кого, Дэйн? — спросила Фрэн почему-то шёпотом.

— Форса, Аравейна и... тебя.

В этот раз на щеках появились ямочки.

— Правда?

— Конечно.

Кажется, она покраснела. В полумраке Дэйну было плохо видно. Но, так или иначе, а в груди у него вдруг стало очень тепло, словно кто-то решил разжечь костёр под тонкой тканью рубашки.

А ещё захотелось рассмеяться... Не потому что смешно, а просто так, от... счастья?..

— Кажется, дождь кончился, — прошептала Фрэн, дотрагиваясь до руки Дэйнара. — Хочешь пойти на улицу?

— Нет, — он перехватил её ладонь и чуть сжал тонкие пальцы. — Давай посидим так немного. Послушаем... что ты там любишь слушать ещё, кроме шума дождя?

На этот раз Фрэн действительно покраснела.

— Твоё дыхание.

После окончания сезона дождей по Нерейску можно было продвигаться только и исключительно в длинных сапогах. Правда, вода уходила быстро, впитываясь в почву и песок и испаряясь. К вечеру следующего дня она почти совсем ушла, и отец Фрэн собрался с другими рыбаками в пустыню.

Там, чуть дальше на запад, по направлению к Морю Скорби, текла река. Глубокая, чистая и прозрачная. Местные жители называли её Погибелью — каждый год она уносила около десятка жизней рыбаков. То укусит кто-нибудь ядовитый, например, рыбы, обитающие в её водах, или змеи, живущие в песках на берегу; то собьёт с ног и утопит быстрое течение; то нападёт стая свирепых аксалов... Рыбалка в

Погибели была делом опасным, но необходимым — рыбу жители Нерейска любили, не говоря уже о том, что чешуя использовалась в качестве денег.

Фрэн, бывало, оставалась одна на несколько дней, пока Лирд уходил вместе с другими мужчинами к Погибели. Только путь к реке составлял три дня — полтора туда, и полтора обратно — а нужно ведь ещё было приличный улов достать. Так что порой отца девочки не было дома около недели.

Впрочем, она давно была вполне самостоятельной, и отсутствие Лирда не причиняло Фрэн неудобств. Девочке нравилось рисовать различные картинки, особенно — расписывать принесённые отцом речные камушки, за продажу которых она получала на удивление неплохие деньги. Почему-то камни, разрисованные «блаженной Фрэн», считались приносящими удачу.

Когда Дэйн спросил у Форса, действительно ли это так, наставник только хмыкнул.

— Если с научной точки зрения, то, конечно, нет. А если с другой, человеческой... То да.

— Разве так бывает? — изумился горбун.

— Разумеется. Как, по-твоему, были придуманы проклятья? Однажды какой-то маг искренне поверил в свои слова, а поверив, вложил в них такое количество силы, что проклятье стало реальностью. Так и здесь, Дэйн. Жители города верят в камушки Фрэн — и для них они работают. Если перестанут верить, то и камушки тоже станут самыми обыкновенными.

Дэйнар давно заметил — Форс придавал огромное значение именно силе веры. Кажется, даже большее, чем магии Разума, которой горбун с успехом обучался вот уже три месяца. Она давалась Дэйну легко, гораздо легче, чем Свет или Воздух. Юноша понимал интуитивно, что нужно делать, но всё-таки продолжал вести свои записи — так, на будущее, вдруг пригодится?

Была у Дэйна одна черта, которая немного раздражала наставника, правда, при этом Форс умудрялся ещё и гордиться ей.

Юный маг Разума обожал экспериментировать. Сочетать несочетаемое. Выводить несуществующие формулы заклинаний, создавая такое, от чего наставник хватался за голову.

После первого такого эксперимента у дома Форса чуть покосилась крыша. После второго в трубу от камина поднялся столп огня, вырвался на свободу и взвился до самого неба. А вот после третьего, когда у Форса неожиданно полопались все банки с вареньем в кладовой, маг взвыл:

— Всё! С этого дня экспериментировать будешь только под моим присмотром!!!

Дэйн обещал и старался не нарушать собственное слово. Впрочем, наставник порой махал на ученика рукой и садился рядом, с круглыми глазами наблюдая, как юноша выводит на листочке очередную формулу. И с каждым днём эти формулы становились всё лучше и лучше, всё сложнее и сложнее...

— Ты знаешь, что привёз в мой дом настоящее сокровище? — спросил Форс, когда спустя два месяца вернулся Аравейн. Беловолосый чародей только понимающе улыбнулся.

Как объяснил наставник Дэйнару, маги Разума тоже бывают разные. Зачатками этой магии обладают многие волшебники, иначе не освоить мыслеречь и некоторые заклинания, требующие внутренней концентрации при отсутствии словесного изъяснения. Самые слабые маги Разума могут работать только с животными, маги посильнее — с людьми, эльфами, оборотнями и всеми остальными. Но лишь одна пятая часть магов Разума способна на составление и разработку новых заклинаний.

Дэйнар был не просто способен на подобное — он обожал экспериментировать. Занимаясь этим, он забывал обо всём, погружаясь в мир, где не существовало боли и страданий, где никто и никогда не швырял в него камни, где он чувствовал себя не отверженным горбуном, а обычным юношей.

Иногда она уходила в Северный лес, ложилась на берегу озера и, запустив длинные тонкие пальцы в чёрную землю, закрывала глаза.

В такие моменты Лириин чувствовала, как из неё медленно, по капле, уходит жизнь. Всё тело болело, горело и ломало, но она упрямо продолжала приходить на берег озера и отдавать свой долг.

Лириин помнила о своём обещании. Впрочем, на самом деле она не думала больше почти ни о чём — только о Дэйне. Единственное, чего девушка по-настоящему хотела — это его возвращения.

У старшего советника она по-прежнему училась, и Рэнгар был очень доволен своей ученицей. Девушка схватывала всё на лету — языки давались Лириин легко, история отскакивала от зубов, математика и экономика не вызывали ни малейших затруднений. И постепенно Рэнгар начал уделять девушке всё больше и больше времени, стараясь сделать из неё, как он выражался, «образцового первого советника».

Родители были недовольны. Пытаясь поговорить с дочерью, они неизменно натыкались на холодную непробиваемую стену. Жёлтые глаза Лириин словно превратились в две льдинки, больно коловшие всех, кто пытался понять, что происходит в её сердце.

— Пойми же, дурочка, — горячился отец, — советники — всё равно, что рабы. Конечно, им почёт и уважение, но какой ценой это достигается! Почему, Лириин? Почему ты выбрала такой жизненный путь?

Мать просто молча плакала, глядя на отрешенное лицо дочери. Маре казалось — их с Родэном кто-то проклял. Сначала Дэйнар, родившийся горбуном, потом смерть Рэйнара, и вот, теперь Лириин — равнодушная, решившая посвятить жизнь служению дартхари, что, скорее всего, означало — внуков они вряд ли дождутся. Советники были нужны не для продолжения клана, а для помощи быстро меняющимся дартхари в управлении Арронтаром.

А ещё... кто польстится на Лириин теперь, когда она из сильной волчицы-ара стала слабой анта? Девушка почти не пахла самкой и была слаба, как новорожденный волчонок.

— Куда делась твоя сила? — прошептала Мара, стараясь поймать взгляд дочери. С некоторых пор Лириин почти всегда отводила его, словно не хотела смотреть родителям в глаза.

Вот и сейчас — уставилась в окно, даже не мигая.

— Ушла в землю, — ответила наконец.

Мара с Родэном удивлённо переглянулись.

— Так не бывает, дочь! — отрезал отец. — Сила даётся от рождения и проявляется в Ночь Первого Обращения. Ты же прошла её, с успехом прошла, ты была одной из самых сильных ара, Лирин!

— Была, — согласилась девушка, не отрывая взгляд от окна, где в тёмной небесной вышине мерцали яркие звёзды.

С недавних пор она ненавидела эти совместные с родителями ужины. Каждый день одно и то же — почему ты решила стать советником, куда делась сила... Что она могла ответить?!

А ещё...

Лирин не хотела даже смотреть на отца и мать. Не хотела, потому что...

— Зачем ты прогнал Дэйна?

Не ожидавший такого вопроса Родэн вздрогнул. Вздрогнул не только от вопроса — впервые за последние три месяца дочь взглянула на него прямо.

— Я ведь объяснила — Дэйн не сделал ничего плохого. Ничего. Наоборот, он спас меня тогда. Зачем ты прогнал его?

Под этим спокойным и каким-то безжизненным взглядом Родэн растерялся.

— Дэйнар — позор для нас... и для всей стаи.

Лирин вдруг вскочила со стула, взмахнула руками так, что кружка с травяным настоем упала на стол и по скатерти начало расплзаться тёмное пятно, и закричала:

— Позор?! Нет! Это не он — позор! Это мы все, мы — позор!! Позор для Арронтара! Позор, потому что придаем значение только внешней красоте и силе и презираем остальных! Презираем настолько, что готовы убить лишь за то, что они родились не такими!

— Дочка... — прошептала Мара, не веря своим ушам: Лирин... защищала Дэйна?!

— Я стала задаваться вопросом, что он сделал, несколько лет назад. Он ни разу не причинил мне боль, не ответил агрессией на агрессию, только убегал и прятался. Я считала это слабостью. Только недавно поняла — возможно, в этом и есть настоящая сила... Сила куда бóльшая, нежели физическая. — Глаза Лирин сверкнули. Почти как раньше, когда она ещё была ара... — Эта сила — в нежелании отвечать злом на зло. Эта сила — в способности не испытывать ненависти к тем, кто готов в любой момент бросить в тебя камень. Эта

сила — в способности... — На мгновение девушка запнулась, но потом всё-таки продолжила: — В способности прощать.

Родэн и Мара не знали, что ответить дочери, но Лирин и не ждала ответа. Усмехнувшись, девушка выбежала из столовой и помчалась вглубь Северного леса, к озеру Дэйна.

Там, размазывая слёзы по щекам, она упала на землю и, свернувшись калачиком, застыла.

— Я скучаю. Это глупо, да?

Слезинка скатилась по щеке и впиталась в почву.

— Я ведь почти не знала его. Я даже... ни разу не обнимала его в последние годы. Ни разу...

Выглянувшая из-за туч луна посеребрила землю, коснулась седой прядки в волосах Лирин — будто по голове погладила.

— Я сказала родителям, что сила — в способности прощать. Но я не знаю... Сможет ли он простить? Как ты думаешь — сможет?

Она долго вслушивалась в тихое дыхание леса. Но Арронтар молчал.

Словно и сам не знал ответа на заданный Лирин вопрос.

Торопливый завтрак, занятия с Форсом, обед или ужин — в зависимости от того, насколько они увлеклись уроками, — вечерние посиделки с Фрэн, а иногда — с Аравейном, если он гостил в Нерейске, спокойные, красочные сны, в которых он иногда летал... Летал, чтобы коснуться щеки грустной светловолосой девушки с седой прядью, а, проснувшись, старался не вспоминать о том, что видел во сне.

Так прошли два года.

За это время Дэйнар успел хорошо изучить магию Разума и увлекся лекарским делом. Форс и сам был неплохим врачом, и с удовольствием начал учить юношу ещё и этому искусству. А чуть позже Дэйнар устроился помощником к главному лекарю Нерейска, мастеру Гордуру, и получил первый заработок.

Нет, он и раньше кое-что зарабатывал, но это была мелочь. Ходил с Лирдом за рыбой к Погибели (Фрэн за ту неделю так изволновалась, что когда Дэйнар вернулся, разрыдалась от облегчения), делал разные зелья и продавал их через Форса и даже один раз смастерил амулет на заказ. Но всё это было не совсем по-настоящему, казалось какой-то игрой, сном...

У мастера Гордура Дэйнар понял: вот оно — дело, которому ему хочется посвятить себя. Юноше нравилось всё без исключения — и роды принимать, и вывихи вправлять, и даже лечить пищевые отравления. А мастеру Гордуру пришлось по душе то, что Дэйнар не чурался грязной работы, с удовольствием впитывал знания и никогда не пререкался.

Его эксперименты наконец начали приносить хоть какую-то пользу, а не просто лишать крыши дом Форса. Теперь у Дэйна появилась цель, и он больше не писал формулы просто так, «от нечего делать». Он разрабатывал заклинания и зелья для лечения различных болезней.

Аравейна тогда не было в Нерейске около полугода, и когда маг вернулся, то обнаружил, что воспитанник сильно возмужал, в глазах появился весёлый блеск, а тетрадка с записями различных магических идей потолстела ещё страниц на двести.

Он нашёл Дэйна в саду Форса. Юноша сидел, склонившись над землей так, что чуть ли не касался её носом, и рассматривал что-то через большую линзу.

— Дэйнар! — окликнул воспитанника Аравейн, но тот лишь отмахнулся.

— Да-да. Я знаю, что ты приехал, почувствовал, как только ты пересёк ворота. Погоди, я тут наблюдаю за одним интересным растением... Мне кажется, из него получится хорошее жаропонижающее средство... Если смешать с сонником и добавить сморокву... А ещё пару капелек...

— Дэйнар! — рассмеялся маг. — Кажется, работа тебя теперь радует гораздо больше, чем мой приезд. Полгода назад ты бы отреагировал по-другому.

Юноша улыбнулся и, отбросив линзу, встал с земли.

— Прости, Аравейн. На самом деле я ужасно рад тебя видеть, просто увлёкся.

— Это замечательно.

И маг, обнимая Дэйнара, отметил, что тот уже не мальчик — мужчина. И не просто мужчина, а очень красивый мужчина... если бы не горб, конечно.

— Ты к нам надолго? Там у Форса ништа простаивает...

— Да, это нехорошо, — фыркнул Аравейн. — Тогда пошли в дом, что ли, поздороваюсь со старым другом. Эй, Форс! Открывай дверь, пирожок волосатый!

Дэйнар почувствовал, как его губы начинают растягиваться в какой-то совершенно шальной улыбке. Он не говорил этого никому, даже Фрэн, но про себя думал, что главным, чего он достиг за два года, были не успехи в магии Разума, ни интересные эксперименты, ни работа помощником лекаря... нет.

Главным для Дэйнара было то, что у него наконец появилась семья. Странная и чудаковатая, но семья.

Один из представителей которой сейчас выходил из дверей, широко распахивая руки, больше похожие на лопаты.

— Вейн! Вернулся, котик ты мой драный!

К вечеру в Нерейске, как обычно, похолодало. На тёмном покрывале неба зажглись яркие звёзды, приветствуя наступающую ночь, даже Аррана почтила своим присутствием. Воздух был свеж, прозрачен и пах бодрящим травяным чаем — одним из последних экспериментов Дэйна.

Они сидели в саду Форса, как делали всегда после приезда Аравейна, а затем и перед его отъездом. Этот дружеский ритуал безумно нравился Дэйнару.

Чара, на миг отвлекшись от вкусной косточки, которую до этого беззастенчиво грызла, подняла голову и посмотрела на хозяина серьёзными тёмными глазами. Он улыбнулся и положил ладонь ей на голову.

— Эх, хорошо, — прищурился Форс, делая глоток горячего чая и вглядываясь в звёздное небо. Аравейн, согласно кивнув, выдохнул несколько колечек серебристо-серого дыма. — Когда курить бросишь, образина?

— Ты же знаешь, я балуюсь только здесь, у тебя, — хмыкнул маг. — Уж больно табак замечателен. А в этот раз вообще...

— Дэйна благодари. Он специально для тебя какую-то штуку замутил, чтобы листья более ароматными были.

Горбун, усмехнувшись, стащил из плетеной корзинки сырную лепешку. Он не мог понять, почему, но каждый раз, когда Форс говорил о нём с такой гордостью в голосе, как сейчас, ему хотелось смеяться и танцевать.

— Кстати, Дэйн. Ты ничего не хочешь мне рассказать? — спросил Аравейн, и даже в темноте было видно, как сверкнули его глаза.

— Я так и знал, что ты заметишь, — рассмеялся юноша. — И непременно спросишь. А вот Форс был более деликатен — заметил, но не спросил.

Толстяк улыбнулся.

— Зачем? Знал же — придет Вейн и всё из тебя выпытает. А так бы пришлось рассказывать одно и то же дважды.

— Резонно, — кивнул Дэйнар. — Ну и... с чего начать?

— Как обычно, — ответил Аравейн, вновь выпуская изо рта несколько колечек дыма. — Начни с начала.

Два года назад Дэйн даже не предполагал, что будет вот так, попивая ароматный чай и всматриваясь в мерцающее от звёзд небо, рассказывать двум совершенно чужим по крови магам о том, как он подчинил своего внутреннего волка.

Нет, не так. Два года назад Дэйн не представлял, что этот самый внутренний волк у него есть, а уж о подчинении и речи не шло.

Но сейчас он делал это, зная, что если он и должен кому-то обо всём рассказать, то только Форсу и Аравейну. И пока рассказывал, видел, как их лица освещаются радостью всё больше и больше.

Прошёл год с того дня, когда во время путешествия по Снежной пустыне Дэйнар впервые выпустил когти. И горбун уже начинал думать, что перестал быть оборотнем. Дэйн знал: ни один из его сородичей не может жить так долго вдали от Арронтара, сила постепенно исчезает, и оборотень становится обыкновенным человеком.

Ушедшей силы юноше жалко не было. Что она принесла ему, кроме горя? Туда ей и дорога. А у него — новая жизнь и иная судьба.

А потом...

Это был пятнадцатый день рождения Фрэн. Лирд тогда отсутствовал, по обыкновению добывая рыбу в Погибели. И с самого утра Дэйнар умчался к девушке, освобождённый Форсом ото всех уроков.

В её доме аппетитно пахло свежее испечёнными пирогами, которые Фрэн приготовила специально к столу для себя и Дэйна. Больше никого не ожидалось.

Сама же Фрэн, одетая в красное платье в белый горошек, скакала по комнатам, счастливо улыбаясь, и казалась юноше продолжением солнечного света — так она светила от радости.

— Спасибо! Спасибо! — говорила она без конца, подбирая, по её словам, «почётное место» для подарка своего друга — маленькой деревянной фигурки волка. А потом Фрэн вдруг подскочила к Дэйну и, замерев на миг в нерешительности, встала на носочки и коснулась его губ своими.

Это был даже не поцелуй — лишь невесомое, лёгкое, как пёрышко, прикосновение. Но его оказалось достаточно.

Дэйнар почувствовал странное напряжение внутри себя, а потом услышал тихий грозный рык...

Руки поднялись почти против воли, схватили Фрэн за талию и прижали к сильному крепкому телу. А когда Дэйн глубоко вздохнул, и его ноздри заполнил сладко-цветочный запах девушки, ему показалось, будто кто-то рвёт тело изнутри большими острыми когтями.

И, повинувшись желанию этого кого-то, Дэйнар наклонил голову и с силой впился в губы Фрэн, яростно и жадно сминая их, и даже, кажется, покусывая...

Кровь билась в висках, затуманивая взгляд и мешая думать, хотелось только одного — владеть. Здесь и сейчас...

Позже, гораздо позже, Дэйнар вспомнил слова Форса, сказанные однажды, когда они обсуждали оборотней: «Никакая сила не даётся без возможности её подчинить. Не бывает слабых духом ара, мальчик мой, потому что в таком случае лишняя сила просто вытечет наружу. Ты же не сможешь налить в сосуд больше молока, чем он способен вместить?»

Судорога прошла по телу Дэйна, когда он вдруг осознал, что делает. Пусть Фрэн не сопротивлялась, просто замерев в его жадных руках, но...

И, глухо застонав, он отодвинул от себя девушку, стараясь не смотреть на её блестящие глаза и красные влажные губы.

— Мне нужно уйти, Фрэн, — прошептал он, сжимая кулаки. — Пожалуйста, прости. Но если я останусь...

— Ничего, Дэйн. Дядя Форс говорил, что такое может случиться.

Горбун удивлённо вздрогнул и даже поднял голову. Правда, почти сразу же опустил — волк внутри него всё ещё был недоволен, что их с Фрэн разлучили.

— Форс... говорил?.. И ты всё равно продолжала со мной общаться при этом?!

— Я знала, что ты справишься. Дядя Форс просил передать тебе, если такое случится: «Просто попытайся его понять».

— Кого понять? — нахмурился Дэйн.

— Своего волка. И не надо никуда уходить. Сегодня всё-таки мой день рождения...

Он тогда действительно остался. И через несколько часов вновь перестал чувствовать зверя, что проснулся из-за робкого, но ласкового поцелуя Фрэн.

С того дня в течение целого года Дэйнар неустанно экспериментировал. Он пытался понять своего волка, осознать, почему тот прячется и совершенно не желает выходить наружу — фыркает, рычит, и только посверкивает из темноты ярко-голубыми глазами.

Эксперименты эти ни к чему не приводили, в отличие от опытов с магией. И со временем Дэйн отчаялся и перестал мучить своего дикого зверька. С Фрэн они больше не целовались, поэтому рецидивов не было.

Но пару недель назад ему кое-что приснилось. Привыкший видеть Арронтар каждую ночь, Дэйн не очень удивился, когда вновь попал туда во сне. Но обычно он летел вместе с ветром вслед за грустной девушкой, которую наяву не хотел даже вспоминать, а теперь...

... Только что прошёл дождь, и некоторые лужи были почти по колено. Дэйн бежал прочь, вперёд, бежал так быстро, что ему казалось, будто он не касается земли. В боку кололо, воздух со свистом вырывался из лёгких, из-под ступней в разные стороны разлетались пыль, грязь и брызги, но он знал — останавливаться нельзя.

Рядом с ухом пролетел булыжник. Крики и улюлюканье раздавались всё ближе и ближе, и Дэйнар, на миг обернувшись, увидел

в первых рядах злорадно-весёлые лица Рэйнара и Лирин.

От этого ему стало так больно, что юноша проснулся.

И сразу услышал чей-то тихий плач. Кто-то негромко, но жалобно хныкал, обиженно шмыгая носом, и от этих звуков Дэйнару стало совсем нехорошо.

Потому что этот «кто-то» плакал внутри него.

Маленький белый волчонок выбрался из норки полностью и теперь лежал, свернувшись калачиком, и ронял горячие и горькие слёзы. Дэйнар закрыл глаза и мысленно потянулся к нему, погладил по грязной и будто окровавленной шерсти, прижал к тебе и тихо сказал:

— Я понял, Дэйн. Ты спрятался и не выходил, потому что тебя не любили.

Волчонок кивнул и лизнул его ухо шершавым языком.

— Но теперь тебя любят. Ты же видишь и знаешь. Почему прячешься?

— Боюсь... — ответил он голосом Дэйнара. И прижался сильнее, словно просил помощи.

— Не бойся. Я с тобой. И я тебя никогда не оставлю, что бы ни случилось.

Тот миг, когда волчонок, кивнув, исчез в ослепительно белом свете, будто растворившись в Дэйне, как краска растворяется в воде, юноша запомнил навсегда.

Впервые в жизни он наконец понял и осознал, что оборотень. И внутренний волк — это не просто какое-то существо, обитающее внутри, а часть его самого. Неотъемлемая часть.

Когда Дэйнар закончил рассказывать, наставники несколько секунд молчали.

А потом Форс произнёс:

— За это надо выпить.

Аравейн только глаза закатил, а Дэйн, рассмеявшись, отсалютовал учителю чашкой с чаем.

— Вот мы и пьём. Ты же сам говорил «хорошо», забыл, что ли?

— Ну говорил. Так нет пределов совершенству.

— Старый пьяница, — хмыкнул Аравейн.

— Кто бы говорил! Ты вообще — белая мышь-алкоголичка!

— Я не мышь. Я — мыш. Белый мыш...

— ... алкоголик!

Слушая эту шутовскую перепалку, Дэйнар ухмылялся, доедая сырную лепёшку. Действительно — хорошо. Только вот совсем не из-за чая.

— Я только одного не понял, — перебил переругивающихся наставников юноша. — Как я умудрился не потерять своего волка вдали от Арронтара? Я думал, это невозможно.

Маги мимолётно переглянулись, а потом Форс ответил:

— Нет ничего невозможного, Дэйн, ты уже должен был хорошо это усвоить за то время, что изучаешь магию. Есть только маловероятное.

Юноша нахмурился.

— Но почему именно я? В Нерейск бежали многие оборотни, но все они со временем теряли способности. Почему только я не потерял? Разве я такой исключительный?

Голос Дэйнара был полон скептицизма. Форс улыбнулся — он-то понимал, что его ученик действительно не совсем обыкновенный хотя бы потому, что владеет магией Разума. Вот только говорить это Форс совершенно не собирался. А то загордится ещё...

— До некоторых вещей нужно додумываться самому, Дэйн, — тихо сказал Аравейн, выбивая пепел из трубки. — Пусть пройдет двадцать, тридцать, пятьдесят или сто лет... Это неважно. Если ты хочешь по-настоящему понять что-то, должен познать это сам. Не прочитать в книге или услышать из уст учителя — нет, только сам. Иначе не поймёшь и не прочувствуешь.

Юноша вздохнул, покачал головой и улыбнулся.

— Так я и думал. Тайны, загадки, интриги... Вы совершенно не изменились, господа маги!

Форс хохотнул.

— В нашем возрасте уже не меняются, Дэйн. А вот ты — да, ты ещё можешь измениться.

— В какую сторону?

— В сильнейшую, Дэйн. В сильнейшую.

Глава 20

Дэйнар, Снежная пустыня, около 80 лет назад

Спустя две недели Аравейн уехал, обещав, что вернётся спустя три месяца.

— Знаешь, — пробормотал Форс, когда высокая фигура мага исчезла за поворотом, — раньше он ко мне заезжал дай Дарида раз в год. А то иногда я и по пяток лет не видел этого старого беловолосого засранца. А теперь, ты смотри, зачастил. Всё из-за тебя, Дэйн!

Юноша даже смутился. Но как же было приятно слышать это из уст грубоватого, но правдивого Форса.

Прошла ещё неделя, и отец Фрэн в очередной раз отправился к Погибели за рыбой. После его ухода Дэйн с девушкой долго гуляли по городу и просто разговаривали — впереди у Дэйна были четыре рабочих дня у мастера Гордура, и оба понимали, что, скорее всего, не увидятся за это время.

Они пошли в центр Нерейска, где находился небольшой сквер, засаженный деревьями и цветами настолько, что местные жители называли его парком. Даже в самые жаркие дни там было прохладнее, чем в других местах.

Болтая и смеясь, они бродили по дорожкам. Здесь продавали шоколадки, мороженое и сахарную карамель, и поначалу Дэйн не собирался ничего покупать, но Фрэн уговорила его попробовать конфету на палочке — она называла её «жжёным сахаром» — и он с удивлением понял, что терпкий сладкий вкус карамели ему нравится. А цветом она была точь-в-точь как глаза Фрэн.

Доев конфеты, они медленно опустились на скамейку, чтобы передохнуть, и как только Фрэн сняла босоножки и с наслаждением вытянула ноги, на дорожке появились трое парней.

Дэйн хорошо знал их — да что там, их знал весь город. В центре Гольц, старший сын старосты, высокий жилистый парень со светлыми

волосами и лицом, похожим на крысиное. Если бы не отношение местных жителей к старосте, который был действительно очень хорошим человеком и прекрасным управленцем, быть Гольцу битым уже не раз. Но поскольку уважение к старосте перевешивало неприязнь к его сыну, парня пока никто не трогал.

Рядом с ним всегда ошивались верные слуги — так про себя называл Дэйн двоих друзей Гольца. Сын старосты предпочитал оскорблять словами, а Шорн и Винс делали за него грязную работу — то есть, дрались.

Дэйнар тут же заметил, как сжалась и убрала под себя ноги Фрэн. Она много раз говорила, что боится Гольца, но насколько, юноша наблюдал впервые.

— О, горбун и блаженная, — хрипло рассмеялся сын старосты. — Идеальная пара!

Шорн и Винс послушно заржали, а Дэйнар ответил:

— Совершенно согласен, — чем на несколько секунд выбил Гольца из колеи. Тот поморщился.

— Ты ещё поостри мне тут. Думаешь, раз ты у Форса учишься, тебе всё с рук сойдёт? Винс, вон, тоже маг.

Губы Дэйнара тронула лёгкая улыбка.

— Приятно познакомиться, коллега, — кивнул он здоровяку справа от Гольца, заставив того поперхнуться воздухом. Фрэн испуганно сжала руку друга и прошептала:

— Не надо...

Но Дэйн не боялся их. Он прекрасно знал, что, в случае чего, раскидает и Гольца, и Шорна, и Винса так, что они потом косточки не соберут. Даже если бы магами были все трое, у них не осталось бы шансов.

Юноша забыл только об одном — некоторые никогда не играют в честные игры.

— Иди, куда шёл, Гольц, — усмехнулся Дэйнар. — И лучше сам, а то ведь я и помочь могу...

Серые глаза сына старосты зло сощурились, превратив его и без того не особенно красивое лицо в абсолютно отвратительное.

— Наглеешь, горбун.

— Не больше, чем ты.

— Не боишься?

— Тебя, что ли? Я, знаешь ли, никогда не боялся навозных жуков.

— Ты пожалеешь, горбун, — прошипел Гольц и, кивнув своим верным сопровождающим, стремительно удалился.

— Дэйн! — воскликнула Фрэн, как только парк вновь опустел. — Зря ты его разозлил, Гольц способен на многое.

— Да что он мне сделает, — засмеялся оборотень, ласково погладив девушку по руке. — Не зря же Форс меня учил. Не бойся, Фрэн.

Юноша испытывал в те минуты какое-то удивительное чувство. Впервые он не убежал, впервые ответил обидчику... Это пьянило.

Дэйнар ошибся — кое-чему Форс его всё-таки не научил.

Например, подлости.

Весть о гибели Лирда и ещё одного рыбака пришла на четвёртый день после его отъезда. Дэйн в это время помогал мастеру Гордурю оперировать сложного больного и никак не мог отлучиться, чтобы поддержать Фрэн в эти горькие минуты, когда она узнала о смерти отца.

А вечером, возвращаясь из больницы, оборотень решил заглянуть к девушке домой. И обнаружил, что Фрэн там нет. Входная дверь оказалась распахнута, на полу валялась разбитая ваза — и всё.

Никогда в жизни Дэйнар не испытывал такого сильного отчаяния, как в тот момент. Ноздри его затрепетали, впитывая в себя аромат Фрэн, всё ещё стоявший в помещении — сладко-цветочный, нежный, как её робкие прикосновения к руке Дэйна.

Не помня себя, оборотень помчался прочь из дома, ориентируясь по запаху. Он вёл юношу, указывал путь, направлял... Хотя Дэйнар уже догадывался, что — или кого — найдёт в конце этого пути.

Он выбил дверь дома Винса одним ударом, даже не обратив внимания на незначительные заклинания, обязанные охранять помещение, и влетел внутрь. К Гольцу, Винсу и Шорну, выскочившим навстречу, юноша и не повернулся. Он искал Фрэн... и, шагнув в гостиную, раскидав в разные стороны троих парней, Дэйнар её нашёл.

Она лежала на полу, в разорванном платье и вся в крови, уже почти мёртвая. Ноги её были широко раздвинуты, и между них было так красно от крови и синяков, что девушка казалась не человеком, а куском мяса.

Голова запрокинута, глаза закрыты... но она ещё дышала.

Волк внутри Дэйна зарычал от бессильной ярости.

Дурак! С чего ты решил, что они будут мстить тебе?! С чего ты решил, что они будут играть честно?!

Теперь, даже если она выживет, никогда не станет прежней.

— Уходи, горбун, — послышался сзади насмешливый голос Гольца. — Ты ей не поможешь. А мы ещё не закончили. Или хочешь присоединиться? У неё очень симпатичный ротик, могу поделиться...

Ярость пронеслась по телу Дэйна, выжигая каждый нерв. Он обернулся, сжав зубы, уставился на ухмыляющихся подонков, сжал кулаки и...

Магия Разума — самое страшное оружие, которой он до того момента не пользовался, как оружием...

— Никогда, — прошептал Дэйн, обездвиживая Гольца, Винса и Шорна и проникая в головы всех троих сразу, — никогда больше вы не сможете насильничать. Да и просто... быть с женщиной. Отныне и до самой смерти перестанете быть мужчинами. Никогда у вас ничего не поднимется... И эти ваши жалкие стручки годны будут только для того, чтобы мочиться в штаны.

Глаза их в ужасе округлились. Но Дэйн решил не останавливаться.

— И руки у вас тоже подниматься не будут. Никого не сможете ударить. И сквернословить заодно разучитесь.

Миг — и трое парней, закатив глаза, упали в обморок, а Дэйн подскочил к Фрэн, прижал ладонь к её лбу и сосредоточился.

Она была скорее мертва, нежели жива, но оборотень всё равно осторожно подхватил девушку на руки и сломя голову помчался к Форсу.

Почему не к Гордуру, впоследствии он так и не смог объяснить. Но в тот момент его душа устремилась к единственному родному человеку в городе, надеясь и веря изо всех сил, что он сможет вытащить Фрэн откуда угодно.

Даже из могилы.

— Это... Что за?.. Что это вообще за дела-то, Дэйн?!

Именно таким воплем встретил его Форс.

— Фрэн, — только и смог прошептать юноша, заходя в дом и направляясь в свою комнату. Там он аккуратно положил девушку на

кровать и обернулся к застывшему на пороге наставнику. — Пожалуйста, Форс... Сделай всё возможное.

«А невозможное сделаю я», — подумал Дэйн, сжимая ладошку Фрэн, всю перепачканную засохшей кровью.

Форс молча прошёл в комнату и опустился на колени перед кроватью. Прикрыв глаза, провёл рукой по груди девушки, скрипя зубами, дотронулся до низа живота...

— Кто? — выдохнул зло, резко.

— Гольц со своими дружками.

Больше маг ничего не спросил, только кивнул.

— Дэйн, выйди.

— Но... может, я смогу помочь...

— Нет. Выйди.

Такую категоричность в голосе наставника юноша слышал лишь пару раз и знал точно — в этих случаях спорить бесполезно.

Форс находился подле Фрэн около трёх часов. Всё это время Дэйнар торчал то на крыльце дома, то в гостиной, не находя себе места. Он не слышал никаких звуков, которые бы указывали на то, что девушка очнулась.

К сожалению, Дэйн и сам был лекарем. Пусть его опыт не был так велик, как у Форса или мастера Гордура, всё же он понимал достаточно, чтобы сделать вывод — даже если наставнику удастся вытащить Фрэн практически с того света, залечив все её повреждённые насилием внутренности, никто не гарантирует, что девушка захочет жить в дальнейшем.

Через три часа Форс вышел на крыльцо, где сидел Дэйн, опустился рядом, достал из кармана здоровенную самокрутку, поджег её и затянулся. Одна нервная затяжка, вторая, третья...

— Я думал, ты не куришь.

— Не курю, — хрипло подтвердил Форс, сплёвывая в сторону. — Но сейчас вот захотелось.

Дым от самокрутки был едким, от него слезились глаза — совсем не то, что от трубки Аравейна.

— Как она?

Маг затянулся ещё раз, потом вздохнул и закашлялся.

— Ушибы и разрывы залечил, кости срастил, грудь перевязал. Но, Дэйн, я не уверен, что это поможет.

— А что тогда поможет?

Форс покачал головой.

— Не знаю, мальчик мой. Если бы я знал...

Они помолчали ещё несколько секунд, и оборотень заметил, какими резкими, дёргаными движениями наставник стряхивает с самокрутки пепел на крыльцо...

— Я никогда не говорил тебе этого, Дэйн, надеялся, что ты не столкнёшься... Бывают такие события в жизни, которые полностью меняют того, с кем эти события происходят. Они ломают характер, личность... они ломают разум. И маг, подобный нам с тобой, не может ничего сделать, только полностью стереть воспоминания — от начала до конца.

— От начала до конца? — эти слова Дэйна так поразили, что юноша резко обернулся и уставился на Форса, даже не мигая. — Но почему, ведь всего полдня прошло с тех пор, как...

— Я же тебе сказал. Подобные события — не всегда, конечно — ломают разум. Проще говоря, она сошла с ума, Дэйн.

Сошла с ума...

Сошла с ума...

Маленькая, добрая, блаженная Фрэн...

— Нельзя просто заблокировать последние воспоминания?!

— Нет, мой мальчик. У неё нет никаких последних воспоминаний, там теперь полный хаос, боль, отчаяние, страх... Ты не сможешь поставить блок, потому что в таком случае мы возвращаемся к тому, с чего я начал — придётся ставить его на всё, абсолютно на всё. Сносить ей память полностью.

— Ты ведь говорил, что чистка сознания — это почти как убийство... Нельзя так делать...

— Нельзя. Потому что никто точно не знает, к каким последствиям это приведёт. Она может оправиться и начать с начала, может спрыгнуть с ближайшей скалы, может озлобиться... Чистку сознания раньше применяли к некоторым политическим преступникам, когда не могли избавиться от человека из-за его статуса, а избавиться было нужно. Прекрасный результат в итоге — вроде и человек есть, но о своих интригах он не помнит ничего. Эдакий пустой сосуд... И что в конце концов в него нальётся, никто не знает наперёд.

Форс вновь нервно затянулся.

— Значит, это единственный выход — чистка?

— Ты меня плохо слушал? — рявкнул маг, отбрасывая наконец в сторону вонючую самокрутку. — Я сказал, что не знаю, как быть! Чистку делать нельзя, да я бы и не рискнул — одно дело, здоровый человек, а совсем другое — сумасшедший. Но и оставлять Фрэн вот так...

Стояла уже глубокая ночь, и Дэйн даже не заметил, как она наступила, так был сосредоточен на мыслях о девушке.

Он в отчаянии запустил руку в волосы и подёргал их, словно надеялся, что резкая боль поможет что-то понять...

— Это я виноват, — прошептал юноша, опуская голову на колени.

— Почему? — удивился Форс.

И оборотень начал рассказывать. Про стычку с Гольцем, про грубость, про собственную самоуверенность... Как он мог не подумать о том, что опасность может грозить Фрэн?! Как?..

Дэйн закончил рассказ на том, как воздействовал на насильников магией Разума. И замолк, ожидая, что наставник сейчас скажет — ты и вправду дурак, мальчик мой, именно из-за тебя всё и случилось...

Но Форс сказал иное.

— Как думаешь, почему ты родился горбуном, Дэйн?

От неожиданности юноша поднял голову с колен и недоуменно покосился на наставника.

Но тем не менее, ответил:

— Из-за своей магии. Способность оборотней к перекидыванию вступает в конфликт с «другой» магией, поэтому все подобные волчата рождаются не такими, как остальные.

— И их поэтому не любят и пытаются всячески уничтожить, — кивнул Форс.

— Ну да, — Дэйн нахмурился, не понимая, к чему клонит учитель.

— А теперь подумай хорошенько, мальчик мой... Столетиями оборотни уничтожали рождённых в стае магов, причём зачастую маги эти были довольно-таки сильными. В том числе там и маги Разума были... И как ты считаешь, что может получиться, если постоянно обижать магов? Ну так, чисто теоретически.

В каком смысле — что может получиться? Ничего хорошего, это очевидно...

И тут Дэйнара осенило.

— Проклятье!

Форс усмехнулся.

— Именно. Молодец. Иначе и не могло быть. Конечно, молодые оборотни-маги были необученными, но тем не менее — многие из них, умирая, так страдали, что образовывался сгусток негативной энергии.

— Но для проклятия этого мало! — возразил Дэйнар, на минуту даже отвлекшись от Фрэн. — Необходимо словесное подтверждение — кого именно проклинаят, в чём состоит проклятье, и обязательно — как его снять.

— Верно. Это если проклинаят человек. Или не человек, но маг. А если проклинаят... лес?

Наверное, даже ударившая рядом с ухом Дэйна молния не смогла бы поразить его больше, чем слова Форса.

— Как это — лес?! Разве такое возможно?

— А почему нет? — наставник криво улыбнулся. — Лес-то волшебный. Он копил-копил эту энергию, которую выпускали умирающие юные маги-оборотни, а потом взял — и проклял.

— Кого?!

— Оборотней. И себя заодно. Понимаешь, Дэйнар... То, что в стае начали рождаться волчата-маги — это была, если так можно выразиться, заслуга Арронтара. Волшебный лес любил ваш народ и решил поделиться частичкой собственной магии... и начал наделять ею рождённых детей. Возможно, если бы таких волчат было много, оборотни бы смирились, но... не мог Арронтар сразу выплёскивать столько магии. Раз в десять-двадцать лет только. А оборотни превратили благословенных лесом детей в проклятых. Забивали их камнями, травили аксалами...

— Аксалами?

— Да, когда-то аксалы тоже жили в Арронтаре. И не просто жили... Эти ваши собаки, хати — просто воспоминание о том, чем когда-то были для оборотней аксалы. Они особенные животные, мало восприимчивые к магии, с иммунитетом к магии Разума. У каждого оборотня когда-то был аксал. Верный друг, помощник и компаньон.

Дэйнар непроизвольно покосился на лежащую неподалёку Чару.

Её тёмные глаза блестели пониманием, словно она прекрасно знала эту старую, как мир, историю.

— Аксалов не выводили и не дарили, как вы теперь делаете с хати. Оборотни сами находили своих друзей, примерно как ты когда-то нашёл Чару. Я знаю, о чём ты сейчас думаешь... Почему же в таком случае аксалы больше не живут в Арронтаре, а только бегают туда осенью?

— Проклятье? — предположил Дэйнар, и Форс кивнул.

— Да, но оно... принадлежит не совсем Арронтару. Однажды в Западном лесу твои сородичи затравили аксалами одну девочку. Страшная смерть, правда? И эта девочка перед смертью сформулировала конкретное условие для проклятия: «Хочу, чтобы перестали вы быть друзьями, а стали врагами. Хочу, чтобы не было у вас больше дома и слонялись вы по пустыне, неприкаянные и непрощённые. И только раз в год прибежали сюда, в этот лес, но не для мира, а для войны».

— Так и вышло.

— Верно, вот только бедняжка забыла про условие снятия проклятия. И поэтому его добавил Арронтар, когда вплетал это её проклятье в своё.

Мысли у Дэйнара разлетались, как испуганные силицы, он никак не мог понять, что спросить в первую очередь, а самое главное...

— Какое отношение к этому имеет Фрэн?

— Фрэн — никакое. А вот трое её... обидчиков — имеют. Как ты думаешь, что ты с ними сделал, Дэйн?

— Э-э... Проклял?

— Нет. Магия Разума тем и отличается, что можно заблокировать нужную область в голове, и всё прекрасно работает безо всяких условий снятия. Но... в то же время это условие можно и поставить. Подумай, Дэйн, хочешь ли ты ставить такое условие.

— А что, надо?

— Я не знаю. Тебе решать. Просто однажды, возможно, придёт день, когда ты захочешь освободить Гольца и остальных от наказания, но не сможешь этого сделать, потому что к тому времени твой блок станет не просто крепким, он вращёт в их головы навсегда. Любой преступник имеет право на искупление и прощение, Дэйн. Подумай об этом.

Форс хотел, чтобы горбун подумал о Гольце и его друзьях... Но только ли?

Вместо этого юноша вдруг вспомнил об оборотнях Арронтара. «Любой преступник имеет право на искупление и прощение»...

Разве?

— Хорошо. Тогда пусть будет так... Блок спадёт, как только Гольц, Винс и Шорн пожалеют о содеянном до глубины души, а ещё... полюбят по-настоящему.

Слова полетели ввысь, в небо — и растворились в нём, впитались в таинственную черноту, хранившую в себе память о том, что случалось во все времена.

— Форс...

— Да?

— А какое условие... ну... было у Арронтара?

Маг улыбнулся легко и грустно.

— А ты не догадываешься?

Это был не риторический вопрос — наставник действительно ждал ответа. И надеялся, что Дэйнар поймёт сам, без подсказки.

Прохладный ночной ветер пощекотал ресницы. Он дул оттуда, с востока, где остался волшебный лес, в котором вырос Дэйнар. Там остались родители, отрекшиеся от сына, там осталась Лирин, всё детство мечтавшая убить брата, там остались звери и птицы, когда-то спасшие ему жизнь.

Какое условие было у Арронтара? Волшебный лес, разозлённый, разочарованный собственными детьми... Он подарил им магию — они отвергли её, они стали убивать сыновей и дочерей, братьев и сестёр... Кому-то из оборотней везло — они убежали сюда, в Нерейск, но таких было меньшинство.

Дэйнар вздохнул. В воздухе пахло песком, распустившимися ночными цветами и немного лекарствами — наверное, от Форса. Даже запах здесь был совсем другой, но это и к лучшему.

Он не хотел вспоминать. Воспоминания о собственном детстве и юности были слишком мучительными. Горькими. Даже грудь сдавливало.

Воспоминания...

Ответ на вопрос Форса пришёл неожиданно и как-то очень легко, будто кто-то на ухо шепнул.

— Прощение.

Яркая Аррана над их головами взволнованно замерцала, но никто этого не заметил.

— Условие Арронтара — прощение. Прощение того, кого оборотни ненавидели и едва не убили. В кого швыряли камни, гоняли по деревне, как бешеную собаку, над кем смеялись и кого презирали.

Оба — и Форс, и Дэйнар — понимали, о ком он говорил. Очень хорошо понимали.

— Ты надеешься, что это возможно? — юноша усмехнулся, покачав головой. А, обернувшись к наставнику, увидел, что тот улыбается.

— Я не надеюсь, Дэйн. Я верю.

В тот момент в сердце Дэйнара не было ни капли веры. Только боль, горечь и обида. Он не хотел даже вспоминать прошлое, не говоря уже о каком-то прощении.

И думал, что сколько бы ни прошло времени, ситуация не изменится.

Некоторые вещи возможно только забыть. Но простить — никогда.

— Могу я пойти к Фрэн?

— Да, конечно. Только недолго. Тебе тоже надо сегодня поспать.

— Не думаю, что получится.

Она лежала на спине, милая, маленькая, трогательная и беззащитная. На теле больше не было синяков и кровоподтёков, и только спутанные, немного грязные волосы, о которых Форс явно просто забыл, напоминали о том, что случилось несколько часов назад.

И если бы не эти волосы, то Дэйнар вполне мог бы подумать, что Фрэн просто спит. Только присмотревшись, он заметил странную неподвижность в лице девушки. Она казалась высеченной из камня статуей.

— Прости, — прошептал Дэйн, садясь рядом с Фрэн на кровати. — Если бы не моя глупость... Прости, Фрэн.

Оборотень нерешительно дотронулся кончиками пальцев до руки девушки, чувствуя всепоглощающее бессилие. Мастер Гордур предупреждал, что когда-нибудь настанет день, когда Дэйн не сможет ничего сделать даже вопреки знаниям и умениям... Вот только он не думал, что этот день настанет так скоро. И помочь он не в силах

именно Фрэн. А ведь во всём Нерейске не найдёшь более наивного и трогательного существа, чем «блаженная» дочь рыбака.

«Сошла с ума... — думал Дэйн, легко поглаживая пальцами тонкую кожу на запястье девушки. — Какой ты станешь, когда проснёшься? Вспомнишь ли меня?.. И что, если всё-таки сделать то, о чём говорил Форс, и рискнуть, стерев тебе память?..»

Оборотень вздохнул и покачал головой. Нет, он не мог так поступить с Фрэн. Всё равно, что убить.

— Как бы я хотел разделить с тобой всю эту боль, девочка моя, — прошептал Дэйн, чуть сжимая холодные пальцы Фрэн. — Забрать часть её себе, чтобы тебе было легче. Чтобы ты могла пережить и забыть...

Он запнулся, чувствуя, как забилося сердце. Забрать боль... Поделить на части... Почему бы не попробовать? Форс никогда не учил ничему такому, но ведь это не значит, что подобное невозможно. Просто очередной эксперимент...

— Я попробую, — прошептал Дэйн, положив руку на лоб Фрэн и зажмурившись. — Нам с тобой всё равно нечего терять... Я должен попытаться...

И оборотень, вздохнув, отпустил свой Разум. Свою своеобразную магию, которая с рождения наполняла каждую его клеточку, только тогда он не знал об этом.

Дэйнар растворился в окружающем пространстве, а потом будто собрался вновь, устремляясь туда, где теплились чужие воспоминания.

Он коснулся её сознания осторожно, боясь разрушить то, что было так хрупко, но так бесконечно дорого. Его Разум словно стал руками, которые мягко и бережно обняли Фрэн, погладили по голове и волосам, а потом...

А потом Дэйнар медленно начал погружение. Медленно, потихоньку... Сначала один палец, затем другой... Первая рука, вторая...

И тут его будто ударили тупым ножом в грудь, вызвав приступ обжигающей боли. Но обжигала она холодом. Лёд — и тот теплее.

Чужой разум не похож на книгу, которую можно прочитать. Дэйнар знал это очень хорошо, однако он знал также и то, что сознание другого существа всегда структурировано и логично. Далёкое прошлое, давно забытое, скрытое под несколькими слоями паутины,

дорогие сердцу воспоминания, ушедшие чувства, навсегда сохраненные знания, мысли о будущем — всё это имело строгий порядок и никогда не перемешивалось. Как страницы в гигантской книге, только намного, намного сложнее.

Прошлое-настоящее-будущее... В сознании Фрэн всё смешалось, превратилось в один-единственный комок, который кружился, подобно вихрю, затягивая Дэйнара всё глубже и глубже. Мысли, мечты, надежды, воспоминания — ничего больше не было, кроме сгустка боли и отчаяния, захватившего каждый уголок разума девушки. Он уничтожал её... нет, он уже почти её уничтожил.

Дэйну не было страшно, когда он нырнул в сгусток сознания Фрэн, словно в озеро. Холодное, заросшее тиной, воняющее тухлой кровью и гнилыми фруктами. Погрузившись туда полностью, он сосредоточился только на одном — найти ниточку.

Любой клубок можно распутать, если найти край нитки...

Он почти задохнулся от жуткого запаха и чуть не сошел с ума из-за мелькающих перед глазами разноцветных картинок прошлого Фрэн, когда вдруг заметил то, что так отчаянно искал. И, подпрыгнув, ухватился за тонкую ниточку воспоминаний, в ту же секунду понимая, как был прав Форс.

Клубок действительно был единым. Нельзя ничего удалить или отрезать — только выдрать с корнем, уничтожить полностью... Но Дэйн не собирался делать ничего подобного. Вместо этого он, дернув за ниточку изо всех сил, обмотал её вокруг своей шеи.

И тут же, захрипев, согнулся пополам.

Боль, отчаяние, страх... Смеющиеся лица, издевательские усмешки, жестокие пальцы, губы и... Близость, будто разрывающая пополам внутренности, и кажется, что это никогда не закончится, никогда... Стоит погрузиться в спасительную темноту, как оттуда выдирают с весёлым, злым хохотом, обжигают ударами щёки и всё тело, и вновь — насилуют... Мерзкий вкус во рту, и всё уже безразлично, всё... Кроме одного — за что?..

Задохнувшись, он плакал, даже не зная, что это возможно — плакать, находясь в чужом сознании. Сжимая изо всех сил ту самую ниточку, петлёй обернувшуюся вокруг его шеи, стараясь не потерять связь с воспоминанием, с которого всё началось. Впитывая в себя мысли, чувства и боль Фрэн — каплю за каплей.

Любое событие со временем становится нечетким, будто выцветает, как картина, долго простоявшая на свету. Любая боль становится меньше, если ею поделиться с кем-то ещё.

И Дэйнар старался забрать себе как можно больше, потому что знал — тому, с кем этого не случилось, всегда проще пережить. Это не его тело несколько часов насиловали, не его... Хотя теперь казалось иначе...

— Теперь твоя боль — моя боль, Фрэн. Ты поделишь её со мной, и она перестанет быть такой мучительной, — шептал он. — Теперь твои воспоминания — мои воспоминания. Я буду помнить всё вместе с тобой... И забывать мы тоже будем вместе...

Кольцо, сдавившее Дэйнару грудь, слабело и отступало. Он улыбнулся, призывая на помощь собственные воспоминания — дождь, барабнящий по крыше, полумрак, робкую улыбку Фрэн, осторожные прикосновения и ощущение прозрачного, невесомого счастья.

Счастье. Да... Так это называется...

Слепящий свет вырвался наружу, захватил в плен сгусток сознания Фрэн, распутывая его, укутывая теплом те части, где было особенно холодно и пахло гнилью, и только один конец нитки продолжал обматываться вокруг шеи Дэйнара, связывая его Разум с её — навсегда.

Глава 21

Дэйнар, Снежная пустыня, около 80 лет назад

— Дэйн...

Он медленно открыл глаза.

— Дэйн... — ещё раз прошептала Фрэн дрожащим от сдерживаемых слёз голосом. Оборотень улыбнулся и сжал руку девушки.

Очнулась. Остальное... неважно. Переживём.

Главное — очнулась!

— Тише, тише. Поплачь.

Её не пришлось долго уговаривать — Фрэн, всхлипнув, подалась вперёд и уткнулась носом в рубашку Дэйна. Чтобы секундой позже громко и отчаянно зареветь.

— Мне было так... больно...

— Я знаю.

— Я думала, это никогда не кончится...

— Знаю.

— Так грязно, противно, Дэйн!

— Уже всё позади.

Она на секунду оторвалась от его груди, чтобы заглянуть в глаза и, шмыгнув носом, тихо спросила:

— Ты не оставишь меня? Пожалуйста, скажи, что не оставишь!

Он рассмеялся, чувствуя себя так, словно заново родился.

— Конечно, не оставлю, Фрэн. Обещаю.

— Но я ведь теперь такая...

— Какая?

— Грязная...

Замерев на миг, Дэйнар нежно обхватил руками лицо девушки и, наклонившись чуть ниже, заглядывая ей в глаза, прошептал:

— Нет. Это они грязные, а ты — самая чистая на свете. Самая-самая, слышишь?

Фрэн кивнула и вновь расплакалась.

Примерно через полчаса она уснула. Здоровым, спокойным и совершенно немагическим сном. Сама, на руках у Дэйнара, и он аккуратно положил девушку обратно на постель и укрыл тёплым одеялом. А потом, не удержавшись, сделал так, чтобы она спала без снов. Пусть отдохнёт... от всего.

Когда оборотень вышел на улицу, наставник по-прежнему сидел на крыльце и курил.

— Она очнулась, — тихо сказал Дэйн, присаживаясь рядом.

— Я слышал, — так же тихо ответил Форс. — Как ты это сделал?

Он рассказал. И если бы на улице не было так темно, оборотень непременно заметил бы, какое искреннее изумление читается на лице наставника.

— Я просто очень хотел, чтобы Фрэн жила дальше. И жила нормально, а не как... растение. И подумал, что это поможет, — закончил Дэйн свой рассказ, словно оправдываясь.

Форс ничего не ответил. Молча загасил самокрутку, лишив их последнего источника света, бросил её в почти полную баночку для пепла и вздохнул.

— Знаешь, — сказал он спустя пять минут, поднимаясь с крыльца, — пойду-ка я спать. И тебе советую. Ложись на диване в гостиной, где Вейн обычно дрыхнет.

Дэйнар кивнул и поспешил в дом за наставником.

Примерно в это же время девушка, заснувшая в Арронтаре над учебником по языку орков, улыбнулась и, не открывая глаз, стерла с щеки медленно сползающую слезинку.

Лири́н, как всегда, снился брат.

Утром весь город гудел, как растревоженный улей. Гольц и его банда пожаловались на Дэйнара старосте Нерейска ещё ночью, представив всё так, будто оборотень сам на них напал, но почтенный Сандал, зная характер сына, отправился к Форсу за разъяснениями только после рассвета. Узнав, как всё было на самом деле, староста быстро распорядился арестовать юношей, а после, собрав мастеров

города на срочное совещание, напоминающее суд, приговорил их к публичной порке.

Преступления в Нерейске были явлением редким, поэтому приговоры именно так и выносились — на собраниях мастеров гильдий. Вообще-то Гольцу, Винсу и Шорну полагалась смертная казнь, но, узнав о «проклятии» Дэйнара, наказание решили смягчить.

Слухи распространились быстро, и на публичную порку пришёл посмотреть весь город. Никто ничего не говорил, ни единого слова, все просто молча, с мрачным удовлетворением, смотрели на то, как родители хлестают плёткой собственных детей. На таком наказании настоял Сандал, заявив во время собрания мастеров: «Я его породил, я его и пороть буду».

Крики Гольца, Винса и Шорна были слышны во всех концах города. И Дэйнар тем утром проснулся именно от них. Поморщился, сразу поняв, кто это так вопит, и создал непроницаемый для звуков воздушный щит — чтобы Фрэн не разбудили.

Трое насильников пожалели о содеянном уже спустя неделю. Каждый житель города считал себя обязанным если не врезать хорошенько встреченным на дороге парням, то хотя бы плюнуть под ноги, что тоже было не очень-то приятно. «Проклятие» Дэйнара радости не добавляло, тем более, что о нём знал весь город, и откровенно хихикал над приобретённым мужским бессилием сына старосты и его друзей.

Но всё это совершенно не волновало оборотня. Он вообще мало думал о Гольце, Шорне и Винсе... только о Фрэн, чьё состояние крайне беспокоило и юного мага Разума, и его наставника.

Нет, с ней всё было нормально. Но только на первый взгляд. Появились некоторые странности в поведении, которые ни Дэйнар, ни Форс не могли объяснить.

Фрэн перестала носить обувь, аргументируя это тем, что она ей мешает. Могла подолгу сидеть во дворе или у окна и смотреть на звёзды. Ела мало и неохотно, зато спала хорошо и спокойно.

Но самое главное — она совершенно не желала отходить от Дэйнара ни на шаг. Форс смеялся, говорил, что у воспитанника появился хвостик, вот только в глазах мага светилась тревога.

Фрэн ходила за Дэйном по пятам, он еле уговаривал девушку отпустить его на работу в больницу, и спасало только то, что Фрэн

теперь очень много спала. И когда рядом не было Дэйнара, она просто ложилась спать. Зато стоило оборотню прийти...

Нет, общество девушки не тяготило его. Просто такое поведение не казалось Дэйну нормальным, вот только как это исправить, юноша не знал.

Фрэн теперь жила у них с Форсом. Оборотень за неделю сделал для девушки небольшую пристройку, а старый дом Лирда начал потихоньку восстанавливать, надеясь, что когда-нибудь она — или они? — всё-таки смогут туда переехать.

Если Дэйнара не было рядом и Фрэн не спала, она впадала в настоящую панику. Садилась на землю, обнимала руками колени и начинала раскачиваться туда-сюда. При этом взгляд у неё становился абсолютно бессмысленным. Форс пробовал говорить с Фрэн, но всё оказалось бесполезно — до прихода Дэйна девушка не выходила из своеобразного ступора.

Помогла, как это ни удивительно, Чара. Однажды аксал села рядом с девушкой и начала тыкаться носом в её ноги, руки, щёку, вылизывать лицо... Поначалу Фрэн никак не реагировала, потом стала отмахиваться, морщиться, отворачиваться. А спустя пару недель вдруг завизжала:

— Чара, перестань!!

Услышав этот вопль, Форс так обрадовался, что нечаянно запорол зелье, которое готовил на продажу. В другой день маг бы страшно расстроился, но сейчас лишь улыбнулся и кивнул.

Справимся. Переживём. Переболеем.

Правильно говорят — беда не приходит одна.

Это случилось через три недели после того, как Дэйнар совершил невозможное, вытащив Фрэн из цепких ручек Дариды.

Он весь день работал в больнице, но домой возвращался с хорошими новостями — мастер Гордур дал ему два выходных дня. И Дэйн уже предвкушал, как вечером скажет Фрэн, что они смогут провести вместе двое суток.

На Нерейск опускались сумерки, принося вечернюю прохладу, которая быстро сменялась холодом. Приближалась осень; ветер становился крепче и злее, колот невидимыми иголочками, выл в

промежутках между домами. Погода изменилась очень резко, из мягкой и приветливой став суровой и почти жестокой.

Фрэн сидела на крыльце своей пристройки. Дэйнар с трудом различил её силуэт в неярком свете, льющемся из окон дома Форса. У ног девушки лежала Чара.

— Что-то случилось, хвостик? — тихо спросил Дэйн. Он иногда называл так Фрэн в шутку — ей нравилось.

Но в этот раз девушка не улыбнулась, только чуть приподняла голову, чтобы взглянуть оборотню в глаза.

Наверное, если бы не нечеловеческое зрение Дэйнара, он бы никогда не заметил горькой тоски, притаившейся во взгляде Фрэн. Но он заметил.

— Ты не чувствуешь? — прошептала она, почти не размыкая губ.
Дэйн нахмурился.

Что именно он должен почувствовать? Он уже почти открыл рот, чтобы спросить об этом, как...

Сначала Дэйнар увидел руку, которую Фрэн прижимала к животу. Потом уловил запах... тонкий запах кислого молока. Так пахли все те, кто... кто...

А затем он почувствовал чужой разум. Он прощупывался с трудом, но прощупывался... Как биение крошечного сердечка — крошечный разум пока нерожденного малыша.

Да, кислое молоко... Так пахли все беременные женщины — независимо от расы и возраста.

Дэйнар сел рядом с Фрэн и положил ладонь поверх её руки, прижатой к животу. Она всхлипнула.

— Как ты поняла?

— Не знаю... Просто почувствовала.

В глазах Фрэн вскипали слёзы.

— Пожалуйста, не плачь, хвостик. Я буду рядом. Я сделаю всё, что ты хочешь. Клянусь. — Дэйнар чуть сжал её пальцы, впервые начиная жалеть, что не убил Гольца и его дружков.

Она всё-таки заплакала.

— Я... Я не знаю, чего хочу, Дэйн... Я должна его ненавидеть, да? Я даже не знаю, кто его отец! Но я не могу... почему-то не могу... Ты хочешь его убить? Наверное, хочешь... А я не знаю, чего хочу... Но я почему-то не могу его ненавидеть...

Оборотень поднял руку и легко прикоснулся к щеке Фрэн. Вторую ладонь он продолжал прижимать к животу девушки.

— Всё правильно, хвостик. Не нужно его ненавидеть, он не виноват. Ты же не ненавидишь меня? Или своего отца? Чем же он отличается?

Первая слезинка выкатилась из её глаз — Дэйнар поймал её пальцами и осторожно стёр.

— Я даже не знаю, кто из них — его отец...

Он вздохнул.

И вспомнил своего отца. Что ж, Дэйн всегда знал, как зовут его родителей, но... разве этот факт сделал его более счастливым?

Любовь — единственное, что по-настоящему важно. И только. При чём здесь имена?

Дэйнар придвинулся чуть ближе к Фрэн, заглядывая ей в глаза и ласково поглаживая нежную кожу на щеке девушки.

— Если ты позволишь... Если захочешь... Фрэн, я буду его отцом... Я буду...

От её близости у оборотня кружилась голова. Он намеренно не давал волю своему волку, сдерживая его изо всех сил — только не спугнуть, только не сейчас, только не...

Но Фрэн сама подалась вперёд, обдавая робким, но горячим дыханием губы Дэйнара, и сказала:

— Да.

— Что?.. Что «да»? — прошептал он, мысленно хлопая по лбу своего нетерпеливого волка.

— Я хочу, — девушка подняла руки и обняла его за плечи. — Хочу быть с тобой, я не могу без тебя, Дэйн. Но хочешь ли ты этого? Я ведь сумасшедшая и... — она запнулась, — и изнасилованная...

Он не выдержал — поцеловал её.

У губ Фрэн был вкус орехов. Только чуть солоноватых — наверное, от слёз.

— Глупышка. Хвостик, ты такая глупышка. Но я тебя люблю.

— Правда?..

Дэйнар засмеялся.

— Я никого и никогда не любил так, как тебя. И я хочу быть с тобой. Ты веришь мне, Фрэн?

— Верю. Но, Дэйн... Ребёнок... Он ведь не твой...

— Глупышка...

Он, подхватив девушку, пересадил её себе на колени, прижал к себе, обнял, чтобы не замёрзла.

— Ты ведь моя. Так?

— Да, Дэйн, — улыбнулась.

— Значит, и ребёнок мой. Ты же моя. Разве может быть иначе?

От этой простой и такой правильной логики Фрэн рассмеялась и, уже не смущаясь, поцеловала Дэйнара так, как до этого никого и никогда не целовала.

Они даже не заметили, как в окне промелькнуло широкое и довольное лицо Форса, а в небе сверкнула, но почти тут же погасла маленькая звезда, которую когда-то давно называли Таром.

Конечно, странности в поведении Фрэн не исчезли полностью даже со временем. Но по крайней мере она перестала ходить повсюду за Дэйнаром, хотя в его отсутствие скучала так, что это было видно даже посторонним людям.

Дэйн очень много работал — нужны были деньги на ремонт дома Лирда, куда они планировали переехать после родов. Пока же жили в пристройке, рядом с Форсом. Оборотень переселился туда, к Фрэн, спустя месяц после того, как они узнали о беременности девушки.

В тот день местный служитель храма Айли совершил обряд, связав вместе жизни Дэйна и Фрэн. Они специально ждали — не хотели жениться, пока не приедет Аравейн.

Свадьба была скромной — всего два гостя, Форс и Аравейн — невеста в светло-голубом платье (Фрэн сама захотела такое) и Дэйнар в тёмных штанах и обычной белой рубашке, тонкие, недорогие серебряные колечки, которыми обменялись оборотень и девушка... Тихо, спокойно... хорошо. Именно так чувствовали себя наставники Дэйнара, глядя на их счастливые лица.

В тот вечер Дэйн, как обычно, засиделся у Фрэн допоздна. Но когда собрался уходить к себе, девушка вдруг обиженно воскликнула:

— Дэйн! Куда ты?

Он растерялся.

— Ну...

— Я ведь твоя жена!

Дэйнар вздохнул: как объяснить, что он боится напугать её? После того, что случилось...

— Ты не хочешь?.. — в глазах девушки стояли слёзы, и он не выдержал. Подбежал, крепко обнял и принялся расстегивать крючки на её платье.

— Глупышка... Покажу сейчас, как я не хочу... Держись...

А Фрэн смеялась — и в глазах её не было ни малейшей искорки страха.

У него были девушки. Немного, но были. Конечно, не в Арронтаре — там ему любая бы, скорее, горло перегрызла, нежели просто руку подала — а здесь, в Нерейске. Но то, что было с ними...

Всё равно, что сравнить песчинку и большую каменную гору. Капельку воды и море. Клочок голубой ткани и бескрайнюю синь неба.

И дело было не только в физическом удовольствии. Дэйнару казалось, что он соединяется с самим собой — будто одна часть его души потерялась, а теперь нашлась.

А ещё он почему-то слышал музыку. Она была очень тихой, словно приглушённой, но она была...

— Ты слышишь? — спросил он Фрэн, наклоняясь и целуя девушку в висок, к которому прилипли мокрые от пота кудряшки.

— Что?.. — мутный взгляд, прикушенная губа... Дэйнар улыбнулся и чуть замедлил движения, чтобы до неё дошёл смысл вопроса. Но вместо этого Фрэн закрыла глаза и задышала чаще.

— Музыку слышишь?

— А? Нет...

Дэйн на секунду нахмурился, но решил потом разгадать загадку таинственной мелодии, звучавшей, по-видимому, только в его ушах — неподходящий для этого был момент.

Чуть позже, когда Фрэн уже засыпала в его объятиях, Дэйнар прошептал, ласково проведя рукой по пока ещё неокруглившемуся животу своей жены:

— С тобой я совершенно забыл о том, что горбун.

Она повернулась к нему лицом и, приоткрыв один глаз, улыбнулась:

— Ты забыл, Дэйн, а я об этом никогда и не помнила.

Изнасилование Фрэн будто провело невидимую черту, отделив то, что было до, от всего того, что случилось после.

Они изменились сами и изменили свои приоритеты. И если раньше Дэйнару просто нравилось общество Фрэн, то теперь он не мыслил жизни без неё. Теперь он работал не только потому, что хотел развиваться и получать знания, но и потому, что собирался сам обеспечивать семью.

Живот девушки рос, а вместе с ним рос и мальчик внутри. Дэйнар знал, что это именно мальчик — самый обычный, не оборотень и не маг. Но от этого не менее дорогой и любимый.

Дэйн понимал — у них с Фрэн никогда не будет общих детей, ведь он всё-таки остался оборотнем, а она была человеком. И они оба радовались, что она сможет испытать радость материнства... пусть и таким жестоким способом. Но чем больше проходило времени, тем сильнее забывались ужасные события, произошедшие с Фрэн.

Дом, в который они собирались переехать сразу после родов, был почти отремонтирован. Староста помог Дэйнару — не деньгами, но рабочей силой, считая себя обязанным молодому лекарю хотя бы за то, что оставил его сыну жизнь и возможность снять «проклятье».

Чем ближе становились роды, тем благодуще и счастливее становилась Фрэн, хотя иногда казалось, что больше уже невозможно. Девушка целыми днями шила распашонки, что-то вязала и вышивала, напевая под нос разные песенки. И, хоть физической близости между ней и Дэйном не было примерно с шестого месяца беременности, он, к своему удивлению, порой всё-таки слышал музыку. Всегда одну и ту же мелодию, тихую, нежную, едва различимую...

Первое время оборотень боялся спросить об этом Форса. Ещё скажет — совсем ты, воспитанник, рехнулся, если музыку слышишь там, где её нет. Тоже блаженный стал.

Но Форс не сказал ничего подобного, когда Дэйнар наконец, решившись, задал ему давно созревший вопрос. Наставник вообще ничего не мог сказать в течение первых пяти минут. Он потерял дар речи и смотрел на Дэйна так, будто увидел перед собой во плоти какую-нибудь из богинь.

— Э-э... Форс? Что с тобой? — тормозил его оборотень, хмурясь: может, следовало спросить раньше?

— Х-к-хм... — наконец, закашлялся маг. — И давно ты... эту музыку слышишь?

— Давно. С первой брачной ночи. Она тихая очень. Может, поэтому её Фрэн и не слышит?

— Нет, — Форс покачал головой. — Не поэтому.

— А почему?

Наставник вновь кашлянул.

— Фрэн — не оборотень.

— Я знаю, — наморщил лоб Дэйнар. — А что, только оборотни такую музыку слышат?

Маг, кажется, опять не знал, что ответить, и выглядел совершенно растерянным. Сел на диван и начал озадаченно тереть виски.

— Мне срочно нужен Аравейн, — прохрипел Форс через несколько мгновений.

— Зачем?

— Выпить.

Юноша покачал головой и присел рядом с наставником.

— Да объясни же ты мне, в конце концов, в чём дело? Эта музыка чем-то опасна?

— Нет, не опасна.

— Тогда почему ты так реагируешь?

И тут Форса будто прорвало:

— Потому что это Зов, Дэйнар! Песнь Арронтара... Зов, который никто из оборотней не слышал с тех пор, как лес наслал на наших с тобой сородичей проклятье!

Дэйнар не знал, что такое «Песнь Арронтара» и «Зов», поэтому обратил внимание совсем на другие слова наставника:

— наших... с тобой?! А ты, что, тоже оборотень?!

Форс поморщился.

— Был. Когда-то давно. Но потерял силу, как и все остальные ушедшие из Арронтара, — увидев, что Дэйнар открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, маг замахал руками. — Нет-нет, биографию я тебе как-нибудь в другой раз поведаю, хорошо? А сейчас давай лучше про Зов. Помнишь, мы с Аравейном рассказывали тебе о благословении Арронтара? В ту ночь, когда Аррана родила первых волчат, она, Тар и их дети получили от леса несколько удивительных даров. И поскольку Аррана и её муж сильно любили друг друга, одним

из даров волшебного леса стала способность слышать Зов. По-другому — Песнь Арронтара.

Раньше, до проклятия, каждый взрослый оборотень, подчинивший внутреннего волка, встретив свою суженую — или суженого — слышал Песнь Арронтара, и это позволяло им узнать друг друга. Тогда наши с тобой сородичи образовывали крепкий, нерушимый союз, на всю жизнь соединяясь с партнёром или партнёршей... Ты когда-нибудь слышал или читал о *дэрри*?

Дэйнар помотал головой.

— Вот видишь, это было так давно, что уже никто и не помнит. И в книгах ничего не найдёшь. И перевода точного не существует, потому что нет в человеческом языке подобного понятия. *Дэрри* можно перевести как единые, суженые, соединённые, связанные... Так называли каждого члена пары оборотней. Сейчас наши с тобой сородичи могут зачать детей, только находясь в волчьем обличье, а *дэрри* было всё равно, в каком... И никаких внебрачных связей «для укрепления рода», как сейчас, в то время для оборотней это было недопустимо.

Но вместе с проклятием обитатели Арронтара лишились возможности узнавать своих *дэрри*. И то, что ты узнал Фрэн... Это чудо.

— А *дэрри* может быть человеком? Я думал, речь идёт о парах только среди волков.

Форс поднял на него ничего не понимающие глаза.

— Я тоже так думал. Поэтому мне нужен Аравейн. Выпить и... объяснить.

— Ты думаешь, он сможет объяснить?

Наставник ответил не сразу.

— Понимаешь, мальчик мой... — Форс вздохнул. — Если уж Аравейн не сможет объяснить, значит, и вообще никто не сможет.

В дальнейшем Дэйнар мало думал об этом разговоре. Ну, *дэрри*, ну, Зов, Песнь Арронтара... Хорошо. И что дальше?

Возвращаться в лес он не собирался. Да и куда он вернётся, если Фрэн — человек? А сам Дэйн по-прежнему — горбун. Хотя в последнее время ему начало казаться, что горб уменьшается.

Постепенно, очень медленно, но уменьшается. Впрочем, юноша не слишком присматривался. У него были и другие заботы.

Ближе к сезону дождей Фрэн должна была родить. И Дэйнар, чтобы не дергаться, сделал себе, жене и Форсу сигнальные амулеты — небольшие тонкие браслеты с чёрным камнем в центре обруча. Надавив на этот камень, можно было послать сигнал другим браслетам в связке, и те начинали нагреваться.

Именно так Дэйнар и узнал, что у Фрэн начались роды. Он в это время был на работе, помогал Гордуру, и вдруг браслет начал жечь руку.

— Мастер... отпустите меня, мастер... — прошептал Дэйн, умоляюще глядя на лекаря. Тот только рукой махнул.

Последний раз Дэйн так бегал, когда пытался скрыться от Рэйнара и Лирин. Теперь же он бежал не от, а навстречу, и ощущения были совсем другими.

Перемахнув через забор, оборотень заметил Форса — наставник стоял на крыльце собственного дома и наблюдал за несущимся во весь опор юношей.

— Как... она? — выдохнул Дэйн, резко останавливаясь. Чара, сидевшая рядом с Форсом, увидев хозяина, радостно завиляла хвостом и несколько раз громко тявкнула.

Маг ухмыльнулся.

— Быстро же ты примчался. Зачем было так торопиться? Схватки только начались, ещё не меньше двенадцати часов...

— Всё равно, — отрезал оборотень, заходя в дом. — Я хочу быть с ней. Хоть час, хоть два, хоть сутки... Я буду с ней, потому что я ей нужен.

— А она тебе?

Форс спросил это очень тихо, но острый слух Дэйнара позволил ему услышать вопрос наставника.

— Как воздух, — ответил он, не задумываясь. — Или даже больше.

Роды были лёгкими. Словно там, наверху, сжалились над Фрэн, перенёсшей столько боли в момент зачатия. И Форс ошибся — она родила спустя всего четыре часа. Крепкого, крупного и здорового мальчика.

— Привет, Рэнго, — улыбнулась она, принимая на руки новорождённого сына. Они с Дэйнаром выбрали это имя давно: Рэнго на древнем наречии оборотней означало «воин». И это слово символизировало всё то, что они так ценили: мужество, силу, смелость, отвагу и благородство.

И в тот миг, когда Дэйн, передав Фрэн ребёнка, отошёл на шаг в сторону и посмотрел на жену, в нём вдруг что-то изменилось.

Узкая ладошка Фрэн сжала светлую ткань одеяла; тонкие родные пальцы прикоснулись к щеке малыша; лёгкая улыбка тронула губы, отразилась в мягкой глубине глаз — и осталась в сердце Дэйна ласковой, щемящей нежностью, словно гимн настоящему, искреннему чувству...

«Это моя жена. И мой ребёнок», — только тогда он вдруг всё понял и прочувствовал до конца. Раньше он понимал, но как-то не так... глубоко.

«Это МОЯ жена! И МОЙ ребёнок!»

Дэйнар задрожал.

Фрэн подняла голову и подарила ему счастливейшую из улыбок.

— Я люблю тебя, — прошептала она... впервые.

Дэйнар знал это, но Фрэн никогда раньше не говорила... не признавалась... Почему именно сейчас?..

— Я тоже люблю тебя, — сказал он тихо, думая о том, как удивительно её блестящие от радости глаза похожи на звёзды...

Фрэн кивнула.

— Иди.

Она поняла всё даже раньше него. Откуда? Как?..

— Иди, Дэйн.

Он резко развернулся и, натолкнувшись на изумлённый взгляд Форса, лишь улыбнулся. Вышел на крыльцо дома, глубоко вздохнул и закрыл глаза...

Дэйнар казался самому себе расплавленным железом. Как будто из него можно сделать что угодно, только пожелай...

Но он желал лишь одного...

Плавное, гибкое, большое тело. Мягкие подушечки на лапах, острые когти, густая белая шерсть, чёрный нос, ярко-голубые глаза...

В ту ночь по улицам Нерейска впервые бежал волк. Огромный и стремительный, он был подобен белой молнии, когда мчался по городу, разминая затёкшие за столько лет лапы.

У случайных прохожих чуть не случился разрыв сердца, когда они увидели бегущего по улицам белоснежного волка. А Дэйнар даже не остановился — продолжил мчаться дальше и дальше, наслаждаясь скоростью, гибкостью и свободой.

В ту ночь его волк действительно вышел на свободу. Впервые и по-настоящему.

А когда под утро Дэйн вернулся в дом Форса, на крыльце его встретила Фрэн. Тёплая, пахнувшая кислым молоком и кровью, она зябко поджимала босые пальцы ног и сонно жмурилась...

Увидев Дэйнара, девушка засмеялась и, присев на корточки рядом с урчащим от удовольствия зверем, почесала его за ухом.

— С возвращением, мой любимый волк...

Он облизал ладони Фрэн розовым шершавым языком, а потом, уткнувшись носом в её руку, закрыл глаза и вновь стал человеком.

— Простудишься... — какой хриплый у него стал голос после первого обращения...

— Нет, — Фрэн обняла Дэйнара и, проведя пальцами по обнажённой спине мужа, вдруг застыла. — Горб...

— Что такое?

— Его нет!

Резко вскочив на ноги, оборотень схватился за спину.

— Действительно, нет... Как странно.

Фрэн улыбнулась и, поднявшись вслед за Дэйнаром, прижалась тёплым ртом, пахнущим орехами, к губам мужа.

А Дэйн, целуя и обнимая её, вдруг понял то, что было ещё более странным, чем в одночасье лишиться горба: его этот факт почему-то не волновал. Удивительно, но физический недостаток, ставший его проклятием в детстве, вдруг потерял важность и ценность.

А может быть, это произошло совсем и не «вдруг», а постепенно?

Просто он не заметил?..

Рэнго рос не по дням, а по часам. Цветом волос и глаз он пошёл в мать, а вот комплекцией напоминал Дэйна. Правда, сам Дэйн после

первого обращения сильно изменился — стал выше и гораздо мощнее. Он и раньше не был щуплым, а теперь уж особенно.

«Настоящий воин», — смеялась Фрэн, глядя на крепкого, сильного и не по годам развитого Рэнго.

Через месяц после родов они переехали в отремонтированный дом Лирда. Фрэн вела хозяйство, воспитывала сына и в свободное время разрисовывала «приносящие удачу» камушки.

Они были счастливы.

Дэйнар почти не вспоминал Арронтар. Только иногда, после очередного сна, в котором у светловолосой девушки с течением времени становилось всё больше седых волос — тогда оборотень позволял себе несколько мыслей о прошлом.

Но они больше не приносили боли. Впрочем, они не приносили вообще ничего. Ничего. Словно то, что когда-то случилось там, в Арронтаре, давно умерло и похоронено. Засыпано землёй и засажено цветами.

Когда Рэнго исполнилось десять, Дэйнара выбрали мастером гильдии лекарей. Именно тогда состоялся их единственный с Фрэн разговор об Арронтаре.

После трудного рабочего дня он любил сидеть возле камина, смотреть на огонь и думать. Мысли его касались в основном сына, жены или магии — он по-прежнему продолжал совершенствоваться и, как однажды сказал Форс, «уже давно переплюнул по части магии Разума своего наставника».

Фрэн сидела рядом и массировала Дэйнару плечи. А иногда просто молчала и прижималась щекой к его тёплому плечу.

Но не в тот раз.

— Дэйн... — она положила ладони мужу на плечи и поцеловала его в висок.

— Да? — улыбнулся оборотень, накрывая правой рукой одну из ладоней девушки.

— Обещай мне кое-что... Пожалуйста...

— Что?

Ему почудилось, или она на самом деле задержала дыхание?

— Обещай, что вернёшься в Арронтар, когда меня не станет.

Дэйнар вздрогнул и тут же отвернулся от камина. Поймал серьёзный, тревожный взгляд Фрэн и нахмурился.

— Странная просьба.

— Пожалуйста, — прошептала она, обнимая ладонями его лицо.

— Хвостик... Я не понимаю... Зачем мне туда возвращаться? Мой дом здесь. Там меня никто не ждёт.

— Ты ошибаешься, — светло-карие глаза упрямо блеснули. — Дэйн, просто обещай. Ради меня, я прошу...

Несколько секунд он молчал, а потом всё-таки покачал головой.

— Нет.

— Дэйн!..

— Нет, Фрэн. Я знаю, ты уйдёшь к Дариде раньше меня, и мне будет больно и горько, но это не причина возвращаться туда, где меня презирали и ненавидели. Я понимаю, почему ты просишь вернуться, Форс наверняка рассказал тебе сказку о проклятии...

— Это не сказка...

— Да, не сказка. Но я не в силах снять его, хвостик.

Фрэн подалась вперёд и изо всех сил обняла Дэйнара.

— В силах, я точно знаю, в силах... Если кто и сможет, то только ты.

— Нет. Я не смогу. Поверь, в моём сердце нет даже капли прощения. Равнодушие, безразличие и, возможно, немного неприязни... но не прощение. Нет, Фрэн, я не вернусь в Арронтар. Моё место здесь, в Нерейске.

Она вздохнула и, подняв голову, прижалась губами ко лбу мужа.

— Ты ошибаешься, Дэйн. И я очень надеюсь, что когда-нибудь ты поймёшь это. И сможешь простить... и полюбить.

Он ничего не ответил.

Сорок лет спустя

Оно действительно существовало.

Неизвестное море. Море Скорби.

Серо-синее, как и скалы, его окружавшие, бурлящее, пахнущее солью. Слезами.

Сколько слёз пролилось здесь за все времена? Наверное, очень много.

Но Дэйнар не плакал. Не мог. Что-то сдавило грудь, словно вдруг оборвались все струны в старом музыкальном инструменте.

Он плакал, когда двадцать лет назад умерла Чара. Она и так жила очень долго, гораздо дольше, чем обычные аксалы, и в последние годы почти не выходила из дома. Следила за его обитателями умными тёмными глазами... и любила Рэнго, как собственного щенка.

Когда умерла Чара — его первый настоящий друг — Дэйнар плакал. Взрослый мужчина, мастер гильдии лекарей, лучший маг Разума во всём Эрамире — не мог сдержать слёз.

А теперь слёз не было. Может быть, потому, что горе от потери Фрэн захватило его целиком и полностью, выжгло все внутренности, как выжигает лес сильный пожар. Ничего не осталось, всё сгорело. Только пепел.

Она ушла тихо. Вечером уснула, а утром не проснулась. Именно так Фрэн всегда мечтала умереть — спокойно, без боли... Да, боли в её жизни было достаточно.

Вот только как теперь жить ему?..

Без её глаз, улыбки, без тихой музыки... Да, Фрэн старела, а он — нет, но их это не слишком беспокоило. Да и старела она как-то странно — просто поседела и обзавелась несколькими морщинами. Никто бы и не догадался, что Фрэн уже семьдесят.

И вот, теперь... Что ему делать теперь?

Море вздохнуло, большая волна разбилась о скалу, несколько брызг долетели и до Дэйнара.

Оборотень сжал в ладони дар, принесённый морю — два обручальных кольца. Те самые обручальные кольца...

«Подари моё той, которую полюбишь после меня», — так она однажды сказала.

Глупости. Какие глупости!

Дэйнар усмехнулся.

Море вновь вздохнуло. Наверное, оно слышало подобные слова не раз. Но ему не было до этого никакого дела. Дэйнар на секунду прижал

их с Фрэн старые кольца к губам, размахнулся и выкинул два серебряных ободка в воду.

Море приняло этот дар с усталым равнодушием.

Под ногами хрустели ветки. Сухо и сочно. Дождя не было уже около двух недель, и если бы не свежий морской воздух, долетавший с моря, здесь оказалось бы совсем неприятно находиться.

Дэйнар поднял глаза к небу. Серо-синее, как само Море Скорби. Какой-то невнятный цвет, неправильный, слишком грязный и грустный. Или у него на душе так — грязно и грустно?

В вышине летали птицы. Много птиц. Оборотень поморщился: они преследовали его с самого Нерейска. Ещё на что-то надеялись...

И Рэнго... тоже. Интересно, как это ему в голову пришло вообще? Мать надоумила?

«Возвращайся, отец».

Они все, что, свихнулись?

«Возвращайся. Вспомни, тебя ведь просила мама».

Ну да, просила. И он сразу сказал, что никогда этого не сделает.

«Возвращайся. Твоё место там, отец. Ты же знаешь».

Откуда? Откуда ему знать об этом? Подобные речи Дэйнар слышал только от Фрэн. Ну, теперь ещё от сына.

Форс с Аравейном благоразумно помалкивали. Впрочем, и хорошо. Они своими Арронтарскими легендами могли разрушить его душевный покой.

Которого, правда, сейчас всё равно не было.

Как прошёл Снежную пустыню, он даже не заметил. Будто сон какой-то. А ещё говорят, что до Моря Скорби сложно добраться. Разве?

Хотя Аравейн говорил, что для этого нужно просто по-настоящему скорбеть.

Зайти в город? Или не заходить?..

Тошно. Как будто песка в пустыне наглотался.

— Дэйн!

Наставник, всё такой же толстый и бородатый, схватил за плечо, заставил развернуться.

— Ты?..

Не выговорил. Не смог. Поперхнулся собственными словами, когда увидел лицо Дэйнара.

— Я.

Форс отпустил его плечо и сжал кулаки.

— Что-нибудь передать Рэнго?

Несколько секунд он молчал.

— Нет. Я сам всё ему скажу.

— С помощью твоего любимого способа? То бишь, во сне.

— Скорее всего.

Форс закусил губу, смерил его тревожным взглядом, а потом очень тихо произнёс:

— Ко мне не забудь заглянуть, волчара блохастая.

Если бы Дэйнар мог, он бы рассмеялся.

Зачем он это делает? Зачем?

Кто бы объяснил...

Только потому, что она попросила? Однажды, сорок лет назад. И ещё тогда он ответил, что не станет...

Так зачем?!

... Земля дрожала под каждым его шагом. Будто пробуждалась после долгого сна. Дэйнар чувствовал её волнение, слабое биение сердца, ждущего и надеющегося, ток крови в сосудах...

Ветер пошевелил его волосы, поиграл прядями совершенно другого цвета, нежели в юности, заглянул в глаза...

Лес молчал. Затаил дыхание.

И Дэйнар непроизвольно улыбнулся, осознав невероятное — Арронтар ждал его.

Помнил и ждал.

С самого утра в тот день у Лирин так болело сердце, что ей казалось — ещё немного, и она умрёт.

Она малодушно подумала, что это даже к лучшему. Потому что силы её уже были на пределе. Она устала настолько, что почти каждую

минуту хотела лечь на землю, закрыть глаза и уснуть навечно.

Она была старшим советником уже... тридцать лет? Да, кажется, именно столько.

Очередные игрища... Надоело.

Однако, когда пришло время, она покорно заняла место слева от дартхари и приготовилась выполнять свои обязанности. Вот только в ту ночь всё пошло не по плану.

Когда на Великую Поляну вышел огромный белый волк, оборотни замерли. Он пах чужаком... сильным, но чужаком.

Чужак... в Арронтаре? Как такое может быть?

Волк сделал несколько длинных, резких прыжков вперёд, остановился посреди Поляны и наклонил голову, приветствуя дартхари. А потом начал рыхлить землю сначала левой лапой, затем правой — это означало, что он вызывает Вожака на поединок.

Лириин глубоко вздохнула... и замерла. Сердце её тоже замерло и пропустило удар.

Неужели?..

Нет, невозможно. Да и запах почти другой.

Почти...

Она вздохнула ещё раз, чувствуя, как знакомые, родные нотки заполнили ноздри.

Да...

«Ты можешь обмануть кого угодно, Дэйн, только не меня. Я ждала тебя пятьдесят лет... и узнаю в любом обличье».

Бело-чёрный вихрь кружил по Поляне.

Чёрный волк — дартхари — бился с чужаком — белым волком.

И проиграл.

Бой был быстрым, но красивым. И не успели остальные оборотни опомниться, как их старый дартхари уже лежал, подняв лапы кверху — сдавался на милость победителя.

Жёлтые глаза белого волка торжествующе сверкнули. Победённый дартхари отполз в сторону, почтительно наклонив голову.

А Лириин, вздохнув, сжала кулаки и по традиции пошла вперёд... к тому, кто стал их новым Вожаком.

И всегда был её братом.

Как странно. Обратни — все до единого — встали на колени и склонили головы. Среди них Дэйнар заметил и родителей.

Конечно, они его не узнали. Не могли узнать.

Всего на одно мгновение ему захотелось закричать. Спросить у отца: видишь, каким я стал? Я победил вашего дартхари, а ты презирал меня. И сейчас презираешь.

Но это желание ушло очень быстро. Дэйнар отвернулся от родителей и... увидел Лирин.

Почти полностью седая, очень постаревшая женщина шла к нему, выпрямив спину... а в её глазах почему-то блестели слёзы.

Почему? Непонятно.

И почему Лирин не ара? Дэйнар чувствовал, что перед ним очень слабая самка.

— Прошу вас, дартхари, взять мою клятву Верности, — сказала она дрожащим голосом, достала нож и полоснула себя по запястью. На землю полилась тонкая струйка тёмно-алой крови. — Примите человеческий облик и назовите нам имя нашего нового дартхари.

Лирин вздрогнула, когда перед ней появился высокий широкоплечий мужчина с седыми волосами до плеч и ярко-жёлтыми глазами.

Глазами, в которых не отражалось ничего, кроме равнодушия.

Несколько секунд он смотрел на Лирин, не мигая. Затем обвёл таким же тяжёлым и спокойным взглядом остальных обратней...

А потом сказал тихо и уверенно:

— Моё имя Нарро, зора старший советник.

❧ ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДВЕ СУДЬБЫ ❧

Глава 1

*Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою — как никто другой...*

М. Цветаева

Дартхари Нарро, Арронтар, около 30 лет назад

Той ночью шёл дождь. Он начался, когда новый Вожак впервые ступил в усадьбу, и лил до самого утра. Стеной.

Будто бы небо хотело выплакать всю боль, переполнявшую сердце Лирина, как нарыв, что никак не мог прорваться.

Только вот легче ей не становилось. Наоборот, казалось, что она сейчас растворится в этом дожде и уйдёт в землю вместе с водой. И хотелось, очень хотелось, чтобы так и случилось.

Но почему? Почему?!

Ведь Лирина ждала его пятьдесят лет. Пятьдесят лет! Она должна быть счастлива! Должна. Должна! Но вместо этого она стояла возле окна и наблюдала за ливнем, обхватив себя руками и дрожа от холода и боли.

Да, она дождалась. Только вот... всё было зря. Абсолютно всё.

Она должна быть счастлива... Нет, не должна.

Потому что тот, кого она дождалась, не был тем, кого она ждала.

Нарро распахнул створки и глубоко вздохнул.

Воздух, наполненный ароматом воды и земли, вошёл в его лёгкие. Но легче не стало. Внутри будто раскалённое железо, а не сердце.

Что он делает? Зачем?

Новый Вожак... Какая ирония. Злая улыбка мелькнула на губах Нарро, но почти сразу исчезла, будто смытая дождём. Наклонив голову, он уставился на свои руки.

Теперь даже они были другими. Большие ладони, сильные пальцы... да, сейчас в нём действительно было много силы. Силы зверя, которую так ценили его сородичи.

С каждым прожитым годом Нарро — точнее, тогда ещё Дэйн — становился чуть выше и шире. Больше, сильнее, мускулистее. Менялись даже черты лица, только глаза оставались прежними.

— Изменения происходят из-за твоего внутреннего состояния, — объяснял Форс. — Ты чувствуешь себя увереннее, значительнее, больше — и вот результат. Ты же маг Разума, Дэйн! Понимаешь, что это значит? Ты такой, каким себя ощущаешь.

Он такой, каким себя ощущает.

Да уж. И когда-то... Маленький худенький горбун. А теперь — новый Вожак, дартхари. Зачем?!

Если бы Нарро понимал!

Он просто хотел забыть. Всегда хотел. И рядом с Фрэн ему это удалось. Но после её смерти... Что-то тянуло сюда, в Арронтар. И это что-то было сильнее.

Зачем и почему, Нарро не знал. Странное противоречие — он одновременно и желал быть здесь, и мечтал просто плюнуть и вновь уйти. Куда угодно, только бы прочь отсюда. Не видеть ничего и никого, тем более — её. Сестру.

Меньше всего на свете Нарро хотел думать о Лирин. Но ему думалось, и мысли эти вызывали такое количество эмоций, что он выпускал когти и впивался ими в ладони. От краткой вспышки боли и крови, текущей по запястьям, становилось легче. Но ненадолго.

Как она постарела! И эти седые пряди... Откуда они? Что такого случилось в жизни Лирин, почему она не стала ара? Почему поседела?

Нарро злился на себя. Да какая разница! Зачем он думает о ней? Пятьдесят лет почти не вспоминал, и не надо. Он не нужен Лирин. И никогда не был нужен, если не считать совсем глубокого детства. Но оно осталось слишком далеко и уже не имеет значения после стольких брошенных камней и прожитых лет.

Прожитых без неё.

И сейчас... Просто не надо думать. И вспоминать тоже не надо. Раз он стал Вожаком, нужно делать своё дело. И всё. Он больше не совершит прежних ошибок. Не станет привязываться, любить, думать и беспокоиться.

Брата Лирин звали Дэйнаром. И он умер в тот самый миг, когда бросил в Море Скорби их с Фрэн обручальные кольца.

Дэйнара больше нет. Есть Нарро.

Дартхари Нарро.

На рассвете, когда дождь начал стихать, новый Вожак вышел из своего кабинета. Прошёл по дому, распахнул входную дверь и спустился по лестнице, не замечая восторженно-удивлённых взглядов стражников. Нарро хотелось сбежать из усадьбы — она душила его.

— Дартхари... — прошептали оборотни, и он едва заметно вздрогнул, услышав это обращение. Сжал зубы, заметив, как они поклонились, и, ничего не ответив, зашагал напрямик в лес, по направлению к деревне чёрных волков.

Почему именно туда, Нарро толком не знал. Главное, что он не хотел пока возвращаться в Северный лес, особенно к тому озеру и своей хижине.

Интересно, как она там? Устояла или рухнула под грузом прошедших лет?

Хмыкнул, вспомнив, как почтительно и подобострастно поклонились стражники. Да уж, знали бы они, с кем имеют дело. Впрочем... Даже если бы знали — ничего не изменишь, он уже дартхари. И останется им, пока кто-нибудь из сородичей не победит его в поединке, точно так же, как Нарро победил прежнего Вожака.

Но сейчас среди оборотней не было никого, кто мог бы соперничать по силе с бывшим горбуном и изгоем. Какая ирония.

Отойдя подальше от усадьбы, Нарро лёг на сырую траву и опустил кончики пальцев в мягкую после дождя землю. Она отозвалась лёгким дрожанием и слабым покалыванием в ладони. Нарро улыбнулся.

Не мог не улыбнуться.

— Ты вернулся... — прошелестели листья у него над головой.

— Вернулся... — пропела земля.

— Вернулся! — захлопали птичьи крылья.

— Вернулся, — заскреблись звери в своих норках.

— Вернулся! — прокричало само небо.

Его смех, по-прежнему звенящий от силы, долетел до каждого уголка в Арронтаре, и растворился в окружающем пространстве, наполнив волшебный лес радостью, ожиданием и надеждой.

— Куда он пошёл?

Лирин изо всех сил сдерживала собственное отчаяние, сжимая и разжимая пальцы на руках. Стражники недоуменно переглянулись — впервые они видели её в таком странном состоянии.

— Мы не знаем, зора Лирин, — ответил старший, — дартхари ничего не сказал, даже не поздоровался.

Сердце её сжалось.

— Но вы должны были заметить хотя бы, в какую сторону он пошёл! Иначе для чего вы тут стоите?! — прошипела женщина, грозно сверкая светло-жёлтыми глазами.

Старший сглотнул. Пусть Лирин и не была сильным оборотнем, её всё же опасались — ведь дартхари менялись, а она оставалась на месте, незыблемая, как скала.

— Да, зора. Дартхари пошёл туда, — ответил он, махнув рукой по направлению к деревне чёрных волков. И проводил её взглядом, когда Лирин, не сказав больше ни слова, поспешила за Вожаком.

Она бежала так быстро, как могла, хотя ей уже было трудно бегать — возраст не тот. Но Лирин бежала.

Она боялась. О Дарида, как же она боялась! Боялась, что он передумает и уйдёт опять. Только не это, нет, она больше не вынесет...

И тут лес задрожал. Дрожало всё вокруг — земля, деревья, трава, цветы, даже небо, казалось, тоже дрожало...

Смех. Это был смех. Он смеялся! Он просто смеялся! Он словно говорил: «Да, я вернулся. Я действительно вернулся».

И Лирин не выдержала — упала на колени и прижалась ртом к дрожащей земле. Как же она ждала этого! Ждала не меньше, чем Арронтар.

Это был единственный для неё способ прикоснуться к брату.

Целуя землю, которая дрожала от его смеха, наполняя измученное сердце Лирин радостью и надеждой.

Неподалеку от деревни чёрных волков располагался питомник, где выращивали хати. Нарро и не вспоминал об этом, пока не наткнулся на спрятанное среди деревьев строение. И застыл, несколько мгновений не понимая, где оказался. А потом почувствовал запах щенков и взрослых собак и улыбнулся.

Конечно, питомник, что же ещё! Нарро хотел побывать здесь в детстве, но не смел, зная, что никогда смотритель не пустит внутрь жалкого горбуна. Поэтому даже не пытался. А ему так хотелось хати!

Хотелось до тех пор, пока он не встретил Чару.

Нарро вздохнул и сделал несколько решительных шагов вперёд. Потом остановился.

Хати... выбрать себе щенка хати?

Нарро не думал о том, что это будет предательством по отношению к Чаре — знал, она была бы рада, если бы у него появился друг. Нет, дело не в этом. Просто эти собаки настолько плотно ассоциировались у него с сородичами, что он понимал — взять своего щенка, значит, признать: он — один из оборотней. Сделать ещё один шаг.

Нет, он не готов.

Нарро уже собирался уйти, когда вдруг услышал чей-то испуганный голосок:

— Дартхари?..

Позади него, сжимая в руках ведро, полное ключевой воды, стоял мальчишка. Взъерошенный, сильно пахнущий псиной подросток. И таранился на нового Вожака с такой паникой в глазах, что Нарро стало смешно.

Хотя он понимал, почему мальчишка так напуган. Даже взрослого оборотня сила Нарро впечатляла и сбивала с ног, что уж говорить о детях. Этому на вид лет четырнадцать, внутренний волк не подчинён, и ара мальчик не станет. Ничего удивительного, что он так испугался.

— Покажешь мне последний выводок?

Волчонок прерывисто вздохнул, всё-таки нашёл в себе силы поставить ведро с водой на траву и уже потом заорал:

— Ба-а-а-ать!

— Чего ты орёшь, оболдуй? — заворчал кто-то за дверью питомника. — Такая рань...

Дверь тихо скрипнула, выпуская наружу темноволосого мужчину с бородой, из которой торчали в разные стороны прутики сена. Увидев Нарро, оборотень пошатнулся и чуть было не сел на землю.

— Ох... Дартхари... Д-доброе утро...

— Последний выводок, — повторил Нарро ещё раз. — Я хочу увидеть его.

— Д-да... К-конечно...

«Прекрасно, — мрачно подумал Вожак. — Сначала они меня презирали, а теперь поголовно будут заикаться. Замечательно. Всю жизнь мечтал».

В питомнике было не очень светло, но сравнительно чисто. В отдельных клетках сидели несколько взрослых хати — видимо, их готовили к вязке. Половозрелых собак всегда на какое-то время забирали у хозяев — сначала для вязки, потом, в случае с суками, для родов и ухода за щенками.

— В-в-вот, — смотритель провёл Нарро мимо клеток со взрослыми хати, которые не издавали ни звука, только смотрели на Вожака. — Т-т-тут у нас щеночки-то... Пятеро. Вон тот самый сильный, чёрненький...

Щенки жались друг к другу, даже не пища, только глядели на Нарро одинаковыми голубыми глазами.

— А я-то думаю, что это у меня замолчали все разом... Собаки-то... Почуяли, значит, вас... — пробормотал мужчина за спиной у дартхари.

А Нарро смотрел на щенков и... ничего не чувствовал. Совсем. Ему не хотелось открывать клетку, брать на руки и позволять этим созданиям — точнее, одному из них — лизать его в нос.

— Больше нет?

— К-к-кого?

Нарро резко обернулся и рыкнул:

— Щенков! И прекрати заикаться. Не съем я тебя.

Смотритель испуганно сплотнул и уже хотел ответить, но ему помешали.

Из противоположного угла, рядом с большой кучей соломы, где не было никаких клеток, только сухая трава и грязные миски с ведрами, раздался странный звук, напоминающий то ли писк, то ли хрип.

— Что там? — Нарро сделал шаг вперёд, но ничего не мог рассмотреть там, в углу — лишь валяющийся на полу хлам и солому.

— Э... Да не обращайтесь внимания, дартхари, там щенок на утопку...

— На что? — в первый момент он даже не понял, о чём толкует зритель.

— На утопку. Ну, бракованный он, такого не захочет никто. Утопим его сегодня.

Бракованный. Такого не захочет никто.

Нарро усмехнулся.

— Пойду посмотрю, что у тебя там за бракованный щенок.

— Э... Но...

В большом ведре прыгало, билось о стенки, пищало и хрипело нечто пушистое и чумазое до безобразия. Увидев Нарро, «оно» запрыгало ещё пуще, словно стремилось... стремилось...

Что-то тёплое возникло в груди Вожака. Он наклонился над ведром как можно ниже, пытаясь рассмотреть щенка, как вдруг тот, отчаянно подпрыгнув, оказался у него на руках, пачкая рубашку, восторженно взвизгнул — и лизнул Нарро в нос.

— Э-э! — возмутился зритель. Кажется, он говорил что-то ещё, кроме своего любимого «э», но дартхари не слушал.

Он смотрел на щенка, который ворочался у него на груди, радостно похныкивая и виляя хвостиком. Глаза у него были орехового оттенка — очень необычно для хати. Шерсть длинная и пушистая, но такая грязная, что не поймёшь, какого цвета. Холодный и мокрый нос, который сейчас то и дело тыкался Нарро в щёку, и шершавый язык, похожий на язык Чары.

— В-в-в-ви! — взвизгнул щенок ещё раз и вновь лизнул дартхари, словно утверждая свои права на самого сильного оборотня в стае.

— Я забираю его, — сказал Нарро, чувствуя, как губы растягиваются в улыбке. И, не слушая больше возражений — впрочем, их и не было, зритель просто изумлённо молчал — вышел из питомника.

Яркое летнее солнце заглянуло Нарро в глаза и позолотило радужку, в глубине которой вспыхнули и закружились голубые искры.

Дартхари погладил щенка по чумазой голове и произнёс:

— Я назову тебя Вимом. Ты знаешь, что это значит, малыш? Вим — «мой».

— В-в-ви-и-и! — восторженный визг и ещё один поцелуй в нос стали Нарро ответом.

Лирин встретила брата неподалеку от питомника хати. Она шла туда, он — обратно. И в руках он держал что-то непонятное, грязное и издающее какие-то странные звуки, похожие на писк полузадушенной мыши.

Нарро остановился, увидев Лирин, и несколько мгновений она даже пошевелиться не могла — так её поразил его холодный взгляд.

— Дартхари, — в конце концов она отмерла и наклонила голову. Сглотнула, заметив не менее холодный, чем взгляд, кивок Нарро, но всё же продолжила: — Я искала вас.

— Искали? — Ни малейшей искорки интереса и уж тем более — симпатии. Абсолютно ледяной голос. — Что-то случилось, зора?

— Лирин, — сцепив руки перед собой, прошептала женщина. — Меня зовут Лирин.

Нарро очень хотелось, чтобы она сама ушла с дороги и перестала маячить у него перед глазами. Но он не желал грубить Лирин. По правде говоря, он вообще не желал с ней разговаривать.

Поэтому он промолчал, когда она назвала своё имя. Только, опустив глаза на секунду, заметил, как дрожат её пальцы.

— Я... Ничего не случилось. Я думала, возможно, вам понадобится моя помощь...

Лирин почувствовала себя глупо. Она уже давно не чувствовала себя настолько глупо!

— Нет, зора. Мне ничего не нужно. Спасибо.

Вежливый, но ледяной ответ.

— Вы возвращаетесь в усадьбу? — Она не понимала, как у неё хватает духу стоять перед ним вот так и задавать свои наглые вопросы, когда он совершенно ясно дал понять, что не желает её слышать и видеть.

— Да.

— Позвольте сопровождать вас, дартхари?

Как она вообще смогла это произнести? Как у неё язык повернулся?

А Нарро молчал, и Лириин уже умоляла про себя — скажи хоть что-нибудь, хоть пошли меня кдохлым кошкам, только не молчи...

— Хорошо. Пойдёмте.

«Да уж, Фрэн гордилась бы мной — иду по Арронтару, в руках хати, рядом сестра. Просто идиллия!».

Нарро был зол. На себя, что позволил Лириин сопровождать его, на Лириин, что она вообще существует на свете, и даже на хати, который просто заснул у него на руках. Вот беспечное существо!

— Вы ходили в питомник?

Она явно нервничала. Голос слегка дрожал.

— Да.

— И этот хати... вы выбрали... его?

— Да.

Нарро не смотрел на Лириин, но слышал, как она сглотнула.

— А... назвали... как?

«О Дарида, за что мне это?..»

— Вим.

К его удивлению, она мгновенно отреагировала:

— «Мой»... Хорошее имя, — впервые в голосе Лириин слышалась улыбка, и у Нарро будто открылась и закровоточила старая рана. Где-то внутри, ближе к сердцу. Он вздохнул, в который раз подавляя это чувство.

— Вы знаете древнее наречие оборотней? — сказал и сразу мысленно обругал себя: ведь не хотел задавать ей вопросы!

— Да, конечно. Это моя обязанность. Я хорошо знаю все существующие эрамирские языки, в том числе эльфийский.

Нарро открыл рот, чтобы спросить, почему Лириин захотела стать советником, но сразу захлопнул его.

Нет уж. Хватит разговоров.

И, в конце концов, зачем она за ним тащится? Неужели... узнала? Нет, это глупости. Тогда зачем?

И тут Нарро внезапно догадался — и почему Лириин побежала за ним, и зачем тащится теперь, и по какой причине так нервничает.

Она же самка! Слабая самка. Все слабые самки испытывают к сильным самцам нечто вроде физического влечения. И чем слабее

самка и сильнее самец, тем больше это влечение. А Лирин, насколько Нарро мог судить, была самой слабой самкой во всём Арронтаре.

Поняв это, он остановился. Застыл посреди дороги, прижимая к себе сопящего хати, чувствуя, как волной накатывает разочарование.

Только бы ошибиться! Лучше пусть Лирин его узнает, только не это! Если она когда-нибудь обратится и поднимет перед его носом хвост, он со злости может ей что-нибудь сломать.

— Дартхари? — тихий голос Лирин ворвался в мрачные мысли Нарро. Он обернулся и посмотрел на неё не менее мрачно.

Старший советник, как и Вожак, застыла посреди дороги. В её светло-жёлтых глазах плескалось недоумение.

— Что-то случилось?

— Ты умеешь обращаться?

Недоумение превратилось в изумление.

— Что?.. Да, дартхари, умею... Но мне это тяжело, я слабая совсем. Я обращаюсь не чаще раза в месяц, любое обращение для меня — почти пытка.

Нарро вздохнул — и резко спросил:

— Ты хочешь часть моей силы?

Лирин не верила своим ушам. Этой фразой сильные самцы приглашали слабых самок... приглашали к совокуплению! Такие красивые слова — «часть силы» — но по сути всё очень банально и... грязно.

Её приглашали... и не раз! Она отказывалась — всегда.

Но меньше всего на свете Лирин желала услышать подобное «приглашение» от собственного брата.

И у неё защипало в глазах...

Нарро не знал, что и думать, когда Лирин вдруг сделала шаг назад.

— Нет...

Она прошептала это едва слышно, и с таким отчаянием, что дартхари моментально понял — он ошибся.

Лирин не хотела часть его силы. Она действительно просто его узнала. Единственная из всей стаи.

— Нет...

В её глазах Нарро заметил слёзы. И от этого зрелища его грудь будто сжали в тисках.

Она уже собиралась убежать, разворачиваясь как-то неловко и медленно, когда Нарро вдруг поймал её руку.

Прикосновение обожгло раскалённым железом...

Когда Нарро взял Лирин за руку, ей показалось, что она больше никогда не сможет сделать вдох. От его ладони в её ладонь полилось тепло — нет, даже не тепло — настоящий жар. И Лирин вмиг согрелась.

Уже пятьдесят лет ей было холодно, и она думала, что так будет всегда.

— Хорошо. Нет так нет. Зачем убежать? Мы же идём в усадьбу.

Вот только голос был таким же холодным.

— Я никогда... ни с кем... не принимала я этих приглашений, я...

— Я понял.

Лирин подняла голову и, наткнувшись на его бесстрастный взгляд, вдруг решила:

— Они будут задавать вопросы... — прошептала она, чуть сжимая пальцы, боясь, что он уберёт руку. — Ты понимаешь? Где ты был столько лет, такой сильный... Они начнут шептаться очень скоро. Ты ведь чужак, это удивительно для всех. Понимаешь?

Несколько секунд Нарро молча смотрел на неё, и Лирин не понимала, о чём думает брат — взгляд его по-прежнему был абсолютно лишён эмоций.

— Вопросы... А ты не будешь задавать их, Лирин?

Услышав своё имя из его уст — впервые за последние пятьдесят лет — она вздрогнула.

— Нет. Не буду.

Он усмехнулся.

— Простым «нет» не обойдёшься. Я запрещаю тебе задавать вопросы о моём прошлом. Мне или кому-либо ещё.

Это был прямой приказ, и Лирин, как советник, никогда не сможет его нарушить. В её душе шевельнулась обида, но она почти сразу рассыпалась пылью.

— И от других не будет никаких вопросов. Никогда. Я об этом позабочусь.

Он отпустил её руку и, отвернувшись, зашагал по направлению к усадьбе, бросив короткое:

— Пошли.

«Как собачонке», — подумала Лирин. Но не обиделась. Она знала, что никогда не будет обижаться на брата, что бы он ни делал.

— Где второй советник? Я не видел его на игрищах, когда ты приносила клятву Верности.

Это был первый вопрос, заданный Нарро, когда они вошли в усадьбу и дошли до кабинета бывшего дартхари, который стал теперь кабинетом Нарро.

Он сел в кресло и положил на колени Вима, ничуть не страшась, что грязный щенок может испачкать одежду. Лирин встала чуть поодаль, не зная, что ей лучше делать — стоять или садиться. И если садиться, то куда?

О Дарида, с прежними дартхари она никогда не задавала себе подобных вопросов!

— Второго советника сейчас нет. Он умер несколько недель назад, а ты ведь знаешь, советников так просто не назначают... Никто не хочет.

— Н-да? — с сомнением протянул Нарро. — Это странно. На моей памяти желающих всегда было предостаточно.

— Я неверно выразилась, — Лирин переступала с ноги на ногу, и даже круглый дурак заметил бы, что она нервничает. — Желających много, просто среди них нет ни одного нормального.

— Нормального? — Вожак удивлённо поднял брови. — Что значит, нормального?

Она вздохнула, а потом всё-таки решилась:

— Могу я... сесть?

— А я разве запрещал?

Голос дартхари по-прежнему был ледяным, и Лирин не стала отвечать, просто села в кресло напротив. А затем продолжила:

— Все оборотни, желающие стать советниками, на самом деле хотят славы и почёта. В последнее время Вожаки часто меняются, очень много в стае тех, кто равен по силе. А советники... советники остаются. Ни один дартхари не рискнёт выгнать старого советника, ведь на обучение нужно потратить много сил. Я училась почти десять

лет прежде, чем стала вторым, младшим советником. А те, кто приходят в последнее время, не желают учиться. Они просто жаждут славы. Поклонов, почтительных взглядов. Они не понимают, что это значит — быть советником.

Нарро хотел спросить Лирин, зачем она сама пошла на это. И почему не стала ара, ведь должна была стать. Но спросить подобное — значит, стать друг другу чуточку ближе.

Нет уж.

— Я подумаю, что с этим можно сделать. Ты ведь сможешь выполнять свои обязанности одна?

Лирин улыбнулась. Теперь у неё была другая улыбка, не такая, как в детстве.

— Разумеется. Я почти всегда одна.

«Ты не должен ей сочувствовать. Не должен».

— Ладно. А теперь расскажи, что здесь происходило за последние пятьдесят лет.

«Без тебя — ничего хорошего, брат».

— Что именно тебя интересует?

— Всё, что необходимо, по твоему мнению, знать дартхари. Я слишком давно не был в Арронтаре и вряд ли смогу быть Вожаком, если не буду иметь понятия о том, что здесь случалось. И для начала... Скажи мне, Лирин, что я должен сделать, если хочу нормально позавтракать?

Она вновь улыбнулась и опустила голову, чтобы спрятать от него эту улыбку.

— Потом я познакомлю тебя с зорой Катримой. Она готовит еду и следит за тем, чтобы в усадьбе всегда было чисто. Нужно спуститься на кухню или позвонить в колокольчик, если ты занят и не можешь спуститься, тогда я приду и спущусь сама. И через полчаса завтрак, обед или ужин будет подан туда, куда ты скажешь.

— Прекрасно. Тогда иди скорее и скажи — если дартхари в ближайшее время не покормят, он слопает единственного в стае советника.

Голос Нарро был совершенно бесстрастен, как и всегда, но Лирин обрадовалась даже такой ледяной шутке. Она встала с кресла и уже направилась к выходу, когда вслед ей донеслось тихое:

— И, пожалуйста, никакого мяса.

Нарро не мог увидеть, как ласково и мягко замерцали глаза сестры в тот момент, когда он произнёс эти слова. Он только услышал ответ Лирин, и тон её голоса так его потряс, что он потом несколько минут не мог пошевелиться.

— Я помню, — негромко сказала женщина, и Нарро показалось, будто перед ним стоит не Лирин, а Фрэн. С нежностью дотрагивается кончиками пальцев до его щеки и, улыбаясь, шепчет нечто такое, отчего он чувствует себя самым счастливым во всём Эрамуре.

Тот день был долгим.

Лирин много говорила, а Нарро много слушал. Он уже давно так долго никого не слушал — им с Фрэн чаще всего не нужны были слова, а с Форсом и Аравейном они обсудили за пятьдесят лет всё, что только было можно и нельзя.

Узнав, что Лирин живёт в усадьбе, Нарро был немного удивлён и раздражён. Такая постоянная близость к ней его не устраивала, но сказать об этом дартхари не успел.

— Я перееду, — говоря это, она старалась не смотреть на брата. — Мне не трудно. Я просто всегда отдавала всю себя работе, поэтому не видела смысла заводить собственный дом, он бы вечно пустовал. Теперь вернусь к родителям.

К родителям...

Эти слова неприятно кольнули Нарро, но он ничего не сказал Лирин. Только кивнул.

Вечером он хорошенько вымыл и вычесал Вима, положил щенка в корзинку рядом с кроватью, медленно разделся до нижнего белья и впервые за последние пятьдесят лет лёг в пустую постель.

А за окном в это время еле слышно шептался Арронтар. То ли радуясь, то ли печалась.

Глава 2

Дартхари Нарро, Арронтар, около 30 лет назад

— Я уж думал, ты не придёшь.

Форс добродушно, но немного тревожно ухмылялся, сидя на пороге собственного дома.

— Прости. Я долго возился с хати, совсем забыл о времени.

— С хати? — Наставник удивлённо поднял брови.

— Да. Я знаю, что ты скажешь, так что можешь ничего не говорить, Форс.

— Н-да? — толстяк забавно прищурился. — Чего же ты тогда припёрся в мой сон, волчара, если заранее знаешь, что я скажу?

— Наверное, соскучился, — улыбнулся оборотень. — Как там Рэнго?

— Сходи и спроси сам.

— Не успею. Мне нужно к Аравейну. С Рэнго я и завтра пообщаюсь, а вот Вейна мне необходимо навестить сейчас.

— Тогда иди скорее, Дэйн. Давай, вали. А то наш белобрысый проснётся, у него настали трудные времена. Спать некогда.

Он улыбнулся, кивнул и уже закрыл глаза, чтобы перенестись в сон второго наставника... но вдруг передумал.

— Знаешь, я сегодня весь день разговаривал с Лирин. И всё время хотел задать ей один вопрос, но почему-то не задал.

— Какой же?

— Дело не в том, какой, а в том, почему, Форс. Потому что я боялся её ответа. Точнее, не самого ответа, а то, что это скажет именно Лирин. Решил — пусть лучше кто-нибудь другой.

Он вновь закрыл глаза.

— А какой вопрос-то? Я ж теперь спать не буду от любопытства.

— Вопрос... — он ухмыльнулся. — Про Вима, моего хати. Я хотел узнать, почему его собирались утопить. Что в нём не так.

Почему он считается бракованным.

— Что ж не спросил-то, Дэйн?

Форсу пришлось изрядно напрячь уши, чтобы услышать ответ.

— Представил, как она скажет что-то вроде: «У Вима слишком пушистая шерсть». Или: «Глаза чересчур большие». Или: «Хвост коротковат». Представил и... не смог. И это просто ужасно.

— Я запутался, мальчик мой... Ужасно-то почему?

— Потому что Фрэн оказалась права. А я всегда думал, что она ошибается.

— В чём права?..

Но он не стал больше отвечать — растворился в мутном воздухе сна, и Форс только тяжело вздохнул.

Старый наставник всё прекрасно понимал и задавал вопросы только для того, чтобы узнать, понимает ли это сам Дэйн. Впрочем, понимать и принимать — разные вещи.

— Да, путь нам ещё предстоит долгий, — пробормотал Форс перед тем, как закрыть глаза и унести в заманчивый мир сна без сновидений.

Отправляясь в сон Аравейна, меньше всего на свете новый дартхари оборотней ожидал, что попадёт к Морю Скорби.

Солёные брызги полетели в лицо, ветер ударил в грудь большим кулаком, чуть не снеся его со скалы. Только ночное небо и звёзды были красивыми — остальное ему не понравилось.

— Вейн! Какого... О Дарида, мы не можем поговорить в каком-нибудь другом месте?!

— Чем тебе не нравится это место? — ровным голосом поинтересовался сидящий на краю отвесной скалы маг. — По-моему, очень даже хорошее.

— Хорошее? Ну да, разумеется. Ветер свистит в ушах так, что я ничего не слышу, и он холодный. А вода вообще ледяная, летит напрямиком в лицо. Идеальное место! Знаешь, я тут жить буду. Уйду из Арронтара и буду тут жить. Вот на этой скале. Всегда мечтал!

Аравейн засмеялся.

— Дэйн, ты иногда ужасно напоминаешь мне Форса. Даже хочется вновь съездить к нему.

— Ну и поезжай. Кто тебе мешает?

Маг вздохнул.

— Ладно. Сейчас немного подправим декорации, раз тебе тут не нравится... Так лучше?

Теперь ветер больше не свистел и вода не брызгалась. Аравейн будто установил перед скалой невидимую стену, отражающую всё, даже ветер.

— Лучше, — проворчал оборотень, усаживаясь рядом с наставником. — Я тебя спросить хотел кое о чём. Вот только теперь не уверен, что ты сейчас в состоянии отвечать на вопросы.

— Ну я же до сих пор тебя не выгнал из своего сна. Так что, как говорит Форс, валяй.

Несколько минут он всё-таки молчал — то ли подбирал слова, то ли просто любовался на звёзды. У Моря Скорби они всегда были удивительно красивыми.

— Я вернулся в Арронтар. Ты ведь знаешь?

— Да, Форс сказал.

— Так вот... — он вздохнул. — Я думал, что проклятье будет снято, как только я вернусь. Я на самом деле так думал и... я даже хотел, чтобы так оно и было. Но этого не случилось.

— Ну разумеется.

— А почему?

Аравейн хмыкнул.

— Условие снятия проклятья — не возвращение, а прощение. Ты можешь обмануть самого себя, Дэйн, считая, что простил, но ты никогда не сможешь обмануть Арронтар. Он знает, что это не так.

— Прекрасно... Я практически себя изнасиловал на обратном пути, я не хотел возвращаться, а теперь оказывается, что этого ещё и недостаточно.

— Недостаточно. Когда полностью избавишься от ненависти, пустившей корни глубоко в твою душу, когда сможешь простить по-настоящему, от чистого сердца — тогда проклятье будет снято. Только так, и никак иначе.

— Я не ненавижу их. Я их презираю. И не хочу... О Дарида, если бы ты знал, Вейн, как я хочу уехать оттуда! И никогда не возвращаться. Не видеть, не слышать и не вспоминать.

Оборотень ждал, что Аравейн на это что-нибудь ответит — но наставник молчал. Молчал несколько минут, вглядываясь в тёмное

ночное небо и мерцающие звёзды. Но потом всё-таки сказал... но совсем не то, что ожидал от него собеседник.

— Я давно хотел тебе рассказать... Этого ты нигде не найдёшь, Дэйн, нигде. Ни в одной из книг. Даже Форс не знает. И я сам не сразу понял, что это важно, — он вздохнул. — Ты помнишь, как на древнем наречии оборотней будет «небо»?

— Конечно. «Ри».

— Верно. А «земля»? Не «почва», а именно «земля», Дэйн. Это очень старое слово...

— Не «почва», а «земля»? — Он нахмурился. — Не вижу особой разницы.

— Разница есть. «Земля» в том смысле, что включает в себя это слово, значит и почву, и воду, и даже деревья. «Земля» — это поверхность, на которой есть жизнь.

И тогда он вспомнил...

— «Дэр».

— Верно. А теперь сложи эти два понятия. «Земля-небо». Ну же...

— *Дэрри*.

Аравейн улыбнулся.

— О да. Вот оно — то самое непере译имое с вашего древнего наречия слово. «Земля-небо». То понятие, о котором вас заставил забыть сам Арронтар.

— Я не очень понимаю, Вейн. Форс говорил, это слово значит что-то вроде «единые» и обозначает пару оборотней, которые...

— А ты посмотри вперёд, — кивнул наставник то ли на море, то ли на небо. — Видишь? Земля-небо. Такие разные... но всегда — единые. И это слово — *дэрри* — означало единство двоих твоих сородичей. На земле — то есть, в жизни — и на небе — то есть, в посмертии. Ты никогда не видел, как пишется это замечательное слово? Это круг, пересечённый чертой, и внутри самого большого круга — бесконечное число мелких кругов, которые рисуются до тех пор, пока не кончится место на листке бумаги. Эти круги — как символ той самой бесконечности, повторяющихся жизней, где вы — *дэрри* — всё равно не сможете быть друг без друга.

— Я не понимаю. При чём здесь проклятье?

— При том. Дэйн... прощение — это не единственное условие. И оно должно быть... не только твоим.

Аравейн будто ударил его.

— Ты шутишь? Скажи мне, что ты шутишь.

— Увы.

Он на миг прикрыл глаза и рассмеялся.

— Где я возьму *дэрри*? Они же больше не рождаются!

— Она родится. Теперь, когда ты вернулся в Арронтар, лес позволит ей родиться. Он ведь сам хочет избавиться от проклятья. Дэйн, будь начеку. Смотри в оба... Потому что она, скорее всего, будет такой же, как ты.

— Я не понимаю... А как же Фрэн? Я ведь слышал музыку, когда был с ней. Форс говорил, что *дэрри* слышат музыку, когда встречаются друг друга. Как же он это назвал...

— Зов. Песнь Арронтара. Дэйн, послушай меня... ты ведь теперь не Дэйн, верно?

— Верно.

— И какое имя ты взял?

— Нарро.

— Нарро. Мне нравится. Так вот, Нарро. Раз ты — не Дэйн, то и Фрэн — не Фрэн. Понимаешь?

Он сжал зубы и резко выдохнул.

— Неужели...

— Есть ещё кое-что, — Аравейн наконец отвернулся от созерцания океана и неба и посмотрел на собеседника. — Несмотря на то, что *дэрри* связаны друг с другом как при жизни, так и после смерти, при жизни они могут и не быть вместе. Выбор, мальчик мой. Ты оборотень, вы связаны с Арронтаром, но ты уехал, потому что сделал свой выбор. Так же и с *дэрри*. Это просто слово. Это почти такая же связь, как между родителями и детьми, братьями и сёстрами... Но выбор всегда важнее.

— Ты думаешь, она может...

Аравейн улыбнулся.

— Если она будет такой же, как ты, Дэйн, то она сможет всё.

Через пять дней желание сбежать из Арронтара начало сжигать Нарро изнутри.

Почтительное благоговение сородичей раздражало, особенно бесили волчицы — если мужчины только уважали силу нового Вожака, то женщины просто «слюнями исходили», как сказал во сне Форс. Ни одну из них Нарро не хотел. Ни в каком смысле — ни физически, ни духовно, никак.

Ещё и Лирин добавляла. Нет, она не была поклонницей тела Вожака, но легче от этого Нарро не становилось, ведь она повсюду ходила за ним. Хвостиком, почти как Фрэн. Только присутствие Фрэн никогда не раздражало, а Лирин... Хотя Нарро предпочитал не думать о том, что к ней чувствует.

Радовал только Вим. Щенок отъедался и с каждым днём становился всё пушистее. Нарро он слушался беспрекословно, но остальных не любил. Некоторой долей снисхождения пользовалась Лирин, а к другим оборотням Вим относился настороженно.

Поначалу Нарро собирался отдать приказ насчёт того, что никаких щенков — какими бы уродливыми они не рождались — топить нельзя под страхом изгнания, но после понял, что это не понадобится. Смотритель питомника был хоть и простым, но понятливым оборотнем, а остальные члены стаи, как только узрели Вима, сразу же поменяли приоритеты. А как же иначе, ведь Нарро пользовался среди сородичей безграничным уважением, граничащим с поклонением.

И это поклонение... О Дарида, как же оно его бесило!

Рассказывая о своих чувствах Аравейну, Нарро ожидал чего угодно, только не той реакции, что последовала после этих признаний.

— Поезжай в Лианор, — сказал наставник, не отрывая взора от Моря Скорби — в последнее время оно неизменно появлялась в его снах.

— В Лианор? — с недоумением переспросил Нарро. — Что я там забыл?

— Ты же хотел познакомиться с Эдигором. А тут и официальный повод — день рождения императора. Заодно и развеешься, проветришь мозги... Ну и привези ему щенка, что ли.

Думал дартхари недолго, и спустя сутки после разговора с Аравейном, забрав официальное приглашение на празднование тридцатилетия императора — оно пришло ещё при предыдущем Вожаке — Нарро снарядил карету, выбрал щенка хати и... отправился в путь.

Сопровождающая дартхари охрана в количестве десяти оборотней должна была отправиться назад в Арронтар, как только они достигнут ближайшего города — император обещал Нарро охрану из обычных людей и магов, чтобы не доставлять неудобств сопровождающим Вожака оборотням — всё-таки шесть недель вдали от Арронтара могли выдержать без последствий далеко не все.

Накануне отъезда Нарро долго сидел в кабинете и смотрел на пляшущие языки пламени в камине. И думал о том, что всё это просто дурной сон. И сейчас он закроет глаза, глубоко вздохнёт... а потом откроет их и вновь окажется там, в далёком городе за Снежной пустыней, и рядом, как обычно, будет сидеть и нежно улыбаться Фрэн...

— Нарро...

Этот голос разрушил всё, о чём в тот момент думал Вожак. Заставил вздрогнуть и поморщиться.

Он ведь уже и забыл, что Лирин попросила остаться в кабинете. Забыл... и забылся.

— Да?

Нарро не стал поворачиваться — незачем. Она и так скажет всё, что хотела.

Несколько долгих, каких-то мучительных мгновений...

Треск поленьев в камине...

Шелест ткани платья, сминаемой в кулак...

Вдох... Выдох...

— Ты никогда не простишь меня?

Она прошептала это так тихо, что Нарро подумал — он ослышался. И поэтому переспросил:

— Что?

Голос Лирин дрожал, когда она повторила:

— Ты никогда не простишь меня?

У него моментально испортилось настроение. Больше не хотелось ни смотреть на огонь, ни думать... ничего не хотелось.

Дартхари медленно поднялся с кресла и обернулся.

Лирин стояла возле окна, нервно сжимая и разжимая в кулак шуршащую ткань платья. Там, за окном, давно сгустилась ночь, и казалось, что у Лирин за спиной — огромная чёрная дыра, комок из

боли и воспоминаний, которые ни он, ни она не могут ни забыть, ни пережить.

Нарро сделал несколько шагов вперёд и остановился, не пройдя и половины комнаты. Вгляделся в лицо сестры... Жадное, с голодно мерцающими глазами и дрожащей губой.

Оно ему не понравилось.

— Разве ты просила прощения?

«Разве ты просила прощения?»

Глупая, глупая Лирин... Что ты ожидала услышать? Ты ведь давно поняла, что он не забыл и не простил.

Тот Дэйн, которого ты знала, конечно, простил бы. Но Дэйна больше нет, он умер, а Нарро... он не простит.

Но ты ведь не можешь просто сдаться? Да, ты не можешь. Потому что прощение — единственное, что тебе по-настоящему нужно, единственное, чего ты ждёшь. И ты выдыхаешь, вновь сжимая руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони, только бы не разреветься, как маленькая девочка:

— Прости...

Его лицо напоминает жёсткую древесную кору. Или камень. Даже глаза, кажется, выточены из камня. Всё тот же холод и равнодушие.

— Прости...

Ты повторяешь это слово, как молитву, делаешь шаг вперёд...

Нарро останавливает тебя всего лишь одним движением головы.

— У кого ты просишь прощения, Лирин? У кого?

Она не понимает, о чём он говорит, что именно спрашивает, только сжимает ладони всё сильнее, чувствуя, как по щеке медленно ползёт маленькая слезинка.

Не плакать... Нет-нет, нельзя плакать!

Всего на одно мгновение в глазах Нарро что-то меняется, словно тень какого-то чувства... Ты даже не успеваешь понять, какого...

— Я отвечу за тебя, Лирин. Ты просишь прощения у дартхари. И дартхари тебя не прощает, потому что он... Он — не твой брат, Лирин.

«Он — не твой брат».

Эти слова крутились в её голове, бесконечно повторяясь, когда Нарро медленно выходил из кабинета.

Уже на пороге он тихо сказал, не оборачиваясь, словно боялся, что пожалеет:

— Когда сможешь прийти ко мне не как к дартхари, а как к брату, тогда и поговорим.

Он шагнул за порог, а она осталась стоять возле окна. И заплакала, больше не смущаясь и не таясь — беззвучно, но оттого не менее горько.

А утром он уехал.

Чем дальше Нарро отъезжал от Арронтара, тем сильнее недоумевал. С одной стороны, ему стало легче — всё-таки стражники, в числе которых не было оборотней, лишь обычные люди или маги, относились к нему безо всякого подобострастия — и это подкупало. А с другой стороны...

А вот о другой стороне он предпочитал не думать. Вообще.

Поначалу это было трудно, а потом... А потом новые впечатления затмили мысли о том, что — точнее, кого — он оставил в Арронтаре.

По дороге в столицу всё было другим. Даже небо, даже деревья, даже воздух. Нет, тоже очень красиво, но... не волшебно.

У Арронтара было тело. Кровь. Сердце. Душа. Живой волшебный лес, подаривший ему великий Дар, назвавший его своим Хозяином... Ему не было равных. И теперь, после стольких лет вдали от Арронтара и собственного возвращения, Нарро понимал, как никогда — Фрэн была права. Его место там.

Подобные мысли вызывали досаду. Нет, не из-за правоты Фрэн, а оттого, что он не мог принять этот факт — ведь он отрёкся от тех, кто унижал, швырял камни и мечтал убить, он уехал, он прожил пятьдесят лет вдали от Арронтара... И всё-таки его место было там. Невероятно!

И что с этим делать, Нарро не знал. Забыть, простить и жить так, будто ничего не случилось, не существовало никогда мальчика по имени Дэйнар, которого презирали все без исключения? Нет, он был не готов к такому.

И Лирин лишь подливала масла в огонь. Нарро злился, когда она смотрела на него умоляющими глазами. Он злился, потому что понимал — попросить прощения теперь, когда перед тобой стоит дартхари, сильнейший оборотень в стае — очень просто. А вот попросить прощения у Дэйнара, маленького мальчика, горбуна в

лохмотьях, с синяком на щеке — очень сложно. И Лирин не видела в нём этого мальчика, не видела... Хоть и узнала, но не видела. И просила прощения не у него, а у дартхари.

А ведь Вожаку не было нужно это её «прости». Оно было нужно только Дэйнару. Маленькому обиженному мальчику, который любил свою сестру даже тогда, когда она бросала в него камни.

Глава 3

Рональда

Они приходили за мной.

Я осознала это не сразу. Тогда, сидя у подножия лестницы, прижимая к себе Эдди, я думала только о том, как хорошо, что с мальчиком ничего не случилось. Мне казалось, если я хоть на миг выпущу Эдвина из объятий, произойдёт что-нибудь непоправимое.

В таком состоянии меня и нашли Араилис с Дрейком. Именно они пришли в дом Карвима, чтобы проводить нас с Эдди до дома.

Я помню — они оба что-то говорили. Дрейк, накрыв моё обнажённое тело плащом, пытался забрать Эдди, но мальчик только головой мотал и цеплялся за мою шею изо всех сил. Потом Ари вызвала Эллейн, Аравейна и ещё одного мужчину, который, как я позже узнала, оказался главой Тайной службы императора. Он ушёл почти сразу вместе с Аравейном, захватив с собой напавших на нас тёмных эльфов. Элли и Араилис хлопотали возле Карвима, а Дрейк...

Он сидел рядом со мной и молчал, уже не пытаясь отнять Эдди.

А я... я смотрела ему в глаза и думала: зачем это тебе? Ведь это ты, ты, больше никому... Тёмные эльфы, магия Крови... Но не слишком ли это просто?

Все стрелки указывали на Дрейка, будто специально расставленные...

Лианор уже был во власти ночи, когда мы с Араилис и Эдвином возвращались домой. Мальчик дремал, уткнувшись тёплым носом мне в шею, а мы... мы почти не разговаривали.

В окно кареты дул прохладный ветерок, он пах приближающейся осенью, и я наслаждалась этим запахом, прикрыв глаза. Я всё ещё не могла прочувствовать и осознать до конца, что теперь действительно могу называться оборотнем.

Радовало это меня или огорчало? Не знаю. Ничего не знаю...

— Ронни... — тихий голос Араилис ворвался в мои ленивые мысли. Я отвернулась от окна и посмотрела на девушку. — Ты не сердишься на меня?

— Сержусь?.. — то ли вопрос, то ли утверждение... я сама не поняла.

Белые волосы Араилис казались мне продолжением лунного света. Красиво. Я в шестнадцать лет была совсем другой... впрочем, я и сейчас не слишком отличаюсь от себя прежней. Нос и волосы только стали иными.

— Да. Ты не сердишься? И не обижаешься? Ронни, пожалуйста, скажи.

Я улыбнулась.

— Кто из нас прорицательница, Ари? Ты же сама должна знать, сержусь я или нет.

— Я знаю не всё... И не всегда... Ронни, ну пожалуйста!..

Мне очень хотелось протянуть руку и прикоснуться к ней, чтобы утешить и поддержать. Араилис было трудно. Наверное, труднее, чем остальным, ведь она знала всё-таки немного больше других. Знала, но не говорила.

Но я не могла толком пошевелиться — боялась потревожить Эдвина.

— Я не сержусь и не обижаюсь, Ари. Честное слово.

Она так обрадовалась, будто я сказала что-то замечательное. А потом вдруг подалась вперед и сжала мою руку.

В ту секунду глаза Араилис, вобравшие в себя лунный свет, казались мне не голубыми, а серебряными.

— Я хочу, чтобы ты знала, — произнесла она мягко. — Я уже давно никому и ничего не говорила, но тебе хочу сказать. С Эдди в любом случае всё будет в порядке. Ты понимаешь? *В любом случае.*

У меня перехватило дыхание, а сердце на миг будто остановилось. А потом забилось вновь — с удвоенной силой, когда я осознала, что именно поведала мне Араилис.

В любом случае... Это значит, что Эдвин останется жив во всех вариантах развития будущего! О Дарида, спасибо!

Я хотела выразить Ари свою благодарность, но никак не могла найти правильных слов, и просто хлопала ртом и глазами. Но она,

кажется, и так всё поняла, потому что тихо рассмеялась и сказала:

— Только не говори об этом больше никому, как бы ни хотелось. И береги... своего волчонка.

Я кивнула и, закрыв глаза, прижалась щекой к тёплому лбу Эдди.

Как странно — я не прожила здесь и месяца, а уже в мыслях называю мастерскую Дарта и Тора домом.

Именно об этом я думала, когда карета остановилась возле деревянного здания, и мы вышли наружу. Вокруг нас замерцал воздух — это Ари прощупывала пространство на предмет незваных гостей. Но их не было, и мы спокойно вошли в дом.

— Ронни? Ари? Что случилось, вы должны были прийти уже давно... И где Дрейк? — раздался голос Грэя. — И почему на тебе его плащ?..

Я никак не могла разглядеть Грэя. Черты его лица расплывались, размывались, словно отражение на водной глади.

— Я объясню тебе всё сама, Грэй. Ронни, иди наверх!

— Но...

— Оставь её, потом поговорите.

Эдвин забормотал что-то во сне, и я, кивнув, поспешила на второй этаж. Быстро уложив мальчика, помылась и направилась в свою комнату. На пороге меня встретил громким лаем взволнованный Элфи. Я села рядом с хати на пол и обняла его лохматую шею.

— Привет, дружок.

Он обнюхивал меня, и я почти физически чувствовала удивление Элфи.

— Да, всё верно. Сегодня я впервые превратилась в волчицу.

— Р-гав, — ответил хати.

— Почему так получилось?.. Я очень сильно испугалась за Эдди. Очень сильно. И... вот.

Взгляд умных голубых глаз напомнил мне о Дэйне, и я, встав с пола, направилась к кровати. Постель была такой холодной, что я поёжилась и непроизвольно поджала пальцы ног, укрываясь одеялом с головой и сворачиваясь калачиком. И вспомнила дартхари. Интересно, он был бы рад, если бы узнал, что я всё-таки стала оборотнем?

Я думала, что усну очень быстро, но этого не случилось. Потому что в тот момент, когда голова коснулась подушки, я вдруг осознала

невероятный факт...

Они приходили за мной.

«Где девчонка?». Именно так сказал один из эльфов. Значит, им была нужна именно я. Ни Эдди, ни учитель — я.

Почему? Кому я помешала? Зачем я была нужна этим эльфам? Или тому, кто их послал.

Я сжала кулаки. Теперь я не боялась. Как сказала Араилис, с Эдди в любом случае всё будет в порядке — а с остальным я разберусь.

Но всё-таки... как я умудрилась расшвырять их так быстро и просто? Они ведь тоже маги, а я победила их, будто они были обычными людьми. Я закусила губу, вспоминая...

И вспомнила, но не сразу, что в тот момент, когда я обратилась в волчицу, из меня вырвалась магия Разума, сковав противников по рукам и ногам — так, как я и хотела сделать в самом начале, но не смогла. Почему-то обращение помогло мне сосредоточиться...

... В этот раз сон пришёл внезапно, будто кто-то ударил сзади чем-то тяжёлым по голове, вызвав не сон, но обморок.

Я оказалась на Великой Поляне. И вздрогнула от ужаса, осознав, что попала не просто на Поляну — я вернулась в прошлое, очутившись здесь в ту ночь, когда должно было свершиться моё первое обращение. Всё было точно так же, как тогда — я шла в центр Поляны, чувствуя, как подкашиваются и дрожат ноги, да и руки тоже, как темнеет в глазах.

В горле пересохло. Я попыталась сглотнуть, но не смогла.

Холодными и немеющими пальцами я принялась раздеваться, постепенно скидывая на землю одежду, чуть не плача, потому что они смеялись — по-прежнему смеялись, как и тогда...

Что же это такое?! Прошло почти десять лет! Очнись, Рональда, та ночь давно ушла, растворилась в небытие, исчезла!..

Смех. Ехидный, злой, презрительный и беспощадный. И так хочется втянуть живот и прикрыться руками...

— ТИХО!

Этот голос... он пронзил меня насквозь, как молния пронзает небо во время грозы. И я обернулась — как в ту ночь, сразу обернулась, потому что больше жизни хотела увидеть обладателя этого голоса.

Дартхари смотрел на меня, а я смотрела на него, вновь переживая то удивительное чувство, когда впервые его увидела. Только теперь у меня почему-то сильнее сдавило грудь, в глазах защипало, а сердце забилося так, словно хотело выпрыгнуть из горла.

— Продолжай. Обряд ещё не закончен.

Да, именно так он сказал тогда. И после его слов я вдруг осознала по-настоящему — это сон. Сон, в котором не имеет значения, что я сейчас сделаю — потому что на самом деле всё это происходит лишь в моей голове.

И я просто пошла вперёд. Не обращая внимания на собственную наготу, не слыша удивлённых вздохов и возмущённых шепотков, ничего не слыша... Я смотрела на дартхари Нарро.

Смотрела так, как никогда не смела смотреть — прямо и открыто.

В его присутствии мне всегда хотелось опустить глаза, но только не сейчас. Я шла вперёд, не отрывая взгляда от Вожака, и остановилась лишь когда подошла к нему так близко, что вполне могла бы дотронуться.

— Сегодня я впервые обратилась, — сказала я тихо.

Лёгкая улыбка появилась на губах дартхари.

— Я знаю.

— Знаете? Откуда?

— Просто знаю. Чувствую.

И тогда я сделала то, что всегда хотела сделать — шагнув вперёд, приблизилась к Нарро вплотную и положила обе ладони ему на грудь, вмиг ощутив биение его сильного сердца.

— Это сон, — прошептала я, обвивая руками его шею. — Просто сон, в котором я могу делать всё, что захочу...

— Я и не спорю, — ласковая улыбка, а потом... а потом я ощутила его ладони на своей талии и спине... обнажённой спине. Пальцы пробежались вдоль позвоночника и остановились где-то в районе лопаток.

— Какой хороший сон, — рассмеялась я, прижимаясь щекой к груди дартхари. — Даже слишком хороший.

— Почему «слишком»? — Голос Нарро вибрировал, словно от сдерживаемого смеха.

Я подняла голову и призналась:

— Потому что я ложилась спать с мыслью о том, как было бы замечательно сказать вам, что я всё-таки стала волчицей. Видимо, поэтому вы мне приснились. А ещё... а ещё я так рада вас видеть. И сейчас я гораздо счастливее, чем наяву.

Нарро вдруг наклонился и, целуя меня, прошептал:

— Я тоже, Рональда. Я тоже.

Мир вокруг закружился — быстрее-быстрее-быстрее... А наш поцелуй, наоборот, стал медленным и нежным. И неважно, что на самом деле этого поцелуя не было, никогда не было, он мне просто приснился...

А потом всё исчезло — Великая Поляна, оборотни, дартхари. И я погрузилась в сон без сновидений, в котором меня обнимали чьи-то сильные и крепкие руки.

Утром я какое-то время лежала в постели и глупо улыбалась, ощущая на подушке запах коры ирвиса и осенних листьев. Вспоминала сон и лениво жмурилась. Но потом всё-таки встала и заглянула в зеркало.

Я сделала это просто для того, чтобы причесаться, никак не ожидая, что застыну немым изваянием перед собственным отражением.

Каждый раз, когда с моим внутренним волком что-либо случилось, я менялась. В этот раз глупо было не ждать изменений, но я действительно совсем их не ждала. И сейчас, резко выдохнув, подняла руку, прикасаясь пальцами к губам.

Куда делся мой большой жабий рот? Нет, он по-прежнему был большим, но теперь не казался огромным. Просто губы. Большеватые, но вовсе не безобразные.

Это преобразование изменило моё лицо, сделав его... почти привлекательным. Но если бы это было единственным изменением!

Я приблизилась к зеркалу почти вплотную, разглядывая собственные глаза. Они остались нежно-голубыми, но если присмотреться, можно было заметить крошечные ярко-жёлтые искорки, вспыхивавшие на свету вокруг зрачка. И это было очень красиво. Я никогда не видела ничего подобного.

Я повернула голову вправо, любуясь, как искорки, словно снежинки во время снегопада, кружатся в моих глазах. Затем влево —

они вспыхнули иначе, но не менее красиво.

Интересно, почему глаза у меня не стали жёлтыми, как у остальных оборотней после первого обращения? Ответ на этот вопрос я не знала, но радовалась, что всё осталось почти как прежде. Я любила свои глаза. Они напоминали мне о Дэйне.

Дэйн... Я вздохнула. Как жаль, что друг так и не пришёл ночью в мой сон. Но ничего, сегодня я непременно расскажу ему о случившемся, и всё будет хорошо.

В дверь тихо и осторожно постучали.

— Ронни?..

Я отпрыгнула от зеркала и ответила почти сразу, не думая:

— Да, Грэй!

Видимо, он решил, что я одета, потому что моментально вошёл, закрыл за собой дверь и только потом посмотрел на меня. Лицо мужчины окаменело.

Я почувствовала, что щёки начинают гореть, будто я целый час стояла на открытом солнце.

— Прости, — пробормотала я, непроизвольно поджимая пальцы босых ног. — Я совсем забыла, что не одета... Отвернись, пожалуйста.

Несколько секунд Грэй продолжал стоять, как приклеенный, но потом всё-таки отвернулся. Только тогда я смогла выдохнуть, чувствуя, как краска сползает с щёк.

Ерунда, ночнушка почти до пола, плотная... Почему я так смутилась?.. Тем более, что подобная ситуация однажды уже была...

Я решительно подошла к шкафу, распахнула створки, скинула ночнушку и принялась одеваться. Пару минут, пока я натягивала на себя одежду, Грэй молча стоял, и я ощущала его напряжение. Неужели я настолько плохо выгляжу?

— Всё, можешь оборачиваться, — я наконец застегнула пуговицы на платье и вновь шагнула к зеркалу — волосы продолжали струиться по плечам и спине пушистой золотой волной, их следовало хорошенько расчесать.

Я взяла в руки расчёску и прежде, чем начать расчёсывание, метнула быстрый взгляд на Грэя.

Наверное, зря я это сделала, потому что выражение его лица меня изрядно напугало. Напугало так, что расчёска выпала из рук и с оглушительным стуком повалилась на пол.

— Что случилось? — я резко развернулась... и удивительным образом оказалась стоящей почти вплотную к Грэю. Видимо, когда я оборачивалась, он сделал несколько шагов вперёд.

— Ничего. Теперь уже ничего.

Подняв руку, мужчина легко дотронулся до моих волос.

— Спасибо, Ронни.

— За что?

— За Эдвина. Если бы не ты... — Тёплые пальцы переместились с волос на щёку, от чего мне резко захотелось закрыть глаза и заурчать. — Спасибо.

То выражение лица Грэя, которое испугало меня, теперь постепенно исчезало, сменяясь такой удивительной нежностью, что хотелось... хотелось...

И я сделала то, чего мне так хотелось — подняв руки, обняла его крепко-крепко, прижалась, и почувствовала, как он легко касается губами моих распущенных волос... почему-то улыбаясь.

— Тебе не за что меня благодарить. Я очень люблю Эдди.

Как же уютно... Так не хочется, чтобы Грэй разжимал руки. Сейчас его ладони лежали на моей спине, и казалось, что пока я так стою, не может случиться ничего плохого. В детстве Джерард, когда хотел спрятаться, говорил: «Я в домике». Вот и я в объятиях Грэя чувствовала себя... в домике.

— Пожалуйста, пойдём сегодня со мной в императорский дворец, — прошептал мужчина, запуская пальцы одной руки мне в волосы в районе затылка, чтобы затем медленно провести по всей их длине, заставляя закрыть глаза и тихо выдохнуть от удовольствия. — Прошу тебя, Ронни. Я очень боюсь оставлять вас с Эдди вдали от себя.

— Знаешь, я бы сейчас согласилась на всё, что угодно, — прошептала я, поднимая голову и встречаясь с Грэем взглядом. — Абсолютно на всё. Поэтому — да.

Он улыбнулся и спросил:

— Почему?

Я ответила абсолютно серьёзно:

— Потому что об этом просишь ты, Грэй. Я сделаю всё ради тебя. И ради Эдди.

Странное тепло разливалось в груди, будто я прижимала к ней чашку с горячим чаем. А Грэй... он тоже смотрел на меня очень

серьёзно, и в его глазах я видела своё отражение.

Впервые в жизни это отражение показалось мне удивительно прекрасным.

А потом он посмотрел на мои губы. И я почему-то замерла. Почему, я не понимала, путаясь в собственных ощущениях, но непроизвольно подняла голову выше, чтобы ему было удобнее...

Губы Грэя почти касались моих, когда с первого этажа раздался оглушительный грохот и чей-то вопль:

— Ари!!!

Мы непроизвольно отпрянули друг от друга и несколько секунд молчали, прислушиваясь к крикам с первого этажа, а затем я предложила:

— Пошли вниз?

Он кивнул и, развернувшись, первым вышел из комнаты.

Вообще-то Ари не сделала ничего необычного, просто расколотила горшок с кашей. Но Гал этим фактом был очень недоволен — ведь получалось, что теперь нам с Грэем нечем позавтракать. Все остальные, даже Эдди, уже поели.

— Да их во дворце покормят, — огрызалась девушка в ответ на упрёки тролля. — Там сразу притащат к столу любимое блюдо его высочества, ты же знаешь...

— А какое у его высочества любимое блюдо? — спросила я ещё с верхних ступенек лестницы, широко улыбаясь: покрасневшие в пылу ссоры Араилис с Бугалоном выглядели действительно очень забавно.

Кажется, я спросила что-то не то, потому что Гал побледнел, и даже Ари смутилась.

Ответил Грэй.

— Яичница с гренками. Принц Интамар на завтрак больше всего любит яичницу с гренками.

— Фи, как неромантично, — я рассмеялась. — Он же принц! И тут вдруг — яичница с гренками!

Мужчина улыбнулся, но как-то натянуто.

— Принцы тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо, — буркнул он, а потом обратился к Галу: — Где Эдвин?

— В мастерской вместе с Элфи.

С лица Грэя сразу схлынули все краски.

— Я же просил следить за ним, Ари!! — зарычал он так громко, что я пошатнулась и чуть не упала с лестницы. Араилис же только чуть поморщилась.

— Да не волнуйся ты. Там... ну, в общем, в мастерской мама.

На щеках Грэя появились красные пятна.

— Эллейн? Что она здесь делает?

— Собирается проводить тебя, Ронни и Эдвина во дворец, — Араилис нахмурилась. — И если ты против, говори ей об этом сам! Я не собираюсь лезть под горячую руку.

Только я собиралась спросить, отчего рука у Элли сегодня горячая, как дверь, ведущая в мастерскую Дарта и Тора, распахнулась, и на пороге появились Эдди и сама Эллейн.

— Доброе утро, — сказала она, доброжелательно кивнув.

— Доброе! — радостно закричал Эдди, побежал вперёд и вмиг оказался рядом со мной. Я подхватила мальчика на руки и прошептала ему на ушко:

— Доброе, мой волчонок. Помни о своём обещании не называть меня мамой при папе.

Эдвин серьёзно кивнул и чмокнул меня в щёку.

— Мы можем добраться и сами, герцогиня, — услышала я вдруг напряжённый голос Грэя. — Не обязательно нас провожать.

Я опустила Эдди на пол и посмотрела на Эллейн. Она спокойно улыбалась, глядя на мужчину, вот только глаза её светились жутковатым зелёным светом.

— Я прошу позволить мне проводить вас... герцог, — Элли улыбнулась чуть шире, склонила голову и почтительно присела.

Грэй резко выдохнул, мрачней.

— Хорошо. Провожай. Пойдёмте, Ронни, Эдди.

Ботинки Грэя зло скрипели, когда он выходил из дома. Я взяла его сына за руку и поспешила следом.

Через несколько десятков минут мы были возле императорского замка. Грэй с Эдди на руках выбрался на улицу первым. Затем вышла я, последней ступила на землю Эллейн.

Ветер пошевелил выбившиеся из косы прядки волос, будто играя. Странное ощущение в области сердца... ощущение чьего-то

присутствия. Здесь, совсем рядом.

Я огляделась. Воздуха почему-то не хватало, хотелось открыть рот как можно шире, и дышать, дышать, дышать... Что со мной?

— Ронни, — окликнул меня Грэй, — я пойду... император ждёт. Пожалуйста, не уходи домой до того, как я освобожусь... и приглядывай за Эдди.

— Конечно, Грэй.

Мужчина передал мне мальчика и, напоследок чмокнув сына в щёку, поспешил вверх по лестнице, а мы с Эллейн и Эдди решили прогуляться по императорскому парку.

И чем глубже мы туда уходили, тем тревожнее становилось у меня на сердце. Не понимая, в чём причина подобного состояния, я нервно оглядывалась по сторонам, но не замечала ничего необычного.

А в воздухе всё сильнее пахло осенью, и даже листья уже начали немного желтеть. С самого края, и совсем чуть-чуть, но всё же. Осень в Арронтаре я всегда любила, интересно, полюблю ли здесь?

Впрочем, главное, чтобы рядом были Грэй и Эдди...

— Ронни...

Я обернулась. Задумавшись, я не заметила, как ушла чуть вперёд, и теперь Эдвин и Эллейн остались позади. Они играли в огненный мяч, на поверхности которого герцогиня выращивала волшебные цветы, отчего ребёнок поминутно радостно взвизгивал.

— Кое-кто хочет с тобой поговорить. Иди по этой дорожке вперёд, а мы подождём тебя здесь.

— Кто? — я удивилась.

— Иди, — Элли улыбнулась. — Сама увидишь. Не бойся, с Эдди всё будет хорошо.

Я кивнула, отвернулась и поспешила вперёд, ощущая, как мелкая галька чуть поскрипывает у меня под ногами.

Дорожка привела меня к удивительному месту. Это был пруд. Наверное, искусственный, потому что таких круглых водоёмов просто не может быть. А он был именно таким — идеально круглым, с выложенными вокруг берега тёмно-серыми камнями, спокойной водой, отражавшей голубое и безмятежное небо, и россыпью кувшинок на поверхности. Такие кувшинки называются «путеводной звездой» — днём они просто белые и распространяют вокруг себя

дивный сладкий аромат, а ночью светятся, указывая путь заблудившимся. И растут эти цветы только в кристально чистой воде.

На моем любимом озере в Арронтаре «путеводная звезда» тоже всегда появлялась в это время года.

Я медленно подошла к краю пруда и, сев рядом, погрузила в воду руку по самый локоть. Прохладные иголочки пробежались по коже, пощекотав её...

Звук чьих-то тихих, осторожных шагов заставил меня приподнять голову, оторвавшись от созерцания плавающих на поверхности пруда ало-золотых рыбок. И я тут же застыла, не веря своим глазам... отказываясь верить... не понимая, как такое возможно...

С другой стороны водоёма ко мне медленно шёл дартхари Нарро.

Я вскочила, сжимая руки в кулаки, чувствуя, как с одной ладони на траву капает вода. Вокруг стояла такая тишина, что я почти слышала стук капель, ударяющихся о землю.

Это сон?

Хотелось закрыть глаза, развернуться и убежать. Потому что на самом деле я прекрасно осознавала — это не сон!

Ох, Элли... «Кое-кто хочет с тобой поговорить»... Ну зачем ты так со мной?

Я пыталась смотреть на Нарро прямо и открыто, как во сне, но не получалось. И я, поняв всю бесполезность собственных попыток, всё-таки опустила голову.

— Здравствуй, Рональда.

Он остановился в шаге, всего в одном шаге от меня... И по всему телу вмиг пробежала дрожь, когда я услышала этот голос. Услышала по-настоящему, а не во сне.

— Здравствуйте, дартхари.

Молчание.

Почему молчала я, я осознавала прекрасно, но вот почему молчал он?

— Я... очень рада вас видеть.

Он тихо рассмеялся, и я закрыла глаза, чувствуя, что ещё немного, и я просто не выдержу...

— Ты даже не смотришь на меня. Разве это радость?

Я опустила голову ниже.

— Простите, дартхари, я не могу...

Я дёрнулась, попытавшись уйти, но поняла тщетность этой попытки, как только почувствовала его руку на своем локте. Вторая рука мягко прикоснулась к подбородку и заставила меня приподнять голову.

Дартхари улыбался. Нежно и чарующе.

И глаза... какие ласковые...

Но ведь они и раньше были такими... всегда были! Почему мне понадобилось уехать, чтобы это осознать?

— Ты счастлива здесь, Рональда? — произнёс он спокойно, а моё сердце колотилось в груди, как бешеное. Я вспомнила, как дартхари спросил меня, хочу ли я уехать из Арронтара. Вспомнила, как он отпустил меня, и как я прибежала вечером, чтобы проститься. Вспомнила своё письмо.

Наверное, он прочитал. *Простите, но мне так хотелось хотя бы раз назвать вас просто по имени...*

Глупая, глупая Рональда.

— Да. Я счастлива здесь, дартхари.

Я сказала правду. Я никогда не могла лгать ему. Кому угодно, только не ему.

В тёплых глазах Нарро вспыхнули и закружились ярко-голубые искорки. Совсем как у меня, только мои — ярко-жёлтые...

— Что ты нашла здесь? Расскажи.

Знакомые пальцы погладили подбородок, прикоснулись к нижней губе... Одно мгновение мне хотелось сделать глупость и лизнуть их. Ох, уймись, волчица!..

— Здесь приняли меня такой, какая я есть. Поддержали и полюбили... и я полюбила их тоже, дартхари. Полюбила, как...

— Семейю?

Я вздрогнула, потому что он нашёл то единственное слово, которое я носила глубоко внутри себя, но боялась произносить. Словно опасаясь спугнуть давно родившееся чувство.

— Да, дартхари.

Нарро вздохнул и погладил меня по щеке. Ласково и почти невесомо.

— Я очень рад за тебя, Рональда.

Мне тоже хотелось поднять руки и дотронуться до него. Ощутить ещё раз силу этих плеч, прижаться к груди, услышать биение сердца...

Как тогда, во сне. Но я не смела.

— Вы... не снимаете мой амулет?

— Не снимаю, — он улыбнулся. — И не сниму, не волнуйся. Спасибо тебе за него.

Большая тёплая рука скользнула на талию, и дыхание на миг перехватило.

— Рональда... Я хочу спросить тебя. Ты могла бы вернуться в Арронтар?

Я ужасно удивилась, но Нарро спрашивал серьёзно, без улыбки.

— Зачем, дартхари? Там у меня нет будущего.

— И всё-таки?

Я покачала головой.

— Нет. Арронтар остался... в прошлом.

Почему его глаза кажутся мне такими горькими? Как тогда, когда я сказала, что хочу уехать.

— А если я попрошу тебя вернуться? — сказал он, и рука на талии чуть сжалась. — Рональда, ты могла бы вернуться... ради меня?

Вот тут я задохнулась по-настоящему.

Я не понимала...

Зачем Вожаку просить об этом?

И даже если он попросит... разве это что-то изменит? Разве это изменит моё прошлое, тысячи брошенных камней, предательство брата, презрение окружающих, отречение... Родителей, которые меня никогда не любили, жестокие слова, сказанные мне в совершенной уверенности в собственной правоте?

Я больше не хотела быть жабой. Никогда. Ни единой секунды.

И Нарро прочёл ответ на свой вопрос в моих глазах до того, как я его озвучила.

— Нет. Я... не могла бы. Нет, дартхари.

Впервые в жизни он опустил голову. Он, не я.

— Дартхари?..

И вдруг он, вздохнув, крепко прижал меня к себе. Как в тот вечер, перед моим отъездом. И со слезами, вскипающими в глазах, я поняла — прощается.

Нарро прощался со мной, и теперь уже — навсегда.

Большая рука пробежалась по спине, погладила волосы, задержавшись на затылке.

— Прости меня, Рональда. Прости меня, девочка. Прости за то, что так и не дал тебе того, чего ты всегда заслуживала. Прости за каждую секунду причинённой боли. Во всём этом виноват только я. Я один.

— Нет, нет, что вы...

— Ты ничего не знаешь, Рональда. Я глупец, слепец и трус. И...

— Нет-нет! — закричала я, обнимая его изо всех сил. — Не говорите так! Вы самый лучший, вы... Если бы не вы, я бы не смогла... Я бы умерла, понимаете? Только вы давали мне силы всегда... Одно ваше присутствие!

Я говорила правду. Тогда, после Ночи Первого Обращения, меня поддерживали только мысли о дартхари.

И Дэйн.

— Не вините себя ни в чём! Я...

Я задохнулась. Почему я не могу сказать? Ведь он знает, всегда знал... Но почему я не могу сказать это вслух?!

Мне никогда не хватит смелости, даже если пройдёт пятьдесят лет.

Так я подумала однажды, так подумала и сейчас.

— Спасибо тебе, Рональда. Будь счастлива, — произнёс Нарро негромко, и я чуть не умерла, когда он прижался горячими губами к моему виску. Потом к щеке, и наконец к уголку рта. Всего на мгновение.

— Буду, обещаю, — почему-то ответила я.

Он кивнул.

Развернулся и... ушёл, не оборачиваясь.

А я упала на траву, сжала кулаки и, чувствуя, как прорвавшиеся когти на руках впиваются в кожу и на землю капает тёплая кровь, тихо, но горько заплакала.

Глава 4

Рональда

Я вернулась к Эллейн и Эдди спустя пятнадцать минут, когда мне удалось унять слёзы и, умывшись прохладной водой из пруда, привести в порядок лицо.

Она что-то рассказывала ему, сидя на лавочке. Я не слышала ни слова, но её тихий и серьёзный голос успокаивал и убаюкивал. Вот и Эдди притих на коленках герцогини.

Я выдавила улыбку на губы и подошла ближе.

Эллейн заметила меня первой. Она подняла голову, и в её взгляде я заметила стыд.

— Мама! — воскликнул Эдди, соскакивая с колен главного дворцового лекаря, и бросился ко мне. — Ты долго! Пошли в замок?

Я погладила своего волчонка по голове и ответила:

— Конечно, пойдём, Эдди.

Но смотрела я в этот момент на виноватую улыбку Эллейн и в её тревожные ярко-зелёные глаза. Герцогиня встала с лавочки, сделала шаг и положила руку мне на плечо.

— Да, нам лучше вернуться в замок. К тому же, ты не завтракала, Рональда.

— Тогда вперёд! — закричал Эдвин и побежал по направлению к дворцу. Я только успела крикнуть, чтобы он не убежал слишком далеко, как Элли вдруг убрала руку с моего плеча и дотронулась кончиками пальцев до моей ладони.

— Прости, — прошептала она едва слышно.

Я усмехнулась и опустила голову, чтобы скрыть мгновенно повлажневшие глаза.

— Не делай так больше, — попросила я. — Если бы ты сказала, я бы по крайней мере не чувствовала себя преданной.

— Я боялась, что ты не захочешь говорить с ним.

Я рассмеялась и всё-таки посмотрела Эллейн в глаза.

— Я никогда не смогла бы отказать дартхари Нарро. Никогда...

Она грустно улыбнулась и вздохнула.

— Но ведь сегодня ты ему отказала, Ронни.

Я отвела взгляд.

— Да. Я... а откуда ты знаешь?

Почему-то тот факт, что Эллейн в курсе содержания нашего с дартхари диалога, меня не удивил, но любопытно всё равно было.

— Я просто догадалась, — она пожала плечами. — Это несложно. Пойдём скорее за Эдди, пока он не убежал слишком далеко.

Через минуту, когда мы нагнали мальчика, я решила сменить тему, не в силах обсуждать разговор с Нарро.

— Как учитель Карвим? Он?..

— С ним всё будет в порядке. Не волнуйся. Утром он пришёл в сознание и даже начал ругаться, что из-за этих эльфов ему придётся неделю провести в постели.

— А что они сказали? Кто их нанял?

Эллейн поморщилась.

— Там всё очень плохо, — ответила она негромко, но по моей спине почему-то побежали мурашки. — Мы залезли к ним в голову, чтобы выудить воспоминания, но без толку. Наниматель сделал всё, чтобы скрыть свою личность. Но за заказ было очень щедро заплачено, поэтому они и взялись, не сомневаясь. Да и что там сомневаться — в доме были только Карвим, ты и Эдди. Как глупо с моей стороны!

— С твоей? — я удивилась. — При чём здесь ты?

Эллейн уже открыла рот, чтобы ответить, но вдруг закашлялась, словно боясь проговориться о какой-то тайне, и виновато покосилась на меня.

— В тот день, когда Грэй ушёл из дворца, забрав с собой новорождённого Эдвина, и заявил, что больше не хочет иметь ничего общего с императорской семьёй, его величество попросил меня следить за... безопасностью обоих. Именно поэтому я приставила к Грэю Араилис — так я всегда могла быть в курсе всего, тогда как меня саму он и близко к себе не подпускал, — Элли вздохнула. — Да и до сих пор... Грэй был против того, чтобы я общалась с его сыном, и очень злился на Араилис, когда она нас познакомила. И вчера я была обязана подумать о возможности нападения... но не подумала.

Я покачала головой.

— Невозможно так жить, всё время думать о возможности нападения...

— Эдигор всю жизнь так живёт, — она рассмеялась, но смех получился каким-то грустным. — И не только он. Все приближённые к императору.

Мы в тот момент уже подходили к замку. Эдди стоял на ступеньках лестницы и что-то увлечённо рассказывал улыбающемуся стражнику, который вмиг прекратил улыбаться, когда парадные двери отворились и на пороге появились его величество с серой птицей на плече, Аравейн и Грэй.

Мне захотелось развернуться и убежать. Куда угодно, только бы ни с кем не общаться. После разговора с Нарро это казалось невыносимым...

— Дедушка! — закричал Эдди, кинулся вперёд и немедленно повис на руках императора.

— Ронни! — Грэй сбежал по лестнице, встал передо мной, положил руки на плечи и заглянул в глаза. — Что-то случилось?

Кажется, у меня задрожали губы.

Откуда... откуда он знает?..

Ответить я не могла — не находила слов. Почему-то, когда я разговаривала с одной Эллейн, было легче, чем сейчас, когда вокруг столько людей.

— Грэй! — послышался голос императора. — Я думаю, тебе стоит пойти вместе с Эдвином к Дориане, она будет рада вас видеть. Оставишь там мальчика и вернёшься в малый рабочий кабинет.

— Но...

— Без «но», — отрезал Эдигор. — Аравейн, Элли, проводите Грэя и Эдвига в покои императрицы.

Я даже не обратила внимания, что его величество не назвал моего имени, пока вдруг не прозвучало:

— Рональда, подойди.

Я подняла голову, внезапно осознав, что рядом никого не осталось — все поспешили исполнить указание императора. Даже Грэй ушёл, забрав с собой Эдди.

Стало легче. Если бы ещё Эдигор соблаговолил отпустить меня на все четыре стороны... Но он не соблаговолил — стоял на верхней

ступеньке и ждал, пока я подойду.

Я вздохнула и подчинилась.

Император сегодня был во всём чёрном — чёрная рубашка, брюки, ботинки... И походил на мрачную предгрозовую тучу. Но этот его облик не вязался с ласковой улыбкой, которой он наградил меня, когда я подошла вплотную.

— Ты ведь не завтракала?

Я покачала головой.

— Пойдём.

Эдигор взял меня под руку, развернулся и повёл за собой во дворец. Я бы хотела сказать: «Не нужно, оставьте» — но не могла. Сил сопротивляться не было.

Император шёл быстро, не выпуская моего локтя из железной хватки. Один этаж, второй, третий... Рядом мелькали разноцветные ковры, красивые вазы, каменные полы и стены, изысканные картины, свежие цветы повсюду... Я ни на чём не могла сосредоточиться, кроме собственного дыхания. А ещё моргала почаще, чтобы не разреветься.

Неприметная деревянная дверь привела нас на узкую винтовую лестницу, по которой мы поднимались всё выше, и выше, и выше... Пока наконец не очутились возле дверного проёма, за которым оказался проход на крышу дворца.

Я задрожала от восторга, делая вперёд шаг за шагом, чувствуя, как Эдигор отпускает мой локоть, позволяя отойти от него подальше.

Здесь было удивительно. Вокруг раскинулся лес — эта башня находилась на такой высоте, что город можно было увидеть, только если подойти к самому краю крыши, а пока стоишь так, как я, впереди лишь лес... и небо. Синее, с белыми разводами облаков. И воздух, какой воздух!

Слёзы всё-таки брызнули из глаз, потому что на одно мгновение мне показалось, что я вновь в Арронтаре. Только там я чувствовала себя такой свободной, только там я могла дышать полной грудью... несмотря на то, что была несчастна и одинока.

Но эти слёзы принесли мне облегчение.

— Я приходил сюда с детства, в те дни, когда был чем-то расстроен или просто не хотел никого видеть, — донёсся до меня тихий голос императора. — Здесь хорошо в любую погоду, даже в дождь. Это место всегда меня успокаивало. Возьми, — Эдигор встал

сзади и протянул мне спелый ямол на открытой ладони. Я взяла плод, не колеблясь ни секунды.

Он был тёплым и таким аппетитным, что я тут же откусила кусочек, чувствуя, как по подбородку и пальцам побежал ароматный сок.

Пока я ела, император молчал. И лишь когда я разделалась с фруктом и застыла, не зная, куда деть косточку, забрал её у меня и тихо сказал:

— Понимаю, это не полноценный завтрак, но лучше, чем ничего. Если хочешь, мы спустимся и...

— Нет, — поспешила ответить я, — мне тут хорошо. Вы можете оставить меня, а сами возвращайтесь к делам.

— Если не возражаешь, я пока побуду с тобой.

Хлопанье крыльев. Птица Эллейн покинула наконец плечо Эдигора и полетела куда-то вниз. Наверное, ей наскучил наш разговор.

— Разве я могу возражать? Это ведь ваше место.

Император сделал ещё шаг — я уже почти чувствовала спиной его грудь — и произнёс:

— Если тебе здесь нравится, это место станет и твоим тоже.

Я не знала, что такое родительская ласка, но почему-то распознала её совершенно безошибочно, когда император вдруг положил ладони мне на плечи.

— Он обнимал тебя, Рональда? Хоть раз в жизни?

Я сразу поняла, о ком спрашивает Эдигор.

— Нет.

Вздых.

А потом я впервые в жизни оказалась в крепких отцовских объятиях. Обернулась, спрятала лицо на груди, как много раз хотела сделать в детстве, сжала в кулаки ткань рубашки и закрыла глаза.

— Зачем вы это делаете? — прошептала я. — Почему так относитесь ко мне?

— Потому что очень хорошо знаю, что это такое — жить без родительской любви. Рональда... конечно, я не смогу заменить тебе отца в полном смысле этого слова, ведь ты уже взрослая девушка, но если тебе будет нужна моя помощь и поддержка — приходи не колеблясь.

Как странно. Я, жаба-Рональда, стою на крыше рядом с императором, и он предлагает мне свою поддержку. Он готов принять меня такой, какая я есть, в отличие от...

— Расскажи мне всё, — продолжил он тихо, погладив меня по волосам. — Если хочешь. С самого начала.

И я рассказала. Впервые в жизни. Абсолютно всё.

Про родителей и брата, про любовь к Нарро, про встречу с Грэм... Даже про Дэйна.

Я не знаю, сколько мы пробыли там, на крыше императорского дворца. Устав стоять, Эдигор сел и пристроил меня рядом с собой, а я всё говорила, говорила, говорила...

А когда я закончила, он обнял меня и дал выплакаться.

— Ты очень сильная, Рональда.

— Нет-нет... Видите, как я плачу? Разве так бывает с сильными?

— Всё бывает. А ты просто не веришь в собственную силу. Именно поэтому ты так долго не могла превратиться в волчицу — не верила в себя.

— Потому что меня не любили.

— Возможно. А может, ты просто не замечала. В любом случае, я говорю о твоей любви к самой себе. Ты презирала саму себя, хотя на самом деле ничто не мешало тебе себя полюбить.

— Полюбить? Такую страшную жа...

Он прижал палец к моим губам и покачал головой.

— Это неважно. Какая бы ты ни была, ты — это ты. И пока ты не научишься любить себя, счастливой не станешь.

— Но в Арронтаре...

— Теперь ты не в Арронтаре. И на самом деле от него не слишком много зависит. Всё зависит только от тебя самой, Рональда. Просто поверь.

Я рассмеялась.

— Просто?..

— Да. На самом деле это действительно просто. Вера не требует доказательств. Либо ты веришь, либо нет — вот и всё.

Ветер пошевелил мои волосы, прошептал что-то на ухо... Но что, я не смогла расслышать.

Нарро... «Вера»... Интересно, почему родители назвали его именно так?

— А вы?

— Что — я?

— Вы... верите? В меня?

Глубокие тёмные глаза императора смеялись, когда он ответил, легко касаясь ладонью моих волос:

— Я бы не сидел здесь с тобой, если бы не верил. Но дело не во мне, и не в Эдди, и не в Грэе, и даже не в Нарро. Ты должна сама научиться жить, не оглядываясь на прошлое. Арронтар остался позади. Отпусти его. И иди вперёд.

Позади...

— Но почему тогда так больно?

— Возможно, больно будет всегда. А может, всё пройдёт. Посмотрим, — император чуть сжал мою ладонь.

А я закрыла глаза, вспоминая... И обещая самой себе, что это в последний раз.

Смех брата, улыбку сестры, холодные глаза отца, гордую осанку мамы, пустую хижину, полную гнилых листьев, презрительные смешки за спиной, хруст снега, шепот ветра в кронах деревьев, запах дождя и мокрой земли...

И дартхари.

Удивительно, но когда я сидела на крыше дворца, и император сжимал мою руку, я вдруг почувствовала, что родилась новая Рональда. Именно в тот миг.

Почему?

Возможно, именно тогда я по-настоящему смогла перевернуть эту страницу. Не простить, нет. И не забыть. Просто перевернуть и посмотреть вперёд.

— Спасибо.

— Тебе не за что меня благодарить.

Я улыбнулась.

— А за веру?

— За веру не благодарят. Так же, как и за любовь.

Если бы словами можно было убить, я бы умерла в тот же миг.

Я всегда считала, что не заслуживаю любви, и всех тех, кто относился ко мне хорошо, готова была бесконечно благодарить, а

теперь оказывается, что за это не благодарят?..

А Эдигор улыбался, глядя на моё удивлённое лицо...

— Пойдём вниз? Тебя Эдди наверняка уже заждался. Да и поест нормально не мешает. Я голоден, а голодный император — это страшно.

Я кивнула и поднялась, неожиданно поняв, что проголодалась. Время уже наверняка почти обеденное, а я до сих пор не съела ничего, кроме одного ямола. Да и его величеству пора возвращаться к делам, наверняка ему есть чем заняться, а он тут вместо этого со мной на крыше сидит.

А ещё я вдруг подумала, что теперь вовсе не против познакомиться с остальными членами венценосной семьи, ведь император оказался совсем не таким, как я представляла.

Вот только говорить это Эдигору я пока не решилась.

По дороге я расспрашивала императора об эльфах, которые накануне напали на нас с Карвимом. Я в полной мере осознала, почему Эллейн утром была не в духе — Эдигора тоже совсем не радовал тот факт, что узнать ничего толком не удалось, кроме одного — эльфы были уверены, что наниматель также является представителем их народа. Но когда я сказала императору, что это неплохая зацепка, он лишь рассмеялся.

— Хороший маг, вот и всё. И не обязательно эльф.

— Но магией Крови ведь владеют только эльфы, — попыталась возразить я, вспомнив, о чём ещё рассказали напавшие на нас: наниматель был магом Крови.

Эдигор фыркнул.

— Это распространённое заблуждение. Среди остальных рас тоже бывают маги Крови, даже среди людей, хоть и редко. Просто тёмные эльфы традиционно считают, что это их расовая особенность. Повторюсь, это заблуждение. Но в одном им не откажешь — именно тёмные эльфы создали самые извращённые проклятья. Тут уж они точно впереди всей империи.

— Сомнительное какое-то достижение... — пробормотала я, а Эдигор рассмеялся.

— Ну уж какое есть. Я в хороших отношениях с Повелителем Робиаром, и он охотно делится со мной известными сведениями по

проклятьям, пару раз они даже спасали жизнь главе Тайной службы, герцогу Кроссу, ночью ты должна была его видеть.

Я кивнула.

— Хотя кое-какие проклятья снять практически невозможно. К примеру, проклятье чёрной крови. Слышала про такое? Есть один способ, но для этого придётся пожертвовать жизнью. Нужно заменить кровь проклятого на собственную, а его кровь забрать себе.

— На подобное немногие способны, — пробормотала я, имея в виду не только моральную составляющую, но и физическую: не все маги смогли бы поменяться кровью. Я, например, знала, как это делается, но чисто теоретически. — И что теперь будет с ними? Я имею в виду эльфов. Их... казнят?

Император пожал плечами.

— Возможно, — а потом, кинув на меня мимолётный взгляд, улыбнулся и укоризненно сказал: — Тебя учили магии, Рональда, но совершенно упустили из виду светское воспитание. Если бы ты хорошо знала законы империи, то не задавала бы подобных вопросов.

Мне стало неловко. Я поняла это ещё путешествуя с Грэм — я была полным неучем по части законов, географии, истории и традиций других рас. Нет, конечно, что-то я знала, но уж по сравнению с императором...

— Ну-ну, не переживай. Это дело наживное. Да и учить тебя будет лучший учитель из возможных.

— Аравейн? — испугалась я. Нет, я, конечно, уважала главного придворного мага и императорского наставника, но вот учиться у него не хотелось совершенно.

— Нет, — Эдигор рассмеялся. — Аравейну хватает учеников на данный момент. Да и не обучает он никого истории и законам, для этого во дворце есть другие учителя. Но обучать тебя... буду я сам, Рональда.

От удивления я остановилась посреди коридора, как будто меня кто-то в землю вкопал.

— В-вы? — пробормотала я, с недоумением уставившись на улыбающегося императора.

— Да. Тебя что-то не устраивает? — Его голос чуть дрожал от смеха, и мне тоже вдруг стало смешно.

— Всё устраивает, — фыркнула я, сдаваясь: спрашивать Эдигора о том, почему он решил обучать меня, было совершенно бессмысленно. Он бы просто отшутился.

— Тогда будешь приходить сюда два раза в неделю. Когда именно, решим потом, — император, по-прежнему улыбаясь, подал мне руку. И я в который раз приняла её, мысленно поражаясь, как быстро, незаметно и непринуждённо этот человек вошёл в мою жизнь. И как умело он мной манипулировал.

Впрочем, последнее неудивительно. Император всё-таки.

Его величество отвёл меня в комнату, где был Эдди — он сидел на коленях у какой-то женщины и увлечённо рассматривал книжку размером с самого себя. И я поняла, кто эта женщина, ещё до того, как она повернулась к нам с лёгкой полуулыбкой на губах. И тут же Эдди развеял все сомнения, воскликнув:

— Мама! Дедушка! Посмотрите, какую книжку мне бабушка показывает!

Бабушка. Императрица.

У неё было приятное лицо с мягкими чертами и смугловатой кожей, как у всех мирнарийцев. Синее платье чрезвычайно ей шло, сеточка того же цвета держала тяжёлые тёмные локоны, оттеняя цвет глубоких серых глаз. Я бы назвала подобные глаза туманными — в них как будто клубился туман, закручиваясь в спирали.

Подобные глаза обычно бывают у эмпатов, хотя и не всегда. Получается, императрица — эмпат?..

— Ана, позволь представить тебе ту самую Рональду, о которой мы так много слышали. Рональда, познакомься с моей женой — Дориана Альтерр, императрица Эрамирская.

Я собиралась почтительно присесть, но Эдигор так сжал мой локоть, что я совершенно не могла этого сделать. Чуть дёрнулась, чтобы высвободиться, но застыла, услышав вдруг тихий смех императрицы.

— Эд, зачем ты так официально? В конце концов, это же не приём. Иди сюда, Рональда, я очень рада с тобой познакомиться. — Она кивнула на место на диване рядом с собой и Эдди.

— Я ненадолго вас оставлю, — сказал его величество, когда я осторожно опустилась на диван рядом с императрицей. — Ана, прошу

ещё раз...

— Я поняла, Эд, — она вздохнула. — Я не одобряю, но... обещаю.

— Спасибо.

Эдигор благодарно кивнул и вышел из комнаты. А мне оставалось только гадать, о чём они говорили. Сплошные загадки кругом.

— Сейчас принесут обед для Эдди и завтрак для тебя, Рональда, — сказала императрица. — Ты, наверное, очень голодна?

Я кивнула.

— Мам, смотри! — мальчик дёрнул меня за рукав платья. — Тут книжка про птиц. Я таких никогда не видел! Смотри!

Я, улыбаясь, наклонилась над книгой. Она была очень красивой, с цветными рисунками на весь разворот.

— Прочитай, что тут написано! Вот про эту птицу. Вот! — Эдди ткнул пальцем в морскую белую чайку, и я послушно начала читать ребёнку про понравившуюся птицу. А когда закончила и выпрямила спину, наткнулась на внимательный, но дружелюбный взгляд императрицы.

И не удержалась от вопроса:

— Вы эмпат?

— Да.

— Наверное, это сложно? Всё время чувствовать окружающих...

Дориана улыбнулась.

— Да, непросто. Но во дворце почти на всех амулеты. Ведь здесь не только я эмпат.

— А кто ещё? — удивилась я. Надо же, ведь эмпаты вообще нечасто встречаются, а в императорском замке их даже не один, а несколько.

— Ещё Интамар. Ну и будущий эмпат сидит сейчас у меня на коленях.

— Эдди? — я едва не подпрыгнула. И вдруг вспомнила...

Ведь мальчик часто угадывал моё состояние. И об эльфах, пришедших в дом Карвима, он сказал, что они нехорошие. Я тогда ещё удивилась, а потом умудрилась забыть об этом.

И только теперь поняла...

— Мам?

Он смотрел на меня тёмно-карими глазами, в которых не было никакого тумана. Впрочем, его и не должно быть, ведь Эдди всего четыре года.

— Всё хорошо, мой волчонок, — я улыбнулась и погладила мальчика по голове. — Читать дальше?

— Ты испугалась, — Эдвин нахмурился. — Чего ты испугалась?

Я не знала, как объяснить. Карвим упоминал, что многие эмпаты погибают в подростковом возрасте, когда полностью пробуждается дар — не выдерживают потока льющихся на них со всех сторон чужих чувств. И меньше всего на свете я бы хотела, чтобы это случилось с моим волчонком.

— Мама испугалась за тебя, Эдди, — я вздрогнула, услышав голос императрицы.

Мама... Она не просто знала, что мальчик считает меня мамой, она... приняла это? Так же, как император?

— Скажи ей, что всё хорошо. Правда ведь?

— Да, — он кивнул. — Всё замечательно, мам. А когда мы будем кушать?

Дориана засмеялась и схватилась рукой за переговорник.

— Тадеуш, будь любезен, поторопись с едой. У меня тут голодный волчонок на коленях.

Я хмыкнула, услышав это определение. Кажется, оно понравилось и запомнилось императрице.

Секундой позже Дориана опустила руку и тихо сказала, обращаясь ко мне:

— Не волнуйся, Рональда. С Эдди всё будет в порядке. Эмпатия не погубит его, это я могу обещать.

Её слова не избавили меня от тревоги окончательно, но уменьшили её, поэтому я благодарно кивнула и прошептала:

— Спасибо.

Остаток дня пролетел незаметно. Всё время я провела с императрицей и Эдди, ничуть не тяготясь этим. После завтрако-обеда мы прогулялись по саду, Дориана показала дворцовые конюшни, и от вида разнообразных лошадей Эдвин пришёл в восторг. А уж когда ему позволили покататься на одной из карликовых пород... да, я никогда не видела Эдди таким счастливым.

Ужинали мы тоже в замке, вместе с Грэем и императором. Поначалу я немного смущалась, но потом полностью расслабилась, с улыбкой слушая, как Эдвин рассказывает отцу и бабушке о сегодняшнем путешествии на лошадке. Я немного запуталась в столовых приборах, но после слов Эдигора о том, что в дворцовом этикете правила поведения за столом — это самое легкое, вот только непонятно, зачем всё-таки было создавать такое количество разнообразных вилок и ложек, развеселилась и успокоилась.

Вечером, уложив Эдди, я сразу направилась к себе, не стала сидеть внизу вместе с остальными, хоть и было ещё довольно рано. Мне по-прежнему хотелось побыть одной.

Я старалась ни о чём не думать. И, обняв Элфи, залезла на кровать и застыла, глядя, как на Лианор медленно опускаются сумерки.

— Неужели я и правда сегодня разговаривала с дартхари? И зачем он приезжал? — шептала я, поглаживая хати по жёсткой шерсти. — И почему спрашивал у меня... такие странные вещи?

Элфи молчал, только лизал языком мои пальцы.

Я так долго сидела на кровати и ждала наступления ночи, что не заметила, как уснула.

Сегодня я точно знала, кого увижу во сне, потому что после всего случившегося стремилась к Дэйну всей душой.

Но я оказалась абсолютно не готова к тому, что случилось.

Во сне шёл проливной дождь. Впервые за эти годы. Тяжёлые капли стучали по озеру, вода в котором была свинцово-серой, тёмное, тревожное небо нависло над головой.

Холодно. Мне впервые было холодно здесь. Волосы моментально намокли под дождём, и платье тоже. Ноги, так некстати босые, словно превратились в две ледышки.

— Дэйн! — крикнула я, обхватив себя руками, чтобы хоть немного согреться.

Что это? Мне было плохо, но не настолько. Нет, не настолько.

Я рискнула подойти ближе к озеру, потому что иначе не могла ничего рассмотреть. Чуть не поскользнулась на сырой траве, но, удержавшись, вскинула голову и наконец увидела...

Он был здесь. Сидел на том самом месте, где мы когда-то познакомились, на берегу озера, поджав под себя ноги. И смотрел на

воду, задумчиво поглаживая по голове какое-то животное, чья мордочка лежала у него на коленях.

Проливной дождь обнимал его фигуру, и я внезапно поняла — дождь был отражением не *моих*, а *его* чувств. Но... разве так может быть?

Я сделала несколько шагов вперёд и наконец разглядела, что за зверька гладит Дэйн.

— Дэйн! — крикнула я, ужаснувшись. — Что ты делаешь? Это же аксал!

Он не отреагировал, продолжая поглаживать зверя по носу.

— Дэйн?..

Я опустилась рядом с ним, стараясь не обращать внимания на сковывающий тело и леденящий душу холод.

Дэйн повернулся, и я вздрогнула, увидев его глаза, какие-то погасшие и безжизненные.

— Что случилось? Почему тут... так? — Я развела руками.

Капли дождя стекали по его волосам, лбу, щекам...

— Прости, — сказал Дэйн тихо. — Сегодня у меня нет настроения.

— Почему?

Я опустила глаза, глядя, как аксал осторожно слизывает дождевые капли с его пальцев.

Я думала, что хуже не может быть. Но я ошиблась. Потому что Дэйн вдруг произнёс такое, от чего я оцепенела и телом, и душой.

— Сегодня — наша с тобой последняя ночь.

Я вздрогнула и подняла голову, наткнувшись на необыкновенно серьёзный, печальный взгляд Дэйна.

— Что?.. Что ты такое говоришь?

— Я больше не приду. Никогда, Ро.

Я схватила его за руку, даже не замечая, что впиваюсь выпущенными когтями в его ладонь.

Я хотела сказать, что это неправда. Хотела сказать, что не отпущу его. Я хотела сказать... Я так много хотела сказать. Но почему-то не сказала. Только сидела, вцепившись в его руку, чувствуя, как по пальцам течёт что-то горячее...

Его кровь.

— Я приходил, потому что был нужен тебе. Ты и сама знаешь это. Теперь же... Я не приду, потому что я тебе больше не нужен.

— Нужен... — прохрипела я. — Дэйн...

Он притянул меня к себе, прижал и, обхватив ладонями лицо, прошептал, касаясь тёплым дыханием моих заледеневших губ:

— Нет, Ро. Теперь я тебе не нужен. Пока я с тобой, ты будешь стоять на месте, а ты должна двигаться вперёд. Вперёд, Ро. Вперёд, моя маленькая волчица.

Я не успела ответить — Дэйн поцеловал меня. Горячо и жадно, так, что всё тело вмиг согрелось. И даже струи обжигающе ледяного дождя, хлеставшего по щекам, не могли охладить жар, возникший глубоко внутри и проникнувший в каждую капельку крови.

Я забыла обо всём, прижимаясь к Дэйну, и в какой-то момент оказалась у него на коленях. Не знаю, куда делся аксал. Не знаю, куда делся весь мир, и почему дождь вдруг из холодного стал тёплым, а моих волос коснулся луч солнца...

Я ничего не знаю. Я знаю только, как ласковы были руки Дэйна, обнимающие мои плечи, как горячи были его губы, целующие мои, как прекрасна музыка, звучащая вокруг и внутри нас, и как не хотелось, чтобы это когда-нибудь заканчивалось.

Но это закончилось.

Дэйн перестал целовать меня и отодвинулся, заглядывая в глаза. И луч солнца, который секундой раньше касался моих волос, вдруг осветил его лицо... И я застыла, внезапно осознав...

В его глазах, вокруг зрачка, кружились и вспыхивали ярко-жёлтые искорки. Совсем как мои.

Какая же я была глупая!

Сон... Только самые талантливые маги Разума умеют ходить по снам. Я ведь сама читала эту фразу в пособии! Я ведь знала это, всегда знала!

Сон — проводник. Как я могла думать, что Дэйна не существует, что он — порождение моего сознания? Как?!

Только если...

Только если он сам хотел, чтобы я так думала.

— Прости, Ро, — сказал Дэйн серьёзно. — Когда-нибудь ты всё поймёшь. И знай — я никогда не лгал тебе. Так же, как и ты мне.

Я хотела сказать всё, что думаю о его поведении, но не успела — Дэйн наклонился и, легко коснувшись моих губ своими, прошептал:
— Прощай, моя любимая волчица.

Я схватилась за его рубашку изо всех сил, намереваясь держать и не отпускать, но... он просто исчез.

Исчез!

Растворился, будто бы и не было никогда Дэйна, который ждал меня на берегу этого озера. Который находил правильные слова. Благодаря которому я всё-таки смогла превратиться в волчицу...

И я расхохоталась. Я хохотала так, что слёзы выступили на глазах. Никогда в жизни я так не хохотала.

А потом я побежала. Быстро, как молния, не обращая внимания на мелькающие вокруг стволы и кроны деревьев, уже на бегу превращаясь в белую волчицу и пытаюсь сделать только одно — нащупать Разумом маленькую ниточку, которая бы привела меня к Дэйну.

И я её нащупала.

Любой маг Разума, побывав в чужом сознании, оставляет там след. А Дэйн в моём сознании наследил основательно. И я, нащупав эту ниточку, рванулась вперёд, чувствуя, как подбираюсь всё ближе и ближе к его сознанию...

Пока вдруг не наткнулась лбом на прозрачную, но от этого не менее крепкую стену.

Я зарычала и прыгнула на неё.

Удар.

Прыжок.

Удар.

Ещё прыжок.

Удар, и кровь, полившаяся из рассечённого лба.

Самый сильный за всю историю Эрамира маг Разума...

Я вновь расхохоталась.

— Они ведь имели в виду тебя, Дэйн! — закричала я, ударяя лапой в стену из чистой магии Разума. — Именно тебя! Это ты написал моё пособие! Это ты разработал заклинание для Элли! Это ты переписывался со мной!

Удар. Стена даже не дрогнула. Я зарычала от бессильной ярости.

— Теперь я понимаю, почему не догадалась раньше. Только сильнейший из двух магов Разума может обмануть другого. «Теперь я тебе не нужен!» Да как ты смел сказать такое, Дэйн! «Я никогда не лгал тебе!» Да как ты...

Я зарычала, с удовлетворением замечая, что по стене пошла небольшая рябь, будто по воде во время сильного ветра.

— Клянусь, когда-нибудь я взломаю твой блок. Даже не надейся, что я оставлю эту затею. Клянусь, я взломаю! И проберусь в твой сон так же, как ты пробрался в мой!!!

Одно мгновение мне казалось, что там, за стеной, мелькнули, но почти тут же пропали, глаза Дэйна. А потом...

До боли знакомым почерком на прозрачной поверхности было выведено:

Последний урок

Ни к одному магу Разума нельзя пробраться в сон, даже к самому слабому, если он этого не хочет.

Стена, которую ты видишь — не только моя, но и твоя, Рональда.

И всё. И больше ни слова.

Я упала на землю, глотая горячие слёзы, и закрыла глаза, не в силах больше видеть стену, навсегда отделившую меня от Дэйна, и надпись, сделанную почерком того, которого я называла «невидимым учителем».

А потом я получила от него последний подарок — сон без сновидений, опустившийся и накрывший меня, словно мягкое одеяло.

Глава 5

Рональда

Я никогда не ощущала себя настолько пустой. Никогда, даже после Ночи Первого Обращения. Даже после того как Джерард бросил в меня свой первый камень.

Не хотелось вставать с кровати. Я просто лежала и глядела в потолок, чувствуя себя разбитой, растоптанной, уничтоженной.

Проснувшись с первыми лучами солнца и теперь молча наблюдала, как свет ползёт по потолку, поглощая ночные тени, и старалась не думать. Но не получалось.

Какой же я была глупой.

Как я могла считать, что Дэйна не существует? Плод моего воображения... Разве плод воображения бывает таким реальным? Разве он может учить, утешать, целовать так жарко, что даже во сне чувствуешь силу рук и губ?

Но зачем? Ведь это он внушал мне подобную мысль о самом себе. Он сон за сном туманил мой разум, заставляя забывать возможные вопросы. Даже тогда, когда Дэйн явился *наяву*, когда целовал на самом деле, я ничего не заподозрила, я даже не задумалась.

Самый сильный маг Разума в Эрамуре... Кто ты? Почему поступал так со мной? И было ли хоть что-нибудь правдой? Хоть одно слово? Или всё, каждый мой сон, соткан из лжи?

Я встала с постели и, не обувшись, ступая босыми ногами по прохладному с ночи полу, подошла к зеркалу.

Светлые, золотистые волосы, чуть спутанные, тяжёлыми прядями спускались по плечам, груди, спине. Губы... большие, красные, даже алые, теперь я могла бы назвать их чувственными. Нос... удивительно изящный, тонкий, благородный. Глаза... раньше я любила только их, они нравились мне и сейчас, а вспыхивающие вокруг зрачка искорки напоминали о солнечных лучах, тёплых и ласковых.

Моё лицо изменилось. Теперь оно было почти привлекательным. Но стоило мне зажмуриться, как перед глазами вставало лицо прежней Рональды.

Мог ли Дэйн полюбить её?

Я, протянув руку, дотронулась до щеки своего отражения и покачала головой. Униженная, несчастная, страшная жаба. Нет, так не бывает.

Являясь в мои сны, Дэйн делал это не потому, что любил. Он преследовал иные цели. Какие? Что ж, со временем я непременно это узнаю. Перерою всю императорскую библиотеку, но найду всё о магии Разума... и отыщу Дэйна.

Отражающаяся в зеркале девушка упрямо поджала губы. Этим решительным видом она могла бы обмануть кого угодно, только не меня. Я прекрасно понимала, что на самом деле по-настоящему она хочет задать Дэйну только один вопрос.

Только один.

«Прощай, моя любимая волчица».

Эти слова тоже были ложью? Всё остальное — возможно, но... Зачем было лгать напоследок? Зачем?!

Или?..

Сразу после завтрака я получила первую записку от императора.

«Рональда!

Жду тебя сегодня во дворце ближе к полудню. Грэй придёт чуть раньше, ты можешь прийти вместе с ним и подождать меня в библиотеке или в саду. В любом случае я надеюсь на встречу с тобой в полдень.

Будь добра, надень платье».

Да уж, на такое отказом не ответишь — не посмеешь. Да и слов правильных не найдёшь — меня подобные письма составлять никто не учил.

Но, как ни странно, я даже обрадовалась, прочитав записку. Когда я жила в Арронтаре, учёба помогала мне отвлекаться от гнетущих мыслей, и здесь должно получиться то же самое. Пусть Эдигор учит меня чему угодно, а я буду слушать и перестану наконец думать о Дэйне. И о дартхари Нарро.

Мы с Грэм и Эдди прибыли во дворец около одиннадцати утра. Мои спутники сразу направились в замок, а я осталась в саду, рассудив, что в библиотеке без императора я точно ничего не найду, ещё и заблужусь. Так что я просто гуляла по аллеям, рассматривая высаженные в ряд растения, и ровно в полдень ко мне из-за деревьев вышел император.

— Доброе утро, — сказала я вежливо, и он улыбнулся.

— Доброе, Рональда. Готова?

— Наверное. А... чем мы сегодня будем заниматься?

— Танцами.

Лучше бы я не спрашивала...

— Знаешь, у Интамара тоже всегда было такое лицо, когда я собирался его научить чему-нибудь, с точки зрения принца совсем не нужному, — рассмеялся Эдигор и протянул мне руку, которую я сразу приняла. — Только он в то время ещё возражал. Ты же давно вышла из возраста бесполезных и бессмысленных возражений.

— Ваше величество!

— Да?

От сдерживаемого смеха в груди всё вибрировало.

— Вы невозможны!

Эдигор положил мою руку себе на локоть, ухмыльнулся и пошёл по направлению ко входу во дворец.

— Боюсь, это самое приличное из всего, что обо мне можно сказать.

И я не выдержала — рассмеялась.

Танцевальный зал оказался тронным. Располагался он на втором этаже и был, как объяснил мне император, самым большим залом во дворце.

— Здесь я принимаю гостей, которые приезжают целыми делегациями. Обычно эльфы у нас столь многочисленны, любят они это дело. Как нагрянут, так сразу сто персон надо во дворце принять, разместить и всячески ублажить. Что ты хихикаешь, Рональда? Ублажить эльфа вообще дело непростое, других куда как проще. А твои сородичи редко приезжают, и ненадолго — сама знаешь, вам нельзя без Арронтара.

Я сразу напряглась, и Эдигор каким-то образом понял, о чём, точнее, о ком я подумала.

— Не волнуйся. Нарро сейчас здесь нет.

Я кивнула. Я знала это, чувствовала. Я всегда чувствовала его присутствие, ощутила и вчера, только не сразу поверила — думала, что это невозможно.

— Вы так и не ответили, — сказала я тихо, — что сделают с этими эльфами, которые напали на нас с Эдди и Карвимом?

Мы в это время вышли на середину тронного зала, и Эдигор, повернув меня лицом к себе, ответил:

— Что делать со своими эльфами, будет решать Повелитель Робиар. Сомневаюсь, что это окажется нечто весёлое и полезное для их здоровья. Итак. Рональда, представь, что ты на балу. Музыка, свечи, вокруг множество людей и не-людей... Встань прямо. Да, вот так, молодец. К тебе направляется мужчина с намерением пригласить на танец. Запомни: если девушка хочет танцевать, она держит руки опущенными вдоль тела. Да, как у тебя сейчас, всё верно. А если не хочет, то сцепляет их перед собой, — император на несколько секунд сцепил собственные ладони. — Повтори.

Я послушно повторила.

— Молодец.

Не удержалась от улыбки — в конце концов, я ещё пока ничего не сделала, а он уже «молодец»!

— Ваше величество, тогда зачем мне учиться танцевать, если я могу всё время сцеплять руки перед собой и...

— Нет, — отрезал император, — всё время нельзя, если ты не калека без ноги. И поверь, в твоей жизни будут вечера, когда не танцевать ты просто не сможешь.

— Почему?

Он так улыбнулся, что я сразу поняла — ответа на этот вопрос я в ближайшее время не дождусь.

— Продолжаем. Мужчина, который хочет пригласить тебя на танец, протягивает левую руку — вот так, как это делаю сейчас я, — Эдигор протянул мне ладонь тыльной стороной вверх. — Ты вкладываешь в неё свою правую руку. Повторяю — правую. Давай. Да, вот так. Теперь я делаю шаг вперёд. Запомни: шаг вперёд всегда делает

мужчина! Женщина стоит на месте. Это очень важно, Рональда. Когда я делаю шаг, ты кладёшь левую руку мне на талию. Давай.

Я выполнила приказ, а Эдигор между тем поднял наши сцепленные руки на уровень моих плеч, а вторую свою ладонь положил мне примерно на лопатку.

— Обычно в это время мужчина кладёт правую руку женщины на своё плечо, но тебе тогда будет неудобно танцевать, я слишком высокий. Поэтому, если партнеры разного роста, танцуют в таком положении, как сейчас: сцепленные руки на уровне плеча женщины, а не мужчины.

— А если мужчина захочет положить мою руку на своё плечо, а я буду против?

— Скажешь об этом. Молчать никто не требует. Во время танца можно разговаривать. Сейчас разойдёмся, повторим.

Я кивнула. Что ж, пока ничего сложного, если бы ещё без самого танца обойтись...

Повторили «манёвры», император вновь похвалил ни за что, а потом сказал:

— Первый танец, которому я планирую тебя научить, называется симоном. Он один из самых лёгких, так что не бойся. Музыка!

Я слегка вытаращила глаза, когда медленная, ласкающая слух мелодия полилась будто бы из самих стен.

— Не пугайся, это один из экспериментов Эллейн. Магический проигрыватель. А теперь сосредоточься. И спину выпрями.

Да куда уж сильнее выпрямлять!

Но видимо, было куда, потому что его величество не сразу удовлетворился результатом.

— Итак. Я буду проговаривать движения и выполнять их, а ты повторяй. Шаг вправо, теперь назад, снова вправо. Чуть развернись, иначе споткнешься о собственную ногу. Ещё раз — вправо, назад, вправо. Влево, вперёд, влево. Молодец. А теперь, пока мы стоим, поворачивайся вокруг своей оси.

Минут через пятнадцать я поняла, что этот симон — очень нудное занятие. И танцевать я его, пожалуй, научилась. Там не было ничего сложного — одни и те же шаги, постоянно повторяющиеся, и обороты вокруг своей оси.

— Ну вот, видишь. А ты боялась, — улыбнулся Эдигор, когда мы наконец затанцевали в нормальном ритме, и он перестал шептать мне на ухо «вправо, влево, вперёд, назад».

— Вы же говорили, этот танец — самый лёгкий.

— Верно. Но ведь начинают всегда с азов. А ты молодец, даже с такта не сбиваешься.

Естественно, я тут же сбилась, и император рассмеялся.

— Ладно, давай заканчивать. Смотри, когда танец завершён, партнеры останавливаются, мужчина делает шаг назад и кивает, женщина должна чуть-чуть присесть. Вот так, — Эдигор сначала кивнул, а затем присел, отчего мне захотелось захихикать. Интересно, многие могут похвастаться тем, что перед ними приседал сам император?

Эдигор щёлкнул пальцами, и музыка смолкла. Наступившая тишина показалась мне оглушительной, но оглушала она недолго. Почти сразу мы услышали эхо чьих-то торопливых шагов в конце тронного зала.

— А вот и Грэй, — произнёс император невозмутимо, а мне почему-то стало неловко. Интересно, как долго он наблюдал за нами? И что думает по поводу моих сомнительных танцевальных успехов? Сам Грэй танцевал отлично, в этом я успела убедиться ещё во время поездки.

— О... — Грэй кашлянул, остановившись в нескольких шагах от нас. — Ваше величество, если урок закончен, могу ли я поговорить с Рональдой наедине?

Лицо у Эдигора в тот момент было отчего-то очень ироничным. Но он тем не менее кивнул, отпустил мою руку и пошёл по направлению к выходу из тронного зала.

Но далеко не ушёл. Остановился шагах в десяти, обернулся и произнёс тихо, но очень настойчиво:

— Мой тебе совет — расскажи. Хватит ломать комедию.

Обращался император при этом явно к Грэю, и после этих слов я с недоумением посмотрела на отца Эдди. Интересно, что он должен мне рассказать? Ведь Эдигор имел в виду меня? Или нет?

Когда шаги его величества стихли, Грэй, улыбнувшись, взял меня за руку, но его улыбка показалась мне какой-то натянутой, нервной.

— Знаешь, что неправильно в этом образе? — Он поднял вторую ладонь и коснулся моих волос. — Причёска. Конечно, платье тоже непарадное, но его ещё могут простить, а вот простую косичку — нет. Это вопиющее противоречие этикету.

— Тебе не нравится? — шепнула я с неуверенностью. — Я... выгляжу нелепо? Знаешь, мне всё изначально казалось нелепостью, ну зачем мне учиться придворному этикету? Это какая-то странная прихоть императора...

Я не договорила — Грэй вдруг подошёл ближе, вплотную, продолжая держать меня за руку, а вторая ладонь переместилась с волос на щеку и нежно погладила. Я подняла голову, вгляделась мужчине в глаза — они тревожно мерцали, и лицо казалось взволнованным.

— Мне нравится, — произнёс он тихо и хрипло. — И это не нелепость, не думай так о себе никогда. Я сказал это не для того, чтобы обидеть, я просто... Ронни, я...

— Да?

Он вдруг поднял мою ладонь и, перевернув её, прижался горячими губами к запястью. Я вздрогнула, резко выдохнув — было безумно приятно, и я прикрыла глаза, наслаждаясь этим прикосновением.

— Ронни, прости меня. Я... — Голос зазвучал ещё тише, приблизился, и тёплое дыхание коснулось щеки. — Ронни...

Я поняла, что сейчас случится, за несколько секунд до того, как губы Грэя накрыли мои.

Это был танец. Не тот, глупый, который я танцевала несколько минут назад, а совсем другой, настоящий.

Танец губ. Я чувствовала каждое движение, каждый вздох... Грэй будто пил моё дыхание, как путник, уставший в дороге, которому предложили чистой ключевой воды.

И всё казалось таким правильным. Словно иначе и не могло быть.

— Я не могу без тебя... — шептал он, на мгновение отрываясь от моих губ, а затем вновь целовал. — Не могу...

...И вдруг я услышала какой-то грохот, топот, звон, и знакомый голос прокричал:

— Мама!

Ох...

Наваждение схлынуло. Губам и всему телу стало холодно, потому что Грэй отошёл от меня на шаг и теперь удивлённо смотрел на приближающихся Эдди и Ратташа.

— Мама! Вы с папой теперь вместе, да? Я видел! — Мальчик возбуждённо подпрыгнул и хлопнул в ладоши.

Дурное предчувствие кольнуло в самое сердце.

— Что? — тихо переспросил Грэй. Вид у него при этом был озадаченный, в отличие от Ратташа — тот смотрел на Эдди с явным изумлением.

— Ну, Ари говорила, когда взрослые целуются — значит, они вместе. Ты же целовал маму!

После этих слов лицо Грэя потемнело.

— Твоя мама умерла, Эдди.

Он сказал это так... тихо, но твёрдо. И смотрел не на меня, а на сына. А я...

Я просто отвернулась и закусила губу.

— Я же рассказывал тебе. Её звали Лил и она умерла сразу после твоего рождения.

— Да, — кивнул мальчик. — Я знаю. Ма-а-ам, дядя Рат обещал показать сокровищницу! Ты пойдёшь с нами?

Я не успела ответить.

— Ты не слышал меня, Эдди? Твоя мама умерла. Ты можешь называть Рональду просто по имени, но она тебе не...

— Папа! — ребёнок подскочил, подбежал к Грэю и схватил его за руку. — Ты не прав, папа.

Несмотря на весь трагизм ситуации, я не смогла сдержать улыбки — четырёхлетний мальчик, заявляющий своему отцу, что он «не прав», выглядел забавно.

Вот только Грэю так не казалось. Он сжал зубы, даже скулы побелели, и процедил:

— Дома поговорим. Пойдём, Эдди, — и первым направился к выходу из тронного зала, не замечая попыток мальчика взять за руку и меня тоже.

День прошёл как в тумане. Грэй, не удостоив меня даже взглядом, вскоре оставил нас и направился к императору, а мы с Ратташем и

Эдди спустились вниз, в подвалы, где мужчина провёл экскурсию по сокровищнице. И это было бы увлекательно, если бы я не была настолько расстроенной.

Там оказалось много всего интересного, от драгоценностей до различных магических артефактов. Рат даже показал, как действуют некоторые. Эдди увлечённо крутил головой из стороны в сторону и возбуждённо подпрыгивал, если замечал что-то любопытное.

Мальчик настолько устал в сокровищнице, что моментально уснул, стоило нам вернуться в покои императрицы. И пока он спал, я пила чай вместе с Дорианой и Ратташем, но так нервничала и переживала из-за Грэя, что не запомнила, о чём мы говорили.

Потом Эдди проснулся, мы пообедали и успели немного погулять по парку, но тут вернулся Грэй. Он по-прежнему был раздражён и старался не смотреть на меня, разговаривая только с Эдди.

И так продолжалось целый вечер, даже после того, как мы вернулись домой. Остальные тоже заметили неладное, но, к моему удивлению, и не подумали вмешиваться или расспрашивать, в чём дело. Только Ари понимающе улыбалась, опуская голову.

А Грэй злился всё сильнее и сильнее. Я видела — он хочет высказать мне всё наболевшее, но не решается в присутствии Эдвина и остальных.

Именно поэтому после ужина я предложила:

— Пойдём, прогуляемся? Ари, ты ведь посидишь с Эдди? Мы ненадолго.

Ответом мне был кивок и всё понимающий взгляд.

— Ему скоро спать, — проворчал Грэй, но тем не менее направился к входной двери.

— Я уложу Эдвина, если понадобится. Не волнуйтесь.

Я благодарно улыбнулась Араилис и вышла из дома вслед за Грэем.

Начинались сумерки, и вечерняя прохлада нежно касалась щёк, будто утешала и пыталась подарить надежду.

Облака на небе казались похожими на птичьи пёрышки. Такие же лёгкие, будто чёрточки на серо-голубом покрывале вечности. И ниже, у самого горизонта — догорающие угольки солнечного костра. Пройдёт

немного времени, и он совсем погаснет, чтобы вновь разгореться на рассвете завтрашнего дня.

Грэй молчал до самого императорского парка. И только убедившись в том, что мы одни, обернулся ко мне.

— Ты не представляешь, как я зол.

— Почему не представляю? Очень даже представляю, — сказала я тихо. — У тебя глаза сейчас почти чёрные и узкие, потому что ты их щуришь. И...

Я не договорила — он сделал шаг вперёд и, схватив меня за волосы, потянул за косу, которую я переплела после обеда, заставив поморщиться и запрокинуть голову.

Больно не было, по крайней мере не физически. Грэй контролировал свою силу. Но слёзы всё равно выступили на глазах — от обиды.

— Зачем ты внушила Эдди, что ты его мама? Знаешь ведь, что Лил умерла во время родов! Зачем, Ронни?!

— Я не внушала! Он...

Грэй перебил меня, сильнее повышая голос:

— Я любил и люблю свою жену, Ронни! Эдвин должен знать, кто его мать! Зачем ты ввела его в заблуждение? Что ты хотела этим доказать?!

Я всхлипнула.

— Он... сам... Эдди сам, я ничего не делала... Я пыталась его отговорить, но... Он всё понимает, Грэй! Он знает о Лил, знает, что она его мама... Но мальчик... он же маленький совсем! Грэй... Эдди сказал: «Она — мама, которая ушла. Ты — мама, которая вернулась».

После этих слов он вдруг отпустил меня. А в следующее мгновение подскочил к ближайшему дереву и ударил кулаком по его поверхности. Раз, ещё раз, и ещё...

Испугавшись, я бросилась вперёд и встала между деревом и Грэем. Глаза мужчины яростно сверкали, костяшки пальцев были разбиты в кровь, но он всё-таки остановился и, тяжело дыша, уставился на меня.

— Перестань, пожалуйста! Я тебя прошу! Ну зачем ты бьёшь это дерево?! Оно-то здесь при чём?!

Грэй хрипло рассмеялся.

— Тебе больше всех жалко деревья, да? Ты... лесная девочка...

Я покачала головой и отступила назад, упираясь спиной в широкий ствол многострадального дерева.

— Зачем ты так, Грэй? Каждому ребёнку нужна мама, я понравилась Эдди, вот и всё. Он же маленький. А про Лил он знает, император рассказал и портрет даже показал.

— Император?..

— Он сказал, чтобы я не лишала Эдди такой возможности. И я... я просто не могла заставить его перестать называть меня мамой. Да и... наверное, не хотела. Прости. Всё очень запуталось...

Несколько секунд мужчина смотрел на меня, не мигая. Пристально, изучающе, и от этого взгляда мне почему-то хотелось спрятаться.

Чаще всего Грэй был очень милым, но я знала, что он может быть и таким. Властным, жёстким, тёмным.

— Грэй?..

— Да, ты права. Всё очень запуталось, — сказал он тихо, а потом медленно и неспешно подошёл ко мне, наклонился и поцеловал.

Я и не подозревала, что поцелуи одного и того же человека, разделённые всего несколькими часами во времени, могут настолько отличаться между собой. Первый — нежный, ласковый танец, трепетный и мягкий. А второй...

Грэй так сильно прижался к моим губам, а потом и ко всему телу, что я ударилась о дерево затылком и спиной. Дыхание перехватило, и я на несколько секунд потеряла способность соображать.

Если бы кора была мягкой, Грэй бы вдавил меня в неё. Но она была твёрдой, и казалось, что мужчина сейчас расплющит меня между собой и деревом.

И губы... они горели от подобной жадности. Больно!

Но потом, когда Грэй вдруг обхватил ладонями моё лицо, я поняла — мне всё равно, как именно он меня целует. Пусть даже так... Я обняла его за шею, стараясь придать хоть немного мягкости этому поцелую, больше похожему на что-то лихорадочное.

Я не заметила, как мы переместились на землю. Только почувствовала, что под затылком больше нет коры, и что я нахожусь не в вертикальном положении, а в горизонтальном — я лежала на траве, и Грэй опустил сверху.

Когда юбка платья поползла вверх и вечерний воздух коснулся ноги, обжигая её холодом, а затем там очутилась горячая ладонь Грэй, которая двигалась всё выше и выше... в тот момент я, кажется, растеряла все мысли, потому что внутри словно завязался узел, и его нужно было срочно развязать...

Но Грэй вдруг остановился. Навис надо мной и, прислонившись своим лбом к моему, простонал:

— Нет. Нельзя. Ронни, нет...

Я молчала несколько секунд, не понимая, что происходит, почему он остановился, но затем...

Конечно. Ну как можно... со мной... Я ведь страшная жаба, как я могла подумать, что меня можно так страстно целовать?

Будто холодной водой окатило...

— Ронни, нет... — зашептал вдруг Грэй, касаясь ладонью моей щеки. — Нет, всё не так, не думай... Я просто... О Дарида, Ронни, у меня четыре с половиной года не было женщины! И Лил... Я не могу! Всё время такое чувство, будто я предаю её. Я просто... Ронни, ты самая лучшая, но я не могу... Я люблю её...

Наверное, я могла бы сказать: «Она умерла», но почему-то не стала этого делать. Отпихнула от себя Грэй, встала с земли и, поправив юбку, прошептала:

— Пойдём домой.

Пару секунд Грэй молчал, и я слышала только его тяжёлое дыхание. Я думала, он ещё что-нибудь скажет, но нет — он просто зашагал по направлению к мастерской, стараясь не смотреть на меня так же, как я старалась не смотреть на него.

Я сбежала от всех в свою комнату. Эдди уже спал — Ари его уложила, несмотря на капризы и желание дождаться «папу с мамой», — а остальных видеть не хотелось. Точнее, не видеть, а разговаривать с ними.

Я старалась не думать о том, что случилось в императорском парке. Не сейчас. Потом...

Разделась, надела ночную рубашку и, сев на постель, неожиданно почувствовала что-то под одеялом. Что-то твёрдое. Засунула туда руку, достала дудочку. Ту самую, которую я когда-то давно нашла возле своей хижины.

Элфи обнюхал её и завилял хвостом. Я улыбнулась и погладила его по загривку.

Значит, ты был здесь, Дэйн. И оставил её мне зачем-то. Зачем?

Легко погладив деревянную, небрежно отполированную поверхность, я легла на постель. Элфи, в последний раз вильнув хвостом, устроился под кроватью, как обычно. А я...

Я знаю — это опасно. Но я должна понять. В любом случае, даже если я что-то сделаю не так, плохо будет только мне, но ни в коем случае не ей.

Не Лирин.

Впервые в жизни я ощутила, как на меня медленно опускается большое облако сна. Впервые в жизни, погрузившись в него, я одновременно понимала — я лежу в комнате, вытянувшись на постели, с закрытыми глазами. И в любой момент смогу вернуться в это тело, как бы далеко ни забрела.

Я смогу вернуться. Смогу. Нужно только верить и помнить.

Глубоко вздохнув, я отпустила своё тело и отправилась... в полёт.

Вокруг меня оказалось пространство, напоминающее ночное небо глубиной и безмятежностью, и только далеко-далеко впереди — маленькие сияющие точки звёзд. Которые на самом деле, конечно, не звёзды, а... люди. И не-люди.

Спящие.

Мне нужна Лирин. Как её найти?

Ну же, Ро, вспоминай!

Точно... Воспоминание. Мне нужно воспоминание.

И я вспомнила, как видела её в последний раз. Там, возле кареты, увозящей меня из Арронтара. Какими печальными были глаза Лирин, и как она покачала головой, когда я крикнула: «Он жив?!»

Одна из звёздочек мигнула и засветилась чуть ярче. И я резко рванула вперёд, уже понимая — да!

Я нашла её.

Конечно, я и не подозревала, что в момент, когда твой Разум вторгается в чужое сознание, ты испытываешь подобную боль. Я словно в костёр прыгнула, и хотелось сделать шаг назад, выйти, чтобы не чувствовать подобной обжигающей боли.

Но я продолжала двигаться вперёд, и вперёд, и вперёд... Думая только об одном.

Дудочка. Покажи мне, Лирин. Покажи мне всё с самого начала. Всё, что важно.

Я хочу знать.

Пожалуйста... Покажи...

... Когда я открыла глаза, обнаружила себя в незнакомой полутёмной комнате. У стены вплотную стояли две кровати, и над одной из них склонился чей-то силуэт.

Силуэт был необычный. Вроде ребёнок, но... какая странная спина...

Из одной кровати послышался тихий смех. Кажется, смеялась девочка.

— Ну расскажи! Ну позалуйста!

— Что тебе рассказать? — спросил... мальчик. Да, мальчик, но я пока не могла понять, какого возраста.

— Ска-а-азку! — подал голос ребёнок из другой кровати. — Про большого белого волка!

— Вчера же рассказывал!

— Ну ещё-о-о! — захныкала девочка. — Ну позалуйста!

— Хорошо, Лири. Расскажу. Только ложись и закрывай глазки. Итак, жил-был большой белый волк...

Я слушала этот голос, который казался мне знакомым, и понимала — я знаю эту сказку. Это была не сказка — легенда про белого одинокого волка, древняя, как сам Арронтар. Он так страдал, когда умерла его любимая, что ушёл из леса и вскоре попался на глаза человеческим охотникам, которые убили волка из-за его белой шкуры...

— Не плачь, Лири. Ну же. После смерти душа волка вернулась в Арронтар и переродилась. И в ту же ночь в лесу появился новый волчонок... прошло несколько лет, и он вновь встретил свою любимую. Что же тут печального?

— Ы-ы-ы, — завыл ребёнок из второй кровати, и я поневоле улыбнулась. Да уж, сказочка совсем не на ночь, но они ведь сами захотели.

— Так, — судя по голосу, старший мальчик тоже едва сдерживал смех, — будете реветь, больше никаких сказок!

— Не бу-у-удем! — пообещали малыши, и я засмеялась — хором с тем, кто рассказывал про белого волка...

А потом меня закружило, выдернуло из этого воспоминания и зашвырнуло в другое...

Мелкий противный дождик. Серое унылое небо. Пронизывающий сырой ветер. Чавкающая грязь под ногами...

Я бежала. Зачем-то бежала в стае таких же, как я — маленьких, но быстрых волчат. Я чувствовала их азарт, как во время охоты, их ярость, ненависть, презрение... К кому?

И что я делаю?.. Почему бегу с ними? За... за кем?!

Это ведь Арронтар. Я узнала его, несмотря на то, что во сне он выглядел несколько иначе. Потому что это было прошлое. Не моё — Лирин.

— Вот он!

Я обернулась к кричавшей. Да, это она. Теперь Лирин было около шести лет, и я бежала рядом с ней, чувствуя себя странно. Всё это напоминало то, что когда-то происходило со мной, только вот я всегда бежала не здесь, в стае, а там, впереди.

Кто-то из мальчиков подобрал острый камень и, толком не целясь, метнул его в сторону бегущей впереди тени. Мимо.

Сердце у меня оборвалось, когда вслед за первым камнем полетели ещё, и ещё, и ещё... И ребёнок — я точно знала, что это был ребёнок — бежавший впереди, в конце концов упал.

Только тогда я смогла его немного рассмотреть. Мальчик лет восьми-девяти, вымазанный грязью с ног до головы... горбун...

— Бей уroda!..

Лирин крикнула это почти с упоением, хватая из-под ног очередной камень.

Я вздрогнула и на мгновение остановилась, потому что...

Это точно не я сейчас там, барахтаюсь в грязи? Точно не я вылезая из лужи и, не оборачиваясь, бегу так быстро, как только могу? Спотыкаюсь — ноге очень больно — но всё равно бегу. А что ещё остаётся?

Если бы я могла повлиять на эти события... Но ведь то, что я вижу — просто тени прошлого. Уже случившегося прошлого.

Но если бы я могла...

Лирин... Зачем ты так? Ведь это он, я знаю, что именно этот мальчик рассказывал тебе сказку про одинокого белого волка...

Зачем, Лирин?

Зачем, Джерард?..

Наверное, я никогда этого не пойму.

Между тем мальчик завернул за угол ближайшего дома — и будто исчез.

— Где он? Видите?

Они добежали до строения и начали бегать вокруг, не понимая, куда мог деться горбун. Я только грустно улыбалась, наблюдая за маленькими оборотнями, в ярости пытавшимися нюхать землю.

Дурачки. Какие дурачки. Я-то точно знала, где спрятался горбун.

Отчаявшись искать, они всё-таки ушли. Я думала последовать за Лирином, но... не хотелось. Хотелось остаться здесь.

Мальчик, забившийся на крышу дома и прилипший к её чуть приподнятому краю, чтобы не нашли, спрыгнул через несколько минут. Заозирался, как загнанный волк, сплюнул на землю грязь вперемешку с кровью. И провёл рукой по волосам — да, конечно, они сейчас не были такими блестящими, как в моих снах, но тем не менее...

Я узнала его. И застыла, прошептав:

— Дэйн...

Протянула руки, но... он не видел... конечно, не видел...

Ведь всё это уже случилось.

Дэйн выпрямился, схватившись за сгорбленную спину, поморщился, потёр больное место и поковылял прочь. В Северный лес.

А я шла за ним, как привязанная, боясь и в то же время желая, чтобы этот сон наконец закончился.

Дэйн останавливался почти каждую минуту и, прислоняясь к стволу очередного дерева, тяжело дышал. Лицо его бледнело всё больше и больше. Я понимала, отчего, слишком хорошо понимала, и безумно жалела, что ничем не могу помочь.

Он всё-таки дошёл. Дошёл до нашего любимого озера, вода в котором сейчас была отнюдь не голубой, а тёмно-серой. Стянул рубашку, на большее сил не хватило, и даже не прыгнул в воду, а рухнул туда.

Я опустилась на колени как можно ближе к озеру и принялась ждать.

Дэйн вынырнул спустя минуту. Дрожа от холода, смывал грязь и кровь, а потом подплыл к берегу и, не выходя из воды, зацепился руками за землю и положил на них голову. И каким-то образом он сделал это именно там, где была я. Поэтому теперь я сидела и смотрела в знакомые и родные глаза, чувствуя себя бессильной, как никогда.

Всё его тело сотрясало от судорог. Я видела, что он прикусил губу, видела, как сжались кулаки, сминая траву, вырывая её из земли, видела, как из носа сочится кровь...

Он не мог ни видеть, ни слышать меня. И, конечно, не мог и почувствовать. Но я тем не менее наклонилась, обхватила руками его лицо — удивительно, но сама я ощущала прохладу мокрой кожи — и зашептала:

— Не плачь. Они не стоят твоих слёз. Никогда не плачь, ты самый сильный из всех, Дэйн. Только не плачь, пожалуйста! Я знаю, ты меня не видишь, но я здесь... Не плачь, Дэйн...

Я прижалась к его лбу щекой, чувствуя, как глаза щиплет от слёз. Пусть. Я поплачу сама, за него, только бы он не сломался...

Я обняла его за плечи, изо всех сил стараясь воздействовать на него энергией Света, чтобы залечить раны. Мои пальцы светились, но сила утекала сквозь них, как вода, не затрагивая самого мальчика.

И тогда я заплакала по-настоящему. Навзрыд. Обнимая его, целуя мокрый лоб, щёки и волосы, осознавая — я ничего не могу сделать. Прошлое... это всего лишь прошлое... И все мои знания бесполезны перед тем, что уже случилось.

Но теперь я поняла. Поняла, почему ты приходил ко мне. Приходил сквозь время и, возможно, расстояние. Приходил хотя бы просто для того, чтобы улыбнуться и подержать за руку. Подарить мне прекрасный сон, поцеловать, оставить букет лесных фиалок.

По той же самой причине я обнимала тебя, Дэйн. Зная, что ничем не смогу облегчить твои страдания, я тем не менее продолжала

обнимать, целовать, шептать какие-то слова...

Я не хотела, чтобы ты сдался. Не хотела, чтобы ты умер.

И теперь я понимала — ты тоже не хотел, чтобы я умерла.

Глава 6

Рональда

Утром я решила избегать Грэя, но, спустившись вниз, обнаружила, что избегать некого — он уже уехал во дворец, захватив с собой Бугалона и Эдди, а на кухне была только Араилис. Улыбаясь, она кивнула мне и указала на горшок с кашей и тарелку с нарезанным сыром.

— Гал тебе завтрак оставил. Мама просила, чтобы ты как можно быстрее отправилась в школу, на сегодня запланировано много дел.

Я села за стол и взяла ложку.

Несколько минут мы с Ари не разговаривали. Я давилась кашей, пытаюсь съесть как можно больше, иначе Гал обидится, а Араилис сидела рядом и смотрела куда-то в никуда.

А потом она вдруг сказала:

— Дай ему время, Ронни.

Я поперхнулась.

— Что? Ты о чём?

— Я о Грэе. Просто дай ему время.

Рассмеявшись, я отложила ложку в сторону и отодвинула горшок с кашей.

— Ари, я понимаю твоё желание защитить Грэя, но поверь, я совершенно не...

— Переживаешь, — сказала она твёрдо и улыбнулась. — Ты переживаешь, как и он. Вот только ты стараешься не думать, а Грэй, наоборот, думает обо всём каждую минуту. Просто дай ему время, Ронни. Грэю сейчас сложно.

— А мне, значит, легко? — возмутилась я. Ари покачала головой.

— Я этого не говорила.

Девушка встала и подошла к окну. Отвернулась от меня и, уставившись то ли на небо, то ли на крыши домов, продолжила:

— Он очень любил Лил. С детства. Они всегда были вместе, собирались пожениться, не мыслили жизни друг без друга. А потом, когда она умерла, и Грэй ушёл из дворца, решив покончить со связями с императорской семьёй... Ронни, ты не знала его тогда, в то время. Я — знала. И я помню, как сильно он изменился. Словно два разных человека. Тот, счастливый Грэй, умер вместе с Лил, и на его месте появился кто-то очень несчастный и одинокий. Он тогда собирался уехать из столицы навсегда, ты знаешь об этом? И чем дальше, тем лучше. Уехать, чтобы больше никогда не видеть ни императорскую чету, ни Эллейн.

— Почему же не уехал? — спросила я тихо. Араилис вздохнула.

— Мы все уговаривали его. Все. И я, и Дрейк, и Мирей, и Гал, и Дарт с Тором. И в конце концов Грэй сдался. Поселился в мастерской, зарабатывая на жизнь уроками по обращению с оружием, и с годами он не становился счастливее. Даже наоборот. И если бы не Эдди...

Я опустила голову.

Да, Эдвин — центр мира для своего отца. Я знала это очень хорошо.

— А потом Грэй неожиданно решил съездить к Морю Скорби. Он надеялся, что там ему станет легче. Но не доехал.

Я вспомнила, как увидела мужчину рядом с западными воротами, ведущими в Снежную пустыню. Так вот, значит, какому делу я помешала...

— Ронни, пойми, — Араилис обернулась и посмотрела прямо на меня, а в глазах её будто огонь горел, — Грэй никогда и никого не любил, кроме своей жены. И сейчас он в растерянности. Он ничего не понимает, не знает, как себя вести, чувствует себя предателем по отношению к Лил. И Эдди, начавший называть тебя мамой, ещё больше запутывает ситуацию. Ты... не сердись на Грэя, Ронни. И дай ему время.

Я в задумчивости смотрела на Араилис.

— Зачем ты говоришь мне это, маленькая прорицательница?

Она улыбнулась, но как-то грустно, опустила глаза и прошептала:

— Именно моё предсказание когда-то отняло жизнь Лил. И я... я очень надеюсь, что наступит время, когда я пойму, что отдала Грэю этот долг.

Я хотела сказать — жизнь Лил отняло вовсе не предсказание, а проклятье, но промолчала. Араилис никогда в это не поверит. А убеждать в чём-либо прорицателя — неблагоприятное занятие.

Честно говоря, я надеялась, что в школе встречу Элли. Мне хотелось выпросить у неё всё, что она знает о Дэйне, и на этот раз я не собиралась сдаваться и не обращать внимания на чужие слова и недомолвки. Но, к моему разочарованию, герцогини в школе не оказалось. Зато оказались Дрейк и Ратташ.

Рат выглядел взволнованным и взъерошенным, и когда я спросила, в чём дело, оказалось, что прислали первую партию книг для библиотеки, и теперь всё это богатство в полном беспорядке наполняло огромное помещение в подвале, где мы планировали сделать зал для тренировки боевых заклинаний. Эллеин поручила Ратташу хотя бы начать разбирать книжные завалы, и поэтому мужчина, схватив стопку бумаги и письменные принадлежности, в ужасе умчался вниз, оставив меня наедине с Дрейком.

И если императорский советник показался мне слишком эмоциональным, то эльф, наоборот, был совершенно спокоен. И мрачен. Сидел на диване, скрестив ноги, и не отрывал от меня тяжёлого взгляда, пока я ходила по комнате и собирала нужные нам для подготовки к ритуалу книги.

— Итак, — я села перед Дрейком в кресло и открыла справочник по древним рунам, — первое, что нам необходимо сделать — это поставить зеркальное заклинание и усилить его вот такой руной, — я ткнула пальцем в причудливый знак, чертить который училась несколько вечеров подряд. — Причём необходимо правильно замкнуть контур, иначе дальнейшие действия будут бесполезны, они растворятся в окружающем пространстве.

— Скажи, — Дрейк вдруг наклонился вперёд и накрыл мою руку своей, отчего я слегка вздрогнула и попыталась отодвинуться, но куда там! Проще было взлететь, — почему ты настолько не любопытна?

— Ты чего? — зашипела я. — Совсем?! Пусти!

— Просто ответь на вопрос! — рявкнул эльф.

— Да с какой стати?! Мы тут с тобой должны обсуждать подготовку к ритуалу, а не дурацкие вопросы! Пусти уже!! Дрейк!!

Но вместо того, чтобы отпустить мою ладонь, эльф только сильнее дёрнул её, из-за чего мне пришлось наклониться к столу, да и сам он согнулся так, что прошептал практически мне прямо в губы:

— Дура!

— Ты...

Я размахнулась свободной рукой посильнее, но эльф перехватил и её, сжал...

— Больной!! — Я всё ещё пыталась освободиться. Дрейк усмехнулся и тихо сказал:

— О да. Я больной. А ты дура, Ронни. Ты не видишь, что происходит? А если видишь, почему не задаёшь вопросов?! Ни единого! Проглатываешь, будто так и надо! Да тебя обмануть — проще простого, потому что ты ничего вокруг не замечаешь!

— Да тебе-то что?! Что ты лезешь... Какая тебе разница?!

— Мне?!

Я задохнулась, когда Дрейк резко дёрнул меня вверх, поставил на ноги, а когда я начала заваливаться на стол, удержал и, обхватив ладонями моё лицо, горячо зашептал:

— Никогда не встречал такой наивной идиотки. Такой чистой, доброй, милой идиотки. Идиотки, которая умудряется идти по жизни по пояс в чужой грязи, но тем не менее не пачкаться, — он усмехнулся и зашептал горячее: — Оглядишься по сторонам. Вспомни все странности и недомолвки. И научись наконец не принимать всё на веру! Задавай вопросы и требуй ответы на них. Ты имеешь на это право!

Почему-то после того, как Дрейк закончил свой странный монолог, отпустил моё лицо и отошёл на шаг в сторону, я будто сдулась — обида куда-то исчезла, словно и не было её. Впрочем, теперь я хорошо понимала разницу между тем, что мне говорили оборотни в Арронтаре и тем, что сказал сейчас Дрейк.

Они хотели ранить, причинить боль. Эльф же... Не хотел, чтобы мне причиняли боль другие.

— Что с тобой? — тихо сказала я, растирая ноющие ладони. — Раньше ты готов был убить меня сам. А теперь вот беспокоишься. Что с тобой, Дрейк?

Он улыбнулся. И как-то очень хорошо, совсем не мрачно, без злости и ненависти.

— Я просто ошибался.

— И когда ты это понял?

— Почти сразу. Просто не хотел признавать, — эльф фыркнул и посмотрел вниз, на стол, где лежала книга по древним рунам. — Вернёмся к подготовке к ритуалу?

Эх, треснуть бы его по голове чем-нибудь тяжёлым...

— Ладно. Слушай дальше. Только не перебивай. Итак...

Как ни странно, мы в тот день с Дрейком нормально поработали и сделали всё, что я планировала. Зеркальное заклинание и усиливающая его руна «Камень» — самое простое из всего, что придумала я... и Дэйн. Грубо говоря, на этом этапе мы поставили забор — преграду, которую в дальнейшем нельзя будет разрушить ни изнутри, ни снаружи. Пока можно, но потом будет нельзя. По крайней мере я очень надеялась, что всё получится.

Вернувшись в мастерскую Дарта и Тора, я обнаружила, что Грэй ещё во дворце. И Эдди с ним, само собой. Почему-то я так расстроилась, что поужинала в одиночестве и, оставив приготовленное на столе для остальных, ушла в свою комнату, забрав перед этим Элфи со двора, где он за день всласть набегался и распугал всех насекомых.

Какое-то время я ещё сидела на постели, прислушиваясь к звукам, доносящимся снизу — не пришёл ли Грэй? — и чертила на листочке схемы и руны, нужные для ритуала. Но в конце концов меня сморило, я упала на подушку и накрылась с головой, свернувшись калачиком...

О нет.

Нет, нет, нет.

Я не хочу!

Мне вполне хватило собственной Ночи Первого Обращения. Я не хочу присутствовать ещё и на Ночи Дэйна!

Я рванулась, пытаюсь разорвать полотно сна, но оно было слишком плотным и прочным. Видимо, именно это воспоминание значит для Лирин настолько много, что я никак не смогу вырваться из него, пока не увижу всё.

Значит, именно это воспоминание причиняет ей самую сильную боль.

И кажется, я понимаю, почему...

Но я совершенно не хочу этого видеть!!!

Столько презрительных, ненавидящих взглядов, прожигающих Дэйна насквозь... и меня вместе с ним... Столько сжатых в бессильной ярости кулаков, сморщенных в брезгливости носов...

Всё это я уже проходила. Но тогда меня спас Нарро. А кто спасёт Дэйна?

Или не спасёт?!

Мальчик выпил зелье, вызывающее трансформацию, и застыл, ожидая эффекта. И я бы хотела отвернуться, не видеть ничего, но не могла. Я не могла оставить его одного.

— Позор! — закричал кто-то, как только прошло положенное для трансформации время. А потом крики, словно удары, посыпались со всех сторон:

— Бей!

— Убить!

— Позор!

— Урод!

Я сжала кулаки, чувствуя, как в глазах вскипают злые слёзы.

А Дэйн... он вдруг громко рассмеялся.

От этого смеха я застыла, ощутив, как волоски на затылке встали дыбом. Он звенел от силы и завораживал. И остальные оборотни тоже застыли, будто статуи, а мальчик, развернувшись, побежал так быстро, как только мог.

Я думала... Я надеялась... Но конечно, надежда была напрасной, ведь Дэйн никогда не учился пользоваться магией Разума, и даже такое количество силы, что звенела в его голосе, не могло подчинить оборотней дольше, чем на полминуты.

Первый камень, попавший в Дэйна и сбивший его с ног, бросила Лирин. Я бежала рядом с ней и видела, каким искажённым от ненависти было в тот момент её лицо. Лицо всего лишь маленькой девочки... которая ненавидела родного брата только за то, что он родился горбуном.

Я зарычала, вырвалась вперёд, обогнала остальных и встала перед Дэйном, раскинув руки. Бессмысленно... все камни пролетали сквозь меня, невидимую преграду, но я не могла поступить иначе, даже осознавая тщетность собственных попыток.

Краем уха я услышала, как Дэйн закричал. Громко и страшно, и вместе с его голосом в воздух поднялось такое количество силы, что вздрогнул весь Арронтар...

А потом в небо взмыли птицы, и они были повсюду! Маленькие и большие, хищные и не очень, они летели со всех сторон, чёрной тенью нависая над Великой Поляной, и они... защищали Дэйна! Камнем падая на нападающих оборотней, птицы клевали их, рвали кожу на лице и руках когтями, били крыльями... Они закрывали своими телами мальчика, чтобы тот мог подняться с земли и уйти, скрыться, спрятаться. Жертвовали своими жизнями, но не отступали, и их становилось с каждой секундой всё больше и больше.

Я побежала вслед за Дэйном, и как только догнала его, то, охнув, едва не упала. И не смогла сдержать слёз, потому что его лицо было сплошным синяком, по подбородку на грудь текла кровь из рассеченной губы, а одну ногу он тащил за собой, словно бревно.

Последний камень, пролетев через живой щит из птиц, ударил Дэйна в середину спины, там, где был горб, и мальчик, зашипев, опять упал в грязь.

Я упала рядом, прижалась к нему, и наконец-то закричала. Так громко, как он несколькими минутами ранее, разрываясь от боли за него и собственного бессилия...

И почувствовала, что просыпаюсь.

В нос ударил запах крови. Резкий и сильный. Причём кровь не была моей.

Я испуганно распахнула глаза и только тогда услышала:

— Ронни, давай, просыпайся! Ты сейчас весь дом перебудуешь!

Грэй прижимал меня к кровати, а я... я вцепилась в его плечи выпущенными когтями. Так вот откуда кровь! Она лилась из плеч мужчины на мою грудь, и рубашка там была уже насквозь мокрой и облепила тело, как вторая кожа.

— Прости, — попыталась сказать я, но вместо этого с моих губ сорвался хрип. Я аккуратно вынула когти из плеч Грэя, отчего мужчина поморщился, а затем, приложив ладони к ранкам, залечила их чистой энергией Света.

И только потом вновь посмотрела в его глаза.

— Что случилось? — просипела глухо, но вполне разборчиво.

— Понятия не имею, — прошептал Грэй. — Ты кричала во сне, я услышал и прибежал. А когда попытался разбудить, ты впилась в мои плечи.

— Извини, — ответила я так же тихо. — Плохой сон...

Только в тот момент моё сознание наконец начало проясняться после пробуждения... а может, наоборот, затуманиваться. И я поняла, что Грэй лежит на мне в одних штанах — кажется, в обычных, а не в пижамных, потому что я чувствовала металлическую пряжку ремня — а я в промокшей от крови ночной рубашке, облепившей грудь так, что видно совершенно всё.

Грэй медленно опустил глаза и посмотрел туда.

Я чувствовала, как скользит его взгляд, как будто он не смотрел, а трогал руками. От одной вершинки к другой...

Я вздохнула, и ткань натянулась сильнее. И запах крови наполнил ноздри... Он пьянил, завораживал, заставляя меня нервничать...

И вдруг из детской послышался крик Эдвина.

Когда мы с Грэем и Бугалоном, который присоединился к нам в коридоре, ворвались в детскую, Эдди больше не кричал. Он лежал в кровати, бледный, как смерть, и из его горла хлестала чёрная кровь.

Я на миг замерла.

А затем бросилась к постели Эдди и приподняла мальчику голову, одновременно пытаюсь уменьшить поток крови, льющейся из его горла. Два часа... если я ничего не придумаю, Эдвин умрёт всего лишь через два часа!

Но что я могу сделать?! Что?!

— Гал, — раздался сзади странный, какой-то оцепеневший голос Грэя. — Зови Эллейн. Быстрее!

Тяжёлые шаги, стук от закрываемой двери, а потом оглушительный грохот — Гал явно разбил амулет призыва. Остаётся надеяться, что герцогиня сможет прийти в ближайшее время, иначе...

«С Эдди в любом случае всё будет в порядке. Ты понимаешь? В любом случае».

Как же так, Ари?!

Проклятье чёрной крови — неснимаемое. Необратимое. О каком любом случае ты говорила?!

«Есть один способ, но для этого... придётся пожертвовать жизнью. Нужно заменить кровь проклятого на собственную, а его кровь забрать себе».

Слова императора полыхнули яркой вспышкой в моём сознании.

Заменить кровь на собственную...

Эдди вновь закашлялся и стал захлёбываться. На мгновение я прикрыла глаза, чувствуя, как моя волчица начинает беспокойно выть и царапаться, ощущая опасность для своего волчонка.

Нет. Не отдам! Зубами вцеплюсь, когтями рвать буду. Не отдам!!!

Кем бы ты ни был, маг Крови, я не отдам тебе сына. Никогда!

Зарычав, я позволила волчице чуть больше — выпустила когти на обеих руках и резким движением разорвала ими вены на запястьях...

— Ронни...

Этот голос, такой родной, но сейчас не нужный. Мешает. Не надо мешать! Сосредоточиться. Надо сосредоточиться.

— Отойди! — зарычала, на мгновение обернувшись, и Грэй вздрогнул, увидев изменившееся лицо...

Клыки, острые и длинные, морщины на носу, как у волков, когда они скалятся, а в глазах кружатся, как бешеные, жёлтые искорки, превращая радужку из голубой в золотую.

— Волчица...

Ещё раз рыкнула, недовольно, но не зло, отвернулась... и, склонившись над Эдди, порвала когтями запястья мальчика, прижала к ним свои, из которых уже текла кровь — не чёрная, обычная — и зашептала...

Плечи волчицы задрожали, их с мальчиком руки окружил слепящий круг Света, и изо рта Эдди наконец перестала течь чёрная кровь.

Несколько секунд — и недовольный рык, вновь разорванные запястья — и то же самое, прижимать, шептать, лить Свет. Свет — противоположность Тьме, которая нужна, чтобы наложить проклятье, он поможет...

Когда волчица закончила работу и обернулась — она перестала быть волчицей...

Я позволила ей больше, потому что волчица сильнее и быстрее. И только когда щёк Эдди коснулся румянец, я наконец стала собой и, обернувшись к застывшему за плечом Грэю, почувствовала, как меня всё сильнее утягивает в темноту.

Она звала — прекрасная, чёрная, безмолвная и беспамятная. И я знала, что уже не смогу противиться — отдала все силы сыну. Всю кровь, всю жизнь...

Он будет жить. Я хотела сказать это Грэю, но не успела. Я уже не принадлежала самой себе.

Я умерла.

Глава 7

Дартхари Нарро, Арронтар, около 10 лет назад

Старик Родэн любил дождь. Хотя так было не всегда.

Когда-то давно он, как и остальные оборотни, дождь ненавидел. А за что его любить? Сырость, слякоть, и чихать тянет. Все оборотни не любят дождь, и когда с неба льёт, они предпочитают находиться дома, в тепле и сухости.

Родэн же выходил на крыльцо, садился в старое кресло и смотрел. И дышал. Дышал чистым, свежим воздухом, в котором было столько разных оттенков запахов, что у него чесался нос.

В такие минуты он был почти счастлив. Ему казалось, что вода смывает не только грязь, но и его грехи. Чудилось, будто он вернулся туда, почти на столетие назад, и его Мара по-прежнему беременна первым ребёнком... И ничего этого не было, не случилось. Рэйнар не умирал, и Лирин осталась такой же весёлой и беззаботной, и её волосы светлые, а вовсе не седые. И никогда в деревне белых волков не рождался горбун, никогда. Только Дэйнар, сын Родэна и Мары.

Старик вздыхал и украдкой вытирал глаза — так, чтобы жена не видела. Она обычно тоже сидела рядом и смотрела на дождь.

Они не разговаривали. Да им и не нужно было разговаривать. Всё уже сказано и сделано. Жизнь почти прожита, и ничего не вернуть, не исправить.

И старики не верили, что когда-нибудь дождутся прощения. Да и, по правде говоря, они считали, что вовсе его не заслуживают.

А то, чего заслуживают, они уже получили.

В тот день дождь шел с утра до самого вечера. А когда наступили сумерки, Родэн решил прогуляться.

Он и сам не понял, зачем пошёл в деревню. Что-то будто тянуло его туда, и он покорно побрёл в ту сторону, куда его тянуло.

Старик не сразу понял — то, что он слышит, вовсе не призраки прошлого, не его собственные мысли, а реальные события. Настоящие звуки, смех, крики...

— Бей жабу!

— Да, так её!

— Давай, бросай!

Это было так похоже... Так похоже на то, что он когда-то слышал и не останавливал. И даже надеялся, что какой-нибудь случайный камень убьёт того, кого Родэн в мыслях теперь называл не иначе как «ирли» — сынок.

Спина, которая, как он думал, сторбилась навсегда, вдруг выпрямилась. Старик вышел из-за угла... и застыл на секунду, вглядываясь в происходящее.

Толпа оборотней. Совсем юных, большинство не обращённые... И эти необращённые хватили камни с земли и бросали в девочку, что стояла шагах в десяти от них. Девочка не уворачивалась, не пыталась убежать. Просто стояла и смотрела на сородичей глазами, в которых...

Обречённость. Отчаяние. Боль.

Как же всё это было знакомо Родэну.

Она глядела на кого-то в толпе, остальных будто не замечая. Старик шагнул вперёд, намереваясь схватить за плечо ближайшего мальчишку — но в этот момент девочку в грудь ударил большой и острый камень, и она, сдавленно охнув, осела на землю.

— Бей!

Родэн только успел открыть рот — а в девочку уже летели камни. Один попал ей в лоб, другой прошёл по касательной, задев висок, третий ударил по пальцам руки, которыми она сжимала голову... Но ни вскрика, ни стопа, ни всхлипа... Она молчала.

В воздухе сильно запахло её кровью — и Родэн очнулся.

— Стойте! — закричал он так громко, как мог.

Дети действительно остановились. Обернулись, с недоумением разглядывая старика, очевидно, не признавая в нём жителя деревни. Оно и немудрено — Родэн был в ней редким гостем. Всё необходимое для жизни им с Марой либо приносила Лирин, либо они выращивали это сами в огороде.

— Убирайтесь. Брысь отсюда! — Он махнул рукой с зажатой в ней старой клюкой, даже легонько ударил ею ближайшего мальчишку.

— Но...

— Никаких «но». Брысь, я сказал! А не то всем уши надеру. Пошли прочь!

Они недовольно заворчали, но послушались.

Пока ещё Родэн был сильнее молодых оборотней. Да, пока ещё...

Старик, опираясь на клюку, подошёл к девочке. Она по-прежнему продолжала сидеть на земле, в грязи, и по её рукам и голове текла кровь.

Родэн неуверенно наклонился и прикоснулся к её плечу. Девочка не реагировала. Тогда старик чуть потряс её. Она вздрогнула и подняла голову.

Ох... Лучше бы он этого не видел. Нет, дело было не только в ссадинах, царапинах, синяках и шишках, обильно украшавших лицо девочки. И не в крови, которая текла по её лбу, носу и подбородку тоненьким, но быстрым ручейком.

Её глаза. Родэн уже давно не видел таких глаз...

Ярко-голубые. Точь-в-точь, как у сына.

— Встань, — прошептал он. Девочка съёжилась, будто ожидала удара, и старик успокаивающе погладил её по плечу. Не помогло — ребёнок сжался ещё больше. — Не бойся, я ничего тебе не сделаю. Встань, пожалуйста. Здесь грязно.

Несколько секунд она смотрела на него непонимающими глазами, но потом всё-таки поднялась. Правда, не без его помощи. Чуть поморщилась от боли, когда Родэн схватил её за повреждённое запястье — оно было синего цвета — и заскрипела зубами, встав на левую ногу. Но не издала ни стопа, ни всхлипа, словно стеснялась своей боли.

— Пойдём.

Девочка покорно пошла за ним. Она явно старалась не хромать, а Родэн украдкой рассматривал её.

Ему стало всё понятно в тот миг, когда она поднялась с земли. Невысокая, пухленькая, но очень крепкая, особенно бедра — явно не прошли даром забеги с молодыми оборотнями. Что-то невыносимо трогательное было в её плечах, в светлой косичке, в падающих на лоб кудряшках...

И глаза — пронзительно-голубые, и будто светящиеся. Совершенно удивительные.

Она была не такой, как те дети.

И Родэну в те минуты, когда он вёл маленькую Рональду к своему дому, казалось, что рядом с ним не она, а Дэйнар.

В первую секунду, увидев девочку, Мара опешила. Но почти сразу всё поняла и засуетилась.

Они молчали — все трое.

Родэн тяжело опустился на стул, глядя, как жена промывает раны и смазывает их целебными настоями. Малышка покорно стояла посреди комнаты, уставившись в пол, и не видела, как беззвучно плачет женщина, вытирая слёзы рукавом, не видела, как дрожат её губы. Поглощенная собственным горем, она ничего не замечала.

Мара положила её в комнату, которую они с Родэном на всякий случай держали для Лирин. Правда, дочь ночевала там всего лишь пару раз. Но Мара всегда убиралась в этой комнате и надеялась, что однажды... Да, однажды Лирин улыбнётся им и останется ночевать не из жалости, а потому что ей так захочется. С тех пор, как ушёл Дэйнар, дочь не подарила им ни одной улыбки.

— Она похожа на него, — прошептала Мара, садясь рядом с Родэном.

Он кивнул.

— Особенно глаза. Ты видел её глаза?

— Видел. Как не увидеть.

Мара всхлипнула.

— Не знаешь, кто она? И как её зовут?

— Нет. — Родэн покачал головой. — Спросим завтра, как очнётся.

Но наутро, когда старики проснулись, они обнаружили, что девочка уже ушла. Постель была заправлена, никакие вещи не тронуты.

Она просто ушла, не оставив о себе ничего, даже имени.

И Родэн не знал, как утешить Мару, которая всё утро проплакала, сидя на крыльце в старом кресле, тихо всхлипывая и вытирая слёзы уголком цветастой шали.

Оборотни сильно благоговели перед Нарро, но время шло, и у сородичей дартхари появлялись разные недостойные мысли.

У Нарро был существенный недостаток, о котором прекрасно знала Лирин — он не обращал внимания на слухи, сплетни и пересуды, да и властью своей не очень-то дорожил. Для него это была простая формальность, которую он принимал, как должное, но некоторых вещей, свойственных обличённому властью, стремился избегать. И Лирин очень боялась, что с братом может что-то случиться. Она слышала отголоски разговоров, невнятный шепот, который пока ещё не успел превратиться во что-то более серьёзное, и понимала, откуда растут ноги.

Оборотни привыкли к быстро меняющимся дартхари. Это была игра, эстафета, которую они передавали друг другу через каждые несколько лет. И получалось так, что всем ара доставалось по чуть-чуть власти. А теперь...

Арронтар словно обзавёлся собственным императором. Можно было даже не помышлять о том, чтобы победить Нарро — его сила в несколько раз превосходила силу даже трёх калихари, вместе взятых, но некоторые молодые оборотни всё равно бросали Вожаку вызов. Хотя это было скорее исключение, нежели правило.

Никто не спрашивал, откуда он взялся, такой сильный, и где пропал столько десятков лет. Никто не сомневался в его праве на власть, и не удивлялся, отчего дартхари не стареет. Лирин понимала, почему так, ведь её брат всё-таки был магом Разума. Но он не мог — а может быть, и не хотел — запретить оборотням шептаться. Шептаться о том, не вредно ли столько лет находиться под властью одного и того же дартхари? Обсуждать, не было бы полезнее для Арронтара, если бы Вожаки менялись почаще, как раньше?

И она боялась. Боялась, что однажды разговоры превратятся в заговоры, и сородичи начнут искать способ убить её брата.

И больше всего на свете Лирин боялась, что они этот способ найдут.

В тот день с самого утра Нарро чувствовал беспокойное дыхание леса, его волнение, напоминавшее волнение моря перед бурей. На небе то собирались тучи, то светило яркое солнце, по-осеннему тёплое, но

не жаркое. И вроде бы ничего особенного — обычный осенний день, похожий на тысячи предыдущих, но... что-то было не так, как всегда.

И ветер... ветер почему-то пах не осенью, а весенней зеленью. И сахарной карамелью, как тогда, в прошлой жизни, когда Фрэн была жива.

В дверь постучали.

— Пора. Все собрались. Ждут тебя. Или ты не пойдёшь? — спросила Лирин тихо, не заходя в комнату. Порой Нарро действительно оставался в усадьбе, но сегодня он чувствовал — надо идти.

Дартхари шёл к Великой Поляне медленно, словно крадучись, ведомый тем странным ароматом, который заставлял сжиматься что-то глубоко внутри него. Волк волновался и царапался, ворочался и скулил. Подобного не было уже очень давно.

Все три клана стояли на Поляне, образуя кольцо. И только пять фигур выбивались из строя, замерев на пару шагов дальше от него — юные оборотни, у которых сегодня намечалась Ночь Первого Обращения.

Она стояла слева, полубоком к Нарро, и грудь её взволнованно вздымалась. И как же она пахла... Свежей зеленью, сладкой карамелью, солнцем, небом, водой, землёй...

Его волк рванулся вперёд, и дартхари изо всех сил сжал кулаки. Нет... нельзя.

— Приготовить зелье для ритуала первого обращения, — услышал он чуть дрожащий голос Лирин позади себя. — Начинает Рональда, дочь калихари Винарда.

Рональда... «Надежда»...

Она пошла вперёд, в центр Поляны, глядя прямо перед собой широко раскрытыми от ужаса глазами. Её запах изменился, наполнившись чем-то кисло-горьким, он щекотал ноздри Нарро, заставляя его волка взволнованно порывивать.

Девочка встала посреди Поляны и начала медленно расстегивать платье. Руки её дрожали, пальцы не слушались, словно были обморожены.

Раз, два, три, четыре... пять крошечных крючков, и она спустила платье до талии.

В сумраке, давно спустившемся на землю, Нарро различил белые плечи, покрытые мурашками, светлые волосы, мелкими кудряшками обрамляющие круглое лицо, голубые глаза, сверкающие от обиды и боли, пухлые губы — ярко-красные, как кровь. Видел тонкую косичку, полную грудь с нежно-розовыми маленькими сосками, небольшие ладошки, которыми она пыталась прикрыться...

Нарро задышался.

Горячие волны проходили по телу, обжигая с головы до ног.

Нельзя, нельзя. Нельзя!

В чувство дартхари привёл звук, которого не должно было быть на Поляне.

Смех. Окружающие его оборотни смеялись!

— ТИХО! — он даже не понял, насколько громко прорычал этот приказ. Усилием воли погасил эмоции — все до единой, даже гнев и ненависть — и глубоко вздохнул, окончательно взяв под контроль внутреннего волка.

И тут она обернулась.

Он заметил, как широко раскрылись её глаза, как она задрожала, вероятно, почувствовав то же самое, что и Нарро несколько минут назад — горячую волну, прошедшую сквозь тело, словно молния. Её аромат наполнился сладостью, он заполнил ноздри Нарро, и впервые в жизни дартхари почувствовал себя пьяным.

Воздух вокруг звенел. Нет, это был ещё не Зов, не музыка, только лёгкий звон, но когда-нибудь... Когда-нибудь, когда эта девочка вырастет и станет волчицей...

— Продолжай. Обряд ещё не закончен.

Она сглотнула, отвела глаза и спустила платье и бельё полностью. Перешагнула через одежду и приняла бокал с зельем, вызывающим трансформацию, раскинув руки в ожидании, что сейчас начнётся обращение...

Но оно не начиналось.

Нарро сжал зубы и медленно пошёл вперёд, чувствуя, как мнётся под его ногами трава, как с каждым прошедшим мгновением кровь всё сильнее шумит в ушах, как перехватывает дыхание от близости её запаха.

Рональда плакала. И как бы он хотел встать перед ней на колени и аккуратно слизать каждую слезинку... Но нельзя. Нельзя.

Нарро осторожно положил руки на её плечи и тихо сказал:

— С этой минуты Рональда, дочь калихари белых волков, находится под моей защитой. Каждый, кто посмеет обидеть её, будет отвечать за проступок на поединке со мной.

И как только дартхари замолчал, она распахнула глаза и посмотрела на него.

Покачнулась.

Нарро чуть сильнее сжал плечи девочки, чтобы она не упала, понимая, как ей, должно быть, тяжело чувствовать сейчас то же, что и он — обжигающий внутренности огонь, каленым железом прикасающийся к сердцу.

— Все присутствующие поняли моё слово?

Оборотни ответили «да», и он услышал в этом ответе удивление. Вздохнул, усилием воли заставил себя отпустить плечи Рональды, отвернулся и пошёл обратно, к своему месту рядом с Лирин, застывшей там уже давно, как каменное изваяние.

А когда Нарро обернулся, Рональды уже не было на Поляне.

Сердце, казалось, стучало на весь лес. Будто не сердце, а колокол.

Он не мог думать ни о чём другом, кроме маленькой девочки, не прошедшей ритуал Первого Обращения. Смотрел на происходящее на игрищах, но не видел. Слушал, но не слышал.

Только сердце билось, сражалось с грудной клеткой, словно хотело выпрыгнуть наружу. И ярость... ярость вместо крови текла по жилам, ударяя в голову, как хмель.

Если бы Нарро в тот момент видел себя со стороны, он бы заметил, как налились кровью белки его глаз, как ладони сжались в кулаки, как тяжело вздымалась грудь, с едва слышным рыком выталкивая из лёгких воздух.

Он не замечал, но заметила Лирин. И как только игрища закончились и оборотни начали расходиться, она встала перед дартхари и положила маленькие узкие ладони на его плечи.

— Постой.

Нарро посмотрел на неё, и она вздрогнула — в его глазах она не увидела ничего, кроме жгучей ненависти.

— Нет, Нарро, нет, — прошептала Лирин, чуть сжимая пальцы. — Тебе нужно успокоиться.

Несколько секунд он смотрел на неё, словно не понимая, а затем прохрипел:

— Что?..

— Успокоиться, — повторила Лирин шёпотом, погладив дартхари по плечам. — Если ты пойдёшь к Винарду сейчас, то убьёшь его. Как думаешь, что она будет чувствовать, если ты убьёшь её отца?

Лирин ощутила, как в Нарро что-то изменилось, и это «что-то» было хорошо для калихари Винарда, но плохо для неё, ведь теперь ярость дартхари переметнулась на старшего советника.

Нарро медленно поднял руку и положил ладонь сестре на затылок, а секундой позже сжал пальцы, вцепляясь ей в волосы и откидывая назад голову, словно стремился сломать Лирин шею.

От боли из её глаз брызнули слёзы.

— Как ты смеешь... Как ты смеешь разговаривать со мной... Что ты знаешь об этом, Лирин?! Разве ты знаешь, что чувствуешь, когда не проходишь Ночь Первого Обращения?!

Нарро шипел эти злые слова, наклонившись над лицом сестры и выгнув её шею так, что ей казалось, будто у неё оторвётся голова. Он неосознанно выпустил когти, и теперь по его ладоням и запястьям текла её кровь.

Наверное, она должна была испугаться. Но Лирин не испугалась — она никогда не боялась Нарро, что бы он ни делал.

— Ты прав, — с трудом прохрипела женщина. — Я ничего не знаю об этом. Я не отрицаю, Нарро. Но если ты убьёшь Винарда, никому легче не станет. Особенно Рональде.

Несколько мгновений дартхари с яростью смотрел в бледное лицо сестры, а затем усмехнулся.

— Он нарушил слово, данное мне. Ты помнишь, Лирин?

Конечно, она помнила. Помнила, как однажды весной Нарро заставил стаю поклясться: если у кого-то родится необычный ребёнок, чем-либо не похожий на остальных оборотней, родители принесут его Вожаку.

Но Винард не принёс Рональду. Нарро потерял тринадцать лет. И судя по испуганным глазам девочки, эти тринадцать лет не прошли для неё даром.

— Я сделал ошибку. Я тогда не сказал, что будет с тем, кто нарушит слово. Сейчас я понимаю, что...

— Нет! Я прошу тебя. Успокойся. Подумай. И... не убивай его.

Нарро наклонился ниже над её лицом.

— Просишь?.. Меня? Ты считаешь, что имеешь право просить?

— Возможно, только я и имею это право.

Сознание помутилось от ярости, и дартхари, сжав зубы, отпустил Лирин и оттолкнул от её от себя, не думая о том, с какой силой это делает. Она отлетела назад шагов на двадцать, врезалась спиной в дерево, упала на землю и больше не шевелилась.

Кто-то будто выпустил из его лёгких весь воздух.

Нарро подбежал к Лирин, сел рядом и коснулся её руки. Жива.

О Дарида. Как же он испугался. Она ведь слаба, как новорождённый котёнок, а он её так...

Сила потекла сквозь пальцы, наполняя её тело, вылечивая ушиб, и секундой спустя она очнулась.

Нарро долго смотрел в её глаза, полные слёз, и молчал. Лирин тоже молчала.

— Я мог тебя убить.

Её губы дрогнули.

— Не мог.

— Мог, Лирин. Ты очень хрупкая. И регенерации почти нет.

Она вглядывалась в его лицо, жёсткое и спокойное, и уже открыла рот, намереваясь наконец сказать то, что давно хотела сказать, но не решалась...

Как вдруг Нарро подхватил её на руки, поднялся с колен и зашагал прочь с Поляны.

Лирин разом растеряла все слова и фразы. Она только смотрела на его лицо, по-прежнему жёсткое и спокойное, и чувствовала, как в груди что-то щемит... и в то же время расцветает, словно весенние цветы...

А потом Лирин мучительно медленно подняла руку и дотронулась кончиками пальцев до щеки брата... чтобы секундой позже глубоко вздохнуть и задрожать, когда Нарро повернул голову и прижался горячими губами к её запястью.

Зачем он это сделал?

Нарро не хотел ни думать, ни рассуждать. Он просто продолжал путь в усадьбу, а когда достиг цели, попросил одного из стражников

привести к нему калихари Винарда.

Вожак поднялся по лестнице, отнёс спящую Лирин, уснувшую ещё по дороге сюда, в её комнату и направился к себе в кабинет.

Когда-то давно, когда Нарро только стал дартхари, Лирин говорила, что переедет. И первое время она пыталась это осуществить, но засиживалась в усадьбе постоянно... пока Нарро всё-таки не сказал ей, чтобы перестала беспокоиться.

Он даже не заметил, когда её присутствие перестало раздражать его. Не осознал, когда пришло понимание — она нужна ему, и не только как старший советник, но и... просто.

Она была не похожа на ту Лирин, что он помнил. Мягкая, понимающая, слабая и в то же время сильная, нежная, но очень несчастная.

Он запутался. В ней, в себе, в своих чувствах.

Злился ли он на неё теперь? Нет.

Обижался ли? Нет.

Простил ли?..

Нарро усмехнулся. Он не знал ответа на этот вопрос... больше не знал.

Он не ненавидел Лирин, но и сказать, что простил, был не готов. Словно что-то держало его в прошлом, не отпускало до конца. И пока он не мог понять, что именно.

Глава 8

Дартхари Нарро, Арронтар, около 10 лет назад

— Вы хотели меня видеть, дартхари?

Когда калихари Винард зашёл в кабинет, Нарро стоял возле окна. Широко распахнув створки, он вглядывался в ночное небо, в его безмятежный темный бархат, и дышал. Глубоко дышал.

Даже сейчас, когда её не было рядом, Нарро чувствовал её запах. Но почему он не чувствовал его раньше?

— Да, Винард. Хотел.

Вожак обернулся и кивнул на стул возле письменного стола.

— Садись.

— Спасибо, дартхари. Я постою, — ответил Винард, и Нарро едва заметно усмехнулся. Он видел, как напряжён его посетитель. Словно натянутая струна, ни одной расслабленной мышцы в теле. Впрочем, это понятно.

— Я думаю, ты догадываешься, зачем я тебя позвал?

Вожак спросил это не угрожающе и не обвинительно, а спокойно. Наверное, потому что теперь Нарро хотел не убить, а понять.

— Догадываюсь, дартхари.

— Тогда мне незачем задавать наводящие вопросы, верно? Рассказывай.

Винард вздохнул и поморщился. А Нарро невольно вспомнил жену калихари белых волков — красавицу Прайму, золотоволосую женщину с надменным лицом.

И опять в нём вспыхнул гнев, когда он представил, чего и в каком количестве натерпелась Рональда. Видимо, Винард почувствовал изменения в настроении Вожака, потому что вдруг выпалил:

— Вы сказали, приносить вам любого необычного ребёнка. И Рональда... нам не сразу стало понятно, что она не такая, как остальные. А когда стало... — Он запнулся, но потом всё же

продолжил: — Я подумал, что вы убьёте её, дартхари. И поэтому пошёл на нарушение данного слова... Простите, я не хотел, чтобы вы убили мою дочь. Я на...

— Что?!

Нарро так удивился, что даже не смог сдержаться и промолчать.

— Я не понял, Винард. Ты решил, что я убью Рональду?

— Конечно. А для чего иначе она могла вам понадобиться?

Вспышка обжигающего гнева — и калихари чуть отступил назад, испуганно лепеча — не как взрослый мужчина, а как маленький нашкодивший мальчик:

— Дартхари, я понимаю, нехорошо, что я ослушался, но поймите, я не мог отдать вам свою дочь... Я прошу и сейчас — не убивайте её... Я...

О Дарида, что там лопочет этот оборотень?

У Нарро даже голова заболела. Винард думал, будто он собирается убить Рональду, и поэтому не принёс девочку? Очень логичный поступок, особенно если учесть, как ребёнка травили в деревне.

— Ты решил морочить мне голову, Винард? — спросил Нарро настолько холодным голосом, что его собеседнику показалось, будто в комнате пошёл снег.

— Нет, дартхари! Я говорю, правду. Я...

— Правду?! Нет, Винард. Ты говоришь так, будто любишь Рональду. Однако ты не любишь дочь, ты презираешь её. Я же вижу.

Калихари виновато наклонил голову и ответил тихо, но твёрдо:

— Одно не исключает другого, дартхари. Да, я презираю её, но и люблю тоже. Разве я могу не любить свою дочь? Мы с Праймой так ссорились из-за неё, жена боялась, что вы узнаете обо всём и... убьёте и Ронни, и нас... Она даже уезжала, уезжала к подругам в другие кланы, потому что боялась. А я надеялся, что со временем Рональда изменится, станет красивее, вырастет, будет сильной волчицей... Но она приносила нам с Праймой одно лишь разочарование.

Нарро задыхался. Прошлое накатывало, причиняя невыносимую боль — то самое прошлое, которое, как он думал, давно ушло, отпустило... Нет. Оно лишь затаилось, спряталось на время, и теперь вновь вылезло на поверхность, напомнив о себе даже болью в спине,

где давным-давно не было никакого горба и не осталось ни одного шрама от брошенных камней.

Все шрамы — только внутри. В душе.

— Прошу, не убивайте её, дартхари...

Нарро посмотрел на Винарда, и калихари вздрогнул — настолько его испугал пустой и полный бесконечной усталости взгляд Вожака.

— Ты глупец, Винард. Зачем мне убивать Рональду после того, как я взял девочку под свою защиту? Нет, я не убью её.

— Спасибо, дартхари...

— Уйди, — выдохнул он, вновь отворачиваясь к окну. — Ты разочаровал меня, и на следующих игрищах ответишь за проступок. Что же касается Рональды... когда увидишь, передай — пусть придёт в усадьбу как можно скорее.

— Да, дартхари.

Тихие шаги, скрип закрывшейся двери — и тишина.

В кабинете остались только Нарро и его мысли.

«Одно не исключает другого, дартхари».

«Я презираю её, но и люблю тоже».

«Она приносила нам одно лишь разочарование».

Эти слова жгли Нарро изнутри. Лучше бы он не посылал за Винардом. Лучше бы он всего этого не слышал. Лучше бы он просто его убил.

Но как же это глупо. Оставить Рональду, не отнести её Вожаку, и при этом продолжать презирать и позволять остальным швырять в неё камни и унижать. И любить. Разве это любовь?

Нарро засмеялся, но смех был настолько жутким, что если бы его кто-то слышал, то испугался бы.

Ответ на этот вопрос дартхари видел в глазах Винарда. Его не должно было там быть. Его не могло там быть. Но он был.

Калихари действительно любил свою дочь. Презирал, унижал, даже иногда мечтал, чтобы её и вовсе не существовало на свете... но любил. И презирал заодно и себя самого за это недостойное, как он думал, чувство.

Нарро вздохнул и устало прислонился лбом к оконной раме.

Глупые оборотни. Ведь если бы Винард просто любил дочь, без всяких презрений, то она бы смогла обратиться и действительно стала

бы сильнейшей волчицей в стае. Но Винард точно так же поддался общему настроению, как и родители Нарро.

Интересно... а они тоже его любили? Хотя бы немного?

Во сне Форс сидел на крыльце своего дома и пил из большой кружки ароматный чай.

— О, Дэйн! Заглянул-таки, — хмыкнул толстяк. Он так и не смог привыкнуть к новому имени Нарро и продолжал называть его Дэйном. Даже Аравейн перестроился, а вот Форсу это никак не давалось... или же он просто не хотел.

— Заглянул, — сказал дартхари, садясь рядом с наставником на ступеньки крыльца. — Хотел кое-что у тебя спросить.

— Валяй, — милостиво махнул рукой с чашкой Форс, из-за чего несколько капель чая вылетели наружу.

— С того дня, как я вернулся, — вздохнул Нарро, — я всё время ждал, когда случится то, о чём говорил Аравейн. Когда я встречу *дэрри*. Ты ведь помнишь, да, Форс? Знаешь, что я думал? Я думал, что она будет лежать в колыбельке. Думал, мне принесут её, ведь она должна быть такой же, как я. Я думал, что смогу оградить её от той боли, что когда-то испытывал сам. Я хотел сделать так, чтобы она никогда не чувствовала себя ненужной, презираемой и нелюбимой. Но сегодня на игрищах... Она не лежала в колыбельке, Форс, ей уже исполнилось тринадцать. И пока она пыталась пройти ритуал, я слышал отголоски Зова. Он ещё слабый и далёкий, потому что ей всего лишь тринадцать, но я чуть не сошёл с ума. Форс, я соскучился. Дохлый кот тебя дерит, как же я соскучился по этому чувству единения...

Наставник усмехнулся и опустил взгляд в чашку, скрывая повлажневшие глаза.

— Я понимаю. Как её зовут?

— Рональда.

— Надежда... Красиво. Так что ты хотел спросить у меня, Дэйн? Нарро сжал кулаки.

— Спросить... да, хотел. Я тысячу раз проходил по деревне белых волков за эти тринадцать лет. И в доме родителей Рональды я был, если не ошибаюсь, дважды. Но я ни разу не чувствовал её запаха, не ощущал присутствия! Разве это возможно? Сегодня, даже вернувшись

с игрищ, я продолжал чувствовать её запах. Он далеко, но я его слышу. Я не понимаю, Форс... Тринадцать лет! Ей ведь тринадцать... Как я мог...

— Как ты мог за эти годы умудриться не ощутить присутствия *дэрри*? Право, Дэйн, ты меня удивляешь. Иногда бываешь таким дураком...

— Где уж мне до тебя, Форс, — хмыкнул Нарро, и маг выразительно глянул на него.

— И не поймёшь — то ли ты мне сейчас комплимент сделал, то ли намекнул, что я бываю ещё большим дураком, нежели ты.

— И то, и другое.

— Ладно уж, — Форс вновь отхлебнул из кружки, — прощаю. У тебя в Арронтаре от сытой жизни совсем мозги склеились, раз ты таких очевидных вещей не понимаешь. Лесу нужно прощение, и не просто прощение, а прощение дартхари. Двоих оборотней. Но прежде чем прощать, надо, чтобы было, за что это делать. А если бы ты воспитал Рональду в любви и покое, как рассчитывал, кого и зачем ей прощать?

— Значит, Арронтар.

— Значит.

Даже во сне Нарро почувствовал, как невидимая рука коснулась его щеки и легко погладила. Лес просил прощения.

— Тебя не очень-то заботит проклятье, Дэйн, я знаю. Ты бы предпочёл избавиться от боли одну Рональду и сделать её счастливой. Но лес... он считает иначе. И он имеет на это право. В конце концов, именно он сделал вас такими...

— Изгоями?

Форс вздохнул, закатив глаза.

— Арронтар наделил вас силой, и я не только про магию. Я ещё и про силу духа. Ты знаешь, какое количество юных оборотней умирало там? Сколько убегало и не возвращалось? А ты смог вернуться. И стал дартхари, первым настоящим дартхари за столько лет. Ты ведь знаешь, что победить предыдущего — это ещё не всё? Сам лес признал тебя Хозяином, и ты занял место, принадлежащее тебе по праву. Как сильнейший. Арронтар сделал всё, чтобы случилось именно так. Благодаря тебе он обрёл новую надежду, надежду на снятие проклятия, поэтому твою *дэрри* так и зовут, Дэйн... Она — надежда леса, поэтому

он прятал её от тебя, чтобы ты встретил её только тогда, когда придёт время.

— И чтобы ей было, за что прощать. Я понимаю. Но это жестоко. Форс сочувственно посмотрел на Нарро.

— Я ведь не рассказывал тебе, как жил до Нерейска, да, Дэйн? Можешь не отвечать, я помню, что не рассказывал. Думаю, пришло время. — Маг сощурился, и у него во рту появилась большая дымящаяся самокрутка. — Я родился чёрным волком, самым обычным чёрным волком, у меня не было никаких горбов или других особенностей. Кроме, пожалуй, излишнего авантюризма... Я любил гулять в Западном лесу, но тогда он был другим. Там не было никаких злобных аксалов. Нет, аксалы были, но тогда они жили там постоянно. И больше всего любили именно Западный лес, потому что осенью там расцветает одно чудесное растение, оно называется зилли, и время его цветения совпадает с течкой самок. Аксалы едят цветки зилли, они нужны им, чтобы щенки рождались крепкими и выносливыми.

— Значит, поэтому набегии случаются осенью?

— Да, но не только. Слушай дальше.

У каждой земли есть животное-оберег. В Арронтаре этим животным были аксалы. Очень умные зверьки, невосприимчивые к магии Разума, со слюной настолько ядовитой, что она может убить и взрослого оборотня с сильной регенерацией. Но есть один секрет, который знали наши с тобой сородичи тогда и совершенно забыли сейчас. Если оборотень встречал аксала, и этот аксал становился его другом, то слюна такого зверька становилась для его хозяина волшебной, исцеляющей практически любые раны. А сам аксал... вернее и преданнее животных я не знаю, Дэйн. И встретить друга-аксала было счастьем для любого оборотня.

— Чара, — улыбнулся Нарро, вспомнив свою умную и верную подругу.

— Именно. Арронтар подарил тебе Чару, и этим будто пометил тебя. Именно благодаря ей мы с Аравейном поняли, что ты можешь справиться с проклятьем. И именно благодаря ей ты вообще выжил, Дэйн. Я уверен, что она не раз вылизывала тебя, когда ты спал, залечивая твои раны.

Но вернёмся к моей истории... Я всегда очень хотел друга-аксала, поэтому часто убегал в Западный лес. Я преследовал этих зверьков,

ходил за ними, надеясь, что какой-нибудь аксал признает меня. Но мне не везло.

Мне тогда было десять... да, кажется, именно столько. Ещё издалека, войдя в лес, я услышал чей-то смех и пошёл на него. А подойдя поближе, спрятался в кустах и выглянул...

На полянке сидела и играла с маленьким аксальчиком рыжая девочка. Волосы у неё были мокрые — видимо, она попала под дождь — платье всё в пятнах от травы и грязи, старые ботинки на ногах... и лицо в веснушках. И шея, и руки... она вся была в веснушках.

— Её за это презирали?

— Нет. Хотя, возможно, и за это тоже. Я не знаю, Дэйн. Но одно плечо у неё было сильно выше другого, почти возле уха, и сама она была ужасно худенькой, сплошные косточки. Косточки и веснушки, — Форс улыбнулся. — Её звали Магда.

— Звезда...

— Верно. Звёздочка моя... Поначалу она меня стеснялась и дичилась, ей всё казалось, что я начну смеяться или обзывать, но потом перестала. Благодаря Магде я обрёл своего друга-аксала. Её аксала звали Лаки, а моего Лори. Улыбка и смех.

Магда родилась рыжей волчицей, но Ночь Первого Обращения она, конечно, не прошла. Я помогал ей прятаться, и за это, как ты понимаешь, тоже заслужил презрение стаи. Хотя меня не трогали, я ведь был сыном тогдашнего дартхари. А отец... о, он знатно трепал меня на игрищах, что я смею не слушаться и общаюсь с Магдой. Пока я не сказал, что находясь рядом с ней, слышу музыку.

— Зов?

— Зов. Магда его не слышала, она ведь была необращённой. А я слышал. И когда отец узнал об этом, он изменил своё мнение, пытался понять, почему она не обращается, даже позволял приходить в усадьбу. Перед стаей подарил Магде защиту, чтобы никто не смел её трогать.

В усадьбе с нами жила служанка, Стэри, она тоже неплохо относилась и ко мне, и к Магде. Именно благодаря ей я и остался жив, Дэйн.

Мы тогда не пошли на игрища. Нам было по семнадцать... Стэри ворвалась в нашу комнату, когда мы спали, рухнула на колени и закричала так, что мы моментально проснулись. Она кричала, что отца победил злейший враг из клана серых волков, кричала, что его порвали

и он едва дышит, а она прибежала, дабы предупредить... Сейчас в усадьбу придут, и если мы не убежим — нас убьют... Меня, может, и нет, а Магду — точно.

И мы побежали. Взяли с собой Лаки и Лори и побежали в чём были. В Западный лес. Надеялись спрятаться, а потом, когда всё уляжется, уйти из Арронтара — куда угодно, лишь бы уйти.

— Не получилось?

— Нет, Дэйн. Мы поняли, что нас догонят, Магда села на землю и заплакала. Я до сих пор помню, какая она была в тот миг — распущенные рыжие волосы, бледное лицо... и ковёр из золотых листьев. Лаки и Лори сидели рядом с ней и выли.

А потом она подняла голову, и я увидел в её глазах решение. «Нет, — сказал я, — я не оставлю тебя, даже не думай». Она улыбнулась, подошла, поцеловала... Посмотрела в последний раз — долго, пристально...

«Я знаю, что не оставишь. Но я хочу, чтобы ты жил». Это были её последние слова. А потом она приложила ладонь к моей груди и оттолкнула... сильно и далеко.

Я отлетел, и вместе со мной почему-то летели Лаки и Лори, объятые странным пламенем. Я не знаю, как она смогла, но в минуту отчаяния чего только не сделаешь. Она переместила нас втроём в Снежную пустыню. Конечно, совсем недалеко — я упал рядом с Арронтаром, буквально десять шагов — и вот он, лес. Но всё же...

Если ты думаешь, что я развернулся и послушно побрёл в пустыню, как Магда и хотела, ты ошибаешься. Я рвался обратно, ведь мне хватило бы и пяти минут, чтобы вернуться и погибнуть, как герой, спасая любимую. Но меня не пустили. Лаки и Лори схватили меня за ноги и чуть не сгрызли их до кости, пытаясь удержать на месте. А Арронтар... поднялся такой ветер, что я не мог и шагу ступить — меня тут же откидывало назад в пустыню.

Это продолжалось полчаса, а потом всё закончилось. Ветер стих, аксалы сели на песок и завывали. И я понял, что Магды больше нет.

Я вернулся туда, на то место, где она погибла. У оборотней принято сжигать тела и развеивать их по ветру, но я был уверен, что они оставили её там, не стали забирать... Но я не нашёл тела. Только кровь.

Позже, гораздо позже я узнал подробности той ночи. Узнал, что её затравили аксалами и она прокляла их в минуту смерти, а Арронтар сам сжёг её тело.

— Значит, это Магда прокляла аксалов? Именно её проклятье лес вплёл в своё?

— Да. Хотя она очень любила их. И думаю, она об этом жалела. Через неделю, когда я был у Моря Скорби, она мне приснилась. Сидела возле Лаки и Лори, гладила их по головам, плакала и просила простить её.

Почти полгода я жил там, у Моря Скорби. Не знаю, как не умер. Однажды я уснул на берегу, а проснувшись, понял — что-то изменилось. Я стал иначе видеть мир, начал чувствовать то, чего раньше не замечал. Магия... её подарило мне Море, а не Арронтар. И стихийную, и магию Разума. Я получил своё благословение от Моря Скорби, и это, наверное, определило мою жизнь. Единственное, что я по-настоящему умею — это скорбеть.

Нарро покачал головой.

— Неправда. Ты много всего умеешь, Форс. Но главное, что ты умеешь любить. И верить.

— Да, Дэйн, я верю, что проклятье когда-нибудь будет снято. А знаешь, во что ещё я верю? Что смогу вернуться в Арронтар и вновь встречу там Магду. Может быть, её будут звать совсем не Магдой, и у неё не будет веснушек, но это неважно. Я всё равно её узнаю. Я теперь не оборотень и не смогу услышать Зов, но Магду я узнаю. Там, у Моря Скорби, я понял, что на самом деле значили её слова: «Я знаю, что не оставишь». Прошло столько лет, её нет рядом так давно, а я до сих пор не оставил её.

Для *дэрри* это невозможно, Дэйн. И даже если Рональда когда-нибудь уйдёт, ты её не оставишь.

В ту ночь Нарро, покинув Форса, впервые отправился в сон Рональды.

Это было легко. Легче, чем дышать. Ему не пришлось искать её среди тысяч других огоньков — он сразу увидел мягкое и чуть тревожное свечение её сознания, и направился туда, чувствуя и во сне, как стучит собственное сердце.

Осторожное касание... Никакой боли, только нежность... Рональда впустила его в себя, словно он был частью её самой. Раскрылась полностью, и Нарро почти застонал — это было восхитительно, будто он обрёл нечто давно потерянное.

Одно усилие мысли — и появилось то, что Форс называл «декорациями сна». Это были картинки, которые Нарро мог тасовать, словно карты, и лепить новые, как фигурки из глины.

Он выбрал лес. Арронтар, залитый ярким солнцем, зелёный, пахнущий листвой и травой. Жужжание невидимых насекомых, полуденный зной и лёгкое касание прохладного ветерка. Его любимое озеро с прозрачной, будто хрустальной водой, а в воде — отражение неба, прекрасного и безмятежного. Редкие облака, пушистые, словно кусочки ваты.

И спокойствие. Даже не так — покой. Нарро оплетал им каждую пылинку и травинку, наполнял каждую капельку воды...

«Никакой боли, моя девочка. Никогда. Только покой...»

Она уже была здесь. Стояла, задумчиво рассматривая окружающий лес, небо, озеро. Трогательная золотая косичка, чуть растрепавшаяся на затылке, белое платье, босые ножки с розовыми пятками. Смешная девочка... его девочка.

Она медленно пошла вперёд, к озеру, оглядываясь по сторонам с таким искренним восхищением, что Нарро улыбнулся. Поднёс руку ко рту и вздохнул, и вместе с его дыханием вслед за Рональдой полетели несколько разноцветных бабочек. Коснулись её плеч и ладоней, и она рассмеялась, продолжая свой путь к озеру.

Присела на берегу и опустила пальцы в воду. Удивлённо и радостно пискнула, поняв, что она тёплая, а потом плюхнулась на землю и с довольным вздохом погрузила туда ноги. Упёрлась кулачками в траву, чуть откинулась и задрала голову, подставляя улыбающееся лицо солнышку.

Нарро не знал, сколько прошло времени, прежде чем он сделал первый шаг. Сначала стоял позади и наблюдал за ней, и готов был наблюдать так бесконечно долго. Бесконечно долго дарить ей этот прекрасный мир, бесконечно долго опутывать всё вокруг тонкой паутинкой покоя, бесконечно долго любоваться на её улыбку.

Улыбалась ли она так хотя бы раз... наяву?

Шаг.

Не лучше ли остаться навсегда позади? Дарить ей эти сны, полные умиротворения, и... всё? Но хватит ли их, чтобы она не сломалась?

Шаг.

Нет, этого мало. Всегда нужен кто-то, кто будет понимать и поддерживать.

Шаг.

Он оглядел себя. Явиться в образе Нарро? Плохая идея. Девочка ещё не способна понять, что их связывает, она испугается, а испуг может нарушить вязь покоя. Тогда все усилия насмарку.

Шаг.

И вместо Нарро теперь по траве шагал Дэйн. Такой, каким он был в восемнадцать лет, только без горба.

Шаг.

Да, всё правильно. У Рональды будет друг, которого ей так не хватает. А лучше Дэйна её никто не сможет понять.

Последний шаг, и Нарро сел рядом с девочкой, опустил ноги в воду. И улыбнулся, наблюдая, как по поверхности озера бегают солнечные блики, в прозрачной глубине неторопливо перемещаются маленькие рыбки, а на той стороне озера в прибрежном песке «купаются» несколько птичек-чушек.

Удивительно, но он и сам попал под очарование собственноручно созданного сна. И застыл, наслаждаясь мгновениями полного покоя и молчаливого взаимопонимания, ниточкой протянувшегося между ним и Рональдой.

Эта ниточка вилась и переплеталась, становилась толще и крепче, звенела, будто натянутая струна... И Нарро было немного жаль, что только он видит её — ту самую магию, подаренную Арронтаром, навечно связавшую его и Рональду.

Когда ниточка завибрировала, заставив задрожать воздух вокруг них, Рональда обернулась и посмотрела прямо на него.

Он вздохнул, пережив очередную горячую волну, прошедшую от макушки до пяток, и улыбнулся. А когда Рональда улыбнулась ему в ответ, взял её за руку.

— Кто ты?

Голос... он впервые слышал её голос. Был ли он похож на голос Фрэн? Нет, совсем нет. Мягкий и очень мелодичный, но уже женский,

не девичий. Глубокий, он шёл из её груди, словно она не говорила, а пела.

— Дэйн.

Она кивнула, будто этого было достаточно. Чуть сжала его ладонь и вновь вернулась к созерцанию озера, леса и неба.

Рональда не видела — не могла видеть — как святящаяся ниточка магии Арронтара переместилась на их ладони, связала их вместе, а потом исчезла, словно впитавшись в кожу...

Глава 9

Дартхари Нарро, Арронтар, около 10 лет назад

Нарро проснулся от яркого света, бьющего в глаза.

— Я тебя разбудила? — раздался от двери тихий голос Лирин, и дартхари, потянувшись, поднялся с постели, покачав головой.

— Всё в порядке. Что ты хотела?

Она закусила губу.

— Винард... он приходил вчера? Я уснула, хотя хотела дождаться...

— Приходил.

— И?..

— Он ушёл отсюда живым, если тебя это интересует, — усмехнулся Нарро, и заметил, как сестра немного расслабилась. — Наговорил мне кучу всякой ерунды...

— Какой ерунды?

— Сказал, что не принёс мне Рональду, потому что боялся, что я её убью.

Лирин резко побледнела.

— Ещё сказал, что любит её, несмотря на то, что она всегда приносила им с Праймой одно лишь разочарование. Любовь и презрение... Ерунда. Разве это возможно? Презирать того, кого ты любишь? Разве это любовь?

Где-то внутри неё что-то клокотало, словно хотело вырваться наружу. Это были слова... какие-то слова, которые она не могла произнести. Очень хотела, но не могла.

— Любовь сильнее всего. А если сильнее оказывается презрение, то это не любовь. Разве не так?

Лирин понимала, почему он спрашивает это, с отчаянием вглядываясь в её глаза. Ведь Нарро — точнее, тогда ещё Дэйн —

всегда думал, что родители его не любили. Но накануне Винард изрядно поколебал эту уверенность.

— Я не знаю, — прошептала она помертвевшими губами.

Он поморщился, а потом сказал то, во что Лирин даже не сразу поверила.

— Я думал забрать Рональду. Забрать себе. Пусть живёт в усадьбе, пусть... растёт, учится. Но... я не стану этого делать. Они нужны ей. Ей нужна семья, её семья. И я надеюсь — Винард сумеет перебороть своё презрение и понять... Дохлый кот, ну должен хотя бы кто-нибудь понять это! И он... он ведь не принёс её ко мне, боялся, что я её убью. Глупо, но... Возможно, ещё не всё потеряно.

Лирин не знала, что сказать.

Верила ли она в то, что Винард сможет перебороть презрение и понять: ключ к обращению Рональды — это любовь, которой ей так не хватает?

Нет. Лирин давно не верила в сказки. И понимала на собственном примере и примере их с Нарро родителей — для того чтобы понять подобное, нужна очень сильная боль. Похожая на ту, что мучила её последние шестьдесят с лишним лет.

Но тогда будет слишком поздно. И для Рональды, и для Нарро.

Она регулярно навещала родителей. Не каждый день, но довольно-таки часто. Ведь она всё равно продолжала их любить, несмотря на то, что они когда-то сделали. Или не сделали.

Родэн и Мара по-прежнему жили в деревне белых волков, только вот дом у них теперь был более скромным. Даже не дом, а домик. Тот они давным-давно продали, не желая оставаться там, где умер их старший сын. И теперь доживали свой век, медленно и постепенно старея, в уютном домишке, состоящем всего из нескольких комнат. И этаж там был лишь один, если не считать чердака, где хранился всякий хлам.

Своя комната в этом доме была и у Лирин, но она никогда не оставалась там на ночь. Просто не хотела. Она любила родителей, но долгое нахождение рядом с ними душило её.

Дом был полон чувством вины. Оно пропитало там каждое брёвнышко, каждую ниточку, скапливалось во всех углах, зависало под потолком, стелилось по полу. И в отличие от чувства вины, жившего в

сердце Лирин и полного ожидания и робкой надежды, чувство вины в доме её родителей дышало безысходностью и отчаянием. Они ни на что не надеялись и ничего не ждали. И Лирин от этого было больно и горько.

Родэн и Мара узнали Нарро сразу, как только он впервые ступил на Великую Поляну в образе волка. Странно было бы не узнать собственного сына, пусть даже настолько изменившегося. И Лирин приходила к родителям не только затем, чтобы отдать им добрую половину жалованья. Она рассказывала им о брате.

Родэн и Мара даже помыслить не могли о том, чтобы подойти к Нарро и что-либо у него спросить. Они не считали, что вправе, и Лирин была согласна с этим. Ведь они когда-то отреклись от него.

В отличие от неё.

Но старший советник не могла отказать им в удовольствии послушать про сына. И рассказывала, стараясь при этом не смотреть на сведённые скулы отца и влажные глаза матери.

Несмотря ни на что, они гордились им. Лирин это видела.

А однажды Мара тихо спросила:

— Он... не простил тебя?

Лирин покачала головой и мягко улыбнулась.

— Ничего, — вздохнул тогда Родэн и уверенно продолжил: — Он простит. Тебя он простит, Лири.

И снова вздохнул. Лирин понимала, что он хотел сказать этим вздохом, но ничего не ответила. Она очень надеялась, что Нарро сможет простить не только её.

Через пять лет после возвращения в Арронтар Нарро начал отвечать «да» волчицам на предложение провести вместе ночь. Брал он только замужних, с согласия мужей, и лишь во время игрищ. В такие моменты Нарро полностью отключал в себе человека, давая возможность зверю порезвиться.

Дартхари не собирался делать ничего подобного, но вмешалась Лирин.

— Я знаю, ты можешь сделать так, что они никогда не будут задавать вопросов, — сказала она однажды. — Как не задают вопросов о твоём прошлом. Но подумай: а стоит ли тратить силы на подобную ерунду? Ведь твоему волку нужны волчицы...

— А твоему, Лирин? — огрызнулся он тогда. Он всегда злился на неё, когда она вмешивалась в подобные личные вопросы, но в тот раз не мог не признать правоту сестры. Волк действительно беспокоился и раздражался. Его волк не страдал излишней озабоченностью, но выплескивать негативную энергию было некуда, поэтому Нарро порой чувствовал себя чересчур злым. И дартхари это не нравилось.

Волчицы пошли его волку на пользу, и Нарро, смирившись, начал воспринимать близость во время игрищ, как необходимость. У него стали появляться волчата, и Вожаку поначалу было трудно считать этих детей своими. Свой ребёнок — это от любимой женщины, а не вот так, для «усиления рода», как говорили оборотни. Вот только была у маленьких волчат особенность, из-за которой Нарро не мог забыть о собственных отпрысках. Они всегда чувствовали своих родителей, и даже если малышам не говорить о том, кто на самом деле здесь папа, рано или поздно волчонок это поймёт. Никто не знал, как на самом деле это работает, и в первый раз, когда дартхари обнаружил на крыльце усадьбы угрюмого пятилетнего мальчонку, назвавшего его папой, он чуть не упал от неожиданности. Но потом привык. И тоже смирился.

Они, его дети, были самыми разными. Кто-то приходил только один раз, просто посмотреть на него, а кто-то навевался в усадьбу постоянно. Кого-то Нарро трепал на игрищах, а кто-то предпочитал наблюдать со стороны.

Дартхари любил своих детей, но не лез к ним в душу, постоянно повторяя им, что их настоящая семья не в усадьбе, а там, откуда они пришли. И что любовь важнее кровных уз. И, конечно же, важнее физической силы, которой Нарро обладал в избытке.

Некоторые верили Вожаку и уходили, другие продолжали стремиться к силе и власти.

Одним из таких детей был Лоран. Его мать звали Мариэт, и она была одной из самых красивых волчиц в стае. Стройная, чёрноволосая, с ярко-жёлтыми глазами и величественной статью, она и сама была ара, и вышла замуж за сильнейшего волка в клане чёрных волков, ставшего впоследствии калихари. Вот только Грэма — своего мужа — Мариэт было мало. Ещё до замужества, став совершеннолетней, Мариэт крутилась перед глазами Нарро, изо всех сил стараясь, чтобы он её заметил.

Дартхари заметил. Но совсем в другом смысле. Он понимал, что Мариэт от него вряд ли отстанет, поэтому делал вид, что не понимает никаких намёков. И вздохнул с облегчением, когда девушка спустя несколько лет вышла замуж за Грэма.

Намёки действительно на какое-то время прекратились, но потом возобновились вновь.

— Что она ко мне привязалась? — не выдержав, один раз Нарро даже пожаловался на Мариэт Лирин, хотя он очень редко обсуждал с сестрой подобные темы. — У неё же муж калихари, чего ей от меня-то надо?

— От тебя ей надо тебя, — улыбнулась Лирин. — Поставить галочку и успокоиться — мол, даже дартхари не устоял перед её чарами.

Нарро хмыкнул и покачал головой. Тогда он не собирался уступать Мариэт, но спустя пару месяцев пришлось — сам Грэм попросил об этом. Пожаловался, что никак не получается дать жене ребёнка, а вот у дартхари должно получиться, да и Мариэт уже мечтает о малыше.

В дни, когда самка могла понести, она всегда по-особенному пахла. Этот запах ощущали лишь оборотни-ара, и Нарро в том числе. Так и вышло, что Мариэт сразу забеременела, а потом родился Лоран. Почему девушка не могла зачать от законного мужа, Нарро не знал, да и не хотел знать, но такое иногда случалось.

Лоран с детства был не менее амбициозным, чем его мать. Дартхари видел, что мальчик получился сильным, настоящим ара, но увы — его моральные качества оставляли желать лучшего. Да, он много тренировался, учился драться даже до Ночи Первого Обращения, но вот друзей у Лорана было мало. Немногие оборотни выдерживали характер мальчика. Он слишком сильно любил себя, при этом абсолютно презирая остальных. Всех, кроме Нарро. Даже к Грэму и Мариэт Лоран относился с лёгким пренебрежением.

Дартхари же он боготворил. И Нарро надеялся, что рано или поздно мальчик вырастет и станет мягче и мудрее, но вскоре понял, что надеется он напрасно.

Рональде тогда было четырнадцать. Нарро часто видел её в усадьбе, она постоянно навещалась в библиотеку и с удовольствием

общалась с Лирин. Но старший советник была единственной, с кем девочка с удовольствием общалась, остальных она боялась и сторонилась, а завидев Нарро, терялась и опускала голову.

Никаких подвижек в лучшую сторону у Винарда и Праймы, к сожалению, не было. Они не могли преодолеть презрительное отношение к дочери. И единственным фактором, удерживающим Нарро от того, чтобы забрать Рональду из отчего дома к себе, было осознание того, что ей от этого будет только хуже.

В тот вечер они с Лирин вместе отдыхали в кабинете. В камине горел огонь, и свет от огня красиво освещал лицо женщины, золотя её полуседые волосы. Нарро любовался сестрой сквозь приоткрытые веки, а сама Лирин читала, забравшись на диван с ногами.

Они часто отдыхали так в последний год. Раньше — никогда. Лирин жила в усадьбе, но находилась рядом с Нарро только по необходимости, обсуждая какие-то дела. И только в последний год у них начались эти странные вечера, когда они сидели в кабинете напротив друг друга, отдыхали и молчали.

Связано ли это было с тем, что Нарро встретил Рональду? Они не знали, да и не задумывались об этом. Лирин просто читала, а Нарро просто смотрел на неё. Ему было спокойно.

Но в тот вечер их спокойствие нарушили.

Возле усадьбы круглые сутки находились четыре стражника и, хотя Лирин пыталась убедить Нарро увеличить число охранников, он не поддавался. Число четыре было символическим — четыре клана, четыре стражника. Хотя кланов теперь было три, ведь рыжие волки больше не рождались.

Самый младший из охранников всегда был ещё и гонцом, оповещающая дартхари о тех, кто приходил в усадьбу. Но в такой час Нарро с Лирин никак не ждали стука в дверь.

— Извините, дартхари, зора Лирин... Там калихари Винард, очень просит принять его. Говорит, дело важное...

Старший советник удивлённо подняла брови, а Нарро поднялся с дивана.

— Зови.

Стражник скрылся, и Лирин поинтересовалась, откладывая книгу:

— Я нужна тебе?

Он кивнул.

— Да, останься.

Нарро не заметил, как сестра вздохнула, услышав эти слова. Дело было не в них самих, а в тоне голоса. «Да, останься»... Он сказал это очень легко, совсем не как приказ дартхари своему советнику. Нет, это было что-то совсем другое.

Она не успела понять, чем это было — в кабинет вошёл взволнованный Винард, резко и нервно поздоровался с Нарро, кивнул Лирин и тут же начал:

— Дартхари, я... пришёл поговорить по поводу Рональды.

— Я слушаю, — сказал Вожак, и плохо знающему Нарро Винарду, конечно, показалось, что дартхари совершенно спокоен, однако Лирин видела, что это не так.

Никто не предложил гостю сесть, и теперь он нервно переминался с ноги на ногу.

— Я знаю, это противоречит нашим традициям, но я вынужден просить вас, дартхари... сделать мою дочь волчицей.

Лирин нервно вздрогнула и подняла на говорившего удивлённые глаза.

— Рональда уже год не может обратиться, — затараторил Винард, поняв, что никто не собирается его перебивать и о чём-либо спрашивать, — ей не хватает... силы. И вы можете... поделиться с ней... чтобы она смогла...

Нарро не выдержал.

— Ты соображаешь, о чём просишь меня?

— Я... я понимаю, дартхари, — мужчина бесстрашно смотрел в ледяные глаза Вожака. — Но и вы меня поймите... я ведь хочу, чтобы она обратилась, а она!.. Она даже не пытается, на игрища прекратила ходить... Не оборотень, а... непонятно что!

Нарро медленно сделал вдох, пытаясь успокоить бушующее внутри пламя гнева.

— И ты думаешь, ей поможет, если я её изнасилую?

Винард сглотнул, словно почувствовав настроение Вожака.

— Не нужно насиловать... Вы можете сделать так, чтобы ей понравилось...

Лирин вскочила с дивана и положила ладони на спину Нарро. Калихари белых волков, не замечая, что находится в двух секундах от собственной смерти, продолжал говорить:

— Вы сумеете сделать так, что она сама захочет... И, возможно, даже обратится во время... этого...

Лирин медленно начала поглаживать Нарро по спине. Мышцы под её руками ходили ходуном.

— Сама захочет? — прорычал он глухо, глядя на Винарда внезапно покрасневшими глазами. — Сама захочет?! Твоя дочь — необращенная четырнадцатилетняя девочка! У неё нет инстинктов. Нет желания. Её волчица спит. Спит, понимаешь? И если я буду делать с Рональдой нечто из того, о чём ты говоришь, она не проснётся. Не проснётся уже никогда. Сейчас у неё ещё есть шанс, но если я или кто-либо другой вмешается подобным образом, шанса у неё уже не будет.

— Почему? — Винард смотрел на Нарро с таким отчаянием, что Дартхари понимал — он действительно не осознаёт, почему Рональда не обращается. Не осознаёт, так же, как и его родители. Так же, как и Лирин когда-то.

Нарро сделал шаг вперёд, сбрасывая со спины ладони сестры, и подошёл вплотную к мужчине.

— Неужели это так сложно понять? Это ведь очень просто, Винард. Оборотни сами создали эту проблему и теперь пожинают плоды собственной глупости. Мы не умеем любить слабых, а если любим, то презираем самих себя, как это делаешь ты. Но если бы ты мог просто открыть глаза и осознать, что дело не в Рональде. Если бы ты мог! Но ты не можешь. Иди, Винард. Я не буду делать то, о чём ты меня просишь.

Калихари белых волков вздохнул и уже открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но поперхнулся, наткнувшись на ледяной взгляд Нарро. В глазах Вожака светилось предупреждение о том, что терпение у него заканчивается.

И Винард просто кивнул, развернулся и вышел из кабинета. Точнее, попытался выйти. Как только мужчина распахнул дверь, в коридоре раздалось сдавленное: «Ой!», а потом глухой звук упавшего тела.

Дартхари отодвинул застывшего в изумлении Винарда от двери и с недовольством посмотрел на лежавшего на полу Лорана.

— Мне казалось, ты просил у меня разрешения посетить библиотеку, — сказал Нарро таким голосом, что присутствующих

немедленно передёрнуло. — Я не разрешал тебе подслушивать чужие разговоры под дверью.

— Я случайно, отец, — испуганно пискнул Лоран. — Я просто хотел сказать, что я всё закончил и ухожу...

— Сказал? — ледяным тоном уточнил Нарро и, дождавшись перепуганного кивка, продолжил: — Теперь иди отсюда. И чтобы больше подобного не повторялось.

Лорана не пришлось долго уговаривать. Вслед за сыном Вожака усадьбу покинул и Винард.

— Вот наглец, — покачал головой Нарро, как только шаги стихли. — Может быть, зря я его сюда пускаю?

Он закрыл дверь, встал перед камином и скрестил руки на груди. На самом деле Нарро, конечно, беспокоил сейчас отнюдь не Лоран, а состоявшийся разговор с Винардом. Было противно.

Лирина понимала это, поэтому встала за спиной брата.

— Не зря.

Он закрыл глаза, почувствовав лёгкое прикосновение. Оно было таким... успокаивающим.

— Теперь ты заберёшь её? — прошептала Лирина, отчаянно желая сделать ещё шаг и обнять Нарро, но не смея.

— Это не выход, — он поморщился. — И я не знаю, где в таком случае выход. Но очень постараюсь его найти.

— Ты найдёшь... Обязательно...

И вот, наконец — последний шаг, и она коснулась лбом его спины. Втянула носом родной запах и переместила одну ладонь ему на живот. И чуть вздрогнула, когда Нарро легко коснулся рукой её пальцев, принимая — впервые — её ласку, её объятие.

Нарро не оборачивался, поэтому не видел, как лицо Лирина осветила улыбка, а по щекам медленно начали свой бег прозрачные капли слёз.

Дартхари не предполагал, что у Лорана хватит наглости задирать Рональду на следующий же день после того, как парень подслушал его разговор с Винардом. Нарро мог простить сыну многое, но не это. Он считал его достаточно взрослым для осознания собственных поступков, поэтому сделал то, что полагал правильным наказанием для Лорана — лишил его возможности приходить в усадьбу.

— Ты думаешь, что вправе совершать поступки, которые не могут совершать другие, только потому что ты мой сын? — сказал он ему тогда. — Заблуждаешься, Лоран. Я позволял тебе приходить в усадьбу — это была твоя единственная привилегия. А теперь у тебя нет никаких привилегий.

Ситуация с образованием молодых волчат давно беспокоила Нарро. Они с Лирин даже начали разрабатывать своеобразную реформу, но... успехов не добились.

Юные оборотни все без исключения были очень любознательными и рано начинали читать, писать, бегать, и так далее. Но всё это было совершенно бесконтрольным. Никаких школ не существовало. Некоторые родители сами занимались с волчатами, другие пускали всё на самотёк, но так или иначе — уровень грамотности в Арронтаре был высоким. Однако бессистемным. Нарро это чрезвычайно бесило. Он считал, что должны быть знания, известные всем и одинаковые у всех. Но как этого достичь? Учителей в клане не имелось. Нанимать другие расы? Он пробовал. Юные волчата не слушались таких преподавателей, потому что жили на инстинктах и не могли понять, зачем им подчиняться тому, в ком нет силы волка. И даже приказы дартхари не помогали — дети же, что с них взять.

Да и не мог Нарро найти постоянных учителей среди людей. Приходящие лекари — это одно, но жить при клане круглый год... Никто не хотел.

Всё упиралось в проклятье. Его снятие помогло бы воспитать преподавателей в стае — оборотни смогли бы уезжать из Арронтара и учиться в человеческих школах и институтах. А потом можно будет организовать три большие школы в трёх деревнях.

Но пока проклятье не снято, это всё оставалось всего лишь мечтой.

Поэтому Нарро позволял Лорану приходить в библиотеку и учиться. Пусть характер у парня был ужасный, любознательностью его Дарида не обделила. Но после того как он в открытую оскорбил Рональду, право это Лоран потерял.

Дартхари видел, что парень обиделся. Но даже не представлял, насколько.

Глава 10

Дартхари Нарро, Арронтар, около 5 лет назад

Когда-то давно маленький мальчик по имени Дэйнар обещал волшебному лесу, что разберётся с набегами аксалов. Теперь Нарро знал, что набеги связаны с проклятием, и случаются осенью из-за цветков зилли — растения, которое нужно этим зверькам для того, чтобы щенки рождались крепкими.

Но не только. Именно осенью оборотни затравили аксалами Магду — девушку, чьё проклятие лес вплёл в собственное. И случилось это в Западном лесу.

Когда Нарро был мальчиком по имени Дэйнар, он не чувствовал того, что ощутил, как только вернулся в Арронтар — сгусток чёрной боли посреди Западного леса. Похожий на протухшую кровь, он слегка пульсировал и отравлял всё вокруг. Это было сердце проклятья. Вся негативная энергия, что выделялась в пространство с каждой новой смертью мага-оборотня, собиралась там — в месте, где когда-то умерла Магда. Удивительно, но девушка, которую любил Форс, оказалась отправной точкой, связующей нитью для проклятья.

Каждую осень, начиная чувствовать приближение аксалов, Нарро уходил в Западный лес, туда, где пульсировал чёрный сгусток проклятья, садился и впитывал в себя боль.

Чужую боль.

В такие моменты Нарро видел картинки из жизней тех, других магов-оборотней, умерших в Арронтаре до него. И каждый раз думал — почему я остался жив, почему я должен снять проклятье? Почему я, а не ты, ты, ты?..

Этих жизней было так много... И они не знали ответ на вопрос, который каждый раз задавал Нарро, впитывая в себя их боль. Почему я?

Как ни странно, но это простое действие по уменьшению боли заставляло сердце проклятья меньше пульсировать и аксалов прибегало не так много. Набеги не прекращались совсем, но благодаря действиям Нарро молодые оборотни почти перестали погибать в Западном лесу.

В тот день он сидел на месте, где умерла Магда, почти десять часов, вбирая в себя боль тех, кто погибал в Арронтаре. Шёл дождь, было грязно и противно, и Нарро устал и продрог. Ломило кости, подташнивало, и от картинок чужих смертей слезились глаза.

Он уже возвращался в усадьбу, когда произошло невероятное.

Лес зашумел, заволновался. Что-то гремело между ветвей, как будто там маленькие молнии сверкали, тревожно хлопали птичьи крылья, выли звери, и даже под землёй кто-то будто с ума сошёл — Нарро казалось, что у него под ногами землетрясение случилось. Он покачнулся и схватился за ближайшее дерево. А потом...

Она звала его. В тот самый момент, в данную секунду. Это была Рональда, и она звала его, и зов был многократно усилен, потому что она прикасалась к Сердцу Арронтара. И именно Арронтар дал Нарро силу для дальнейших действий.

Он толком не понял, как умудрился так быстро переместиться на Поляну. Перед глазами всё вдруг поплыло и закружилось, дорога, по которой он шёл в усадьбу, искривилась и исчезла, а затем дартхари оказался на Поляне.

Поняв, что происходит, Нарро еле сдержал рванувшегося вперёд волка. *Наказать, рвать, убить...* Сжал кулаки, наблюдая, как Джерард и Лоран отскакивают от Рональды, а сама девочка выпрямляется и одёргивает задранный юбку. И замирает, испуганно глядя на него.

А потом она отреклась и от родственников, и от стаи, и её родные подтвердили это отречение.

Нарро чувствовал себя так, словно прошлое вернулось. Прошрое, в котором он стоял почти на том же месте и отрекался от Арронтара. Он так надеялся, что этого никогда не случится в жизни Рональды. Он так сильно этого хотел!

Не вышло.

Почти полгода с того дня, как Рональда отреклась от родных и стаи, Нарро не видел её. Разумеется, наяву, во снах он продолжал

приходить к девочке, несмотря на своё душевное состояние. Старался, чтобы она ничего не заметила.

— Ты живёшь столько лет, Вейн, — сказал он однажды наставнику, когда они в очередной раз оказались во сне возле Моря Скорби, — как ты это выдерживаешь? Ведь они уходят. Те, кого ты любишь.

— Когда-нибудь поймёшь, — улыбнулся Аравейн.

И Нарро понял. Он понял, когда ушёл Рэнго. Его единственный сын. Его *настоящий* сын, потому что все прочие... Эти дети ему не принадлежали. И когда он ушёл, Нарро чувствовал почти такую же опустошённость, как после смерти Фрэн. Рэнго, так же, как и его жена, умер просто и быстро. От старости. Он ведь был обычным человеком без единой капельки магии.

У Рэнго была жена, оставшаяся вдовой, двое детей и четверо внуков. Правнуков Нарро. И когда он в последний раз уходил из Нерейска, они отчаянно не хотели его отпускать. Но он ушёл, пообещав, что будет приезжать и приходить во снах.

Ему было нужно вернуться в Арронтар. Теперь это было нужно и ему тоже.

И в тот день, когда Нарро вошёл в усадьбу, вернувшись из Снежной пустыни после смерти Рэнго, он столкнулся с Рональдой.

Это было как глоток свежего воздуха. Именно тогда он решил отдать Рональде пособие по магии Разума. Шестнадцать с половиной лет — большая девочка, лекарь клана белых волков. Она уже могла начинать изучать то, что наполняло её с самого детства. То, что было их с Нарро сутью.

Благословение Арронтара. И одновременно — его проклятье.

Рональда росла. Её фигура теряла подростковую угловатость, становилась женской, и Зов тоже усиливался. Вот только сама Рональда ничего не замечала, да и не могла замечать, ведь её волчица по-прежнему спала. И при встречах с Нарро девушка опускала глаза, как и раньше. Он мог целовать и обнимать её лишь во сне, и делал это с каждым разом всё больше и больше, понимая, что наглеет, но был не способен удержаться. И радовался, когда она таяла в его руках. И ликовал, потому что во сне Рональда не боялась смотреть в его глаза.

Периодически Нарро навещался в Северный лес, к хижине, где жила девушка, и проверял, всё ли в порядке. Но Рональда справлялась,

её магических умений хватало, чтобы крыша не протекала и в окна не дуло.

Тогда была осень. Рональде недавно исполнилось двадцать два года, а самому Нарро в тот день исполнялось... сколько? Он пытался посчитать, сидя на крыльце построенной им хижины и держа девушку на коленях. Дартхари знал, что это неправильно, но не мог иначе — он усыпил Рональду за некоторое время до собственного прихода и теперь держал её на руках, сидя на крыльце. Перебирал волосы, смотрел на спокойное лицо и... наслаждался.

Последнее время он с трудом боролся с самим собой. Находиться не рядом с Рональдой становилось всё невозможнее. Зов усиливался, он одновременно и мучил Нарро, и заставлял его тело дрожать от удивительного ощущения единения и предвкушения.

Это было нечестно — усыплять Рональду только для того, чтобы несколько минут посидеть вот так, держа её на коленях и перебирая мягкие волосы. Но Вожаку очень хотелось получить хотя бы немного собственного счастья.

Он устал. Устал от оборотней, устал от игрищ. Устал от набегов аксалов и от способа борьбы с ними. Устал от проклятья волшебного леса.

И в эти минуты, сидя на крыльце старой хижины с Рональдой на коленях... только в эти минуты Нарро был счастлив. Ему хотелось разбудить её и во всём признаться. Рассказать о том, что она рождена для того, чтобы быть его женой. Объяснить, что не нужно бояться, что он никогда не обидит её и не позволит обидеть никому другому.

Глупо. Нарро усмехнулся. Всё зашло слишком далеко. Он сам решил пойти по этому пути, который предложил ему Арронтар. И теперь нужно ждать. Просто ждать.

Но как же это иногда сложно...

— Где ты был так долго?

В голосе Лирин Нарро явно услышал удивление и беспокойство. Она действительно беспокоилась о нём, когда он надолго уходил в лес. Особенно если этим лесом был Западный, куда дартхари как раз направился утром, почувствовав приближение набега аксалов.

Нарро привык к беспокойству Лирин. Оно уже не раздражало, как раньше. Иногда бывало и наоборот. Ему было... приятно? Да,

наверное. Ведь Фрэн тоже всегда беспокоилась. Хотя это было глупо — ну кто мог его тронуть в Нерейске? То же самое и с Арронтаром. Сильнее Нарро здесь только ветер.

Интересно... а Лирин помнит, что сегодня у него день рождения? Нет, вряд ли. Он и сам не сразу вспомнил, а ей-то с чего держать в голове подобную ерунду?

— У Рональды.

Нарро кинул на Лирин мимолётный взгляд, проходя к камину в кабинете. Сел на корточки и протянул руки к огню.

Замерз. Как и всегда в те дни, когда он впитывал в себя застарелую чужую боль.

Лирин закусил губу, не решаясь подойти к брату поближе, хотя ей очень этого хотелось.

— Я спрашивала её недавно, не хочет ли она вновь попробовать пройти Ночь Первого Обращения.

Нарро усмехнулся, но Лирин этого не увидела.

— И?

— Не хочет.

— И почему я не удивлён, — пробормотал он, поднимаясь на ноги и поворачиваясь к сестре.

Лицо Лирин его поразило — оно было бледным и отчаянным, словно она собиралась сделать нечто такое, на что требовалась вся сила её духа.

А потом она сказала:

— Я не понимаю, почему ты не хочешь попробовать... Нет, не то, что просил сделать Винард... Просто попробовать... разбудить её чувственность? Ведь Рональда неравнодушна к тебе, ты же знаешь.

Нарро даже не сразу понял, о чём говорит сестра. А когда понял...

От гнева в глазах потемнело. А Лирин всё продолжала говорить:

— Возможно, ей помогло бы это? Не обязательно же... м-м-м... спать... можно просто... м-м-м...

— Просто что?

Старший советник проглотил последнее слово, заметив наконец, что творится с Нарро.

Глаза его сузились и пожелтели, как бывало всегда, когда ему было сложно удержать под контролем магию Разума, щёки ходили

ходуном, будто он собирался обращаться, а клыки чуть удлинились, и голос звучал по-звериному рычаще.

Лирин непроизвольно сделала шаг назад.

— Просто что? — повторил Нарро в бешенстве. — Ну же, договаривай. Давай, скажи мне, что я должен сделать с девочкой, потвоему?

— Она уже не девочка, — покачала головой Лирин, не опуская глаз. — Вполне взрослая... девушка. И я не думаю, что её очень испугает, если ты...

— Если я — что? — прорычал Нарро, делая шаг вперёд и хватая сестру за руку. — Если я сделаю так? — Он вжал Лирин в себя, вторую ладонь опуская ниже талии. — Или может быть — так? — Пальцы погладили ягодицы, настойчиво и откровенно. — И это говоришь мне ты, Лирин! Ты — девственница! Тебе-то что мешает? Ты ведь умеешь обращаться, но делаешь это очень редко. Ты никогда не принимала предложений других волков, не желала брать часть чужой силы. Как ты можешь говорить мне такое?!

— Нарро... — Она хотела сказать, что он не прав, и одно дело — игрища и двое чужих друг другу оборотней, а совсем другое — он и Рональда. Но голос не слушался, и в глазах вскипали слёзы от обиды и унижения. Унижения не только от его действий, слишком грубых и агрессивных, но и оттого, что её слабенькая волчица волновалась, и Нарро должен был это чувствовать.

— Тебе ведь приятно, да? Несмотря ни на что. Это инстинкт, Лирин. Приятно телу, но противно душе. И Рональде так будет, если я сделаю то, о чём ты говоришь. Для неё это окажется лишь насмешкой. Одного наслаждения и чувственности мало, нужна любовь. И доверие.

Нарро наконец отпустил её, и Лирин от неожиданности покачнулась и чуть не упала. Всё внутри болело, особенно сердце.

Раздались тихие шаги, стук закрывшейся двери — Нарро вышел из кабинета — и только тогда она позволила себе расплакаться.

Он вернулся всего через пять минут, но эти минуты показались Лирин вечностью.

Впрочем, Нарро тоже.

Когда он вошёл, она сидела на полу, съёжившись и уткнувшись лицом в ладони. Он сел рядом и обнял её, а потом и вовсе пересадил к

себе на колени.

— Извини меня, Лири, — сказал дартхари глухо. — Я разозлился, вспылал. Это было слишком. Извини.

Она замерла.

Лири? Он сказал — Лири?!

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. Нарро был серьёзен, и смотрел на неё не зло или насмешливо, а спокойно и ласково.

Лири очень любила этот его взгляд.

— Я совершил ошибку, обидев тебя своими действиями. Мог бы просто объяснить, — продолжал Нарро серьёзно, по-прежнему обнимая её. — Поверь, я не хотел тебя обидеть, и ни за что не стал бы этого делать, особенно специально. Ты простишь меня?

Она кивнула, подняла руку и несмело провела кончиками пальцев по его щеке.

— А ты... меня?

И сразу почувствовала, как он напрягся.

— Лири... пожалуйста, только не сейчас, — прошептал Нарро, наклоняясь, и не услышал, а скорее почувствовал её вздох возле своей шеи. Поэтому обнял чуть сильнее. — Не сейчас, Лири. Но скоро... уже скоро.

Она вновь вздохнула, а дартхари улыбнулся.

Странно, но именно в этот момент Нарро вдруг осознал, что любит её.

Любовь — единственное чувство, которое оказывается крепче алмазов и дольше времени. И теперь её любил не только Дэйн... но и он тоже.

Следующим утром Нарро нашёл в своей комнате открытку. На ней был нарисован лес, разноцветные птицы и большой белый волк.

«С днём рождения!» — гласила надпись. Как жаль, что он не нашёл её вчера. И так и не узнал, что Лири всё-таки помнила. Нарро тоже помнил, что у сестры день рождения ровно через месяц. И даже знал, что хочет ей подарить.

В каждой из трёх деревень существовали особенные улицы, где жили отверженные. В основном это были волчицы. Нарро не очень понимал эту странную традицию, впрочем, он вообще многого не

понимал в традициях оборотней. Презирать женщин, родивших вне брака, и при этом поощрять внебрачные связи, называя их «передачей силы»? Какой-то бред.

Дартхари боролся с этими лицами отверженных, так же, как и со всем остальным, что считал неправильным в обществе оборотней. Но, как и в случае со многими другими вещами, это было непросто. Прежде чем внушать оборотням, что нельзя презирать некоторых членов стаи только за то, что они не такие, как остальные, Нарро должен был объяснить это самим отверженным. Женщины, живущие здесь, и сами называли себя «шмарами», и принимали это слово по отношению к себе от других. И Нарро не представлял, что с этим делать, пока не узнал о погибшем ребёнке одной из «шмар».

Женщину звали Ариллой, и она была одной из лучших вязальщиц Арронтара. Нарро пришёл к ней за платком для Лирин. Он знал, что сестра любит платки и шали, и решил заказать сложную кружевную вязку.

Каково же было его удивление, когда Арилла попросила Вожака дать ей ребёнка. Нарро сам думал предложить это ей, преследуя свою цель, но женщина его опередила.

— Зачем? — только и спросила Лирин, когда увидела Ариллу на игрищах.

— Мне нужен мой ребёнок на улице отверженных, — ответил Нарро. — Возможно, то, что не удаётся сделать мне, сделает он.

Лирин кивнула — она понимала, о чём говорит брат.

А ровно через месяц, проснувшись однажды утром, старший советник обнаружила на столе в своей комнате маленький свёрток, где лежала кружевная шаль.

Это был первый подарок Нарро ей на день рождения, и она долго не могла потом заставить себя выйти и спуститься вниз. Стояла перед зеркалом, любуясь шалью, и улыбалась, улыбалась, улыбалась... пока не заболели губы.

Однажды, после очередных игрищ, в которых участвовал брат Рональды, к Нарро подошёл калихари Винард.

— Дартхари, — начал он, наклонив голову, — мне нужен ваш совет.

Нарро кивнул, и ободрённый Винард продолжил:

— Мой старший сын Джерард пытается подчинить своего волка уже больше восьми лет, это странно для самца-ара, кем он является... Вам так не кажется?

Вожаку так не казалось, но он ответил:

— Возможно, Винард. Ближе к делу.

— Я решил спросить совета у того лекаря, которого мы иногда приглашаем, когда у... у Рональды слишком много работы. Вы ведь знаете, он неплох, и берёт недорого. Так вот, он сказал, что проблема Джерарда... как это... пси-хо-го-лическая.

— Психологическая, — уточнила Лирин.

— Да-да, именно. Он объяснил, чтобы мне было понятнее, что это связано с головой Джерри, — и Винард постучал себя кулаком по лбу, из-за чего у старшего советника слегка задрожали губы. — Сказал, что мой сын винит себя в том, что произошло с Рональдой, и поэтому у него не получается подчинить своего волка. Его сила может перегореть, дартхари.

— Что ж, — произнёс Нарро, кивая в ответ на слова Винарда, — скорее всего, лекарь прав. Но я до сих пор не понял, какой совет тебе нужен.

Калихари белых волков вздохнул.

— Как вы считаете... если Рональда простит Джерарда... ему это поможет?

Очень простой вопрос. И ответ, пожалуй, очевиден. Только вот Нарро не представлял, насколько он очевиден, пока Винард не спросил.

А ведь он никогда не интересовался, почему Лирин стала слабой анта. Вот он — ответ. Из-за чувства вины.

Нет, не может быть. Она должна была стать ара, а стала анта. Самой слабой анта в стае. И всё — из-за чувства вины?

Нет... должно быть что-то ещё.

— Дартхари?..

Нарро почти забыл, что Винард по-прежнему стоит рядом, смотрит на него и ждёт ответа. И ответил честно:

— Наверное, поможет. Я не знаю. Никто не знает.

Калихари разочарованно вздохнул и, поблагодарив Вожака, поспешил прочь с Поляны.

Сам же Нарро повернулся к Лирин и взгляделся в лицо сестры. Оно показалось ему беззащитным, как никогда. Словно она ждала удара... очередного удара.

Но разве он... разве он бил её?

— Я думаю, Винард делает всё неправильно, — прошептала Лирин, виновато улыбнувшись, словно извинялась за калихари белых волков. — Он наверняка захочет, чтобы Рональда сказала Джерарду, будто она его прощает. Но дело ведь не в словах. Она должна по-настоящему простить, только тогда это поможет.

Нарро кивнул.

Действительно — дело не в словах. Лирин словно знала, что он собирался сказать ей в ту секунду, и предупредила — не нужно. Ей была не нужна его ложь.

Пусть даже она была очень похожа на правду.

Нарро и не представлял, что всё изменится совсем скоро. Даже получив от императора известие о том, что через Арронтар проедет Грэй, он ничего не ощутил, не насторожился.

Эдигор просил дартхари поговорить с Грэем и попробовать повлиять на него — конечно, не используя магию Разума, — и Нарро, друживший с его величеством уже тридцать лет, согласился. Он понимал этого мальчика, убитого горем после смерти жены, но всё же отказываться от собственного предназначения и долга считал неправильным поступком. Упрямство, которым обладал и император Эрамира, в Грэе было возведено в степень. Убедить его в чём-либо было очень трудно, даже практически невозможно. Поэтому Нарро и не стал убеждать. Он говорил, надеясь, что мальчик сделает выводы, проанализировав сказанное, ведь ума у Грэя было не меньше, чем упрямота. Просто они порой входили в противоречие друг с другом. И в глубине души он понимал, что не прав, но никак не мог по-настоящему признать это и вернуться наконец к своим обязанностям.

На второй день пребывания Грэя в Арронтаре Нарро посоветовал ему прогуляться по лесу, развеяться. И когда спустя несколько часов гость вернулся, дартхари замер, услышав задумчивое:

— Я сегодня познакомился с одной любопытной девушкой, — Грэй хмурился, разглядывая содержимое обеденной тарелки, но думал явно не о еде. — Я по-глупому побежал за шалуньей, знаешь ведь

такую птичку? Завяз в какой-то луже, а эта девушка меня вытащила. Магией. Я думал, среди оборотней нет магов... ну, кроме тебя. Она сказала, что её зовут Рональдой. Красивое имя. И она сама тоже красивая, но я понимаю, что оборотням наверняка кажется иначе. Я сегодня слышал, что про неё говорят в деревне. Жаба, да?

Дартхари не знал, что ответить, но Грэй и не ждал ответа. Он просто крутил в руке вилку и по-прежнему хмурился.

— Я не сразу понял, почему жаба. Даже спросил. На меня посмотрели, как на дурака. Странные твои сородичи... на пустом месте придумывают. У неё очень милое лицо, и смеётся она так... по-настоящему.

Смеётся?! Рональда смеялась с Грэем?!

С ним она только во сне смеялась...

— В Лианоре так смеются немногие. Знаешь, без жеманства и кокетства. И хоть она надо мной смеялась, это было не обидно. Я потом разузнал о ней немного в деревне. И я не понимаю... как она вообще может смеяться, живя здесь, в таких условиях? Как она ещё не потеряла саму себя, не отчаялась, не начала ненавидеть всех вокруг? Я не понимаю.

Грэй говорил что-то ещё, и Нарро старался не пропускать ни слова, но не мог больше слушать.

Как она ещё не потеряла саму себя...

Ты думал, что спас её, да, дартхари?

Дурак. Ты слепой дурак, Вожак.

На следующий день они пришли к нему вместе, вдвоём, и Грэй, сверкая решительными глазами, попросил у Нарро разрешения забрать Рональду с собой. И дартхари, глядя на растерянное лицо девушки, понимал — она пока не понимает, хочет ли уехать. По-настоящему — не понимает. Хотя единственная причина, по которой она может желать остаться, это он сам.

Но этого слишком мало. Мало!

«Ты должна сохранить себя, девочка моя. Должна стать счастливой. Должна смеяться... Да, только так...»

Поэтому он дал Рональде и Грэю своё разрешение. И затем долго стоял у окна, вглядываясь в лес и собственное отражение и спрашивая себя, правильно ли он поступил.

Но лес молчал, печально шелестя листьями.

— Зачем ты отпустил её?!

Нарро не сразу понял, кто это кричит, плачет и бьёт его кулаками по спине.

А, поняв, развернулся, поймал обе её слабенькие ручки, прижал к себе и обнял.

Лириин рыдала, уткнувшись в его рубашку, и говорила, говорила, говорила...

— Зачем?! Я не понимаю! Она же наша надежда... Наша на... дежда... Она... Ты же её... люб-бишь... Зачем?!

Нарро гладил её по голове, ничего не отвечая. Он знал, что Лириин на самом деле всё понимает. Просто она, так же, как и он, думала, что у них получится удержать Рональду в Арронтаре.

Но они ошиблись.

Здесь она никогда не научится смеяться.

Ночью Рональда звала его. Нарро чувствовал это, её зов был очень сильным. Но он не мог пойти к ней — боялся, что не выдержит и всё испортит. Слишком велико было искушение всё рассказать... Или не рассказать, а просто показать ей, что это такое, когда Песнь Арронтара разрывает тебя на части от желания обнять и обладать женщиной, которую любишь.

Но это было бы нечестно. И разрушило бы всё, к чему стремился Вожак.

Даже спустя столько лет Нарро по-прежнему не понимал — почему он сохранил свою силу вдали от волшебного леса? И можно ли надеяться, что с Рональдой будет то же самое? Нарро пытался найти ответ, прочесть его в дыхании ветра и в движении листьев, но Арронтар по-прежнему молчал.

— Она попросила передать тебе это, — сказала Лириин, протягивая Вожаку маленький конверт размером не больше её ладони. Нарро осторожно взял его, надорвал и вытащил... письмо?..

Строчки расплывались и плясали перед глазами, но дочитывая последнюю фразу, он улыбался.

Она всё-таки это сказала. «Я люблю вас, Нарро». Она смогла. В отличие от него.

— Ты надеешься, что она вернётся?.. — прошептала Лирин, и дартхари заметил, насколько у неё заплаканные глаза.

Он взял сестру за руку и ответил так, как всегда отвечал Форс... и Нарро теперь понимал, почему.

— Я не надеюсь. Я верю.

Чем ближе подступала ночь, тем сильнее он волновался. Нарро уже решил, что сегодня попытается наведаться в сон Рональды, чего бы это ему ни стоило. Он должен понять, что с их связью. Пропала ли она после отъезда девушки? И если пропала, значит, Рональде никогда не стать волчицей. И, соответственно, не снять проклятье.

— Она не могла пропасть, правда, Арронтар? — спрашивал Вожак у леса, стоя возле окна в своей комнате. — Я знаю, что не могла. Только не понимаю, почему.

Лес вновь не ответил.

А несколькими минутами позже Нарро почувствовал то, из-за чего каждая клеточка в нём радостно запела — Рональда звала его. Зов был далёкий, но настолько громкий... И почему-то пекло грудь. Как будто к ней прикасалось что-то раскалённое.

Нарро не сразу понял, что это прикосновение ему не чудится. И, замирая от удивления, вытащил из-под рубашки горячий ириал. Камень светился, словно был куском живого огня, и был настолько раскалённым, будто его только что достали из костра.

Несколько мгновений Нарро стоял на месте, ничего не предпринимая, только смотрел на амулет. Он чувствовал, как постепенно начинает понимать... Подобные амулеты называют амулетами сердца. Сердца... Именно благодаря Сердцу Арронтара оборотни не теряли силу вдали от волшебного леса. А после того как Арронтар сам наложил на своих детей проклятье, его сердце перестало биться и обеспечивать эту связь.

Нарро знал это. Всегда знал.

Значит, Рональда не потеряет силу, потому что сама оставила здесь своё сердце.

Дартхари вздохнул с облегчением, подошёл к кровати, упал на неё и закрыл глаза. Теперь он не боялся ничего испортить. И сон стал

таким, как нужно — тёплым, спокойным и счастливым.

Она звала его, стоя на ковре из зелёной летней травы, босая, в белом платье, с сияющими золотом волосами... Прекрасная, как и всегда.

Нарро подошёл и обнял её плечи.

— Ты здесь?

— Здесь, Ро.

— Почему ты не приходил вчера?

— Я... не мог.

— Я так боялась, что ты больше не придёшь. Ведь я уехала из Арронтара. Так боялась...

— Я тоже очень боялся, Ро.

И после этих слов она впервые сама поцеловала его. Поцеловала так, что дыхание перехватило...

— Ты ведь не уйдёшь? Не исчезнешь?

Она спрашивала, сжимая обеими ладонями его лицо, и вглядывалась в глаза.

Он ответил, что нет, и Рональда рассмеялась с таким облегчением, что Нарро не смог сдержать улыбки. Но при этом он чувствовал: девушку что-то тревожит. И немедленно спросил:

— Тебя что-то беспокоит, Ро?

Она закусила губу.

— Лирин... рассказала мне кое-что до того, как я уехала. Ты знаешь, кто такая Лирин?

— Знаю.

— Шесть лет назад я подарила ей дудочку. Я нашла эту дудочку рядом со своей хижинкой. Лирин попросила отдать её, когда увидела. Я думала, дудочку сделал тот, кто когда-то жил в хижине, и я не ошиблась. Но ещё он оказался её братом. Лирин надела эту дудочку на цепочку и теперь носит на шее. Она сказала, что её брат был таким же, как я, и она тоже презирала его и бросала в него камни...

В ту ночь Нарро быстро усыпил Рональду. Сел на берегу их любимого озера, устроил девушку у себя на коленях и застыл, размышляя.

Ему нужно было не амулет сердца подарить, а медаль за глупость. Он тридцать лет не мог догадаться, хотя ответ был перед его носом.

Но почему она не сказала?!

Ага, как же, сказала бы она... Такая же гордая, как ты сам. Да и не поверил бы ты ей, подумал бы, что придумывает.

Нарро вздохнул, встал с колен, развеивая сон, и шагнул обратно в реальность.

Так бывает... Держишься-держишься, очень долго держишься, а потом раз — и ломаешься.

И с отъездом Рональды Лирин почувствовала себя сломанной. Словно кто-то пришёл, взял её за шкурку и сломал ей хребет.

Возможно, это был Нарро, так и не простивший свою сестру. Возможно, это была Рональда, на которую Лирин возлагала очень много надежд. А может, это был Арронтар.

Когда ты восемьдесят лет являешься Сердцем волшебного леса, ничего удивительного, когда твоё собственное рано или поздно перестаёт биться. И Лирин чувствовала — конец уже близок. Ей даже не нужно было смотреться в зеркало, она просто понимала это.

— Ты уж прости меня, — шептала она, вглядываясь в постепенно светлеющее небо Арронтара. — Прости, что сдалась. Я не могу больше ждать. Это ничего? Он ведь здесь, он вернулся. А остальное он сделает сам... Не так уж и много осталось... Это ничего?

Арронтар гладил её по щеке и тихо плакал. Очень тихо. Лирин знала, что никто не услышит этого плача. Он принадлежал только ей.

Ей, Сердцу Арронтара.

Нарро нашёл Лирин в её комнате. Она сидела на подоконнике, в одной ночной рубашке, босая, с распущенными волосами. Теперь он видел, насколько они поседели... они были уже практически белыми, как его собственные волосы. Только вот Нарро поседел сознательно после смерти Фрэн. А Лирин...

Она не обернулась, услышав его шаги. Продолжала смотреть в окно. Над лесом медленно вставало ярко-красное солнце, и верхушки деревьев были словно кровью окроплены.

Она была так не похожа на ту Лирин, что он оставил в Арронтаре восемьдесят лет назад. Или думал, что оставил. Ведь та Лирин, которая всё это время жила у него в голове, никогда не стала бы жертвовать собой во имя брата-горбуна, она ведь его ненавидела.

— Всю свою жизнь я гадал — почему именно я, Лири? Почему Арронтар выбрал меня для того, чтобы снять проклятье? Ведь Аравейн говорил мне, что были и другие оборотни. Их было много, очень много... Так почему я? Сегодня ночью я понял. Арронтар выбрал не меня. Он выбрал тебя.

Она по-прежнему не шевелилась, и Нарро продолжил:

— Только оборотень может снять проклятье. Но как я мог им остаться, уехав отсюда? Никак, пока оно действует, это невозможно. Возможно только при одном условии. Амулет Рональды — это амулет сердца, связь, необходимая для того, чтобы остаться волком. Она создала эту связь сама. Но я ничего не оставлял в Арронтаре. Никаких амулетов, ничего... Кроме тебя.

Лирин молчала.

— Я не потерял силу, потому что ты ждала меня. Ты сама стала Сердцем Арронтара, связью между лесом и оборотнем. Поэтому ты превратилась в анта — отдала силу лесу.

Сестра по-прежнему не отвечала, и Нарро вдруг осознал, что она сидит на подоконнике почти голая, да ещё и босиком... Замёрзнет же.

Он шагнул вперёд, прикоснулся рукой к её подбородку, заставив посмотреть на себя... И отшатнулся.

Глаза...

Они были голубыми. Совсем как в детстве.

Он опоздал. Глаза оборотня возвращаются к первозданному цвету только перед смертью.

Опоздал...

Нет, нет. Ещё не поздно. Не может быть поздно, нет. Не может быть!

Нарро подхватил Лирин на руки и отнёс на диван. Укутал пледом — о Дарида, какая же она ледяная! — сел рядом и обнял, пытаясь согреть. Но даже чистый Свет не помогал, он просто просачивался сквозь тело Лирин. Так всегда бывало с умирающими, и Нарро знал это.

— Лири...

Она не улыбалась и не двигалась. Просто смотрела на брата, будто впитывая в себя его черты, стараясь запомнить их. Она хотела сказать ему, чтобы он не грустил, ведь ей впервые за последние восемьдесят лет не было больно. Наоборот — она ощущала лишь небывалую лёгкость. Арронтар отпускал её.

Но она не могла ничего сказать. Не хватало сил.

Да и держать глаза открытыми больше не получалось...

— Лири... Нет! Лири, пожалуйста...

Нарро гладил её лицо, целовал щёки, вливал Свет... Но всё было бесполезно. Она уходила.

Он достал руку сестры из-под пледа и сжал ледяные пальцы.

— Лири, ты слышишь меня? Пожалуйста, только не сейчас. Я очень люблю тебя. Очень, слышишь? Я всегда любил тебя. Я любил тебя в детстве, ты была такой милой маленькой девочкой с глазами цвета неба. Я любил тебя, когда ты гнала меня по деревне с булыжниками. Я любил тебя, когда пятьдесят лет жил там, в Снежной пустыне. Я люблю тебя и сейчас, ты слышишь? Только не уходи!

Лири хотела ответить, что слышит. И что она тоже всегда любила его — и как Дэйна, и как Нарро. Ведь имя не важно... И она любила его больше всего в жизни.

— Арронтар, помоги мне. Помоги, прошу. Я не могу её потерять. Только не сейчас! Пожалуйста, помоги.

Лес за окном шелестел листьями, и в этом шелесте Нарро услышал:

— С-с-с-сам...

Дартхари сжал зубы.

— Я не могу сам! Не получается... Она уходит, помоги же мне!

Окно распахнулось так резко, что оба стекла разбились, ударившись о стены, и в комнату влетел ветер.

— Ду-у-у-ума-а-ай! — завыл он, раскидывая по полу бумаги с письменного стола Лири. — Ду-у-у-ума-ай! Я де-е-ержу-у-у!

Думать? Он восемьдесят лет не мог догадаться, неужели он может придумать что-то сейчас?!

Да. Сможет.

— Сила, — прошептал Нарро, целуя лоб сестры, — она так переменчива. Сегодня её нет, а завтра есть. Иногда она дремлет в нас самих, Лири... Или переходит в тех, кого мы любим. Перетекает. Уж за

столько-то лет в меня много перетекло благодаря тебе. И твоей силы, и силы Арронтара. Поэтому я и стал Вожаком, непобедимым дартхари... — Он улыбнулся. — Хочешь часть моей силы?

... Обратни верили, что часть силы перетекает из более сильного волка в более слабого во время близости.

Так оно и было. Вот только близость бывает разной. И в своём стремлении быть сильными и красивыми сородичи Нарро забыли о том, что у одного и того же слова может быть несколько смыслов.

Лири была его близкой. Самой близкой...

И Нарро лишь возвращал ей то, что она когда-то ему подарила. От него не убудет. Как ни странно, когда делишься силой подобным образом, собственная не уменьшается.

И он чувствовал, как теплеет тело Лири, наполняясь тем, что так ценили его сородичи. Она молодела, с лица медленно стирались морщины, губы становились красными, а щёки — нежно-розовыми. И волосы... Они густели, разглаживались и блестели, как настоящее золото.

— Просыпайся, Лириэн, — прошептал Нарро, сжимая руку сестры и нежно целуя её в висок.

Она послушно открыла глаза. Ярко-жёлтые.

Ара.

— Лириэн? — повторила, глядя на Нарро с удивлением. Как будто спрашивала — почему я не умерла?

Он кивнул.

— Лириэн. «Сестра».

Глава 11

Рональда

Я помню свой последний вздох. Короткий, как удар сердца. А дальше — ничего.

Темнота, чернильно-чёрная, без малейшего проблеска света. И никакой боли, чувств и воспоминаний. Ничего. Я летела сквозь эту темноту, всё дальше и дальше, и первое время мне чудилось, будто я что-то забыла там, позади, что-то очень важное, но потом и это тоже ушло.

Чернильно-чёрное пространство сменилось не менее чёрной водой, которая сомкнулась у меня над головой, принимая в свои объятия. Я открыла рот от неожиданности... и ничего не случилось. Вода была ласковой, она действительно обнимала, а не топила.

Мне казалось, что я растворяюсь. Она будто вымывала что-то из меня и забирала себе. И наверное, навсегда.

Не знаю, сколько времени я провела в воде, но постепенно море почернело и стало холодеть. Оно больше не было ласковым. Поначалу всего лишь холодное, через некоторое время оно стало ледяным и начало колоть кожу обжигающе-ледяными ножами. Я выбилась из сил. Чёрная, тяжёлая вода сомкнулась у меня над головой, будто нажимая на макушку большой рукой, стремясь поскорее утопить. Я открыла рот — вода залилась в глотку, перекрывая дыхание, перед глазами что-то замелькало...

Я умираю?

Нет, нет, не может быть, я ведь уже умерла.

А что это такое — я?

Нет, не так.

Кто я такая? Кто?

Я должна вспомнить. Обязательно должна. Если я вспомню, то смогу вернуться!

Я помню...

Яркий солнечный день, и тёплая вода в озере, и мальчик со светлыми волосами и голубыми глазами, который мчался за мной, рассекая водную гладь озера, и весёлый смех... И нежный поцелуй... «Моя любимая волчица»...

Я забила ногами по воде, изо всех сил заработала руками и, вынырнув на поверхность, закричала так громко, как могла:

— РОНАЛЬДА!!!

Яркая вспышка ослепила.

Море исчезло.

А потом пришла боль.

Она была невыносимой. Каждую клеточку тела — и снаружи, и изнутри — будто пронзило острым кинжалом. Грудь пекло, из горла лилась кровь, дышать было невозможно, я хотела закричать, но не могла.

— Элли, держи крепче!

Этот голос... Откуда я его знаю?

Очередная волна боли заставила забыть обо всём. Я застонала, задыхаясь от хлещущей горлом крови, заметалась из стороны в сторону... И открыла глаза.

Я по-прежнему была в чернильно-чёрном пространстве, только теперь из моих рук, из вен, росли чёрные верёвки, уходящие в никуда. В груди торчал не менее чёрный и будто бы деревянный кол, а всё тело опутывала яркая нить магии Света, похожая на сверкающую и тонкую паутинку кружев.

Я закашлялась и сплюнула очередной сгусток чёрной крови. А потом, подняв голову, обнаружила, что ко мне кто-то приближается. Этот кто-то светился от магии и был таким обжигающе горячим, что я заметалась в ужасе — становилось всё больше и больше, мне казалось, я сейчас начну плавиться.

Но чёрные верёвки — да и светлая паутина тоже — держали крепко.

Он подошёл вплотную и, схватившись обеими руками за торчащий из моей груди кол, потянул его на себя.

— А-А-А-А!!!!

Как же больно!!!

— Послушай меня, Рональда, — сказал кто-то очень тихо — из-за слёз, застилающих глаза, я не видела, кто он, — всего этого не существует. Оно есть лишь в твоей голове. Понимаешь? Нет никаких колец и веревок.

Я хотела сказать, что может, их и нет, но боль-то есть!

— Позволь мне помочь. Пока ты сопротивляешься, я не смогу достать сердце проклятья. Доверься мне.

Я кивнула. Почему-то не могла ему отказать.

Слёзы хлынули из глаз, когда он схватился за кол и резким движением выдернул его из груди. Оттуда моментально потекла чёрная кровь, а на груди осталась огромная рваная рана. Но продолжалось это недолго — чьи-то большие руки легли мне под шею, из ладоней полился Свет, и рана затянулась.

Охватившее меня облечение сложно передать словами. Я тихо, но как-то хрипло вздохнула и подняла голову.

На меня смотрели удивительные глаза. Знакомые, и в то же время не знакомые. Голубые, как небо, и только вокруг зрачка — ослепительно-яркие жёлтые искорки... Как снежинки во время метели. Красиво!

— Рональда, — сказал он, осторожно обнимая меня за талию. — Сейчас будет очень больно. Ещё больнее, чем раньше. Но по-другому никак. Я буду держать тебя, так что ничего не бойся. Всё будет хорошо, нужно только немного потерпеть. Совсем немного.

Я кивнула.

— Умница. Элли, имей в виду, она будет сопротивляться. На счёт три. Раз, два, три!

Это случилось так неожиданно, что в первый момент я ничего не поняла. А потом было слишком поздно.

Отпустив меня на секунду на счёт «два», он перерезал выпущенными когтями обе верёвки, выходящие из моих запястий, а на счёт «три» уже вновь держал за талию.

Опутывающие тело нити из Света засветились сильнее, я почувствовала рывок... А потом всё слилось в единый комок бесконечной боли.

Я закричала и вцепилась в спину того, кто держал меня, раздирая её до крови. Заметалась из стороны в сторону, потому что Свет... он

обжигал меня, выжигал все вены и артерии изнутри, заменяя их на чистый огонь.

Больно!!!

— Терпи, Ро, милая моя... Терпи...

Это было невозможно терпеть. И я кричала, кричала что было сил, не зная уже, сон это или явь, не зная ничего, кроме одного — никогда раньше мне не было так больно.

Последним, что я увидела перед тем, как наконец потерять сознание, были бледные и уставшие лица Нарро и Эллейн, а ещё белый потолок и кусочек окна с поднимающимся над домами солнцем....

Сон был удивительно сладким.

Подо мной и вокруг меня будто находилось облако. Мягкое, невесомое, ласковое, оно обнимало и дарило то, чего мне так не хватало с самого рождения.

Я ничего не видела и ни о чём не думала. Не знаю, сколько времени это длилось, но иногда в мой сон проникали голоса. Взволнованные и спокойные, знакомые и не очень, эти голоса обсуждали что-то, спорили, кричали и даже плакали... Мне было всё равно.

Иногда, когда сон становился особенно глубоким, я чувствовала запах, казавшийся мне таким родным, будто он был продолжением меня самой. Я улыбалась и тянула руку к тому, кто осторожно касался ладонью моего лба, словно проверял температуру, но... я не могла пошевелиться. И запах постепенно становился всё слабее, пока не угасал совсем.

Мне не было грустно. Я знала, что он должен уйти. И просто отпускала — раз за разом погружаясь в самый сладкий из снов без сновидений... Снов, в котором не было места ни горю, ни боли, только молчаливому спокойствию.

Но однажды это закончилось, и я проснулась.

В первый раз я на секунду открыла глаза, но не увидела ничего, кроме мерцающего света. Открывать глаза мне не понравилось, это оказалось больно. Никаких мягких, обнимающих облаков, и вообще ничего мягкого. Даже одеяло будто колелось.

Во второй раз я заметила странный резной потолок, на котором плясали тени, словно от огня в камине, почувствовала резкий запах трав, ударивший в нос, и услышала знакомый тихий голос, произнёсший:

— Завтра она очнётся. Ей нужно будет дать вот это. Справишься?

— Ты сомневаешься?

— Ни секунды.

А потом он склонился надо мной... и я узнала это лицо. И голубые глаза с кружащимися вокруг зрачка жёлтыми искорками, и высокий лоб, и губы, и совершенно седые волосы...

Он улыбнулся, дотронулся до моего лба прохладными пальцами и прошептал:

— Спи.

И я вновь уснула.

Третье пробуждение было самым неприятным. У меня ломило тело, особенно грудь и запястья. Во рту было сухо, как в пустыне, а глаза, наоборот, слиплись и никак не хотели открываться. Да ещё и этот свет... Почему он такой яркий?

Когда мне всё же удалось разлепить веки, я долго лежала, не двигаясь, только рассматривала окружающее пространство.

Кровать двуспальная, широкая. Постельное бельё белое, свежее, пахнет... хорошо.

Потолок... высокий. Очень. И резной, действительно резной... А вырезаны на нём листья, кружащиеся, будто во время листопада. Красиво.

Стены. Обои светло-зелёные с чем-то золотым. Зеркало. Старинное, чуть мутноватое. Край полки... похожей на каминную. На полке настоящий склад из банок и склянок, в которых обычно хранят целебные зелья. Понять, камин это или не камин, я не могла — для этого нужно было чуть приподняться, а двигаться не хотелось. Больно!

Затем я заметила кресло слева от кровати, а в кресле...

В кресле спал император.

Я удивлённо захлопала глазами. Так, а что, собственно, случилось? Ничего не помню...

Я настолько старательно пыталась вспомнить, почему лежу на этой постели и отчего мне так нехорошо, что у меня даже мозги заболели. А потом...

А потом я чихнула. И чуть не умерла — всё тело будто ножом пронзили.

— Рональда! Проснулась!

Я плохо видела императора из-за заслезившихся глаз, но то, что он поднялся с кресла и теперь направился к каминной полке, разобрать могла. Затем его величество чем-то загремел и забулькал, одновременно приговаривая:

— Так, сейчас... Потерпи чуточку. Сейчас я всё сделаю, и будет легче.

Я бы сказала, что ничего не нужно, кроме, пожалуй, стакана воды — во рту будто кот сдох — но у меня не получилось издать никаких звуков. Вообще никаких. Губы еле двигались, язык распух и занимал всё пространство во рту, едва не вываливаясь.

— Так, — сказал император, придвигая кресло ближе к кровати и наклоняясь надо мной. В руке он держал синюю склянку и чайную ложку. — Сейчас мы будем пить. Ну-ка, открывай ротик.

Я изумлённо воззрилась на Эдигора. Что значит — мы?! Он, что, собирается сам...

... Между тем император накапал из бутылочки в ложечку и поднёс её к моему рту...

... Сам поить меня?!

Судя по всему, именно это он и собирался делать.

— Рональда, перестань на меня так смотреть. Я всего лишь выполняю предписание врача.

«Завтра она очнётся. Ей нужно будет дать вот это. Справишься?»

В ложечке оказался какой-то настой, причём очень сильный, запах бил в нос, но я послушно сглатывала эту гадость.

Получалось плохо. Глотательное движение вообще не из самых простых, поэтому примерно половина содержимого ложечки выливалась у меня изо рта и стекала по подбородку на одеяло и ночную рубашку, оставляя там ярко-синие жутковатые пятна.

— Ничего-ничего, у меня тут ещё много. Давай, Рональда, старайся проглотить как можно больше.

Я старалась. Я очень старалась. Но силы мои кончались, рот едва открывался, а глаза постепенно закрывались...

В конце концов я уснула. И в этот раз сон не казался похожим на облако, он был самым обычным крепким сном больного оборотня. Без всяких сновидений.

Но именно тогда я всё вспомнила. Абсолютно всё.

Следующее пробуждение тоже было болезненным, но не настолько. Я по-прежнему ощущала дискомфорт в груди и запястьях, но по крайней мере могла не только хлопать глазами, но и приподнимать голову.

И говорить.

— Где я? — спросила я у Эдигора. Он вновь обнаружился в том же самом кресле.

— Во дворце, разумеется. С того момента, как ты спасла Эдди, прошла неделя.

Неделя... Ничего себе...

— Пить, — прохрипела я, но император покачал головой.

— Нельзя. Воду завтра. Сегодня только зелье. Сейчас дам, легче станет.

— Опять усну?

Он улыбнулся.

— Возможно. Нар... хм. Врачи об этом не предупреждали.

Я проглотила зелье — теперь уже совершенно всё, ничего не пролила — и прошептала:

— Он?..

На большее меня не хватило. И вовсе не потому, что болело горло.

Эдигор накапал в ложечку очередную порцию зелья, посмотрел на меня очень внимательно и ответил:

— Вернулся в Арронтар.

Я кивнула и вновь проглотила лекарство.

— Ты всё помнишь?

Я опять кивнула.

— Ты уверена?

Снова кивок.

— Хорошо. Потом расскажешь.

— Я не понимаю... как они спасли меня? Я думала, это невозможно.

Эдигор отложил в сторону бутылочку и вытащил мои руки из-под одеяла. Запястья были перебинтованы...

— Раны затягиваются медленно, потому что твоя регенерация ещё не совсем восстановилась. Ты потеряла почти всю кровь, Рональда. Сначала ты отдала её Эдди, и благодаря этому мальчик выжил, а затем Эллейн лишила тебя проклятой крови...

Я вспомнила, как Свет выжигал вены и артерии — теперь понятно, что это было. Элли чистила меня, чтобы не осталось даже капельки проклятья.

— ... и отдала тебе свою.

Я кашлянула.

— Что?

Император улыбнулся.

— Ну а как иначе ты могла выжить, без крови-то? Там и Нарро поделился, чтобы регенерацию запустить, но много у него брать было нельзя — ты сама, наверное, помнишь, кровь обратная, отданная другому обратную, в больших количествах не лечит, а убивает. Как змеиный яд.

Я кивнула, шокированная до глубины души.

— А Элли...

— С ней всё хорошо, не волнуйся. И вообще всё хорошо. Примерно послезавтра запустим к тебе первых посетителей, а пока — полный покой. И сон. Много сна.

Мне захотелось рассмеяться, но смеяться было больно.

— И кстати, у меня для тебя хорошая новость. Грэй и Эллейн наконец помирились. — Император спрятал мои руки назад под одеяло и вновь взялся за бутылочку. — Кажется, эпоха войн заканчивается и мы возвращаемся к миру и спокойствию... Осталось только понять, кто же балуется проклятиями.

Да. Я бы его сама с удовольствием прокляла за то, что хотел убить моего волчонка.

Когда я вновь проснулась, императора рядом не оказалось. И вообще никого не оказалось. Стояла глубокая ночь, и в камине мягко потрескивал огонь.

С трудом приподнявшись и сев на постели, я огляделась. Комната была очень красивой, а ещё здесь пахло деревом... как в Арронтаре.

Вспомнив свой лес, я, вздохнув, погрузила босые ноги в мягкий ворс ковра и, не обнаружив тапочек, встала.

Ноги дрожали, но держали.

Шаг, второй, третий. В принципе, не так уж и плохо. Бывало гораздо хуже. Подумаешь, тупая боль в груди... Запястья уже почти не болят, но во рту по-прежнему сухо и пить хочется...

Я подошла к невысокому столику на колёсиках, что стоял возле окна, рядом с креслом, где сидел император, и обнаружила там графин с водой. И стакан. И через минуту, жмурясь от удовольствия и прихлёбывая, как Элфи, пила воду, казавшуюся мне сладкой.

А напившись, медленно повернулась к двери.

Значит, искать в императорской библиотеке...

Добравшись до библиотеки и открыв дверь при помощи магии Разума, я ушла оттуда примерно через час. Всего лишь час... Он дал мне очень много. Но и отнял не меньше.

Стены, потолок, пол — всё качалось у меня перед глазами уже давно. Я оставила попытки ходить самостоятельно и постоянно держалась за разные выступающие предметы и стены. И, как оказалось, совершенно утратила бдительность от усталости.

На очередном повороте я не успела среагировать — на меня вдруг кто-то налетел, и если бы этот кто-то не схватил меня за плечи, то я бы непременно упала.

— Ронни?.. — прошептал Грэй удивлённо. — Кхаррт... как ты здесь оказалась?!

Я улыбнулась, внезапно осознав, что не могу говорить от жажды и усталости.

Между тем мужчина оглядел меня и укоризненно покачал головой.

— В одной ночной рубашке... Босая! Ронни, о чём ты вообще думала?

Я поджала пальцы на ногах. А ведь я успела забыть о том, что не нашла в комнате тапочки. И только теперь почувствовала, как замерзли ноги. Кажется, даже ногти, и те замёрзли.

Но пока я размышляла о собственной глупости, Грэй всё решил сам — и я, издав какой-то полузадушенный писк, вдруг оказалась у него на руках.

— Так нельзя, Ронни! В конце концов, тебя только что практически из могилы вытащили, а ты тут разгуливаешь ночью по замку, в одной ночнушке и босая! Хочешь слечь ещё на пару месяцев? Это легко устроить, уж поверь! Если император узнает о твоей выходке... Запрёт, стражников перед дверью поставит и сам будет из ложечки микстуркой поить!

Я улыбнулась, вспомнив недавнее пробуждение и Эдигора с ложкой в руке.

— Пусти...

Грэй, ни на миг не замедляя ход, недовольно посмотрел мне в глаза и буркнул:

— С какой стати?

Я сглотнула, хотя глотать мне было нечего — слюны во рту не ощущалось уже давно — и прохрипела:

— Тяжёлая...

Ответом был ещё более недовольный взгляд и тихое:

— Ни капельки.

Конечно, будь у меня голос и хоть немного сил, я бы поспорила и непременно вырвалась, но в тот момент...

Я просто прижалась щекой к груди Грэя и закрыла глаза.

Следующее пробуждение было самым радостным, потому что проснулась я от дикого вопля, раздавшегося над ухом.

— Мама!!!

Я резко распахнула глаза, чтобы почти тут же вновь их запахнуть, когда обнявший меня изо всех сил Эдди вышиб весь воздух из груди.

— Эдди, тише! Задушишь же!

— МАМА!!!

Я рассмеялась и тоже обняла мальчика, погладила по голове... О Дарида, как же я по нему соскучилась!

До слёз.

— Эдди, осторожно... Ну я же предупреждал тебя — мама болеет, не души её так сильно, пожалуйста...

Стоп.

Мама?

Мама?!

Я открыла глаза и удивлённо посмотрела на Грэя. Он кивнул и сел на постель. Оторвав — с большим трудом! — от меня Эдди, усадил его рядом с собой и тихо сказал:

— Прости, я был не прав.

Я не успела ответить — Эдди затараторил:

— Мама, папа сказал, что ты — мама! Вот!

— А-а-а...

— Да-да, он сказал, что был дурак и вообще! Вот!

— А-а-а...

— А меня к тебе не пускали! Говорили, ты спишь. А теперь ты уже не спишь, да? Пойдём гулять? Только тебе надо помыть ручки и позавтракать. Во-от.

Грэй на несколько секунд в шутку зажал Эдди рот и, улыбаясь, сообщил изумлённой мне:

— Он почти всю неделю провёл вместе со старшим сыном принцессы Дженны, а у того словечко «вот» настоящий паразит. Вот и... во-о-от.

Я кивнула, а потом заявила:

— Пить хочу. И есть. Очень!

— Сейчас всё будет, — ответил Грэй, отпуская Эдди, который немедленно перелез ко мне на кровать и устроился под боком. — Я уже распорядился. Но лекарство всё равно придётся выпить.

Я вновь кивнула, расплываясь в улыбке от чудесного ощущения — мой волчонок сидел рядом, обнимал меня обеими руками и прижимался щекой к плечу...

Мы вместе позавтракали — Эдди всё это время увлечённо болтал, рассказывая о том, что с ним приключилось за неделю — и после завтрака я хотела одеться и спуститься в сад, но, выпив очередную порцию зелья, поняла, что не смогу и шага ступить. Накрылась одеялом, признала своё поражение и закрыла глаза, проваливаясь в сон без сновидений.

Когда я вновь проснулась, солнце заливало комнату ярко-оранжевыми лучами с розовым отливом, раскрасив каждый уголок. Грэй, чьи волосы казались охваченными пламенем при таком освещении, приподнялся в кресле и тихо спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Ронни? Хочешь чего-нибудь? Пить? Есть?

Но меня больше всего в тот момент интересовало другое:

— Ты здесь сидел всё время, пока я спала?

Он кашлянул.

— Нет. Я недавно пришёл, хотел тебя разбудить — теперь ты не должна спать дольше десяти часов подряд.

— Почему же не разбудил? Я вроде бы сама проснулась...

Грэй отвёл глаза, будто смутившись.

— Просто... ты так сладко спала. Я... извини.

Я не поняла, за что он извиняется, но почему-то сама смутилась. Поэтому поспешила сказать:

— Дай мне, пожалуйста, воды.

Пока Грэй наливал мне воды из графина, я приподнялась на постели, немного взбила подушки, чтобы было удобнее, и села, про себя радуясь тому, что рубашка на мне больше похожа на платье.

А когда мужчина повернулся ко мне со стаканом в руке, вдруг вспомнила то, из-за чего смутилась окончательно. И не только смутилась, но и по-настоящему запаниковала.

— Ронни? — удивлённо спросил Грэй, садясь в кресло и протягивая мне стакан. — Что такое? У тебя странное выражение лица.

А каким может быть моё выражение лица, если я неожиданно вспомнила, что валяюсь на этой постели целую неделю с непричёсанной головой! Представляю, как я сейчас выгляжу...

Мне захотелось нырнуть под одеяло. Но я мужественно улыбнулась и просто приняла стакан, ничего не ответив, а затем сделала глоток.

Вода пахла знакомым общеукрепляющим зельем. Как хорошо, значит, я действительно почти выздоровела! Ведь его бесполезно давать тяжёлым больным, слишком слабенькое.

— Тебя все очень хотят увидеть, — сказал Грэй, пока я медленно пила воду маленькими глотками. — Но император пустил сегодня только меня и Эдди. А вот завтра можно. Что скажешь, Ронни? Наверное, не всех сразу...

Я опустила стакан и улыбнулась.

— Можно и всех сразу. Я так соскучилась. А когда мы вернёмся в мастерскую? Я думаю, мне вполне по силам заканчивать своё лечение и там.

К моему удивлению, Грэй вдруг резко вскочил с кресла, сделал несколько нервных шагов по комнате, подошёл к окну, отвернулся, и так и застыл — глядя не на меня, а в окно. Я видела нечёткое отражение его лица в стекле. И это отражение... оно пугало.

— Ронни... мы не вернёмся.

— Что? — от неожиданности я выронила стакан с остатками воды, и по одеялу растеклось мокрое пятно. — Но... Грэй... Мне кажется, я злоупотребляю гостеприимством его величества...

Я увидела, что мужчина сжал кулаки.

— Мы не вернёмся. Я принял решение и не собираюсь его менять. Ты, я, Эдди — мы останемся здесь.

Я покачала головой.

— Я так не могу. Император вырастил тебя, тут всё понятно. Эдди — твой сын. Но я? Так нельзя, это просто... просто... Я лучше сниму квартиру в городе, как и хотела.

Я вздрогнула, когда Грэй обернулся, быстро подошёл к кровати и с яростью спросил, глядя мне в глаза:

— Это просто что? Что ты хотела сказать, но не договорила?

— Грэй, я тебе никто. Это просто наглость с моей стороны, жить вот так. Ладно ещё в мастерской, но в императорском дворце!

— Никто?!

Он прохрипел это с такой злостью, что я моментально замолчала.

— Никто?!

Миг — и лицо Грэя оказалось рядом с моим, одна его рука легла на талию, другая держала затылок, а губы...

Губы прижались к моим. Один раз, второй, третий...

Между этими короткими, какими-то лихорадочными поцелуями он шептал:

— Никто... Я чуть с ума не сошёл... Думал, ты погибла... Никто... Ронни... ты моя, понимаешь?!

Я ничего не понимала. У меня кружилась голова. Я закрыла глаза, думая, что так станет легче, но нет.

А губам было сладко и больно одновременно.

Я хотела оттолкнуть его, сказать, что это неправильно, что так нельзя... но не могла.

Я подняла руки и обняла Грэя за шею, позволяя ему целовать себя сильнее и глубже. Внутри меня всё горело. Возможно, потом я

пожалее, когда он скажет, что это было ошибкой и он до сих пор любит Лил, но это будет потом. А сейчас...

А сейчас я задрожала, когда Грэй снял с меня рубашку, и прохладный воздух комнаты коснулся обнажённой кожи. Я задрожала, когда он положил смуглую руку поверх моей груди. Я задрожала, когда Грэй прошептал:

— Ты такая красивая...

И я поверила ему. Я всегда ему верила, с самого начала, каждому слову...

По телу бежали мурашки, когда Грэй начал медленно и осторожно гладить меня, при этом неотрывно глядя мне в глаза, словно пытаюсь что-то там прочитать.

А я смотрела на него. Закрывала глаза я только тогда, когда он целовал меня. Нарочито медленно, будто смакуя удивительное лакомство.

Как и когда Грэй успел снять свою рубашку — не знаю. Я только почувствовала, что под моими пальцами перекачиваются тугие мышцы, обняла его изо всех сил, стремясь быть как можно ближе... А он целовал меня всё глубже и настойчивей...

Рывок — и мне показалось, что Грэй улетел куда-то в стену, по пути что-то опрокинув. Это что-то зазвенело так, что у меня даже уши заложило.

А потом я увидела императора. Он стоял посреди комнаты, глядя на Грэя с таким выражением на лице, будто хотел его убить. И разразился длинной тирадой на орощем языке, в которой я поняла лишь два слова, и то потому что это были общепринятые ругательства.

Говорил император долго. А Грэй молчал. Он уже поднялся из кучи разбитой посуды, которую свалил на пол, врезавшись в каминную полку после того, как Эдигор «снял» его с меня. И просто стоял напротив императора, не говоря ни слова и хмурия брови.

— Не ругайте его, ваше величество. Я сама виновата.

Я сказала это тихо, но они услышали. Грэй посмотрел на меня удивлённо, император — насмешливо.

— Несомненно, ты виновата, Рональда. Ты виновата в том, что тебе не хватило твёрдости характера хорошенько врезать этому олуху с самого начала. Вместо того, чтобы пойти по правильному пути, Грэй выбрал самый лёгкий. Он не захотел или побоялся быть честным и

решил сначала провести с тобой ночь, а потом разбираться с накопившимися проблемами. А накопил он их по собственной дурости очень много.

— Я... — начал Грэй, но Эдигор не дал ему сказать.

— Ты меня очень разочаровал. И не только сегодня. Моё терпение подходит к концу. Я и так долго шёл тебе навстречу, но в последнее время твоё поведение переходит всяческие границы. Даю тебе три дня. А теперь — ВОН!

Я никогда не слышала, как кричит Эдигор... до этого момента. И чуть сама не сорвалась с кровати на бег, но всё-таки сдержалась.

А когда Грэй ушёл, император направился к шкафу в другом конце комнаты, открыл его и достал оттуда точно такую же рубашку, какая была на мне несколько минут назад.

— Держи, — сказал он, подходя к кровати и осторожно положив ночнушку поверх одеяла. И только тут я осознала, что всё это время сидела перед императором абсолютно голой!

Испуганно пискнув, я быстро развернула рубашку и натянула на себя. А когда просунула голову сквозь ворот, увидела, что Эдигор смотрит в сторону и улыбается.

— Одедась? Ну вот и отлично, — он сел рядом, но не в кресло, которое так и осталось валяться перевёрнутым на полу, а на постель. — Как себя чувствуешь?

Я вздохнула.

— Честно?

— Конечно. Кто же врёт императору? — он подмигнул, и я не смогла не улыбнуться.

— Физически неплохо. А вот морально...

— Понятно, — Эдигор взял меня за руку. — А давай мы с тобой поужинаем? Только не здесь. Что скажешь насчёт крыши? Сегодня тёплый вечер, завернёшься в плед, и не замерзнёшь точно.

Я кивнула, изо всех сил стараясь сдержать постепенно подступающие слёзы.

Глава 12

Рональда

После ужина на крыше я вновь спала хорошо и спокойно. И совершенно не видела снов... ни одного. Наверное, так надо. Слишком уж много снов выпало на мою долю.

Не хочу думать о них.

Утро встретило меня аппетитным запахом свежих овощей и фруктов, пирожков, ароматного чая... А ещё ласковым шёпотом возле уха:

— Просыпайся, сонька!

Я медленно приоткрыла один глаз... и тут же радостно подскочила на кровати.

— Элли!

Утренний лучик солнца разбился о её волосы и запутался в них алыми искорками... Волшебное.

— Я так рада тебя видеть, — вздохнула я, взяв герцогиню за руки. Она засмеялась.

— И я тебя, Ронни. Сегодня мы можем принять посетителей и спуститься в парк. Хочешь?

— Ещё спрашиваешь! Да я скоро себе мозоль на щеке протру подушкой. — Чуть повернув голову, я заметила, что на столе стоит поднос с завтраком, и с аппетитом облизнулась. — Это мне, да?

— Ну а кому же ещё? Конечно, тебе. Давай, ешь, а потом оденемся и пойдём вниз. Тебя все уже заждались.

Настроение у меня было замечательным. Я быстро проглотила завтрак, нацепила принесённое Эллейн платье — пришлось воспользоваться её помощью, так как самостоятельно я его натянуть и застегнуть была не в состоянии — и, схватившись чуть подрагивающей от волнения рукой за ладонь герцогини, вышла из комнаты.

Замок будто гудел от сотен голосов, в окна лился яркий солнечный свет, освещая каждый уголок и преломляясь в тысячах зеркал, а стражники... они кланялись нам с Эллейн. Как же сильно это отличалось от жизни в Арронтаре, где вслед неслись не поклоны, а презрительные взгляды.

По лестнице я спускалась медленно и с большим трудом, с одной стороны держась за Элли, а с другой — за поручень. Мы постепенно, не торопясь, достигли главного входа и вышли в парк.

— Ты что-то помнишь из того, что случилось после?.. — поинтересовалась Эллейн тихо, и я кивнула.

— Я помню всё. По крайней мере мне так кажется, — я усмехнулась. — Зная некоторых, начинаешь сомневаться даже в собственных воспоминаниях.

— На этот раз можешь не сомневаться, — ответила Элли тихо. — Хотя он думал, что ты забудешь... Но не из-за чьего-либо вмешательства, нет, — быстро добавила она. — Просто не все уносят с собой воспоминания о том, что было в посмертии.

— Значит, мне повезло, — фыркнула я.

Эллейн вздохнула.

— Прости меня, Ронни. Я не могла нарушить данное слово.

Я не ответила. Наверное, когда-нибудь я смогу простить и забыть. Но пока мне казалось, что мной играли, и играют до сих пор.

— Почему — Нарро?

Чтобы задать даже один этот вопрос, мне понадобилась изрядная доля смелости.

Но Эллейн лишь улыбнулась и покачала головой.

— Думаю, тебе лучше спросить у него самой.

Я хмыкнула. Что ж, ничего не меняется. На мои вопросы по-прежнему не отвечают... а я всё так же не умею их задавать.

На глаза навернулись слёзы задолго до того, как мы подошли к беседке, где громко и оживлённо разговаривали Тор, Гал, мастер Дарт, Араилис и Эдди. Заметив меня, они замерли на секунду, а затем расплылись в таких широких улыбках, что я моментально забыла обо всём, кроме одного — как же я рада их видеть!

— Мама-а-а! — завопил Эдди, срываясь с коленок Ари и подбегая ко мне. Вслед за ним с оглушительным лаем нёсся Элфи. Я, не

выдержав, тут же наклонилась и подхватила мальчика на руки, зарываясь носом в мягкие волосы, пахнувшие так сладко...

Взрыв смеха, а затем...

— Эдди, так нечестно, я тоже хочу обнять твою маму! — Ари.

— Ронни, садись сюда, к нам! — мастер Дарт.

— Есть не хочешь? — Тор.

— Ты же только позавтракал! — Гал. — Ронни, шикарно выглядишь!

Эллейн, широко улыбаясь, помогла мне подняться по ступенькам и усадила между Ари и Галом. Эдвин так и не слез с моих коленок, только завозился, устраиваясь поудобнее.

А я не могла говорить. Я не могла сказать ни единого слова — у меня щемило в груди. Я никогда не думала, что буду настолько рада видеть их, ведь ещё совсем недавно они были для меня совершенно чужими. И я никогда не думала, что эти «чужие» будут настолько рады видеть меня!

И не только видеть — обнимать, целовать и просто щупать...

— Ари!.. Щекотно же!

— Ничего-ничего... До свадьбы заживёт, — кажется, я покраснела, а Араилис, ничуть не смутившись, продолжила: — Что-то ты похудела.

— Конечно, похудела, — проворчал Тор. — Несколько дней не жрамши, тут и гном похудеет!

— Такой как ты — точно нет!

— Будет вам, — махнул рукой Дарт. — Ронни, как ты?

— Уже лучше. По крайней мере я уже меньше похожа на бревно — могу не только лежать, но и ходить...

Когда ты знаешь, что тебя ценят, любят и ждут... Просто так, не ставя никаких условий и совершенно не обращая внимания ни на форму носа, ни на лишний вес...

Я не знала, что такое любовь — там, в Арронтаре. Теперь знаю.

Наверное, ты именно поэтому отпустил меня, да? Чтобы я узнала, что это такое. Чтобы я узнала, что такое не только любовь, но и что такое я сама, и научилась ценить это знание. Ценить саму себя.

«Пока я с тобой, ты будешь стоять на месте, а ты должна двигаться вперёд. Вперёд, моя маленькая волчица».

Теперь я понимаю.

Ближе к вечеру друзья начали расходиться. Первыми ушли Тор и Дарт, заявив, что выходной — это, конечно, хорошо, но завтра придётся открывать магазин, поэтому надо бы выспаться. Затем Ари, захватив с собой Элфи, отправилась укладывать Эдди. Вслед за ними ушла Эллейн, напоследок подмигнув Галу.

— Не хочешь посмотреть оранжерею? — спросил тролль, как только силуэт герцогини исчез за ближайшим кустом. Я с сомнением покосилась на заходящее солнце, окрасившее всё небо в оранжево-лиловый цвет, и Гал верно истолковал этот взгляд.

— Это ненадолго, Ронни. А потом я провожу тебя обратно в замок. Ты не пожалеешь. Там очень красиво.

— Ладно, — я пожала плечами.

Оранжереей оказался огромный магический купол, и я никак не могла понять, как он сделан, пока не поняла, кто его сделал. Что ж, мне ещё расти и расти до уровня своего невидимого — или видимого — учителя.

Но как только мы вошли внутрь, я моментально обо всём забыла.

Я ведь была только в Арронтаре... Дорогу в Лианор можно не считать — по пути в столицу я не видела ничего необычного. А здесь! Необыкновенные растения, обвивающие купол по периметру, с огромными белыми цветами. Словно вьюн-трава, только очень большая. Деревья такой ширины, что и впятером не обхватить, со стволами, которые извивались, стелились по земле и будто танцевали. Со светящимися зеленоватым светом листьями. Пруд с розовой водой!

— Что это? — прошептала я, застыв на месте. И вздрогнула, услышав позади голос не Гала, а Грэя:

— Это оранжерея, Рональда. Пространство, на котором собраны некоторые виды растений и животных. Сейчас ты находишься в уголке светлых эльфов. Красиво, правда?

Я кивнула. Хотелось развернуться и увидеть его лицо, но я не решалась.

— Прости, это я попросил Гала привести тебя сюда. Мне нужно поговорить с тобой. А ещё я хотел показать тебе оранжерею. Это место всегда было у меня самым любимым. Я...

Его голос задрожал, и я сделала шаг назад, позволяя Грэю обнять себя. Откинулась на его грудь, а он прижался подбородком к моей

макушке.

— Здесь мы с Лил впервые поцеловались. Мне тогда было тринадцать, а ей на три года больше. Да, не удивляйся, она была чуть старше, вот только это всегда было незаметно. Я ведь высокий, а Лил маленькая, хрупкая... была.

Я вздохнула и, подняв руку, погладила его ладонь. Грэй тут же накрыл её своей.

— Прости меня, Ронни. За то, что я говорил тебе, когда узнал, как Эдди тебя называет. За тот вечер, когда вы чуть не погибли. Я и тогда, и вчера, вёл себя непозволительно. Я позволил себе слишком много. Я не должен был... — Объятия его стали чуть крепче, словно он боялся, что я убегу. — К Лил я всегда относился, как к хрустальной вазе. Опасался лишней раз дотронуться, поцеловать не решался, особенно до свадьбы. С тобой всё иначе. Ронни, я хочу обнимать тебя так, чтобы ты не могла вырваться. Я хочу целовать тебя так, чтобы ты забыла свои страхи. Чтобы ты забыла собственное имя! Я хочу знать, каково это — быть в тебе, я хочу...

— Грэй! — прохрипела я. Мне было жарко от смущения.

— Я хочу, чтобы ты была моей. — Он развернул меня в кольцо своих рук и, обхватив ладонями лицо, прошептал: — Прости, что говорю это тебе. Я должен объяснить, что со мной творится, потому что мы с тобой находимся в неравном положении. Я знаю, что ты чувствуешь, очень хорошо. А ты ничего не знаешь про меня.

Я удивлённо нахмурилась, а Грэй, вздохнув, вдруг полез в карман и вытащил...

Не-е-ет. Зачем мне амулет против эмпатии?!

— Ронни, я эмпат.

От неожиданности я дёрнулась, и он обнял меня крепче.

— Ты шутишь, да? — пробормотала я, но мужчина покачал головой.

— Нет. Я действительно эмпат. Я... прости. Возьми амулет.

Я смотрела на Грэя, чувствуя, как волнами накатывает ощущение моего полнейшего идиотизма. Конечно! Он ведь всегда понимал меня очень хорошо, да и Эдди... эмпатия же чаще всего наследственная... Вот от кого она передалась моему волчонку!

— Я идиотка, — буркнула я, насупившись. — А амулет не возьму.

— Почему? — удивился Грэй.

— Что почему? Почему идиотка?

— Нет. Почему амулет не возьмёшь?

И я всё-таки разозлилась.

— Потому что! Грэй, ты издеваешься?! Что мне от тебя скрывать?! Теперь-то?! Какой смысл мне его надевать, когда ты про меня уже всё знаешь?! И...

Я поперхнулась собственными словами, потому что мужчина, вдруг подхватив меня на руки, прижал к ближайшему дереву — опять! — и поцеловал так, что я моментально потеряла нить рассуждений.

— Теперь ты понимаешь? — прошептал он, на секунду оторвавшись от меня, чтобы затем вновь поцеловать. И ещё раз. И ещё. — Твои эмоции... Когда я ощущаю их... Я срываюсь... Ронни, ты как вино... Кружишь голову... Сначала я не хотел признаваться... Думал, увезу тебя, ты устроишься здесь, уйдёшь из моей жизни и так и не узнаешь про эмпатию... А потом я уже не мог отказаться от тебя. Ты нужна мне.

Поцелуй после каждой фразы. У меня даже губы заболели.

— Грэй!

Он не дал мне сказать — вновь поцеловал, чтобы затем прошептать:

— Возьми амулет. Иначе... Ронни, я могу просто сорваться однажды...

Я обняла его за шею и, стараясь вложить в свои слова всю силу собственных чувств, проговорила:

— Срывайся.

Он застыл. А я смотрела ему в глаза и осторожно перебирала прядки волос чуть дрожащими пальцами...

Спустя мгновение Грэй поставил меня на землю, оправил чуть задравшееся платье и сказал, не отрывая от меня напряжённого взгляда:

— Лил носила амулет практически с рождения. Но я и с ним всегда знал, что она чувствует. Знал, что она любит меня. А с тобой всё иначе, Ронни. Я всё время боюсь, что ты уйдёшь. Ты ведь любишь его, да?

Я привстала на носочки и, взяв в ладони лицо Грэя, честно ответила:

— Да.

Он помрачнел, даже глаза потухли. А я улыбнулась и продолжила:

— А ты любишь Лил. Так ведь?

Чуть удивлённый кивок.

— И в чём разница между нами?

— Он жив...

Я покачала головой.

— Я спросила, в чём разница между нами, а не «между ними».

Так в чём, Грэй?

Он молчал, и я ответила сама:

— Я не возьму амулет не только потому, что ты уже про меня всё понял. Я сама хочу, чтобы ты понимал меня. Чувствовал. Знал, что я с тобой не потому, что кто-то связал меня крепкой верёвкой по рукам и ногам. Я с тобой, потому что это мой выбор. Моя жизнь. Моя судьба.

И прежде чем Грэй вновь поцеловал меня, я успела прошептать:

— Ты тоже мне нужен.

Утром следующего дня я проснулась очень рано. Потянулась и поняла, что прекрасно себя чувствую. Даже накануне у меня ещё иногда появлялась неприятная тяжесть в груди, но теперь всё ушло. И я, скинув ночнушку и размотав повязку на запястьях, шагнула к зеркалу.

Нет, Ари ошиблась — я совсем не похудела. Я была всё таким же пирожком, но... теперь я знала, почему. И больше не желала меняться, поэтому не менялась. Полюбить себя изменённую гораздо проще, разве не так? А я хотела полюбить ту Рональду, какой я всегда была. Я хотела знать, что это возможно.

Закрыв глаза, я вздохнула и улыбнулась. Да, пусть будет так... В конечном счёте, как бы я ни была на тебя обижена, я всегда делала — и делаю до сих пор — всё так, как ты хотел.

Вылезший из-под кровати Элфи, оглушительно зевнув, подошёл и начал лизать мою руку. Я рассмеялась и, присев на корточки, зарылась пальцами в его тёплую и густую шерсть.

— Спасибо за подарок, Дэйн, — прошептала я.

Элфи фыркнул и лизнул меня в щёку.

Сразу после завтрака я отправилась в школу Эллейн. Меня беспокоило то, что делали мы с Дрейком неделю назад. Я опасалась,

что зеркальное заклинание и усиливающая его руна «камень» ослабли за неделю и придется начинать всё с начала. Но нет — всё было в порядке. Видимо, в моё отсутствие Дрейк постоянно обновлял заклинание и вливал в руну силу. Несмотря ни на что, этот эльф ответственно относился к работе.

Я выскочила из кареты, свистнула Элфи, чтобы он следовал за мной, и поднялась наверх, в наш рабочий кабинет.

Здесь был только Рат. Когда я вошла, он сидел на диване и, сосредоточенно хмурясь, что-то искал в большой книге. Подняв голову, на короткую секунду замер, а потом расплылся в улыбке.

— Ронни!

Встал с дивана и обнял меня, пока я с удивлением рассматривала его лицо, чуть покрытое щетиной, которая уже начинала формироваться в аккуратную бородку.

— Решил бороду отрастить? — хмыкнула я.

— Ага, а потом буду заплетать ее в ритуальные косички, как у гномов, — засмеялся Ратташ. — На самом деле просто всё забываю побриться... Да и настроения не было ни на что. Я очень волновался за тебя, Эдди и Элли.

Я понимающе кивнула и опустилась на диван.

Через несколько минут Рат принёс мне чашку с ароматным горячим чаем, поставил рядом тарелку с какими-то пирожными, явно на радостях забыв, что оборотни не любят сладкое. Но я не стала ничего говорить, только улыбнулась.

А потом я рассказывала о том, что случилось со мной и Эдди, а Ратташ внимательно слушал, и когда я закончила, сказал:

— Знаешь, а я думал, что больше никогда не увижу никого из вас. Ни тебя, ни Элли, ни Эдвина. Наверное, поэтому и не брился. Все казалось нелепым и смешным. Нам ведь никто ничего не говорил. Доходили только слухи, я отправился к императору, но не застал его. Хорошо, что императрица была на месте и рассказала всё, что знала. Что кто-то пытался убить Эдди, ты спасла его, а Элли — тебя. И что теперь ты выздоравливаешь, а Элли чуть ли не при смерти.

Я вздрогнула.

Нет, я, конечно, предполагала, что моё «оживление» далось ей непросто, но не настолько же...

— Мы тут едва не свихнулись. Дрейк вёл себя хуже всех, но не он один нервничал. Меня не принимал император, к Эллейн не пускали... Был момент, когда я решил, что она действительно умерла.

Ратташ резко встал с дивана и подошёл к окну. Прислонился к подоконнику, скрестил руки на груди и продолжил говорить.

— Она ведь не рассказывала тебе об этом, да? И не расскажет. Элли всегда была такой. Впрочем, вы с ней похожи. Ты тоже не очень-то задираешь нос от мыслей о том, что спасла Эдди, да и Грэя, по правде говоря. Ему повезло с вами обеими. — Ратташ вздохнул и усмехнулся. — Я абсолютно не такой... Если бы рядом с Эдди в тот момент оказался я, то не стал бы даже пытаться сделать то, что сделала ты. И уж тем более — то, что сделала Эллейн. Я слишком сильно боюсь умереть... всегда боялся.

А я в тот момент и не думала о смерти. У меня не было времени на подобные мысли. Наверное, в этом и есть причина моей так называемой храбрости — отсутствие времени.

— Я хотел тебе рассказать... Грэй, Лил, Дрейк и его старший брат Мирей — мои лучшие друзья — все они жили в императорском замке с рождения. И только я появился здесь, когда мне было восемь. Ранее мы с отцом жили на севере, мама моя умерла, едва мне исполнилось три года, и отец с тех пор начал пропадать на работе. Он был тогда ещё Младшим лордом, и переехал в столицу, дабы получить звание Старшего лорда и работу во дворце. Он её и получил, став одним из императорских советников. Но я был здесь несчастен поначалу. Я рос угрюмым и замкнутым, и вдруг — переезд, огромный замок, куча слуг и их детей, с которыми я никак не мог сойтись. Таким меня и встретила однажды Элли. Именно она познакомила меня с Интамаром и остальными. Именно она занималась со мной магией и в конце концов избавила от этой угрюмой замкнутости. Она всегда понимала меня лучше всех, особенно лучше отца. Но по-другому и быть не могло, ведь Элли тоже выросла без матери.

— Без?.. — я удивилась. Мне всегда казалось, что у герцогини была очень хорошая семья.

— Да. Теперь ты понимаешь, какие чувства меня охватили, когда я узнал, что Эллейн почти погибла, спасая тебя. Я безмерно рад, что спасла. Но я надеюсь, что больше никаких проклятий... Второй такой

недели никто из нас не переживёт. Особенно Дрейк. Ты даже не представляешь, сколько раз он был на волосок от удушения!

Рассмеявшись, я встала с дивана и подошла к Ратташу. Хотя тема и не была очень весёлой, всё же, представив себе, как Рат душит Дрейка, мне стало смешно.

— Я не могу ничего обещать, ведь мы пока не знаем, кто убил Лил и пытался убить Эдвина. И я поступлю так и в следующий раз, если Эдди будет угрожать опасность.

— Значит... вы с Грэем теперь вместе? Я слышал, как мальчик назвал тебя мамой. — Мужчина внимательно посмотрел на меня. А я не знала, что ответить. После вчерашнего объяснения я не видела Грэя, но накануне мне показалось, что он хотел сказать ещё что-то, только не успел. Или не захотел. И я не была уверена до конца ни в чём.

Я просто старалась об этом не думать. Ведь свой выбор я уже сделала.

— Наверное. Думаю, тебе лучше спросить у Грэя.

— Его-то как раз и не обязательно спрашивать, — засмеялся Ратташ. — Я знаю его почти всю жизнь, поэтому уверен — Грэй любит тебя, Ронни. А вот ты... ты-то его любишь? Или просто не хочешь оставлять Эдди?

Ратташ по-прежнему улыбался, но глаза его были серьёзными. Даже ледяными. Он словно что-то искал в моём лице — я чувствовала его взгляд всей кожей.

— Почему ты спрашиваешь?

— Грэй мой друг. Я верю, что ты не желаешь ему зла. Но всё же оставаться с мужчиной только ради ребёнка — это бесчестно. Ты ведь оборотень...

— И что? — Я начала злиться.

— Я хорошо помню твоих сородичей. И прекрасно помню, что они говорили. Люди для вас — неполноценная пара, ведь в тебе есть не только человеческая суть, но и звериная. И звериной... звериной Грэя недостаточно, разве не так? Он ведь не волк. И ты никогда не сможешь родить от него детей.

— Зачем ты говоришь мне это всё? — прошипела я, делая маленький шаг вперёд. — Зачем, Рат?! Чего хочешь добиться?

— Я хочу, чтобы мой друг был счастлив, — ответил он, не отводя взгляда. — С женщиной, которая будет его любить. Именно его, не

только его сына.

Я не собиралась оправдываться, не собиралась ничего говорить. Но Ратташ так разозлил меня своими подозрениями, что я сорвалась и выпалила:

— Я люблю Грэя!

— Именно его? Или, быть может, ты любишь его к тебе отношение? Подумай, Ронни...

Почему-то после этих слов я вдруг успокоилась. И, усмехнувшись, ответила:

— Рат, твоя ошибка в оценке ситуации состоит в том, что ты изначально считаешь оборотней больше животными, нежели людьми. Но это не так. Наша волчья сущность находится в подчинённом положении, она вторична. Конечный выбор делает моё человеческое сознание. И я этот выбор сделала.

Увлечшись разговором, мы не обращали внимания на то, что происходит вокруг, и зря — после того, как прозвучало последнее слово, я неожиданно услышала тихий кашель, раздавшийся от входной двери.

Мы обернулись и обнаружили там Дрейка, который хмуро смотрел на меня.

— Что ты, кхаррт тебя дери, здесь делаешь?!

Прекрасно! Какой-то день ссор, не иначе.

— То же, что и ты, — ответила я, тем не менее, вежливо и спокойно. Но Дрейку этот ответ совершенно не понравился. Эльф стал ещё мрачнее, а потом быстро подошёл, схватил меня за руку и потащил прочь из комнаты. Я даже пискнуть не успела, как оказалась за дверью.

— Стой ты! Ненормальный! Куда ты меня тащишь?!

— К карете! — процедил Дрейк, и не подумав обернуться. — Я лично прослежу, чтобы ты вернулась во дворец как можно скорее!

Я изо всех сил упёрлась пятками в пол, стараясь затормозить. Обувь издала подозрительный и до крайности противный визгливый звук, Дрейк резко остановился и обернулся, обдав меня с ног до головы презрительным взглядом, а я... Я так и не успела по-настоящему затормозить, поэтому со всего размаху врезалась в него.

Он скривился и схватил меня за плечи.

— Ты, как я погляжу, пока меня не было, успел окончательно свихнуться! — прошипела я, тщетно пытаюсь вырваться из его стальных клешней. — По какому праву ты...

— Ронни. Заткнись!

От возмущения я действительно заткнулась.

— Ты глупая безответственная девица. Ещё вчера лежала при смерти, а сегодня — разоделась и припёрлась! Чего ради? Тебе как минимум неделю надо во дворце находиться и набираться сил, выздоравливать!

— Сам ты глупый и безответственный! — обиделась я. — Такое впечатление, что я собираюсь мешки с песком таскать. Я хотела вас проведать, узнать, что делалось, пока меня не было. И вообще я с охранником приехала!

Дрейк зло расхохотался.

— Тот маг-недоделок у кареты — охранник, да?! Тогда ничего удивительного, что во дворце кхаррт знает что творится!

— Да ты!.. — Я упёрлась ладонями в грудь эльфа, по-прежнему тщетно пытаюсь его оттолкнуть. Какой же сильный, зараза! — Ты!..

— Что я? — насмешливо переспросил Дрейк, приподнимая брови. — Ну, что?

Говорить гадости я никогда не умела. Особенно так виртуозно, как этот эльф. Поэтому просто вздохнула и попросила:

— Отпусти.

Но он и не подумал послушаться. Стоял, улыбался ехидно, и смотрел на меня.

— Мне больно, Дрейк!

Эльф всё-таки разжал руки. Я отступила на шаг и, потеряв ноющие плечи, тихо сказала:

— Я нормально себя чувствую, правда. И со мной ничего не случится, если я пару часов проведу в этом здании. Особенно если ты при этом не будешь меня так хватать! Я ведь просто хотела поговорить.

Несколько секунд Дрейк, хмурясь, молчал. О Дарида, ну почему с ним так тяжело...

— Ладно. Пошли, — бросил, наконец, и, вновь бесцеремонно подхватив меня под локоть, потащил вниз по лестнице.

— Куда? — выдохнула я, стараясь не сопротивляться. Вроде бы он передумал провожать меня к карете, а остальное я как-нибудь переживу.

— Туда, где нам никто не помешает.

Дрейк привёл меня в один из тренировочных залов. Эти залы располагались в подвале, на самом нижнем этаже. Их было пять. Первый, самый крупный, использовал Ратташ для сортировки книг будущей библиотеки. Остальные же пустовали... ну, по крайней мере я так думала раньше.

Оказалось, Дрейк устроил в одном из залов нечто вроде лаборатории. Притащил туда стол, стулья, диван, кучу книг и различные инструменты для занятия зельеварением. Я с удивлением оглядывалась по сторонам — на столе я заметила несколько собственных схем, которые когда-то рисовала Дрейку для ритуала, а также два тома... по эльфийским проклятьям?!

— И давно ты тут так... все организовал?

— Достаточно. — Он махнул рукой на свободный стул. — Эллейн разрешила. Мне нужно место, чтобы работать. Отдельное.

И тут мне впервые пришла в голову мысль...

— А где ты живёшь?

Да, действительно, почему раньше я об этом не задумывалась? Ведь Рат живёт во дворце, хотя у него вроде есть квартира и в городе, а вот Дрейка я никогда не видела в замке...

Эльф обернулся и, ехидно ухмыльнувшись, спросил:

— В гости хочешь?

Я вздохнула.

— Нет. Просто...

— Я понял. Нигде я не живу. Раньше жил во дворце, но четыре года назад ушёл оттуда. Точнее, уехал. Вместе с родителями и старшим братом. Мы отправились в Эйм, к Повелителю тёмных эльфов. Родители и Мирей так там и остались, а меня позвала Элли. Сюда, в школу. Я живу в одной из городских гостиниц, если тебя это интересует. Во дворец возвращаться не хочу.

— Почему? И почему вы уехали четыре года назад?

— Ронни, — Дрейк усмехнулся, но совсем иначе, нежели раньше, — тебе никто не говорил об этом, я знаю. Не специально... Просто мы

почти не разговариваем про Лил между собой.

— Лил...

— Она была моей младшей сестрой.

Я молчала несколько секунд, не зная, что сказать.

Как много изменила одна маленькая смерть, по сути оказавшаяся испытанием для их дружбы, которая, кажется, так до сих пор до конца и не склеилась.

— Она была очень доброй. Мирей считает, что даже слишком доброй. Он полагает, она зря пожертвовала собой ради Эдвина.

— А ты? Ты тоже так думаешь?

— Нет. — Дрейк покачал головой. — Лил и Грэй пытались завести ребёнка очень долго. Так всегда случается, если у человека и эльфа рождается не эльф, а человек. Наша мама — человек, Ронни. И Лил тоже была человеком. Самым обычным, без магии. Поэтому и не могла забеременеть почти десять лет. Чего она только не перепробовала... — Дрейк прикрыл глаза и отвернулся, словно не хотел, чтобы я видела его слабость. — Я помню... Эдвин значил для Лил очень много, даже когда был просто червячком в её животе. Она с ним разговаривала, читала сказки, представляла, каким он вырастет. Сестра не могла поступить иначе. Я объяснял это Грэю, но он ничего не хотел слушать и обвинял в случившемся Эллейн.

— Они помирились. Ты знаешь?

— Знаю, — Дрейк кивнул. — Четыре года до него доходило... и дошло только благодаря тебе. Надеюсь, что в случае с тобой он не будет таким тугодумом.

Я почему-то смутилась и медленно опустилась на один из стульев. Села полубоком, чтобы эльф не видел моего лица, но не очень помогало — кожей я ощущала его взгляд, который колот меня сотнями маленьких иголочек.

— Я слышал, что ты сказала Рату.

Дрейк словно ждал моего ответа — но я молчала.

— Не обижайся на него, Рат просто беспокоится о друге... как и все мы. Грэй заслуживает счастья. И я верю — ты можешь сделать его счастливым. Потому что любишь именно его, а не его отношение к тебе.

Я кивнула и решила срочно переменить тему — обсуждение нашего с Грэем будущего меня смущало.

— Дрейк... Я хотела сказать тебе кое-что, — я закусила губу. — Это касается ритуала...

— Да?

— У меня есть шанс погибнуть. Во время ритуала мне придется задействовать не только магию Разума, но и остальные свои ресурсы. Поэтому...

— Не тяни, Ронни, — Дрейк поморщился. — Что я должен сделать?

— Не должен. Если ты согласишься... Есть одно средство. Но оно свяжет нас навсегда. Мы будем чувствовать друг друга, какое бы расстояние нас ни разделяло. И если мне станет очень плохо, я смогу утянуть у тебя немного сил — как раз для того, чтобы остаться живой. Если ты согласишься... мы станем побратимами.

Несколько секунд Дрейк молчал, а затем вдруг запрокинул голову и расхохотался. Только его смех весёлым мне почему-то не показался. Было в этом жесте что-то театральное.

— Побратимами, значит... — отхохотавшись, процедил эльф. — Что ж, ладно. Я согласен. Надеюсь, это не значит, что я умру, если умрёшь ты?

— Нет, конечно. Тогда я сегодня всё приготовлю, завтра побратимся, — я улыбнулась. — А ещё через несколько дней проведём ритуал.

— Какой тебе ритуал?! Ты недавно только с постели начала приподниматься! Сдурела?!

Я поморщилась.

Н-да, Рональда, а ты уверена, что хочешь приобрести братца с таким жутким характером? В конце концов, у тебя уже был Джерард...

— Дрейк... Не кричи так, пожалуйста. Ничего со мной не случится. Я полностью восстановилась. А если мы не поторопимся, то вся подготовка пойдет насмарку.

— Да и кхаррт с ней!

— Дрейк!

Я не выдержала и рассмеялась. Почему-то, чем больше я с ним общалась, тем меньше опасалась. И на смену напряжённости приходила лёгкость.

— Ну и что ты ржёшь? Если тебе станет плохо, Эллейн и император с меня шкуру сдерут. Я уж не говорю о Грэе...

— Плохо мне станет в любом случае, сколько бы времени ни прошло. Так что... не стоит тянуть.

Дрейк вздохнул и покачал головой.

— Тебе никто не говорил, что ты переупрямишь самую рогатую козу на свете?

Я фыркнула.

— Никто. Говорить такие вещи — твоя прерогатива, Дрейк.

Я увидела, что уголки его губ дрогнули в подобии улыбки, и улыбнулась сама, стараясь не показывать свой страх перед будущим ритуалом.

Страх — не то чувство, которое нужно показывать.

Я вернулась во дворец в хорошем настроении — хорошо, что мы с эльфом всё же смогли договориться насчёт ритуала. И, поднимаясь по лестнице, изо всех сил старалась не обращать внимания на стражников, что двигались за мной по пятам, словно преданные тени.

Как Эдигор так живёт?..

На одной из лестничных площадок, у окна, стояли три молоденькие служанки. Они привлекли моё внимание, потому что хихикали и возбуждённо шушукались, глядя во двор.

— Ух ты!

— Ах!

— Нет, посмотри, какой... А какая...

— Что — какая? Ну! — и звонкий смех.

— Грудь! — выпалила одна из служанок и покраснела. — Ой! Он же его чуть не убил!

— Скажешь тоже! Станет император убивать сына! Они просто тренируются!

Сына?

Я заинтересованно развернулась к окну, несколько мгновений прислушивалась к взволнованному щебету на тему «ах, какой мужчина», а затем решительно зашагала вперёд, намереваясь собственными глазами увидеть принца Интамара.

Служанки обернулись и уставились на меня сначала с недовольным недоумением, а затем почему-то — со страхом.

И почтительно присели.

— Леди, — произнесли хором, мучительно покраснев.

— Доброе утро. — Я остановилась перед ними и улыбнулась как можно доброжелательней. — Не возражаете, если я тоже посмотрю, на что вы там любуетесь?

Судя по всему, они возражали. Потому как продолжали стоять передо мной, склонив головы, и не двигались, мешая пройти к окну.

— Простите, леди, — прошептала одна из девушек, — мы больше не будем...

— Больше не будете что? — я искренне удивилась.

— Обсуждать принца...

— Да обсуждайте, — махнула я рукой и, шагнув вперёд, отодвинула одну из девушек в сторону. — Сейчас я на него погляжу, может быть, к вам присоединюсь...

И выглянула в окно.

Сначала я даже не поняла, что вижу. Просто улыбнулась.

Под нами, на тренировочной площадке, бились на мечах император и Грэй. Я легко узнала их обоих. Высокие, жилистые, подтянутые, они дрались так отчаянно, будто это был настоящий бой. Оба в белых рубашках и темных штанах, с мокрыми от пота волосами... удивительно похожие друг на друга. Даже больше, чем обычно.

А потом я застыла, вцепившись в подоконник пальцами, как утопающий — в спасательный обруч. Они ведь сказали — обсуждать принца...

Но...

— Это принц Интамар? — спросила я, не узнав собственный голос.

— Да, — ответила одна из девушек. — Наследный принц Интамар... Единственный сын его величества Эдигора...

Наследный принц.

Наследный принц.

Единственный сын...

Кровь зашумела в голове, запульсировала в висках. И я почувствовала, как вырывается из меня магия Разума, заставляя всех, кто был рядом, застыть, словно я обратила их в каменные статуи.

Я развернулась и медленно побрела прочь, спотыкаясь на каждом шагу. Слуги, стражники, высокородные лорды — все проходили мимо,

не замечая меня, не обращая внимания на разливающуюся вокруг магию Разума.

Сначала я шла... потом бежала... Бежала всё быстрее и быстрее, вперёд и вниз... В Большой исторический зал, как называл его Эдигор. Он рассказывал о нём, но не показывал. И теперь я начинала понимать, почему.

Здесь висели портреты всех императоров династии Альтерр. «От основателя династии до принца Интамара, моего наследника», — эти слова звенели в ушах, когда я распахивала створки и мчалась... мчалась мимо сотен портретов... тысячи разных лиц... Старых и совсем юных...

Эдигор с родителями.

Эдигор на коронации.

Эдигор и Дориана. Свадьба.

Эдигор и Дориана с маленьким Интамаром на руках.

Я остановилась. Перед глазами будто клубился туман, но я всё же смогла прочитать.

«Его высочество Интамар с невестой, герцогиней Рилией Эталь».

На меня смотрели юный, совсем юный Грэй — с легкой улыбкой и без малейшей седины в волосах, без горьких складок в уголках губ, — и оставшаяся вечно молодой Лил. Герцогиня Рилия Эталь...

Почему же так горько?

Я ведь верила тебе, Грэй. Всегда, с самого начала. Поэтому не подозревала, и помыслить не могла, что ты врешь. Врешь... Всегда врал. Всегда ... А я верила. Верила!

Почему, почему?! Почему ты не сказал мне правду до того, как я стала чувствовать себя *твоей*?..

Но теперь я не могу быть твоей.

Ты знаешь обо мне всё. Абсолютно всё. А я... я не знала даже твоего настоящего имени.

Я горько усмехнулась и, вытерев набежавшую на глаза влагу, быстро вышла из зала.

Глава 13

Рональда

Я не помню, как выбралась из замка. Никогда раньше не пользовалась так своей силой — зачаровав всех, кто был рядом, я и сама словно зачаровалась. Будто в бреду, не осознавая, кто я и что делаю, я мчалась дальше и дальше, сгорая от обиды и злости.

Очнулась я только в городе. Очнулась и задумалась — а куда я бегу? И зачем? И что собираюсь делать?

В мастерскую Дарта и Тора мне не хотелось. Нет, я была не прочь увидеться и с гномом, и с эльфом, но не сейчас. Сейчас я просто не смогу улыбаться и делать вид, что у меня всё прекрасно, что я не чувствую себя так, будто у меня вырезали сердце тупым ножом.

Вокруг сновали люди, но никто меня не замечал. Как же это легко, оказывается — сделать, чтобы никто тебя не замечал. Никто не задавал вопросов и не требовал на них ответов.

Да, Дэйн? Ты ведь знаешь, о чём я говорю.

Вся злость вдруг переметнулась на дартхари. Конечно, чего ему стоило одурачить маленькую глупую девчонку, когда вся стая пребывала в заблуждении? Когда никто не задумывался — если Вожак настолько силён, почему он дартхари только последние тридцать лет?! Где он был до этого, откуда появился в Арронтаре, как умудрился не перегореть за пределами леса?.. Как?..

А я? Как я умудрилась не перегореть? Книга, которую я нашла в императорской библиотеке, не дала мне ответа на этот вопрос. Нарро, наверное, смог бы пролить свет на эту загадку, но я ни за что не согласилась бы на разговор с ним. Нет уж, хватит. Наговорились.

Десять лет почти ежедневных снов... И столько лжи.

Я всхлипнула.

Нет, не буду плакать. Не буду!

Я знаю, кто мне нужен. Прямо сейчас.

Я втянула носом воздух и улыбнулась уголками губ, почувствовав, как меня наполняют миллионы запахов. Но мне нужен лишь один... И, обнаружив его, я выбрала улицу и быстро зашагала по ней.

Гостиница называлась «У Себастьяна» и находилась в таком унылом месте, что, не будь я оборотнем, ни за что не догадалась бы, что мне нужна именно она. Впрочем, уместнее было бы назвать это заведение трактиром. Посетители здесь не столько «гостили», сколько пили разнообразные горячительные напитки отвратительного качества. Пахли эти напитки в основном мочой или просто какой-то кислятиной.

Дрейка я обнаружила за одним из столиков, тискающем девицу фривольного вида. Эта девица сидела на коленях у эльфа и глупо хихикала на весь зал, если Дрейк щипал её за попу. Шнуровка платья спереди была полураспущена, и полная белая грудь едва не вываливалась из выреза.

— Я вам не помешаю? — язвительно поинтересовалась я, подходя к столику. Эльф вздрогнул и поднял на меня мутные глаза.

Несколько секунд он пялился на меня, остервенело моргая. Его девица тоже пялилась, и с изрядным недоумением, но ничего не говорила.

— Марта, лапочка, — икнул наконец Дрейк, — пошли-ка наверх... Пора в постельку, а то уже всякое мерещится... У Себастьяна сегодня на редкость дрянное пиво...

— Я тебе не мерещусь, — хмыкнула я. — Неужели ты пивом так наклюкался? Надо же, я думала, эльфы предпочитают более благородные напитки.

Видимо, обида сделала меня такой злой — я совершенно не узнавала саму себя.

Дрейк ещё раз моргнул, а потом прохрипел:

— Рональда?..

— Нет, кошка бродячая! Вставай, разговор есть.

— Вряд ли я способен на разговоры... Если только ты не хочешь заменить Марту... — эльф расплылся в пошлой улыбке и я, не выдержав, полностью прочистила ему мозги.

Убрать хмель при помощи магии Разума — плёвое дело. А уж когда настолько зол, вдвойне плёвое. Вот только Дрейку это совершенно не понравилось.

— Сдурела?! — проорал он, вскакивая со скамьи. Марта охнула и чуть не свалилась на пол, но в последний момент схватилась за край стола и с укоризной покосилась на меня.

— Дрейк, хватит, а? — Я подняла глаза к потолку. — Ты можешь хоть раз в жизни обойтись без хамства? Давай просто поговорим. А Марта твоя никуда не денется. Да, Марта?

Видимо, что-то в моём взгляде подсказало девушке, что лучше кивнуть.

— Ну вот.

Несколько секунд Дрейк пытался проделать во мне дырку, но потом всё же, вздохнув, кивнул.

— Ладно. Садись. Будешь что-нибудь?

— В этом заведении? — Я опустилась на лавку. — Здесь, кажется, даже вода — и та тухлая. Почему ты остановился именно в этой, с позволения сказать, гостинице, Дрейк? Неужели получше места не нашлось?

Эльф медленно сел, не отрывая взгляда от моего лица, а потом буркнул:

— Марта, принеси ещё пива. И орешков солёненьких. Они у Себа сегодня ничего.

Девушка, махнув красной юбкой, побежала исполнять заказ, а я, изобразив на лице улыбку, поинтересовалась:

— Что же, Марта, получается, и подавальщицей тут трудится, и клиентов ублажает? И как ей удаётся всё совмещать...

— Ты плакала?

Взгляд Дрейка был тяжёлым, слова упали, словно камень в воду.

— Заметно?

— Мне заметно. У тебя блестят глаза. Почему ты плакала?

— Потому что. — Я усмехнулась, а потом продолжила: — Ты ведь сам назвал меня идиоткой. И был прав.

Эльф по-прежнему смотрел на меня. Пристально, изучающе. Мне было не очень уютно под этим взглядом.

— Он... рассказал?..

В этот момент подбежала Марта, поставила перед ним высокий бокал с жёлтым пивом — кстати, пахло оно нормально, совсем не мочой — и тарелкой с орешками. Опустив глаза, я заметила, что орешки чуть присыпаны солью, как пудрой.

— Нет. Я сама услышала. Случайно.

Сунула себе в рот орешек и зажмурилась от удовольствия. Оказывается, я хочу есть...

— Ронни...

— Наверное, это было забавно. Когда все вокруг знают, а кто-то один — нет. Наверное, это смешно. Вот только мне не очень.

— Мне тоже.

Я подняла голову.

— Послушай, пожалуйста, просто послушай... Я понимаю, что ты злишься сейчас, очень злишься. Конечно, это всё плохо и неприятно, но... Дай Грэю шанс.

— Кому-кому? — я зло фыркнула. — Нет никакого Грэя! Ты же сам знаешь это!

— Ронни, — голос эльфа был очень напряжённым, — даже родители называют его так. Уже давно. Это прозвище придумала Эллейн, когда Грэю... Интамару было лет пять. И когда мы ездили куда-нибудь и нужно было скрыть, что с нами наследник, называли его «лорд Грэй». Мы...

— При чём тут я, Дрейк? — прошипела я, хлопнув ладонью по столу. — Неужели нельзя было рассказать?! Зачем было обманывать? В чём вообще смысл?..

Я почему-то хотела, чтобы он понял меня. Понял, как мне больно и обидно. Я ведь доверяла Грэю, как никому другому. Я была готова отдать ему всю себя, стать его женщиной, воспитывать его сына. Но не теперь. Нет. Не теперь.

— Не руби с плеча, не уходи, не поговорив с Грэем. Дай ему шанс всё объяснить. Не спорю, он сделал глупость...

— Не путай глупость с подлостью.

— Нет, — Дрейк покачал головой, — это была глупость. Глупость, которую он совершил от страха и растерянности. Но не я должен тебе об этом говорить.

— Я вообще не хочу с ним разговаривать!

— Знаешь, что? — возмутился эльф, и тоже хлопнул ладонью по столу, но на этот раз бокал с пивом и тарелка с орешками чуть подпрыгнули. — Если ты не поговоришь с Грэем и сбежишь, я окончательно уверюсь в том, что ты — полная идиотка!

— Неужели ещё не уверился? — я хмыкнула.

— Пока нет, но осталось чуть-чуть. Выслушай его. Потом можешь кричать, бить посуду, уходить и топтать ногами. Что хочешь, то и делай, я и слова поперёк не вставлю. Но сначала выслушай!

Я задумалась.

Во мне по-прежнему клокотали злоба и обида, но теперь к ним примешивалась толика любопытства. Я не представляла, что он может сказать в своё оправдание. А может, он и не будет оправдываться?

— Я не смогу остаться, — прошептала я, повесив голову. — Даже если бы хотела. Не смогу. С Грэем — да, но не с наследником престола.

Дрейк промолчал, и я была ему за это благодарна. Молчаливое понимание гораздо лучше бесполезных слов.

Раз уж я нежданно-негаданно явилась в гостиницу, мы с эльфом решили провести ритуал и стать побратимами. Поднялись в его комнату — бардак там оказался знатный — нашли нож, произнесли слова заклинания, порезали ладони и выпили по капле крови друг друга.

Потом я ушла, оставив Дрейка развлекаться с Мартой дальше, решив немного прогуляться по столице. Бродила по улицам и думала. Я не могла сказать, что больше не злюсь, нет. Хотя разговор с эльфом мне помог. Странно, но он действительно чуть улучшил мне настроение. Я ведь и пошла к Дрейку только потому, что он один всегда говорил мне правду. Даже когда хотел удушить.

На этот раз я пользовалась магией Разума только до определённого момента. И отпустила её, когда достигла своей комнаты, вошла внутрь и упала на постель.

Элфи был здесь и тут же начал ходить вокруг меня, поминутно тыкаясь мокрым носом то в лицо, то в ладонь. Я улыбалась и трепала его по холке.

Надо бы поесть, но мне было невыносимо думать о том, чтобы спуститься вниз. Нет, я не боялась... просто не чувствовала сил на подобные «подвиги».

А потом в дверь постучали.

— Ронни? Ронни, ты тут?

Это был голос... Интамара.

Я медленно встала с кровати и, вздохнув, направилась к двери.

— Пожалуйста, открой!

Я бы предпочла сидеть на постели и молчать, честно. Но... Дрейк очень просил. И я распахнула створки.

На пороге стоял Интамар. Да, надо привыкать называть его так. В карих глазах застыла тревога, губы он упрямо и немного рассерженно сжал, рубашка была чуть мокрой от пота... Наверное, искал меня по всему замку, бегал по лестницам?

Его запах, к которому я так привыкла, наполнил ноздри. Ну почему, почему ты не можешь пахнуть по-другому? Раз уж имя другое... Это было бы честно.

— Ты где была? Что-то случилось?

Я скрестила руки на груди.

— Где была, там уже нет.

Я хотела добавить «ваше высочество», но...

Мне очень хотелось, чтобы он сам рассказал.

— Я так и буду стоять на пороге или ты меняпустишь? — Кажется, Интамар начинал злиться.

Я посторонилась.

— Проходи. Чувствуй себя, как дома. — Я позволила себе немного иронии, и он это заметил.

— Что происходит? — спросил мужчина, проходя в комнату. Я захлопнула дверь так, что косяк задрожал, и пожала плечами.

— Ничего особенного.

— Ронни... Мы вчера расстались хорошо, разве нет?

— Тебе виднее.

Глаза Интамара сузились, он сделал шаг вперёд и положил руки мне на плечи.

— Рональда, я эмпат, а не ясновидящий, — сказал он едва слышно, сдерживая ярость. — Я чувствую, что тебе плохо и больно, но почему, я не знаю. Могу лишь сделать вывод: раз ты мне не открываешься, значит, это из-за меня. Прошу, расскажи всё.

— Я должна рассказать? — я расхохоталась. — Я?! А может быть, ты?... Ты уверен, что всегда говорил мне правду?! Уверен?!

— Что ты имеешь...

— Врун! — я подняла руку и с размаха влепила Грэю пощечину. — Лжец! — И ещё одну. — Ненавижу! — И ещё.

Ладонь будто загорелась. А в следующую секунду он поймал её и завел за спину.

Но у меня была ещё одна рука...

— Гад!

Вторую тоже перехватили.

Тогда я начала извиваться всем телом.

— Отпусти!..

Он молчал, только челюсти сжал так, что зубы скрипели.

— Пусти меня сейчас же!

— И что ты сделаешь тогда? — процедил Грэй. — Ударить меня опять?

— Я тебе глаза выцарапаю!!

— Тогда тем более не пущу.

Я задохнулась от возмущения.

К сожалению, в словесных перепалках я всегда была не слишком хороша, и придумать ответ так и не смогла. А потом стало не до ответов, потому что Грэй, оттеснив меня и прижав к стене, впился в мои губы. Я рассердилась ещё больше и укусила его. До крови. И наверняка больно, но Грэй лишь рассмеялся.

— Злая волчица...

Новый поцелуй был более нежным, и тягучим, как смола ирвиса. Мне не хватало воздуха, и я непроизвольно открыла рот, а потом чуть вздрогнула, когда Грэй ринулся на его завоевание.

Меня никогда не целовали так... глубоко. В этом поцелуе было что-то неприличное, но настолько сладкое...

— Перестаньте, пожалуйста, ваше высочество...

У него были такие глаза. Как две монеты.

А я, воспользовавшись секундным замешательством Грэя-Интамара, отодвинула его в сторону и отскочила подальше.

— Ты... знаешь?

— Знаю. И не от тебя.

— А от кого?

— Слушай, — я фыркнула, — неужели ты надеялся держать это в секрете всю жизнь? Здесь полный замок слуг, и они называют тебя принцем Интамаром. Герцог, лорд Грэй... Теперь я понимаю, почему ты так смеялся, когда я спросила при знакомстве, какой ты лорд.

— Я не смеялся.

— Правда?! А потом, когда ты рассказывал мне о своём друге Интамаре... когда вы все рассказывали мне о нём... ты тоже не смеялся?! Особенно когда говорил, что он любит есть на завтрак. Яичницу с гренками, надо же! Тебе никто не говорил, что у тебя раздвоение личности?!

Я выплескивала на него возмущение, крича на всю комнату и размахивая руками.

Я думала, он хотя бы устыдится. Но вместо этого Грэй — нет, Интамар — разозлился сильнее.

— Знаешь, что, — он сделал молниеносный шаг вперёд, схватил меня за руку, вновь привлёк к себе и зашептал мне в лицо: — Я понимаю твои чувства, Ронни, а вот ты... Понимаешь ли ты мои?

— Твои? — Я дёрнулась, но держал он крепко.

— Да, мои! Или это только мне полагается всех понимать, как эмпату? А про меня можно и не думать?

— Что ты несёшь?!

— Я говорю правду. Ты ведь хотела слышать правду?! Так слушай. В начале ты была для меня лишь случайной знакомой, которой я решил помочь. Я не собирался ничего рассказывать про то, кто я, потому что в этом не было смысла! Я думал, ты ненадолго задержишься в моей жизни. Я думал... Я был глуп. И когда ты заняла в моем сердце огромное место, я уже слишком сильно боялся тебя потерять. Ты несколько раз говорила мне, что не хочешь знакомиться с императорской семьёй, как это тебе чуждо. Я просто боялся, понимаешь?! Я не хотел тебя обманывать. А что делаешь сейчас ты?!

— Что?.. — выдохнула я. Я не понимала, к чему он клонит.

— Ты делаешь то же, что и твои сородичи, когда они бросали в тебя камни. Они обвиняли тебя в том, в чём ты не была виновата и что не могла изменить. И я тоже не могу изменить своей сути. Да, я наследник престола, единственный сын императора Эдигора. Да, Ронни, это так. И как бы я ни хотел, я не смогу этого изменить.

Я молчала.

Грэй отпустил меня и сделал шаг назад. Глаза его были потухшими.

— Я не говорил тебе ничего о своём происхождении, потому что не хотел, чтобы ты уходила. И тянул до последнего, надеясь непонятно

на что. Очень глупо и безответственно, по словам отца. И он прав. Но теперь ты знаешь. И если ты пожелаешь уйти... да, ты вольна уйти. Я только хочу, чтобы ты помнила — я не лгал тебе ни в чём, что касалось моих чувств к тебе. Ни в чём. Ни слова, Ронни... Я...

— Молчи...

Я прошептала это очень тихо. Так, что и сама не услышала.

Грэй протянул ко мне руку, но я покачала головой.

— Прощу тебя, уходи. Я... мне нужно подумать.

Он сжал зубы.

— Обещай, что хотя бы простишься, — сказал он наконец, быстро развернулся и вышел из комнаты.

Я ответила, когда дверь уже закрылась:

— Я пока не уйду.

Мне действительно нужно было подумать.

Разговор с Грэем многое перевернул во мне. Теперь я понимала — дело было не в нём, а во мне. Я испугалась.

Испугалась правды. Испугалась, что император не просто случайный знакомый, не просто хороший человек, решивший вдруг по собственной прихоти обучать меня танцам... Испугалась, что мне придётся остаться жить в этом замке. Испугалась, что мне придётся надеть венец власти. Испугалась, что меня будут называть «ваше величество».

Грэй ещё не делал мне предложения, но я уже этого боялась.

Я трусиха? Возможно. Но всё это просто не помещалось в моей голове. Не осознавалось и не принималось.

И теперь я шла по замку вместе с Элфи, не укрываясь магией Разума, и наблюдала за слугами и стражниками.

Слуги почтительно кивали и поспешно отводили взгляды. Но это было не обидно, наоборот — я чувствовала, что они отводят взгляды не потому, что презирают меня, как оборотни в Арронтаре, а потому что уважают моё право на личную жизнь.

Если я останусь здесь, так будет всегда. Поклоны, почтительные и подобострастные. Невозможность называться по имени. Титул, который заменит мне это самое имя. Тяжёлые платья, балы, на которых придётся разговаривать на равных со Старшими лордами и... танцевать.

«Поверь, в твоей жизни будут вечера, когда не танцевать ты просто не сможешь».

Так сказал тогда император, и я ещё удивилась, почему... Теперь я понимала.

Как много я теперь понимала! И случайную оговорку Грэя, когда он при мне однажды чуть не назвал Эдигора отцом. И странные переглядывания друзей, и многозначительную улыбку Араилис... И взгляд Карвима, когда я привела к нему Эдди. Учитель сразу определил, кто перед ним.

А я действительно глупая лесная девочка. Или идиотка, по словам Дрейка.

Разве императрица может быть такой?..

Я сидела за столом в своей комнате и читала книгу в свете неяркой магической лампочки. Книгу о придворном этикете.

Был поздний вечер, но я и не думала ложиться — всё равно не усну. Нужно было чем-то занять мозги, поэтому я читала про правила поведения на балу.

Стук в дверь я слышала не сразу, таким он был тихим. Элфи глухо заворчал из-под кровати, но беспокойства не проявил — значит, свои.

И действительно — на пороге я обнаружила Араилис. Правда, я её не сразу узнала. Девушка была настолько бледной, что казалась ходячим мертвецом.

— Ари?

— Мне нужно кое-что сказать тебе, — прошептала она, делая шаг в комнату. Подошла к столу, несколько секунд стояла просто так, вглядываясь в темное небо за окном, а потом обернулась.

Лицо у Ари было странное. Действительно очень бледное, но решительное. И глаза заплаканные.

— Что случилось?

Я ожидала услышать что угодно, только не то, что она сказала.

И застыла, чувствуя, как перестало биться сердце, похолодела кровь, зашумело в ушах...

— Сегодня ночью твоего дартхари убьют.

Глава 14

Нарро и Рональда

Лоран давно слышал недовольные шепотки о том, что Нарро дартхари слишком долго. Не дартхари, а почти император! Но всё это не выходило за пределы кухонь и гостиных домов оборотней. Однако Лоран, обиженный на отца за то, что тот унизил его перед всеми — и из-за кого, из-за какой-то жабы! — решил, что разговоры эти можно использовать в своих интересах.

Он был злым, но отнюдь не глупым парнем. И прекрасно понимал — одна ошибка, и Нарро не оставит от него даже ошметок шерсти. Надо действовать аккуратно, осторожно разузнать, кто из сплетников лишь сплетничает, а кто действительно готов пойти против Вожака.

Победить дартхари можно только сообща — Лоран понимал это. И не собирался играть честно.

Эльфы нечасто навевывались в земли оборотней. Любые эльфы, и светлые, и тёмные. Они были такими же «домоседами», как и оборотни. Да и в целом между этими расами Лоран увидел много сходства. Эльфы тоже были красивыми и высокомерными, также уважали силу. И преклонялись перед Нарро, как и его сородичи.

Однажды, слоняясь по деревне белых волков, Лоран наткнулся на дартхари и группу тёмных эльфов. Нарро рассказывал гостям про быт оборотней и показывал, что делают в Арронтаре. Кажется, Вожак собирался наладить торговлю между оборотнями и тёмными эльфами.

Среди той группы эльфов, что ходила между домами вместе с Нарро, Лоран заметил одного странного молодого парня. Он был одет во всё чёрное, как и остальные эльфы — тёмные вообще любят чёрный цвет — вот только волосы у него были отнюдь не чёрные, а серебряные. Лоран никогда не видел подобного, более того, он читал ранее в книгах, что детей, которые рождаются с серебряными

волосами, эльфы сразу убивают. Только вот в чём причина — он не помнил. Он мог бы понять, если бы эти дети были страшными, как жаба Рональда, например. Но Лоран смотрел на юношу с серебряными волосами и находил, что тот гораздо красивее большинства своих сородичей.

Высокий, статный, волосы серебрятся так... волшебно. И глаза синие-синие, глубокие.

Заметив взгляд Лорана, эльф усмехнулся, незаметно отделился от группы, подошёл к нему и насмешливо протянул:

— Не знал, что оборотням нравятся мальчики.

Лоран не сразу понял, о чём он толкует, а когда понял, зарычал.

— Дур-р-р-рак!

— Да ладно, — засмеялся эльф. Голос у него был не менее красивый, чем всё остальное. — Я пошутил, не кипятись. А то пар из носа пойдёт, на чайник будешь похож.

Нового знакомого звали Риландом. Характер у него был на редкость вредный, но именно благодаря этому эльфу Лоран узнал, что существует заклинание, способное запереть волка в одной из ипостасей.

Конечно, сказал Риланд ему об этом не сразу. Несколько дней кряду он просто гулял с Лораном, сбегая от своих спутников, которые, по его выражению, были настоящими занудами.

И только на третий день эльф вдруг сказал:

— Не любишь ты своего папашку, как я погляжу. А что же тогда вызов ему на игрищах не бросаешь, не пытаешься победить?

— Ты соображаешь, что несёшь?! — возмутился Лоран. — Думаешь, зря он дартхари больше двадцати лет?! Да его невозможно победить!!

— Ой, ну конечно, — поморщился Риланд. — Он бессмертен, видимо. Не иначе, потомок Дариды.

— Может, и смертен, — буркнул Лоран. — Но как его победить, если силы у него раз в десять больше, чем у меня?

— Всего лишь в десять?!

— Ну в пятнадцать! Я не знаю, не считал. Просто чувствую, как она подавляет мою. Ты не оборотень, тебе не понять.

— И слава Дариде, — поморщился Риланд. — Я сдох бы тут жить. Вы как светлые эльфы — те тоже дубы дубами, но вы ещё и

озабоченные на всю голову. А что касается твоего папашки... Есть одно заклинание, оно несложное, но для его исполнения тебе придётся нанять трёх магов. Магов, владеющих Тьмой.

— Тьмой?..

— Тьфу ты, Тьма позора на ваш Арронтар... Ты не знаешь, что такое Тьма?

— Среди нас нет магов, если ты не забыл, — съязвил Лоран, но Риланда было не пронять.

— А среди эльфов нет волков, однако, видишь, я про ваши игрища знаю. Так вот, Тьма — один из магических Источников. Источников силы. Вы свои силы у леса черпаете, как он ещё не засох от такого обращения, а мы вот — у Тьмы. Когда колдуем, конечно. И для того, чтобы твой папашка не смог обратиться в волка, нужно всего-то ничего — одновременный удар трёх магов чистой Тьмой с вплетёнными в неё заклятьями блокировки второй ипостаси. Это несложно.

Лоран резко выдохнул.

Вот он — ключ! Ведь если Нарро будет в обличье человека, он и сам сможет его победить... Надо только нанять троих магов...

— Однако... — в голосе Риланда Лорану почудилась насмешка, — тебе это не поможет.

— Не понял?..

Эльф расхохотался.

— Ой, не могу! Здорово он вам головы-то дурит. Ну ладно, слушай, поведаю я тебе тайну великую.

Лоран, открыв рот от удивления, слушал то, что рассказывал ему Риланд. Про то, что дартхари оборотней, оказывается, маг. И маг, проклятье ему в печёнку, очень хороший.

— Ты, — произнёс Риланд, постучав Лорана по лбу, — как и остальные оборотни, конечно, даже вопросом не задавался — а какого рожна папашка твой такой сильный, а дартхари только последние тридцать лет? Ведь ему-то не тридцать, и даже не пятьдесят, а намного больше. Где он до этого шлялся?

У Лорана вытянулось лицо.

А действительно... где?

— Во-о-от. А я знаю, где. Но тебе не скажу. Потому что меня за это, — Риланд провел пальцем по шее, — укокошат особо

извращённым способом. Я тебе другое скажу. Маг ваш дартхари, и маг такой силы, что заклинание блокировки второй ипостаси тебя не спасёт. Да, обращаться он не сможет, но ты этого уже не увидишь. Точнее, увидишь, но не поймёшь ничего. Папашка тебе мозг вынесет так быстро и эффективно, что обратно не поставишь. Он в этом деле профессионал.

— Мозг вынесет?..

Риланд посмотрел на Лорана с жалостью.

— Маг Разума он, понимаешь? А, ну да, как ты можешь понимать, деревенщина ты блохастая... Повелитель наш его как-то вызывал в Эйм, просил мозг почистить одному эльфу. Уж не знаю, чем эта эльфячья душа не угодила Робиару, но после вмешательства Нарро тот уже не сможет об этом рассказать.

— Так он...

— Да-да. Он воздействует на мозг. Тот самый, который в голове. Иначе — на Разум. И эту магию ничем не блокируешь. Ипостась заблокировать можно, а магию — нет. Так что... извини, приятель, — Риланд усмехнулся и снисходительно похлопал Лорана по плечу. — Ничего у тебя не получится. Смирись и падай ниц перед папашкой. Быть ему дартхари, пока не помрет. А с учётом того, насколько он сильный маг, помрёт он ещё не скоро.

После отъезда Риланда Лоран был так расстроен, что несколько дней не выходил из дома, лежал в кровати и смотрел в потолок.

Он не верил, что всё настолько безнадежно. Ну не может Нарро быть совершенно непобедим! Риланд сам об этом обмолвился — мол, он же не бог. Но вот дальнейшие слова...

Всё это напоминало Лорану игру, какой-то блеф. Словно Риланд развлекался за его счёт. Значит, надо вывести эльфа на чистую воду.

Через полгода тёмные эльфы вновь приехали в Арронтар, и Лоран повторил свои рассуждения Риланду. Тот выслушал его, усмехаясь, а затем кивнул.

— Есть способ один, есть. Вот только потребует он мно-о-ого усилий. Я не уверен, что ты готов.

— А я уверен, — огрызнулся Лоран. Риланд хмыкнул.

— Ну ладно, слушай тогда. Был у меня учитель. Тёмный эльф, конечно. Старый, седой весь, морщинистый. Последний наш маг

Разума... Экспериментатор он был. Впрочем, они все экспериментаторы. И ставил он некоторые свои эксперименты на мне, я последним учеником его был. Считается, что магию Разума невозможно увидеть, но это неправда. Любую магию можно если не увидеть, то ощутить, и он научил меня этому. Она, знаешь ли, похожа на более плотный воздух. А внутри головы — как туман. Очень интересно... Но я отвлекся. Так вот, раз магия ощущается, на неё можно поставить ловушку. Правда, она бывает только одного типа... Точнее, учитель только один тип успел придумать — умер. И ловушку эту надо ставить на того, кто дорог твоему папашке. Подумай — есть ли такой оборотень? Кого любит Нарро?

Лоран нахмурился.

— Не припомню. Он уважает своих советников, но я бы не сказал, что он любит кого-то из них. Женщин у него много, но жены нет. Так что... не знаю.

— Плохо, — усмехнулся Риланд. — Ищи. А как найдёшь — свистни. Разберёмся мы с твоим дартхари. В конце концов, нехорошо это, так долго у власти быть.

День тогда был прекрасный. Лирин чувствовала приближение осени и радовалась. Она любила осень. День рождения Нарро, потом — её. И у Рональды день рождения осенью, жаль только, что девочки теперь нет в Арронгаре.

Осень здесь удивительна. Столько красок! Жёлтые, зелёные, красные, оранжевые листья... Дивные, пряные запахи от леса, сбрасывающего эту красоту, тёплое осеннее солнце, долгие дожди, во время которых так приятно сидеть на диване под пледом и чашкой чая...

Лирин улыбнулась. Она знала — ему понравится. Сейчас ему нравилось всё, что она делала. Раньше он за что-нибудь обязательно сердился, а теперь только смеялся и обнимал её.

Он постоянно обнимал её. И позволял ей обнимать себя. Это было... невероятно.

— Зора Лириэн!

Лирин не сразу поняла, что окликнули именно её: она ещё не привыкла к новому имени.

— Зора Лириэн!

Она обернулась и удивлённо подняла брови, заметив бегущего к ней Лорана. Интересно, что могло ему понадобиться?

Теперь она для него больше не Лирин, а Лириэн, новый старший советник и сестра дартхари. Она слегка улыбнулась, вспомнив лица оборотней в стае, когда Нарро представлял её, как свою сестру. Всем было странно узнать спустя тридцать лет, что у их Вожака, оказывается, есть сестра.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал Лоран, подбежав к ней. — Это... очень важно.

Юноша выглядел взволнованным, и Лирин спросила:

— Что случилось? Может быть, лучше сразу к дартхари?

— Нет-нет, — замахал руками Лоран. — Это личное. Придёте к нам вечером? Вы же знаете, где я живу, да?

— Знаю, — кивнула Лирин. — А...

— Только не говорите отцу, пожалуйста, — он умоляюще сложил руки. — Я потом сам... я должен сам. Ладно?

— Хорошо, — женщина пожала плечами и пообещала прийти к Лорану домой к семи вечера.

Всё это было немного странно, но не подозрительно. Лирин вообще не привыкла беспокоиться за свою жизнь, её единственной ценностью всегда была только жизнь брата. И она совершенно забыла о том, что когда любишь, одно от другого неотделимо.

Всё оказалось даже проще, чем думал Лоран.

Как только Нарро привёз неведомо откуда свою сестру, стая какое-то время пребывала в шоке. Лоран тоже, но он быстро опомнился,

увидев, как дартхари обращается с этой женщиной. Словно она не женщина, а нежный цветок. Ни с одной другой волчицей отец не вёл себя так, как с этой Лириэн. Можно было бы подумать, что между ними что-то бóльшее, если бы не запах. Родство всегда чувствуется по запаху, и вся стая ощутила, что Лириэн действительно сестра Вожака.

Лоран написал Риланду, и тот отреагировал очень быстро и просто — приехал в Арронтар. И не один, а с двумя друзьями.

— Я решил упростить тебе задачу, — усмехнулся эльф, перешагивая порог дома Лорана. — Теперь у нас есть трое магов, владеющих Тьмой. Я и эти двое. Но не переживай, я не буду убивать твоего папашку. Ты сделаешь это сам. Да, Лоран?

Их план немного расходился по швам в той части, где нужно было заманить Лириэн. Но Риланд, услышав сомнения оборотня, лишь расхохотался.

— Придёт, куда она денется. Даже если скажет твоему папашке, придёт она одна, дала же слово.

Риланд и остальные эльфы-маги перехватили старшего советника по пути к дому Лорана — просто оглушили заклинанием, заперли в человеческой ипостаси, чтобы не могла перекинуться, связали и потащили на Великую Поляну.

Лоран всегда был склонен к театральным эффектам и драматизму, поэтому хотел, чтобы всё произошло именно там.

Лириэн в тот вечер убежала рано, сказав, что у неё какое-то дело, а Нарро закрылся в лаборатории, решив заняться очередным магическим экспериментом. Но через некоторое время он почувствовал себя странно. Ему было неудобно и нехорошо, почему-то колело живот. Сначала Вожак не обратил на это внимания — он настолько привык к безопасности и в какой-то мере к всемогуществу, что не ожидал подвоха. Не ожидал, что кто-то посмеет бросить вызов.

И только спустя пару часов Нарро понял, что происходит. Это не ему было неудобно и нехорошо, не у него колело живот!

Кто-то делал больно Лириин. И отголосок этой боли долетал до Нарро. Не мог не долетать, ведь она была его близкой, его сестрой.

Интересно... и что же это? Кому хотят причинить боль на самом деле — ей? Или ему?

Ладно, разберёмся.

Нарро встал из-за стола, вышел из лаборатории и спокойно направился туда, куда его вела боль, что причиняли Лириин.

— Ну и где он?

Лоран начинал злиться. Они сидели на Поляне целых два часа, Риланд каждую минуту тыкал Лириэн в живот раскалённым пальцем, но дартхари всё не появлялся.

— Не переживай, придёт, — ухмыльнулся эльф, ткнув женщину в живот посильнее.

— Ловушку хоть приготовил, о которой рассказывал? — недовольно пробурчал Лоран, садясь на траву рядом с Лириэн и начиная медленно приподнимать ей юбку платья. Риланд хлопнул оборотня по руке.

— Сдурел?

— Ну а что? Хоть развлекься, пока ждём...

— Я тебе развлекусь! — Риланд замахнулся и кинул в Лорана чем-то, похожим на ледяные иголки, отчего сын Вожака зашипел и вскочил на ноги. — Так развлекусь, что потом костей от травы не отскребёшь! Отойди в сторону. И не дёргайся. Приготовил я ловушку, приготовил. Но будешь дёргаться и дергать эту тётку за юбку — дам в глаз. Понял?

Лоран ничего не понял — что, Риланду жалко, что ли? — но кивнул, обиженно надулся и отвернулся. И не заметил, как эльф сделал большие глаза и покрутил пальцем у виска, а затем схватился за пах, отчего двое его спутников беззвучно заржали.

— И что здесь происходит?

Присутствующие вздрогнули. Никто из них не засёк приближение Нарро, а между тем тот стоял посреди Поляны совсем недалеко и смотрел то на собственного сына, то на Риланда, то на магов, с лёгким презрением во взгляде.

— Пока ничего, — ответил Риланд, вставая. — Но сейчас будет происходить. Видишь её? — Он указал на Лириэн. — На ней ловушка. Засекает колебания магии Разума. Попытаешься воспользоваться — и у твоей сестрёнки голова разлетится на части. Усёк?

Презрение во взгляде Нарро сменилось удивлением.

— Не боишься, что родители тебе задницу за такое надерут, а, Рил?

— Не боюсь, — хмыкнул эльф. — Я вышел из того возраста, когда надирают задницу.

— Задницу можно надирать в любом возрасте, — просветил его Нарро, улыбнувшись. — Помяни моё слово, когда всё это закончится. Я не знаю, что ты затеял, но вряд ли это понравится твоей матери.

— Так, всё! — поморщился Риланд. — Хватит болтать. Ребятки, на счёт три. Раз, два, три! Руто!

Три огромных сгустка Тьмы, закрученных в спираль, полетели в Нарро. Но дартхари даже не успел испугаться. Только почувствовал, как запульсировал висевший на шее ириал.

Тьма, долетев до него, издала странный звук, будто лопнул мыльный пузырь, и... растворилась. Исчезла.

Риланд хмыкнул.

— Так, значит... А если вот так?

Это было другое заклинание — тысячи маленьких ножей из Тьмы устремились в грудь Нарро, и дартхари не стал ждать. Взмахнул рукой — и огромная огненная стена окружила и его самого, и Великую Поляну, а мощный поток ветра поднял с земли тело Лириэн и перенёс её под ноги Вожака.

Где-то по другую сторону огненной стены громко ругался Лоран. Кажется, выяснял, почему он до сих пор не может убить отца. Риланд ничего не отвечал — он был занят тем, что оглушительно хохотал, а его друзья пытались пробить огненную стену заклятьями.

И вдруг...

Произошло то, чего никто не ожидал. Ни Риланд, ни Лоран, ни даже Нарро.

Посреди Великой Поляны появилась Рональда.

Оказавшись здесь, я несколько секунд не могла пошевелиться.

И Арронтар тоже... не шевелился. Время будто замерло, позволяя мне ещё раз насладиться моим лесом. Возможно, в последний раз...

Тёмное небо и яркие точки звёзд. И у неба тот самый оттенок, который я так хорошо помнила — глубокий синий, холодный и... осенний. Да, здесь уже осень. В Лианоре ещё не совсем, а здесь уже.

Звёзды... маленькие, но их много. Их всегда было много, потому что небо моего Арронтара — чистое. И они мерцают. Все по-разному, какие-то часто, а какие-то редко. словно переговариваются или играют неведомую мелодию.

И запах... Сладкий, нежный... Запах мокрой земли, осенних листьев... Запах самого Арронтара.

Нет, не плакать. Я обещала себе, что не буду плакать. Не сегодня, нет.

И никогда.

— Рональда?! Что ты здесь делаешь?!

Этот голос вернул меня в реальность.

Я стояла посреди Поляны, справа замер удивлённый дартхари, возле его ног лежала какая-то женщина. Она была похожа на Лирин, только намного моложе.

Что я здесь делаю? Всё очень просто — я переместилась в Арронтар, чтобы не дать Нарро умереть. Чтобы спасти его.

Когда Араилис произнесла свои роковые слова, я начала метаться по комнате, не зная, что предпринять. Она что-то говорила, тыкала меня носом в какой-то предмет, и в конце концов я поняла, о чём толкует Ари.

— Никого нет, ни папы, ни мамы. Зато вот — есть мамин браслет! Нарро очень давно сделал его для неё. Дай руку.

Я даже не вздрогнула, когда Араилис проткнула мою ладонь ножом и размазала кровь по поверхности браслета.

— Это для установления связи. Теперь он воспринимает тебя хозяйкой и будет слушаться. Ронни, ты... ты можешь помочь Нарро, если отправишься сегодня в Арронтар. Так у него появится шанс выжить. Ты хочешь, чтобы он жил, или нет?!

— Хочу...

Араилис сжала мою руку и надела на неё браслет.

— Тогда просто подумай. Достаточно захотеть... Браслет сделает всё за тебя. Перенесёт в Арронтар и обратно. Если ты захочешь вернуться...

— Захочу.

— Посмотрим, — прошептала Ари, обнимая меня. — Удачи и... будь осторожна.

Она отошла на шаг назад. И перед тем, как исчезнуть, я успела заметить, что Ари плачет. Но мне было некогда рассуждать о том, почему.

Вначале я увидела небо и звёзды. Потом почувствовала запах...

Услышала вопрос дартхари и огляделась. Огненная стена окружала нас со всех сторон, но впереди за этой стеной я видела силуэты. Четверо... И трое эльфы.

— Ладно, потом разберёмся, — вздохнул Нарро, делая шаг ко мне. — А сейчас слушай. Никакой магии Разума, поняла? Вообще никакой.

Я удивилась и хотела спросить, почему, как вдруг заметила, что огонь начал опадать. И обратила внимание на тех, кто стоял по ту сторону. Действительно, трое эльфов и... Лоран. Он-то что здесь забыл?

— Одна-а-ако, — пробормотал эльф с серебряными волосами. — У нас гости! Ты кто, красавица?

Лоран закашлялся.

— Ты ослеп, Риланд? Это же жаба!

Где-то я слышала это имя...

— Какая жаба? — не понял эльф.

— Да вот же! Жаба!

Риланд нахмурился.

— Девчонка, что ли? Ну и фантазия у тебя, Лоран.

Стена между тем совсем иссякла, и я неуверенно поглядела на Нарро. И что теперь? Так как я понятия не имела, что здесь

происходит, то не представляла, нужно ли нападать первой. Или подождать?

Видимо, примерно те же мысли тревожили Лорана.

— И чего ты стоишь, Риланд?!

— Могу сесть, если тебе что-то не нравится, — огрызнулся эльф.

— Как говорит мой дедуля, в ногах правды нет.

Я улыбнулась. Смешной мальчишка. Хоть он наверняка старше меня, я почему-то воспринимала его именно мальчишкой. И скорее всего, он дикий пакостник.

— Я имею в виду — нападай, чего ты ждёшь?! Только не убивай жабу, она... моя! Понял?!

Со стороны Нарро послышалось тихое рычание.

— погоди ты, — отмахнулся между тем Риланд. — Я и без тебя разберусь. Тебя как зовут, красавица?

— Рональда.

— Ро-наль-да, — повторил он по слогам. — Аля, да?

— Ронни, — уточнила я, но эльф поморщился.

— Нет, Ронни мне не нравится. Будешь Алей. Слушай, Аля, а ты когда-нибудь дралась на дуэлях?

Я удивилась, а Нарро почему-то возмутился:

— Риланд!

— Да ладно, — усмехнулся парень. — Чего тебе, жалко, что ли? Я же вижу, что она сильная девочка. Что скажешь, Аля? Сразишься со мной на дуэли? Победишь ты — уйду. Проиграешь... Ну, скажем, погостишь недельку у нас в Эйме. Обещаю даже не приставать. Если только совсем чуть-чуть. Согласна?

Я растерялась. Посмотрела на Нарро, но тот смотрел в другую сторону — на Риланда.

— А что в это время будут делать твои друзья? — спросил дартхари.

— Очень просто, — радостно махнул рукой Риланд. — С ними сразишься на дуэли ты. Можешь ещё заодно и с Лораном, а то у него в одном месте давно чешется, вот и наваляешь ему по самые яй...

— Риланд!

— По самое ай-яй-яй наваляешь, — выкрутился эльф. — Согласен? Выиграешь, мы уйдём, и этого твоего потомка с собой

заберём, очистим воздух Арронтара, так сказать. А проиграешь... Слышь, Лоран, чего Нарро должен будет сделать, если проиграет?

— Сдохнуть? — предположил Лоран, я вздрогнула, а Риланд поморщился.

— Фи, как примитивно. Впрочем, чего от тебя, блохастого, ещё ждать.

— Риланд! — неизвестно в какой раз воскликнул дартхари, и я вдруг заметила, что он смеётся.

— А чего я? — возмутился эльф. — Ты прям как дедуля, чуть что — сразу «Риланд, Риланд». Будто у него других внуков нет. Короче, если продуешь, отдашь этому блохастому титул дартхари. Договорились?

К моему полнейшему удивлению, Нарро кивнул. А потом повернулся ко мне и сказал очень тихо, так, чтобы слышала только я одна:

— Рональда, не бойся. Риланд не причинит тебе вреда. Импровизируй, ладно? Только помни — никакой магии Разума. Ну и... не перестарайся. Всё-таки второй тёмноэльфийский принц, не стоит его калечить.

Так вот почему мне показалось знакомым это имя! Конечно! Риланд, второй сын принцессы Эмиландил. Уникальный маг, для тёмных эльфов владеть одновременно двумя источниками — и Тьмой, и Светом — это... грандиозно. Светом владеет принцесса, она тоже серебряноволосая, но Риланд получился могущественней — целых два Источника.

— А как же вы? — прошептала я, вглядываясь в глаза дартхари. Жёлтые. А я... я так хотела увидеть настоящие... Или настоящие они именно такие?

Он улыбнулся.

— За меня не волнуйся. Всё будет хорошо.

Я помотала головой. Откуда музыка?..

Нарро застыл, не договорив. Сжал зубы. И резко выдохнул:

— Всё, иди к Риланду. Удачи.

Развернулся и направился к своим соперникам. Двое тёмных эльфов и Лоран, обернувшийся большим белым волком... Не многовато ли ему одному при заблокированной магии Разума?

— Переживаешь?

Я не успела подойти к Риланду — он сам подошёл ко мне.

— Ну и зря. Круче Нарро только Аравейн. Ну и Эдигор, но он больше по мечам. Так что ничего не случится с твоим дартхари.

Я вздохнула, усилием воли отвела взгляд и посмотрела на эльфа. Он ухмыльнулся, встретив мой взгляд, сделал шаг вперёд и прикоснулся к прядке волос, выбившейся из косы. Почти тут же отошёл и, вновь усмехнувшись, ударил.

Я в жизни не дралась на дуэлях, поэтому среагировала скорее от неожиданности, отбив чистую Тьму, которой запулил в меня Риланд, чистым Светом, упала на землю и перекатилась в сторону от заклинания. Вскочила на ноги и увидела, что эльф стоит на том же месте и ржёт.

— Грубовато работаешь, Аля, — сказал он сквозь смех. — Второе правило магической дуэли — береги силу. Я запустил в тебя не настолько концентрированной Тьмой, чтобы отбивать её целым потоком Света. Да из такого потока можно дом построить. Ты же теперь на треть пустая, чувствуешь? Глупо.

— Глупо, — пожала я плечами. — Но я не понимаю, что ты хочешь? Я же не дралась никогда. Это с твоей стороны глупо — ожидать от меня сверхуспехов. Кстати, ты сказал — второе правило магической дуэли. А первое?

— А первое — не поворачиваться к противнику спиной.

— А третье есть?

— Есть, — он хмыкнул. — Не болтать!

Нарро знал Риланда с детства. Мальчишка частенько гостил у Эдигора и постоянно приставал к дартхари с просьбой подраться. Он был на редкость шепутной и частенько ввязывался в истории, причём по собственной воле. Нравилось ему рисковать. Один раз самостоятельно обнаружил в Эйме заговорщиков, никому об этом не сказал, связался с ними и несколько лет развлекался, водя их за нос.

Поймал тоже в итоге сам и предъявил «дедуле» — Повелителю Робиару.

Нарро понятия не имел, что затеял Риланд на этот раз, похитив Лирин и неизвестно чего наобещав Лорану, но знал, что мальчишка не позволит ситуации выйти из-под контроля. Вон как ловко провернул с этим заклинанием. Сам же знал про амулет, видел и щупал. И восхищался — мол, прекрасная работа. Решил проверить, насколько она прекрасная? Глупо.

Но Нарро решил, что подумает об этом потом. А сейчас надо побыстрее разделаться с Лораном и двумя эльфами. Хотя без магии Разума это будет сложнее, да и сосредоточиться на дуэли сложно, когда рядом Рональда, и она бьётся с Риландом. Вожак беспокоился за неё, хотя и видел, что Риланд не дерётся, а играет. Его истинные возможности дартхари хорошо знал. Если бы эльфийский принц хотел, он бы уже раскатал девушку по траве, как тесто.

Эльфы ударили одновременно. Хорошая тактика. И с двух флангов сразу: и слева, и справа. Короткая вспышка, дрожание светового щита — и заклинания осыпались. Нарро ухмыльнулся. Думали, так просто будет? Нет уж, ребята... Он давно не был тем мальчиком, который не мог соорудить щит против ветра и обжигающего солнца Снежной пустыни.

Взмах — и на эльфов полетела волна раскалённого воздуха, почти сбивая их с ног. Запахло палёной шерстью — Лоран, скуля, отбегал прочь, подальше от разъярённого Нарро. И пока эльфы боролись с горячим ураганом, пытающимся спалить их одежду, дартхари закрутил и бросил вперёд светящееся лассо из Света. Оно обернулось вокруг эльфов несколько раз, прижало их друг к другу и оба конца его срослись, образовав аккуратный бантик с двумя хвостиками.

Всё, что ли? Даже скучно.

Но нет. Эльфы, с яростью посмотрев друг на друга, а затем на Нарро, взорвали лассо изнутри. Остатки бантика упали на землю и истаяли.

А потом твёрдая поверхность под ногами исчезла, и дартхари провалился в темноту...

Я успела первой! Сразу, как эльф сказал «не болтать», я запустила в него огромным сверкающим от Света лезвием. И только с этого момента началась настоящая дуэль.

Моё лезвие было разбито на сотни сверкающих ножей, полетевших обратно — на меня. Ножи рассыпались песком, не долетев пары метров до цели, а следом в Риланда отправился удушающий чёрный туман. Он был закручен спиралью, из-за чего образовался тайфун, и пущен в обратный путь. Спираль ушла в землю, просверлив в поверхности огромную яму. Из ямы хлынула глина и, нагретая чистым Светом до состояния раскалённых углей, направилась в Риланда.

На несколько секунд эльф превратился в большую глиняную статуэтку, но затем она осыпалась черепками, черепки стали пылью, пыль засветилась и помчалась на меня. Встретившись с щитом из чистой Тьмы, упала обратно на землю.

Из ямы, проделанной туманом-спиралью, полезли корни деревьев, обхватили ими, как пальцами, лодыжки Риланда, и дёрнули, заставив его упасть лицом вперёд. Но и меня тут же что-то дёрнуло за лодыжки, я грохнулась, завопила, поняв, что не только упала, но и куда-то двигаюсь, и вновь плеснула в направлении эльфа удушающим туманом. Ну или по крайней мере я думала, что в его направлении, я ведь Риланда не видела.

Неожиданно меня перестало куда-то тащить, ноги освободились, и я застыла, оставшись лежать на земле. Но туман, мой собственный туман, вдруг окружил со всех сторон и начал душить.

Я попыталась встать — не получилось. Попыталась развеять туман, но это была какая-то улучшенная версия — заклинания гасли, успевая лишь пробить в клубящейся дымом поверхности крошечные дырочки, которых едва хватало на один вдох.

Я прислушалась к себе. Я была уже почти пустая, израсходовала весь резерв. Дальнейшие действия опасны для моего здоровья — и обычного, и магического.

— Риланд, ты слышишь? — прохрипела я из последних сил, хватаясь за горло. — Я сдаюсь! Сда...

В следующую секунду я смогла дышать. Но туман не развеялся, наоборот, стал плотнее, а ещё на меня что-то навалилось сверху, и я не сразу сообразила, что это не «что-то», а «кто-то» — Риланд!

Он лёг на меня, прижав к земле, и просто смотрел, насмешливо улыбаясь.

— Правило четвёртое... Как думаешь, какое?

— Никогда не сдаваться? — предположила я, и Риланд расхохотался.

— Правило четвёртое — сдавайся, если силы на исходе и не можешь продолжать борьбу. Сдавайся, чтобы сохранить себе жизнь.

Эльф обхватил рукой мою шею. Я ожидала, что будет душить, но вместо этого он просто погладил меня.

— Ты проиграла, Аля. Приедешь ко мне в Эйм?

Всё это было очень странно. Араилис утверждала, что здесь, в Арронтаре, меня ждёт реальная опасность. И где она? Впрочем, может, пока я тут разлёживаюсь, те эльфы успели убить Нарро?

— Приеду, — быстро ответила я. — А сейчас отпустишь меня? Я хочу знать, что происходит там, за этим туманом.

— Волнуешься? — Риланд прищурился. — Зря. Твоему дартхари ничего не грозит.

— Тогда зачем это всё?..

Он улыбнулся, встал и подал руку, помогая мне подняться.

— Сейчас узнаешь.

Нарро и двое его соперников висели в воздухе, окружённые сверкающими нитями и каким-то чёрным дымом. В этом дыму сверкали молнии, вспыхивал и гас огонь, оттуда на Поляну лилась вода. Он закручивался в смерчи.

Только Лоран слонялся без дела. Заметив нас с Риландом, он побежал ко мне и зарычал, показывая клыки.

— Не... — начал эльф, но я и сама могла за себя постоять. Прыгнула вперёд, наполовину обращаясь — вовремя вспомнила, что на мне платье, и остановила оборот — и полоснула Лорана по морде выпущенными когтями. А затем тоже зарычала, показывая свои клыки.

Он даже сел от удивления на задние лапы. Вот так, получи!

— Не хочу прерывать тебя, Аля, от избиения себе подобных, — раздался позади насмешливый голос Риланда, — но я бы посоветовал

тебе обратить внимание наверх. Сейчас будет красиво.

Я подняла голову.

Красиво?! Он, должно быть, шутит. Как может быть красиво, если небо горит? Если в этом огне мечутся какие-то фигуры, и жар его долетает даже до нас? А потом огонь вспыхивает, разгораясь ещё больше, ревёт, становится ледяным, синееет и... выплевывает из себя какую-то глыбу.

Присмотревшись, я поняла, что это не глыба, а двое соперников Нарро, приклеенных друг к другу и заключенных в лёд. Они шевелили губами, внутри глыбы что-то взрывалось и гасло, но лёд даже не трескался.

Между тем огонь в небесах потух, рассыпался миллионом ярких искорок — они впитались в землю и даже подожгли несколько сухих травинок. А затем сверху спрыгнул Нарро.

Он был очень грязный, в опаленной местами одежде. А ещё он был очень зол.

— Ну и? — прорычал, вставая с корточек и двигаясь на Лорана.
— Ты следующий, я полагаю?!

Лоран заскулил.

— Нет. Ты это затеял, тебе и отвечать, — отрезал Нарро и... превратился в огромного белого волка. Не снимая одежды! Это как?

А потом бросился на Лорана.

Сзади что-то говорил Риланд, кажется, обращаясь к эльфам, застрявшим в глыбе, но я не слушала. Я смотрела на Вожака. И ощущала, как теплеет в груди. Чувствовала, как скребётся моя волчица. Слышала тихий перезвон в ветвях деревьев Арронтара, словно... словно это нормально — слышать музыку в ветре?..

Я уже слышала эту музыку. Однажды, во сне. Именно эту музыку.

Она рассказывала о нас.

И я слушала. Слушала, потому что не знала всего того, о чём она рассказывала. Или знала, но не верила...

Мальчик-горбун и девочка, которую дразнили жабой, презрение стаи и одиночество, первые друзья... Его другом был аксал, а её — хати, подарок Вожака. Подарок того, кем стал мальчик-горбун, когда вырос.

Отречение...

Отъезд...

И другая жизнь... Другая судьба... Две судьбы.

Я задыхалась, потому что мелодия нарастала и рвалась, рвалась сама и рвала мне душу. Она была отчаянной и безнадежной. Это была мелодия одиночества, мелодия отречения, мелодия обиды и не-прощения. Наша с Дэйном мелодия.

Нет. Наша с Нарро.

Мне было необходимо поговорить с ним. Необходимо. Сегодня, сейчас. Я не смогу уйти из Арронтара, пока не поговорю.

Лоран дрался отчаянно. Оно и понятно — на карту поставлена его жизнь. Нарро недолгое время играл с ним, позволяя думать, что дартхари ослаб и сдался. Мальчишка, обрадовавшись, начал нападать активнее, подходя всё ближе...

Взмах лапой — и Лоран отлетел на несколько метров назад. Нарро прыгнул, попытался схватить щенка за загривок, но тот вывернулся, отскочил. В глазах паника и страх.

Нарро терпеть не мог запах страха. Он был похож на запах мочи, только более резкий.

Дартхари вновь прыгнул, и на этот раз достиг цели. Укусил, зафиксировал щенка лапами, прижав его к земле, и схватил за загривок, нажимая зубами на четыре заветные точки, заставляющие волка перекинуться обратно в человека.

Вой Лорана перешёл в крик. Мальчишка заколотил по земле руками и ногами — они все были в синяках и царапинах. Нарро поудобнее перехватил сына, не выпуская его из зубов, поднялся с земли и пошёл по направлению к Риланду и Рональде.

На девушку дартхари старался не смотреть. Он и так всё время слышал Зов. Едва уловимый, но слышал, и как бы не сорваться после двух подобных «битв»...

Оказалось, что эльфы успели выбраться из его ледяной ловушки. Не иначе, Риланд помог. Он однажды часа два сидел в такой глыбе после очередной дуэли, пока не догадался, что от попыток растопить

лёд его только больше становится, и с подобным надо бороться подобным.

Нарро бросил Лорана не землю возле эльфов, перекинулся обратно в человека, вытер пот и грязь со лба и сказал:

— Всё, забирай его прочь с глаз моих.

— Изгнание? — уточнил Риланд. Вожак кивнул.

— Да, за попытку убить дартхари, — Нарро хмыкнул, — не по традициям и правилам.

— По правилам ты это перед стаей должен объявлять.

— Обойдётся. Я уже один раз хотел его изгнать и объявлял об этом. Будем считать, что это была отсрочка исполнения приговора. Так что забирай, и можешь делать с ним всё что хочешь.

Риланд широко улыбнулся. И в этот момент Нарро понял, для чего эльфийский принц устроил весь этот цирк... и даже немного посочувствовал Лорану. Риланд больше всего на свете любил ставить магические эксперименты и постоянно нуждался в материале для опытов. При этом сам материал далеко не всегда был согласен со своей участью.

Но раз дартхари сам отдал Лорана, тут уж и Повелитель Робиар возмущаться не станет. Но всё же любопытно, что ответит Риланд, если спросить его об этом прямо...

— Так что это был за балаган? И зачем? — поинтересовался Нарро, сложив руки на груди.

Второй эльфийский принц пожал плечами.

— Мне скучно.

— Да неужели? — хмыкнул дартхари, и Риланд возмутился:

— А тебе вообще грех жаловаться! У тебя под носом этот сосунок заговор хотел сплести, всё разведывал, кто готов пойти против Вожака, да как тебя убить можно.

— Вот ты и решил развлечься за счёт Лорана, — понимающе кивнул Нарро. — И за мой заодно.

— Ну да. А что тут такого? Поймали заговорщика — раз. Хорошо подрались — два. И Аля ко мне в гости приедет в Эйм — три. Ты же приедешь, да, Аля?

Рональда явно была возмущена до глубины души.

— Приеду. Когда-нибудь. И расскажу твоему дедуле, что ты тут устроил.

— Ой, напугала эльфа дохлым троллем! — фыркнул Риланд. — Нарро раньше расскажет, не переживай. Так что я своего наслушаюсь, и от матери, и от дедули. Зато не скучно!

Нарро был не в силах сердиться на этого обалдуя. Эльфы — они все такие в этом возрасте. Как дети почти. У них какая-то своя логика. Ничего, когда-нибудь Риланд это перерастёт.

— Ты только в следующий раз предупреждай, пожалуйста, — попросил Нарро, наблюдая за тем, как второй эльфийский принц поднимает с земли Лорана, собираясь разбить амулет переноса. — Я всё-таки волновался за Лириэн.

Дартхари почувствовал на себе удивлённо-заинтересованный взгляд Рональды.

— Ничего, редкие волнения полезны для здоровья, — отмахнулся Риланд. — Ладно, пошли, ребята. На счёт «три» разбиваем амулеты. Раз, два, три! Привет блохастым!

И трое эльфов с Лораном под мышкой исчезли в серебристо-сером тумане.

— Ты отпустишь меня?

Это был первый вопрос Лорана, прозвучавший, когда рассеялся серебристо-серый туман. Риланд поднял глаза к небу и вздохнул.

— Нет, всё-таки мне достался самый тупой оборотень Арронтара... Я несколько лет думал над тем, как бы уломать Нарро пожертвовать мне хотя бы одного соотечественника, а теперь, когда ты у меня есть, ты ещё спрашиваешь, отпущу ли я тебя?! Да ни в жисть!

— Но почему?!

Риланд вновь вздохнул, махнул рукой спутникам, указав на стоявший в стороне экипаж, по цвету сливавшийся с ночью.

— Не «почему», а «зачем», дурачье ты хвостатое, — сказал он тихо, когда эльфы отошли подальше и принялись готовить экипаж к поездке. — Не ты один, знаешь ли, мечтаешь о власти. Я не лгал, когда

говорил, что понимаю тебя. Ты хотел стать Вожаком, а я желаю стать Повелителем. Но у меня, в отличие от тебя, есть шанс.

Лоран молчал, глупо хлопая жёлтыми глазами.

— Ты не переживай. Я своих подопытных не особенно мучаю и кормлю хорошо. — Риланд похлопал оборотня по плечу и добавил, ехидно и недобро ухмыльнувшись: — Правда, совсем недолго...

— Куда они отправились?

Теперь, когда на Поляне никого не было, кроме них с Рональдой и Лирин в спящем состоянии, Нарро как никогда остро чувствовал её присутствие рядом с собой. Он специально не смотрел на девушку, стоя полубоком и отводя глаза, но это не очень помогало.

— Не знаю, — ответил он напряжённо. — Риланда, скорее всего, экипаж ждёт где-нибудь на границе. Поедет сразу в Эйм. Наверное. Это его дело, не наше.

Нарро нашёл взглядом фигуру Лирин и вздохнул с облегчением — никакой ловушки на магию Разума уже не было.

— Почему вы не смотрите на меня?

Мой голос, когда я произносила это, звучал жалко.

Но я была расстроена и растеряна. С того момента, как эльфы и Лоран исчезли, Нарро даже не взглянул на меня. Он делал так и раньше, но тогда это было не столь заметно. А сейчас... будто бы он не хотел меня видеть, будто бы я была ему неприятна.

У меня в голове всё смешалось. Дэйн и мои сны... Дэйн был моим другом, придуманным другом, а Нарро — тем, кого я любила. Тем, кого я боготворила.

Когда я умерла... Именно тогда я осознала, что Нарро играл роль Дэйна в моих снах. Я узнала его магию. А после прочитала в императорской библиотеке про проклятье и про *дэрри*, но... я ничего не понимала. Я не понимала, как это всё может быть правдой. Разве он может любить меня?

И поэтому я так отчаянно хотела увидеть его глаза. Пусть у меня никогда не получалось выдержать его взгляд, сейчас я постараюсь это сделать.

— Я всё знаю... — тихо сказала я, но Нарро не отреагировал. Застыл.

На улице было очень темно, время давно перевалило за полночь, но я всё равно видела, как напряглись мышцы на его шее. Словно он хотел повернуться, но сдерживал себя.

— Я всё знаю, — повторила я. — Знаю о Дэйне. И о проклятье. Я прочитала... В той книге, которая находится в императорской библиотеке. Вы помните?

Он вздохнул. Сжал кулаки.

— Рональда, я прошу тебя, уходи.

Что?..

— Уходи немедленно, — повторил дартхари напряжённым голосом. — Сейчас, пока ещё не поздно. Ты ведь пришла, взяв амулет у Эллейн? Достаточно представить твою комнату во дворце, и ты вернёшься обратно. Уходи, Рональда.

— Но... почему?

Я увидела, что Нарро дрожит.

И сделала шаг вперёд.

Я... должна была до него дотронуться. Хотя бы один раз. И посмотреть в глаза. Пожалуйста... а потом я уйду, уйду куда хотите, только позвольте...

— Рональда, нет. Нет.

— Да, — прошептала я, делая последний шаг... и положила руку на грудь Нарро.

Меня будто молнией ударило. Стало горячо, глаза заслезились... и музыка, музыка была повсюду. Оглушительно громкая, пронзительная... Восхитительная...

Я увидела, как дартхари медленно выдохнул... и повернул голову.

Я встретила его взгляд, как и хотела. И всхлипнула, увидев эти глаза.

Голубые, с ярко-жёлтыми искорками вокруг зрачка. Искорки кружились... кружились... кружились... завораживали...

Внизу живота что-то тянуло, и стало так сладко... и в то же время... пусто... нехорошо, неправильно...

Я услышала, как он зарычал, и глаза засветились жёлтым сильнее.
— Уходи, пока не поздно, — прошептал Нарро, и я почувствовала, что он дрожит. Всем телом, словно ему было холодно.

— Я...

Я так и не поняла, что собиралась сказать. Потому что Нарро вдруг зарычал громче, и от этого рычания я будто загорелась, сжав бёдра и почувствовав, как стало влажно между ног.

А потом резко развернулась и побежала, по пути перекидываясь в волчицу и стряхивая с себя остатки порванной из-за оборота одежды.

Он бежал за мной.

Сердце колотилось, я чувствовала каждый его удар. Оно словно мечтало выпрыгнуть из груди.

Всю меня наполнял непонятный азарт, он бурлил в крови, ударяя в мозг. Я бежала всё быстрее и быстрее, получая от этого невообразимое удовольствие. Болели мышцы, лапы колело, дыхание перехватывало, но я бежала. И почему-то еле слышно поскуливала, ощущая сзади того, кто догонял меня. С каждым шагом он приближался... всё ближе, ближе, ближе...

Я знала, что он догонит меня.

И желала этого.

Зов победил. Он всегда побеждал.

Нарро отпустил себя, почувствовав сладкий запах Рональды, когда она положила ладонь ему на грудь. Всё, хватит. Он должен получить её. Сегодня, сейчас...

Волчица убегает — волк догоняет. Таковы инстинкты. И Рональда бросилась прочь, повинувшись своим инстинктам, повинувшись Зову. А Нарро побежал за ней.

Она бежала быстро, очень быстро. Он видел впереди её крепкое тело, белую шерсть — в свете луны она серебрилась. Впервые Нарро видел свою девочку обращённой... наяву.

Запах... её запах вёл его. Подстегивал, заставлял порывкивать от удовольствия и бежать быстрее. Сладкий, сладкий запах...

Прыжок. Удовлетворённый рык и тихое поскуливание побеждённого.

Схватить, прижать к земле и... нюхать...

Он настиг меня неожиданно. Раз — я бегу, два — лежу на земле, придавленная тёплым и большим телом, и жалобно скулю.

Довольный рык возле уха, и нос, погрузившийся в мою шерсть на загривке. Нюхает. Наслаждается. Я тоже хочу понюхать!

Я дёрнулась, оглянулась и... наткнулась на его взгляд. Взгляд, полный желаний.

И потерялась в этом взгляде...

Она боролась, пытаясь сбросить его. Всё правильно, игра тоже приносит удовольствие...

Он рычал и позволял ей вертеться под его телом, наслаждаясь волнами сладкого запаха, которые исходили от неё при каждом движении. Он даже выпустил её на некоторое время, подождал, пока она отбежит подальше, и вновь побежал следом.

Музыка по-прежнему звенела вокруг, но они её уже не замечали, полностью поглощённые погоней. А она то утихала, то вновь разгоралась и гремела, наполненная тем же, чем были наполнены они в те мгновения — азартом, страстью, любовью и желанием.

Он догнал её опять и прыгнул на спину. Она завизжала и покатила кубарем, и он вместе с ней.

Опять он был сверху, прижимая её грудью к земле, и она пыталась вырваться, но он уже не обращал на это внимания. Схватил за загривок, прикусил... и рычание волчицы перешло в всхлипывания женщины, которую прижимал к земле огромный белый волк.

Секунда — и волк стал мужчиной. В ту же секунду он проник в свою женщину, и от резкой мгновенной боли она закричала...

Когда обжигающая боль пронзила моё тело, я будто очнулась.

Я чувствовала его в себе. Он застыл, услышав мой крик, и теперь просто лежал, сжимая руками мои плечи. Я слышала его ласковое рычание, которым он пытался меня успокоить, и тоже зарычала, давая понять, что всё в порядке.

Сильно пахло кровью... моей кровью. Она стекала по бёдрам и капала на траву. И мне казалось, что я слышу, как она падает на землю и впитывается в неё...

Он качнулся... какое странное ощущение немислимого наслаждения. Оно шло от того места, где я чувствовала его глубоко в себе, и расходилось дальше по телу, грея даже кончики пальцев.

Быстрее... мне нужно быстрее...

Я рыкнула, и он послушался.

Ему казалось, что он её в землю заколачивает.

И если бы не стоны и урчание, он подумал бы, что ей больно. И запах крови становился всё резче, и от этого запаха желание обладать ею только усиливалось.

Он перевернул её, и она тут же впилась всеми когтями в его спину и зарычала от удовольствия, когда уже его кровь потекла по её рукам и закапала на землю.

Это правильно, кровь должна смешаться...

Он проникал в свою волчицу всё глубже и быстрее, Арронтар волновался — ветер над ними закручивался в какие-то немислимые вихри, и музыка... она тоже казалась глубже и быстрее... проникала под кожу... ощущалась жжением по всему телу — снаружи и внутри... нарастала, нарастала, нарастала... и взрывалась... взрывалась... взрывалась...

Рональда под ним выгнулась и закричала, сжимая его плечи.

Нарро упал сверху и застонал, совершая последние движения и пытаясь поймать своими губами её губы...

Уже давно я не спала так сладко.

Кто-то гладил моё тело, снимая боль. Самая большая боль ощущалась между ног, и чья-то ласковая рука проникла туда и убрала её. Я потёрлась об эту руку, почему-то не желая, чтобы он убирал её... Но он убрал. Я разочарованно вздохнула и отвернулась, сворачиваясь калачиком.

Было так хорошо. Я слышала шёпот леса, моего леса. Ветер шумел в кронах деревьев, пели ночные птицы.

Невероятно. Как будто я вновь в Арронтаре.

Или я... в Арронтаре?..

Я резко распахнула глаза, села и огляделась.

Я действительно была в Арронтаре. Возле своего любимого озера. Лежала — точнее, уже сидела — на траве, абсолютно голая, и тело

блестело от влаги.

— Я принёс тебя сюда после... и обтёр. Прости. Ты вся в земле была.

Я вздрогнула. Дартхари Нарро сидел на берегу озера, спиной ко мне, и она тоже блестела от влаги.

— Прости, — сказал он опять. В его голосе было столько горечи...

Что случилось? Я дралась с Риландом, он с эльфами и Лораном, а потом... потом...

— Это был Зов, Рональда. Зов, соединяющий *дэрри*. Ему сложно противостоять.

И тут я вспомнила.

Погоня. Большое тело, прижимающее меня к земле. И он — внутри...

И удовольствие, которое прошлось по всем венам и артериям, будто выжигая их, и вырвалось наружу вместе с громким криком...

— Это не было твоим выбором, и я ничего от тебя не требую, — сказал Нарро тихо, по-прежнему не поворачиваясь. — Прошу лишь простить меня. И не только за это. Я должен был лучше контролировать себя. Но не смог. Слишком долго любил тебя и желал. Наверное, это не оправдание... Но другого у меня нет, Ро.

Я дрожала. С каждым словом. С каждым звуком его голоса.

И это имя... Имя, которое всегда произносил Дэйн, но ещё ни разу не произносил Нарро...

Лишь с этим именем... Только с ним... Я поняла наконец... Нет, не так...

Я осознала всё случившееся.

Случившееся не только сейчас, а давно. И всегда...

Он действительно один. Нарро — Дэйн, снившийся мне десять лет, дартхари. Брат Лириин, мальчик-горбун, дартхари...

Земля-небо. *Дэрри*. Слово, которое невозможно перевести. Вот оно, это слово — мы. Мы оба...

Я медленно встала и на негнущихся ногах подошла к Нарро. Я видела, как он напрягся, как сжал кулаки, словно боялся, что всё повторится, что он опять потеряет контроль.

Я улыбнулась. Я чувствовала — этого не случится. Зов так мучительно силен только до первой близости. А после — уже нет. Его

будет слышно... всегда. Но не настолько, чтобы забыть обо всём и забыться.

Я села рядом с Нарро, бок о бок. Я не прижималась к нему, просто села рядом. Так странно... мы ведь были сейчас возле озера, нашего любимого озера. Как во сне... только теперь это было наяву. И я предпочитала эту явь любому сну. Неважно, что вода здесь холодная, вместо яркого дня тёмная ночь и не тепло, а по-осеннему прохладно. Я всё равно предпочитала эту явь любому сну... Потому что это было настоящее. Впервые за десять лет.

И я смотрела на него, смотрела, впитывая в себя каждую чёрточку. Я полюбила его именно таким.

Нарро... Я повторяла про себя это имя, не отрывая взгляда от того, кто его носил. Я знала — сколько бы ни прошло лет, я всегда буду помнить эти предрассветные мгновения.

Пусть они станут самыми горькими за всю мою жизнь, они же будут и самыми счастливыми.

— Не нужно оправдываться, — прошептала я и медленно провела кончиками пальцев по руке Нарро. — Вы ведь говорили мне, чтобы я уходила. Но я не послушалась.

Он молчал несколько секунд, а затем осторожно перехватил мою ладонь. И как же это было приятно...

— Ты жалеешь, Ро?

Я покачала головой. Уловив это движение, дартхари вдруг повернулся и посмотрел на меня. Глаза его теперь были голубыми — настоящими. Но всё равно — я по-прежнему не могла смотреть в них спокойно... И опустила взгляд.

Я почувствовала, что он улыбнулся.

— Надеюсь, когда-нибудь ты сможешь встретить мой взгляд. Я бы очень этого хотел, Рональда.

— Вы именно поэтому меня отпустили, — прошептала я, ощущая, как в мою ладонь из его руки перетекает тепло. Нарро согревал меня своей магией, которой во мне сейчас почти не было.

— Не только поэтому. — Он немного помолчал, а потом попросил: — Пожалуйста, обними меня. Я хочу обнимать тебя хотя бы сегодня.

Перед тем как прижаться к Нарро, я ещё раз посмотрела ему в глаза. Я почти заставила себя не отводить взгляд несколько секунд,

рассматривая его лицо.

Я бы хотела, чтобы оно отпечталось у меня на сетчатке. Чтобы не забыть ни одной чёрточки... чтобы, закрывая глаза, я могла мысленно увидеть Нарро.

А потом я осознала, что он смотрит на меня точно так же. Он делал то же самое — запоминал мои черты. И улыбнулся, заметив, что я поняла.

Я впитала в себя эту улыбку, а затем наклонилась и обняла его изо всех сил.

Это были печальные, но очень счастливые часы. Пожалуй, самые счастливые в жизни Нарро. Рональда прижималась к нему, позволяла гладить по голове, перебирать волосы, сжимать ладони. И он наслаждался этой близостью.

Он знал — в последний раз.

— Почему глаза не поменяли цвет? — прошептала она, вложив руку в его ладонь. — Почему они остались голубыми и у меня, и у вас?

— Я не знаю, — ответил Нарро просто. — Никто не знает. Мы с тобой стали первыми оборотнями, подчинившими своих волков до оборота, а не после, и уже в солидном возрасте. Возможно, если не поить волчат зельем, запирающим вторую ипостась до Ночи Первого Обращения, их глаза тоже не будут желтеть после первого оборота. Но проверять эту теорию я пока не решаюсь.

— А искорки?

— Опять же, это лишь предположение... Жёлтый цвет весь ушёл в искорки, а кружатся они из-за магии. В том числе и магии Разума.

— А почему все в стае видели у вас жёлтые глаза? Зачем?..

— Когда я вернулся... я ненавидел наших с тобой сородичей, Ро. — Он почувствовал, что она вздрогнула, и легко коснулся губами её волос, утешая. — Я не хотел показывать им настоящие глаза. А потом... просто привык. Наверное, я слишком ко многому привык за эти годы.

Рональда вздохнула и задумалась. Прижалась сильнее и положила ладонь ему на грудь.

Нарро улыбнулся. Интересно, что она сейчас придумает, какой вопрос задаст?

— В тот раз... когда я перенеслась в вашу спальню и... вы меня поцеловали... помните?

— Помню.

Он улыбался. Я чувствовала улыбку в его голосе и... и просто чувствовала. Не знаю, как...

— Дэйн... То есть, вы... Вы тогда сказали, что я должна отвыкнуть от вас. Посоветовали отвыкнуть, помните? Почему?..

Нарро ткнулся носом в мои волосы и глубоко вздохнул. И я, покраснев, вдруг вспомнила, как спрашивала Дэйна, чем я пахну. Мне до сих пор было странно думать о том, что я спрашивала об этом дартхари.

— Ты уехала, но я продолжал надеяться, что ты вернёшься. И я хотел подтолкнуть тебя... к решению. Понимаешь, Ро? Невозможно так — уехать, но при этом остаться здесь. Думать, вспоминать, возвращаться мысленно. И я хотел, чтобы ты поняла это.

— И отвыкла от вас?

— Нет, конечно. Я хотел, чтобы ты вернулась. Но это твой выбор. Твоя жизнь. И твоя судьба.

Я зажмурилась.

Было очень больно. Где-то в груди. Хотелось плакать. Но я не буду плакать.

Я хотела бы, чтобы он понял. Понял, что дело не в нём. Я просто хочу быть счастлива, но я не могу быть счастлива здесь. Здесь слишком много боли, слишком много прошлого. А там...

— Я понимаю, Рональда, — сказал Нарро, словно знал, о чём я думала в тот момент. — Если бы я не понимал, я бы не отпустил тебя. Я сам был на твоём месте, поэтому знаю, насколько это важно — найти друзей, стать счастливым, научиться любить не только других, но и себя. Здесь ты этому не научишься. Даже со мной. Если уж я не смог научить тебя за десять лет... И я прошу прощения за это. За то, что не смог. За то...

— Нет, нет! — Я подняла голову, обняла Нарро за шею и прижалась лбом к его подбородку. — Не нужно, пожалуйста. Я не хочу слышать... Да, я злилась на вас, когда всё узнала. Но теперь я понимаю и ни в чём вас не виню. Вы же спасли меня, вы десять лет были моим лучшим другом, и я... я...

Я по-прежнему не могла сказать ему это. Даже сейчас, зная, что он тоже любит — я не могла сказать! Задыхалась, но не могла.

И Нарро понял это.

Прикоснулся рукой к моему подбородку, как делал много раз раньше, наклонился и поцеловал в губы.

— А как вы научились превращаться в одежде?

— Случайно. Торопился, забыл, а когда опомнился, уже стоял посреди двора белым волком. Потом столько штанов и рубашек изорвал, пытаюсь повторить этот эксперимент... Несколько месяцев дело не двигалось, но я всё-таки смог. Ты тоже сможешь, уверен. Только не повторяй моих ошибок, вместо одежды бери кусочки ткани.

Я засмеялась. Я даже знала, где именно буду тренироваться...

На крыше дворца.

— А почему — Нарро? — Некоторое время я не решалась задать этот вопрос, но, набравшись храбрости, всё-таки выпалила.

— Я взял это имя из-за своего наставника, Форса. Он вечно повторяет: «Я не надеюсь. Я верю» — вот поэтому я и назвался Нарро.

— А я, получается, надеюсь, — пошутила я, имея в виду своё имя, и с замирающим сердцем слушала, как дартхари смеётся.

— Получается, Рональда.

Этот вопрос она задала, когда небо начало светлеть. Рассвет всё приближался, и никогда в жизни Нарро так не хотелось, чтобы он не наступал.

— Что показала вам араэу?

Дартхари вздрогнул.

— Откуда ты... впрочем, зная характер этого дерева, сто́ит ли удивляться.

— Вы правы, — Рональда улыбнулась, — она тоже кое-что показала мне. Я до сих пор не поняла, что это было.

— Значит, ещё не время. Потом поймёшь. А мне она показала два дня из моей жизни. Точнее, два утра. Первое уже в прошлом. То самое утро, когда ты уехала из Арронтара вместе с Грэем. А второе... второе — сегодняшнее.

Рональда оцепенела. А потом подняла голову и посмотрела на Нарро с такой болью... Чуть приподнялась и прикоснулась губами к

его щеке — будто просила прощения.

Араэу сказала тогда, что женщина, которую он полюбит, уйдёт от него дважды. Но Нарро давно пережил это предсказание и нашёл утешение.

Араэу сказала, что Рональда уйдёт, но не говорила, что она не вернётся.

Мы сидели так, пока небо не начало светлеть. Потом его краешек над лесом чуть порозовел, а воздух стал теплее.

— Мне пора, — прошептала я, отодвигаясь от Нарро. Он кивнул и помог мне подняться.

Какое-то время мы стояли напротив друг друга, не двигаясь. Я не смотрела на него... не могла.

А он смотрел. Я чувствовала его взгляд всей кожей. Он ласкал меня этим взглядом, утешал и согревал.

Я знала, что буду помнить этот взгляд. Неважно, вернусь я сюда или нет... я буду помнить.

— Мне пора, — повторила я, шагнула вперёд и поцеловала его сама.

Музыка тихо звенела где-то вдалеке, пока руки Нарро ласкали мою спину, шею, перебирали волосы. Губы крепко прижимались к моим, жадно, но нежно пили моё дыхание. Это было так сладко... и так горько.

Он отпустил меня первым. Погладил по щеке, улыбнулся и... развернул спиной к себе.

— Иди, Ро.

Я дрожала.

— Иди, девочка.

Я слышала его шёпот возле затылка, его дыхание щекотало кожу...

— Иди и будь счастлива. Я буду ждать. Помни это. Сколько бы ни прошло лет — я буду ждать тебя.

Сразу после этих слов Арронтар заволновался. Все часы, пока мы с Нарро сидели на берегу озера, он молчал, и только теперь я услышала...

— Я то-о-ож-ж-е-е-е бу-у-уду-у-у жда-а-а-ать... — пропел ветер в кронах деревьев.

И я всё-таки заплакала.

После того как Рональда растворилась, воспользовавшись браслетом Эллейн, Нарро ещё долго сидел возле озера. Сидел до тех пор, пока не стало холодно. Но сейчас он не был полон чужой болью, нет... Вся боль принадлежала ему самому.

Солнце вставало над лесом, раскрашивая Арронтар в причудливые яркие краски. Листва казалась бордовой, трава — розовой, а вода в озере почему-то была жёлтой. Когда она поголубела, как и небо над головой Нарро, он услышал шаги за спиной.

Не стал оборачиваться — знал, кто это.

— Я не буду спрашивать, что случилось, хоть я и не знаю, что случилось, но чувствую, — сказала Лирин путано и взволнованно, но тихо, садясь рядом. — Я чувствую запах Рональды. И твой. И...

— Да, — кивнул Нарро. — Всё правильно. Сегодня Арронтар обрёл второго дартхари. Все оборотни должны были это почувствовать.

— Но она ушла.

— Ушла.

Лирин вздохнула.

— Почему я проснулась посреди Великой Поляны?

— Я тебе расскажу, — улыбнулся Нарро. — Но попозже, ладно, Лири? А сейчас пойдём домой. Мне надо поспать.

Он встал с земли и подал сестре руку.

— Почему ты отпустил её? — выпалила она, поднявшись. Вожак не стал напоминать Лирин, что она когда-то уже задавала подобный вопрос.

— Потому что я, наверное, уже слишком дартхари. И с определённого момента я стал играть по правилам Арронтара. Он хочет снять проклятье, и я тоже хочу его снять. И теперь мы с тобой, Лири, будем действовать иначе, не так, как раньше. Да и так, как раньше, невозможно. Отголоски Зова слышали все оборотни, теперь они знают нашу историю. Знают о Дэйне. И... пора им посмотреть в мои настоящие глаза.

— Ты считаешь?..

— Да. Хватит лгать. Я хочу всё исправить, но это невозможно сделать, продолжая лгать.

Нарро немного помолчал, а затем вздохнул и добавил:

— И если Рональда решит когда-нибудь вернуться сюда, ей придётся прощать и меня тоже. За то, что ставлю благо волшебного леса выше её собственного.

— Но и выше своего... — прошептала Лирин, и Нарро кивнул.

— Да, Лири. И выше своего.

Глава 15

Рональда

Моя комната была такой же, какой я её оставила несколько часов назад, только небо за окном оказалось не тёмным, а светло-розовым, с голубыми прожилками и белыми пёрышками облаков. Красиво, тихо, безмятежно. Словно ничего не случилось. А из моего тела будто все кости вынули.

Менее суток назад меня беспокоило, что Грэй — наследник престола? Сейчас я не могла думать об этом. Я вообще не могла думать.

Я упала на постель, не позаботившись об одежде, которой на мне до сих пор не было, и свернулась в комочек. Обняла руками колени, уткнулась в них головой и застыла. Где-то рядом скулил Элфи, и я позвала его к себе.

Я не знаю, сколько прошло времени прежде, чем я очнулась, поднялась с кровати и подошла к окну. Окно в моей спальне выходило на запад, поэтому солнца я не видела. Только небо.

Там же, на западе, остался Арронтар. И там же остался Нарро.

Наверное, я должна быть счастлива — сегодня ночью я в полной мере осознала, что он любит меня. Любит не менее сильно, чем я его. Но я не была счастлива.

Я знаю — Нарро считал, что виноват передо мной, потому что он, так же, как и сам Арронтар, больше всего на свете хотел избавить лес от проклятья. И поэтому не держал меня, поэтому позволил уйти... дважды.

Я же не думала ни о каком проклятье, и в этом была разница между нами. Я просто хотела стать счастливой. И на самом деле это не мне нужно прощать Нарро, а ему — меня. За то, что не смогла перешагнуть через свою боль и обиду. Даже ради него.

Я прислонилась лбом к прохладному оконному стеклу, вздохнула и почувствовала, что Элфи начал осторожно лизать мои пальцы.

Хватит, Рональда. Эта жизнь, которую подарил мне Нарро, должна быть прекрасной и по-настоящему счастливой. И в моих силах сделать её такой.

Я спала несколько часов, а как только проснулась, первым делом наведальась в покои Эллейн, отдала ей браслет. Видела я и Араилис, но спрашивать, зачем она соврала мне, отправив в Арронтар, когда в этом не было нужды, не стала — всё равно ведь не ответит. А мне нужно было торопиться.

Странное оцепенение охватило меня, когда я шла по дворцу, направляясь вниз, к выходу. Элфи шёл у ноги, и я чувствовала, как перекачиваются его мышцы. Я слышала, как один из охранников просит кого-то в переговорник заложить карету. Замечала, как встречные слуги почтительно кивают, некоторые чуть приседают и... смотрят. Настороженно, но без ненависти. Почтительно, но не подобострастно.

Что-то изменилось во мне после прошедшей ночи. Я больше не боялась. И кажется, начинала понимать, как Эдигор справляется со всем этим.

Я знала, что Дрейк в школе. Только он, больше никто, поэтому и приехала.

Как ни странно, он был не внизу, в своих казематах, а наверху, в кабинете. Сидел на диване и читал какую-то книгу, и недовольно глянул на меня поверх страниц, когда я вошла.

— Неугомонная... Что тебе здесь надо?

— Ритуал.

Я подошла к нему, отобрала книгу и кинула её на заваленный бумагами стол.

— Когда?! Сегодня?!

— Сейчас.

Эльф засмеялся.

— Сейчас не получится. Ещё твой гроб не привезли.

— Гроб мне не понадобится, если ты перестанешь насмехаться и паясничать.

Дрейк закашлялся, а я продолжила:

— Сейчас я полна силы. К ночи она начнёт убывать, поэтому нужно сделать всё сегодня.

У меня на мгновение перехватило дыхание. Нет, не думай, Рональда, не думай. Не думай, почему ты полна силы именно сегодня...

— Почему... — начал Дрейк повторять мои мысли, но я его перебила:

— Потому. Это так, поверь мне, я знаю. Вставай, пойдём, лучше не терять ни мгновения.

Он молчал, изучая меня чёрными, как ночное небо, глазами.

— В тебе что-то изменилось. Но я не могу понять...

Изменилось... Конечно.

Прости меня, Нарро. Ты ведь тоже это почувствовал, да? Наверное, даже раньше меня.

Нет. Не думать.

— Вставай.

— Тренируешься отдавать приказы? — усмехнулся эльф, и я на мгновение прикрыла глаза.

— Дрейк. Пожалуйста. Не сегодня.

Он смотрел на меня, сощурившись, несколько секунд. Потом кивнул и встал с дивана.

— Давай повторим ещё раз. Нам нужно нанести руны Разума по всем контурам. Видишь? Здесь, здесь... всего семьдесят семь рун. Каждую закрепляем моей кровью, руной Силы и оставляем внутри накопители. Ты принёс их? Эллейн должна была дать, она обещала.

— Да. Вот. Рубины в серебряной оправе.

— Хорошо. Рубины обладают практически безграничным резервом, а благодаря серебряной оправе они связываются друг с другом, как нити в паутине. Мы должны погрузить их в стены здания под рунами Разума и Силы. Руна Силы будет впитывать в себя любые излишки магии, рубины — накапливать эту магию. А руна Разума... определять, каким образом эту магию использовать. Ну, почти.

Около трех часов мы закладывали в стены рубины, рисовали руны, скрепляли их моей кровью, которая по капле с трудом

выдавливалась из перегрызенных вен. Хорошо, что её было нужно немного.

Потом мы спустились в подвал — в самый центр здания школы. Именно здесь сходились все контуры. И здесь должен был проходить ритуал, который окончательно свяжет всё сделанное нами.

Я попросила Дрейка захватить с собой небольшую миску, и под его скептическим взглядом «нацедила» туда немного своей крови. Затем разбавила её зельем-закрепителем магии из запасов Элли.

— Нарисуй вот это на полу. Моей кровью.

Я передала эльфу листок бумаги с пентаграммой. Она была не очень сложной, но требовала точности. Сначала круг, после вязь из рун Разума, рисунок из рун Силы. Руны времени и пространства, Жизни и Смерти, руны стихий... И наконец — руны Знания и Опыта.

— Чувствую себя ребёнком. Не хватает только разноцветных мелков.

Я вымученно улыбнулась. Успокойся, Рональда. Всё будет хорошо.

Когда Дрейк закончил и выпрямился, он оказался возле стены зала, а я — в центре, окруженная вязью кровавых рун.

— Что-то ещё?

Я покачала головой.

— Всё. Теперь стой на месте. Оставайся на месте столько, сколько сможешь, не двигайся, потому что чем раньше ты нарушишь нарисованный контур и побежишь ко мне, тем слабее получится заклинание.

— Пугаешь ты меня... — пробормотал Дрейк. — Ты что собираешься делать?

— То, что нужно, чтобы это всё нормально работало. У нас будет Разум, но любому Разуму нужно Сердце. Только Сердце способно гнать кровь по тем венам, что мы с тобой сегодня нарисовали.

— Только не говори, что ты собираешься вырезать себе сердце.

— Нет, конечно.

Я вынула из кармана платья маленький острый кинжал, сделала быстрое движение рукой — и под тихий вздох Дрейка положила на пол свою косу. Обрезанные пряди легко коснулись щеки и плеч.

Да, именно так. Единственная часть меня, которую можно безболезненно отрезать.

Зубами я в очередной раз порвала запястье, смочила палец в крови и нарисовала на волосах всего одну руну. Руну Сердца.

— Всё, — прошептала я, опускаясь на колени и сжимая в руках отрезанную косу. — Почти всё. Теперь молчи, Дрейк. Не говори ничего, только постарайся чувствовать меня, мы же не зря с тобой побратились. И когда ты поймёшь, что я почти кончилась — беги вперёд, дотронься до меня и отдай часть своей энергии.

— Но...

— Молчи, Дрейк.

Закрыв глаза и сосредоточившись, я начала вливать в руну Сердца силу. Жизненную силу. Сначала медленно, по капельке... А потом всё быстрее, быстрее, быстрее...

Сила растворялась. Я чувствовала, как загораются контуры. Чувствовала, как всю влитую мной энергию поглощают накопители, ощущала, как пульсируют руны Разума.

И начала вспоминать.

Часть личности мага Разума можно перенести в здание только так — влив жизненную силу и воспоминания. Самые сильные, самые больные... и самые счастливые.

Я хотела думать о своём детстве, но эти воспоминания растворялись, они не помогали мне, словно были ненастоящими. И я нашла другие.

Это было по дороге в Лианор. Мы остановились вечером в одном из придорожных трактиров. Маленький городок, украшенный флагами и живыми цветами, радушные жители...

У них был праздник. Свадьба.

— Сегодня гуляем всю ночь! — сообщил нам трактирщик. — И вы погуляйте с нами, господа хорошие!

Грэй смеялся.

— Пойдём гулять, Рональда?

— Гулять?..

— Да, видишь, свадьба у них.

— Всю ночь танцевать будем на центральной площади! — гордо подбоченился трактирщик, и Грэй вновь засмеялся.

— Ну как? Рональда?

— Я не умею...

— Эка ерунда! — фыркнул трактирщик. — Выпьешь вина моего — и сразу научишься!

Вино я пить не стала. Но Грэй в ту ночь и так вытащил меня на центральную площадь и закружил в танце, и я на всю жизнь запомнила всё это — маленький городок, украшенный цветами и флагами, запах терпкого красного вина и тёплой летней ночи, множество смеющихся лиц и улыбку Грэя.

Тяжело.

Пальцы сжимаются в кулаки, тьма и холод повсюду.

Больно. Как будто на меня упала каменная гора.

Руки... чьи-то руки на шее, груди, животе... И голос, злой и страстный:

— Эмил... Ну же, давай...

Сила льётся в меня, ледяная, как вода в озере. Чужая сила, тёмная... не Свет, а Тьма.

Но и Тьма может лечить.

— Давай, открывай свои грёбанные глазки... Эмил! Не умирай, кому говорю!!

Эмил? Что это?

Чьи-то руки расстегнули ворот, коснулись шеи, и сила полилась прямо в горло. Я закашлялась.

— Ну наконец-то! — в голосе слышалось непередаваемое облегчение, и я вдруг узнала говорившего. Конечно, это был Дрейк.

Я медленно разлепила глаза. Эльф сидел на полу, а я лежала у него на коленях.

— Ненавижу тебя, — прошептал он, погладив меня по щеке с нежностью, совершенно не вязавшейся с этими словами.

Я вздохнула и прохрипела:

— Не разделяю твоих чувств...

Дрейк улыбнулся, но улыбка была невеселой.

— Я знаю, Эмил. Знаю.

Не представляю, сколько я пролежала так, в объятиях Дрейка, и он вливал в меня силу. Наверное, не меньше двадцати минут. Но когда я вновь заговорила, это было уже не столь хрипло:

— Что значит — «Эмил»?

Его рука, гладившая меня по щеке, на миг замерла.

— «Свет» по-эльфийски. Тебе подходит.

— А как будет «тьма»?

— «Дар». Дарида — вечная Тьма.

Точно, как я могла забыть.

— Тогда я буду называть тебя Даром.

Дрейк засмеялся.

— Договорились... Эмил.

Кто бы мог подумать, что тьма в его глазах тоже умеет улыбаться?

В карете я спала. Спала я и позже, когда один из охранников нёс меня на руках по дворцу. Спала, когда он положил меня на кровать и укрыл одеялом, спала, слыша рядом чьи-то тихие и знакомые шаги...

Запах этого человека я узнала бы из тысяч, миллионов других запахов. И я вдыхала его, вдыхала в себя, наполняя им лёгкие, и чувствуя, как боль и отчаяние уходят из сердца.

Я открыла глаза, ощутив почти невесомое прикосновение к щеке. Тёплая улыбка и моё отражение в его глазах. Отражение, которое всегда казалось мне удивительно прекрасным. Улыбка, подарившая мне так много...

— Ты останешься? — прошептал Грэй, и я глубоко вздохнула, когда его дыхание коснулось моих губ. Словно он уже поцеловал их.

Я не ответила. Просто подняла руки, обняла его и закрыла глаза.

Я была не готова к этому разговору. Не сегодня.

Не сейчас.

Проснулась я, услышав весёлый голос Эдди.

— Дедушка, тебе не кажется, что мама спит слишком много? А, дедушка?

— Так бывает, Эдди. Она просто устала и... кажется, проснулась. Рональда?

Я потянулась, чувствуя себя замечательно. Восстановилась я действительно очень быстро, и теперь вновь была полна силы и магии.

Небо за окном было красным — значит, уже вечер. Император с моим волчонком сидели за столиком и увлечённо открывали крышки блюд, собираясь ужинать, и еды было столько, словно она

предназначалась не для двоих человек и одного ребёнка, а для целой дюжины стражников, уставших после дежурства.

— Мама! — воскликнул Эдди, увидев, что я встаю с кровати. — Ты спала в платье?! А разве так можно?

— Нельзя, — ответила я, разглаживая руками складки на подоле. — Но иногда приходится.

— А я...

— Нет, — ответили мы хором с императором и засмеялись. — Нельзя, Эдди, — продолжила я. — Да и я больше не буду этого делать.

Эдигор посмотрел на меня с некоторым скепсисом во взгляде, и я слегка смутилась.

— Я постараюсь, — уверила я его. Император фыркнул.

— Ладно уж. Садись, ужинать будем.

Я подошла к столику, опустилась в кресло и сразу заметила, что возле столика стоит ещё и небольшой алый пуф.

— А кто...

— Интамар, — ответил император спокойно. — Придёт через пару минут.

Наверное, его величество думал, что я буду возражать, но я не стала этого делать. Вместо возражений я принялась рассматривать блюда на столе. Некоторые изыски я раньше не видела. Какие-то... раковины?

— Это моллюски. Тебе вряд ли понравится.

Я поморщилась, и Эдигор рассмеялся.

— Дедушка... а тут столько пирожных... А какое мне?

— Во-о-он то.

— Но оно же самое маленькое!

— Потому что ты у нас самый маленький. Это справедливо.

Я хихикнула, Эдди надулся, и тут в комнату вошёл Грэй.

Он был как-то странно напряжён, натянут, словно струна. Однако улыбнулся, услышав громкий вопль сына:

— Папа! Садись скорее, а то я так кушать хочу, не могу прям.

— Эдди, — укоризненно покосилась я на мальчика, но не выдержала и фыркнула. Наверное, это помогло Грэю — я заметила, что он расслабился.

— Садись, сын, — кивнул император. — Сегодня у нас много твоих любимых морепродуктов.

— Это радует.

Так как столик был низкий, всем пришлось раскладывать себе еду по тарелкам, а затем ставить их на колени, и так есть. Не очень удобно, зато уютно.

— Наверное, это нельзя, да, ваше величество? — спросила я у Эдигора. — Ну, не по этикету.

— Рональда, — он улыбнулся, положив мне на тарелку ещё один кусок овощного пирога. Я попыталась его остановить, но император только хмыкнул. — Следует разделять этикет для официальных мероприятий и тихий ужин в кругу семьи.

— Не такой уж тихий, — Грэй строго посмотрел на сына. — Эдди, не чавкай.

— Так вкуснее!

— Есть вещи, которые нельзя делать и в кругу семьи, но ты и сама знаешь, что это. В придворном этикете правил, конечно, больше. Намного. Но это не значит, что император не имеет права поужинать, сидя на полу. Если при этом, конечно, не присутствует эльфийское посольство. Для них подобное поведение будет равно оскорблению, ведь на полу едят животные.

— Пап, — Грэй впервые обратился так к Эдигору, и я вздрогнула, — хватит превращать ужин в лекцию.

— Ты прав. Ешь, Рональда. Придворный этикет — не такая уж интересная тема для разговоров.

Тихая, неторопливая беседа, весёлый смех Эдди, всё понимающие глаза императора, улыбка Грэя. Поначалу робкая и неуверенная, к концу ужина она превратилась почти в счастливую.

И я вдруг застыла, встретившись с ним глазами. Застыла, потому что поняла одну вещь. Ту самую, которой мне не хватало для того, чтобы все кусочки мозаики наконец встали на свои места.

Я хочу, чтобы он был счастлив. Наверное, я хочу этого не меньше, чем Нарро хочет снять проклятье.

— Эдди, — сказал император, посмотрев на внука, — кажется, кому-то пора спать.

— Кому? — спросил мальчик, широко зевнув.

— Тебе, — засмеялась я. — Пора-пора, сладкие сны тебя уже заждались.

Он шмыгнул носом.

— Мам, я хочу остаться с тобой. Можно?

— Остаться?.. — переспросила я удивлённо, но Грэй меня перебил:

— Конечно, можно. Ронни, тебе помочь его уложить?

Я кивнула, краем уха услышав, как император по переговорнику просит Тадеуша прислать слуг, чтобы убрали со стола. Они вошли в мою комнату спустя десять секунд, я даже не успела встать с кресла, быстро подхватили подносы, смели крошки со столика, протерли его приятно пахнущей тряпочкой и удалились. Император ушёл вместе с ними, пожелав мне спокойной ночи и кинув на Грэя предостерегающий взгляд, в ответ на который тот лишь улыбнулся и покачал головой.

Вместе мы помогли Эдди умыться, вместе переодели в пижамку и уложили в постель. В мою постель.

— Я подумал, что тебе будет приятно, если он останется сегодня с тобой, — тихо сказал Грэй, поцеловав сына в щёку и выпрямляясь. — Ронни, это ничего... в смысле я ни к чему тебя не принуждаю. Просто...

Я смотрела на него и улыбалась.

Наверное, я всегда буду поражаться, каким удивительным образом в этом мужчине сочетаются одновременно жёсткость — даже иногда жестокость — и мягкость, способность сочувствовать и сопереживать. Как он умудряется быть одновременно таким... простым, своим, родным Грэем... и необыкновенно сложным принцем Интамаром.

— Кхаррт... Не знаю я, как объяснить...

— Не нужно. Не объясняй. Я понимаю.

Конечно, как я могла не понимать? Я ведь тоже любила Эдди. Не меньше, чем Грэй.

— Грэй, я... Я не знаю, быть может, сейчас не время... — слова почему-то давались трудно. — Но я бы хотела поговорить.

Я заметила, как он чуть сжал зубы, словно волновался.

— Конечно. Давай сядем у окна? Я думаю, Эдди не проснётся, он всегда крепко спит.

Я согласилась, и мы, отойдя от кровати, вновь опустились в кресла.

— Знаешь, я многое знаю о Грэе, но совсем ничего не знаю об Интамаре, — шепнула я, глядя мужчине в глаза и замечая, как взгляд его становится виноватым. — Расскажешь? Тебя ведь не нашли на улице, как ты мне изначально говорил...

— Да, Ронни, конечно. Эту легенду мы придумали, если в поездках нужно было скрыть, кто я такой. Ничего особенного, обыкновенная история — беспризорный мальчик, приглянувшийся наследнику, его личная игрушка... Это работало. Прости меня, я не мог представиться тебе тогда, а потом боялся, что ты сбежишь, даже не дослушав.

— Так бы наверняка и случилось, — я усмехнулась. — Это единственное, что я умею делать хорошо. Убегать.

— Иногда это бег по кругу, — сказал Грэй тихо, чуть потупившись, а потом поднял голову и спросил: — Что ты хочешь узнать обо мне?

— То, что сочтёшь нужным рассказать. То, что захочешь рассказать.

Он кивнул... и начал говорить.

Мы просидели в полумраке моей комнаты почти четыре часа. Я услышала, как пробило три часа ночи — именно тогда я поняла, что пора заканчивать.

Грэй рассказал мне о своём детстве. О том, чему и как его учили, о поездках по стране, о друзьях и врагах, о любви к Лил. Всё это почти не отличалось от того, что он рассказывал мне и раньше, но теперь играло для меня совершенно иными красками.

Его жизнь была не похожа на моё прежнее существование так же, как вода не похожа на землю. Но имелось и кое-что общее.

Наверное, это было ощущение безнадежности. Только вот я смогла вырваться из него... А Грэй не сможет этого сделать.

— Я иногда думаю, что это наказание за что-то. Такая судьба и такая власть. Это ведь не может быть наградой, Ронни. Наказанием — да, а наградой — нет. Я с самого детства должен был ходить со стражей за спиной, контролировать выражение лица, слова, движения... и даже мысли. А когда в подростковом возрасте настал пик развития эмпатического дара, я чуть с ума не сошёл. Все во дворце, конечно, давно обзавелись амулетами, но до меня всё равно

доносились отголоски чужих чувств. Наверное, из города, а может, просто дар в то время был слишком сильным — пик активности ведь. Мама, конечно, помогала, не знаю, что бы я без неё делал... Но тот период безумия продолжался почти полгода. На самом деле это мало, адаптация обычно проходит год-два, но у меня получилось вот так. После этого я понял всю «прелесть» своего дара — практически любой мой собеседник невольно чувствовал симпатию ко мне, хотя бы малейшую, это получалось неосознанно... Да и до сих пор получается. Ты, наверное, замечала?

Я кивнула. Конечно, я замечала. В гостиницах по дороге в Лианор нам всегда давали лучшие номера за полцены именно из-за Грэя.

— Разумеется, подобное качество полезно для наследника. Ведь даже те, кто носил амулеты, не могли избежать этого воздействия, оно было неосознанное и слабенькое. Но мне всё это ужасно не нравилось.

— Почему?

— Почему? — Грэй грустно улыбнулся. — Потому что эта симпатия — как лицемерие. В моём присутствии все улыбались, но стоило выйти из зала — и как рукой снимало. Поэтому я так дорожил своими друзьями. Дрейка, Мирея и Лил я знал с рождения. Они были детьми одного из моих наставников по искусству боя на мечях, эльфа Громдрейка. Он женился на человеческой женщине, поэтому так получилось, что Дрейк и Рей эльфы, а Лил была человеком. Рат появился позже, мне в то время было пять, Лил — восемь, Дрейку почти двенадцать, а Рею пятнадцать. Отец Рата приехал в Лианор после смерти жены, через какое-то время стал советником и поселил сына во дворце. Он был очень нелюдимым мальчиком поначалу, всё сидел в комнате, книжки читал. Но потом встретил Элли, и она познакомила его с нами. И магии стала учить. Рея и Дрейка почти не учила, у них были свои учителя, из тёмных эльфов, а вот Ратташа — да. Он ещё всегда после этих уроков надувался, как индюк, мол — смотрите, какой я важный! А мы ему подыгрывали. Особенно Лил. Я вообще думал, что это он на ней женится, а не я. Я ведь был младше, а они одного возраста, и Рат за ней ухаживал, правда, недолго, когда мы были подростками. Но она уже тогда выбрала меня... Она меня выбрала даже раньше, чем я её. Как в детстве сказала, что будет моей женой, так потом и не передумала...

На следующий день, уложив Эдди на дневной сон, я решила всё же наведаться в школу Эллейн, посмотреть на результат ритуала.

— Стоит только расслабиться и не ходить сюда несколько дней, как случаются всякие неожиданные вещи, — улыбнулся Ратташ, как только я вошла в кабинет и приветственно кивнула ему и Дрейку — кроме них двоих здесь никого не было. — Элли вчера рассказала о ритуале... я как-то не ожидал, что вы провернёте всё без участия остальных.

Дрейк фыркнул.

— Я тоже не ожидал, но эта сумасшедшая сдёрнула меня с насиженного места и заставила себе помогать.

— Не бухти, — ухмыльнулась я. — Все же живы.

— Да уж. И даже, я смотрю, у тебя волосы отросли...

Это действительно было так, волосы стали прежними через несколько часов после ритуала. Вот что значит — регенерация!

— А как вы хоть это сделали? — любопытно спросил Рат. — Расскажите, а то я только в общих чертах знаю.

И пока Дрейк излагал нашу прекрасную историю, поминутно ругая меня и мою безответственность, я, закрыв глаза, пыталась соединиться со школой. Теперь ей необходимо было дать имя, ведь это необычное здание...

Школа легко откликнулась на призыв. Я чувствовала, как нити моей магии опутывают всё вокруг, как они соединяются, словно кровеносные сосуды в организме живого существа. Видела слепок своей личности... и понимала, что заклинание будет действовать до тех пор, пока жив носитель этой личности, то есть, пока жива я. После моей смерти нужен будет другой маг Разума.

Да, это недостаток. Но ничего вечного не бывает.

Имя. Значит, нужно имя...

«Нарекаю тебя Эссой, — сказала я мысленно. — Эсса — живая».

Да, я всё сделала верно. Я поняла это, как только почувствовала отклик окружающего пространства. Работает... Работает!

— И что дальше? — услышала я краем уха изумлённый вопрос Ратташа.

— Не знаю, — буркнул Дрейк. — Спроси лучше у неё... Ронни, слышишь? Что теперь? Ритуал-то мы провели, а дальше?

Я открыла глаза и улыбнулась.

— Понятия не имею, — ответила жизнерадостно. — Единственное, что нужно заклинанию — сила, иначе система защиты не сможет функционировать, надо же откуда-то брать энергию. А энергии-то и нет. Во время ритуала мы с тобой создали подобие Разума, но этого недостаточно для полноценной системы защиты. Сейчас, если здесь что-нибудь взорвать, здание разлетится на кусочки точно так же, как и любое другое.

— Из-за отсутствия энергии? — уточнил Рат, и я кивнула.

— Да, и вот... — я подбросила под потолок небольшой шарик из чистой магии Света, и Ратташ с Дрейком проводили его недоумевающими взглядами. Через несколько секунд взгляды сменились на изумлённые, когда шарик постепенно начал уменьшаться сам по себе, как будто кто-то его съедал.

— Теперь так будет с любым заклинанием, если его оставить здесь на какое-то время. Школе необходима энергия, и она будет вытягивать её из окружающего пространства, пока не наполнит резерв. А по моим расчетам... Если мы будем приходить сюда и хотя бы раз в трое суток отдавать школе энергию, равную по количеству примерно половине моего резерва, то Эсса наполнится через пять лет.

Дрейк и Ратташ спросили одновременно:

— Пять лет? — охнул эльф.

— Эсса? — недоуменно приподнял брови Рат, и я пояснила:

— Да. Так как заклинание — это подобие Разума живого существа, ей было нужно имя. Я назвала её Эссой. И да, Дрейк, пять лет, не меньше. И то я... не уверена.

Он застонал.

— И что... другого способа нет?

Вообще-то другой способ был. Но я не видела смысла даже говорить об этом.

Самый большой выброс силы происходит во время насильственной смерти мага. Настолько большой, что иногда эта сила способна переходить в проклятье... Что и случилось с Арронтаром.

Но я была уверена, что Элли не станет никого убивать даже ради того, чтобы наполнить резерв школы, поэтому просто покачала головой и понимающе улыбнулась, когда Дрейк громко и грязно выругался.

Я вернулась в замок вечером, почти перед ужином, и сразу после него император вновь утащил меня на урок по дворцовому этикету. На этот раз мы учились не танцевать, а всего лишь правильно ходить — оказалось, что это важно, — и к концу урока я ощущала себя солдатом, недавно освободившимся после караула. Эдигор был очень деликатен, но это всё равно оказалось тяжело, у меня даже шея разболелась. И, возвращаясь в свою комнату, я мечтала только помыться, раздеться и лечь спать.

Именно поэтому я протяжно застонала, услышав от одного из охранников: «Леди, вас ожидает его высочество принц Интамар».

— Грэй, — выпалила я, входя в комнату, — чем бы оно ни было — это не может подождать до завтра?!

— Боюсь, что нет, Ронни. — Мужчина поднялся с кресла и улыбнулся. В соседнем кресле я заметила зимнюю одежду и удивлённо подняла брови. Странно... зачем Грэю зимние вещи?

— Совсем?

— Отец тебя замучил, да? Прости, пожалуйста, но... только сегодня, иначе нам придётся ждать ещё целый год. Но я обещаю, ничего неприятного не случится. И это совсем не утомительно, даже наоборот. Только придётся одеться, — он кивнул на сложенные в кресле вещи.

— Знаешь, что, — я сложила руки на груди, — мне надоело ходить, куда прикажут, при этом не требуя объяснений. Поэтому... я никуда не пойду, пока ты не скажешь, куда собираешься тащить меня на ночь глядя!

Наверное, это прозвучало слишком капризно. Но мне действительно надоело!

— Ронни, — Грэй засмеялся, — если я скажу, то испорчу весь сюрприз. Давай так — это будет последний подобный раз, хорошо? Доверься мне, пожалуйста.

Я закусила губу. С одной стороны, очень хотелось настоять на своём, но с другой... Почему-то я была уверена, что ничего неприятного или пугающего меня не ждёт. И всё-таки согласилась.

Облачаться пришлось тщательно. На ноги тёплые штаны с мехом изнутри и большие сапоги, на голову шапку. Ещё был свитер, шарф и толстая шуба.

— Может, мне просто обратиться в волчицу?

— Я бы хотел видеть твоё лицо, Ронни, — ответил Грэй мягко. — Твоё человеческое лицо.

Я подчинилась и надела всё, что он мне дал, став при этом похожей на меховой мячик.

А потом, когда мы оба были готовы, Грэй достал откуда-то странного вида цепочку, обернул её вокруг наших запястий, тщательно завязал и дернул за одно из звеньев.

И пол ушёл у меня из-под ног...

Когда мы ехали из Арронтара в Лианор, Грэй рассказывал мне одну легенду. О Море Скорби я знала, но никогда не слышала об Озере Счастья.

— Ну что ты, — говорил он мне тогда, — всё должно уравновешиваться. Если есть скорбь, должно быть и счастье.

— Но скорби вон — целое море, — смеялась я. — А счастья — одно озеро!

— Зато какое это озеро!

И теперь я была согласна с Грэем. Действительно — какое это было озеро!

Озеро Счастья находилось в Гномьих горах, на севере Эрамира. На самом крайнем севере. Никто не знал, что дальше этих гор, потому что никто ещё их не проходил. К самому Озеру, говорят, можно выйти при должном упорстве, а вот дальше...

— Здесь всегда зима, когда у нас лето, — сказал Грэй тихо, положив ладони мне на плечи. — И наоборот. А сегодня единственная ночь в году, когда на небе появится Сияние.

— Сияние?

— Да. Увидишь. Совсем скоро.

Я глубоко вздохнула, и в носу моментально всё замёрзло. Действительно, очень холодно, не зря он меня одел.

Мы стояли на небольшом горном плато, далеко вперёд простиралось заснеженное пространство, и воздух вокруг нас был лёгкий, хоть и морозный, он пах снегом и хвоей. Само озеро оказалось замёрзшим и ослепительно-синим, с белыми разводами. Словно ледяной мрамор.

А ещё этот лёд как будто чуть светился изнутри. И я чувствовала, что это место такое же волшебное, как мой Арронтар. Здесь тоже было

своё Сердце, и оно билось... И каждый его удар рождал в моём собственном сердце волну сладкой боли.

Небо над этим местом было не чёрным, а тёмно-синим. Но звёзд почему-то не наблюдалось. Только горы, покрытые снегом, казавшимся сейчас, ночью, голубого оттенка, и озеро, которое и ослепляло, и успокаивало одновременно.

— Как же красиво, Грэй...

Я почувствовала щекой его улыбку.

— Да, Ронни.

— Ты был здесь раньше?

— Нет, не был. Это подарок нам с тобой... от Эллейн. Она искала это место очень долго. Летала здесь в своём птичьем обличье, а когда нашла, сделала артефакт переноса для тебя и меня.

— А...

— Тс-с-с. Смотри.

И я послушно замолчала, потому что... потому что я никогда не видела такой красоты...

Словно кто-то рисовал по небу, как по холсту, широкой невидимой кистью, захватив ярчайшие краски. И каждую секунду они менялись: сияние то вспыхивало красным, то угасало в оттенках зелёного, то разгоралось оранжевым пламенем.

Я смотрела на него, открыв рот... и плакала. Я не могла понять, почему плачу, но слёзы эти приносили облегчение. А в груди пекло, как в печке, и хотелось... хотелось...

И я сделала то, чего мне так хотелось — обернулась и уткнулась лицом в Грэя, обняла обеими руками и застыла, ощущая на талии его ладони даже сквозь шубу.

— Ронни... пожалуйста, будь моей женой.

Я задержала дыхание.

— Прости меня за всю боль, что я тебе причинил. Я долго не понимал, чего хочу. Но теперь знаю. Я хочу, чтобы ты была рядом. И чтобы ты была счастлива. Но если это невозможно... Если ты не сможешь быть счастлива рядом со мной... Ронни, я отпущу тебя.

Я подняла голову и посмотрела Грэю в лицо. На его коже играли блики от Сияния, расцветивая её в разные оттенки. А в глазах отражалась я. Я одна.

Если бы меня спросили, что такое любовь, когда я жила в Арронтаре, я бы никогда в жизни не смогла ответить на этот вопрос. Но теперь я знала, что это такое. Я видела любовь в глазах Грэя. И чувствовала её внутри себя самой.

«Если ты не сможешь быть счастлива рядом со мной»... В этом и было дело. В желании сделать счастливым того, кого любишь. И я тоже очень хотела, чтобы Грэй был счастлив. Я хотела видеть его улыбку и слышать его смех. Я хотела наблюдать, как растёт Эдди, как он становится похожим на своего отца. Я хотела держать их за руки и знать, что они — мои.

Так же, как я — их.

— Грэй, — негромко сказала я, глядя ему в глаза, — прежде чем я отвечу на твоё предложение, ты должен кое-что обо мне узнать. И если ты не передумаешь...

Он улыбнулся, поднял руку и погладил меня по щеке.

— Я слушаю, Ронни.

Я говорила несколько часов, не отрывая взгляда от лица Грэя. Я рассказывала о своём детстве, о предательстве Джерарда, о снах с Дэйном, о любви к Нарро...

Обо всём.

Рассказала я и о том вечере, когда ко мне пришла Араилис вместе с браслетом Эллейн. Рассказала о дуэли с Риландом, о стремлении Лорана убить собственного отца, и о той ночи, когда мы с Нарро были близки. Я должна была рассказать, иначе это было бы нечестно. Ведь я знала о Лил, и Грэй должен знать всё о Нарро. И не только о нём.

Я закончила, когда Сияние давно перестало раскрашивать небо в яркие краски. Приближался рассвет.

— Ты думала, я изменю своё решение? — спросил Грэй, когда я замолчала.

— Я надеялась, что этого не случится... — прошептала я. Он наклонился и коснулся моих губ своими. Легко и невесомо, словно спрашивая разрешения, и я дала это разрешение, раскрыв губы и обнимая его. Обнимая изо всех сил и чувствуя, как он обнимает в ответ.

— Ты не ответила...

Я улыбнулась, и Грэй поцеловал мою улыбку.

— Разве?

— Я хочу услышать, Ронни...

— Буду, Грэй. Я буду твоей женой...

Озеро Счастья не зря носит своё имя. То утро было самым счастливым в нашей жизни.

Глава 16

Рональда

На следующий день Эдигор и Грэй впервые представили меня официальным лицам как невесту наследника. В зале были представители разных рас — всех, кроме оборотней — императорские советники и послы. Всего таких представлений должно быть три, следующее — Младшим и Старшим лордам, и последнее — жителям империи на главной площади Лианора, возле храма богини Айли.

Я очень нервничала и больше всего боялась упасть, наступив на собственный подол или шлейф, но ничего подобного не случилось. Меня тошнило, и подозреваю, что я в тот день выглядела слишком суровой и бледной, но в целом всё прошло хорошо.

Тонкий золотой ободок, усыпанный маленькими рубинами, занял своё место на моей руке. Я улыбнулась Грэю, надевая следом на его палец точно такое же кольцо, но побольше и пошире. Он тоже улыбнулся, а затем наклонился и коснулся моих губ своими удивительно целомудренным и кратким — всего на один вдох — поцелуе.

— Это кольцо Лил? — спросила я, как только мы вернулись в обычную жизнь, выйдя из тронного зала.

— Да, — ответил Грэй. — Я собирался идти к Морю Скорби, чтобы отдать наши с ней кольца ему в дар, в тот день, когда встретил тебя. А в итоге оказался возле Озера Счастья... вместе с тобой. И мне кажется, Лил была бы рада знать, что именно ты носишь её кольцо.

Утром следующего дня мы с Эдвином, Элфи и Ари завтракали на скамейке в императорском парке, когда слуга принёс мне записку. Она оказалась от Дрейка.

Её действительно написал он, у меня не возникло никаких сомнений. От бумаги легко пахло эльфом, да и почерк его я успела

хорошо изучить за время совместной подготовки к ритуалу.

«Ронни!

Я кое-что придумал для нашей системы защиты. Помнишь, ты говорила, что необходима сила? Кажется, я знаю, что нужно сделать.

Можешь приехать сейчас в школу? Дрейк».

Я подняла голову от записки и наткнулась на настороженный взгляд Араилис.

— Приглядишь за Эдди? — улыбнулась я девушке. — Мне нужно в школу Эллейн. И Элфи я, пожалуй, с вами оставлю.

Она кивнула.

— Пригляжу, Ронни.

Я встала со скамьи и направилась к замку. Тогда я ещё не знала, что в следующий раз, когда я заговорю с Араилис, всё будет совсем по-другому.

Когда я вышла из кареты, Дрейк уже был тут. Подал мне руку и помог выйти. Стражник попытался пойти с нами, но я остановила его мимолетным движением ладони.

— Ты, я смотрю, свыкаешься со своей ролью, — сказал эльф, когда мы вошли в школу. Что-то странное было сегодня в нём, но я никак не могла понять, что именно.

— Приходится, — ответила я, улыбнувшись Дрейку, но он не ответил на мою улыбку, только сильнее сжал зубы. — Что с тобой?

Он вздохнул, а потом усмехнулся.

— Потом, Ронни. Пошли сейчас наверх, я тебе кое-что покажу.

Я кивнула, отвернулась и поставила ногу на ступеньку лестницы. Но шаг сделать так и не успела.

Риланд сказал тогда — нельзя поворачиваться к противнику спиной. Но я же не знала...

Я не знала, что тот, кто стоит сзади, мой противник. Но поняла это, как только он ударил меня чем-то тяжёлым по затылку.

Обморок — хороший способ вывести из строя мага Разума. Единственный возможный способ, по правде говоря. Это, к сожалению, не сон, поэтому сделать ты ничего не можешь, а просто пребываешь в нигде, пока вокруг тебя происходит неизвестно что.

Так бы и было, если бы не одно «но». С того самого дня, как дартхари подарил мне пособие Дэйна, я больше всего любила выполнять одно упражнение. Оно позволяло магу Разума выйти из тела и наблюдать за происходящим сверху, паря над самим собой сгустком чистой силы. Колдовать в таком состоянии было невозможно, и говорить тоже. Только смотреть.

И я смотрела.

Сразу после того, как я потеряла сознание и воспарила над собой, я поняла, что же было не так в Дрейке, встретившем меня возле кареты. Всё оказалось просто — это был не Дрейк.

Темноэльфийская магия Крови... да, император был прав, утверждая, что ей владеют не только эльфы. И тому, кто ей владеет, легко на какое-то время, приняв специальное зелье, превратиться в другую личность. В данном случае — в Дрейка. Единственное, что оказалось невозможно обмануть — нашу связь через ритуал побратимов, поэтому где-то глубоко внутри я понимала: передо мной совсем не тот эльф. Точнее, вообще не эльф.

Он легко поднял меня на руки и направился вниз, в подвалы, в помещение, которое мы планировали сделать залом для тренировки боевых заклинаний в будущем. И я изумлённо распахнула невидимые глаза, потому что обнаружила в середине зала большую пентаграмму, нарисованную кровью Дрейка, и самого Дрейка в центре этой пентаграммы. Он был без сознания, разумеется, но он был жив.

Меня положили туда же, прямо на эльфа, грудью вниз. Разорвали платье на спине и, обмакнув палец в небольшую плоскую чашку с кровью Дрейка, принялись рисовать какие-то знаки на коже.

Я подлетела ближе, пытаясь понять, что он там рисует. Подлетела, посмотрела, но всё равно ничего не поняла. Впрочем, это было неудивительно, с темноэльфийской магией я знакома очень смутно.

Так... и что делать? Помешать я никак не могу, вернуться в собственное тело тоже. Ох уж эта Араилис, надрать бы ей задницу. Знала ведь, всё знала, но промолчала. На что надеется, непонятно. Ведь она не может быть с ним в сговоре, в это я не верю. А мы с Дрейком сейчас беспомощны, как котята.

Котята... я усмехнулась. Так вот, значит, кто наслал на Эдди проклятье. Два проклятья. Но зачем? Я не понимаю, зачем?

А сейчас он что делает? На убийство это не очень похоже, больше напоминает какой-то ритуал. Но какой?

— Плохая идея, Рати.

Услышав этот голос, я от неожиданности на секунду почувствовала, как к моей спине прикасаются холодные мокрые пальцы. Их обладатель тоже не ожидал его услышать — вздрогнул и обернулся, прекратив рисовать.

Эллейн сидела на ступеньках лестницы и смотрела на происходящее осуждающим взглядом.

— Как ты?..

— Как я узнала? Догадалась. После того как Эдигор представил Рональду в качестве невесты Грэя, я боялась, что это может не понравиться тебе, Рати. И когда мне сказали, что Ронни уехала в школу, я на всякий случай пошла за ней.

Ратташ не отрывал от Эллейн настороженного взгляда.

— И что ты будешь делать?

— Это зависит от тебя, — сказала она спокойно. — Ритуал провести я не дам. Если ты откажешься от него сразу, я буду рада. Но ты же не откажешься, да?

— Не откажусь. Всё зашло слишком далеко. Уходи, Элли. Я уже призвал Тьму, ты не сможешь помешать. Она совсем скоро будет здесь и...

Эллейн засмеялась и встала со ступенек.

— Ты сильный маг, всегда был сильным. Но я же говорила тебе, с самого детства говорила — не надо бояться смерти. Ты так и не можешь преодолеть этот страх.

— Элли... Не... — начал он, и я почувствовала в его голосе даже не страх — ужас.

Но она сделала ещё шаг вперёд и махнула рукой, и Рат воскликнул, увидев, что рисунок, который он наверняка столь старательно наносил на пол и мою спину, начал стираться.

— Нет! Что ты делаешь?! — зашипел он. — Призыв был, я же говорил! Тьма должна замкнуться на чьей-то жизни, ты знаешь это!

Как только с пола стёрлась последняя чёрточка, из центра помещения, там, где лежали мы с Дрейком, начала вырываться Тьма. О Дарида, Рат, ты что сделал?! Тьма в таком количестве — это же Смерть!

— Знаю, — сказала Эллейн. — Выбирай, Рати. Ты или я.

Сжимая кулаки, мужчина смотрел, как Тьма поднимается под потолок. На его лице я видела одновременно решимость и растерянность.

— Выбирай, Рати... Выбирай, — шепнула Эллейн, улыбаясь и поднимая руки вверх, к сгустку Тьмы.

Я не понимала. Что они собираются со всем этим делать? И что вообще происходит? Какой ритуал хотел провести Ратташ? Зачем для этого ритуала столько Тьмы? Он хотел убить нас с Дрейком? Меня ещё ладно, но Дрейка-то зачем?!

Какая-то бессмыслица...

И почему, почему Элли не будит меня, почему? Она ведь может разбудить и меня, и Дрейка! А вместо этого накрывает нас куполом из чистого Света — наверное, чтобы Тьма не добралась.

— Что ты делаешь?! — опять закричал Рат.

Я тоже не понимала, что она делает.

— Так просто жертвовать другими, правда? — Эллейн засмеялась, делая шаг вперёд. Она кружила вокруг Ратташа, словно птица, заметившая добычу. — А собой? Собой ты можешь пожертвовать? Ради того, кого любишь? Можешь?

Мужчина с ужасом смотрел на Тьму под потолком. Её там уже такое количество было, что хватило бы уничтожить и целую сотню Ратташей...

— Или не можешь?

— Элли... — прошептал он, в страхе делая шаг назад.

Почему-то в тот миг я поняла, что сейчас случится. Я только не понимала, как это допустила Араилис.

Эллейн, спокойно подняв руки, улыбнулась и сделала резкое движение ладонью, призывая всю Тьму и принимая её... в себя.

— НЕТ! — закричал Ратташ, метнувшись вперёд, но всё уже кончилось. Огромный сгусток Тьмы, похожий на кол, вошёл в грудь Эллейн, как нож входит в масло. Её спокойная улыбка на мгновение наполнилась болью, а глаза потемнели, став насыщенно-зелёными.

— Прости, — она опустила руки, — я сделала этот выбор за тебя.

Ратташ, бледный, как мел, пошатнулся и сел на пол, вцепившись в волосы сведёнными пальцами.

Из носа у Элли текла кровь, и она стерла струйку рукавом, а затем сняла с меня и Дрейка купол из Света.

— Буди их, Рати, — сказала она тихо. — Сделай хотя бы что-нибудь. Разбуди их. Они нужны мне.

Несколько секунд он сидел, словно не слыша. Но потом всё-таки обернулся и махнул рукой, возвращая наконец моё сознание. Я моментально вскочила с Дрейка, который уже начинал тихонько стонать и шевелиться, чуть качнулась, почувствовав резь в ногах, но не остановилась. Подбежала к Элли и схватила её за руки.

— Что ты сделала?!

Она улыбалась, уже не обращая внимания на кровь, которая текла из носа по губам, подбородку, шее, капала на платье и пол...

— Так было нужно, Ронни, — ответила она тихо, чуть сжав мои ладони. — Всё правильно.

— Правильно?! — кажется, я кричала. — Но ты же... ты же умираешь!

— Иногда смерть — самое правильное. Дрейк, вставай. Ты мне нужен.

Эльф поднимался с пола, держась за голову и пошатываясь.

— Что, проклятье мне в печёнку, здесь случилось? — простонал он, но никто ему не ответил, потому что в зал вдруг зашёл Аравейн.

Быть может, он почувствовал, что Элли умирает? Наверное... Я не знаю.

— Вейн, — увидев мужа, она, кажется, испытала облегчение. — Поможешь? У меня не хватит сил.

Он кивнул, и Эллейн, вздохнув, села на пол.

— Ратташ, поднимайся, — сказал Аравейн, и в голосе его звенела сталь. — Сейчас же! У тебя ещё будет время насидеться вдоволь. Дрейк, возьми, — он сунул в руку эльфу кусок мела. — Нарисуй круг так, чтобы Элли сидела в его центре. Он должен быть такого размера, чтобы мы могли встать по его контуру, взявшись за руки.

Дрейк, который выглядел, наверное, ещё более озадаченным, нежели я, выполнил всё-таки указание Аравейна. А я в это время стояла на месте и смотрела на Элли. Бледная, она тяжело дышала и даже не пыталась остановить кровь, льющуюся из носа.

— Рональда, — я почувствовала прикосновение к руке и с усилием подняла глаза. Рядом со мной стоял Аравейн. — Рональда, ты

слышишь меня?

— Слышу, — глухо ответила я.

— Когда умирает маг, подобный Элли, в пространство вырывается огромное количество силы. Гораздо большее, нежели если это будет обычный маг. Ты понимаешь меня?

— Нет.

— Вам нужно завершить ритуал. Ты знаешь это.

Что?..

— Вы хотите использовать жизненную силу Элли?!

— Рональда... я не хочу. Но это нужно сделать. Она умирает, и если мы не поможем школе, большая часть энергии растворится в пространстве. Школа пока не умеет быстро впитывать силу в таком количестве, ты же знаешь. А сейчас у нас есть всё необходимое для завершения ритуала, в том числе и ты. Только очнись!

Я была готова зарыдать.

— Но...

Аравейн вздохнул и сильнее сжал мою руку.

— Соберись, девочка. Ты поплачешь, обязательно поплачешь. Но потом, когда всё закончится. А сейчас соберись. Ты нужна Элли, неужели ты не видишь?

Я видела. Видела, как она кивнула мне, улыбаясь... несмотря на стоящую за её плечом смерть.

— Хорошо. Я готова.

Я не была готова. Никто не был. Мы просто делали то, чего хотела Элли, окружив её и взявшись за руки. Я стояла между Аравейном и Дрейком, смотрела на Эллейн и ждала.

Сама Элли уже не сидела. Она легла на пол, прижав ладони к груди, но глаз не закрывала. Смотрела то на меня, то на Аравейна. И улыбалась. Почти неуловимо, совсем легко, но улыбалась.

Её жизненная сила ударила в меня неожиданно. Я пошатнулась, но устояла, поддерживаемая с двух сторон участниками ритуала. Из груди Эллейн начал вырываться Свет, его было много, очень много...

Я закрыла глаза и соединилась со школой. Аравейн, Дрейк, Ратташ — все они забирали энергию Элли и передавали её мне, а я в свою очередь наполняла силой резервы Эссы. И ощущала, как она

оживает. С каждой капелькой силы... впрочем, у Элли её оказалось столько, что это были вовсе не капельки, а океаны.

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я почувствовала, что сила начала иссякать. Тогда я открыла глаза и вновь посмотрела на Эллейн.

Она по-прежнему светилась, но уже не так ярко. И больше не улыбалась, только тяжело дышала и смотрела на своего мужа. Будто прощалась.

А потом я услышала...

— Элли! — раздался чей-то отчаянный голос, и мимо меня пролетела её серая птица. — Элли, подожди меня! Я с тобой, Элли, с тобой...

Вспыхнул Свет. Он почти ослепил меня, но я всё-таки смогла рассмотреть, как птица увеличивается, как крылья становятся руками, как они обнимают плечи Эллейн, и как счастливо и спокойно улыбается Элли, и смеётся — звонко и радостно. Словно она вовсе не умирает.

Последняя вспышка, ярчайшая из всех. Смех, сплетённые пальцы и рассыпавшиеся по плечам кудрявые волосы, ласковые серые глаза и счастливые зелёные, улыбка, вздох...

Я моргнула — слёзы щекотали ресницы — а когда вновь посмотрела туда, где секунду назад лежала Элли, её там больше не было.

Ничего не было. Пусто.

И резерв Эссы оказался наполнен полностью.

Только тогда Аравейн, связав Ратгаша заклинанием, тяжело опустился на ступени лестницы и закрыл лицо руками.

Я плохо помню, как мы возвращались во дворец. Периодически сознание отключалось, и я ничего не видела и не слышала. Потом вновь включалось — тогда я обращала внимание на то, что происходит вокруг.

Ратгаша увели почти сразу. Пришёл глава Тайной службы, и они вместе с Аравейном и Дрейком повели нашего бывшего друга вниз, в подвалы. Дрейк пошатывался, и герцог сунул ему в руку бокал красного вина, который эльф выпил залпом.

Затем я увидела Грэя, который тоже помчался следом.

Император вышагивал посреди моей комнаты и что-то громко говорил, но я не понимала.

В голове у меня вертелось только одно.

Её имя.

Эллейн.

А потом я уснула.

Я проснулась, когда в комнате уже было темно. Встав, я надела платье, туфли, переплела косу, залпом выпила стакан воды и вышла из комнаты.

Стражники не обратили на меня никакого внимания, зачарованные магией Разума. Лестница, вторая, третья... Потом я перестала их считать. Просто шла вперёд, стараясь не думать о том, куда и зачем иду. И особенно — о том, что Элли больше нет. Нет из-за меня. Из-за того, что я была такой наивной и глупой.

Стражу возле темницы я усыпила. Сняла у одного из них с пояса связку ключей, отперла дверь и вошла внутрь. Все камеры оказались пустыми, кроме одной.

Ратгаш лежал на койке, скованный антимагическими кандалами, и смотрел в потолок, не мигая. Услышав шаги, он повернул голову и усмехнулся.

— Уходи, Ронни.

Я заметила, что на одной из его скул багровеет синяк. Подошла вплотную к решетке, схватилась за прутья и спросила:

— Кто тебя ударил?

— Грэй, кто же ещё, — он сжал зубы. — А ты хочешь добавить? Давай, я с удовольствием. Подойти ближе?

— Что за глупые предложения? — прошипела я. — Зачем мне бить тебя, если я могу просто вскипятить тебе мозги?

— А-а-а, — протянул он понимающе, — так вот зачем ты пришла. Тогда давай. Мои мозги к твоим услугам.

— Я пришла вовсе не за этим.

— Да? Жаль. Отличная возможность избежать ещё одной встречи с Грэем... и суда.

— Я хочу знать, зачем.

Рат хрипло рассмеялся.

— Что — зачем, Ронни?

Мне не нравилось это имя в его устах, но я старалась не обращать внимания.

— Зачем было делать всё это? Зачем было убивать Лил, проклинать Эдди...

— Я не убивал её! — зашипел Ратташ, привстал с койки и поморщился от боли, но всё-таки продолжил: — Я не убивал Лил! Я любил её.

Прекрасно.

— Хороша любовь, — я насмешливо фыркнула, — проклинать её ребёнка. Неужели ты не понимал, что любая мать возьмёт проклятье на себя?

Он прикрыл на мгновение глаза... а когда открыл их вновь, был уже не злым, а каким-то бесконечно уставшим.

— Нет. Я не понимал этого. Я влюбился в Лил в первый же день своего пребывания во дворце. Она играла в парке и звонко смеялась. Она не видела меня, а я её заметил. Ей тоже было восемь, как и мне.

Потом я встретил Элли, и она познакомила меня с Грэем и его друзьями. И я... — Он усмехнулся, но теперь не зло — печально. — Я сразу возненавидел его. Он всегда был лучшим. Во всём. И Лил только на него одного смотрела, ходила за ним, как привязанная.

— Она знала, что ты её любишь?

— Знала. Когда мы были подростками и Грэй один раз уехал очень надолго... я ухаживал за ней, и даже почти добился успеха... Но он вернулся и помешал. Лил тут же вновь начала смотреть ему в рот, как и остальные. Как и ты, Ронни. Скажешь, не так?

Я покачала головой, и Ратташ фыркнул.

— Если бы не эта его эмпатия... Грэя все любят, ты же замечала.

— Но ты ведь не любишь.

— У меня амулет хороший, — буркнул Рат, а я подумала: конечно, он никогда в жизни не признается, что эмпатия Грэя не способна вызвать любовь или ненависть, только недолгую симпатию. Но этого недостаточно для того, чтобы любить Грэя так, как его любила Лил. — А проклятье... Если бы Эдди погиб, я бы совершил задуманное. Именно в то время я нашёл описание ритуала, который пытался провести сегодня. Венчание Тьмы...

— Что-что?

— Венчание Тьмы. Тьма связывает двоих так сильно, что они не могут жить друг без друга. Лил бы полюбила меня... сгорала бы от страсти, пошла бы за мной куда угодно, забыв о Грэе и о своём нерождённом ребёнке.

Я чуть на пол не свалилась. Так вот что ждало нас с Дрейком? Мы бы попросту смылись из дворца куда глаза глядят, сгорая от «любви» друг к другу?

— Для ритуала нужно вызвать чистую Тьму, открыв ей широкий проход и пустив по пентаграмме. Тьма должна замкнуться на жизнях тех, кого венчают. Она захватывает их души, проникает в кровь. Пронизывает каждую клеточку. И развенчаться невозможно, даже чистый Свет не спасёт. Но кое-что мешало мне провести Венчание. Беременность Лил. Ритуал нельзя проводить, если женщина беременна, иначе все его участники попросту погибнут.

Тут я действительно села на пол, вцепившись в решётку и чувствуя, как царапаю металл выпущенными когтями.

— Поэтому сначала мне нужно было убить Эдди. Я и предположить не мог, что Лил захочет сохранить ему жизнь и погибнет сама... — Ратташ замолчал, печально улыбнувшись.

Я вздохнула.

— А всё остальное зачем? Эльфы, которые напали на нас в доме Карвима...

— А-а-а, — он рассмеялся, — мне было интересно проверить твою силу. Я так и думал, что они ни с чем не справятся. Это было подтверждение моей догадки. Мне необходимо было придумать другой способ убрать тебя из жизни Грэя.

Подтверждение его догадки! А Карвим чуть не погиб. Впрочем, чего я хочу? Ратташ давно живёт только своей навязчивой идеей — сделать больно Грэю. Это несложно понять.

— Меня? Не Эдди?

— Нет, конечно. — Рат удивлённо посмотрел на меня. — Я знал, что ты не позволишь ему умереть. Как только я услышал о том, что Грэй привёз из Арронтара неизвестную девушку, а потом увидел и его самого, я сразу понял, к чему всё идёт. Ни ты, ни он, конечно, ещё ничего не понимали, в отличие от остальных. Рядом с тобой Грэй вновь становился счастливым. Я не мог этого допустить. И проклятье

чёрной крови... я был уверен, что ты погибнешь. Что ты возьмёшь проклятье на себя, Эдди выживет, а ты погибнешь. Но я не учёл...

— Ты не учёл вмешательства Эллейн.

— Да. А она всегда была единственной, кому я не хотел причинять боль. Элли... она мне мать заменила, учила меня магии. И она, кстати, знала, что я маг не только Света и Тьмы, но и Крови. Это была наша общая тайна.

Получается... Если Элли знала, значит, она могла и подозревать Ратгаша?

— Она догадывалась, — ответил мужчина на мои мысли. — Догадывалась, но доказательств у неё не было. Наверное, поэтому она молчала. Несколько раз пыталась со мной поговорить, но я каждый раз делал вид, что ничего не понимаю, и она отступала.

— А почему она никому не говорила, что ты маг Крови?

Рат посмотрел на меня немного удивлённо.

— Она обещала мне, что никому не расскажет. Давно-давно, когда мне было восемь. И держала своё слово.

Да, это было в её характере. Способность держать слово...

— И после того, как из-за тебя, — услышав это, я иронично посмотрела на Ратгаша, — Элли чуть не погибла, я придумал новый способ. Его подсказал мне Дрейк.

— Дрейк?

— Да, — засмеялся Рат. — Ты, конечно, даже не подозреваешь, что ты для него значишь?

Я? Значу? Для Дрейка? Что за глупости. Нет, сейчас мы более-менее подружились, но поначалу-то...

— Ты никогда не слышала о *фенизм*?

Я помотала головой.

— Это неудивительно. Темноэльфийский термин. В определённом возрасте, если эльф встречает женщину, которая его поражает в силу каких-либо причин, происходит *фенизм*. По-вашему — «впечатление». Это значит, что он всегда будет помнить тебя, Ронни. Это не любовь и не влюблённость, я даже не знаю, с чем это можно сравнить. Но ты всегда будешь для него особенной. Даже если он встретит свою единственную, тебя не забудет.

У меня не было слов. Но Ратгашу и не был нужен мой ответ.

— Поэтому я решил провести между вами Венчание Тьмы. Ты останешься жива, Дрейк будет счастлив, а Грэй потеряет любимую. Прекрасный план, правда? Я бы провёл ритуал, ты бы спокойно вышла из школы, села в карету, доехала до дворца... Осознание того, что тебе нужен Дрейк, накрыло бы тебя спустя несколько часов. Вы бы побежали навстречу друг другу, а встретившись, предались страсти... Всем хорошо, да? Кроме Грэя.

Я чуть не расхохоталась. О Дарида, какой же он идиот!

Встала с пола, отряхнула с подола пыль, выпрямилась и сказала:

— Знаешь, чего я не понимаю? Почему ты не убил Ари. Ведь она всё знала. И могла рассказать матери.

Ратташ явно удивился.

— Убивать Ари? Но я ведь объяснил тебе, что никогда не хотел причинять боль Элли. Зачем мне убивать её дочь? Ари никогда не рассказывала свои видения, я иногда даже думал, что она может и не знать обо мне правду...

Да уж, кто её знает, что она там видит, в этих своих видениях? Идиот...

Бедняжка Араилис. Теперь я понимала, почему она казалась мне такой грустной в последнее время. Но в итоге Ари выбрала и сделала то, чему её учили Элли и Аравейн. Она совершила правильный поступок, рассудив, что четыре жизни — это всё-таки больше, чем одна. Даже если эта самая одна — жизнь её любимой мамы.

А Элли... она просто не могла убить Рата. Ей было проще пожертвовать собой, чем убить мальчика, чью тайну она хранила последние двадцать с лишним лет.

Я вздохнула. Да, будет суд, и я уверена — Ратташ получит всё, что ему причитается. Но... я тоже должна кое-что сделать.

Он не сопротивлялся, когда я вошла в его сознание. Да он и не мог бы противиться моей магии.

Я поморщилась — Рат был похож на грязную лужу. Столько грязи, лжи и боли... Невозможно. Противно. Даже любовь к Лил — маленький светлый лучик — не спасала ситуацию.

— Я отнимаю у тебя право пользоваться магией, — прошептала я, не отрывая взгляда от широко распахнутых глаз Ратташа, и зная — он всё слышит. — Любой магией. Но твоя жизнь будет длинной, как у мага. И ты можешь вернуть себе это право, если однажды от чистого

сердца откажешься от чего-то или кого-то, кого ты будешь хотеть столь же сильно, как хотел Лил.

Я отпустила его сознание, отвернулась и пошла прочь из темницы, веря и надеясь, что больше никогда не увижу этого человека.

Но пошла я не к себе. Я хотела поддержать того, кому сейчас было хуже всех. Нет, не Ари — с ней рядом её отец, я уверена.

Ночь была уже такой глубокой, что некоторые стражники на посту клевали носами. Я не отпускала магию Разума — мне не хотелось, чтобы кто-нибудь меня видел.

Где находятся покои Грэя, я помнила хорошо. Дошла, усыпила стражу и открыла дверь.

Он стоял возле окна и смотрел на светящийся огнями город, и его белая рубашка выделялась в темноте комнаты белым пятном.

Обернулся, услышав мои шаги.

— Ронни? — голос его звучал глухо и хрипло.

Я не ответила — просто бросилась навстречу. Подбежала, обняла изо всех сил, уткнулась носом в грудь, вдохнула родной запах...

— Я был слеп... — шептал Грэй, стискивая мою талию.

— Тише, тише... — я целовала его шею в расстёгнутом вороте рубашки, подбородок, тянулась к горько изогнутым губам.

— Он ненавидел меня всю жизнь. Мой друг... И убил мою жену...

— Тише...

— И чуть не убил Эдди... И тебя...

— Тише... — я провела рукой по его волосам, прижалась щекой к губам...

— Ронни... — выдохнул Грэй, захватив моё лицо в плен своих ладоней. — Если бы он отнял ещё и тебя...

— Грэй... — я улыбнулась, приподнялась на носочках и потёрлась о его нос своим. — Никто не отнимет меня у тебя. Никто, слышишь? Я обещаю.

Он застыл, вглядываясь в мои глаза. Застыл, вслушиваясь в мои чувства, которые я не хотела скрывать от него. И никогда не захочу.

И, поняв это, Грэй наклонился и поцеловал меня. Так нежно и трепетно, как ещё не целовал. Горячая ладонь легла на плечи, невесомо погладила их, затем спустилась на спину, по пути расстегивая крючок за крючком. Я повела плечами, помогая платью спуститься вниз и

упасть к ногам. Перешагнула его и подняла руки, когда Грэй потянул вверх нижнюю рубашку.

И застыла на месте, чувствуя, как горит кожа под его взглядом.

Он целовал меня одними глазами. Целовал шею, грудь, живот, ноги и даже пальцы на ногах. Целовал так, будто никогда не видел ничего более прекрасного.

— Как же ты красива, — выдохнул он, и я засмеялась. Шагнула вперёд, помогая ему снять рубашку, потянулась к пряжке ремня, но не успела ничего сделать — взмыла в воздух, оказавшись у Грэя на руках.

— Ты моя, — шепнул он, легко касаясь моих губ в нежном поцелуе.

— Твоя, — подтвердила я.

Я не закрывала глаза, продолжая смотреть на Грэя и своё отражение в его зрачках. Отражение обнажённой женщины, чью кожу ласкал лунный свет, и которая казалась мне удивительно прекрасной.

Я не знаю, почему тот сон приснился мне именно тогда. Наверное, я была готова к нему? Не знаю.

Сначала я слышала шёпот. Этот шёпот был похож на голос ветра в кронах деревьев моего Арронтара. Я старательно пыталась понять, что же он хочет сказать... и наконец мне это удалось.

«Позволь... позволь показать тебе... позволь...»

Разве я могла отказать Арронтару?

Солнце, такое яркое, что слепит глаза, но по-осеннему не жаркое; трава, пока ещё зелёная, но в некоторых местах немного жухлая. Запах начинающих увядать листьев.

«Смотри... смотри...»

Я смотрела.

Они шли по лесной тропинке впереди меня. Он — высокий, с седыми волосами и широкой мощной спиной, в которую я однажды вцеплялась выпущенными когтями до горячей крови, и она —

маленькая тоненькая женщина со светлой косой и ярко-жёлтыми глазами. Она держалась за его локоть и семенила рядом, а он пытался приноровиться к её шажкам.

Я улыбнулась. Они помирились. Всё-таки помирились.

Я была рада за Лирин. Да, я узнала её. И пусть она теперь выглядела иначе — всё же это была та самая Лирин, сказавшая мне, что Дэйн умер, потому что для неё это было именно так.

Впереди показалась деревня белых волков, и она сильнее вцепилась в локоть Нарро. Он поглядел на неё и ободряюще улыбнулся.

«Смотри...»

Я вздохнула и продолжила путь, стараясь смотреть только на них, а не по сторонам. Но дартхари и его сестра шли вовсе не к дому моих родителей — они свернули на другую улицу, маленькую и узкую, и зашагали теперь уже по ней.

— Ты уверен? — донёлся до меня негромкий вопрос Лирин.

— Уверен, Лири.

Они говорили спокойно, но я чувствовала, что оба напряжены. Интересно, куда они идут?

Маленькие деревянные дома, покосившиеся заборы, шаткие калитки, заброшенные огороды... да, я знаю эту улицу. Я пряталась здесь иногда. Тут жили в основном старики и очень слабые оборотни-анта.

Но... было что-то ещё. Точно, было... Только я никак не могла вспомнить, что именно. Хмурилась, тёрла лоб, глазела по сторонам — но вспомнить не получалось.

Вспомнила, лишь когда мы подошли к тому дому. Это было... десять лет назад? Кажется, да. В тот день, когда Джерард впервые бросил в меня камень. Тогда я побывала здесь. Спала в одной из комнат, а наутро ушла, даже не спросив, почему они спасли меня. Да, их было двое, но я совершенно не помнила их лиц.

Нарро и Лирин остановились возле калитки, и старший советник позвонила в колокольчик.

— Иду, иду, — услышала я чей-то хриплый голос.

«Не бойся, я ничего тебе не сделаю. Встань, пожалуйста. Здесь грязно».

Так он сказал тогда... Именно так. Но зачем мы пришли сюда?

Калитка отворилась, и на пороге возник старик. Увидев, кто перед ним, он охнул и схватился за сердце.

Он почти не изменился, только морщин стало больше. Всё те же седые волосы, торчащие в разные стороны, небольшая залысина, глаза настолько светлого оттенка, что кажутся почти белыми. Мешки под глазами, обвисшие щёки, старые дрожащие руки.

Кто он?! Зачем мы пришли сюда?! Арронтар, зачем?!

Лес молчал.

— Здравствуй, отец, — сказала Лирин тихо, и я пошатнулась. — Впустишь нас?

Старик переводил взгляд с неё на Нарро, словно не верил, что ему не кажется. А потом ответил слабым голосом:

— Да... конечно... заходите...

Они шагнули за порог и пошли по узкой дорожке, выложенной маленькими камушками, к старому, но крепкому дому. Я шла однажды по этой дорожке... грязная и избитая маленькая Рональда...

Из дома выглянула женщина. Она сразу застыла, как вкопанная, кажется, даже дыхание задержала. Только дрожали пальцы на руках, которые она прижимала к груди.

Я помнила эти руки. Помнила, как они обмывала мои раны, помнила, как ласковы были её ладони, когда она мазала меня заживляющей мазью. Помнила, как легко она гладила меня по голове... и плакала. Плакала, словно ей тоже было больно, как и мне. Или даже больнее.

— Здравствуй, мама, — сказала Лирин и замолчала, остановившись в паре шагов от женщины. Я видела, как Нарро чуть сжал пальцы сестры, и она ответила на это движение лёгким кивком и улыбкой.

— Проходите, — прошептала женщина, отходя в сторону и пропуская их вперёд. И меня тоже. Пусть они меня не видели, всё же я была с ними.

Лирин и Нарро прошли в комнату, и только тогда старший советник отпустила руку брата.

Взгляд дартхари скользил по комнате. По стенам, столу с четырьмя стульями, светлым занавескам, дивану с оставленной на нём цветастой шалью, камину...

Я заметила, как вспыхнули глаза Нарро, когда он посмотрел на камин. И я тоже посмотрела туда. Сначала я ничего не заметила: свечи, деревянные фигурки, ваза для цветов... А это что такое?

Рисунок. Это был рисунок в простой рамке из светлого дерева. И я знала как минимум двоих изображённых... а о том, кем были остальные, я догадывалась.

Мужчина и женщина на рисунке стояли, обнимая троих детей. Светловолосая девочка с левого края улыбалась во весь рот, мальчик справа положил руку на плечо тому, кто стоял в центре, и тоже улыбался.

Дэйн оказался прорисован лучше всех. Он смеялся, а его голубые глаза сверкали, и я могла пересчитать каждую веснушку на его носу.

Я понимала, почему Нарро застыл, не отрывая напряжённого взгляда от этого рисунка. Слишком хорошо понимала. У Дэйна на нём не было никакого горба и... и того, что было изображено там, никогда не случалось. Они никогда не стояли вот так — в обнимку — весёлые и счастливые.

Я сжала кулаки. Мне хотелось уйти.

— Это наши дети, дартхари, — сказала женщина твёрдо и, словно испугавшись своих слов, добавила: — Простите...

Он вздохнул, отвёл глаза от портрета и спросил:

— Почему ты извиняешься... Мара?

Значит, вот как зовут его мать. Мара. «Женщина» на древнем наречии.

— Мне показалось, что вам может... не понравиться.

— Тебе показалось. А кто это рисовал?

Глаза Мары наполнились слезами, и она сморгнула их.

— Это я рисовала... дартхари.

Несколько секунд он молчал, просто смотрел на неё. И, наверное, молчал бы и дальше, если бы Лирин не спросила:

— Мама, папа... может быть, чаю?

— Да-да, конечно, — засуетился старик. — Сейчас всё будет, сейчас... Вы сядьте, сядьте... Вот, на стульчик...

— Нет, — отрезал Нарро, и присутствующие — кроме Лирин, конечно, — испуганно подпрыгнули. — Это вы садитесь. Не хватает ещё, чтобы я сидел, как чурбан, пока меня обслуживают старики. Скажите, где тут что, и я всё сделаю.

— Да как же...

— Да что же...

Они загалдели, но Нарро один раз легко рыкнул — и старики подчинились. Мара села, а мужчина стал показывать, где вода и травы для чая, приговаривая:

— Вот, ирли... Здесь, ирли... Да, ирли...

«Ирли» — сынок. И у Нарро каждый раз слегка вздрагивали плечи, когда он слышал это обращение. Но он не перебивал и не перечил — просто заварил чай, а потом разлил его по чашкам и сел на один из стульев.

Если бы в тот миг можно было провалиться сквозь землю, я бы с удовольствием это сделала. Но мне было суждено досмотреть этот сон до конца.

— Давно вы здесь живёте? — спросил Нарро, делая глоток из кружки. И я неожиданно поняла, что глаза у него больше не жёлтые, а голубые. Настоящие.

— Давно, дартхари, — ответила Мара. — Годков... сорок. Да, Родэн?

Родэн. Какая ирония, ведь это значит «отец».

— Может, и побольше, я уж и не помню, — пробормотал старик. — Тут хорошо, ирли, тихо. Лири нам помогает, да нам и нужно немного...

Нарро задумчиво кивнул.

— Ты раньше любила вышивать, — произнёс он, поглядев на Мару. Она резко побледнела и вжала голову в плечи. — А сейчас?

— И сейчас люблю, дартхари, — пробормотала тихо и поставила чашку на стол, звякнув ложкой. — Хотите, покажу?

— Хочу, — ответил Нарро и улыбнулся, отчего старики оторопели, а Лирин опустила глаза вниз и уставилась в стол. Однако я успела заметить, что и она тоже улыбается.

Мара принесла из спальни несколько вышивок и стала показывать их дартхари. Родэн нахваливал жену, а Нарро с Лирин молчали, перебирая вышитые кусочки ткани. Цветы, мордашки волчат, насекомые, птицы... Портретов тут не было, и я вздохнула с облегчением.

— Красиво, — сказал Нарро в конце концов, когда Мара достала последнюю вышивку, на которой была изображена Великая Поляна и

Древний Камень, вышитый светящейся серебряной нитью.

— Хотите... хотите, я вам подарю? — робко предложила Мара, и дартхари засмеялся.

— Когда делают подарки, обычно не спрашивают разрешения.

Их поразил его смех. Я видела, как застыл Родэн, так и не донеся чашку до рта, видела, как задрожала Мара... и понимала, почему.

Смех у Нарро был точно таким же, как в детстве, когда его звали Дэйном. Да, теперь он был большим и сильным дартхари... но смех остался прежним.

Они ведь не могут его помнить? Да, Арронтар? Не могут же?!

Но почему, почему... почему помнят?!

Я не понимаю...

— Тогда я дарю вам эту вышивку, дартхари... — прошептала Мара, протягивая Нарро платок с Великой Поляной и Древним Камнем на нём. Она даже не замечала, что плачет.

Но это заметил Нарро. Он встал со стула, положил большие руки на хрупкие плечи женщины и сказал:

— Ну-ну. Перестань. Чего теперь-то плакать?

Она закрыла лицо ладонями и всхлипнула:

— Простите, дартхари...

Он вздохнул и, кажется, хотел сказать что-то ещё, но вмешался Родэн:

— Ирли... Вы... ты... ты прости... Я тебе сказал тогда, что отрекаюсь и видеть не хочу... Нет, я не оправдываюсь, нет мне оправдания. Но ты сам отпусти эту боль, незачем с ней в сердце жить, незачем...

Спина Нарро будто окаменела. Окаменела и Лирин. Побледнев, она смотрела на брата, сжав зубы и не моргая.

Мара отняла ладони от заплаканного лица и прошептала:

— Ты прости, сыночек... Не правы мы были, и это наш грех, на нашу душу он лёг. Но на твою не должен лечь... Ты прости, сыночек...

Я не могла смотреть. Не могла. Но я смотрела.

Смотрела, вцепившись выпущенными когтями в кожу на руках и даже во сне чувствуя, как по ним течёт горячая кровь.

Нарро резко выдохнул, прикрыл глаза на мгновение... и произнёс:

— Лири... пойдём, нам пора.

Всё?

Стонал ветер.
ПРОСТИ-И-И-И-И-И-ИЛ!

Шептала земля.
ПРОСТИ-И-И-И-И-И-ИЛ!

Пело небо.

— Простил... — повторил за ними Нарро, и вновь рассмеялся. А затем развернулся и заключил Лирин в объятия.

Она тоже смеялась. И плакала. И вновь смеялась.

— Простил? — переспросила Лирин, и лес подтвердил, в последний раз словно взорвавшись от ликующего крика:

ПРОСТИ-И-И-И-И-И-ИЛ!

Я проснулась с первыми лучами солнца, коснувшимися щёк, и ещё долго лежала, улыбаясь и плача, и вспоминала свой сон.

Грэй спал, и я потянулась к нему, прижалась и положила голову ему на грудь. Он обнял меня, не просыпаясь, только улыбнулся и вздохнул так счастливо, что мне захотелось рассмеяться.

Я не сказала Ратташу одну вещь. Не захотела. Почти сразу, вернувшись из Арронтара, я почувствовала, что беременна. Возможно, Нарро понял это даже раньше меня. Но отпустил.

И в тот день, когда мы с Дрейком проводили ритуал, я была полна силы именно из-за зачатия. Зарождение новой жизни — всплеск любой силы...

Возле Озера Счастья я рассказала Грэю обо всём, в том числе и о своей беременности. Я была готова уйти, если он скажет, что ему не нужен чужой ребёнок.

Но Грэй сказал иное.

— Я люблю тебя, Ронни, разве я могу не любить ребёнка, которого ты родишь? И Эдди... Он ведь тоже не твой по крови, но для любви это не важно. Ты веришь мне?

Я верила.

Я знала, что он будет любить её. Нашу маленькую девочку.

И Нарро тоже будет любить её. Она ведь придёт к нему сама, да, араэу? Придёт, как любой другой волчонок, почувствовав родную кровь, когда чуть подрастёт. Ты ведь для этого показала мне то видение. Чтобы я понимала, что могу потерять.

Да, я потеряю это. Таков мой выбор. И я его сделала на самом деле не вчера, и не неделю назад, а давно... в тот день, когда уехала с Грэем из Арронтара.

Ратгаша не казнили. Узнав, что я лишила его магии, император выслал его в суровые северные земли, запретив покидать одну из тамошних деревень. А чтобы не было искушений, на ногу ему надели специальный контролирующий передвижение браслет.

Больше я о нём ничего не слышала, и мы с Грэем никогда о нём не говорили. У нас были другие заботы.

Я продолжала учиться всему, что считал необходимым Эдигор. Танцы, география, политология, основы языков рас Эрамира. Я очень старалась. Присутствовала на заседаниях советников, слушая то, о чём они говорили, и запоминая. Я не тешила себя иллюзиями, полагая, что стану прекрасной императрицей, но знала, что по крайней мере попытаюсь.

Первым испытанием стала свадьба. Парадное платье с юбкой такой ширины и шлейфом такой длины, что мне поминутно казалось — я грохнусь носом вниз. И несколько раз это едва не случилось. Спасибо Араилис и её дару предвидения — она заранее знала, где я могу упасть, и не давала этому свершиться.

Потом было венчание в храме богини Айли, проход по длинной ковровой дорожке, высланной на центральной площади, когда нас забрасывали лепестками цветов, большой приём во дворце, где мне пришлось всё время улыбаться многочисленным Старшим и Младшим лордам...

Но вечером, когда всё это закончилась и я наконец легла в постель, забросила гудящие ноги на Грэя и уткнулась носом в его шею, то почувствовала странное удовлетворение.

Удовлетворение от того, что у меня получилось.

Серую птицу Элли я не видела со дня её смерти. Не видела нигде — ни в небе, ни рядом с Эдигором. И думала, что больше не увижу...

но ошиблась.

Схватки у меня начались ближе к рассвету. Я попросила служанку позвать Карвима, и пока Грэй метался от одной стены к другой, легла на постель — я была совершенно спокойна.

Неожиданно створки окна в наших покоях распахнулись.

Она влетела в комнату и села на ручку кресла возле кровати, где лежала я.

— Линн?.. — услышала я шёпот Грэя.

Птица наклонила хорошенькую головку и посмотрела на него умными, всё понимающими глазами.

Кажется, Грэй хотел сказать что-то ещё. Но не успел — в комнату вошёл Карвим, а за ним Аравейн и Ари. Причём двое последних очень обрадовались, увидев птицу Элли.

Я ни разу не говорила с Араилис о смерти её матери. Я даже не стала обсуждать тот вечер, когда она обманула меня, уверяя, что Нарро могут убить. После гибели Эллейн и моего замужества это перестало иметь значение.

Но я ошиблась и здесь.

И я поняла, насколько сильно ошиблась, когда услышала крик своего ребёнка, полный силы... той самой силы, из которой всегда была соткана герцогиня.

Птица забила крыльями, подняв волну тёплого воздуха. Ари беззвучно плакала, сидя в кресле, бледный Грэй сидел в соседнем, вцепившись в его ручки, будто мечтая их сломать. Он очень переживал во время схваток, и я прекрасно понимала, почему — всё-таки Лил умерла при родах.

Аравейн забрал у Карвима новорождённого ребёнка, осторожно обернул его мягкой тканью и поднёс к моему лицу.

— Девочка? — зачем-то спросила я, хотя сама прекрасно знала ответ.

— Девочка, — подтвердил Аравейн, улыбнувшись.

Я посмотрела на свою дочь. На её головке пробивались алые волосики, а глаза были хоть и мутными, но изумрудно-зелёными.

Странно... даже прекрасно помня видение, показанное араэу, я и не предполагала, кому именно суждено стать моей дочерью.

— Как назовёшь? — спросил Аравейн тихо.

Я подняла голову и посмотрела на Грэя, спрашивая у него разрешения этим взглядом.

Он кивнул.

— Эллайна, — ответила я, чувствуя, что с моей души наконец упал груз вины перед Эллейн. — «Пламя»...

Чуть позже, когда все ушли из комнаты, даже Грэй, а Элли уснула, я поднялась с постели и направилась туда, куда мне давно пора было наведаться.

Я вышла в коридор и сразу почувствовала тонкий солёный запах, пощекотавший мне ноздри. Это был запах слёз.

Ари я нашла на крыше, на том самом месте, которое мне когда-то показал Эдигор. И она начала говорить до того, как я подошла к ней и задала вопрос.

— Прости меня, Ронни. — Её голос звенел и дрожал. — Прости, я... Я знаю, что поступила очень плохо. Я соврала тебе тогда...

Я подошла к Араилис вплотную и положила руки ей на плечи.

— Но я должна была... Если бы не это, она бы не родилась... Точнее, родилась бы, но, возможно, гораздо позже или вообще в следующей жизни!

Я чуть сжала пальцы и погладила Ари по плечам.

— А я не могу... не хочу без неё! Пусть хотя бы так, но она будет со мной, пусть...

— Ари, — я улыбнулась, сделала шаг вперёд и обняла девушку теперь уже по-настоящему. — Хватит виниться. Я не сержусь. Я понимаю.

Она продолжала говорить, словно не слышала.

— Ты не представляешь, как это было тяжело... Я знала, как мала вероятность того, что мама выживет. Я бы могла предупредить её, но... это ничего бы не дало, Ронни, ведь она поступила бы так же. Я ничего — ничего! — не могла изменить! И поэтому сказала тебе про Нарро, чтобы ты вернулась в Арронтар... И чтобы она родилась...

— Я понимаю.

Араилис повернулась, перехватила мои ладони и горячо зашептала:

— У неё никогда не было мамы. Никогда, понимаешь? Даже такой, какая была у тебя. Никакой мамы! И ей так будет лучше. Ты

будешь хорошей мамой, самой лучшей, я знаю! А Грэй будет хорошим отцом!

— А Нарро?

Я села на пол и увлекла за собой Ари. Она не сопротивлялась — опустилась рядом, обняла и прижалась, как маленькая девочка.

— И он. Он научит её превращаться в волчицу и обращаться с даром, а Грэй будет заниматься с ней верховой ездой и даже фехтованием...

— Ты это видела, Ари?

— Да... видела... Я столько всего видела...

— А что будет с Арронтаром? Это ты тоже видела?

Она уже открыла рот, чтобы ответить, но почти сразу захлопнула его — и лукаво улыбнулась, на миг превратившись в прежнюю Араилис.

— Видела. И ты увидишь, если когда-нибудь решишь вернуться.

Больше она ничего не сказала. А я не спрашивала.

Как правильно заметила Ари, Эллайна родилась волчицей. И не просто волчицей, а рыжей волчицей.

Арронтар постепенно освобождался от проклятья после прощения Нарро: это и означало рождение Эллайны, ведь рыжие волки давно перестали существовать.

Я не стала давать ей зелье, запирающее вторую ипостась до Ночи Первого Обращения. Знала, что она справится со своим внутренним волком и так. И, конечно, не потеряет его. Несмотря на то, что живёт не в Арронтаре.

И она, так же, как и остальные оборотни, примерно в пять лет почувствовала, кто её настоящий отец. Грэй знал, что так будет, и был готов к этому.

Впрочем, ничего страшного не случилось. Эллайна не перестала называть его папой или любить меньше. Просто однажды она попросила у меня разрешение навестить Нарро, и я дала ей это разрешение.

А когда она обернулась птицей с ослепительно белыми перьями и полетела на запад, я пошла к араэу.

— *Пришла всё-таки. Хочешь увидеть дэрри?* — она встретила меня ворчанием.

Я кивнула и улыбнулась.

Я стала ветром. Я была разлита в его дыхании и летела туда, где осталось моё сердце. Летела вместе с дочерью и её верной подругой, её любимой сестрой, маленькой серой птицей.

Коснулась невидимой рукой сочной зелёной травы, закружилась, ликуя... И замерла, заметив, что из-за деревьев выходит он.

Эллайна с птицей на плече тоже замерла.

— Привет, — сказала она серьёзно, внимательно изучая черты его лица.

— Элли...

Дочка удивилась.

— Ты знаешь, как меня зовут?

Нарро рассмеялся, подошёл к ней, взял на руки и заглянул в глаза. Я знала, что он видит там, ведь глаза нашей Эллайны были копией глаз Эллеин.

В них отражалась её душа.

— Конечно, знаю, Элли.

— Мама сказала, ты научишь меня обращаться. В птицу я уже умею, но должна ещё в волчицу. В рыжую. Научишь?

— Научу, Элли. Всему, что захочешь, моя Эллайна...

Нарро прижал её к груди, и я увидела, как светятся от счастья его глаза.

Элли навещала Нарро регулярно. Иногда я смотрела на них, приходя к араэу, но чаще всего нет.

Она научилась превращаться в волчицу, когда ей было шесть — и с одеждой, и без. Повсюду бегала за Аравейном и однажды заявила, что выйдет за него замуж, отчего Араилис в голос засмеялась, покраснела и закрыла лицо руками.

Они с Эдди были лучшими друзьями, а когда она выросла и стала побольше, то даже позволяла ему кататься на своей спине.

Я знала, что Ари скучает по маме, поэтому старалась заменить её по мере сил. Теперь Араилис была для Элли скорее старшей сестрой и имела право воспитывать мою дочь. Но у неё это всегда плохо получалось. Да и Эллайна редко шалила. Она была очень рассудительным ребёнком.

И очень красивой волчицей...

Я стала императрицей, когда Элли было десять, а Эдвину пятнадцать. И я навсегда запомнила день коронации, потому что это был один из тех дней, которые проводят черту под прежней жизнью.

Незадолго до него Эдигор сказал мне, что он не вечен, и нам с Грэм пора брать власть в свои руки и учиться обходиться без его подсказок. Он никогда и ничего не говорил просто так, поэтому я была готова... Да, я была готова. Но всё равно его смерть стала ударом для нас с Грэм.

Я успокоилась только перед коронацией, вдруг заметив в небе Линн — серую птицу моей Эллайны. Рядом с ней парила ещё одна птица, чёрная и большая, великая... каким и был для Эрамира сам Эдигор.

День, когда я стояла на балконе храма богини Айли, а внизу, на центральной площади Лианора, шумело и волновалось человеческое море, был очень тёплым. Они все что-то кричали, но слов я не разбираю — то ли потому что их было слишком много, то ли просто от волнения.

Я помню миг, когда моих волос коснулся венец власти — золотой ободок с красным рубином по центру. Рядом стоял Грэй, я чувствовала его, но не видела. Мы должны были стоять прямо, смотреть перед собой и повторять за Аравейном клятву. Клятву, которую произносят все императоры и императрицы, всходя на престол.

— Клянусь беречь и защищать, — голос Грэя разнёсся далеко над центральной площадью и растворился в небе.

— Клянусь беречь и защищать, — повторила я за ним твёрдо и уверенно. Так, как учил Эдигор.

Краем глаза я уловила движение — Аравейн опустился на колени справа от нас. Следом на колени опустились все присутствующие на площади люди, и даже Элли и Эдди, стоявшие позади нас с Грэм.

— Приветствуем вас, император Интамар и императрица Рональда!

— Приветствуем...

— Приветствуем...

Кажется, я дрожала. Грэй, как всегда, почувствовал моё состояние, и легко дотронулся рукой до моей ладони, чуть сжав

пальцы.

Я знала, что он хочет сказать этим жестом. «Не бойся, всё хорошо. Я с тобой».

Это было не по этикету. Мы должны были стоять прямо и не шевелиться. Но для моего мужа поддержка всегда была важнее всех этикетов на свете.

И я действительно почувствовала себя лучше. И улыбнулась, оглядев всё, что видела перед собой — людей, площадь, храм Дариды напротив, золотящийся в лучах утреннего солнца императорский дворец... Небо, уходящее далеко вперёд, и касающееся в тот миг глаз того, кого я оставила там, в Арронтаре.

И я мысленно попросила у него прощения ещё раз, сжав ладонь Грэя в своей руке.

Потому что это был мой выбор. Моя жизнь. И моя судьба.

Эпилог

Почти сорок лет спустя

Оно действительно существовало.

Неизвестное море. Море Скорби, о котором до этого она читала только в книгах. А теперь видела собственными глазами, как его мощные сильные волны ударяются о высокие скалы, заливают солёной водой белый песок, принесённый с пустыни, оставляя на нём причудливые разводы, похожие на дорожки от слёз на её щеках.

Запах соли и водорослей, ветер, бьющий в лицо, бесконечная синь неба, светлая пена на высоких волнах, плеск воды... Как это не похоже на лес, в котором она родилась! Как это не похоже на всё, что она знала и любила.

Сколько лет этому месту? Сколько лет Море Скорби смотрит на роняющих безмолвные слёзы? И не этими ли слезами наполнены его воды?

Женщина в белом платье вытерла мокрые щёки, а затем подняла руку к глазам и разжала кулак. Там, на ладони, лежали два кольца. Тонкие золотые ободки с мелкими красными камнями.

Она улыбнулась и поцеловала каждое.

— Спасибо за эту жизнь, — прошептала, бросая их в море. Прежде чем коснуться воды, кольца сверкнули на солнце, как сверкают купола храмов богини Айли, словно благословляя её... А потом ушли под воду, забрав с собой часть скорби и боли стоявшей на скале женщины.

Пора? Пора.

Говорят, не все могут пересечь Снежную пустыню, но ей она показалась очень короткой. И песок совсем не обжигал босые ноги, даже наоборот, приятно охлаждал ступни.

Но когда песок сменила первая трава, её сердце забилось быстрее.

Земля дрожала и будто стонала с каждым её шагом. Ветер толкал в спину, словно торопя, птицы летали в вышине и пели на разные голоса, и у неё щипало в глазах, когда она смотрела на них.

«Ещё немного. Ещё немного осталось потерпеть. Я уже рядом. Я иду».

Первое дерево, чьей коры коснулась её рука, завибрировало под ладонью, зашумело листьями, закрипело корнями... Протянуло одну из веток и положило ей на плечо, а затем осторожно подтолкнуло вперёд.

«Иди».

И она шла, оглядываясь по сторонам, улыбаясь и понимая — Арронтар помнил её.

Помнил и ждал.

Когда ждёшь так долго, что ожидание начинает составлять часть тебя, когда не помнишь, сколько прошло времени — лет или веков? — когда порой кажется, что это никогда не кончится...

Тогда замираешь, не веря.

Ты чувствуешь дрожь земли. Чувствуешь взволнованное дыхание ветра. Слышишь пение птиц и понимаешь, о чём они поют. Они поют о том, чего ты так долго ждал.

И твоё сердце сжимается, сжимается от надежды и любви.

Неужели?..

Неужели?..

Она вернулась...

Он бежал вперёд, не помня себя. Бежал, ориентируясь на стук собственного сердца и запах... запах той, что ушла так давно. Так давно...

Она стояла возле одного из самых старых ирвисов, закрыв глаза и положив маленькую ладонь на кору дерева. Нарро чувствовал его довольную вибрацию, и застыл, любуясь.

Совсем другая. Стройная и гибкая, и чуть выше, чем была раньше. В белом платье, облегающем высокую грудь, тонкую талию и покатые бёдра, босая... Распущенные золотые волосы — одна прядь, ближе к левому виску, седая, — полные губы, тонкий нос, изящные брови...

Она открыла глаза, словно почувствовав его взгляд. Глаза были прежними.

— Здравствуй, — сказала тихо. И голос тоже не изменился.

— Здравствуй, — ответил он.

Она опустила руку и сделала шаг вперёд, не отрывая взгляда от лица Нарро и не опуская голову. Раньше она не могла так делать. А теперь изучала его, и в её глазах кружились золотые искорки.

Он замер, боясь сделать шаг самому. И следил за тем, как она медленно идёт к нему, всё ближе и ближе...

— Я думал, ты не придёшь... — прошептал он.

— Почему?

— Грэй умер три года назад.

Она вздрогнула, и в её глазах мелькнула боль.

— Я думал, ты решила... не возвращаться.

— Так и было. Я помогала внуку разбираться в делах, свалившихся на него после отречения Эдвина. Но с каждым днём тоска по Арронтару становилась всё сильнее, в лес тянуло так, что я не могла спать по ночам — думала, притянусь сюда. И я решилась... я была у Моря Скорби. Я простила... с той жизнью.

Нарро помнил, как неделю назад ему передали новость о смерти вдовствующей императрицы Рональды. Но он не сомневался, что и Эдвин, и остальные её родственники знают об истинном положении дел.

— Там очень красиво, — сказала она, и искорки в её глазах закружились быстрее. — Очень.

Он кивнул. А она вдруг рассмеялась.

— Как всё это глупо... Нарро, я ведь пришла к тебе. Однажды, когда я была маленькой девочкой, я подумала, что мне не хватит смелости, даже если пройдёт пятьдесят лет. И я хочу, чтобы ты знал — я ошибалась. Теперь мне хватит смелости.

Она сделала шаг вперёд и положила ладонь ему на грудь.

— Я люблю тебя.

Прошло несколько секунд, прежде чем Нарро обнял её, прижимая к себе и целуя так нежно и крепко, как хотел поцеловать ещё много лет назад, когда впервые увидел.

— Я не простила.

— Тихо... Не говори ничего...

— Нет-нет, нужно... Я пришла, потому что люблю тебя, понимаешь? Но я не простила. Я много думала об этом, Нарро. И я не могу, не получается...

— Сейчас это неважно. Главное, что ты вернулась.

— Но ведь проклятье...

— Тихо... Не говори о нём...

Он целовал её губы, чувствуя себя абсолютно счастливым, и не хотел думать ни о каком проклятье. Лес тоже не хотел думать о нём, и только негромкий звон ветра в листве выдавал его волнение.

— Расскажи, что ты делал...

— Что я делал? — Лёгкая улыбка. — Ничего особенного, то же, что и раньше.

— А в стае рождаются... ну... такие, как мы?

Короткий кивок.

— И?..

— Пойдём, — Нарро встал с земли. — Я думаю, тебе пора увидеть всё собственными глазами.

Они пришли на Великую Поляну в вечерних сумерках. Нарро громко зарычал, созывая оборотней на общее собрание, а она застыла посередине, оглядываясь по сторонам.

Древний Камень не светился. Значит, проклятье не снято. Впрочем, это она понимала и так.

Трава, деревья, кусты — всё было таким же, как раньше, но почему-то ей казалось, будто что-то отличается. И она смотрела, смотрела... и почти пропустила тот момент, когда вокруг стали собираться первые оборотни. Они медленно заполняли Поляну, стараясь не поднимать глаз. Головы их были опущены, словно им... стыдно?

С неба, сверкнув ослепительно-белыми перьями, упала птица, превратившись в высокую и красивую аловолосую девушку. Девушка улыбнулась, смерив ласковым взглядом дартхари Нарро и стоявшую рядом с ним женщину, и сделала несколько шагов назад, очутившись рядом с... с...

— Приветствую всех собравшихся членов стаи...

Она вздрогнула, услышав голос Нарро — так увлеклась рассматриванием мужчины, что стоял рядом с Эллайной.

— Сегодня к нам пришла та, кого я хочу назвать возлюбленной женой своей и хозяйкой леса нашего...

У неё заболело в груди. Нет, не от слов Нарро, а совсем по другой причине.

— Прошу тебя сказать своё имя и принять мою руку, если ты согласна стать мне женой и разделить со мной титул дартхари.

Нарро, встав на колени, протянул руку и замер, ожидая, что она скажет или сделает.

Стая тоже замерла.

Она обвела присутствующих взглядом, вдруг поняв, чем они отличаются от оборотней, оставшихся далеко в её прошлом. Раньше у них не было раскаяния в глазах. Никогда, ни малейшего.

Осознав это, она медленно повернулась к мужчине, на которого смотрела до того, как заговорил Нарро. Джерард тоже смотрел на неё, и руки его лежали на плечах девочки, что стояла перед ним.

И та, которую когда-то звали Рональдой, почувствовала, что прошлое осыпается с неё, будто песок, смешиваясь с дорожной пылью. И боль, горечь, обида — всё это выходило из неё вместе со слезами, заструившимися по щекам, и впитывалось в землю. Впитывалось, чтобы со временем прорасти чем-то совершенно другим. Она пока не знала, чем, но без жалости расставалась с тем, что мучило её сердце все эти годы.

«Я всё равно скажу, потому что, может быть, когда-нибудь ты вспомнишь этот день»... И она вспомнила. И теперь, глядя на его руки, что лежали на плечах маленькой девочки с большими «жабьими» губами и мясистым носом, она вспоминала слова своего брата, прозвучавшие много лет назад и оставшиеся навсегда в глубине её души.

«Я никогда не переставал любить тебя».

«Не проходит и дня, чтобы я не жалел».

«Джерри не умер, он здесь, перед тобой».

И никто из находящихся на Поляне оборотней не увидел, как исчез с её виска маленький шрам, что жил там с тех пор, как Джерард бросил в неё свой первый камень.

Нарро понимал — что-то происходит, но не двигался, продолжая стоять на коленях перед той, которую так долго ждал. Он чувствовал, что лес заволновался, ветви деревьев закачались, словно перед грозой...

А она всё стояла и смотрела на брата. И плакала.

И он уже думал, что она сейчас уйдёт с Поляны навсегда, когда она вдруг обернулась и со светлой и лёгкой улыбкой, озарившей её лицо подобно солнечному лучу, сказала:

— Моё имя Эмирин, дартхари.

И вложила в руку Нарро свою ладонь.

Мир вокруг взорвался в ликующем крике. Качались и скрипели деревья, свистел ветер, в небе кричали птицы, в глубине леса ревели звери... и только оборотни на Поляне молча и с изумлением наблюдали за тем, как медленно начинает ярко светиться Древний Камень, превращаясь из невзрачного серого булыжника в пульсирующее Сердце Арронтара.

Нарро на всё это не смотрел. Он и так знал, что происходит — чувствовал ликование леса.

А ещё он помнил, что означает это имя.

Эмирин — «простившая».

Форс был во дворе, когда земля под ним вдруг задрожала. Это дрожала Снежная пустыня, радуясь за своего древнего соседа — волшебный лес, который наконец обрёл покой.

Форс улыбнулся и поднял глаза. Сколько же лет он не видел этого прекрасного зрелища! Две яркие звезды, Аррана и Тар, сияли на небе

— сверкающие и неразлучные. Вечные... и освободившиеся от проклятья.

Теперь он сможет вздохнуть спокойно. Теперь всё будет, как надо. И возможно, он тоже когда-нибудь вернётся в Арронтар... и почувствует собственный Зов. Если лес позволит.

— Спасибо вам, Дэйнар и Рональда, — прошептал Форс, касаясь ладонью земли. — Порадовали старика.

Джерард сидел на крыльце вместе с дочерью и вглядывался в ночь. Она звенела мелодией жизни, дрожала от освобожденных чувств и пряно пахла желанием.

— Пап, как ты думаешь, она придёт к нам? — спросила дочь, легко прикасаясь к его руке.

— Придёт. Конечно, придёт, Ронни, — ответил он, погладив её ладонь.

И улыбнулся.

В ту ночь Арронтар обрёл обоих дартхари. И ликовал вместе с ними, вместе с огромными белыми волками, что мчались вперёд всё быстрее и быстрее...

Беги, моя Эмирин, беги! Сегодня я догоню тебя, чтобы сделать своей теперь уже навсегда... Но как сладка погоня! Я так долго ждал... Беги, моя Эмирин...

Я бегу, мой Нарро... Я не могу не бежать... Ночь пахнет тобой, и весь мир сузился до одного тебя... Я чувствую тебя за своей спиной. Я так долго ждала...

Два белых волка. Музыка, поначалу едва слышная, нарастает, пока не становится оглушительной, звеня повсюду – в земле, в траве, в деревьях, в небе...

Два человека в ночной темноте, слившихся в объятиях. Громкий стон, переходящий в крик. Рука в руке, глаза в глаза...

Люблю тебя.

Лирин стояла у окна, широко распахнув створки, и дышала глубоко и спокойно. В воздухе витал аромат мокрой после дневного дождя травы, сладко-горький, мягкий и ласковый. Тихо, очень тихо шелестел ветер, и она слушала, слушала его песню, улыбаясь. И плача.

Мелодия переливалась между листьями деревьев, как вода переливается между песчинками и камнями, то почти затихая, то вновь разгораясь.

Это была песня ожидания и возвращения. Песня любви и верности. Песня боли и обиды. Песня прощения.

Арронтар наконец-то был свободен.

«Не плачь», — шепнул он на ухо девушке, что столько лет была его Сердцем, и Лирин засмеялась.

Ветер коснулся её волос, погладил по щеке, осторожно высушил слёзы.

— Ты прав. Теперь не нужно плакать.

Она была очень счастлива. Счастье наполняло её полностью, и казалось, оно сейчас начнёт переливаться через край. Но оно не переливалось, а только становилось всё больше и больше...

И если бы Лирин могла умереть, она бы сделала это в тот миг.

Но оказывается, от счастья не умирают.

Конец